

A. Arshinov

РЕАЛИЗМ—
ЗЕМЛЯ
ПЕРЕСТРОЙКИ

Избранные
выступления
и статьи

А.Н.ЯКОВЛЕВ

РЕАЛИЗМ—
ЗЕМЛЯ
ПЕРЕСТРОЙКИ

Избранные
выступления
и статьи

А.Н.ЯКОВЛЕВ

РЕАЛИЗМ— ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Избранные
выступления
и статьи

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.61(2)2

Я47

Яковлев А. Н.

Я47 Реализм — земля перестройки: Избранные выступления и статьи.— М.: Политиздат, 1990.— 544 с., 1 л. портр.

ISBN 5—250—01104—7

В сборник избранных выступлений и статей члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева включены его произведения 80-х годов (1980—1989 гг.). Значительная часть материалов публикуется впервые. Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

Я 0902010000—155
079(02)—90

ББК 66.61(2)2

ISBN 5—250—01104—7

© ЯКОВЛЕВ А. Н., 1990

ОТ АВТОРА

(ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ЗАМЕТКИ)

Казалось бы, многомерное обновление социальной жизни, творческая свобода, политическое раскрепощение, укрепление чувства созидания неизбежно приведут к возрождению гражданского сознания, к торжеству добра, справедливости, возвысят нравственность, этику и культуру общения, а в итоге общество очистится от мерзости двоедушия, предательства, бессовестности, бесчестности, коросты корысти.

Но откуда же эта нетерпимость, буйство эмоций, горячечный поиск ведьм и домовых, зудящий искус обвинений, зловещий парад «штыков наперевес»? Неужели еще вчера все было прекрасно и улыбочиво, а сегодня все плохо и мрачно? Или и впрямь разум безволен, сдавшись на милость эмоций и покоровшись зову слепой анархии? Или и впрямь палка и страх слаще свободы, а дисциплина приходит с окриком, а не рождается из уважения к человеку, его достоинству? Или и впрямь начальственная власть разумнее власти закона? Или и впрямь национальная вражда приносит радость, а добрососедство угнетает? Или и впрямь в «косажденной крепости» жить спокойнее, чем в мире без войн, насилия и оружия?

Не верю! Не хочу верить! Ибо разум всемогущ, но, если он покидает человека, значит, наказывает его, делает слепым. Тогда беды не миновать. Но убежден, появившаяся глухота к разуму временна, она пройдет. Да и здравый смысл, в который я глубоко верю, вернет на грешную землю упрямых реальностей как порхающих в небесах романтиков, так и пророков безысходности.

Легче всего погрузиться в поиски виноватых на стороне. По справедливее искать их каждому в себе. В собственных прегрешениях и просчетах, в алчности и безверии, в лености и трусости, в безволии и тоскливом равнодушии, да мало ли еще в чем.

Вспомним великого мудреца Достоевского. Рассуждая в «Петербургской летописи» о человеке, имеющем доброе сердце, он писал, что «забывает да и не подозревает такой человек в своей полной невинности, что жизнь — целое искусство, что жить значит сделать художественное произведение из самого себя; что только при обобщенных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в усидении может ошлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его капитал, его доброе сердце!»¹

Да, жизнь вышла из берегов привычного, и небо не безоблачно. Вопросов сегодня куда больше, чем ответов. Да и вопросы в большем почете, чем ответы, будь они даже убедительными и честными.

Сегодня модно говорить «нет». Нет, мол, четкой концепции перестройки, нет реальных результатов, нет перспектив обновления, нет ясного понимания обстановки, нет последовательности и решительности... Тем, кто говорит «нет», аплодируют, а тем, кто — «да», платят недоверием, если не хуже. Снова вползает в души предвзятость и подозрительность, которые уже нанесли обществу труднопоправимый ущерб.

Рискну все же сказать «да».

Свершилось главное: в общество пришло понимание, что дальше жить, как жили, просто нельзя, нетерпимо, унизительно. Утверждается реализм взгляда и трезвость мысли. Идет общественное пробуждение. Возрождается достоинство. Все ощутимее боль души и совести. Явственно слышен призыв к верховенству нравственности. Строятся демократические опоры общества. И многое другое, что еще неподсудно времени, что со скрежетом ломает тысячелетнюю парадигму российской истории, что возвещает шаг в цивилизацию нового типа. Разве это не провалы?

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. XVIII. С. 13—14.

Да, есть стратегия и рабочие чертежи перестройки. Да, начаты далеко идущие реформы политической системы, экономики. Да, в корне изменилась обстановка вокруг интеллектуального творчества. Но положи руку на сердце, настоящая, зримая отдача от поистине революционных начинаний придет еще даже не завтра. И перемены пока нельзя считать полностью застрахованными от угроз весьма разнообразного толка — от консервативного реванша до леваческого авторитаризма. Впрочем, и механизмы противодействия таким исходам становятся все более эффективными.

Уже есть нечто необратимое. Это необратимое лежит в неосозасмой, однако, реальной сфере духа. Общество уже никогда не будет прежним, оно совершило в сознании качественный рывок вперед. А значит, совершит его и в жизни. Необратимо избавление от многих мифов, стереотипов, самообмана и самодовольства, долгие десятилетия отравлявших наш мозг и наши чувства. Необратимо осознание, что жизнь по удобным меркам конформизма и застоя ведет только в трясиину исторического отставания, и никуда больше. Необратимо постепенное возвращение общечеловеческих идеалов и ценностей, осознанных как нравственные императивы: свобода личности, совесть, порядочность, доброта, милосердие. Необратимо начавшееся пробуждение жажды деятельной жизни, свободы поиска. Необратимо, как хотелось бы верить, и то накопление воли, решимости, без которых не может быть ни начала любого дела, ни тем более осязаемого результата.

Духом силен человек, духом движется история народов. Мучительно духовное рождение перестройки. Но без этого не приходится рассчитывать и на обновление общества. Такое рождение состоялось, и *то, что уже принесла перестройка, войдет в историю как один из нравственных, интеллектуальных подвигов человечества.* Надо только суметь достойно распорядиться его плодами.

Перестройка переживает все внутренние болезни переходного периода, включая детские. Они преодолимы, если достанет мудрости искать решения проблем не на путях противостояний, конфликтов, конфронтаций и отступлений, взаимных обвинений

и поисков виноватых, а на осознанном единении, в конструктивных подходах и развязках. Они преодолимы, если будет выдержан курс на безусловное следование принципам гуманизма, демократии и гласности, на раскрытие творческих способностей и возможностей человека. Главное — идти вперед, не останавливаться. Пройденное, открытое, познанное и прочувствованное совестью и мыслью, потери и обретения — тоже немалое подспорье в этом движении. Каковы бы ни были трудности, сбои, просчеты, неожиданности, естественные для сложного переходного периода, чрезвычайно важно не упустить главное — смысл происходящего, его революционную обновленческую перспективу.

Инструментарий перестройки создается в процессе построения новых общественных отношений. Этот процесс особенно зрим в деятельности Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, которая стала всесоюзной и всенародной школой политического опыта, школой демократии, лабораторией перестройки, кузницей ее правового, социального, политического потенциала. Его работа позволяет лучше видеть, что знали и думали на старте перестройки, что понимали тогда и умеем сегодня.

Человек всегда несет в себе прошлое, возвышая или проклиная его, он тяготеет или радуется настоящим, однако его всегда будоражит искушение заглянуть в будущее, в то заманчивое, таинственное будущее, которого вроде бы еще нет, но которое грядет. Но разрыв времен невозможен. Будущее всегда в настоящем, будущее — в нас самих.

Сегодня общество в борениях страстей, в тревогах и заботах о будущем, но еще во многом живет в завоях прошлого. Вчерашними привычками, старыми взглядами, избитыми подходами. Тень прошлого неотступно висит над человеком и обществом. Оно многому учит, но и терроризирует.

Перестройка противоречива, у нее немало проблем и сложностей — как унаследованных, так и вновь рождаемых. Она предельно критична к себе и тем самым созидательна. Но, как говорят, если человек прав, он должен быть всегда начеку. Так и перестройка, будучи делом совести и правды, должна повысить бдительность к опасности реванша корысти и лжи. У нее все впереди, но и оглянуться порой не вредно, даже полезно.

Идеи общественных преобразований зрели давно. К пониманию необходимости обновления, кардинальных перемен общество шло долго и мучительно. Фактически такое ощущение появилось одновременно со становлением системы, сложившейся в 30—40-х годах. Чем дальше, тем больше накапливались доказательства происходящих деформаций. Но административный — экономический и политический — механизм сопротивлялся долго и по всем направлениям, не зная пощады и не испытывая мук покаяния. В сфере духа были возведены мощные догматические и информационные преграды развитию общественного сознания, что и по сей день играет заметную разрушительную роль.

Ускорителем общественной мысли и политической практики стал *XX съезд КПСС*. Обострилось понимание, что жить по-старому нельзя, что до пропасти осталась самая малость. Забота о судьбе страны и гнетущее ощущение постепенной утраты динамики развития объединяли самые разные силы в поиске выхода из тупика. Но реальная возможность обновления в то время не была использована, что углубило кризисное состояние общества.

Застой становился губительным не только из-за социально-экономических деформаций, но и вследствие нараставшего паралича интеллектуальной, духовной жизни. И тот анализ, что проделан за время перестройки, надо было сделать еще в 50-е и 60-е годы. Но тогда недоставало решимости и глубины понимания проблем, видения перспективы, а главное — доверия к ответственности и здравому смыслу людей. Испугались демократизации. Начались игры в ограниченные разрозненные реформы и частичные преобразования, которые были обречены на провал самой их разрозненностью, ограниченностью и привели к поражению реформаторских настроений в обществе и новому нарастанию охранительно-консервативных тенденций.

У перестройки — исторический масштаб. Современное обновление социализма — крупнейший революционный шаг вверх по социально-исторической лестнице, вывод общества на новую ступень развития. Ясно, что такая цель даже при самом благоприятном стечении обстоятельств не может быть достигнута

вдруг. Преобразования всех сторон жизни, если, конечно, заниматься этим всерьез, не могут быть осуществлены за год-другой.

Молнии прошлого поражают не только с застойной стороны, многие сверкают из более дальних времен. Об этом немало сказано, в том числе и в этом сборнике. Преодолеть завалы застойных лет непросто. Но одновременно перестройка призвана ускорить решение и многих задач, поставленных еще в октябре 1917 года. Решать их приходится в условиях тормозящих деформаций в экономике и политике, изживенческой психологии. Достаточно сказать, что впервые после Ленина именно перестройка приступает к искоренению идеологии принуждения — в сознании и в практике, вековые традиции которой в своеобразной форме были встроены в режим личной власти, причем в ее трагическом варианте. Все это отягощает ситуацию, порождает дополнительные экономические, политические, нравственные сложности.

Ядро деформаций, их суммарное выражение — отчуждение человека. Отчуждение от власти, от собственности, от производства. Римское право, к несчастью, обошло Российскую империю стороной. И ее массовый подданный никогда не был полноправным собственником — ни юридически, ни практически, если говорить о действительном содержании этого явления. Он — слуга государства, слуга царя, слуга еще кого-то. Всегда в придушенном, полупридушенном, преклоненном состоянии. И карьера подавляющим образом зависела не от собственных способностей, а от благоволения свыше. Продвигался на царевой службе, блага получал от высокочтимого начальства.

Социалистическая революция взорвала систему отчуждения, передала собственность и власть народу. Но после смерти В. И. Ленина произошло противоестественное для социализма явление. Шаг за шагом сложилась государственная монособственность, освященная моновластью. Не была найдена гармоничная связь между всеобщим (государственным) и частным (индивидуальным, личностным) интересом. Именно отсюда и пошли беды, пошли от того, что человек стал терять интерес к труду, творчеству. Отчуждение от власти и собственности оказалось неиссякаемым источником социальной инертности.

Социально-экономические структуры упростились до предела. Предполагалось, что если устанавливается единая форма собственности, то начнут отмирать и многообразие социальной среды, и сложные связи «собственников» и «несобственников». Ставилась задача добиться планового определения индивидуальных затрат и запросов, минуя стадию купли-продажи. Говорилось о том, что чрезвычайная сложность торгово-денежных отношений обременяет производство, поэтому на смену системе отношений «человек — вещь — человек» должна прийти система «человек — человек». На этой основе и внедрялись утопии прямого продуктообмена, планового распределительства и др. В освободившееся от товарно-денежных отношений пространство устремились черная экономика, коррупция, бесхозяйственность со всеми их последствиями. Сложилась производственные отношения, охотно вбирающие в себя не только антиэкономику, но и нуждающиеся в бюрократическо-приказной системе.

В сущности, прогноз, согласно которому общество, развиваясь, будет двигаться к прозрачности общественных связей на основе упрощения социальных структур, толковался весьма примитивно и оказался в противоречии с жизнью, ибо суть исторического прогресса состоит как раз в движении от простейших отношений ко все более сложным.

Монособственность и моновласть сложились в тормозящую силу, во многом деформировавшую социализм и породившую *иждивенчество в широком разнообразии его форм, уровней, проявлений*. Подобный уклад, основанный на зацентрализованности всего и вся, на жестких иерархических структурах в экономике, политике, культуре, на командно-административных методах управления, обескровливает своих противников — самостоятельность, инициативу, ответственность, самобытность и человека, и коллектива, и района, и республики, насаждает привычку жить в режиме авторитарности. Такой уклад лишает человека, коллектив собственной экономической базы, а вместе с этим и первоосновы ответственности, подменяя их жизнью за счет госбюджета, госассигнований, господачек и госмилости.

Тем самым в конечном счете обрекает общество на застой, ибо без хозяйской инициативы и самостоятельности в гуще

народной, где прежде всего и проявляется сущность и эффективность социально-экономического строя, без заинтересованности человека в честном производительном труде и достойном быте — без этого государству рано или поздно распределять становится нечего. Идеология и практика распределительства вызывают к жизни мощные иждивенческие тенденции и структуры и тем самым ведут общество к упадку. Подлинный социализм может быть только высокопроизводительным и саморазвивающимся, обществом труда и свободы.

Перестройке сейчас трудно. Время бурное, до предела насыщенное событиями, мощным вторжением в жизнь нового, дерзкого, подчас неожиданного. Экономическая и политическая обстановка, настроения общественности, проблемы дня меняются быстро, динамично, нередко и радикально. Нежелание трезво оценивать возникающие проблемы, неумение разумно, взвешенно, всем вместе решать их подменяются часто необузданными эмоциями, толкающими людей за черту закона. Далеко не все еще понимают, что свобода человека и демократизм не могут существовать без дисциплины, ответственности и активно действующего закона. Необходимость глубочайших общественных преобразований нередко воспринимается как-то «стерто». Из жесткой, взаимозависимой триады «перестройка — труд — качество жизни» как бы выпадает «труд», а весь упор делается на незамедлительном получении благ свыше, от государства, у которого этих благ просто нет.

Отсюда — мелкая суета вокруг ничего не решающего перераспределительства, вместо того чтобы всем миром, через труд и его новую организацию перестроить экономику и на этой основе создать процветающее общество. Падение производительности труда и дисциплины, всплеск иждивенчества, потребительства, группового эгоизма, многоликого экстремизма, угар национализма серьезно осложняют обстановку и тормозят святое дело обновления страны, ее возрождения.

Перестройка еще не осилила и мощное сопротивление глубоко окопавшегося консерватизма в самых разнообразных его формах и проявлениях. Через демократизацию и гласность возрождена политическая жизнь, реализм и трезвость оценок.

Но консерватизму трудно расставаться с привычным покоем, удобным и комфортабельным существованием, а всего тяжелее — с незаслуженными аплодисментами. К консерватизму непосредственно примыкают и другие мелкобуржуазные настроения и силы, под которыми перестройка постепенно размывает почву.

Продолжает заявлять о себе доперестроечный идеологический «фундаментализм». Время от времени оживают и некоторые идеологи застойной эпохи, вернее, еще находят поддержку в разных слоях общества и по разным мотивам те устаревшие политико-идеологические схемы, которые утверждались на протяжении последних шестидесяти лет.

Догматические настроения оказались очень живучими, а некоторые их носители и защитники еще сохраняют в своих руках рычаги управления. Догматизм цепко держит сознание своей способностью давать внешне простые ответы на сложные вопросы. Насколько они научны, эффективны, верны, интересуются не все и не всегда. Но если разобраться по существу, это вовсе и не ответы, а уход от них, а значит, бегство от социальной ответственности в политике и теории.

С другой стороны, проявляет себя и извечное левачество — это проклятье любой революции. Его адепты горячечно торопят других и суется сами. В словах и неразумных действиях топят рассудок и ответственность. При определенных обстоятельствах левачество перерастает, как свидетельствует исторический опыт, в разрушительство — многоплановое, ведомое разными мотивами. Неважно, что разрушать: человеческую судьбу или партию, законы или научную школу, итоги труда поколений или кооперативы. В погоне за славой сойдет и геростратова, за популярность — сиюминутная.

Консерваторы, правые радикалы зовут назад, боятся всего нового. Левые радикалы (это, конечно, весьма условное обозначение), напротив, торопят. Те и другие атакуют перестройку. Только первые вообще ее отвергают, ибо прошлое для них уютнее. В направленности против реальных и перспективных перемен — социально-философская сущность любого крайнего радикализма в периоды революций. Те и другие логикой действий

сужают возможности общественного прогресса. Только одни делают это осознанно, намеренно, движимые корыстными интересами и силой привычки, апеллируя ко всему инертному в человеке и обществе. А другие — из-за нежелания считаться с реальными возможностями общества, а порой просто из-за того, что в громком шуме ниспровергательства, в соревновании амбиций не хотят слышать голос разума.

Ослепление и ненависть ведут в никуда. На социальном мазохизме ничего не построить. В них нет ни добра, ни милосердия, ни порядочности, ни правды, в которых мы столь сегодня нуждаемся. Ожесточение слишком въелось в наши сердца и души, нравы и привычки. У него свои первопричины, питающие корни. Трудно пройти через испытания, что выпали на долю нашей страны, не понеся при этом моральных утрат. Да и сегодняшние неустроенности и проблемы душевного равновесия не прибавляют. Все так.

В ожесточении видится и нежелание предъявлять требования прежде всего к самим себе, своему поведению и нравственным принципам. Но лишь из такой требовательности и складывается главное: личное достоинство, совесть, самодисциплина, хорошая семья и здоровье коллектива — все то положительное, объединяющее, на чем только и может строиться нормальное человеческое общежитие.

Серьезным испытанием для перестройки явились конфликты на национальной почве. Трудно было представить, что социально-экономические проблемы в некоторых регионах могут достигнуть такой остроты и силы, что их легко удастся повернуть на националистические рельсы, направить против перестройки. Здесь противоречиво и противоестественно сложились вместе, сплелись в один узел, умножили друг друга справедливые требования, честные намерения, новая атмосфера перестройки, сделавшая возможными гласные, демократические, свободные формы жизни, но и деятельность антиперестроечных, коррумпированных, националистических сил. Недооцененная в свое время античеловеческая сущность националистического экстремизма, фанатизма обнажилась во всей своей мерзости.

Национализм ходит в разных одеждах.

Это и национализм, так сказать, традиционного плана.

Это и ставшие заметными в новых условиях шовинистические проявления немногочисленных народов по отношению к народам еще более малочисленным.

Это и сионизм, политическая сущность которого хорошо известна.

Это и антисемитизм. Известный русский философ В. С. Соловьев, рассуждая на тему национализма, писал: «...усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни. Вот почему уж из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России»¹.

Это и великодержавный шовинизм, в отношении которого В. И. Ленин в год образования СССР сказал: «...объявляю бой не на жизнь, а на смерть»². Но его и до сих пор усиленно стараются разбудить, активизировать и изнутри, и со стороны.

Прикрываясь справедливыми требованиями развития национального, националистические течения стремятся размыть границу между тем и другим, поставить себе в услужение рост национального самосознания, национальной самобытности народов.

Но граница эта ясна предельно. Везде, где мы сталкиваемся с претензиями на исключительность, предпочтительность какого-то народа, мы имеем дело с национализмом, националистическим чванством и высокомерием, которые разъединяют людей, противопоставляют их друг другу. И тем самым объективно стимулируют антидемократические, авторитарные силы и тенденции, ввергают людей в унизительные межнациональные распри.

¹ Соловьев В. С. Соч. М., 1989. Т. 2. С. 282.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.

История человечества полна попытками утвердить превосходство одних народов над другими. Эти попытки всегда и всюду приводили к насилию, войнам, резне, к оскудению земли и духа. Но нигде и никогда они ничего не создали, не построили, не открыли. Успехов добивались только те страны и народы, что хотели и умели жить в согласии с соседями, работать сами и сотрудничать с другими ради более достойной жизни. Социализм не вправе игнорировать эти бесспорные уроки истории.

Оглядываясь на события последних лет, особенно на те из них, что связаны с политыми кровью национальными конфликтами, с бесхозяйственностью, порождающей социальную напряженность, со ржавчиной равнодушия и некомпетентности, трудно отделаться от мысли, что кто-то намеренно раскачивает лодку, провоцируя любые, порой непоправимые по своим последствиям явления, столкновения интересов для того, чтобы воспользоваться ими как предлогом для отказа от демократизации и гласности, для «закручивания гаек», а потом и свертывания преобразований вообще. Заинтересованных в этом немало.

Все это происходит в условиях, когда реформаторское ядро в партии еще только складывается, причем с трудом, когда еще продолжается противоречивый процесс выработки и осознания новых подходов, которые послужили бы основой столь необходимого общественного, народного согласия на путях и в целях достижения нового качества общества и жизни человека.

И все же, на мой взгляд, история обходится с перестройкой несправедливо, отягощая ее гуманистический, демократический, созидательный потенциал неизбежностью расплаты за чужие грехи, за просчеты прошлого. К наследникам, как известно, переходят не только имущество, но и обязательства. И речь идет не только о жилье, продовольствии, товарах широкого потребления, хотя эта группа проблем создает особую нервность в обществе. Речь идет, например, о Чернобыле, который был подготовлен десятилетиями безответственности на всех уровнях руководства и исполнения. Но расплачивается за него перестройка — и в прямом, и в переносном смысле. «Чернобыль» в международных отношениях, в финансовой системе, в социальной сфере, в экономических последствиях гонки вооружений — все это фор-

мировалось десятилетиями, но отвечать приходится перестройке. На политическом уровне это является очевидным, понятным. Но и трудящиеся по-своему правы, требуя безотлагательно решать назревшие проблемы, удовлетворять их законные запросы, нужды. Острая критика по этим вопросам справедлива, но, повторяю, попадает перестройке за чужие грехи. На ее первопроходцев ложится как бы двойная нагрузка. Приходится тянуть одновременно и груз перестройки, но и еще более тяжелый груз застоя.

Объективная логика исторического процесса такова, что, если перестройка не рассчитается, и как можно быстрее, по наследным долгам, она рискует деформациями. Эти два плана перестройки — конкретный и исторический — основное ее противоречие, источник серьезных трудностей.

И все же, спрашиваю себя, какие силы и факторы столь упорно сопротивляются общественному обновлению, тормозят перестройку, компрометируют начатые преобразования? На мой взгляд, пять: *бесхозяйственность, иждивенчество, бюрократизм, консерватизм и национализм*. Их можно называть в любом порядке, ибо они примерно равны по тормозящему и разлагающему действию. Существовать одно без других не может, а все вместе составляют механизм, мощный экономически, политически и социально, освященный догматизмом и основанный на страхе. Вот почему и до сих пор вдохновляемые перестройкой революционные перемены встречаются порой в штыки, а еще чаще отторгаются или топятя в привычном бюрократическом болоте. Постоянным нападкам подвергаются демократические процессы и гласность, атакуются интеллигенция и средства массовой информации.

Когда пошла вперед политическая реформа, начали развиваться демократия, гласность, была уверенность, что экономическая реформа зашагает столь же широко, тоже на ускоренной основе. В жизни этого не произошло. Экономика отстала от политической реформы. Именно эти ножницы и создали сейчас сложную обстановку, которая требует особого внимания и анализа, в том числе и тех конкретных причин, которые затормозили развитие экономической реформы. Из этой опасной ловушки надо выбираться как можно быстрее.

На мой взгляд, многообразии форм собственности, свобода торговли при регулирующей роли государства, создание социалистического рынка — только это и может сломать основные структуры торможения. Уже сейчас предприятиям надо предоставить право определенную часть продукции продавать на договорной основе, на свободном рынке, а сверхпланово произведенные дефицитные товары — с аукционов. Эта мера, среди других, будет постепенно формировать социалистический рынок, подавать объективные сигналы ценообразованию.

Кроме того, демократия обязана жестко обходиться с теми, кто тормозит экономическую реформу, саботирует ее, кто правильно смекнул, что в настоящее время только хозяйственными неурядицами можно вызвать недовольство людей, а значит, и повернуть их против преобразований в обществе.

Нередко все это и многое другое делается под прикрытием демагогических фраз о «спасении» социализма, его идеалов. Политическая нечистоплотность здесь очевидна.

Перестройка всегда призвала и призывает к укреплению основ социалистичности, к уважению труда поколений, его итогов, достигнутых во многом вопреки тяжелейшему сплетению объективных и субъективных условий. Она активно выступает против социальной распущенности, иррациональных эмоций, темных инстинктов, группового эгоизма. Утверждать противоположное — значит либо отвернуться от фактов, либо намеренно лицемерить во имя корыстного интереса, корыстного зова в прошлое.

Перестройка — это закон и дисциплина, на которых только и могут стоять экономика и политика, здоровый образ жизни, на которых только и может быть достигнуто решение любых, самых острых и давящих проблем.

Там, где налицо преступление против общества, личности, государства, должен вступать в силу закон, неукоснительно, неотвратимо и жестко. И это как раз тоже принципиальный разрыв с прошлым, а во многом и с настоящим, когда закон оробел, действует не всегда, порой избирательно, часто не уважается и не соблюдается. Перестройка — это железная законность, это переход от общества фактического правового нигилизма к обществу права и дисциплины.

Но там, где преступления нет, дисциплина и самодисциплина должны быть следствием экономического интереса, гражданской воспитанности, самосознания, развитой нравственности, питаемой условиями жизни. Только так, и не иначе. Уповать и далее на силу административных запретов, установлений, всевозможных ограничений значило бы и дальше мириться с двойной и тройной моралью, цинизмом и распущенностью. Самосознание, достоинство человека и законность — теснейшие союзники. И здесь огромный резерв перестройки.

Во всем этом — тоже особенность переживаемого момента. Назад, во времена доперестроечные, возвращаться мало кто хочет. Никто не предлагает, по крайней мере публично, и альтернативы перестройке. Но в то же время еще значительно число тех, кто не приемлет радикальных реформ, боится развития демократии и гласности, хотя и говорит, что тоже за перестройку. Иными словами, разные люди и разные группы вкладывают в перестройку свои представления, свои интересы. Вот почему и возникает вопрос, какая нужна перестройка.

Та, что действительно глубоко вспашет устоявшуюся социальную рутину, откроет новые горизонты во всех областях жизни и деятельности? Или же ее бледное подобие, страдающее одышкой и непоследовательностью, бюрократическим склерозом, а то и авторитарностью? Первая требует выявления и умелого сочетания диалектики объективного и субъективного и в целом, и в каждом конкретном деле, требует настоящей работы — организационной, идейно-теоретической. Вторая удовлетворится скольжением по гладко натертой поверхности слов. Первой как воздух необходимы грамотное хозяйствование, дисциплина, порядок — по сути. Вторая вряд ли пойдет дальше пустословия и демагогии.

Говорят о том, что перестройка позволила глубоко взглянуть в проблемы общества, сделать из этого анализа комплексные, далеко идущие выводы. Это действительно так; но и анализ кое-кто предпочел бы оставить на полке, и выводы из него делать не всегда торопится, а уж практику менять на основе этих выводов — тем более.

Говорят о свободе действий, самостоятельности, возможностях маневра, но, когда все это есть, воспользоваться ими спешат далеко не все и не всегда, а то и вовсе не спешат.

Говорят о необходимости серьезных перемен во всех регионах, всех сферах жизни, но ждут этих перемен «сверху», со стороны, откуда угодно, только не от результатов собственной инициативы и ответственности.

Говорят о хозяйственной реформе, но топят ее порой в непродуманных и неквалифицированных конкретных действиях.

Клянутся в верности демократии и гласности, а на проверку продолжают пренебрегать мнением общественности, а то и манипулировать им.

Особенно страдает перестройка от многоликости бесхозяйственности. Она — в равнодушии к делу, в разбазаривании денег и ресурсов, в экологических неурядицах и преступлениях, в видимых и невидимых потерях. Если бы возможно было вернуть хотя бы часть потерь от бесхозяйственности, от технократизма, от головоуятия, от ведомственности — уверен, мы имели бы сейчас богатое, полное достатка общество.

Бесхозяйственность превратилась в постоянного спутника экономики, всего образа жизни. Ее надо изучать как явление и бороться с ней как с явлением, а не просто как с набором частных. Если каждый год теряем до 20—30, а то и более процентов при уборке, транспортировке и переработке сельскохозяйственной продукции, если столь расточительно рубим лес, засоряем реки, озера, продолжаем встречные перевозки однотипных товаров, проходим мимо элементарных безобразий, то разве это не говорит о порочности, но одновременно и о своеобразной прочности производственных отношений, которые не только не сопротивляются бесхозяйственности, но и стимулируют ее?

Явление это разрослось столь сильно и всеохватно, что уже можно его классифицировать. Самая массовая, в сумме весьма дорогая, измеряемая десятками миллиардов рублей в год, морально наиболее разрушительная — это бесхозяйственность повседневная, с которой человек сталкивается буквально на каждом шагу. «Несуны» и ушедший под снег урожай, остающиеся после ухода строителей завалы неиспользованных и изувечен-

ных материалов, гниющие на базах овощи, масштабы всевозможных списаний и прочая, и прочая. Все это не только развращает человека, приучает не уважать, не ценить свой и чужой труд, равнодушно относиться к народному добру. Это еще и база преступности, и приглашение к организации саботажей, дефицитов, даже возможности для провоцирования народного недовольства.

Из эпохи, когда отдельные недобросовестные люди наживались на объективно обусловленных, исторически сложившихся дефицитах, мы незаметно для себя вползли через застой в условия, когда массовые дефициты могут намеренно организовываться ради наживы или политических целей. Такова реальность, которую нельзя не видеть.

И все это — пора признать — будет сохраняться до тех пор, пока собственность остается ничейной, пока за бесхозяйственность в целом платят государство и народ, но не тот, кто ее допускает. Будет сохраняться и до тех пор, пока действует непомерно разросшаяся система государственных дотаций, сегодня защищающая уже не слабого, но не умеющего и не желающего по-настоящему хозяйствовать; обеспечивающая уже не столько потребности общества, сколько потребности и интересы ведомственные, групповые. Не изменим такой порядок вещей — ни правоохранительные органы, ни народный контроль, никто справиться с этим явлением не сможет.

Другая, не менее дорогостоящая и разрушительная разновидность бесхозяйственности — сама структура хозяйствования, позволяющая годами и десятилетиями вбивать средства и ресурсы в никчемные проекты из-за ошибок, просчетов или хуже того — амбиций и ведомственных интересов. Так было, например, с мелиорацией в Нечерноземье, со многими другими проектами и начинаниями. От ошибок не застрахован никто, как нет иммунитета против эгоизма. Но могут и должны быть гласные, демократические средства обсуждения того, что же в действительности необходимо обществу. Могут и должны быть гласные и демократические средства скорейшего выявления и исправления подобных ситуаций. Наконец, может и должна быть система экономической ответственности за ошибочные проекты и решения.

А пока всего этого нет, многие хозяйственники продолжают цепко держаться за прежние экономические отношения, потому что они выгодны и удобны возможностью безнаказанной бесхозяйственности. Ибо если существующие отношения коренным образом изменятся и приобретут строго экономический характер, то десятки миллионов людей лишатся «привилегии» получать незаработанные деньги, исчезнут многие каналы для воровства и коррупции, пропадут основы для дефицитов. А пока всего этого нет — видимо, «выгодно» и возможно тратить миллиарды на покупку зерна за рубежом. Но «невыгодно» повернуть их на устранение собственных потерь, налаживание собственной пищевой, перерабатывающей промышленности.

Думаю, что не промерены до конца и последствия той экономической и особенно духовной самоизоляции от внешнего мира, которая на протяжении десятилетий делала возможным поддержание командно-административной модели социализма, облегчала ее функционирование, а тем самым способствовала в конечном счете утверждению застоя. Количественный ущерб еще можно как-то измерить. Качественный только начинаем видеть и оценивать. Новое политическое мышление отражает это осознание, раскрывает широкие возможности преодоления автаркических тенденций. Результаты уже бесспорны.

Перестройка для меня — вопрос не только общественный, но и личный. Глубоко верю в ее историческую необходимость. Любой поворот назад катастрофичен. Мы должны и можем все преодолеть, одолеть сомнения и трудности, проявить максимум выдержки и целеустремленности, но идти вперед, только вперед. И тогда потенциал преобразований, основанный на всеобщих усилиях, раскроет перед страной свои реальные горизонты и свою силу, обеспечит свободную и процветающую жизнь, построение общества высокой социальной эффективности, общества свободы, труда и ответственности.

Декабрь 1989 г.

ДИНАМИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ — ИХ АДЕПТЫ

Верно, что жизнь постоянно рождает что-то новое, и рождает в борьбе, муках, ибо все вновь рожденное отрицает старое, убежденное в своей вечности, неизменности. Да и то сказать: сегодня горделиво восседать в седле истории, а завтра выпасть из него в безвестность или превратиться в обескровленные схемы исторической науки, а то и стать мишенью презрешня потомков, когда речь идет о конкретных человеческих деяниях, — удел нелегкий. Но такова логика судеб людей, обществ, взглядов и поступков. Очевидность данного процесса тривиальна, она сведена до, казалось бы, внешне ясного клише — борьбы нового со старым, смены старого новым. Смены неодноразовой, многоплановой и многослойной, чрезвычайно сложной и болезненной, по в позитивном варианте развития имеющей стержневую сердцевину — преемственность в приращении ценностей цивилизации, обогащении человеческого духа.

Но обволакивающая стереотипность борьбы нового со старым нередко в опасной мере провоцирует субъективные, корыстные толкования, терминологические спекуляции, догматический произвол. Неоспоримо и то, что доктринерам всех мастей диалектика внушает страх, ибо, по Марксу, в позитивное понимание существующего она включает его отрицание, его необходимую гибель, а «каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹.

Это требование диалектики относится, естественно, ко всему сущему. Оно объективно в своем отрицании любой осуществленной формы, ибо отрицание и есть момент движения, развития, не приемлющего догматическую омертвелость, которая всегда

Публикуется впервые.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

служила идеологической платформой консерватизма. Именно на диалектической базе и строится структура реального общественного прогресса, созидания нового общества. «Коммунизм для нас,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹.

I

Само движение жизни порождает неисчислимые филиппики динамизму. Любой исторический момент полон ими. Но XX век, кажется, особенно настойчив в утверждении, что консерватизм переживает небывалую встряску, а динамические начала постоянно демонстрируют свою убедительность. Эта почти абсолютизированная категоричность, несомненно, связана с многосторонними революционными сдвигами и общественными последствиями, порожденными революциями, особенно Октябрем 1917 года, а также с сумасшествием технологии, особенно военной, экологическим безумием, акселерацией жизни, урбанизацией, крушением системы колониализма, кризисом технократизма, упадком этики. Но хоронить консерватизм окончательно всегда рано, поскольку такие похороны происходят постоянно, по мере поступательного общественного развития.

Консерватизм всегда стоит на сквозняке, доминирующие ветры эпохи раскачивают его, все время норовя свалить с пьедестала истории. Но он упорен, закален презрением, критикой, гонениями. Обладая прочными опорами в данном базисе и сознании, консерватизм обнаруживает порой удивительную жизнеспособность, изворотливость и маневренность. Лишь перед очередным взрывом динамизма, в условиях нарастания критической революционной массы он начинает приспособляться особенно активно, примерять одежды приемлемой респектабельности. Но последнее как раз и мешает консерватизму, лишая его относительной рациональности и толкая к поиску разных форм самоконсервации.

Так или иначе, но консерватизм живуч, он постоянно претендует на то, чтобы отстоять свое место в общественной жизни, но всегда опаздывает с признанием необходимости изменений, отчего часто и не преуспевает в своих притязаниях. Впрочем, для жизнеспособности консерватизма достаточно и базовых оснований.

Любое общественное устройство, независимо от социальной сущности, с течением времени накапливает инерционную массу,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.

способную тормозить прогресс. Это фундаментальный вопрос, но в предлагаемых размышлениях берутся лишь очевидные последствия существования экономической, политической и военной базы консерватизма в его концентрированном, а скорее — в обобщенном понимании.

Наиболее привлекательные сферы надежды на возвращение «первородной истинности» сумме убеждений, обозначаемой термином «консерватизм», сегодня более очевидны, чем вчера. Это:

а) *кризис урбанизации*. Люди, кажется, не хотят сохранять безразличие, разделять с прежним интересом и восторженностью мало контролируемый и плохо предвидимый со всех точек зрения процесс роста городов. Заметно изменение отношения к этому со стороны общих и личных интересов. Экономические основы урбанизации могут претерпеть кардинальные изменения, как и взгляды на этот счет;

б) *кризис окружающей среды*. Бесспорно, будет быстро нарастать убеждение, что требования технологического прогресса подрывают базовые, естественные условия, которые и сделали возможной саму жизнь. Все категоричнее призывы остановить индустриально-технологическое варварство, насилие над природой ради бесконечности благ, добиться общепланетного консенсуса о пределах разумных потребностей для нормальной и достойной жизни. И тем самым разорвать путы метафизических взглядов на современную жизнь. Господство технологической идеологии становится все более угрожающим, а уничтожение условий естественной жизни — нетерпимым.

Иными словами, все меньше становится категорических и неувязимых ответов на принципиальные вопросы относительно того, как гармонизировать индустриальное развитие и здоровые условия жизни, причем не только экологические, как найти жизнеутверждающую меру между богатством материальным и богатством духовным. Так или иначе, но становится все более очевидным, что бесконтрольный индустриализм принес много бед человеку и человечности, что как самоцель экономическое развитие, да еще подчас пожирающее само себя, является тупиком.

Вещи начали поедать людей. Видимо, именно эта сторона общего развития заставляет сегодня любую социальную систему формулировать обоснования, оправдывающие право на собственное существование. Надвигающийся тупик диктует и выбор;

в) *энергетический кризис*. Неожиданно разразившийся, он дал выразительный урок практике безрассудного расхищения ресурсов Земли, практике нетерпимой и не оправданной какими-либо разумными доводами. Едва ли что еще могло быть столь полезным, как нефтяное эмбарго осенью 1973 года, чтобы заставить

мир серьезно почувствовать опасность надменной, высокомерной манеры расточительства, которым пронизана современная жизнь. Впрочем, адепты идеологии пришельцев на Землю, а не рачительных хозяев Земли и ее ограниченных богатств быстро оправались от шока;

г) *кризис государственных и политических институтов*. Падение авторитета института власти неоспоримо, состояние неустойчивости и неопределенности в этой сфере укрепляется, процесс снижения общественного и нравственного авторитета политических лидеров и процесс театрализации политических институтов очевидны. Отсюда — все более заметная нервозность политической элиты, понижение ее интеллектуализма. Последствия пока труднопредвидимы, впрочем, нелегко настаивать и на том, что подобная тенденция носит устойчивый характер;

д) *растущий экстремизм в человеческих отношениях*. Общий прогресс технологии, социальные катаклизмы и национальные движения, порожденные наследием несправедливостей, делением человечества на относительно малую группу богатых и массы бедных, привели к преобладанию военных средств и методов решения социальных проблем, к эрозии подлинных свобод, к взрывам взаимной нетерпимости. Издержки освободительного процесса, проявляющиеся порой и в экстремизме, активно используются для повышения уровня настороженности ко всяким социальным изменениям, для внедрения идей умеренности, сдержанности, которые изображаются гарантом общественной справедливости, личного спокойствия и благосостояния. С другой стороны, стабилизирующие механизмы — или преимущественно, или часто — сводятся к насильственным методам утверждения власти, а демократические факторы никак не могут избавиться от «презумпции виновности». Это тоже феномен, связанный с консервативной инерцией.

Кризисы современности толкают к мысли, что догматическая, фатальная приверженность к «устоявшейся» структуре жизни, исключая альтернативу (кроме неизбежного разрушения самих условий жизни), внешне более безопасна, более надежна. Тем самым методы и ценности самого прогресса оказываются под вопросом. Но там, где ценность развития ставится под вопрос, консерватизм легко перехватывает если не историческую инициативу, то тактическое лидерство.

Происходит метаморфоза: провозвестники *бывшего нового* остаются до конца его защитниками, упрямыми апологетами, не замечая появления *нового нового*, которое превращает бывших пророков динамизма в рутинных консерваторов, потерявших контакт, живую связь со временем, охваченных не только недоверием к новому, но и страхом перед переменами. Конечно, в основе

таких процессов — интересы социальные, групповые, индивидуальные, их сложная и неоднозначная диалектика. Но и человеческих качеств сбрасывать со счетов нельзя. Да и с точки зрения самих интересов никто еще не доказал, что на том или ином жизненном этапе консерватизм обслуживает эти интересы «лучше», чем неконсерватизм, впрочем, как и наоборот.

Современная жизнь, во всяком случае, позволяет взглянуть на эту проблему более внимательно. Волнообразность развития по восходящей порождает противоречия, питающие и само развитие. На характер этих противоречий, на их социальную направленность накладывается все больше субъективных отпечатков.

Изначально, гораздо раньше, чем возникло само определение, мыслимым предназначением консерватизма было противление переменам, которые, согласно идее консерватизма, есть разрушение базисных устоев жизни. Консерватизм понимал себя не просто оппонентом шествия, поступи данной современности. Истинная его беда в том, что, воюя против некоторых, наверное, почти неизбежных перехлестов и безрассудностей, присущих преодолению прошлого, консерватизм редко находил разумную гармонию ценностей прошлого с неизбежностью развития, рождающего новые ценности.

Что же касается нового, то крутой его нрав хорошо известен. Начинаящий динамизм обычно одет в неприглядные одежды, говорит грубым, жестким языком. Он героичен, но и нетерпим, беспощаден. Только потом, с высоты снисходительного времени человек высаживает преимущественно розы на полях исторических событий. Так розовеют страницы истории.

Скажем, технологическому динамизму далеко не всегда свойственна мудрость в его отношениях с прошлым, настоящим и будущим. Надеясь на лучшее и созидая его, человек может создать пустыню, а вместо ожидаемого богатства личности и человеческих отношений получить расчетливый примитивизм эгоистического образа жизни.

Но пока эти опасности не вышли на решающий уровень противоборствующего сознания, люди безотчетно продолжают играть в технологический прогресс, наслаждаясь его товарной эффективностью. Ну а если люди прозреют, осознают эфемерность «товарного счастья», потребуют, чтобы технология жила в гармонии с человеком и природой? Не станет ли это трубным призывом к консерватизму в различных его вариантах поднять знамя подлинных ценностей, человечности, культуры и т. д.?

Уже сейчас некоторые наблюдатели склоняются к тому, что под патиском реальных опасностей всему живому на Земле общественные дискуссии в обозримом будущем могут взять

за их исходные позиции не ценности движения вперед, а защиту существующего порядка вещей в социальной жизни и все более бескомпромиссные позиции в защите природы. Благоразумие и сдержанность — принципы, якобы имманентно присущие консерватизму любого вида (общеполитического, повседневно-жизнейского, индивидуального), выдвигаются некоторыми футурологами в качестве фундаментальных ценностей на весь исторически предвидимый период человеческого существования, доминантная неизбежность которых предопределена социально-биологическим инстинктом самосохранения человеческого рода (вариация божьей кары за грехи человеческие). Все больше людей, ратовавших доселе за быстрый, даже форсированный технологический прогресс и постоянные социальные изменения (как эволюционно-реформистского, так и революционного порядка), начинают достаточно громко говорить о трагических возможностях неконтролируемого, несдерживаемого развития, теряя при этом перья прогрессизма, многоцветьем которых всегда так гордились.

В сущности, и само отношение к экономическому прогрессу претерпело не одну трансформацию. Верховенство конкуренции и прибыли пришло потом. Мыслители же древности — Аристотель, Платон, Сократ, например, — рассматривали экономику в единстве с политикой и этикой. Отсюда понятие — практическая философия. В средние века и позднее, скажем, Фома Аквинский и Адам Смит экономику считали частью философии морали. Смысл их воззрений состоял в том, что экономика не может быть самоделющим феноменом, а должна служить социальным целям. Но законы еще нерегулируемого капиталистического рынка, основанного на анархической конкуренции, стали вытеснять этику и нравственность из экономической жизни. Такого рода экономика оказалась равнодушной к интересам реального человека.

Теологию, абсолютизирующую технократизм и отторгающую этику и человека, взял на вооружение и Сталин, что привело к кризисному варианту развития.

В последние два-три десятилетия общественная мысль Запада начала бить в колокола, призывая остановить технологическое безрассудство и безоглядное расхищение ресурсов. Призывы жить в гармонии с природой не так уж редко можно слышать сегодня даже от людей, пребывавших доселе в экстазе от стремительных технологических изменений. И есть немало оснований для предположения, что в ближайшие десятилетия центр общественных дискуссий перейдет в сферу борьбы с крайностями проявлений технологического и общественного развития, с технократическим и социальным экстремизмом. От консерватизма требуют услышать «призыв времени» и выступить убедительным

лидером движения, альтернативного «тупиковому прогрессу». И не в смирении перед статус-кво здесь дело, а в разумном компромиссе, особенно в плоскости практических подходов к жизненным проблемам.

В контексте борьбы за общественное сознание можно обнаружить многообразие прогностических концепций, предлагающих тот или иной выход из кризиса, объявленного общим для всего человечества. Идеи «глобальной солидарности выживания», «нового всемирного гуманизма» получили свое развитие на почве оправданной озабоченности реальным ходом вещей. Многие похожести в развитии и бессмысленно отрицать, но, к сожалению, разумные соображения обросли политическими махинациями вокруг споров на тему, чье солнце ярче.

В сущности, не следует отбрасывать реальную угрозу условиям человеческой жизни вследствие союза кризисов. Кроме того, люди устали от перманентной взбудораженности мира войнами, конфликтами, социальными катаклизмами последнего столетия. Настолько устали, что притупляется сознание угрозы разрушения мира оружием. Как бы то ни было, реальная возможность ядерной гибели самой жизнью включена в трагический лист смертельных болезней человечества.

Когда граф Пурталес в 1914 году вручал ноту об объявлении Германией войны России, он сказал российскому министру иностранных дел Сазонову, что Германия защищает свою честь. Сегодня понимают, что говорить о чести, намереваясь убить миллионы людей, цинично, чудовищно. Сегодня говорят о «национальных интересах». Но последние столь же безразличны к собственному содержанию, как и честь. Оба готовы быть и жертвой, и палачом.

И не празден вопрос: а найдутся ли в наше время силы, способные отвести угрозу собственной гибели, обнаружат мудрость встать выше личных или групповых экономических и политических интересов, проявят ответственность, достойную быть занесенной в золотую книгу истории, и определят разумные рамки человеческого бытия и человеческих отношений, иными словами, возьмут под общественный контроль грядущее, отвояют время для жизни, которое и даст ответы на вызовы истории? И только тогда новые поколения возведут в ранг пророчеств или тревожащие теории социально-экономического пессимизма, или концепции научно-технического оптимизма, а возможно, найдут исковую «меру вещей».

В каждом веке есть свое средневековье. В каждом поколении есть люди, которые охотно принимают на свою голову лавры сомнительных почестей. К концу XX столетия стало больше политиков, которые в суетных понсках своего места под солнцем

не думают о суде истории, равно как и над тем, что их постоянно подстерегает опасность заблудиться в лабиринтах, которые они сооружают для других. И можно лишь сожалеть, что в наши дни научно-технического цемыслия мы более или менее знаем, *что делать*, и гораздо меньше, *чего не делать*.

По причинам, которые, вероятно, кроются в росте массы манипулируемого сознания, степень успеха или степень отвержения тех или иных идей определяется сегодня скорее субъективными влияниями, нежели объективно-детерминированными требованиями времени. Массовое сознание приучается видеть интересы индивидуумов, групп и обществ в пределах кратковременных измерений, оперировать категориями повседневных потребностей, мало размышляя о смысле жизни, смысле будущего, хотя именно в этом и проявляется ответственность перед временем и ценностями, которые суждено представлять тому или иному поколению в исторически обозримый период.

II

Причудливость противоречий и кризисов века порождает мозаику явлений, взаимосвязей и в *надстроечной структуре*, особенно в ходе столкновения традиционализма и динамизма в сфере общественной мысли и культуры. Когда мы говорим о страстях, бурлящих в общественном котле, который постоянно угрожает взорваться, не выдержав накала имманентной конфронтации самодовольной традиционности с самоуверенным динамизмом, то намеренно упрощаем «деление на явления и проявления», игнорируя десятки течений прогрессистов среди консерваторов и сотни оппортунистических школ в рядах динамического авангарда. Дело не в них. Они лишь заметные или малозаметные тропинки вблизи тех двух постоянно сражающихся исполинов — старого и нового, преисполненных чувств исторической правоты и мессианского фанатизма.

Консерватизм имеет свою систему взглядов — догматизм, отстаивающий статус-кво. Обращенный в прошлое, противостоя реальностям жизни, он не может быть двигателем социального прогресса. Противоречие между догматизмом и диалектикой неизбежно носит *антагонистический характер*. Оно и не может быть иным.

Как и любая другая, жизненная философская мысль, более или менее приближенный к практике социологический вывод могут возникнуть только в результате напряженных интеллектуальных борений, искрящихся столкновений взглядов, а также многочисленных экспериментов. Диалог неисчерпаем — это постоянное движение мысли, мука мысли, праздник мысли.

Бездумно и бесплодно административным путем сводить к внешне безопасной и бесконфликтной формуле любое многозначие, исключая из движения мысли дискуссию, а значит, и возможность поиска истины. Конечно, не всегда приятно стоять на сквозняке мнений, критики, опровержений, а порой и на холодном ветру обвинений и недоверия, но благодатные последствия велики, ибо порождается каскад мыслей, обрушивающийся на общество, формулирует и укрепляет истину, столь нужную ему, отсекает пустые, порой и агрессивные, претензии на мысль, лишает не выжившие в споре концепции их мученического ореола, обретаемого в обстановке бездискуссионного отталкивания, бюрократически самодовольного отвержения.

Так случилось, что наше интеллектуальное бытие оказалось ограниченным сферой относительного *знания* основ общественной теории, да еще искаженной догматизмом. Формирование системы знаний носит сугубо утилитарный характер, подчинено решению политических задач, служит обоснованию идеала, а не анализу жизненных проблем. Такой подход на стадии формирования нового сознания трансформирован в самодовлеющую задачу. Что же касается сути философии ленинизма — диалектики развития и применения ее для анализа рождающихся явлений, то она всегда громко признавалась на словах, но оставалась в замороженном, придушенном состоянии.

Клятва в верности диалектическому методу анализа живой жизни не счесть, но сколько же бурь разверзлось над головами тех, кто высказывал что-то свежее, необычное, пусть даже ошибочное, возможно, не всегда точное с научной точки зрения! Как мало у нас понимания, что голые обличения в «отступничестве» убивают теоретические исследования. Парадокс тут страшен своей поучительностью: социалистическая общественная мысль взрастила революционное сознание и действия, но вдруг споткнулась, оказалась заторможенной, искаженной. На смену творчеству пришли скучные повторения банальностей, «доказательства» очевидного и давно доказанного, схематические повторения, псевдотеоретические клише, схоластика и догматизм, оскорбляющие не только науку, но и обычный здравый смысл.

В обществоведение внедрена практика, когда критический анализ позиций, не укладывающихся в «общепринятые» схемы, подменяется прокурорской разоблачительностью, окриком, обвинениями, ярлыками. Не менее опасно и восхваление бездарности, помноженной на графоманство, да еще с учетом формально влиятельного положения этой бездарности в общественной жизни и науке. В подобных случаях прежде всего вдохновляются те, кому хочется порезвиться на стезе бесталанной поповщины с надзирательскими функциями. Примеров множество, но дело

не в них. Сама общественная мысль пошла вкривь и вкось, а отсюда и пена вульгарного журнализма и бесплодно-бесталанного теоретизирования.

Было бы, разумеется, непомерной глупостью противопоставлять фактические знания идее развития. Здесь не может быть формального примата. То, что знания *служебны*, всего лишь *основа*, необходимое, но лишь условие развития, — это ясно. Но всякая обособленность *знания*, статус его неприкасаемости, а еще хуже — непогрешимости лишает его главной силы — динамического, пронизывающего влияния на развитие самого общества. Материалистическая диалектика — методологическая основа как познания, так и социального преобразования, и по сути своей она и сама не может не развиваться, не рискуя омертвить себя.

Материалистическая диалектика при научном ее понимании свободна как метод исследования от односторонности знания, от предрассудков к источникам знания. Она выступает методологией познания, что формирует возможность исследовать все явления, видеть их в движении, в борьбе. В этом контексте она на естественном основании использует данные разнообразных способов научного познания: конкретно-социологического, экспериментально-психологического, структурного, семиотического, информационного. Но эффективность этого научного союза может демонстрироваться в оптимальной мере лишь при условии, что и диалектический метод подчиняется закону развития, то есть совершенствуется.

Знание — всего лишь преодоление незнания, понимание — всего лишь преодоление непонимания, то есть все это движение от старой незаконченности к новой незаконченности. Догме здесь места нет. Ритуальное освящение даже гениальной мысли в качестве вечной — не наука, а фетишизм.

Поясняющий пример. В ходу у нас клише: «чистота марксизма-ленинизма», ставшее практически «догмой о догмах», ибо усилиями противников диалектики или представителей научной невежественности эта формула служит религиозно-консервативным целям охранения постулатов от натиска жизни, ведет к омертвлению даже нужных, полезных идей, отравляет диалектику ядом неподвижности, то есть вылушчивает из марксистско-ленинского учения главное — идею развития. Если термин «чистота» и применим к науке, то только и исключительно в контексте развития, то есть «чистоты самой идеи развития», свободной от «чистоты догматов», ослепляющих развитие. Что же касается жизнестойкости той или иной идеи, то она подтверждает свою способность выживания единственно через обновление, диктуемое новыми явлениями жизни. Только жизнь властна держать на своем услужении ту или иную «догму», содержать ее в «чистоте»

или, наоборот, предать забвению, как изжившую себя, видоизменить то или иное положение или отбросить его.

Догмы не могут управлять жизнью, хотя будет самонадеянно отрицать имманентность объективных законов, опять-таки при условии, что имманентность имманентна, что она не искусственно изобретена схоластическими упражнениями, которые затем ищут опору не в науке, а в охранительном бюрократизме, подчиненном не задачам общественного строительства, а узкогрупповым интересам оракулов догматической демагогии.

Заторможность общественной мысли несет в себе опасность старения самого общества, прагматического перерождения, падения вкуса и приверженности к идеалам, постепенного внутреннего согласия с неоконсервативными тенденциями, имеющими прочные корневые опоры и связи в жизненной практике и психологии.

Видимо, ускорение общественной жизни XX столетия, размах и глубина революционных и иных изменений, ужесточение конфронтационности между двумя социально противоположными мирами сказались и на отношении тех или иных классов и социальных слоев к цивилизаторской функции диалектики как теории революции. Диапазон такой реакции поистине безграничен — от догматического преклонения до иступленных проклятий. Сама сущность революционной теории подвержена постоянному давлению как ее ниспровергателями, так и схоластическими истолкователями. Отчасти верно, что в качестве реакции на поношение теории, освятившей революцию, появилась охранительная тенденция к подмене творчества репродукцированием догм, болезненно сказавшимся на развитии теории. Но разве что отчасти. Действительные причины лежат глубже, в них еще предстоит тщательно разбираться.

И. В. Сталин придал теории узкопрагматический смысл, а нередко и вульгарный характер. Он толковал революционное учение на потребу дня. Практически не внеся в теорию ничего нового, он сделал многое, чтобы лишить ее уникальности, убрал из научного обихода фактор диалога. Призывы к творчеству не предполагали реальных дискуссий по научным сущностям. Размывающую, разлагающую функцию исполнял и разрыв между теоретическими положениями и практикой.

Период торжества догматизма породил и своих адептов, боящихся диалога как огня ввиду своей научной несостоятельности и отстаивающих монолог всеми возможными силами как единственное средство собственного выживания. Они продолжают цепляться за созданные ими же методы поверхностного и схоластического интерпретирования диалектики, что каменной тяжестью придавливает попытки творческого подхода к новым явлениям жизни. Под ревизионизм подверставаются любые

незнакомые, необычные толкования тех или иных положений, а иногда даже раскавыченные цитаты из Маркса и Ленина.

Догматики боятся любого спора, во-первых, по невежественности, во-вторых, по неверию. Профессиональные ревизионисты хотя бы признают марксизм в качестве объекта критики, изменений, модификаций и т. д. Догматики — эти святые отцы от марксизма — не верят в него, ибо в сконструированные ими же догмы, да еще в форме мистических заклинаний, верить всерьез нельзя. Отсюда и боязнь сопоставительного диалога, поскольку догматики твердо знают, что они проиграют этот диалог, как, впрочем, и любой другой. Их судьба — только разоблачать, пусть и на уровне примитивизма, позорящего отстаиваемое.

III

Процессы в культуре, в духовной сфере происходят в тех же принципиальных взаимосвязях, что и в общественных науках. Социализм по своему недеформированному идеалу способен на духовные прорывы. Но они, духовно обогащая общество, невозможны, во-первых, без постоянного повышения философских, гносеологических основ творчества — будь то в политике, науке, искусстве, любой сфере, — а во-вторых, без все большей социальной напряженности выдвигаемых проблем. Однако конечная эффективность развития общественного сознания достигается через открытый и естественный отбор наилучшего, наивысшей красоты и мысли, а это неосуществимо без свободы творчества.

Диалектические связи и противоречия репродуцируются в культуре наиболее выпукло, остро, осязаемо, всегда шумно и многоголосо. Здесь напряжение достигает порой более драматических видимых пределов, чем в источнике — жизни, ибо трагизм или драматизм последней полагается естественным. Трагедия человека мимолетна, как сама жизнь его. Драма человечества, отраженная в искусстве, непрестанно будоражит, мистифицирует, упрекает, атакует, лишает сна, ёрничает и как бы возвышается над родом людским с того самого момента, как он стал творить звуки, символы и образы, понятные другим.

Проблема эта обширна, сложна, многообразна, противоречива. Но в качестве объекта для размышлений о традиционализме и динамизме наиболее благодатной представляется судьба русского авангардизма. Он стал, пожалуй, наиболее ярким и запоминающимся явлением века, приобретшим в силу специфики революционного времени политическую масштабность. Явление интересное, в чем-то претенциозное, хотя и не всегда по своей вине, далеко не однозначное как с точки зрения его отношений

с консервативной традицией, так и со своим современником — социумом, но от всего этого не перестающее быть Явлением.

Политизированный Запад сделал из «русского авангарда» фетиш, возвышающийся над бренностью жизни, недоступный для понимания неизбранных и непосвященных. На деле же превратил его в товар с политической окраской. Это тем более легко было сделать, поскольку у себя на родине авангардное направление искусства преследовалось по идеологическим соображениям, столь же загадочным, как и сам авангардизм; незаслуженно принижались и действительные достижения авангарда. Впрочем, время расставляет все по своим местам.

Автор не ставит своей задачей специально касаться идеологических аспектов культуры. Это особая сфера. И все же избежать некоторых попутных ремарок нельзя, невозможно, поскольку рассуждения идут на ту же тему — о борьбе и связях нового и старого, но уже на опыте духовного развития.

Личные вкусы автора ближе к классическому и современному реалистическому искусству, но не в догматическом его истолковании. Нравится средневековый примитивизм, французский импрессионизм, русская социальная живопись. Но все это не дает ни малейшего права отвергать значение других школ, в частности авангардизма. Да и здесь, если говорить о личных вкусах, не могут не волновать те произведения Кандинского или Шагала, в которых с пронзительной силой показана живая жизнь, ее обнаженная реалистичность, хотя и в непривычных для восприятия формах.

Конечно, русский авангард дал не один повод к его буафорскому истолкованию. Пародийность, эклектизм, нарочитая провокационность подачи, мистицизм, возвышающий только «особо одухотворенных», отрицание традиций, в принципе созвучное настроениям эпохи,— все это множило, сгущало восторг, в котором оценки теснились многими теоретическими школами, трудами, интерпретациями. Абстракционизм, супрематизм, футуризм, конструктивизм, фигуративизм, в которых имена русских художников — Кандинского, Малевича, Шагала, Поповой, Родченко, Бурлюка, Лисицкого, Филонова, Матюшина, Татлина, других — склонялись в самых противоречивых эпитетах.

Нельзя отказать в напористости этому направлению искусства. Оно, пользуясь отсутствием внешней ясности, подчеркнутой беспредметностью и подчас претенциозным истолкованием, вторгалось в философию, навязывая идею «интуитивного разума» как самой высокой и совершенной его модели. Русский авангард пытался убедить современное ему общество, что игрой цвета и ритма, низвержением всех прежних взглядов на гармонию формы и содержания, уводом от обыденного сознания в мир «новых»

мироощущений и переживаний он создает адекватную времени систему восприятия и осознания жизни, формирующую нового человека, который целиком порывает с прошлым, с «пошлостью» традиционализма.

Итак, новый человек через сюрреалистическую реальность. Где он? В сочетаниях контрастных пятен и конфигураций? Нет, не так все просто. Зрительное восприятие картины или слуховое — музыки, стиха и дальнейшее духовное их освоение тоже символика, тоже условность. Здесь также имеет место созерцательная отвлеченность, погружение в иное состояние, которые помогают оторваться от реальностей жизни, обнаружить зауженность привычного сознания, придать прозе действительности романтические оттенки, чтобы сыграть роль своеобразного зрительного или слухового транквилизатора, который помогает сложиться ощущениям в контуре желаемой действительности.

Авангардисты болезненно заботились о максимальной свободе художественного творчества. Но проникновение в их творчество оказывалось обусловленным предельно сложным и напряженным состоянием личности, ее выделением в ряды своеобразной элиты духа, где свободе и массам места не отыскать. Авангард был постоянно озабочен обеспечением «социального алиби», абсолютной независимости от социума, однако сам он расцвел на фоне Октября, острейшего социального конфликта. Часть авангардистов приняла революцию и поверила в нее как в принципиальное условие торжества искусства. Другие увидели в ней «вакуум», приближающий к беспредельному эксперименту. Третьи проповедовали идею абсолютной свободы искусства — идею наивной культурной утопии.

Истоки внутреннего надлома авангардизма лежали не в эксперименте формы, ни тем более в столкновении с властью, а в претензии на универсальность и внеисторичность. Идея «спасения мира красотой» и нравственного обновления, заметная в русской общественной мысли, столкнулась не с сюрреалистической реальностью, а с живой, которую творили массы, а не одни избранники духа, и не созерцательно, а «прозой жизни», которая порой возвышалась до жертвенного подвига ради идеалов свободы, добра и справедливости.

Октябрьская революция отринула социальное прошлое России, осуществила тем самым высочайшую справедливость. Авангард по внешней аналогии объявил искусство прошедших столетий «пошлым» и подлежащим радикальной революционной замене. Выстроившись в ряд с социальным экспериментом, авангард возжелал стать над ним. Но демонстративно асоциальная, разрушительная позиция не могла не вести к философскому разрушению. Авангардизм поторопился, аналогия оказалась несостоятельной.

Многие авангардисты, и не только они, проповедовали, например, что социальное убивает духовную субстанцию, принижает искусство до фотографии с окружающего мира и тем лишает его творческого начала. Факты не поладили с приговором союзу социального и духовного. Именно творческая ответственность и социальная активность некоторых представителей авангарда оплодотворили поразительные по силе таланта и новаторства явления в советской культуре (С. Прокофьев, Д. Шостакович, В. Маяковский, М. Булгаков, Дзига Вертов, С. Эйзенштейн, А. Довженко, Вс. Мейерхольд, Евг. Вахтангов, И. Шадр) ¹.

Не будет преувеличением сказать, что искры, высекавшиеся столкновением традиционализма и динамизма, побуждавшие «духовную субстанцию» преодолевать, порой прорываться сквозь пути догматизма, маскировавшегося под традиционализм, воодушевляли талант на свершения непреходящие. Оказалось, что искусство и сегодня несет в себе способность глубинно пропахивать жизненные пласты, а силой художественного анализа страстей, характеров и конфликтов — высвечивать лабиринты общественного развития. Но умер ли при этом в художниках «традиционализм» и восцарствовал ли «гимн форме»? Осторожный ответ едва ли оспариваем, хотя бы в силу риторичности и упрощенности самого вопроса. Но бесспорно впечатляющее влияние поиска в искусстве, которым были окрашены послереволюционные годы.

Ныне авангардизм не столь агрессивен. В горячке вовлеченности в политическое маневрирование он растерял одежды «мессианской предназначенности». Едва ли кто верит теперь в идею обновления мира через «универсальную пространственную платформу». Да и представители авангардизма стали мельче талантом, а их философские интерпретаторы — скучнее. Они мало смогли добавить нового, принципиального к тому, что породил авангардизм в начале века и в революционной России. При перепеве старых идей они стали куда более скромными, а во многих случаях опустили до мирской суеты.

Многие произведения времен революции, сохраняющие свое художественное значение, в раздражении объявляют теперь фольклором своеобразной эпохи, всего лишь данью времени, графику обвиняют в убийстве универсальной формы. В стремлении сохранить свое значение адепты современного авангардизма пританцовывают вокруг темы, что, мол, иногда у одиночки зрение

¹ Кстати, известным продолжением этой традиции творчества в советском искусстве явились работы театра на Таганке, спектакли «Современника», стихи Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, стихи и песни Высоцкого, Окуджавы и др. Это особый вопрос, о нем мы говорим лишь в разрезе «нетрадиционности» как мотиве и способе движения, развития. Тем самым вовсе не утверждается универсальность «нетрадиционности».

лучше, чем у массы, что иной инакотяворящий в искусстве точнее выражает эпоху, чем сотни «отражателей», хотя бы и талантливых. Если говорить о прорывах гениальности, то дело обстоит именно так. Но в данном случае выискиваются возможности для игры амбиций, тщеславий, далеких от действительной заботы о развитии искусства, о таланте. Парадокс, эстетически убивший часть авангарда, состоит в том, что всю свою жизнь он на словах бежал от политики, а на самом деле жил с нею неравным браком.

Но суть проблемы не в этом. Если посмотреть внимательно ретроспективу, отбросив годами накопленные предрассудки, нередко созданные искусственно, то обоснованно следует признать, что *русский авангард, при всей его противоречивости, претенциозности, осуществил позитивную историческую миссию как с позиции нравственной созвучности самой идее низвержения социального старого, так и с точки зрения оплодотворяющего влияния на развитие искусства в целом.*

Принципиально важно подумать, не торопясь и без предвзятости, над теми последствиями, которые порождены историческим недоразумением в отношениях с русским авангардом. Правильное отрицание мессианской претензии некоторых авангардистов на универсальность этой формы искусства, стоящей над историей, революцией и массами, к сожалению, доведено до абсурда отталкивания, что принесло несомненный вред искусству нового общества, которое по природе своей строится на революционной идее развития, наследуя при этом общечеловеческие ценности прошлого.

В данных рассуждениях судьба авангарда — лишь пример, не более. Пример наиболее громко прозвучавшей схватки между консервативной традицией и авангардистской атакой в искусстве. Бросая вызов искусству традиционализма, он оказался не в состоянии выжить в борьбе с Титаном. Авангард пощипал Титана, пощекотав, расшевелил его, разбудил и принудил к беспокойству, продвинул к мысли о неизбежности развития, то есть исполнил критическую миссию. Но авангард терпел и немало камнепадов, приобретя ореол мученичества, страдальца за «гонимое новое».

Причины сложившейся ситуации сложнее, чем кажутся на поверхности. Видимо, групповые интересы создания обстановки псевдоборьбы в искусстве взяли верх над самими принципами развития социалистической культуры. Псевдобдительность прилипших к революции бесталанностей также сыграла свою роковую роль. Представители «цеха искусства из фотоартели» боялись развития, оно отодвигало их в сторону, и потому громко кричали о своей приверженности к «принципам», в которых и сами

смыслили мало. Отрывки этой суетности дали себя знать и во времена выставки в Манеже и встреч с писателями, да и в целом известной подозрительностью к художественной интеллигенции.

Вопрос, таким образом, об отношении к новому, необычному в искусстве и литературе, перешедшему привычные рамки и устоявшиеся представления,— это вопрос судеб культуры социализма, одной из самых сильных, многообещающих сфер нового общества, в том числе и в плане борьбы за умы в этом переходном мире.

Платон полагал число мерой гармонии. Блок верил, что поэзия вносит гармонию в хаос жизни. Иные рассуждают в том плане, что культура в целом — и в этом ее предназначение — умирляет крайности «непросвещенной власти», экстремальные проявления социальности. Рассуждений на этот счет существует множество. Несомненно, пожалуй, одно: культура — это своеобразный духовный цемент нации, духовная опора рода человеческого, его пристанище при невгодах и душевных неурядицах, его надежда, не оставляющая в беде, его праздник и горе, его голубые сны и жестокие реальности. Она авторитетна и почтенна, формирует выработанные жизнью нормы мыслительной деятельности и поведения, а порой служит прибежищем и тем, кто ищет интеллектуальную раковину для обитания. Уважение к культуре, преклонение перед ней — добрая и относительно устойчивая традиция.

Впрочем, слишком уж часто можно слышать и оценки, идущие от круговерти моды. Это вроде интеллектуального десерта — метнуть в слушателя словами, демонстрирующими нестандартность мышления или знания. Тем более что критические замечания, например, о великих не означают морального грехопадения, не ведут к обвинениям в консерватизме, не сокрушают «устои», те устои, которые выработаны приспособленцами от культуры в соображениях личного удобства и корысти, а вовсе не в заботе о культуре.

Не будь вопрос ограничен охранительным подходом к культуре прошлого, во всем этом не было бы большей беды. (Если не касаться здесь вопроса об искусственной гальванизации всего прошлого с целью дискредитации нового на спекулятивной почве исторической ностальгии или политических амбиций.) Парадоксы начинаются там и тогда, где и когда вкусовые характеристики личностного характера, зависящие от уровня воспитания, образованности, вкуса, интеллекта, приобретают характер официальных оценок, что неизбежно — и опыт тому летописец — ведет к искусственному отталкиванию подлинной культуры и ее представителей. Групповщина торжествует, бесталанность обретает силу. Как следствие, искусство и литература лишаются природ-

ного принципа — творчества, ибо групповые и личные оценки в первую голову ударяют по новому, непонятному, что поначалу колет глаз и режет слух. *Создается драматичность вокруг творчества, около него, что и порождает известную проблему «трагизма культуры и творчества».* Но трагично другое — трагична *искусственность трагизма.*

Скажем, литература сама по себе не решает проблем, она выдвигает их, но выдвигает творчеством, которое тогда живет живой жизнью, когда ставит под сомнение привычное, нарушает устоявшееся равновесие, экспериментирует, обнаруживает новое чаще всего там, где все кажется уже ясным, порой и дерзит. Но в этом и сила ее, ее нужность, ее принципиальная сродность с революционной диалектикой ленинизма, как учения, чуждого топтанию на месте, учения, сущность которого — развитие. У настоящей литературы — хорошее социальное зрение.

В жизни общепринятая точка зрения чаще находится в более выгодной позиции, чем что-то новое, еще не осознанное, малопопулярное. Больше того, устоявшийся, наиболее распространенный на данном этапе взгляд не только полезен в дискуссии, но и нужен, важен, но в качестве голоса в споре, а не самодовольной истины или своеобразного языческого божества. Если традиционная концепция верна, она завоевывает признание в борьбе, в обсуждениях и только тогда убедительна в качестве руководства к действию. Иными словами, только на основе осознанной работы мысли, в дискуссии выстраивается иерархия интеллектуальных ценностей.

В естественной науке несколько проще. Сделали в свое время крупные ошибки в оценках новых открытий в биологии и физике... и научились. Расплата оказалась слишком быстрой, жестокой и дорогой, чтобы не признать раз и навсегда не только правомерность, но и обязательность эксперимента, поиска нового, без чего наука существовать и развиваться просто не может.

Уроков полно и в литературе. Вспомним упреки, что М. Шолохов «воспевал белое казачество», М. Зощенко «извращал» действительность, Ф. Абрамов и Б. Можяев «преувеличивали трудности в сельском хозяйстве», Ч. Айтматов и С. Залыгин «грешили «увлечениями психологией личности», Ю. Бондарев недооценивал «роль командования в Отечественной войне», а К. Симонов преувеличивал «неудачи и просчеты» в той же войне. А что касается произведений В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Трифонова, В. Белова, Д. Гранина, В. Распутина, М. Шатрова, Г. Бакланова, то они вообще «нарушают гармонию и равновесие в обществе». Жизнь поправляла оценки, но, к сожалению, не оценщиков. Они и по сию пору на страже, только не знают точно и даже примерно, что сторожат.

В данных случаях даже примат социального в критических оценках оказался спекулятивным, надуманным, ибо эти и многие другие писатели талантливо, художественно-напряженно вскрывали пласты живой жизни, будь то переломное время 50-х годов, жизнь деревни, война солдата, столкновения идеалов и характеров в эпоху ломки социальных институтов жизни.

Необходимость критики неоспорима, но она не должна игнорировать гносеологические и культурологические аспекты анализа и познания, без чего оценки в искусстве и литературе не несут научной и художественной ценности. Социальный реализм — это единство гносеологического и культурологического. Искусственное выпячивание социального при игнорировании философии и принципа художественности неизбежно приводит к оргиям бездарности, примитивизируя само социальное и подрывая авторитет искусства.

Подобная практика в системах оценок настораживающа, она исполняет исторически опасную тормозящую функцию. Повторяю: нельзя отрицать плодотворность критики. Это верно, но должна быть изменена тенденция в критике, ибо не тот за народную власть, кто громко и бездарно кричит за нее своим ремесленничеством, а тот, кто работает на эту власть, бескомпромиссно видя ее недоделки и просчеты, напряженно вглядываясь в будущее, творя его и дерзко, и ответственно. Бездарность и талант — явления, которые обязаны звучать по-разному в политике, ибо социализм природно способен продолжать традицию развития подлинной культуры человечества. Эта миссия ждет своего неизбежного осознания и переложения на ноты практических дел.

Живому — живое. Учению о революции, культуре грядущего нечего делать с мертвыми догмами и нет нужды бояться живого. Долг социалистической цивилизации перед необходимыми социальными переменами будущего — сохранить, отстоять, сберечь «живую душу» революционной диалектики, суть ее, заключенную в идее и практике развития, проявляя и демонстрируя постоянную настороженность (по меньшей мере) ко всем видам догматизма, ставшего главной опасностью созидательной практики. Эта историческая ответственность диктуется неизбежным процессом социального и культурного обновления человеческого общежития, которое настоятельно потребует четких объяснений, идеалов и перспектив, способных быть сформулированными на основе исследования живой жизни и общественного сознания во всех без исключения его проявлениях и формах.

ДУХОБОРЫ — ПЛАКУН-ТРАВА, ПЛЫВУЩАЯ НАПРОТИВ ВОДЫ

Не скрою, до последнего момента у меня были колебания относительно включения в этот сборник заметок, вроде бы не связанных с его стержневой темой.

И все же взаимосвязь есть. Непростая и нелинейная, но тем не менее реальная. Пытливый интерес к истории родился в обществе задолго до перестройки. В известном смысле правомерно сказать, что разбуженное историческое сознание народа стало одним из факторов, обостривших необходимость перестройки. Творческая мысль, биение которой не остановить, заинтересованно, инициативно всматривалась в прошлое, открывала в нем неизвестные, забытые, а чаще — изъятые страницы.

Такой страницей, пусть и скромной, стало для меня «открытие» духоборов. Поразило, не могло не поразить, непостижимое подвижничество группы людей, которые шли на любые личные невзгоды, страдания и немалые потери ради убеждений.

Так, впрочем, бывало не раз в истории многих народов. И русского в том числе. Вера предполагает жертвенность, искупление без вины. Но при всем уважении к чисто человеческой стойкости духоборов (или духоборцев, как они сами себя называют) изумляет все же внутренняя сила людей, уже три столетия противостоящих официальной церкви и власти, подвергающихся жесточайшим гонениям, но не озлобившихся, не впавших в мрачное отчаяние и всененавидящий экстремизм, не замкнувшихся в схимническом отшельничестве. Людей жизнерадостных, совестливых, обожествляющих высшие ценности жизни: радость труда и человеческого общения, семью и дружбу, честь и порядочность.

¹ Частично опубликовано в журнале «Дружба народов». 1984. № 12.

И дело, конечно, не только в церковной распри, в мировоззренческом сектантстве, да и кого сегодня волнуют споры многочисленных сект с церковью, споров этих были за столетия многие тысячи. Дело даже не в том, что в судьбе и исканиях духовоборов отразился своеобразный протест части российского крестьянства против сложившейся феодально-крепостнической структуры того времени — этот протест тоже удел истории.

Нет, дело в другом. В попытке человеческого духа сбросить тягостные оковы обмана и подавления, вырваться за пределы общепринятых, но лицемерных и несправедливых норм, угнетающих и принижающих человека. В отвержении любой несправедливости, насилия, любых посредников между человеком и его идеалами — пусть они и выражены для духовоборов через идею божества, через легенды раннего христианства.

Нравственные идеалы духовоборов удивительно созвучны современному, сегодняшнему, и это свидетельствует, сколь сильно выражено в них общечеловеческое начало. История духовоборства — часть освободительного движения народа, которая не должна быть забыта, вычеркнута. В частности, она приглашает поразмышлять о том, почему при всей привлекательности нравственных, жизненных идеалов и целей духовоборчества оно все же не вышло за пределы секты. Не потому ли, что эта вера предъявляет высочайшие требования к личности. Есть, конечно, и другие причины, очевидные любому грамотному человеку. И все же задумаемся именно над этой.

Казалось бы, парадокс: почему духовоборы везде достигали немалых успехов в сугубо практических делах? Их изгоняли, переселяли на самые неудобные земли, лишали имущества, ставили в положение потенциальных жертв искусственно вызываемой межнациональной и межрелигиозной розни, а они всенепременно поднимались, снова обзаводились крепким хозяйством, а главное, находили общий язык, устанавливали дружеские связи, отношения сотрудничества с любыми иноязычными соседями, с которыми доводилось им жить бок о бок и в России, и на Кавказе, и в Канаде. Не потому ли, что их высокие требования к самим себе и отсутствие каких бы то ни было притязаний к другим неизменно вызывали естественное человеческое уважение? Труд и милосердие, а не разрушительство и противоборство брали верх, одолевая зло.

Сентябрь 1989 г.

Духоборы — неповторимое, поразительное явление. Где-то далеко, на другой половине земного шара, на западе Канады, на приграничных с Соединенными Штатами землях живет община русских людей, добрых, трудолюбивых, бережно хранящих язык и традиции своей родины, которую они с болью покинули еще в конце прошлого века.

Судьба не была добра к духоборам, но они избрали ее осознанно. Духоборческое сектантство возникло среди других как форма протеста против феодально-крепостнических порядков, против угнетения и унижения человека.

Глубочайшие корни в духоборческом движении получили идеи справедливости, равенства, общинности. Эти социальные и нравственные принципы пришли в непримиримое противоречие с общественным укладом того времени. Кстати, враждебное противостояние возникло несмотря на то, что духоборы исповедовали, согласно вере своей, исключительно мирные средства протеста. В практическом плане свои социальные утопии духоборы воплощали в создании замкнутых религиозных общин.

Иными словами, их вела не реальности жизни, а причудливые иллюзии христианской гармонии. Благородные цели, но обманчивые средства — столь распространенное явление в истории борьбы за лучшее будущее, за справедливость. Но царский режим и официальное православие отвергали и то, и другое. Духоборы оказались в беспощадной опале властей и церкви.

На Зло отвечать Смирением, плохого человека убеждать добросердечием. Жить по законам веры и совести. Они остро чувствовали противоречия и несправедливости общественной жизни, но не борьба была их религией, их судьбой. Они вполне искренне верили, что только возврат к нравственным устоям раннего христианства спасет человечество от войн, конфликтов и морального распада.

I

Гонимые ветром судьбы, преследуемые властью и ударами трагических потерь, эти упрямые люди, пусть наивные в своих суждениях и вере, пронесли через все испытания живую душу непокорного характера, непримиримость к обману, фарисейству и насилию, непреклонное неприятие милитаризма. Духоборы иносказательно называли себя *плакун-травой, плывущей напротив воды*.

Вдохновенные слова написал в 1909 году о духоборах В. Д. Бонч-Бруевич, сподвижник В. И. Ленина:

«Нечеловеческие страдания, превышающие всякую меру представления и живого воображения, вынесли на себе эти простые русские люди, разбросанные по всему лицу России, объединенные общим названием «сектантов». Только страдания, испытанные Россией в последние «конституционные» годы,— в годы «успокоения»,— дают нам, современникам этой ужасной эпохи разгула темных сил и политической реакции, понятие, что претерпевали ранее сектанты целые столетия подряд...

Ужас леденит сердце, когда читаю я эти простые, эпические повествования, эти записи, в которых поведали они свое горе-злосчастье, перенесенное ими в жестокое время экзекуций, сопровождавшихся не только избиением, телесным наказанием для мужчин и женщин, поборами и грабежами, но и ужасным позором гнусных насилий над девушками, женщинами и матерями. В какую бесконечную глубину отчаяния должны были бы повергнуться они, если бы не спасала их твердая убежденность в своей безусловной правоте, если бы не окрыляла бы их радостная надежда, что когда бы то ни было, хотя для отдаленных поколений их «избранного духоборческого рода», придут времена счастья, доли и свободы? Сознвая себя предтечами этой «новой жизни», тем «камнем коренным», на котором закладывается строение лучшего, счастливого будущего,— духоборцы безбоязненно и твердо становятся на путь страданий — этого своеобразного высокого общественного служения современных поколений»¹.

На мой взгляд, в этих словах — большая доля милосердного, сострадательного увлечения. По тем или иным причинам В. Бонч-Бруевич завышал значение духоборческого протеста, степень их действительного понимания принципов общины, равенства и т. д. Но в его замечаниях содержится ясная характеристика той конкретной социально-исторической обстановки, которая породила духоборов, питала их, двигала к действиям.

Разумеется, нет рациональных оснований соглашаться с духоборческим вероучением и, конечно, со вспышками их религиозного фанатизма (слепой фанатизм никогда не одолевал мрак деспотизма), но трудно не восхититься жизнестойкостью тысяч россиян, которые вот уже на протяжении веков, из них почти 100 лет вдали от родины, неистово верят в идею, что только равенство и коллективизм, добытые через труд, всеобщую доброту и всеобщую любовь, суть последняя надежда человечества. Исходя из этой веры, они созерцательно и смиренно принимают все, что их окружает,— плохое и хорошее, прощают обиды, не приемлют насилия, отвергают любое оружие, выступают против убийства, даже животных. Вегетарианцы, не пьют спиртного, не курят. Веселые по натуре и жизненному укладу. Песня — это своего рода духовное прибежище духоборов: они поют, когда отдыхают, и работают тоже с песней.

Исповедуя непротивление злу насилием, они непреклонны в вере в идеалы социальной гармонии в их религиозном обрамлении, готовы к личному и коллективному самопожертвованию,

¹ *Бонч-Бруевич В.* Животная книга духоборцев. СПб., 1909. С. 39—40.

к страданиям во имя того, во что верят. Разумеется, их учение, как и других сектантов, полно противоречий. Они отвергают поклонение материальным символам религии, сотворенным руками человека, но сами как бы не замечают, что любая вера — тоже творение человека. Отрицая власть, они беспрекословно подчиняются собственным вождям, сделав допуск в воображении, что их вожди — посланцы духа, а не посредники-попы, которых они не признают. Много и других парадоксов, но суть не в них.

Сама природа сектантства противоречива. Полны парадоксов эволюция взглядов и целей, побудительные мотивы тех или иных действий. Отсюда проистекают и противоречия в оценках истоков и судеб сектантства в тех или иных социально-политических условиях. Доминирующая часть дореволюционной официальной историографии отличалась ханжескими проклятиями, ложью, направленными на откровенную травлю «отступников от бога и власти». Клеймили их знакомыми кличками: то «социалистами», то «иностранными наемниками». Ученые демократического направления рассматривали сектантство в плане борьбы против царского абсолютизма, особенно в крестьянской среде. Представители демократической мысли, а также народники нередко наряду с правильными оценками преувеличивали практическое значение сектантства.

Мне приходилось встречаться с духоборами, наблюдать их жизнь, обычаи, знакомиться с организацией общины. В школах говорят в основном на русском языке. В общественных зданиях проводятся еженедельные совместные богослужения. В Кастельгаре имеется ресторан, в котором готовят духоборческую вегетарианскую пищу. В этом же городе открыт музей. Большинство духоборов работает на различных предприятиях, часть — земледельцы. Община владеет на паях с частными лицами заводом по изготовлению древесностружечных плит и кооперативным магазином.

Эти данные дают лишь частичное, отрывочное представление об общине. Но в целом остается впечатление, что вы живете среди очень добрых людей, веселых и отзывчивых. И не похоже, что они и предки их перенесли столько страданий, ибо светящиеся от улыбок лица говорят о счастье и гармонии с жизнью.

II

История духоборов глубоко уходит корнями в прошлое, в пережитое предками этих русских общинников, оказавшихся за тридевять земель от родных мест. И не вина их, а беда, что нестерпимость гонений привела их на чужбину.

...Секта духоборов возникла в России в начале XVII века, вскоре после Смутного времени, когда особенно активно стали распространяться бунтарские идеи. В эти и последующие годы образовалось множество религиозных сект. Как пишет В. Бонч-Бруевич, «творя жизнь по-своему, сектанты внесли свою лепту в дело строительства новых форм русской общественной жизни. Историческая наука не может пройти мимо крупного народного явления, долгое время определявшего внутреннюю жизнь и устройство миллионных масс населения. Всесторонне изучив его, мы найдем в нем много поучительного, интересного и совершенно необходимого для правильной оценки пережитых эпох»¹.

Отколовшись от официального православия, они на первых порах еще не обозначили своих уставов, правил и верований, мало отличались друг от друга. Но их объединяла оппозиция к церкви, дискредитировавшей себя услужливостью властям. Только приблизительно в начале XIX века появились различия, позволившие отличать баптистов, молокан, менонитов и духоборов. Русские раскольники, отринувшие официальную церковь, могут рассматриваться по аналогии с западноевропейскими протестантами и реформаторами, но похожесть их чисто внешняя. Они отличаются, например, от протестантов тем, что не являются выразителями интересов нового класса — буржуазии, а отражают сопротивление крестьянства, которое делает одну отчаянную попытку за другой, чтобы вырваться из-под власти феодального государства и церкви и утвердить свою автономию под защитой религиозной оболочки.

В XVII—XVIII веках сектанты-раскольники называли себя обычно «сынами Божиими», их именовали часто «иконоборцами», поскольку все они отрицали святость икон, а тем самым и святость церкви и ее служителей.

Первые официальные сведения о духоборах появились в 1733 году, когда в доносе на них властям было сказано, что «они уже издавна в России умы и сердца развращают». Существует легенда, что первым проповедником духоборчества, как такового, был отставной унтер-офицер, который появился в Харьковской губернии где-то в середине XVIII века. Он повторял устное предание духоборов о том, что они потомки трех вавилонских отроков: Анания, Азария и Мисаила. За отказ поклоняться Истукану, сделанному царем Навуходоносором, последний приказал свергнуть их в раскаленную печь. Но все три отрока в силу веры своей остались невредимыми. И до сих пор духоборы ссылаются на пример трех отроков, когда призывают к терпению и выдержке перед лицом гонений и преследований.

¹ Бонч-Бруевич В. Животная книга духоборцев. С. 5.

Идеи, представления духоборов довольно просты, доходчивы: все иконы — творения рук человеческих, а потому в них ничего святого нет и быть не может. Даже наоборот, иконы извращают истину веры, ибо требуют поклонения мертвым изображениям. Духоборы отвергают церковные таинства и обряды, молитвы и требники святых угодников, любые идолы, будь то золотые, серебряные, каменные, полотняные, железные или деревянные. Известный религиозный догмат о святой троице они переделали на свой лад, подвинув его поближе к жизни: бог-отец у духоборов память; бог-сын — это разум; бог-дух святой — воля. Итак, память, разум и воля — эти очеловеченные понятия сами по себе подрывали церковные догматы, уводящие от рационального восприятия окружающего мира.

Вместо Библии духоборы читают и поют «Животную книгу», то есть книгу живота (жизни). Вместо поклонения иконам они провозгласили поклонение Духу Христа, который обитает в каждом человеке. Поэтому любой может обойтись без попов и прямо общаться с Христом. Эта схема соответствует убеждению духоборов, что все люди равны и не нуждаются в посредниках в виде церкви или власти. (Подобные учения, отрицавшие посредничество в общении с Христом, зафиксированы историей еще во времена Дмитрия Донского в 1363 году, но каких-либо документальных доказательств связи этих вероучений с духоборческим движением нет.)

Вслед за отрицанием икон и церковью духоборы подняли на щит христианскую заповедь «не убий». Все люди — братья, дети одного Создателя, а потому не должны убивать друг друга. Это послужило основанием для духоборов отказаться от военной службы, не признавать государственную власть, поскольку последняя — тоже насилие.

Духоборческие идеи отвечали настроениям крестьянства России, которое все больше тяготилось помещичьей властью, 25-летней службой в армии, духовным давлением церкви. Крепостным нравилась идея равенства, рекрутам по душе было отрицание войны и оружия, простым людям легко прививались проповеди о ненужности власти. В духоборческих воззрениях нашли «пристанище» те морально-этические представления, которые отражали неприятие официальных норм поведения.

Наиболее последовательным проповедником духоборчества считают Силуяна Колесникова (середина XVIII века). В его наставлениях начали обозначаться более или менее ясные контуры будущих религиозных и нравственных догматов движения. Он, в частности, призывал искоренять в себе «самолюбие, корысть, плотские желания и похоть, а также зависть, алчность, охоту к изобилию, богатствам». Не должно быть между людьми

«воровства, плутовства, обманов, грабительства, притеснений, злоухищрений, лицемерств, притворств, несправедливостей, вероломств, лжесвидетельств, лжековарств... гнева, ярости, вражды, свар, браней, ссор, небратолюбия, несогласия... ненавистей, непримиримостей, злопамятств, любомщений и проч.». На богатых нацеливались требования, чтобы не было «духа велелепий, пиришеств, пьянствований в празднованиях, пустомыслия, злопохотений, мерзких сквернословий, лености и проч.», чтобы человек не искал себе «возношения славы, хвалы, чести и почтений», ибо «всякая слава от человека и перед человеками действует на душу немощную нашу, яко на плоть смертные заразы»¹.

Для обличения социально-экономического строя и господствующей морали С. Колесников активно пользовался священным писанием. Прием, довольно распространенный в те времена, он как бы прикрывал раскольничество от обвинений в бунтарстве. Критика царизма, нравов церкви и господствующего класса явно активизировалась, особенно в религиозных течениях, что не могло не беспокоить церковные и мирские власти. Другой вопрос, приносила ли эта критика пользу? Несомненно, поскольку подрывала, раскачивала устои несправедливости, творимой по отношению к крестьянству.

Но что интересно? Духоборы, критикуя существующие порядки, никогда не ставили перед собой цель усовершенствовать что-либо и кого-либо. Их пастыри внушали сподвижникам, что занимаются лишь самоусовершенствованием, самоисправлением. Итак, не борьба со злом, а бегство от него, бегство к непротивлению, созданию замкнутых островков другой, справедливой жизни.

Сегодня трудно сказать, в какой мере в этой позиции была заложена практическая надежда на исправление человеческого бытия через самоочищение. Но в любом случае духоборы верны этому принципу и поныне. Наряду с этим, главным принципом, существовало и другое соображение. Возможно, вожди духоборов полагали, что отказ от насилия успокоит власти и спасет секту от преследований. Увы, расчет, если был таковой, не оправдался, оказался ошибочным. Любых отступников от официальной церкви преследовали в России с незапамятных времен, и преследовали беспощадно. Они были гонимы и при Иване Грозном, и в период искоренения сектанства при Петре I. Последний, в частности, предписывал отступивших от православия «исправлять и о обращении ко благочестию увещевать, а которые по уве-

¹ Из Записки, поданной духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 2. С. 29, 30, 31.

щеванию исправиться не хотят, о таких сообщать Синоду»¹. Непокорных секли кнутами, ссылали в Сибирь, на Соловецкие острова и т. д. В царствование Анны в 1734 году был издан специальный указ о наказании иконоборцев, в котором было сказано, что «оно злодеяние начало произрастать уже из давних лет и не в одном, но во многих местах плевело разсеяние свое имело»².

Письменные свидетельства о преследовании самих духоборов относятся ко времени правления Екатерины I. Отношение к ним было крайне ненавистное: духоборам часто не давали земли, не позволяли работать, у них отбирали детей. Когда в 90-х годах XVIII века в Таврической губернии судили 34 духобора, то суд принял следующее постановление:

«Как означенные подсудимые, за внушением и увещанием остались непреклонными, то дабы отвратить впредь у людей им подобным суеверие, и самим им воздать за отвержение их от церкви, ея таинств и святых, сих преступников, именно Алешковских ...(следуют фамилии), в Днепровке наказать публично мужчин кнутом по тридцать, а женщин плетью по сорок ударов... по наказанию всех сих преступников отправить их в Сибирь на поселение, имене же их описать, с публичного торга продать и вырученные деньги для зачисления в казенный доход отправить в Перекопское уездное казначейство».

По другому приговору предписывалось:

«Подсудимых, обвиняемых в духоборческой ереси, сослать закованных в железа, без наказания, в Екатеринбург вечно к разработке рудников»³.

В Тверской губернии (уже при Павле I) духобор Андрей Давыдов и жена его Домна из села Тебнешово были «наказаны кнутом с вырезанием ноздрей», после чего сосланы на работы в Иркутскую губернию. Особенностью указов о духоборах в царствование Павла I было то, что они преследовались скорее за отвержение власти, чем церкви.

Откуда же эта ненависть к секте, которая проповедовала сопротивление, по вере своей отрицала физическое насилие, саму возможность «улучшения других», если оно не шло через самоулучшение? Ответ, видимо, следует искать в том, что духоборческая вера отвергала любую власть как насилие. Духоборы выступали за общность имущества, отказывались служить в армии, регистрировать акты своего гражданского состояния в государственных органах, то есть замахивались на сами устои государственного устройства. Страшило и то фанатическое упорство, с которым духоборы переносили наказания и пытки.

После особенно жестоких преследований сект при Павле I и очевидной безуспешности карательной политики Александр I принимает решение ослабить давление на духоборов, испытать

¹ Сухорев В. А. История духоборцев. Канада, 1944. С. 27.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 28.

путь терпимости и поселить их в одном месте. Царь предписывал назначать к духоворам священников кротких, благонаравных, в распри и раздоры по вере с духоворами не входить, «внутреннее их исповедание» оставить в покое, обращать в православие «кроткостью примера» и «святостью жизни», судить же разрешалось только за «явное неповиновение установленной власти». Александр I повелел защищать духоворов «от всех притязаний к ним невежества и ложной ревности к их просвещению», поясняя далее, что «и разумом, и опытом давно уже дознано, что умственные заблуждения простого народа прениями и нарядными увещеваниями в мыслях его углублялись; единым забвением, добрыми примерами и терпимостью мало-помалу изглаживаются и исчезают».

Конечно, духоворы не перестали быть отверженными, и дело не в добром характере царя. Просто после долголетних и бесплодных жестокостей была испробована тактика физической локализации секты, причем не без тайной надежды, что, поселившись вместе, духоворы впадут в свои внутренние противоречия и ослабят «разлагающее влияние» на окружающих.

Последовало разрешение поселиться духоворам в Новороссийской губернии, в Мариупольском уезде, на землях по реке Молочной. Было предписано выделить на каждую душу по 15 десятин земли, по 100 рублей подъемных на каждое семейство, освободить на пять лет от государственных податей и т. д. На Молочные Воды поехали духоворы со всей России, в том числе из мест заключения и ссылок. «По переселении сложили все свои пожитки в одно место, так, что теперь у них там одна общая денежная касса, одно общее стадо и в двух селениях два общих хлебных магазина; каждый берет из общего имения все, что ему понадобится»¹. Получилась община, быстро превратившая этот район в цветущий край.

Вождем духоворов в то время был Савелий Капустин. В течение семи лет было построено и заселено девять деревень — пять на Молочной, четыре на лимане той же реки, впадающей в Азовское море. Местные власти доносили наверх, что духоворы ведут себя хорошо, исправно платят подати, уклоняются от пьянства и праздности, усердны в труде. В знак примирения царь на пути в Крым однажды посетил духоворческие поселения и был встречен благодарственными псалмами. Но поскольку наветы на духоворов продолжались, царь, осуждая их отступничество от церкви, продолжал держаться политики обращения их в православие мирным путем. 9 декабря 1816 года в письме на имя херсонского военного губернатора царь задает вопрос, скорее

¹ Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. IV. С. 7.

похожий на восклицание: «Просвещенному ли правительству христианскому приличествует заблудших возвращать в недра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаниями, ссылками и тому подобным?»

Новая тактика властей оказалась эффективнее судебных и внесудебных преследований. Локализация духоборов рассланвала их имуществом, делила на богатых и бедных. Вызревали конфликтные социальные ситуации, вера вымывалась, как бы истончалась. Капустин отражал скорее не интересы общины в целом, а той ее части, которая богатела. С него началось установление нового типа «вождя», творящего власть над другими. Да и с официальными властями он стал поговорчивее. Заповедь о несотворении кумира перестала быть бескомпромиссно почитаема, как только обозначилось имущественное неравенство. Эти тенденции приведут страну «Духоборию» к болезни, но случится она позднее, на Мокрых Горах в Закавказье.

III

После смерти Александра I власти и церковь вернулись к репрессиям, брали реванш за долготерпение к еретикам. Гонения на духоборов возобновились — не могли не возобновиться, — ибо образ их жизни, моральные принципы, не говоря уже о религиозном отступничестве, бросали вызов общественному и церковному укладу. При Николае I церковь добилась высылки духоборов за пределы собственно России, за Кавказский хребет, под строгий надзор с расчетом, что они будут постепенно истреблены местными народностями как чуждый и пришлый элемент. Указ был издан в 1839 году. Новую кару духоборы приняли спокойно. Рассуждали, что переселение для них — дело не новое, они и раньше скитались по разным землям. На Молочных Водах, которые считались краем света, обосновались и выжили. На Кавказе тоже солнышко светит.

Когда духоборы покидали обжитые места, в каждом доме по традиции накрывали стол с хлебом, солью и водой для новых пришельцев. Прощаясь, припадали к земле, целовали ее, благодарили за то, что дала им приют. Следует заметить, однако, что разбогатевшие духоборы остались на Молочной, приняли православие и растворились в местном населении.

Вождем духоборов в период переселения на Кавказ был Ларион Калмыков, но он скончался в дороге от истощения. Духоборы впервые создали Совет старейшин, опытных в хозяйственных делах и твердых в вере. Совет пророчил в новые вожди сына Лариона — Петра. Но он тоже скоропостижно умер, наказав молодой жене Лукерье «позаботиться о духоборцах».

В Закавказье духоборы поселились в трех местах: Тифлисской и Елизаветпольской губерниях, а также в Карской области. Всего духоборов насчитывалось в то время 20 тысяч. В годы с 1846 по 1876-й правительство как бы забыло о них, рассчитывая, что местное население и климат покончат с рассадниками ереси. И верно, в первые годы от зноя и лихорадки летом, от горного холода зимой умерло примерно треть переселившихся на Мокрые Горы. Но постепенно все наладилось. Духоборческие деревни расцвели, а отношения с местным населением нормализовались. Духоборы — сами ткачи и портные, кузнецы и каменщики, плотники и столяры, мастера на все руки с глубоко развитыми традициями взаимопомощи — сделали Мокрые Горы богатейшим местом края.

Лукерья Калмыкова оставалась фактически вождем духоборов вплоть до смерти в 1886 году, то есть около 20 лет. Она, по преданию, нашла будущего вождя духоборов — Петра Веригина, приметила, когда ему было шесть лет от роду. Но после ее смерти начались очередные раздоры. Они отражали усиление имущественного расслоения, которое размывало основной устой секты — возможность достижения социальной гармонии.

Шаг за шагом на месте патриархальной общины, провозгласившей братство, артельность, взаимопомощь, отрицание насилия, выростала местная монархия со всеми атрибутами власти. Духобор С. Рыбин вспоминает, как Лукерья Калмыкова «заставляла молодых ребят пороть пьяниц розгами перед публикой» и приговаривала: «Не слушаете духу, то послушаете обуху»¹. Итак, дух обухом. В. Поздняков оставил следующую зарисовку общественного уклада духоборов того времени: «Однажды В. Веригин был выбран волостным старшиной, и он сразу настолько поработил подчиненных ему людей, что они не раз раскаивались, что выбрали сами для себя палача. Он без плети не выходил никуда из дома. Как кто сказал слово не по нем, так плетью через лоб. Кто, не видя его, не скинет шапку и не поклонится ему, — тоже плетью»².

Появились богачи и батраки, закабались наряду с духоборской беднотой и многие представители местного населения — курды, армяне, татары. Все это вело не только к повседневному распрям, но и к глубокому расколу, в основном на две партии: большую — бедных и малую — богатых и состоятельных. Началась самая вульгарная борьба за власть, в которой малая

¹ Рыбин С. Ф. Труд и мирная жизнь. Сан-Франциско, 1952. С. 7.

² Поздняков В. Правда о духоборах // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. СПб., 1914. № 6. С. 108.

партия стала искать поддержку у властей. Состоятельные семьи не хотели, чтобы новым вождем стал Петр Веригин, который хотя и не был особым почитателем партии бедных, но понимал, что только при их поддержке сможет забрать власть. Богатые имели своих кандидатов в вожди, и им удалось добиться от царских властей ареста и ссылки П. Веригина, в которой он пробыл 15 лет, воссоединившись со своей паствой лишь в 1902 году, уже в Канаде. Хотя П. Веригин и не был формально провозглашен вождем, если не считаться со словами Лукерьи Калмыковой, тем не менее именно он признавался вождем духоборов, а вернее, их бедной части в период после 1887 года, то есть с момента его ареста и до гибели в Канаде в 1924 году.

Новые осложнения с властью возникли у бедняков-духоборов в 1877 году в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Малая партия подчинилась властям, но большая категорически отказалась служить в армии. Путем угроз военные власти принудили духоборов к обозной службе. Но впоследствии П. Веригин, улавливая настроения, пришел к заключению, что уступки властям приведут к постепенной эрозии духоборческой веры, он призвал паству отказываться от любой службы в армии и ношения оружия.

Веригин призвал отказаться от спиртных напитков, курения табака, употребления мяса. Тем самым он пытался в условиях глубокого кризиса общины вдохнуть в духоборов новые силы и вдохновить новыми идеями, снова объединить их, дабы предохранить секту от ржавчины мирских дел и спасти от исчезновения. Он маневрировал, уговаривал бедных, заигрывал с богатыми, но примирить обе группы было уже невозможно, ибо раскол пошел вглубь, и не от взглядов на веру, а от экономического расслоения. Постепенно у большей партии зрела идея о переселении за границу, что позднее и произошло.

Практически все духоборы, призванные в армию, отказывались брать в руки оружие, за что жестоко наказывались. Вот рассказ Васи Обьедкова в его письме от 4 марта 1896 года.

«...Приносят нам солдатское платье и говорят:

«Скидайте свое». Мы сказали: «Нам пока своего хватит. А когда надо, тогда скажем вам». Но они ссрвали наше и надели на нас лохмотья. Потом заставляют принимать участие в военных приемах... мы отказались. Принесли колючие розги, берут в руки по шесть, кладут нас по одному и секут так больно, что вся колючка лезет в мясо и рвет мясо клочками. Дали нам по тридцати розог (ударов). Потом посадили нас в холодную по одному»¹.

¹ Цит. по: Сухорев В. А. История духоборцев. С. 96.

В 1895 году духоборы решили сжечь все имевшееся у них в домах оружие, которое раньше завели для защиты от набегов. В трех верстах от деревни Орловки были сложены в кучу ружья, сабли, кинжалы. Обложили дровами, облили керосином и сожгли.

В последние годы века правительство усилило репрессии. Духоборов сажали в тюрьмы без суда и следствия, истязали, морили голодом, принуждая к отказу от ереси и к ношению оружия. Затем начались массовые ссылки в Сибирь. Многие оказались в Якутии. К ссыльным ехали их семьи. Однако и новое испытание, и новое переселение не смогли убить убеждения. Они продолжали жить и надеяться на лучшее.

Судьба духоборов привлекла внимание Л. Н. Толстого. В 1897 году он посылает в ссыльные места своего сотрудника Ивана Трегубова, а потом своего секретаря Павла Бирюкова. Горячий отклик Льва Николаевича вызвало то, что духоборы последовательно и жертвенно исповедовали идею «непротивления злу насилем», но здесь же и горькие чувства великого писателя — от страданий духоборов за эту идею, что ставило под сомнение моральную ценность и эффективность толстовского учения. Интересно, что сам Толстой делает попытку расширительного толкования собственного учения. В письме кавказским духоборам в 1897 году писатель советует не упорствовать «в своем отказе от государственной службы... Если можете делать то, что от вас требуют, — делайте: избавьте этим ваших слабых жен, детей, больных, старых от мучений... Всякий из вас должен ради любви к своим отказаться от прежнего и покориться; никто не осудит вас за это»¹. Во всяком случае, этот толстовский совет мог рассматриваться как более или менее приемлемое толкование принципа «непротивления». Подчинение приказу тоже выглядит как «непротивление злу».

Но, призывая духоборов не слишком рьяно сопротивляться власти, Л. Н. Толстой и до этого письма и после него ведет упорную кампанию помощи гонимым. Он пишет обращение, взывая о помощи, ярко рисует положение духоборов в России. В статье «О помощи духоборам» он обвиняет правительство в систематическом их уничтожении². В послесловии к воззванию «Помогите» писатель говорит об «ожесточении и слепоте» правительства, преследующего духоборов³. Наконец, в 1900 году Л. Н. Толстой обращается к царю, уговаривая его прекратить «ужасные и бессмысленные жестокости»⁴.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1913. Т. XX. С. 164.

² См. там же. Т. XVIII. С. 188.

³ См. там же. Т. XIX. С. 234.

⁴ Там же. Т. XX. С. 169.

Призывы Л. Н. Толстого, участие в судьбе духоборов английских квакеров, многочисленные петиции на имя царя привели к тому, что в мае 1898 года правительство разрешило «духоборам-постникам выселиться за границу». Они должны были уехать за собственный счет и дать подписку о невозвращении. Первая группа духоборов в количестве 1126 человек выехала из России в августе 1898 года на остров Кипр. Одновременно были посланы гонцы в Канаду для изучения возможностей переселения в эту страну. Они прибыли в Оттаву в сентябре 1898 года. Духоборы старались заручиться обещанием местного правительства об освобождении их от несения воинской службы, получить заверения, что смогут свободно исповедовать свою веру, просили дать землю в одном районе, чтобы поселиться, как и в России, деревнями.

Британское консульство в Батуме (нынешний Батуми) на основании рекомендаций Л. Н. Толстого и собственной информации сообщило в Лондон, что духоборы являются хорошими земледельцами, прилежными тружениками и, как никто другой, подходят для целей освоения пустынных земель Канадского Запада.

Канадское правительство удовлетворило просьбу духоборов об освобождении их от воинской повинности. Духоборцу, приезжающему в Канаду, было обещано выдать по 1 фунту стерлингов на расходы по устройству. Каждый взрослый мужчина должен будет затем внести по 10 долларов «регистрационных», прежде чем ему выдадут патент на владение землей.

Следует заметить, что Л. Н. Толстой длительное время относился к идее переселения неодобрительно, убеждал духоборов не уезжать из России. И только после окончательного решения духоборов покинуть родину Л. Н. Толстой начал принимать личное участие в сборе денег и в организационных вопросах переселения. Английские квакеры создали переселенческий фонд. Л. Н. Толстой продал в пользу духоборов роман «Воскресение».

Первая группа духоборов высадилась в Канаде в январе 1899 года с парохода «Лейк Гурон» в порту Сент-Джон, откуда они отправились по железной дороге в провинцию Саскачеван. Вскоре прибыла вторая группа на пароходе «Лейк Сюпириор». В апреле — мае того же года оба эти парохода совершили еще по одному рейсу из Батума в Канаду. В июне приплыли духоборы с Кипра.

Побывал с духоборами в Канаде В. Д. Бонч-Бруевич. С одной из групп приехал, по поручению Л. Н. Толстого, Л. А. Сулер-

жицкий. В своей книге «В Америку с духоборами» он дает образную психологическую картину переселения, а также облика, характера его участников.

При отъезде из Батума. «Духоборы запели псалом.

Грустные, протяжные звуки, полные безысходной тоски, понеслись к быстро удалявшемуся берегу.

Тысячи голосов слились теперь в один вопль отчаяния, горечи, обиды. Не только люди, но, казалось, и вся природа притихла, потрясенная этими раздирающими душу рыданиями тысячной толпы, оплакивающей свою разлуку с землей-матерью.

С обнаженными головами, печальные и торжественные, с глазами, полными слез и горя, стояли духоборы лицом к земле, на которой они выросли, где жили и умирали их деды и прадеды, где погребены их вожди, где пришлось им столько перестрадать, понести столько дорогих утрат...

Все шире и шире разливался неудержимым потоком псалом, прося у земли прощения за покидавших ее сынов.

А берега уходили все дальше и дальше, как уходит сама жизнь, и вернуть их уже нельзя...

Чувствовалось, что совершается нечто неслыханное по своей жестокости, нечто непоправимое»¹.

При приезде в Виннипег. «Первый раз после долгого переезда духоборы могут помолиться всем обществом, как это у них принято. Ни качка, ни тряский, грохочущий поезд теперь им не помешают...

Перед рассветом стали собираться сюда празднично разодетые духоборы и духоборки. У духоборок поверх чепцов одеты шелковые платки, которые они повязывают особенным способом, специально для «моления».

Мужчины устанавливаются по одну сторону комнаты, женщины по другую.

Еще темно. Только в окнах светится холодное, стальное небо.

Окутанные таинственным предрассветным сумраком, недвижно стоят дюжие фигуры мужчин, с наклоненной головой, со сложенными на груди руками.

У женщин, стоящих напротив, слабо белеют квадратиками платочки, которые они держат в сложенных под грудью руках.

Во всей толпе чувствуется особенное, проникновенное настроение. И торжественное молчание перед началом молитвы кажется исполненным особого, таинственного смысла...

В тишине, не нарушаемой ни одним вздохом, страшно шевельнуться, чтобы не нарушить этого глубокого созерцательного настроения, когда люди отрываются от всего земного, материального и живут одним духом.

Даже неясный сиреневый рассвет застыл в своем движении, глядя в окна на строгие фигуры. Самое время, казалось, остановилось, так как и его ход был бы здесь слишком суетен...

Осторожно всколыхнув воцарившийся покой, мягко пронеслись первые гармоничные звуки псалма — такие нежные и задушевные, что трудно было понять, откуда они исходят. Казалось, само настроение приняло теперь такую форму, чтобы еще сильнее овладеть душами людей.

Все громче и громче, все шире разрастается псалом, волнуя, захватывая людей. Уверившись в своей силе, он несется уже могучим, широким потоком, наполняя собой все существо человека.

Псалом говорит о суете земного счастья, о том, что вся жизнь есть страдание, и зовет туда, где все покой, где нет желаний и царит вечный разум

¹ Сулержицкий Л. А. В Америку с духоборами. М., 1905. С. 44.

и любовь. Порою могучие взмахи псалма становятся грозными — тогда он говорит об ужасах греха и наказания, которое он сам в себе несет.

А темные фигуры все так же стоят с наклоненными головами и кажутся еще неподвижнее, еще суровее; они точно вмяты в том, что так привязаны к земле своими слабостями...

Но, как бы зная, что долго не может человек пребывать на такой высоте духа, псалом широким вздохом, точно страдая о своем конце, закончился.

Толпа слабо вздохнула и пошевелилась¹.

В Виннипеге. «Любопытство и бесцеремонность, с которой рассматривали духоборов англичане, были прямо удивительны. Смотрели они так, точно у духоборов на голове росли крылья или приехали они с Марса. Часто можно было видеть англичанина, с таким наивным изумлением дикаря впившегося глазами в кого-нибудь из духоборов, что противно становилось»².

Канадское правительство отдало 7360 приехавшим духоборам 773 400 акров земли, в основном около города Йорктона³. Они начали со строительства изб, раскорчевки земли. Мужчины ушли на заработки на строительство железной дороги. Целину поднимали женщины, впрягаясь в плуги вместо лошадей. Через год села были построены, дома оштукатурены, изготовлена мебель, сооружены бани и амбары.

Духоборы селились теми же селами, которыми жили в России. Землю начали обрабатывать сообща, как это делали на родине, что незамедлительно создало конфликтную ситуацию между переселенцами и властью. Земельные законы этой страны не предусматривали общинного землевладения. По закону участки земли выдавались в частную собственность только отдельным лицам, но не коллективам. Предполагалось, что каждый собственник лично обрабатывает свой надел. Правительство потребовало, чтобы духоборы разделили землю на участки, по семьям. Духоборы восприняли это как недопустимое вмешательство властей в дела общины, которая была частью их веры и всего жизненного уклада.

В разгар тяжбы из России прибыл освобожденный из ссылки вождь духоборов Петр Веригин, который впоследствии получил титул Господний. В Канаде он немедленно занялся хозяйственными делами, встречался с высокопоставленными чиновниками, не раз ездил в Оттаву. В конце концов добился разрешения зарегистрировать все общинные земли на трех человек. Были внесены деньги — по 10 долларов за усадьбу в 160 акров и зарегистрировано 2 тысячи усадеб. Взнос в размере 20 тысяч долларов был выплачен из денег, заработанных мужчинами-духоборами на строительстве железной дороги.

¹ Сулержицкий Л. А. В Америку с духоборами. С. 122—124.

² Там же. С. 119.

³ Tarasoff K. Plakun Trava. Grand Forks. 1982. P. 259.

Но правительство вновь оказалось неудовлетворенным, поскольку земля продолжала обрабатываться не индивидуально и находилась фактически в общинном пользовании. Духоборы отказались разбирать землю в частную собственность, в результате вся земля у них была отобрана. Каждой семье оставили по 15 акров, но не в собственность, а в аренду.

В итоге духоборы лишились более 200 тысяч акров уже обработанной земли, за которую землепашцы заплатили 20 тысяч долларов. Стоимость освоения этих земель оценивалась тогда в 13 миллионов долларов. Как говорят нынешние духоборы, простодушных россиян просто обманули. Далее правительство придумало новый повод для давления на духоборов. От них потребовали принять британское подданство и признать английского короля. Духоборы ответили, что они приехали в Канаду с желанием и условием оставаться иностранцами.

В такой обстановке разочарованные духоборы начали подумывать о возвращении на родину. К этому намерению их подтолкнули и революционные события в России 1905—1907 годов. В конце 1906 года в Петербург прибыла духоборческая делегация во главе с П. Веригиным. По некоторым данным, последний встречался со Столыпиным. Как утверждает сам Веригин в своих письмах, Столыпин говорил по телефону с царем, который якобы сожалел о случившемся с духоборами и дал согласие на их возвращение. Правительство обещало отдать им свободные земли на Алтае. Удовлетворялась просьба и об освобождении их от военной службы.

Но возвращение не состоялось. Теперь трудно проверить, что обещал Столыпин, а что говорил Веригин. Но по письмам, которые отсылал Веригин в Канаду, можно вынести некоторые суждения о его взглядах. Он одобрял царский манифест, который, как он надеялся, сможет спасти от революции, сетовал на беспорядки, сочувствовал нелегкому положению самодержавной власти. Видимо, Веригин просто испугался революционных зарниц и начал склонять своих ведомых в Канаде отказаться от намерения вернуться в Россию. В марте 1907 года Веригин и его спутники покинули Россию: «Из Севастополя через Черное море переплыли в Константинополь, там за границей мы все вздохнули свободней от русских беспорядков»¹.

В Канаде возобновилась длительная тяжба с властями Саскачевана, которая закончилась не в пользу духоборов. Веригин отправился искать новые земли. В конце концов были найдены необжитые участки в районе реки Кутеней в Британской Колумбии, покрытые лесами, но их надо было купить у англосаксов.

¹ Рыбин С. Ф. Труд и мирная жизнь. С. 109.

Духоборы вновь начали собирать деньги, брать ссуды и займы под ростовщические проценты, чтобы купить землю. Здесь не было в продаже больших участков, поэтому каждая семья обзаводилась собственной фермой. До сих пор духоборы держат обиду на правительство, которое приняло их как беженцев из-за того, что они отказывались принимать присягу русскому императору, теперь же, грубо нарушив свои обещания, воспрепятствовало духоборам жить так, как они хотят, сообразно верованиям. При этом их элементарно обворовали. Нынешние духоборы рассказывают, что правительственные органы были крайне раздражены самим принципом общинного землевладения, видя в нем угрозу устоям общества частной собственности.

Около тысячи духоборов не захотели уезжать из Саскачевана и остались на своих 15 акрах земли. Из оставшихся в Саскачеване духоборов, названных теперь «единоличниками-независимцами», многие приняли канадское гражданство и получили взамен по 160 акров в личное пользование.

Духоборы в Британской Колумбии все же сумели сохранить элементы коммунальной жизни. В общине они продолжали видеть возможность выживания. Преимущества коллективного труда в строительстве жилищ, хозяйственных построек, обработке земли были очевидны. При этом сохранялись еще и традиции, когда вся община заботилась о вдовах, сиротах, инвалидах и престарелых.

На новой земле духоборы занялись скотоводством. В первые четыре года было посажено 50 тысяч фруктовых деревьев. Выстроены коммунальные жилые дома с общими столовыми и гостинными. Переселенцы преуспевали, объясняя успех тем, что стремились не к «материальной наживе, а к духовному совершенству». На самом деле успех объяснялся другим — упорным трудом каждого и общины в целом. Каждый трудоспособный, независимо от того, где он работал и сколько зарабатывал, получал за свой труд «на одном уровне со всеми». Работавшие «на стороне» отдавали свои заработки в кассу общины, откуда затем получали средства для жизни, как и все другие, не больше.

Постепенно под влиянием экономических факторов, под натиском буржуазного индивидуализма в рядах духоборов вновь вызревал раскол. В этом не было ничего нового. Как и в России, в основе своей источник раскола лежал в материальном расслоении, в известной мере в разочаровании идеалами секты, в росте настроений в пользу нормального хозяйственного вранствия в существующий уклад жизни. Нельзя не видеть и причины другого свойства — это религиозный фанатизм, доводимый порой до слепоты. Духоборческое движение, как религиозная форма протеста против обмана служителей церкви, засилья

власти, против войны (и в этом — демократические элементы движения), нередко давало уродливые всплески экстремизма. Религиозная форма брала порой верх над содержанием, особенно при обстоятельствах, когда спадало давление на духоборов. Тирания — горячее для огня. Нет горячего — огонь гаснет.

Первым сигналом для раскола в Канаде был поход нескольких сот духоборов (около 1700 человек) на поиски «жениха Христа» (еще до приезда в Канаду П. Веригина). Почему «жениха», объяснить никто не берется. По другой, более земной версии, пошли искать лучшие места для жизни. Духоборы бедствовали и голодали в своих избах в провинции Саскачеван. Некоторые «старики» решили, что они не туда приехали и, поскольку с ними нет вождя, отправились «искать Христа в натуре». Толпа дошла до Йорктона, там власти задержали ее. Отделив женщин и детей, отправили их обратно. Мужчины пошли дальше на Виннипег, но из-за сильных морозов и нехватки пищи вернулись в свои деревни. Часть духоборов, «ищущих Христа», выделилась в особую группу, объявившую себя самыми последовательными сторонниками идеалов духоборческого движения. Они призвали отказаться использовать животных для обработки земли, утверждая, что нельзя насиловать никакое животное для пользы себе, стали обрабатывать землю лопатами. Секта получила название «свободники». Ее вожди поучали, что «животные есть наши меньшие братья и угнетать их нельзя. Всему существующему допускается полная свобода. Какая же это свобода для лошади, если на ней пахать? Это дело не христианское». Впоследствии они объявили, что хотят восстановить на земле рай, потерянный Адамом и Евой, а для этого, дескать, следует «снимать с себя одежды». Так «свободники» получили еще одно название — «голыши». Ортодоксальные духоборы считают, что «свободники» просто заимствовали эту манеру у американских нудистов из штата Орегон, куда и переселилось потом некоторое число «свободников».

Иступленный фанатизм «свободников-голышей», экстремизм их взглядов и поступков начали приносить серьезный вред всему сообществу духоборов. «Свободники» не только отказались от использования животных при обработке земли, но начали сжигать косилки, молотилки, постройки, принадлежащие духоборам. От идеи непорабощения животных и предельной скромности в жизни они вскоре пришли к обобщению жен и детей. На протяжении многих десятилетий «свободники-голыши» регулярно совершают поджоги домов и сельскохозяйственных машин. Периодически жгут и собственные дома. Поскольку их не принимают в общину духоборов, они живут отдельно, единоличными хозяйствами, иногда появляются обнаженными на ду-

ховных собраниях. Все это, несомненно, подрывало изначальные идеалы духоборчества.

Раскол был замечен властями, использовался ими в разных конфликтных ситуациях. Духоборы, например, не хотели учить своих детей в общих школах, регистрировать браки, рождение и смерть в государственных учреждениях, ко всяким бумагам властей относились подозрительно, не признавали себя гражданами Канады. Они добились, чтобы их дети не занимались военным делом, не отдавали «салют» британскому флагу, не пели английский гимн. Но согласились изучать английский язык. Правительство в свою очередь смирилось с тем, что духоборы «по-своему» совершают обряд бракосочетания, то есть без священников или особо назначенных лиц. «Свободники» же в принципе отвергали повиновение каким бы то ни было человеческим законам. В 1921—1922 годах они сожгли 20 школ в духоборческих поселках.

Несомненно, что обе группы, особенно «свободники-голыши», нередко путали религиозные верования с правилами общежития, с повседневными житейскими обязанностями, но факт остается фактом, что власти активно использовали фанатическую слепоту экстремистов для дискредитации движения в целом.

Особенно обострились отношения духоборов с властями в годы первой мировой войны. Их не призывали в армию, и это вызвало недовольство окружающего населения. Да и отношение духоборов к войне не могло не раздражать власть имущих. Ниже приводится текст заявления духоборов «Мнение о войне Христианской общины всемирного братства», обнародованного в августе 1914 года. Оно наивно, подчас до смешного.

«Настоящая европейская война — большой позор для наступающего 20-го столетия со времени возрождения духовного просвещения в человечестве, которое ясно изложил сын плотника Иисус Христос. Тем более воюют так называемые цивилизованные страны, и к тому же под названием христиан.

Мы обращаемся больше к причерам, архиереям, римскому папе и вообще ко всем попам христианских церквей. Как вам не стыдно носить распятие Христа на груди, когда вы благословляете людей идти убивать друг друга? Лучше снимите с себя звание христианских проповедников и открыто объявите, что вы служите сатане-злу, который издревле упивается кровью человеческой, это великий молох — сатана войны.

Если бы вы давно сказали народу истину, которая имеется в евангелии, то давно войн не существовало бы, по крайней мере в христианских нациях...

Нас, духоборцев, удивляет, что один сумасшедший человек, Вильгельм — германский император, объявил войну, и все пошли подражать его сумасшествию. Подумайте серьезно, читатели, если бы в какой-либо местности какой-либо человек стал предлагать на улицах города, что давайте брать камни и избивать людей. Это явный признак сумасшествия, и над таким человеком надо принять меры и, самое необходимое, поместить в предварительное заключение, хотя бы на время, чтобы прошел у него бред сумасшествия.

Мы, духоборцы, положительно говорим, что в данное время Вильгельм — сумасшедший человек. Подумайте, что он говорит. Прежде всего, он несколько лет своим германцам говорил, что немцы великий народ, постепенно теряя рассудок, Вильгельм и немцев подводил к великому обману... Теперь вы, немцы, должны поспешить и как можно скорей запереть в сумасшедший дом вашего милого Вильгельма. Если вы этого не сделаете, уверяем вас, он погубит всю вашу немецкую нацию, как погубил французус сумасшедший десиот Наполеон. Обращаемся к вам, капиталистам Англии, Канады и Америки, вы рассылаете агентов в ваших владениях и вымогаете от бедного люда какое-то пожертвование (в нашей конторе ваши агенты уже три раза были и говорят, скоро ли мы заплатим). Текущий 1914 год был в Канаде неблагоприятный на урожай на все съестные продукты, включительно до картофеля как главного продукта бедняков.

Большей части населения в Канаде трудно купить муку на текущее время, а продовольственный целый год впереди. А если присчитать безработный многомиллионный люд всех воюющих стран? А вы к этому, еще раньше ограбленному, люду обращаетесь с тарелкой за пожертвованием. Не стыдно ли вам, капиталисты Англии? Бельгия пала жертвой за ваше благополучие, за капиталистов, а вы теперь обращаетесь к беднякам и собираете пожертвования, чтобы спасти от голода два или три миллиона оставшихся в Бельгии женщин и детей. Еще публично говорим: стыдно вам. Более разумней было бы собрать фонд в два или три миллиарда долларов и помогать бельгийцам или еще кому вы бы нашли необходимым. Если вы думаете, что два или три миллиарда — очень большая сумма, то в это число можно взять и из казенных кладовых, где лежит золото, собираемое с Индии, Африки и других вассальных английских владений. Мы вполне уверены: если бы Бельгия до сих пор не задерживала сильную немецкую армию, то Германия давно бы уж бомбардировала Лондон и, может быть, уж разбила бы его, а вы, английские капиталисты, не сознавая этого, думаете, чтобы и вся война прошла за счет бедного люда, который вы посылаете против Германии. Почему вы привозите индусов сражаться с германцами? В больших городах Англии и Канады тысячи молодых людей, ничего не делающих, только играющих в футбол, бейсбол и теннисбол, — это сыновья капиталистов, вот им-то всем надо бы пойти защищать Лондон, а вы привозите невинных индусов?.. Стыдно вам!

Что вы раньше еще ограбляете жителей в ваших странах — Англии и Америке, а также и в европейских державах, мы укажем вам на такие факты: жнея-хлебокосилка отпускается с фабрики стоимостью в 80 долларов. Из этой суммы уплачивается рабочим, погашается стоимость фабрики и, конечно, большая доля остается и фабриканту. Хлебокосилка же эта продается земледельцам в прериях по 160 и 170 долларов за штуку. Паровоз-самолод выпускается с фабрики за 1500 долларов, а продается земледельцам за три тысячи долларов. И так можно насчитать тысячи вещей, включительно до простого топора и железной чайной чашки. А в России, например, Бротские, выделяющие сахар, Третьяковы, выделяющие разные мануфактуры, Кушнаревы, фабрикующие табак, и много других лиц, которым не есть числа, выделяющих разные предметы, за которые потребитель платит двойную цену. Кому попадает эта большая половина? Громадной системе агентов и кровопийцам-коммерсантам... Простой народ удивляется, почему в Америке так быстро богатеют люди. От такого грабежа, конечно, и нетрудно разбогатеть и в короткое время...

«Написано в Бриллианте, Б. К. Канады, 20-го Августа 1914 года»¹.

¹ Цит. по: *Сухорев В. А.* История духоборцев. С. 240—245. (Печатается с сокращениями.)

После окончания войны был даже поднят вопрос о том, чтобы отобрать у духоборов земли и отдать их демобилизованным солдатам. Причины неприязни к духоборам были, однако, более глубокими, чем только отказ служить в армии английскому королю. В резолюции жителей англосаксонского происхождения из Гранд-Форкса говорилось, что общинная система духоборов является очень опасной для будущности ввиду их объединенного труда и угрожает открытому канадскому рынку конкуренцией. Поскольку правительство ищет земли для поселения возвращающихся солдат, оно должно взять их у духоборов, а сами духоборы должны быть высланы в Россию. Духоборов называли «большевиками», которые покушаются на свободу канадцев, от них требовали быстрой ассимиляции.

А что же духоборы? Они согласились — и это поразительный факт — отдать свои земли демобилизованным солдатам. П. Веригин подписал соответствующий документ на этот счет. К этим временам относятся новые попытки духоборов вернуться в Россию. После Февральской революции они обращаются к Временному правительству за разрешением, но последнего не последовало.

Согласие духоборов отдать землю солдатам-фронтовикам явилось, видимо, неожиданным, заставило пристальнее посмотреть на дело. К очевидной расправе и откровенному беззаконию было привлечено внимание общественности. Газета «Манитоба фри пресс» отмечала, что за отказ признать себя британскими подданными многие духоборы уже потеряли земли в Саскачеване, а теперь снова подвергаются гонениям. Газета, характеризуя духоборов как трудолюбивых и доброжелательных людей, пишет:

«Имеются серьезные основания подозревать, что давление, из-за которого духоборов заставили отдать свои земли в Британской Колумбии, было оказано лицами, желающими эксплуатировать «непротivление злу» духоборов и их нежелание обращаться в суд...

Какими бы странными ни казались их обычаи и обряды, никто не может утверждать, что эти люди опасны или вредны. Они приехали сюда, поверлив обещаниям канадского правительства. Не будет честью для страны, если их теперь заставят страдать и утруждать свою жизнь вновь на зависть своим соседям. Во имя справедливости к духоборам и к Канаде, в которую они прибыли как в убежище от преследований, правительство должно оставить их в покое или, если они уже решили продать свое имущество, поступить с ними самым справедливым образом. Земли много, часто во владении лиц менее достойных, чем трудолюбивые духоборы, которую можно взять для поселения солдат»¹.

В конце концов население соседних с духоборами хуторов и канадские власти оставили духоборов в покое. Но сами

¹ Manitoba Free Press. 1919. May 14.

духоборы покой потеряли, они начали искать себе места для возможного переселения. В частности, их представители ездили в США, некоторые страны Латинской Америки. Были идеи переселиться в Южную Америку или Австралию.

В начале 20-х годов П. Веригин предпринял попытки объединить всех духоборов и другие группы с похожими воззрениями. Он побывал у «единоличников» в Принс-Альберте, у менонитов в Саскачеване. С той же миссией он посетил Калифорнию и встретился с сектой молокан-«прыгунов». П. Веригин не только призывал к объединению, но и критиковал молокан за нехристианское поведение в городах, рекомендовал «прыгунам» переселяться в деревни и заниматься сельским хозяйством, просил их прекратить есть мясо, как деяние, нарушающее заповедь «не убий».

Объединение не состоялось, более того, стычки и конфликты со «свободниками-голышами» усилились. Продолжались поджоги зданий и предприятий духоборов. В 1924 году был убит П. Веригин. Под его сиденье в железнодорожном вагоне была подложена бомба. Это был акт террора, но никто всерьез не занимался его расследованием.

После траура духоборы решили признать своим вождем сына П. В. Веригина, который жил тогда в СССР, — Петра Петровича Веригина-Чистякова. Они сообщили ему о решении, но П. П. Веригин ответил, что пока приехать не может, хотя и стал наставлять духоборов уже в качестве их главы. В 1927 году он приехал в Канаду. Его сопровождал бывший секретарь Л. Н. Толстого Павел Иванович Бирюков. С появлением П. П. Веригина связывают определенное духовное возрождение секты. Он рекомендовал создать «Союз молодежи» духоборов, призывал к учебе, созданию школ, в которых помимо русского языка изучались бы основы духоборчества. Новый глава духоборов выступил против прежней замкнутости, призывал к вере присослужить разум. Начали строить новые общественные дома и создавать библиотеки. Эти меры были направлены на сохранение общины, что вновь не понравилось тем же силам, которые преследовали духоборов и прежде, с первых лет их поселения в Канаде.

И вновь забродили тучи. Был пущен слух, что П. П. Веригин — большевик, получающий деньги от Коминтерна. Англо-канадская пресса начала его травить. Англосаксы не могли мириться с тем, что в их среде существует община русских людей, не желающая признавать верховенства английской культуры. Духоборы были своеобразным автономным островком собственного языка, своей культуры, обычаев и взглядов. Они подчинялись законам Канады, но строго держались собственных правил и распорядка жизни. Несомненно, что именно эта неприязнь

к духоборам закрывала глаза закону, ослепляла его слуг. Горит лесопильный завод, мельница, консервная фабрика, элеватор, но власти упорно не желают искать поджигателей. Больше того, пресса обвиняет в беспорядках самих духоборов, требует выслать из Канады П. П. Веригина как опасного человека, «нежелательного поселенца и коммуниста-большевика».

Духоборы обратились с письмом к канадскому правительству, в котором, перечислив предпринятые против них провокации, просили назначить специальную комиссию для беспристрастного расследования фактов. Ответа не последовало. Духоборам было ясно, что вся эта травля велась для того, чтобы заставить их ассимилироваться, утратить национальную и религиозную самобытность. Замысел элементарен: жесткое и постоянное давление побудит хотя бы молодежь отойти от духоборческого движения. Сеются слухи, что у духоборов скоро отберут все привилегии, а тех, кто не откажется от веры, насильно вышлют из страны. Газеты продолжают требовать депортации П. П. Веригина, а поскольку для этого не находится оснований, появляются фальшивки. Например, премьер провинции Саскачеван Дж. Андерсен обвинил Веригина в поджоге школьных зданий. В 1932 году состоялся судебный процесс. Веригин был осужден на три года тюремного заключения по обвинению в «клятвopепреступлении». Но этого показалось мало. Веригина тайно взяли из тюрьмы, доставили в Галифакс, откуда планировалось насильно выслать его из Канады на одном из кораблей. Но духоборы узнали об этом, и целая группа их вылетела в Галифакс. Они обратились к судье Мелишу, человеку в годах, который, не будучи, видимо, вовлеченным в провокацию, смог, основываясь уже на законе, отменить высылку Веригина, указав при этом, что такое преследование есть часть политического шантажа по отношению к духоборам. Веригин вернулся в общину.

В 1931 году духоборы предприняли попытку вступить в переговоры с Советским правительством. Они помнили, что их вожди «предсказывали» объединение всех духоборов на родине, в Закавказье. Делегация духоборов приехала в Берлин, откуда было направлено письмо И. В. Сталину. В нем, в частности, есть такие слова:

«Испокон веков мы строили жизнь на основах коммунизма, и история наша — это история жестоких преследований со стороны царей и автократии на протяжении многих сотен лет. Этот неопровержимый факт дает право духоборцам считать себя старыми коммунистами и причислять себя к пионерам и борцам за идею коммунизма... Мы не согнулись и не сдались и пронесли нетронутыми наши заветы, служение коммунизму. И теперь все наши чаяния и надежды устремлены на страну, которая, единственная во всем мире, воплощает дорогую нам идею в жизнь. Пора нам, духоборцам, отдохнуть душой, пора нам, рассеянным царизмом по белу свету, собраться вместе. И мы думаем и верим, что если Советское правительство рассмотрит всю

нашу многострадальную историю, на протяжении которой мы все время боролись за принцип равенства и братства, то оно даст возможность духоборцам собраться в одном месте и довести до полного торжества идею коммунизма, за которую духоборцы веками проливали кровь»¹.

Ответа не последовало. Духоборы в то время еще не знали, что обратились не по адресу.

В 1938 году осенью собрался съезд канадских духоборов, назвавших себя «Союзом Духовных Общин Христа». Союз состоял из общин, то есть из местных организаций духоборов по территориальному признаку. Веригин намеревался объединить все секты, отколовшиеся от православия и католицизма, в своем Союзе, но из этого ничего не получилось. Съезд примечателен тем, что лидеры духоборов пытались обновить доктринальные основы секты. На съезде Веригин обнародовал декларацию, которая в общем повторяла предыдущие «программные документы». Речь Веригина была обильно пересыпана религиозной словесностью, повторением старых догм. Но было кое-что и новое. Например, Веригин заявил, что духоборы никогда не боролись против «чистого православия», так как это «вполне правильная вера», а были против «уродливых форм, которые приняла православная церковь». Духоборы лишь против идолопоклонства, то есть икон и прочей церковной утвари, придуманной попами. В речи он особенно подчеркнул заповедь «не убий», выделив ее из других, грехи по которым могут быть «простительны».

Было сказано, что впредь духоборы будут жить не в общинных домах, а строить индивидуальные жилища на семью. У каждой будет клочок земли, а поля за селом станут обрабатываться сообща. Каждая община будет иметь свое правление из трех лиц для ведения общинных дел. Доходы с общинных земель распределяются на всех членов общины. Слабые, престарелые, больные и сироты находятся на общинном иждивении.

Незадолго до созыва съезда власти лишили духоборов права голоса на выборах и приравнивали их к индейцам. Веригин расценил это как «дар божий». Власти, объявил он, тем самым сняли с духоборов всю ответственность за дела, творимые властью. В этом нет ничего обидного, «лучше быть на одном уровне с индейцами, чем с цивилизованными варварами».

Через два месяца после своего программного выступления П. П. Веригин умер. Нынешние духоборы чтят его память, но и признают, что жизнь его была полна противоречий. Полезные нововведения не оспариваются, но не забывается и то, что он был вспыльчив, драчлив, прибегал к насилью в отношении несогласных с ним. Нередко слова его не совпадали с делами.

¹ Цит. по: *Сухорев В. А.* История духоборцев. С. 183.

В качестве почетного председателя Союза был избран Иван Иванович Веригин — внук П. П. Веригина. Он возглавляет Союз и до настоящего времени.

V

Времена меняются. Волны жизни размывают государственные устройства, общественные уклады, видоизменяют жизнь народов, хочет того человек или нет, он неизбежно попадает в водоворот жизни. Из времени не выскочишь, от жизни не уйдешь. С ней долго играть в прятки трудно. Русские островки в далекой Британской Колумбии, Альберте, Саскачеване продолжают жить, но воды окружающего океана, в котором властвуют другие законы, не могут не подтачивать сами подпоры островков, не влиять на устои их повседневной жизни, видоизменяя мораль и психологию островитян. Сектантская твердыня угасает, ассимиляция с неизбежностью делает свое дело, и нет, судя по всему, таких сил, которые смогли бы приостановить процесс этого угасания. Усилились тенденции к отходу молодежи от религиозных принципов движения. Для сохранения «духоборческой культуры», как стали теперь называть духоборы свои верования и обычаи, они все активнее обращаются к русской культуре и языку как родникам, которые могут оживить отсыхающие ветви духоборческого дерева. Правление общины усиливает культурные связи с Советским Союзом. Лидеры духоборов видят, что молодежь не станет следовать старым верованиям, если не будет поиска мостов к современной культуре. Духоборческая молодежь учится в советских учебных заведениях русскому языку и литературе, что способствует сплочению духоборов, укреплению их связей с культурой родины предков.

Во что сегодня верят духоборы? Эволюция беспорна. Жизнь заставляет духоборов искать защитные линии, где-то идти на компромиссы, маневрировать, сохранять самое существенное, ради чего их предки на протяжении столетий страдали, терпели унижения, трудились и умирали. Фанатизм веры исчезает, но лидеры духоборов стараются сменить акценты, придать вере скорее морально-этические, нравственные цвета и оттенки, сосредоточить внимание на внутренней нравственной целостности человека, как они ее понимают. Они продолжают проповедовать покорность, разумение, воздержание, братолюбие, сострадание, добрый совет в качестве принципов, которые помогают им преодолеть зло, самосовершенствоваться. Есть свои 12 заповедей: правда, чистота, труд, послушание, рассуждение, воздержание и другие. Семь грехов смертных: гордость, сребролюбие, блуд, гнев, чародейство, зависть, уныние.

За многие годы скитаний и лишений у духовоборов выработались свои правила поведения. Некоторые из них служат основой повседневного воспитания, например: уважение достоинства человека в себе и в других; все существующее рассматривается с любовью и восторгом; все в мире — последовательное движение к совершенству; наивысшей формой этого движения является человек, поэтому надо избегать того, что вредит и затемняет человека, например употребление табака, алкоголя, мяса животных и т. п., а также не допускать в свое сердце чувства ненависти, мщения, зависти, а содержать свои мысли в чистоте; нанесение ущерба или разрушение живого заслуживает порицания; отношение к животному миру, природе должно быть любовным, не опустошительным, а созидательным; все организации, в основу которых положено насилие, противозаконны; главной основой человеческого бытия является энергия мысли — разум; общинная жизнь, основанная на силе нравственности; дерево познается по плодам, человек — по разуму, а друг — по приветствию; человек никогда не должен терять спокойствия духа и чувства собственного достоинства, быть сдержанным и в радости, и в горе.

Все эти нормы, правила поведения находят свое воплощение в проповедях, выступлениях на собраниях, призывах, в школьном обучении. Как это выглядит, можно судить по следующему наставлению:

«Следуй добродетели — удаляйся от пороков. Будь благоразумен; взирай на конец, усматривай средства. Не упускай к честным делам случая. Ничего без разсуждения не начинай и с рассуждением не спеши; не будь медлен, но при случае и повremени. Не всякому слуху верь. Не все, что видишь, желай. Не все, что можешь, делай, не все, что знаешь, говори, но только то, что должно. Чего не знаешь, не утверждай и не отрицай, наипаче вопросы — тогда будешь благоразумен. Будь воздержан. Без алканья пищи не употребляй, без жажды не пей, но и то мало — по нужде. Пьянство яко ада избегай. От невоздержания рождается болезнь, а от болезни — смерть. Воздержанные живут здраво, долговечно, хорошо. Будь кроток, не дерзкий: более молчалив, нежели говорлив. Когда кто тебе сказывает, слушай. Когда кто тебе что приказывает, повинуйся и не хвастай. Не будь упрям, придирчив и горд. Ко всем будь ласков, да ни кому не будь ласкателен. Также будь и справедлив. Ничего чужого не желай, тем более не кради, а в чем имеешь нужду, ссыкнай трудом. В бедности проси, ежели дадут, прими и будь благодарен. Что займы взял, отдай, что обещал, исполни. Будь мужествен, к трудам охотлив; оставляй праздность и леность. Если желаешь что начать, испытай наперед свои силы, потом продолжай, не останавливайся; в несчастье не унывай, а в счастье не расслабляйся. Скудость почитай. Осматривай острожно в жизни различные случаи непостоянства, несчастья и печали. Что терпеливые сносят, о том малодушные воздыхают, плачут и рыдают. Будь благосклонен и милостив. Просящему дай, ежели имеешь; бедному помоги, ежели можешь. Оскорбил ли кто тебя — прости ему; оскорбил ли ты кого, примиись с ним. Похвально есть не держать гнев. Прости согрешающему, уступи умоляющему. Если будешь человека любить, то и от людей будешь любим. Также будь к высшим послушен, с равными обходителен, к низшим приветлив. Встречающих приветствуй, приветствующих восприветствуй взаимно. Просящему отвечай,

певежду наставь. Печального утешь. Никому не завидуй, доброжелательствуй всем. Служи сколько кому можешь, то и угодишь всем людям. Приятелл тебя возлюбят, а неприятелл не могут возненавидеть. Говори всегда правду, никогда не лги» (*Из нынешних документов духоборов*).

Душа духоборов — песня. Фестивали хоров — часть жизни, они носят постоянный характер. Но суть даже не в этом. Песня вошла в души людей, стала их повседневной необходимостью, привычкой. Псалмы, стихи, песни передаются изустно из поколения в поколение. Отрица музыкальные инструменты и ноты, они считают, что пение глубже выражает чувства человека. Духоборы поют, как правило, медленно, протяжно, стараясь выразить оттенки настроений — радость и печаль, торжественность и грусть. Впечатления В. Д. Бонч-Бруевича, высказанные им еще в 1909 году, во многом остаются верными и до сих пор. Он писал:

«Творчество народа всегда отражает его социальное и политическое бытие. Мотивы напевов особенно отчетливо отлнвают настроение души коллектива, общины, народа; они впитывают в себя всю сладость и горечь, все надежды и очарования жизни коллектива, стремящейся в дальнюю горную высь лучшего будущего».

Заунывные, рыдающие звуки духоборческих псалмов, вовлекающие постепенно все голоса, переходящие от небольшой группы первоначального хора, все ширясь и ширясь, на всех поющих, на всех стоящих и взывающих, потрясающе действуют на вашу душу, отвлекают внимание от повседневности и невольно уносят вас, вместе со всеми, в созерцание жизни прошлой, в глубокое чувствование горя и тоски настоящей жизни.

Помню их, сосредоточенных, с поникшими головами, опустивших и сожнувших руки, помню эти лица, полные думы и решимости, помню их, как кремень, твердых и непреклонных волей духоборцев. И тут же женщины, — исполненные верой и надеждой, — с воспламенными глазами, на которых передко блистают слезы умиления и восторга. Это им, в их звучном хоре жизни, принадлежит великая роль мужественных сеятелей стремления к подвигу среди своих близких, среди своих мужей и сыновей, обреченных на страдание. Это они говорили своим детям: «Идите на стражду, не убойтесь, не усумнитесь, все примите, даже до самой смерти, но не выдайте, не опозорьте отечество». Это они благословляли своих детей на верную смерть, на пытки, розги, истязания, на заключения в тюрьмах, на далекие ссылки и заточения и только просили об одном своих «любошных деток»: «Не забыть бы вам предков; не осрамить бы вам отцов, матерей ваших, уже припявших мучения за правду, за истинность, за свободу нашу»¹.

Духоборческие песни, псалмы, стихи разделяются по функциональному признаку: основные, наставительные, молитвенные, хвалебные, пророческие, похоронные, брачные, праздничные, посвящения, псалмы и стихи детские. Многие сочинены самими духоборами, другие заимствованы из священных книг, третьи взяты из русских народных сказаний и стихов, переделанных

¹ *Бонч-Бруевич В. Животная книга духоборцев. С. 39.*

затем на духоборческий лад. Стиль исполнения эпический. Распространено исполнение аллегорических стихов. Буйных проявлений веселости духоборы не признают, считая их «бесовскими покликушками».

Любят духоборы петь старинные русские песни, такие, как «Глухой, певедомой тайгою», «Есть на Волге утес», «По диким степям Забайкалья», песни на стихи русских поэтов — М. Ю. Лермонтова, А. Н. Плещеева, А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, И. З. Сурикова, Н. М. Языкова. В чести у духоборов революционные песни: «Вы жертвою пали», «Замучен тяжелой неволей», «Как дело измены, как совесть тирана», «Отречемся от старого мира». С любовью поют современные советские лирические и антивоенные песни — «Ой, цветет калина», «Подмосковные вечера», «Пусть всегда будет солнце», «Летите, голуби, летите» и многие, многие другие.

Старинная русская и современная советская песня служит той духовной ниточкой, которая каждодневно напоминает русским людям на чужбине о их нелегком и долгом пути на другой край планеты, о земле их предков, о том вечном, что называется родной землей, родиной.

Такова судьба горстки русских людей, угнанных жизнью за тридевять земель. Эту судьбу не назовешь ни горькой, ни сладкой, ни героической, ни трагической. Они сами выбрали ее — осознанно, убежденно. Их мотала по земле воля других, тех, с кем они вступили в несогласие. Невероятно стойкие к ударам судьбы, непреклонные в своей вере, они пронесли свою надежду на равенство и справедливость через целые столетия.

Бесспорна негибкая приверженность духоборов своему пониманию религиозных догматов, образов и символов. Их вера во многом питалась фанатизмом. Но не ведало другого выбора и их отвержение официальной теологии и угнетающей власти, любой несправедливости и зла, войны и крови. Не может не вызывать восхищения, что эти люди веками живут не чужой жизнью, а своей, поют не чужую, а свою красивую песню судьбы.

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТИ ЭПОХИ

I

Пожалуй, не было крупного политического деятеля США, в том числе президента, который не утверждал бы, что само провидение одарило именно это государство особой «божественной миссией» править миром, осчастливить всех на земле насаждением своих порядков, своих институтов, своего образа жизни. Еще в 1897 году сенатор А. Беверидж заявлял, например, что «наша судьба предначертала нашу политику: мировая торговля должна быть и будет нашей... Американский закон, американский порядок, американская цивилизация и американский флаг прочно утвердятся на берегах, которые пока еще погружены в кровавые войны и мрак невежества, но будут превращены руками божьего провидения в прекрасные и светлые»¹.

Возможно, что в самом начале своей жизни на американской земле идея мессианства и выступала лишь в качестве притягательной фразы, обладающей мистифицирующей силой самоутверждения. Однако шаг за шагом она трансформировалась в политическую концепцию, освящающую стремление к гегемонии. Параллельно в самих США и за их пределами росло понимание того, что за проповедями мессианства стоят реальные интересы этого государства.

Нет сомнения, что американская буржуазная революция, антиколониальная война за независимость имели весьма прогрессивное значение, особенно с точки зрения непосредственного исторического развития самих США. Эта революция вынесла на поверхность политической жизни идеи раннего буржуазного либерализма, выгодно контрастировавшие с имперской идеологией европейских колонизаторов. Другое дело, что «головокружение»

Статья основана на публикациях в журнале «Мировая экономика и международные отношения», № 1, 1984, и в сборнике «Мир и разоружение. Научные исследования» (М., Наука, 1984).

¹ *Julien C. America's Empire*. N. Y., Vintage Books, 1973. P. 420.

от первоначального общественно-экономического прогресса поощрило и концепцию «божественного предназначения» этой страны, которая бытует и до сих пор.

Отдавая должное позитивным аспектам американской революции, представляется необходимым подчеркнуть, что в основе политического рождения США лежали не либеральные принципы, в общепринятом смысле почерпнутые из опыта европейских революций. С первых лет своего формирования это общество строилось на принципах британского меркантилизма, индивидуализма. Освободившись от колониального господства, складывающийся правящий класс сам принял на вооружение политику экспансии. Путем покупок (в 1803 году — Луизианы, в 1867 году — Аляски), войн (в частности, в 1846—1848 годах с Мексикой) были присоединены или поставлены под контроль огромные территории. Всегда были прочными и недвусмысленными устремления США в отношении Канады. Они проявились во время англо-американской войны 1812—1814 годов. В 1860 году У. Сьюард — будущий государственный секретарь США — выразил надежду, что народ Канады со временем окажется достойным «быть принятым в американский союз»¹. Президент У. Х. Тафт в начале XX века неоднократно говорил о неизбежности американской аннексии Канады². В 1895 году сенатор Генри Лодж, подводя внушительные итоги политики США, сказал, что они держат рекорд «по захватам, колонизации, экспансии, равного которому не знает ни один народ XIX столетия»³.

Соединенные Штаты еще в 1823 году *первыми* ввели в практический обиход понятие «сфера исключительных жизненных интересов», провозгласив таковой всю Латинскую Америку. Ради утверждения этого «права» они развязали в 1898 году *первую* в истории империалистическую войну. Во время второй мировой войны их аппетиты блокировались аналогичными амбициями и возможностями мощных в то время колониальных империй Европы. Но после разгрома держав «оси», с ослаблением позиций традиционных соперников перед Вашингтоном открылась перспектива быстрого утверждения своей гегемонии. Кружила голову и монополия на ядерное оружие.

Соединенные Штаты *первыми* применили атомное оружие. С этого момента Соединенные Штаты *первыми* взяли на вооружение политику ядерного устрашения, *первыми* разрабатывали и производили все новые типы соответствующих вооружений.

¹ Feber W. The new empire: Ithaca. N. Y., Cornell Univ. press, 1963. P. 38.

² Brebner J. North Atlantic triangle. N. Y., Columbia Univ. press, 1958. P. 268.

³ Williams W. The contours of American history. N. Y., Quadrangle, 1966. P. 345.

Соединенные Штаты создали *первую* в истории глобальную сеть иностранных военных баз, в том числе ядерных, и оккупационных сил в Западной Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, на океанских островах.

В послевоенное время — после Хиросимы и Нагасаки — мировому сообществу удалось удержать военщину США от применения ядерного оружия. Понимание неизбежности возмездия, страх перед «неприемлемым риском» остановили роковые решения.

Но при всей респектабельности здравого смысла его роль не может быть универсальной и бесконечно надежной. Свидетель тому — история. Не раз в прошлом, и не только в США, здравый смысл уступал место безответственности, эмоциям, самонадеянности, искусу использовать технологические новинки в момент, кажущийся оптимально выгодным.

Два десятилетия назад Роберт Леки написал книгу «Войны Америки», некоторые страницы которой дают известное представление о роли милитаризма в американской жизни.

В большей мере с помощью войны, чем мира, пишет Леки, были «провозглашены и защищены наши институты, развита промышленность, обогащена культура, наша история стала национальной, наше искусство и наука развились, но наши сердца были разбиты». По силе оружия, продолжает автор, мы сейчас самая мощная держава на Земле. Но какой ценой! «Вокруг нас угрозы и ненависть. Наши европейские союзники колеблются и отходят. Наши новые союзники в Азии не любят нас... У себя дома мы раскололись на две части и, кажется, ненавидим друг друга. В мире мы «самая военная держава». Если когда-то считали многочисленную постоянную армию угрозой свободе, то теперь держим в вооруженных силах миллионы людей. Мы создали колоссальную систему военного резерва и реорганизовали национальную гвардию. Ради военной безопасности или в интересах достижения успеха в ходе противоборства мы предоставили такие права ФБР и дали возможность ЦРУ вести операции в таких масштабах, какие ранее были немыслимы... Ради военной безопасности несколько наших сограждан, заседающих в Совете национальной безопасности, «распоряжаются жизнью и смертью всех нас». Колоссальная экономическая система США «питается в значительной мере военными контрактами или контрактами, связанными с военным производством».

Куда же мы, спрашивает Леки, в таком случае идем? Станем ли мы всемирным полицейским? Ответ автора разумен: при всей своей мощи даже США «не располагают ресурсами, людской силой, волей и правом для такой работы»¹.

¹ Leckie R. The Wars of America. N. Y., 1968. P. 978—979.

Впрочем, сомневающимся в США хватает, но на политике это отражается слабо. Истекшие со времени исповеди Леки 15 лет характерны опасным подъемом милитаризма. А в целом, по подсчетам института Брукинга, с 1946 по 1975 год США 215 раз прямо или косвенно использовали вооруженные силы в политических целях, в 33 случаях были на грани применения ядерного оружия, в том числе 4 раза — против Советского Союза¹.

Сегодня на подъеме неизменный спутник милитаризма — шовинизм, выступающий в качестве прикрытия идеологии мессианства. Его назначение — приучить американцев к идее силы как неизбежному инструменту международной политики, оправдать любые действия «нации-лидера», представить «американский образ жизни» как образец для подражания. Администрация Рейгана особенно активно играет на идее «возрождающейся Америки». Для возбуждения шовинистических настроений используются алармистские методы. Расчет понятен: в обстановке постоянной «угрозы советской агрессии» легче получить деньги на оружие.

В современной Америке шовинизм практически обрел свою крайнюю форму — форму джингоизма², определение которому дал еще в прошлом веке английский мыслитель Дж. Гобсон. Он писал: «Джингоист весь поглощен риском и слепой яростью борьбы... Вполне очевидно, что зрительное сладострастие джингоизма есть наиболее серьезный фактор империалистической политики. Намеренно лживое драматизирование как войны, так и всей политики империалистической экспансии в целях возбуждения народных страстей занимает соответственное место в искусстве истинных организаторов империалистических подвигов — той маленькой группы дельцов и политических деятелей, которые хорошо знают, что им нужно и как они могут нужное заполучить».

Изукрашенный военными подвигами действительного или мнимого героизма, величественными идеями образования грандиозных империй, джингоизм становится душой особого рода патриотизма, который можно подвинуть на какое угодно безумие или преступление»³.

¹ *Blechnan B. M., Kaplan S. S. Force without War: US Armed Forces as a Political Instrument.* Wash., 1978. P. 23, 48.

² Джингоизм — от «джинго», клички имперских шовинистов, вошедшей в употребление в Англии в 70-х годах XIX века. Впоследствии это понятие получило широкое хождение в США, особенно в период открытой экспансии. Им обозначали сторонников крайних шовинистических взглядов и настроений, наиболее грубых форм навязывания диктата другим странам, культа превосходства белых над «цветными» народами.

³ *Гобсон Д. Империализм.* Л., 1927. С. 174—175.

Современный американский джингоизм полон энтузиазма. Р. Рейган, например, выступая перед испаноговорящими американцами в сентябре 1983 года, заявлял: «Мы верим в миссию Америки», «с Америкой связывает человечество самые светлые свои надежды», «наша страна является лидером свободного мира, и мы в силу требований морали не можем уклониться от этой ответственности».

Случай с администрацией Р. Рейгана особенно опасен, поскольку проявляет себя в комбинации различных образующих факторов. Здесь и надежда вернуть прежние или по крайней мере удержать свои нынешние позиции в мире; стремление сохранить систему получения сверхприбылей за счет вывоза сырья из развивающегося мира, эксплуатации дешевой рабочей силы в этих странах и неэквивалентного обмена товарами с ними; здесь и донельзя упрощенческий взгляд на политические и социальные явления, и перегруженность идеологическими предрассудками, мешающими трезво оценивать реальности современного мира.

Своей политической программой американский президент объявил «крестовый поход» против коммунизма, чтобы «списать» последний на «пепелище истории». Иррационализм, доведенный до абсурда, к сожалению, не вызывает морального протеста американского общественного мнения.

Что же касается тех, кто неохотно склоняется перед американской стратегией экспансии или сопротивляется ей, то у адептов верховенства и этому есть объяснение. Оказывается, США обладают «правом и долгом» защищать жизненные «интересы безопасности Запада» и его «экономические интересы», нравится это или нет тем, чьи «интересы» защищаются.

II

Сердцевиной стратегии правящих сил США остается ставка на конфронтацию с Советским Союзом. Основу военной доктрины на 80-е годы, как это было сформулировано в 1981 году, составляет «прямое противоборство» между США и СССР. В контексте этой стратегии усилия направлены и на то, чтобы заставить Западную Европу, Японию и другие страны принять систему международной конфронтации, в которой они будут вновь — как и в первые послевоенные десятилетия — подчинены американской мощи¹. Другими словами, конфронтация и напряженность в качестве механизма контроля собственных союзников.

¹ *Chomsky N., Steele J., Gittings G. Superpowers in Collision. Harmondsworth, 1982. P. 40.*

Проталкиваясь к власти, Рейган призывал начать «моральное и военное перевооружение» и «приструнить циников, пацифистов и соглашателей». Став президентом, взвинтил до небывалых масштабов гонку вооружений, усиленно нагнетая шовинизм. Военные расходы исчисляются уже сотнями миллиардов долларов. Он сумел поднять такую волну милитаристской истерии, которая составляет реальную опасность для мира, но также служит — в числе других задач — и делу подавления демократических и нейтрализации умеренных сил в самих США.

Нельзя не видеть, что у некоторых руководителей американской администрации взяла верх воинственность. Создается впечатление, что нынешним планировщикам американской внешней политики недостает понимания того, что международные реалии носят объективный характер, выражаются в бесстрастных фактах, не прощают действий, приходящих в столкновение с требованиями жизни. Как отмечается в книге «Построение мира», история «покрыта обломками политики тех лидеров и стран, которые действовали на основе своих иллюзий, а не реальности»¹. И ни эмоции, ни словесные заклинания не могут устранить действительности, подавить ее амбициозным своеволием.

Что касается непомерного шума о «свободе», которую, мол, столь нежно лелеют в США, то бывший государственный секретарь этой страны Джеймс Бирнс еще в 1945 году сказал: «Задача, стоящая сегодня перед нами, заключается не в том, чтобы обеспечить в мире безопасность для демократии, а в том, чтобы обеспечить в мире безопасность для Соединенных Штатов»². Существо «безопасности» достаточно рельефно было отражено в доктрине Трумэна (1947 г.), которая разделила мир на две части: «свободный мир», то есть часть мира, которая открыта для американской торговли и инвестиций, для американской экспансии, и «коммунистический мир», закрытый для американской эксплуатации³. Под флагом этого разделения и началась послевоенная экономическая и военная неоокупация Западной Европы, Японии и некоторых других стран с высоким уровнем американских экономических интересов.

Амбиции Вашингтона пережили в послевоенное время не одну трансформацию в тактике, но стратегия мало изменялась. В первые мирные годы США, уверенные в своем военном превосходстве, используя экономическую мощь, а также факт опустошения Европы и Японии, активно двинулись к воображаемому

¹ Hoffman S., Vance C. Building the Peace. Wash., 1982. P. 4.

² Williams W. The American Century. N. Y., New Viewpoints, 1973. P. 220.

³ Hutcheson J. Dominance and Dependency. Toronto, 1978. P. 71.

имперскому великолепию. Первый открытый залп «холодной войны» прозвучал в пресловутой фултонской речи У. Черчилля (март 1946 г.). И уже через год — 12 марта 1947 года — «холодная война» нашла свое официальное оформление в послании Г. Трумэна конгрессу. Тогдашний американский президент применил прием «шоковой терапии», с тем чтобы путем возбуждения искусственного страха перед СССР расширить маневренность для американской политики. С тех пор этот прием стал стандартным. Послание Г. Трумэна и до сих пор служит своеобразным катехизисом, особенно в части, содержащей претензии на гегемонию.

Уже в 1950 году в директиве СНБ-68 Советский Союз обозначался как «главный враг» США, планировалось втягивание нашей страны в гонку вооружений с целью ее экономического истощения. Американские политологи активно развивали эту тему. Особенно ясные очертания доктрина «экономического изматывания» СССР приобрела в работах Ч. Боулса¹.

Той же директивой предусматривались рассчитанные на перспективу тайные операции, развертывание «психологической войны». Что же касается самих отношений с СССР и переговоров по насущным проблемам международной жизни, то они мыслились лишь в контексте понуждения Советского Союза к «отступлению» под давлением военных, экономических, дипломатических, политических и пропагандистских мер.

В центре военной стратегии прочно обосновался ядерный фактор. Практически все послевоенные президенты грозили применением ядерного оружия. При Г. Трумэне и Д. Эйзенхауэре были разработаны конкретные планы ядерного нападения на СССР. В развитии этих планов государственные деятели делали угрожающие заявления. Военно-морской министр Мэтьюз предлагал, например, «превратить войну в институт, чтобы принуждать к сотрудничеству в интересах мира... Мы первыми станем агрессором ради мира»². (В 80-е годы президент Рейган тоже говорил о войне ради мира.) Генерал Андерсен был готов идти еще дальше: «Мы находимся в состоянии войны... Прикажите мне, и я за неделю разгромлю пять пунктов в России атомными бомбами»³. Д. Эйзенхауэр грозил применить ядерное оружие против КНДР и Китая. Дж. Кеннеди апеллировал к атомной бомбе во время событий вокруг Западного Берлина в 1961 году

¹ К сожалению, советское руководство позволило втянуть страну в разорительную гонку вооружений, не сумело найти разумной альтернативы, что привело к гигантским военным расходам, последствия которых в социальной сфере пожинает перестройка.— *Прим. авт.*

² Whiting A. China Crosses the Jalu: The Decision to Enter the Korean War. N. Y., 1960. P. 92.

³ Ibid. P. 96.

и карибского кризиса в 1962 году. Л. Джонсон и Р. Никсон не раз угрожали ядерным оружием в ходе вооруженной интервенции США в Индокитае. Дж. Картер, а за ним Р. Рейган в открытую заговорили о «праве» США на первый ядерный удар, а также о возможности «локальной» ядерной войны, «затяжной» ядерной войны и победы в них.

В сущности, Рейган мало что прибавил к доктринам, выработанным во времена Трумэна и последующих президентов. И тогда коммунизм объявляли источником всех бед Запада, а существование Советского Союза — угрозой «национальным интересам» США.

Кроме того, каждый президент опирается на идеи и рекомендации, которые вырабатываются в той или иной форме экономической, военно-политической и научной элитами. Практически все ключевые посты, имеющие отношение к выработке и проведению политики, заняты представителями промышленно-финансовых кругов. Те же силы оплачивают деятельность различных центров, институтов, групп, специализирующихся на теоретических, политических, экономических оценках международной обстановки и разработке рекомендаций для правительственных органов.

Достаточно влиятельной из этих организаций является Совет по международным отношениям (СМО). Его донорами всегда были представители крупнейших финансовых империй — Моргана, Форда, Рокфеллера. При администрации Рейгана роль совета несколько снизилась, поскольку на его заседаниях допускалось обсуждение различных взглядов, а не только ультраконсервативных. Но подозрения в «излишнем либерализме», пожалуй, безосновательны, так как многие линии политики рейгановской администрации обсуждались данным советом задолго до того, как Р. Рейгана стали продвигать в президенты.

В этом совете проходили предварительную проработку общие доктрины, которые становились потом практической политикой. В частности, идеи отхода от разрядки международной напряженности, ревизии позитивных сдвигов, происшедших в первой половине 70-х годов в советско-американских отношениях, взаимоотношениях Востока и Запада в целом, вызревали достаточно давно. Уже вскоре после завершения работы общеевропейского совещания и подписания в Хельсинки Заключительного акта нью-йоркский Совет по международным отношениям принял оценку того, в какой мере политика разрядки, равноправного сотрудничества, разоружения соответствует «национальным интересам» США. Его вывод сводился к необходимости возобновления конфронтации. Многочисленные встречи и семинары, организованные по итогам этого анализа, были ориентированы

на доказательство желательности охладить связи с СССР, понизить ожидания от советско-американского сотрудничества, ужесточить отношения в целом и сделать упор на новых военных программах и «укреплении НАТО»¹.

В качестве прикрытия перехода к конфронтации была предложена тема борьбы за «права человека». Одновременно указанная кампания выступила и средством отвлечения внимания от уотергейтского скандала и морально-политических последствий вьетнамского скандала. Под флагом «защиты прав человека» разрабатывался и механизм вмешательства во внутренние дела других стран.

Консервативная политология США даже в период прогресса разрядки не уставала создавать разного рода концепции, оправдывающие ведение той или иной разновидности войны, что подрывало возможность формирования обстановки доверия. Множество дискуссий состоялось на тему о вариантах применения военной силы, из которых было выделено три — сама война, угроза ее развязывания, устрашение. С разных сторон рассматривались возможности участия США в стратегической и локальных ядерных войнах. Много сил было положено на обоснование возможности «первого» удара, который, по рассуждениям военно-политических теоретиков, может быть как «преэмптивным», упреждающим противника, готового нанести первый удар, так и «превентивным», то есть не спровоцированным другой стороной.

Получившие широкое распространение концепции «ограниченной стратегической войны» («контрсилы»), локальных ядерных конфликтов были вписаны в общее их оправдание — так называемое «гибкое реагирование». Последнее преподносилось как средство предотвращения всеобщего конфликта, а фактически служило прикрытием возможных произвольных действий². Что же касается модной теории устрашения, то в основе ее также лежала возможность реализации ядерной силы. Концепция устрашения практически варьирует известную политику балансирования на грани войны. Толкование устрашения, которое дают американские политологи, довольно широкое — от пресловутого «сдерживания» 50-х годов до американских интервенционистских авантюр последнего времени. Важно подчеркнуть, что и в период разрядки напряженности все эти словообразования на тему о войне исходили из посылки конфликта, а не мирного решения возникающих проблем. Р. Хилсмен пишет, что «война — часть

¹ Council on Foreign Relations // Annual Report. September 1. 1977. June 30. 1978. N. Y., 1978. P. 11—12.

² Подробнее см.: Петровский В. Концепции силы и их эволюция // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 4.

будущего»¹. Р. Уэссон признает, что США никогда не обещали не применять ядерное оружие². Таким образом, программно-концептуальная база для политических решений новой администрации была практически готова. Рейган взял на вооружение выработанные рекомендации. «Мир — продукт силы», — сказал он на пресс-конференции 11 ноября 1982 года. «Сегодня мир ждет от Америки руководства. Америка же обращает взоры на свои вооруженные силы»³, — заявил Рейган через год.

III

Возникает вопрос: почему правящие круги США пошли в свое время на то изменение в отношениях государств двух систем, которое получило название разрядки напряженности, то есть на определенное ослабление конфронтационных подходов к мировым делам и усиление аспектов сотрудничества? Причин здесь много — как внутренних, так и внешних. Прежде всего это военное поражение во Вьетнаме — первое в истории США. В мрачном свете провала интервенции несколько потускнели имперские амбиции, они потеряли в весе, что привело к определенной эрозии мессианской доктрины. Окреп голос и реалистических кругов, которые всегда сомневались в том, что силовой курс соответствует национальным интересам США. Усилились и изоляционистские тенденции.

Далее, американским лидерам несколько отрезвило достижение Советским Союзом военно-стратегического равновесия с США. Отныне последние не могли уничтожить Советский Союз, не обрекая тем самым на уничтожение и самих себя. Мировая политика изменила свой характер. И нельзя сказать, что определенные круги в США не расслышали похоронного звона по политике ядерного манипулирования.

В коллективной работе американских исследователей «Повестка дня для нации» Г. Киссинджер писал: «Ядерный век... ставит абсолютный предел масштабам конфликтов... поскольку ядерная война должна быть одинаково неприемлема и для Москвы, и для Вашингтона»⁴. Он говорит о «неприемлемости ядерной войны» как осознанном политиками выводе, основанном, в сущности, на здравом смысле.

Отступление оказалось неизбежным. Новая обстановка диктовала и новую тактику. Хотя устоявшимся догмам внешнепо-

¹ *Hilsman R. The Crouching Future: International Politics and US Policy. A Forecast.* N. Y., 1975. P. 627.

² *Wesson R. Foreign Policy for a New Age.* Boston, 1977. P. 52—53.

³ *Time.* 1983. 14.XI. P. 23.

⁴ *Agenda for the Nation / Ed. by K. Gordon.* Wash., 1968. P. 607, 608.

литической философии явно противоречили любые повороты, все же были предприняты реальные шаги, создававшие возможности для сотрудничества, решения разногласий за столом переговоров, формирования элементов доверия. В мире стало легче дышать, на смену страху пришла надежда.

Но позитивные меры, которые диктовались обстановкой разрядки, предпринимались с неохотой, под ними всегда лежал зыбкий песок оговорки, они порой сопровождались действиями, явно противоречащими смыслу достигнутых соглашений. Разрядка изображалась в качестве уступки Советскому Союзу, как невыгодное для США «одобрение» объективных изменений на карте мира. Особенно назойливо пропагандировалась идея разочарования разрядкой, ее несоответствия национальным интересам США. Как подчеркивается в книге У. Гриффита «Сверхдержавы и региональная напряженность», США пошли на советско-американский диалог по конъюнктурным соображениям и процесс разрядки не рассматривался их правящими кругами как политический курс, рассчитанный на длительную перспективу¹. В последнем — суть мрачной истины.

Дополнительной причиной, побудившей порвать с политикой конструктивного развития советско-американских отношений, явились порожденные разрядкой позитивные моменты в европейских делах. Апостолы конфронтации не хотели расширения торгово-экономических связей Советского Союза с западноевропейскими странами. Если к этому добавить пошатнувшиеся позиции США на мировых рынках, где американским монополиям становилось все неудобнее в обстановке жесткой конкурентной борьбы с фирмами Западной Европы и Японии², то с известной полнотой вырисовываются заботы американского бизнеса.

Вашингтон тратит на военные цели больше, чем союзники (по данным, приведенным в книге «На пути к новой холодной

¹ Griffith W. The Super Powers and Regional Tensions. Lexington, 1982. P. 8.

² В 1970 г. валовой национальный продукт (ВНП) США составил 30 процентов мирового, а к концу десятилетия — только 20 процентов. С середины 70-х годов американские компании были в значительной мере вытеснены зарубежными конкурентами из большинства отраслей, определяющих направление экономического роста. По некоторым подсчетам, доля США в общем объеме рынка бытовой электроники сократилась с 35 до 10 процентов, стали — с 26 до 17, автомобильного рынка — с 44 до 25 процентов. США утратили приоритет в сбыте продукции высокотехнологических отраслей, которые некогда были американской монополией. Например, доля в продажах широкофюзеляжных самолетов упала за это время с 95 до 65 процентов, а в такой важной сфере, как полупроводники, — с 90 до 60 процентов. В 50-х годах на долю США приходилось около 80 процентов внедрявшихся в мире инноваций, ныне — около 50 процентов (см. Lewis H., Allison D. The Real World War. N. Y., 1982. P. 16, 110).

войне», в США на каждые 100 долларов продукции приходится 46 долларов, потраченных на военные цели; в ФРГ — соответственно 18, в Японии — 3,7). Это ведет к снижению конкурентоспособности США в сфере невоенного производства. Заставить союзников тратить больше на оружие — значит улучшить условия конкурентной борьбы для монополий США¹.

Но для подрыва разрядки нужны были серьезные усилия. Эта политика уже пользовалась нарастающей поддержкой в мире. С 1977 года осторожно, а затем все агрессивнее средства массовой информации начали обыгрывать тезис о «новой военной угрозе» со стороны СССР. Возникли десятки разных комитетов, организаций, которые приступили к бомбардировке американцев и населения других стран заявлениями, статьями, фильмами, телепрограммами, книгами, должностными убедить, что Соединенные Штаты — а с ними и весь Запад — пропадут, если не бросят новые миллиарды на новые вооружения. Вновь возрождался стереотип «врага». После настойчивой кампании запугивания сессия совета НАТО в Вашингтоне в мае 1978 года (явившаяся вызовом специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, проходившей в это же время в Нью-Йорке) приняла долгосрочную программу наращивания вооружений и ежегодного увеличения военных расходов патовских стран на 3 процента.

Однако примирить курс на напряженность с фразеологией о мире было еще довольно затруднительно. Тем массированнее шла пропаганда тезиса о советской угрозе, неминувости первого удара со стороны СССР, подготовке в Советском Союзе к химической и бактериологической войне и т. д. Все это было ложью, но свою служебную роль выполняло, прикрывая собственные военные приготовления. Обстановка 1978—1979 годов в известной мере напоминала послевоенную ситуацию, когда ради оправдания начатой милитаризации при президенте Трумэне была развязана «холодная война». В дни корейской войны консультативная группа на уровне членов кабинета призывала администрацию Трумэна усилить «глобальное наступление против коммунизма, включающее длительные бомбардировки материкового Китая и дипломатические шаги с целью обеспечить моральное оправдание для ядерного нападения США на Советский Союз...»².

В США модно говорить о том, что осложнения в мире, заставившие эту страну вступить в новый раунд гонки вооружений, начались с Афганистана. Это не так. Можно подумать, что

¹ *Chomsky N. Towards a New Cold War. L., 1982. P. 32.*

² *Washington Post. 1978. 8. X.*

до конца декабря 1979 года американские руководители находились в состоянии романтического пацифизма.

Возьмем тот же 1979 год. В феврале главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Хейг, ставший потом государственным секретарем, уже предрекал изменения в политике США, требовал развертывания странами НАТО новых систем оружия против стран Варшавского Договора. Хейг заявлял, что такая политика предполагает «борьбу до конца». В том же феврале на секретном совещании глав четырех держав (США, Англия, ФРГ, Франция) на Гваделупе было принято решение о развертывании ракет средней дальности в Европе. В марте объявлено о предстоящих учениях «Глоубл шилд», имитирующих возникновение «ядерной войны». Одновременно началась обработка общественного мнения в пользу строительства в США новых ударных атомных подводных лодок. В мае началось активное обсуждение вопроса об использовании космического пространства в целях нанесения первого ядерного удара. В летние месяцы 1979 года была предпринята массированная атака на Договор об ОСВ-2, который и был затем похоронен. Дальше — больше. В сентябре 1979 года президент Картер заявил на пресс-конференции, что принял решение о развертывании системы новых мобильных межконтинентальных баллистических ракет МХ. Он обратился к конгрессу с просьбой увеличить военный бюджет еще на 5 процентов. Странам НАТО стал навязываться план размещения на Европейском континенте новых американских ракетно-ядерных средств. Официальное решение об этом было принято в середине декабря 1979 года. В течение всего года наращивалась американская военная мощь в Персидском заливе и Индийском океане. Несколько раз ядерные силы приводились в боевую готовность из-за «ошибок компьютеров», сигнализовавших о приближении советских ракет. Наконец, 12 декабря 1979 года американский президент призвал довести в ближайшие пять лет расходы на оборону до 200 миллиардов долларов и создать широкий круг новых видов оружия¹.

Сейчас утверждается, что политика разрядки и нормализации отношений с Советским Союзом не оправдала американских надежд, что от нее выгадал только СССР, что разрядка лишила США решительности в использовании военной силы, ослабила дисциплину среди их партнеров, прежде всего в блоке НАТО, укрепила среди развивающихся государств тенденцию избегать откровенно проамериканской ориентации. А коли так, то необходим поворот к политике, которая бы отвечала интересам Вашингтона.

¹ Washington Post. 1979. 13. XII.

Такой поворот стал фактом. Администрация пытается возродить идеи 20-х годов об изоляции СССР, окружив его кольцом ядерных баз. Она заболела старой хворью «крестовых походов». Разорваны многие договоренности, достигнутые ранее с Советским Союзом, прекращены переговоры по самым насущным проблемам международной жизни. Президент США утверждает, что «Советский Союз — причина всех беспорядков на земном шаре»¹, объявляет СССР «империей зла»². Он готов рисковать всем ради войны, но ничем — ради мира.

Сегодня стреляющий от бедра ковбой — не только герой для подражания, но и политический символ. Беда в том, что некоторые лидеры США вернулись к «простым решениям сложных проблем», уверовав, что только сила в состоянии обеспечить «национальные интересы».

Особенно опасны иллюзии военно-технического превосходства, порождающие, в свою очередь, политические миражи, которые обладают определенной психологической агрессивностью, имеют тенденцию внедряться во внешнеполитический курс государств. Чем, как не такого рода иллюзиями, можно объяснить периодические милитаристские вспышки в США, совпадающие с появлением очередных новинок в совершенствовании оружия. И каждый раз подобные вспышки вели к снижению уровня здравого смысла, к подогреву подозрительности, к созданию атмосферы, благоприятной для просчетов, ошибочных решений.

Шовинизм, разжигаемый сверху, застилает глаза немалому числу американцев. Одурманивает столь сильно, что многие из них аплодируют даже оккупации крошечного островного государства Гренада. Примечательно высказывание «Уолл-стрит джорнэл»: «Интересно, кто посмеет заявить открыто, что это использование американской мощи было ошибочным. Если никто не скажет, что события на Гренаде были ошибкой, то почему же иная мораль должна действовать во всей остальной Латинской Америке и во всем остальном мире?»³

Впрочем, это не ново. Журнал «Нэшнл дефенс» в номере за июль — август 1983 года⁴ опубликовал статью бывших сотрудников военной разведки В. Кеннеди и С. де Гайрки под заголовком «Альтернативная стратегия на 80-е годы». В ней подробно излагаются планы вторжения в Сибирь с баз на Аляске, в Японии, Южной Корее и на Филиппинах. Войну, согласно плану,

¹ Wall Street Journal. 1981. 23. II.

² U. S. News and World Report. 1983. 21. III. P. 16.

³ Wall Street Journal. 1983. 26. X.

⁴ National Defense. 1983. July — August. P. 47—54

США начинают нанесением ядерного удара. Авторы статьи пишут: «Преимущество первого удара явно было продемонстрировано результатами использования ядерного оружия против Японии... Никакие слова не в силах изменить того обстоятельства, что использование первыми ядерного оружия создает возможность если не уничтожить, то парализовать противника, в то время как «взаимное самоуничтожение» остается и, хочется надеяться, останется недоказанным предположением». В связи с этим журнал ратует за производство и размещение МХ, «Трай-дент-Д-5» и других видов оружия первого удара. Авторы статьи подтверждают, что Рейган уже взял на вооружение некоторые составные части такой стратегии, объявив о планах размещения на севере Японии эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-16, а в портах тихоокеанского побережья США — авианосной боевой группой.

Но этого мало. Кеннеди и де Гайрки настаивают на ускоренном наращивании вооруженных сил США в северной части Тихого океана, нацеленных против Сибири, с участием большинства из 600 кораблей военно-морского флота (такой флот хочет создать министр ВМС Леман), 6—8 авианосцев, тяжелых бомбардировщиков на Аляске и большей части корпуса морской пехоты. Они предлагают разместить на западе Алеутских островов ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты, чтобы «привнести ядерный аспект в планы нападения на Советский Союз». Обращает на себя внимание и то, что указанный план включает использование японских подразделений на Хоккайдо. Журнал иллюстрирует статью картой возможных целей в восточной части СССР. Приводится список военной техники, которая понадобится американским силам вторжения. Авторы статьи в восторге от своего плана и циничны до предела. Огромные, в основном незаселенные просторы Сибири, где находятся колоссальные природные ресурсы СССР, пишут они, наводят на мысль об использовании тактического ядерного оружия.

Правда, в хоре милитаристов начинают прорываться и трезвые голоса. Начал по-иному высказываться лидер демократов в палате представителей Т. О'Нил, ранее симпатизировавший многим действиям Рейгана. Он сказал обозревателю Дж. Рестону, что его, О'Нила, пугают действия президента, что Рейган проводит неправильную политику; не знает, в чем задача правительства и какова обстановка в мире. В порыве раздражения он заявил: «Грех, когда такой человек занимает пост президента США».

Американский публицист Р. Смит пишет о милитаристском характере правительства, «опьяненного идеей укрепления своей мощи и готового по малейшему поводу и без него пустить эту

мощь в ход». И далее: «Одержимый идеей военной силы, Рональд Рейган так и не уяснил себе, что статус великой державы влечет за собой определенную ответственность. Это не просто возможность выкручивать руки другим. Это значит понимать, что сила имеет свои пределы, что национальный престиж можно подорвать, если поддерживать недостойные цели, что не все интересы являются «жизненно важными». Наше правительство так и не стало — и теперь уже, видимо, не станет — зрелым»¹.

О пробуждении тех сил в США, которые, стравливая оцененные последних лет, начинают поворачиваться к трезвым оценкам, говорит и статья редактора «Нью-Йорк таймс», который пишет: «Рейган на протяжении последних трех лет культивирует милитаристскую психологию. У конгресса есть власть спасти страну от сопряженного с рейганизмом упорного скольжения к войне. Вопрос стоит так: хватит ли у него для этого мужества?»² Добавим — и желания?³

В свое время А. Линкольн сказал, что «все армии Европы, Азии и Африки... с Бонапартом во главе не смогли бы с помощью силы испить из реки Огайо, даже если бы попытались это сделать тысячу лет»⁴. Но прошло лишь около 100 лет, и человечество достигло таких научно-технических высот, которые сделали США столь же уязвимыми в военно-стратегическом отношении, как и любое государство.

¹ New York Times. 1983. 30. X.

² Ibid. 1983. 3. X.

³ Последующий ход событий показал, что под воздействием крупных доктринальных советских инициатив обстановка в мире стала меняться коренным образом, что не могло не сказаться и на характере американской политики. Надо отдать должное и Р. Рейгану, которому досталось мужества, чтобы изменить свои подходы, реально оценить ситуацию и пойти на диалог с новым советским руководством.— *Прим. авт.*

⁴ Цит. по: Detente and Defense: A Reader. R. Pranger (ed.). Wash., 1976. P. 43.

ИМПЕРИАЛИЗМ: СОПЕРНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Раскол мира на две соперничающие формы цивилизации, образование социалистического содружества, падение колониальной системы, формирование военно-стратегической ситуации ядерного века кардинально изменили условия борьбы капитализма за свое выживание, в известной мере усложнив их. И как следствие, эти условия оказывают воздействие на процесс модификации и определенной деформации закономерностей капитализма, неизбежно придают своеобразие их характеру, механизму действия, методам разрешения противоречий.

Социальный поворот в жизни человечества, начатый Октябрем 1917 года, и вызванные им другие крупномасштабные события оказали стимулирующее влияние на обе тенденции в межимпериалистических отношениях — центростремительную и центробежную. В целом они понудили буржуазию к сплочению и блокированию, еще большему космополитизму, поискам более гибких, чем раньше, компромиссных форм улаживания конфликтов и разногласий. Но ход событий продемонстрировал тщетность попыток устранить основополагающие противоречия капитализма — такой возможности капитализму историей пока что не дано, если говорить о существующем характере производительных сил и производственных отношений.

Разумеется, и сегодня государства, где правит сверхбогатство меньшинства, коалиции и группировки таких государств представляют собой звенья мировой системы империализма с общими целями. Порой это выглядит как главная тенденция наших дней. Но живую жизнь определяет прежде всего то, что государственно-монополистический капитализм находится ныне в полосе ухудшения базовых условий своего развития, прежде всего механизма воспроизводства капитала, что не может не отразиться

Статья в газете «Правда» от 23 марта 1984 г.

на отношениях, господствующих внутри системы национально обособленных империализмов.

70-е — начало 80-х годов ознаменованы качественным сдвигом в ходе развития капиталистической системы. Рознь экономических, социальных и политических интересов национальных империализмов, конкурентная борьба и соперничество в самых разных плоскостях подтачивают и дезинтегрируют фронт мирового капитализма. При капитализме все прогрессы сопровождаются «также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их»¹.

I

Объективную основу тенденции, противопоставляющей одних империалистов другим, составляет, как известно, закон неравномерности экономического и социально-политического развития капитализма на его империалистической стадии. Действуя особенно противоречиво на суженной базе империалистического господства, в условиях крушения колониальной системы, скачкообразности развития, научно-технической революции, он создает питательную среду для постоянных передвижек в балансе сил финансовых групп, буржуазных государств и их различных комбинаций.

Особенность современной ситуации заключается в том, что наряду с традиционным межгосударственным противостоянием над ним возникло и развилось новое, ставшее отныне главным, остроконфликтное соперничество между тремя основными центрами империализма. Масштабы и могущество этих центров (США, Западная Европа и Япония) не имеют аналога в истории. Именно они стали сегодня существенными компонентами мирового влияния, и не только в системе империализма, но и в международных отношениях в целом. По мере форсирования интеграционного процесса в Западной Европе и возвышения Японии до ранга мировой экономической державы эти «силовые центры» создают реальный противовес гегемонии США в мире капитализма. Многогранность и масштабность последствий этого процесса несомненны.

Удельный вес США в суммарном валовом внутреннем продукте несоциалистической зоны мира снизился с 47 процентов в 1950 году до 37 процентов к настоящему времени. Западная Европа превзошла Соединенные Штаты по масштабам промышленного производства и превратилась в главный центр международной торговли. В 1982 году она вывезла в три с лишним раза

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 180.

больше товаров (по стоимости), чем США. В ее распоряжении сейчас почти половина всех валютных резервов мира капитализма, или примерно в 10 раз больше, чем у ее заокеанского конкурента. Страна «восходящей иены», вырвавшись на второе место среди капиталистических государств по общеэкономической и в особенности промышленной мощи, в свою очередь продолжает сокращать дистанцию, отделяющую ее от США. Конкуренты основательно потеснили США в мировом капиталистическом хозяйстве. И сегодня США уже никак не могут считаться символом молодости, динамизма и удачи западного мира.

Относительная нивелировка трех центров империализма по уровню развития производительных сил, степени концентрации производства и капитала и составляет тот фон и ту базу, на почве которых усиливается волнообразность их экономического развития, порождая все новые и все более взрывоопасные вспышки конкурентной борьбы. Укрепив хозяйственные позиции, ведущие западноевропейские страны и Япония добиваются изменения в свою пользу структуры партнерства. Американское жесткое верховенство становится все более обременительным для новых «силовых центров», усиливается тенденция к проведению ими самостоятельной экономической и внешней политики, к решениям, далеко не всегда совпадающим с интересами США.

Таким образом, сложившаяся в первые послевоенные десятилетия экономическая и политическая гегемония США ныне, бесспорно, поколеблена. Ход этого процесса непросто, а его последствия неоднозначны. Своеобразие обстановки состоит в том, что на смену моноцентризму в экономике и политике приходит полицентризм при сохранении американской военной гегемонии. При этой передвижке базовых факторов мировой структуры межимпериалистические противоречия не могут не обостряться, они приобретают особую напряженность, поскольку дальнейшее укрепление неамериканских центров империализма тормозится перманентным политическим давлением со стороны США, опирающимся на военное присутствие и многообразные формы военно-промышленной зависимости партнеров. Это особенно актуально сегодня, когда Вашингтон усиливает наступление на два других центра современного капитализма, расширяя масштабы и обостряя характер своего натиска. Одно из свидетельств тому — демонстрация мускулов во внешнеэкономической сфере, политика вздергивания процентных ставок, завышенный курс доллара, валютно-кредитный гегемонизм.

Самоочевидно, что в любом случае в исторически обозримой перспективе будет нарастать центробежная тенденция — к расщеплению, дроблению составляющих его частей. Отсюда одна из причин нервозности правящей верхушки США, сосредоточив-

шейся сейчас на идее военной консолидации системы империализма с прицелом в том числе и на удержание на длительную перспективу своего политико-экономического лидерства.

II

Итак, нынешнему обострению противоречий во многом способствует общая стратегия нынешней американской администрации, нацеленная на возврат утраченных позиций. Круче повернув ядерное острие конфронтации против СССР, американская правящая элита пытается подмять и своих братьев по классу. Но дело, разумеется, не только в претензиях Вашингтона на сохранение главенствующих позиций. Для таких замыслов объективно сохраняется известная база. Несмотря на понижение своего удельного веса в системе капиталистического хозяйства, США остаются его ведущей экономической силой, важнейшим центром научно-технического прогресса. Заокеанская держава превратилась в крупнейшего импортера капитала, но одновременно она выступает и как его главный экспортер, является ведущим поставщиком продовольствия на мировой рынок. Такое положение, весьма вероятно, сохранится до конца XX века.

Следовательно, относительное ослабление мировых позиций главного центра экономического соперничества протекает отнюдь не быстро и не прямолинейно. Обнаружившаяся за последние десятилетия генеральная тенденция такого развития сопровождается поворотами и попятными движениями, она болезненна для всех «силовых центров».

Вполне естественно, что в обстановке участвовавшихся экономических спадов борьба между основными центрами и государствами приобрела особую остроту и жесткость. В условиях товарного перепроизводства каждый из конкурентов стремится, по выражению К. Маркса, отделаться возможно меньшими потерями, и ему нет дела до соседей. Ныне «экономический национализм» резко возрос.

Напряженность в межимпериалистических взаимоотношениях стала более конфликтной и взрывной по своему характеру и потенциалу с тех пор, как локомотив гонки вооружений развил при администрации Р. Рейгана повышенную скорость. США и из этой ситуации стремятся извлечь для себя пользу. Якобы в интересах безопасности Запада и его политической солидарности перед лицом «советской военной угрозы» и «наступления мирового коммунизма» американское правительство домогается от западноевропейских стран и Японии свертывания жизненно важных для них торгово-экономических связей с социалистическим содружеством. Оно пытается также взвалить на их плечи

наиболее расточительные формы гонки вооружений. Двойственную позицию многих стран НАТО в этих вопросах американские монополии используют сугубо в своих интересах.

Таким образом, кампания, вызывающая к проведению «глобальной антикоммунистической политики», используется Вашингтоном, в частности, и для того, чтобы, по сути дела, подорвать экономику своих конкурентов, ослабить их конкурентные позиции на мировых рынках.

III

Система империалистических государств расчленена не только на «силовые центры», противостоящие коалиции и блоки стран, валютные и прочие зоны. Сильное дезинтегрирующее воздействие на нее оказывает монополистическая конкуренция. Сейчас она приобрела небывалую ожесточенность, ибо схватки ведутся между исполними национальными и международными корпорациями. Их арена — весь капиталистический мир.

Конкурентная борьба между отрядами финансового капитала разных стран не только не ослабевает, она нарастает, несмотря на продолжающееся интернациональное переплетение капиталов и формирование транснациональной финансовой олигархии. ТНК, располагая гигантскими ресурсами (к 1982 году они контролировали предприятия, на которых производится 28 процентов валового внутреннего продукта капиталистического мира) и широкой сетью зарубежных филиалов, весьма оперативно приспосабливаются к меняющимся условиям, перенося центр тяжести в своей деятельности из одной отрасли производства или из одной страны в другую.

Все большую остроту приобретает конфликт «нации — транснациональные корпорации». Превосходя по экономической силе даже целые государства, наиболее мощные ТНК, родившиеся на американской почве, действуют, не особенно считаясь с национальным законодательством и регулированием хозяйственной жизни, с политикой малых стран. В круг крупнейших промышленных ТНК все активнее втягиваются японские и западноевропейские, чья продукция нередко оказывается более конкурентоспособной, чем американская. Из тридцати ТНК-мультимиллиардеров (без нефтяных) на США в начале 80-х годов приходилось пять, тогда как на Западную Европу — девять.

Конфликтный характер развития мирового капиталистического хозяйства усиливают сотрясающие его вспышки торговых и валютных войн. В современных условиях они выступают преимущественно как торгово-политические войны, войны цен, процентных ставок, кредитов и даже стандартов.

В большинстве случаев инициатором протекционистских мер выступают США. Их заверения в преданности курсу на «либерализацию» международной торговли оказались блефом. Обвиняя страны Западной Европы и Японию во всех смертных грехах, они сами круто повернули курс торгово-экономической политики в сторону протекционизма. Интенсивное вторжение японских товаров на рынки США американская печать именует «экономическим Пёрл-Харбором». В новых условиях дальневосточная держава, развивая мощное наступление на рынках США и Западной Европы, не говоря о странах Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, возглавляет антипротекционистскую кампанию за «свободу торговли».

Если обобщенно оценить процессы, происходящие в этой традиционной сфере противоречий, то и сегодня в ней борется не свободная торговля с протекционизмом, а «один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»¹.

Наконец, к старым методам борьбы за сырье путем захвата его источников сейчас присоединяется и новый. В условиях перехода на энерго- и материалосберегающие производственные процессы массовое распространение новой технологии становится не менее важным, чем владение шахтами или плантациями. Пока что США впереди в создании такой технологии, но Западная Европа и Япония впереди в ее применении, в реальной экономике сырья и энергии.

IV

Особенность современных противоречий состоит и в том, что они развертываются преимущественно на интеграционной базе, в рамках экономических, а также военно-политических союзов. Возникли и реализуются возможности для формирования глобальной структуры «совокупной военной мощи» империализма, основанной на более активной роли ряда других развитых и развивающихся государств, чьи экономические и военные возможности наряду с США существенно возросли за последнее время. Стало быть, обозначается новая тенденция в расстановке сил.

Существование и развитие военных блоков больше, чем что-либо другое, характеризует центростремительную тенденцию в системе капитализма. «Империалистская тенденция к крупным империям, — писал В. И. Ленин, — вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистского союза

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 412.

самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств»¹. И все же, несмотря на общность главных политико-стратегических целей, в позициях США и их союзников обнаруживаются значительные различия. Международные амбиции нынешнего американского руководства далеко не во всем совпадают с интересами Западной Европы и Японии. Уже сегодня все отчетливее становится понимание, что размещение американских ракетных баз на территориях суверенных государств не только не снижает уровень их безопасности, но является частью складывающегося механизма контроля над союзниками, удержания их в рамках стратегических интересов США.

Как видно, не только экономические, но и политико-стратегические отношения становятся все сложнее и противоречивее. В преобладающей сейчас тенденции к объединению сил объективно заключены возможности для деформации, а при определенных условиях — и ослабления сложившейся структуры «совокупной военной мощи», для зарождения и взращивания новых противоречий.

* * *

Сама жизнь убеждает в том, что глубочайших противоречий между капиталистическими государствами не снимают ни их общность интересов, ни экономическая интеграция, ни военно-политические союзы, хотя по своей функции эти явления объективно выступают формами смягчения разъедающих противоречий. Оказываются неэффективными и попытки создать руководящий центр и координационный механизм согласования стратегии на экономическом, политическом и военном направлениях. Девять совещаний «большой семерки», деятельность НАТО и так называемой трехсторонней комиссии выявили это с полной очевидностью. Несмотря на меры по искусственному стимулированию центристской тенденции, традиционные и новые противоречия и разногласия продолжают жить и работать. На исходе XX столетия эта закономерность развития не потеряла своего реального значения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 101—102.

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОВЕРИЯ

В «Ежегодном отчете конгрессу» министра обороны К. Уайнбергера от 1 февраля 1983 года говорится о «восстановлении мира на выгодных условиях» путем применения ядерного оружия и при «возможно более низком уровне ущерба Соединенным Штатам и их союзникам». В соответствии с принятой стратегической концепцией «регулирования масштабов, продолжительности и интенсивности» ядерного конфликта предполагается «восстановление мира» посредством нанесения по Советскому Союзу ядерных ударов в самом широком диапазоне. Замысел обосновывается физической способностью вооруженных сил США вести боевые действия, развязать «горячую войну».

Подобные замыслы — реальность. С ними нельзя не считаться. Набирающая темпы гонка вооружений добром не кончится, если ее не остановить.

Естественно, что в этих условиях о доверии говорить трудно, ибо его восстановление теснейшим образом связано с процессом разоружения. Доверие и безопасность, основанные на оружии и устрашении, — это обман, лицемерие, политиканское фарисейство.

В особенно трудном положении оказываются те западноевропейские страны, которые допустили на свою территорию новые за океанские ракеты. Это не только не прибавило им безопасности, но, напротив, чревато серьезными осложнениями, опасностями, новыми тревогами. Уже сейчас свобода их действий существенно ограничивается, им уготована роль в лучшем случае ядерных заложников, а в худшем — театра ядерной войны, детонатором которой могут оказаться и осознанное действие, и политический просчет, и случайная техническая ошибка.

Из выступления на сессии Международного комитета за безопасность и сотрудничество в Европе. Брюссель. 13 апреля 1984 г. Публикуется впервые.

Таковы реальности, в которых должны отдавать себе ясный отчет как государственные деятели, так и миллионы простых людей. Это тем более важно подчеркнуть, поскольку есть влиятельные группы, которые пытаются создать впечатление, будто ничего особенно опасного в международной обстановке не происходит, будто мир с новыми ракетами в Европе стал более безопасным. Это обман, злой обман. За ним просматривается стремление ослабить тревогу, убаюкать людей, подорвать их волю к борьбе за избавление Европы от ядерного оружия, за одинаковую безопасность для всех европейских государств, за разрядку и мирное сотрудничество.

То, что некоторые силы на Западе вот уже многие десятилетия не желают мириться с существованием иной общественной системы, не удивляет. Хуже другое. Воинственная риторика — не лингвистические упражнения, она призвана прикрыть ставку на силу, на гонку вооружений. И все это «обосновывается» старым-престарым тезисом о «советской угрозе», хотя до сих пор никто ни теоретически, ни практически не в состоянии подтвердить наличие этой «угрозы» и показать, в чем же она конкретно состоит.

На этой кляче любят ездить многие политики и политологи, на этом мифе строятся многие постулаты западной политики, пожирающие миллиарды народных денег, возбуждаются страх, недоверие и враждебность в мире, что облегчает жизнь идеологии и практики милитаризма.

В целом развитие событий в последнее время не могло не привести к глубокому подрыву доверия, особенно в отношениях между Западом и Востоком. И восстановление его — одна из предпосылок поисков выхода из создавшегося положения, путей снижения уровня военной конфронтации и устранения ядерной опасности, возврата на путь разрядки. Не скрою, восстановление доверия советского народа к действиям определенных кругов на Западе — дело очень нелегкое. И пока что не видно усилий на Западе, которые бы помогали этому.

Определенные ожидания в этой связи возлагаются на стокгольмскую Конференцию по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. Сам созыв конференции обнадеживает. Он указывает, что идеи разрядки в Европе еще живы, ход событий лишь на грани необратимости. Стокгольмская конференция, по нашему мнению, открывает возможности для проявления доброй воли государств, стремящихся к миру на Европейском континенте. Но оправдываются ли надежды миролюбивой общественности, будет ли стокгольмская конференция содействовать оздоровлению политической обстановки и уменьшению опасности ядерной катастрофы — это зависит от общего подхода

ее участников к проблеме доверия, от того, в какой степени они будут учитывать реальности и императивы нашего времени.

Отказывается правительство США договариваться и о предотвращении милитаризации космоса, грозные последствия которой очевидны. Предлогом здесь, как и во многих других случаях, служат ссылки на «трудности контроля». Но дело, конечно, не в этом. Когда есть желание договариваться о мерах по сокращению вооружений и разоружению, контроль, как показывает опыт, не может быть препятствием.

Можно ли столь глубоко подорванное доверие восстановить с помощью отдельных мер военно-технического характера, предложенных некоторыми участниками стокгольмской конференции? Порой ссылаются в качестве прецедента на меры, предусмотренные в Заключительном акте в Хельсинки, не учитывая, что они разрабатывались в расчете на поступательное развитие разрядки. Не вдаваясь в детальное обсуждение конкретного содержания предложений — это дело специалистов, — можно констатировать, что в современной обстановке они вряд ли способны лишь сами по себе обеспечить доверие.

Нынешнее ухудшение обстановки в Европе порождено отнюдь не недостатком военно-технической информации, а главным образом политикой конфронтации, новым раундом гонки вооружений. В этих условиях на первый план выдвигается необходимость кардинальных мер обеспечения безопасности, на которых может строиться доверие.

Первое место среди таких мер занимают: обязательство государств, обладающих ядерным оружием, не применять его первыми и взаимные обязательства государств не применять вообще военную силу друг против друга.

Советский Союз заявил о готовности к разработке дополнительных мер доверия в военной области. Сочетание широкомасштабных шагов политического и международно-правового плана с мерами военно-технического порядка позволило бы обеспечить успех стокгольмской конференции.

Немалые возможности для укрепления доверия заложены и в других советских инициативах, нацеленных на то, чтобы повернуть вспять гонку вооружений. Например, заморозить в количественном и качественном отношении ядерные арсеналы, что не требует сложных переговоров, ограничить и существенно сократить стратегические вооружения, радикально понизить уровень ядерного противостояния в Европе, предотвратить милитаризацию космоса, запретить и уничтожить химическое оружие — эти и другие меры в равной степени отвечают интересам всех государств, требованиям общественности.

Особое значение имело бы совместное признание норм отношений между державами, располагающими ядерным оружием, и придание им обязательного характера. В представлении советского руководства эти нормы выглядят примерно так:

— Рассматривать предотвращение ядерной войны как главную цель внешней политики. Не допускать ситуаций, чреватых ядерным конфликтом. А в случае возникновения такой опасности проводить срочные консультации.

— Отказаться от пропаганды ядерной войны в любом ее варианте — глобальном либо ограниченном.

— Взять обязательство не применять первыми ядерного оружия.

— Ни при каких обстоятельствах не применять ядерного оружия против неядерных стран, на территории которых такого оружия нет. Поощрять образование безъядерных зон в различных районах мира.

— Не допускать распространения ядерного оружия в любой форме: не передавать кому бы то ни было этого оружия или контроля над ним; не размещать его на территориях стран, где его нет; не переносить гонку ядерных вооружений в новые сферы, включая космос.

— Шаг за шагом, на основе принципа одинаковой безопасности добиваться сокращения ядерных вооружений вплоть до полной их ликвидации.

Сложившаяся обстановка в Европе дает достаточные основания для серьезной тревоги. Но положение не является безнадежным. Еще не поздно его исправить, межгосударственные отношения еще можно вернуть в русло разрядки.

Необходимы объединенные усилия государственных властей и граждан — независимо от их политических, религиозных и философских взглядов, социального положения или партийной принадлежности. Такой подход — не утопия, ибо нет выше цели сегодня, чем сохранить род человеческий, нет важнее задачи, чем предотвратить ядерную войну. Решение ее может быть найдено только на путях разума и сдержанности, сотрудничества и радикального сокращения вооружений на принципах равенства и одинаковой безопасности, на путях прекращения истерии пропаганды. Ни одна возможность, ни один шанс не должны быть упущены, чтобы вернуться к разрядке и переговорам.

Воля народов к миру, если она получит выражение в конкретных целеустремленных и последовательных действиях, способна обеспечить не только успех стокгольмской конференции, но и обуздать гонку ядерных вооружений, что имеет ключевое значение для безопасности всех народов нашей маленькой, уютной и красивой Земли.

ЕВРОПА: РАЗРЯДКА И КОНФРОНТАЦИЯ

Над нашей старой Европой, влияние которой на развитие духовных ценностей человечества всегда было могучим и значительным, над нашей мудрой Европой продолжают метаться ветры «холодной войны». Это реальность, хотя и противостоит естественная. В чем я вижу эту противостоит естественность, не имеющую своих истоков в действительных интересах европейцев?

Все теперь знают, что мир стал теснее. Нужны минуты, чтобы ядерные ракеты уничтожили континенты. Мир связан миллионами нитей — торговых, экономических, политических, социальных. Политические кризисы ведут к тяжелым экономическим последствиям. Экономические трудности рожают политическую нестабильность. Все больше возникает глобальных проблем, которые можно решить только объединенными усилиями.

А мы, дети XX века, продолжаем жить категориями «угроз», «наказаний», «эмбарго», «бойкотов», «выворачивания рук», «устрашений», подрывая тем самым нормальную деловую активность в мире, возвращая враждебность и подозрительность.

В Советском Союзе воспринимают это особенно остро. Мы пережили интервенции, дипломатические непризнания, даже санитарные кордоны. Все это было. Это часть нашего опыта, и мы не можем забывать об этом, тем более что и сегодня с необъяснимым упорством продолжают говорить на том же обанкротившемся языке.

Мы живем в мире парадоксов. Располагаем разносторонним опытом человечества, развитым научным мышлением, способны покорять космос, имеем реальные возможности одолеть голод и болезни, продлевать жизнь человека. На этой Земле есть все для счастливой и духовно богатой жизни. Перед нами заманчивая дорога развития, благоденствия.

Из выступления в Королевском институте международных отношений. Брюссель. 17 апреля 1984 г. Перевод с английского. Публикуется на русском языке впервые.

Но оказывается мы не в состоянии стряхнуть с себя архаичные и нечеловечные формы решения проблем. Еще мыслим категориями войн, разрушений, гонки ядерного молота. Привязаны к идолам-стереотипам при оценке других. Традиции ушедших поколений тяжелыми камнями висят на ногах живущих.

Конечно, это парадоксально, когда XX век поражает нас выходками средневекового характера. Есть еще и сегодня лидеры, страдающие комплексом Нерона, который, как известно, не удовлетворив свои амбиции в искусстве, поджег Рим.

Сегодня мир — не театр одного актера и миллиарда зрителей, а ядерная война — не эпизод из политического спектакля. Все в ответе за будущее. Позволю заметить, что, по моему ощущению, здесь, на Западе, наползающая угроза всеобщего уничтожения не всеми воспринимается как реальная. А она реальна. И будет непростительно, если возможности договориться о собственном выживании будут упущены.

И наконец, еще об одной парадоксальности и противоестественности века. Постоянно задаю себе вопрос: как же случилось, что определенная часть людей на Западе болеет запрограммированной предвзятостью в отношении моей страны без серьезных объективных к тому причин? Сегодня мы свидетели того, как сознание людей манипулируется понятиями-стереотипами.

Известно, что многие постулаты западной политики строятся, например, на словах-идолах «советская угроза». Ради спасения от этой воображаемой угрозы тратятся миллиарды, изобретаются все новые и новые виды оружия, огромный мозговой потенциал направлен на изобретение самых эффективных способов убийства людей и взрыва нашей Земли. Но ведь никто, заметьте, никто ясно, научно-практически не доказал, в чем же состоит «советская угроза».

Этот обман не может не тревожить нас, в Советском Союзе. Черчилль говорил о «красной заразе», Гитлер — «о большевистской угрозе». То и другое кончилось нападением на Советский Союз. Сегодня говорят о «советской угрозе», а в качестве спасения Запада предлагаются варианты «превентивного» удара, «первого удара», «локальных войн», «продолжительной войны», «победы» в ядерной войне и прочее.

Доктрины наказаний отнюдь не новы. История их знает немало. Римские легионеры разрушили Карфаген и обсыпали его земли солью, с тем чтобы на них ничего не могло расти, однако это не спасло Римскую империю. Один из персидских царей даже реку засыпал, наказав ее за то, что в ней утонула любимая лошадь. Но река возродилась, а империя распалась. Во время второй мировой войны нацисты погубили более 20 миллионов советских людей, разрушили тысячи городов, заводов, церквей, объа-

вили все славянские народы низшей расой, которая обречена на уничтожение, и все это было сделано под предлогом существования «советской угрозы». Мы были «наказаны» реками крови и слез, однако это не спасло нацистскую империю от краха.

После того как свершилась наша революция, господин Черчилль призвал «задушить Советы в их колыбели». Но что произошло с колониальными империями после окончания второй мировой войны, знают все. С удовлетворением приведем такой факт: через 20 лет после того, как Черчилль произнес эти слова, СССР и Великобритания сражались вместе против общего врага.

Правомерно спросить: куда же прячутся элементарная логика и здравый смысл, когда речь заходит о «советской угрозе»? И сколько же горя, страданий и страхов, не говоря уже о выброшенных на ветер средствах, стоит за этим обманом.

Историки напоминают о поучительном случае из европейской истории прошлого века. В течение многих лет между главой французской дипломатической службы Талейраном и лидером австрийской империи Меттернихом продолжалось острое соперничество. Однажды ночью слуга разбудил Меттерниха и сообщил ему о смерти Талейрана. По свидетельству историков, эта новость застигла Меттерниха врасплох. Он впал в панику и бегал по спальне полуодетый, повторяя: «Что еще задумала эта старая лиса?» Мне кажется, некоторые люди на Западе страдают синдромом Меттерниха.

Политика разрядки олицетворяет гуманизм XX века, ибо отвечает жизненным интересам человечества. Мы видим единственную альтернативу ядерной войне в разрядке, нет другого разумного состояния, чем мир и сотрудничество.

Дотошные историки обнаружили, что термин «холодная война» впервые был употреблен в начале XIV века кастильским принцем Хуаном Мануэлем — полководцем и писателем. Рассуждая о затяжной борьбе между христианами и мусульманами на Иберийском полуострове, Мануэль заметил, что «горячие» и «холодные» войны отличаются, среди прочего, и тем, как они заканчиваются. «Горячая» война кончается или гибелью, или миром, а «холодная война» не приносит ни мира, ни чести тому, кто ее начинает.

Когда сегодня приходится говорить о грозовой обстановке в мире и Европе, невольно возвращаешься назад, в ту пору, когда гремели залпы второй мировой войны. Военная пора сделала меня участником боев около Ленинграда и Новгорода. Поэтому я точно знаю, что война — не перестрелка в салуне на диком западе Америки, а невероятная мерзость.

Говорят, единственный урок истории в том, что она ничему не учит. Это суждение не кажется верным, скорее оно является

игрой в парадоксы. История учит и добру, и злу. Она правильно ориентирует тех, кто хочет прислушаться ко всем её урокам, а не только к тем, которые ему нравятся. Но история сурово наказывает нерадивых и упрямых.

Будем откровенны. Мир сегодня на перекрестке своей судьбы. Футурологи здесь, на Западе, предсказывают наступление эры всеобщего голода, истощения природных ресурсов, нарушения экологического баланса, кризис городов, исчезновение лесов, олей и рек, а в конечном счете — смерть человеческого рода и цивилизации. Конечно, в научном плане невозможно подтвердить эти предсказания или без раздумий отвергнуть их. С другой стороны, трудно отделаться, отмахнуться от вопроса, а не является ли этот фатализм апокалипсиса как бы психологическим оправданием ядерной гибели. Но в любом случае есть достаточно убедительные основания включить возможность ядерной смерти в лист трагических болезней человечества.

И вопрос лишь в том, найдутся ли силы, чтобы отвести угрозу катастрофы, продемонстрировать мудрость в суете повседневности, подняться над столь надоедливими риторическими упрямствами и обеспечить устойчивые нормы и правила международного общения и сотрудничества. Убежден, что, сделав это, человечество сможет посрамить мрачные теории обреченности человеческого рода.

Сложившаяся обстановка в Европе не имеет прецедентов в истории. От нас здесь, в Европе, зависит, куда мы двинемся дальше, как решим центральную проблему мировой политики — проблеме войны и мира в ядерный век.

Мое поколение прожило трудную жизнь. Постоянное ощущение осажденной крепости. Позади не только вторая мировая война, но и «холодная война». Разрядка международной напряженности породила надежды, но далеко не все они оправдались. На рубеже 70—80-х годов миру был навязан период напряженной конфронтации. Западная Европа не осталась вне процесса ухудшения отношений Запад — Восток, стала частью политики военного противостояния. Не только объектом, но и субъектом такой политики.

Теперь у нас есть разнообразный и даже противоречивый опыт международных отношений на европейской земле. Это означает, что мы можем обоснованно судить, что лучше, а что хуже. И кто же, оставшись наедине с самим собой, скажет, что нынешняя конфронтация лучше разрядки напряженности? Кроме тех, конечно, кто живет военным бизнесом. Разве теперь в Европе более высокий уровень безопасности, чем в годы разрядки? Разве политические горизонты стали более ясными, чем при разрядке? Разве Европа стала дальше от ядерного коллапса, чем в период разрядки?

Разрядка напряженности — явление сложное, она не только фокус не всегда совпадающих интересов, эмоций, целей, но и предмет самых разнообразных интерпретаций. Мне на своем дипломатическом опыте пришлось испытать эту круговерть страстей, восторгов и политических спекуляций, равнодушия и раздражения. Я имел возможность видеть, как только что родившаяся разрядка была подвергнута на Западе массивной осаде.

Разрядка нуждается в справедливой, взвешенной оценке. Стало чуть ли не хорошим тоном бранить ее как источник всех бед для США и Западной Европы. Правда, в США ее ругали с особым эмоциональным зарядом, как нечто чуждое и неприемлемое. Господствовала пристрастность.

Сегодня накал страстей идет по другому руслу. На развалинах легкомысленно поруганной разрядки выросло такое чудовище, как конфронтация. Камни, брошенные в разрядку, ударили по интересам народов, по их нервам и благосостоянию.

Теперь одних лидеров охватил неопикуемый восторг по поводу того, что удалось подорвать разрядку. Другие пребывают в состоянии растерянности, а третьи — все того же равнодушия.

В этой связи разрешите мне привести уместное здесь изречение известного советского писателя Бруно Ясенского:

«Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

Не стану утверждать, что в моей стране царит эйфория по поводу тех или иных итогов разрядки. Есть аспекты, в отношении которых и мы испытываем неудовлетворенность. И все же предпочитаем трезвость оценок, ибо пределы достижимого были ограничены теми, кому разрядка приносила экономические и политические убытки и тревоги.

Разрядка решала важные проблемы, особенно в сфере европейской политики. Некоторые из них она смогла бы решить впоследствии, если бы развивалась дальше. Есть и такие проблемы, которые находятся вне ее компетенции, реальных возможностей. Но из-за этого нельзя перечеркивать весь ее опыт.

Будем помнить, что это был в известной мере ограниченный эксперимент в международных отношениях государств двух систем. Ограниченный по задачам, которые могла ставить каждая сторона. Ограниченный по реализации этих задач. Ограниченный по времени, поскольку США повернули свою политику в сторону конфронтации.

Разрядка — не магия, а политическая реальность. Она не могла полностью удовлетворить каждого и по всем позициям. Но разрядка — блестящий пример компромисса, доброй воли, которые вырастили прекрасное дерево с плодами сотрудничества и доверия. Почвой этого дерева был мир, судьбами которого мы так озабочены сегодня. У разрядки — такой заведомо суженной, кратковременной и подвергавшейся на Западе, прежде всего в США, злой критике и практическому изживанию — был и остается для нас и следующих поколений немалый позитивный опыт.

Конечно, Европа как континент, цивилизация, система международных отношений родилась не вчера. Века и тысячелетия предшествовали той Европе, в которой мы живем. Но в определенном смысле нынешняя Европа возникла в середине 70-х годов — Европа хельсинкская, Европа разрядки. Общеευропейский процесс — от Женевы и Хельсинки до Белграда, Мадрида и Стокгольма — это тот тигель, в котором выплавляется, несмотря на все зигзаги развития, Европа XXI века. Она должна жить, она будет жить в условиях прочной разрядки, сотрудничества, мира и безопасности.

В начале 80-х годов стало особенно видно, что разрядка самым благоприятным образом повлияла на европейскую, да и мировую, политику, еще выше подняла значение Западной Европы и Европы в целом в международных отношениях. В этот период был создан относительно устойчивый разрядочный фактор в политике ФРГ, Франции, Италии, Испании, Бельгии и даже Великобритании, хотя сегодня место последней в процессе разрядки выглядит несколько иначе. В итоге речь идет даже не о психологическом настрое, а о вполне ощутимых реальностях в экономике, политике, военной стратегии.

Разрядка породила и свою материальную структуру: более или менее развитые экономические отношения (взаимные поставки сырья, в том числе энергетического, оборудования, технологии, товаров широкого потребления и т. д.); политические отношения (в частности, институт взаимных политических консультаций, встречи в верхах и т. д.); военно-стратегические отношения (каналы переговоров об ограничении вооружений, прежде всего в Вене); расчеты на возможность ограничения стратегических вооружений и ракет в Европе и практическая работа по подготовке соответствующих соглашений, ощущение реальности военно-стратегической «взаимозависимости» всех стран Европы перед угрозой ракетно-ядерного конфликта.

Разумеется, обо всем этом можно говорить, лишь помня о дифференцированности явлений, о разных степенях их внедрения в политику каждой из стран, о разных уровнях их «выхода» на европейскую политику в целом.

Таким образом, процесс разрядки воплощался неоднозначно, более того, противоречиво. Тем не менее есть и «общий знаменатель» процесса: разрядка стала важной, не так легко утрачиваемой, не так просто устранимой чертой европейской политики. У нее обнаружилась довольно сильная корневая система.

Что особенно важно, ни в одном анализе перспектив европейской политики разрядочный фактор и теперь не может не учитываться. Он не может быть отнесен только к 70-м годам, он не архаичен и не мертв. В каждом из уравнений европейской политики на 80-е годы фактор разрядки должен быть учтен разумно. Этого требует реализм политического анализа.

Более того, я глубоко убежден, что феномен европейской разрядки может быть оценен по достоинству как раз в контексте нынешнего опасного обострения международной обстановки. Разрядка, о ценности которой столь много спорили, оказалась достаточно устойчивой в свете того испытания на прочность, которому она подверглась из Вашингтона по всей гамме политических и экономических проблем. Экономическое зveno разрядки с Востоком сумело преодолеть надуманные тезисы об «опасности зависимости», за которыми нет фактических оснований.

Разрядка в Европе, если подходить к ее оценке не с максималистских и потому нереалистичных позиций, а рассчитывать только на ее фактически действующие механизмы, сегодня дает и может дать немалые позитивные результаты. Речь идет не о какой-то искусственной реанимации, а об использовании имеющегося потенциала. При этом никто не рассчитывает, что сейчас или в обозримом будущем из-за разрядки западноевропейские страны могли бы ослабить свои связи с США и НАТО. У нас нет иллюзий на этот счет. Больше того, чрезвычайно важно, чтобы США участвовали в процессе разрядки и преодолели свой негативизм в этом отношении.

Хотел бы остановиться в двух словах еще на одном вопросе, касающемся взаимного понимания и доверия в европейской и мировой политике. В США, да и в Западной Европе, считают более удобным рассматривать «намерения» и «поведение» СССР и свои собственные по «двойному стандарту». Суверенность своих, в том числе и неверных представлений и суждений о европейской и мировой политике, склонны защищать до иступления, а за Советской страной не признают той же меры суверенности. Это нелепый подход, таящий в себе опасные последствия. Видимо, при серьезном анализе полезно посмотреть на вещи и глазами оппонента, с уважением отнестись к интересам, позициям другой стороны. Упрямая предвзятость вредна даже в отношениях между отдельными людьми, в отношениях между государствами она опасна. Горькие плоды такой предвзятости

мы все уже пожинаяем. У нас разные взгляды на общественное развитие. Мы можем спорить об этом до следующего всемирного потопа, но только не воевать.

Возможен вопрос: убита ли разрядка реализацией брюссельского решения? Это сложный вопрос. Любой ответ требует оговорок. Как представляется, в отношениях Запад — Восток антиразрядочные факторы еще не раз будут демонстрировать свою деструктивность. Обстановка, видимо, будет порождать противоречивые явления, поскольку слагаемые, образующие факторы разнополюсны, порой антагонистичны или, наоборот, имеют тенденцию к совпадению, гармоничности.

При всем потенциале разрядки, который остается, объективность в оценках требует видеть, что конфронтация властно вторгается в европейскую политику. Но, будучи навязанной Европе извне, она, на мой взгляд, не является абсолютной и заданной «навечно». Разрядочная структура уже стала частью фундамента европейской политики. Заместить ее полностью структурой конфронтации — затея, как мне кажется, нереальная. Западная Европа не выдержит бремени конфронтации.

Каковы же тогда перспективы конфронтации, создаваемой реализацией брюссельского решения?

Взглянем на проблему с самой опасной ее стороны. Я имею в виду оценки на возможности ядерной войны. Известно, что в США разрабатываются конкретные сценарии применения оружия массового уничтожения, смысл которых сводится к «оптимизации» концепций ограниченной и всеобщей, скоротечной и затяжной ядерной войны. Реализация этих планов обычно рассматривается сквозь призму американского военного, ядерного присутствия на западноевропейской территории.

Опасность нагнетания международной напряженности во много раз увеличилась с тех пор, как Западная Европа — возможно, не по ее выбору, во всяком случае, не во всем — стала эпицентром развивающейся конфронтации. Скорее всего это результат европейской политики США. Но здесь нужны уточнения.

На мой взгляд, в течение всего послевоенного периода, особенно на рубеже 70—80-х годов, у Вашингтона никогда не было подлинной европейской политики, хотя порой, судя по разговорам профессиональных дипломатов, казалось, что они хотели бы ее иметь. И все же ее не было и нет.

Единственное, о чем можно в этой связи говорить, — о политике США с целью получить для себя в Европе — Восточной и Западной — односторонние преимущества. Это всегда было политикой в Европе, но не европейской политикой, тем более политикой для Европы. Политический курс Вашингтона на Европейском континенте никогда не казался просвещенным.

Можно вспомнить, как это проявлялось в более ранней истории дипломатии. Британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс в начале 1945 года — война еще шла — едко рассказывал Черчиллю про нежелание американской стороны разбираться в нюансах европейской политики: «Трудность иметь дело с этими людьми состоит в том, что они в большой степени являются жертвами ярлыков «силовая политика», «сфера влияния», «баланс сил» и т. п.»¹. Подобные стереотипы живут до наших дней. Брюссельское решение 1979 года по ракетам является слепком с этих стереотипов.

Но ведь, мягко говоря, это упрощенный, безнадежно устаревший и не отвечающий условиям ядерной эры подход к европейской политике второй половины XX века. Это по сути своей вообще не европейская политика, если учитывать реальности международных отношений в ядерную эру. В лучшем случае речь идет, как уже говорилось, об узко ориентированной на свои нужды, или даже на свои представления о таких нуждах, американской политике в Европе.

Конечно, никто не может отнять у европейцев права судить о последствиях нынешнего развития событий на основе собственных критериев. Это естественно и неоспоримо. Кроме того, нелепо считать, будто США не должны участвовать в европейской политике. Мы верим в формулу Хельсинки, которая рассматривает США как деятельного участника в европейских делах. Но очевидно и другое: европейская политика не может и не должна строиться на американских представлениях и предписаниях. Так говорить позволяет мне тот факт, что в Европе жить европейцам, и погибать на этой земле в случае ядерной войны придется тоже нам, европейцам. Поэтому единственным углом зрения при оценке судеб Европы может быть только европейский, я бы сказал точнее, общеевропейский.

Если исходить из здравого взгляда на вещи, то в Западной Европе не могут не видеть, что воплощение брюссельского решения породило цепную реакцию весьма печального свойства, побудило к вопросу: а зачем все это понадобилось? И кому это выгодно, как спрашивали древние римляне, отскивая след совершенного деяния. И в самом деле, кто же, будучи в здравом рассудке, будет искать спасение в змеиной норе.

Может быть, не сразу, не сейчас, но в Западной Европе неизбежно придут и к более четкому ощущению того, что конфронтация многое отняла из перспектив европейской политики и ничего не дала взамен, кроме повышенной опасности.

¹ *Yergin D. Shattered Peace.* Boston, 1977. P. 61.

Но есть ли выход из «брюссельского тупика»? Я лично верю, что есть. Ход событий в Европе, да и во всем мире, можно повернуть к миру, ограничению гонки вооружений, развитию международного сотрудничества, ко «второму дыханию» разрядки.

Еще до войны в Москве была издана книга Эмиля Верхарна. В стихотворении «Окровавленная Бельгия», полном раздумий о судьбах его родины, он писал о войне и ненависти, насилии и жестокости, о тех, кто машинным рвением хочет погасить прочий мир. Исторические аналогии всегда условны, но и сегодня, чуть-чуть перефразировав Верхарна, мы можем сказать: «Ракетное их рвенье, казалось, погасить хотело прочий мир».

Человечество на повороте. Завтра может и не быть. А пепел одинаков, как сказал Гэлбрейт, будь он от разных систем, от сил Добра и Зла, верующих или неверующих, солдат или детей, гениев или простых крестьян и рабочих.

Выбор, стоящий сегодня перед нами, заключается не в том, какой тип мира предпочла бы та или иная страна, и не в том, чьи ценности лучше. Основной вопрос — предпочтем ли мы жить вместе или же умереть вместе. Мы, в Советском Союзе, не мизантропы, верим в жизнестойкость человеческого рода, но стоим за создание такого порядка, когда состояние мира было бы не счастливой случайностью, а следствием всеобщего соглашения людей Земли.

Мудрость старой Европы — это не только ее философия, литература, искусство, но и история европейской политики со всем ее многозначным опытом. Он обязан питать политический разум, требующий неотложного решения ядерных проблем в общих интересах всех государств. Этого требует европейская совесть и ответственность.

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К РАЗРЯДКЕ — МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ

Сама избранная организаторами симпозиума проблема — от конфронтации к разрядке — представляется зрелым профессиональным суждением об опыте международных отношений 70—80-х годов. Проницательность такого подхода неоспорима.

Меня давно ставит в тупик своего рода патологическое самоупоение некоторых людей возможностью грядущей ядерной катастрофы. Что это: отчаяние перед неизбежностью, усталость от спрессованности времени, слабость духа, отсутствие воли или же примитивный цинизм?

Историки утверждают, что волны истерии, психологической подавленности случались в средние века, когда чума поражала целые континенты. Трагедии эпидемий тогда мало зависели от людей. Но ядерное оружие создано руками человека и подчинено ему. И разве в преддверии XXI века, когда разум познал и свершил столько великого, возможно смириться с мыслью о ядерном самоубийстве человечества?

У живущих поколений есть общая точка отсчета: вторая мировая война. Она трагична для всех — и для тех, кто погиб, и для тех, кто выжил. Война ранит и сегодня, а порой продолжает и убивать.

Пришлось многое испытать и послевоенным поколениям. Истекшие сорок лет не были временем мира в точном смысле этого слова. С горечью приходится говорить: мир прошел и через «холодную войну» с ее уродливыми явлениями и последствиями; и через разрядку с ее во многом нереализованным потенциалом; а теперь вступил в острую конфронтацию, приблизившую человечество к порогу ядерной смерти.

Из выступления на Международном симпозиуме «Так ли невозможна новая разрядка в условиях конфронтации между Востоком и Западом?». Осака. 16 октября 1984 г. Перевод с английского. Публикуется на русском языке впервые.

Что касается японского народа, его опыт был еще трагичнее: он испытал ядерный ужас на своей земле, трагедию Хиросимы и Нагасаки.

«Холодная война» терзала всех на протяжении десятилетий. Если судить по событийной насыщенности послевоенного времени, это немалый отрезок истории. Особенно велика тяжесть «холодной войны» для тех народов и стран, которые ко времени ее начала только что вышли тогда из самой античеловечной горячей войны. Моя страна потеряла более 20 миллионов человек, которые хотели жить с нами, на земле, трудиться, воспитывать детей, строить дома и растить хлеб, творить и наслаждаться жизнью. Из моих одногодков осталось лишь 2 процента от всех родившихся. Вторая мировая война продолжает бить и по тем поколениям, которые вступают в жизнь сейчас, в начале 80-х годов. Мы это ощущаем и в рождаемости, и в резервах труда, и в потенциале науки и культуры, в жизни в целом.

Военное противостояние, гонка вооружений, политическая конфронтация нанесли огромный материальный и моральный ущерб человечеству. У нашего народа «холодная война» оставила тяжелый след, породив глубокое недоверие к намерениям Запада, для преодоления которого необходимы и время и усилия.

Но вряд ли и вдохновители «холодной войны» получили то, к чему стремились. Они начали ее ядерным терроризмом в Хиросиме и Нагасаки, когда вторая мировая война и без того была окончена. Бывший государственный секретарь США Бирнс еще до испытания атомной бомбы сказал, что новое оружие даст возможность диктовать американские условия в конце войны, что «обладание бомбой и демонстрация ее сделают Россию более послушной в Европе»¹.

Так обстояло дело, и это не могло не отразиться на нашей политике и психологии восприятия мировых событий.

По нашему убеждению, «холодная война» родилась из зарева первых ядерных взрывов. Она питалась иллюзией всемогущества монополии на атомную бомбу, что и породило ненормальности во внешней политике, чувство исключительности, мессианские амбиции.

В этих условиях Советскому Союзу пришлось пойти на создание атомного оружия.

Трудно вспомнить хоть какой-то реальный успех «холодной войны». Даже подталкивание Западной Европы против СССР было относительно скоротечным явлением и быстро отрезвило западных политиков. Да и на Тихом океане едва ли можно отметить заметные достижения. «Холодная война» имела и свои

¹ Progressive. 1965. Aug. Vol. 29. P. 14.

«горячие цехи» — Корею и Вьетнам. Но и там успеха не получилось, напротив, мир опасно приблизился к ядерной трагедии, поскольку, как известно, всерьез обсуждались возможности применения ядерного оружия. Американский президент писал 27 января 1952 года: «Мне кажется, что правильным решением теперь был бы ультиматум с десятидневным сроком, извещающий Москву, что мы намерены заблокировать китайское побережье от корейской границы до Индокитая и что мы намерены разрушить все военные базы в Маньчжурии... Это означает всеобщую войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург и Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут стерты с лица земли. Это — последний шанс для Советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать, или нет!»

Установление примерного равновесия стратегических сил США и СССР привело концепцию «холодной войны» к банкротству. По пути, из этого равенства и родилась идея разрядки международной напряженности.

СССР в весьма ясной форме определил свое понимание разрядки: это прежде всего преодоление «холодной войны», переход к нормальным, ровным отношениям между государствами, готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами, а за столом переговоров. Разрядка — это определенное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга.

Разрядка напряженности была крупнейшим и уникальным, на мой взгляд, международно-политическим экспериментом на историческом отрезке после 1917 года, когда впервые появилась реальная возможность устойчивого мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Непреходящая ценность этого эксперимента заключается в том, что первоначальный толчок ему был дан государствами различной социально-политической природы.

В прошлом попытки такого значения и размаха не предпринимались. Не существовало для этого объективной исторической основы. Реально она возникла на рубеже 60—70-х годов. Не было раньше и столь бескомпромиссной альтернативы, связанной с реальной угрозой ядерной войны, с необходимостью безотлагательного решения глобальных проблем человечества. Груз «холодной войны» был тоже слишком тяжел, он тормозил человеческий прогресс. Требование разрядки в ее современном контексте оказалось категорическим императивом истории.

Сейчас на Западе, да и в Токио, если говорить честно, громко звучат критические оценки разрядки как феномена международных отношений 70-х годов. Разброс негативных суждений

достаточно широк: от проклятий до утонченного сарказма. Добрых слов почти не слышно, трезвых оценок мало. И все-таки нет, да и проскользнет ностальгическая нотка по периоду разрядки, идущая как от реализма в суждениях, так и от конфронтационной опасности и психологической усталости.

Проблема эта очень серьезная и требует объективного анализа. Эмоции не помогут. Тем более в научном кругу, где доминирует профессиональная политическая мысль.

Мы обсуждаем возможность перехода от конфронтации к разрядке. Вроде бы тему, не затрагивающую прошлое. Но если хотим повернуть политический курс к новой разрядке напряженности, то придется внимательно оценить опыт разрядки минувшей, оценить ее результаты неторопливо и непредвзято.

Я позволю себе привлечь ваше внимание к нашей точке зрения на ход разрядки — от старта до нынешнего положения. В интересах дела именно теперь надо снять с разрядки 70-х годов груз несправедливых упреков и обвинений. В связи с этим возникает несколько вопросов. С моей точки зрения, эти вопросы не праздные, не умозрительные.

1) Говорят, что разрядка 70-х годов была навязана Западу, причем с неблагоприятными целями.

Если даже согласиться с концепцией «вынужденности», то она имела вполне объективный исторический характер. Эта «вынужденность» сродни историческому детерминизму. Тех, кто не принимает уроков истории добровольно, история учит принудительно.

Некоторые политики в Вашингтоне разумно восприняли уроки 60-х годов, вполне осознанно избрав чуть позднее курс на разрядку. Долгое время Р. Никсон пытался избежать разговоров о разрядке, но все же поехал в Москву договариваться. Я помню суждения о том, что этот шаг бил по престижу США. В корне ложное суждение. И вообще, я убежден в этом, престиж — личный или государственный — в ядерный век растет не на силе, а на благоразумии. Президент США прибыл в СССР в 1972 году со своими представлениями о целях, которых он хотел добиться с помощью разрядки, со своей стратегией и тактикой участия Вашингтона в этом процессе. Ни тогда, ни впоследствии Р. Никсон и Г. Киссинджер этого не скрывали. Да и что можно было навязать опытным вашингтонским политикам, если это не соответствовало интересам США? К тому же США не были первыми в этом повороте к разрядке. Некоторые крупные западноевропейские страны, прежде всего ФРГ, уже шли навстречу требованиям времени.

Нет, президент США принял участие именно в той разрядке, которую он хотел получить, соизмеряя ее с реальными возможностями Вашингтона в мире 70-х годов.

2) Говорят, что на практике разрядка в отношениях с Москвой оказалась опасной для США и всего Запада, привела их к потерям.

Наивно объяснять «кознями Москвы» социальные процессы в мире. И не разрядка тому причиной. С помощью «холодной войны» остановить этот процесс не удалось. И нынешняя конфронтация уже после слома разрядки на советско-американском направлении не приближает к цели остановить социальный прогресс.

Если же и в самом деле были намерения вложить в разрядку 70-х годов механизм торможения социальных перемен, то в иллюзорности подобных надежд нет вины ни самой разрядки, ни СССР как ее участника. История идет своим чередом. Разрядка касается межгосударственных отношений. Освободительными движениями она не управляет.

Говорят, что в условиях разрядки СССР усиленно создавал свою военную мощь, добиваясь военного превосходства. Логика нет и в этом. У США все это время были в руках серьезные инструменты воздействия на процесс гонки вооружений. Велись переговоры по ОСВ-1 и ОСВ-2. Они не были безуспешными, создавали эффективные механизмы ограничения стратегических вооружений, я бы сказал, взаимовыгодные, исходящие из принципа равенства и одинаковой безопасности, достаточно надежные. Зачем же понадобилось ломать этот процесс, обнаружив как-то вдруг надуманное превосходство другой стороны?

3) Говорят, что разрядка не имела позитивного значения для международных отношений в целом.

Как мне представляется, разрядка 70-х годов даже в самых сложных условиях активно способствовала конструктивной перестройке международных отношений. Но верно и то, что есть вещи, которые разрядка не смогла бы выполнить при любых условиях, тем более при неоправданных ожиданиях и требованиях к ней.

Разрядка продвинула всех нас вперед, особенно Европу, по пути нормализации двусторонних и многосторонних отношений, налаживания всестороннего сотрудничества. Мир и безопасность в условиях контактов, переговоров, договоров представлялись достаточно надежными. Создавалась материальная структура разрядки, прежде всего в экономической сфере, но также в политической и военно-политической плоскостях. И сегодня,

в середине 80-х годов, мы стремимся не утратить достижений Хельсинки, потому и работаем в Мадриде и Стокгольме, преодолевая многие трудности, ведя поиск разумных компромиссов.

Все мы, разумеется, не без оглядки назад, не без предрассудков и стереотипов, не без трудностей своеобразного притирания другу к другу в процессе разрядки шли до известного времени этим путем надежды. Впрочем, как показало время, само желание достичь большего было у различных сторон несходным. Что касается Советского Союза, мы вспоминаем разрядку, несмотря ни на что, добрым словом. У нас нет ни горького осадка, ни того разочарования, которое вело бы к отторжению от ее опыта. Мы и тогда понимали, понимаем и теперь: международно-политический эксперимент разрядки, который предпринят на основе общих усилий, был первым и нелегким. И партнеры были непростые. Далеко не все в их интересах и целях укладывалось в разрядку. Милитаристские силы боялись разрядки, видели в ней угрозу для себя, для своего политического влияния и экономических интересов.

Разрядка 70-х годов, по крайней мере на ее советско-американском направлении, оказалась недолгой, продолжалась всего несколько лет, если говорить о ее достаточно эффективной фазе. Затем началось торможение разрядки, ее замораживание. США с шумом покинули поле разрядки. И в Западной Европе она не могла остаться нетронутой. Правда, европейская разрядка обнаружила куда более крепкие корни, сохранилась и в условиях резко обозначившейся антиразрядочной линии Вашингтона.

Приходится отмечать, что участие Японии в процессе разрядки 70-х годов было каким-то вялым, лишенным свойственной этой стране энергии, инициативности, динамизма. Причин этого я не знаю, по крайней мере, они не очень легко прощупываются. Да и сейчас, в отличие от той же Западной Европы, Япония пока не проявила заметного интереса к экономической стороне разрядки.

Слабостью разрядки 70-х годов следует считать и то, что она развивалась как бы различными скоростями, по-разному на разных «этажах», создавая разрывы и противоречия между уровнями. Экономические отношения Запад — Восток (кроме США) развивались довольно быстро, создавая большие заделы. Политическая разрядка, не поспевая за экономической, все же на ряде направлений достигла успехов. Военная разрядка, однако, отставала, порождая серьезные противоречия, что крайне ограничивало возможности и перспективы разрядки.

Поэтому на центральном направлении разрядки — военном образовался надлом, затронувший и Западную Европу, и Япо-

нию. В этих условиях поблекли перспективы ослабления угрозы ядерного конфликта, приостановления гонки стратегических вооружений, расширения международного сотрудничества.

Многое действительно оказалось недостижимым, упущенным, потерянным. Но давайте разберемся: что здесь было объективным изъяном разрядки, а что сделало ее функции суженными из-за обструкционизма антиразрядочных сил.

4) Говорят, что на СССР лежит вина за поражение разрядки на советско-американском направлении.

Ответ на этот вопрос настоятельно требует объективности. Не надо думать, что мы претендуем на непогрешимость в изложении хода разрядки 70-х годов. Нет, мы сторонники самого трезвого анализа ее итогов, ставим вопрос даже не о ретроспективе, не об утраченном благе, но прежде всего о перспективе ее возобновления с учетом и отрицательного опыта.

Как же было дело в действительности? Советский Союз ничего не обещал партнерам за пределами возможного. Честно говорилось с самого начала, что разрядка как система межгосударственных отношений не отменяет ни социальный прогресс, ни борьбу идей. Мы признаем неизбежность социальных перемен, объективно вырастающих на внутренней почве тех или иных стран, и сама разрядка к этому отношения не имеет. Нашей идеологии и политической практике чужда идея «экспорта революции», но Советский Союз и решительно против того, чтобы разрядку использовали в качестве инструмента «экспорта контрреволюции». Мы не искали поводов для подрыва разрядки, наоборот, многое, что нам не нравилось, стремились рассматривать в рамках широких и общих интересов разрядки.

Именно объективный анализ фактов и позволяет сказать: вины в том, что разрядка на советско-американском направлении пришла к нулевому варианту, мы за собой не чувствуем. Не было и какой-то особой ситуации в международных отношениях, которая потребовала бы отказа от разрядки.

5) Говорят, наконец, что сегодня разрядка международной напряженности мертва.

Если верить американскому президенту, разрядка мертва. У него есть свои резоны так говорить. «Не думаю, чтобы нам была нужна разрядка...» — уверяет американский лидер. Вероятно, он считает, что освободился от «ловушки», связывающей руки, если всерьез готовиться к «крестовому походу», к слову существующего в мире равновесия стратегических сил, созданию «военного превосходства» путем развертывания новых систем оружия, включая и оружие для «звездных войн».

Разумеется, среди тех, кто видит разрядку мертвой, относит ее к «волне прошлого», находятся не только те, кто ее умерщвлял. Есть и скептики, отказывающиеся от заведомых «иллюзий» разрядки, не верящие в то, что ее можно извлечь из прошлого после того, что с ней случилось, да и просто инертные, праздные люди. Словом, это разные по мотивам и подходам индивиды и общественные группы.

По моему мнению, резервы разрядки напряженности не растрачены напрасно, не истощены, не подорваны ходом событий начала 80-х годов. В определенных формах и пределах материальные основы разрядки, ее психологическая атмосфера существуют и ныне. Разрядка, понеся немалый урон, все же жива.

Именно конфронтация, а вовсе не разрядка, — аномалия в международных отношениях. И если имеются какие-то претензии к разрядке, к ее вроде бы невыполненным функциям в отношении мира и безопасности народов, то выдвигать подобное к конфронтации вообще невозможно. Конфронтация бесплодна. Она имеет свою мрачную логику, свое движение, которые подталкивают к ядерной войне.

Как же относиться к конфронтации: считать ее фатально предопределенной, практически неизбежной фазой международных отношений или же думать о каком-то выходе из этой крайне рискованной ситуации? Можно ли полагать, что существует возможность перехода от конфронтации к новой разрядке напряженности, минуя критическую точку возможного развития конфронтации — войну?

Для Советского Союза не существует такой дилеммы ни в теоретическом, ни в практическом смысле. Наш идеал предполагает мир без войн, без оружия, без вражды народов. СССР — за разрядку, он отвергает конфронтацию как способ решения международных проблем, как перспективу отношений, веря в то, что на смену конфронтации с закономерностью исторической тенденции, спрямляющей все временные отклонения и произвольные зигзаги, рано или поздно придет новый тур разрядки напряженности.

Но коль скоро у разрядки столь мощные и влиятельные противники, то и развивать эту жизнелюбивую концепцию надо постоянно и целенаправленно: и тогда, когда она переживает свою цветущую весну, и тогда, когда ее настигают непогода, тайфуны или подземные толчки.

Пока планета жива и пока человек не обернулся пригоршней праха, надо остановить демонтаж разрядки и начать ее новую фазу. Если антиразрядка основана на корысти, амбициях власти, фанатизма и нетерпимости узких, но мощных группировок, то высшая цель разрядки — в спасении жизни человечества.

Жизнь подтвердила, что нельзя смотреть на разрядку как на нечто, подпадающее под одностороннюю ломку, произвол одной из сторон. Это — не съемки фильма, в котором режиссеры ищут наилучший образ, наиболее удачный ракурс, это — единственный разумный выбор в политике, направленной на выживание человеческого рода. Мир сегодня — не сцена театра, допускающая удачу и неудачу актерской игры, повторы ситуаций. Политика в ядерный век не допускает проб войной, а лидеры, облеченные ядерной властью, как саперы на войне, могут ошибиться только один раз, но плата за ошибку — жизнь всего человечества. Таковы реальности, от которых не уйти ни одному ответственному политику.

У будущего международных отношений и разрядки есть генетическое родство. Не может быть грядущего жизнеспособного миропорядка без свертывания ядерных арсеналов и военных блоков, без взаимного доверия, равенства и одинаковой безопасности, свободного обмена товарами, активных контактов между людьми, без правдивой и объективной информации.

Жизнь, разумеется, внесет на следующем историческом этапе свои коррективы в формы и содержание разрядки. Это наверняка будет. Но разрядка с исторической закономерностью сменит нынешнюю конфронтацию после того, как нынешний ее приступ исчерпает силу инерции, которую ей искусственно придали сторонники антиразрядки, насильственно изменив на время бег событий на международной арене.

Разумеется, напрасно ожидать, что Советский Союз будет односторонне платить за возобновление разрядки какими-то особыми предварительными уступками в разных областях. Вообще, дело не в «плате», а в выработке баланса интересов всех сторон. Платить же приходится за конфронтацию, причем всем! Мир платит и будет платить дорогой ценой за отсутствие разрядки, за гонку вооружений, за сохранение угрозы ядерной катастрофы.

Каким же путем можно пойти, если переход от конфронтации к разрядке станет реальностью? Соблазнительно начать отходить от конфронтации к разрядке в военной сфере, которая оказалась самым уязвимым местом в разрядке 70-х годов. Но так или иначе, — и действительность отношений с администрацией США в этом убеждает — начинать придется с политической области.

Новая разрядка, как мы себе представляем, должна преодолеть узость своих пределов 70-х годов, стать подлинно универсальной. Нельзя, прежде всего, полагать, что дело разрядки пойдет на лад без участия в ней США. Не будем строить иллюзий: разрядка на советско-американском направлении и в самом

деле сегодня сталкивается с серьезными трудностями. Но мертва ли она? Я думаю все же, что нет. Бесследно разрядка не прошла и в отношениях США — СССР. Не может быть, чтобы ничего не осталось живого. Возможно, и здесь появятся зеленые ростки, как только пройдет сегодняшняя непогода, как только США начнут вносить коррективы в свою политику в сторону реализма. Надо верить в это, отклоняя соблазн видеть только безнадежность в отношениях двух государств.

Разрядка в Западной Европе и в начале 80-х годов — при всех ее взаимосвязях с антиразрядными силами — внушает умеренный оптимизм. Она и сегодня развивается и на экономическом уровне, и отчасти на политическом, хотя и испытывает сильное давление «ракетного фактора». Это создает серьезное противоречие. Пока еще трудно сказать, как оно будет разрешаться. Но будем надеяться, что такое развитие пойдет все же в направлении разрядки, включая военную.

Хотелось бы надеяться, что Япония займет одно из ведущих мест в разрядке будущего.

Мир 80-х годов, мир конца XX века уже немыслим без сохранения равновесия стратегических сил. Кодекс поведения ядерных держав, с которым СССР недавно выступил, — важный шаг на пути разрядки. Можно осуществить эффективные меры разоружения, покончить с подземными испытаниями ядерного оружия, отказаться от затей милитаризации космоса.

У ядерной проблемы — не только глобальный уровень решения. У нее есть и аспект региональный. Разрядка предполагает создание безъядерных зон. Здесь непочатый край работы. Она включает новые возможности для ликвидации региональных и локальных конфликтов, которые в мире 80-х годов не делаются менее опасными, а, наоборот, набирают силу.

В разрядку способно внести позитивный вклад и развитие двусторонних отношений. И здесь я вижу ее не только сквозь призму сложившихся отношений СССР со странами Западной Европы, но и в плане советско-японских отношений, где многое можно сделать, уверен, не без пользы для обеих стран.

В целях будущей разрядки уже сегодня должны сформироваться такие *торгово-экономические отношения*, которые не знали бы угроз, шантажа, санкций, эмбарго, ограничений, как это и подобает цивилизованному человечеству на пороге XXI века.

Это было бы будущее, освобождающее нас от имперских схем политики, от диктата силы, от чувств безнадежности и страха, подавленности духа и отсутствия интереса к судьбе новых поколений, идущих нам на смену. Разрядка достойна человечества, **человечество** заслуживает мира.

Итак, уже накопленный опыт учит:

— разрядка не может быть вынужденным отступлением одной из сторон (в целом или по каким-то отдельным вопросам), если не хочет быть нестабильной, неустойчивой, кратковременной;

— разрядка не будет надежной, если выступит лишь как передышка, перемирие. В этом варианте в лучшем случае она дает возможность лишь временно отойти от наиболее опасных или нежелательных форм конфронтации, но не исключает возвращение к ним впоследствии, даже при достижении тех или иных частных договоренностей;

— разрядка — это обусловленное ослабление конфронтации, которое сознательно используется сторонами для постепенного перехода к построению их взаимоотношений не на основах военного противоборства, а на базе признания неизбежности существования двух противоположных социальных систем, принципов их мирного сосуществования, закрепленных в международно-правовых актах.

Задача состоит и в том, чтобы на пути от конфронтации к новой разрядке не отказываться от уже заключенных соглашений, не пускать их под откос, постепенно, шаг за шагом сужать зоны нерешенных проблем, ограничивать возможности действия антиразрядочных сил в международных отношениях, изживать практику конфронтации.

Попытаемся еще раз найти в разрядке выход из создавшегося положения без предубеждений и горечи от минувшего. Иногда препятствия берутся и со второй, и с третьей попытки. Победа не становится от этого менее полноценной.

Если говорить о советско-японских отношениях, то я убежден, что новая разрядка могла бы продвинуть их вперед, причем по характеру гораздо полнее, всестороннее и результативнее. Думаю, что обе страны выиграют, если в отношениях между ними восторжествуют дух и нормы разрядки, атмосфера взаимного уважения, доверия, добрососедства.

Бесспорно, что Япония может внести значительный собственный вклад в дело обеспечения мира, разрядки напряженности как держава мирового значения, устремленная в своем развитии в следующее столетие.

В разрядку на следующем витке исторической спирали надо верить. В этой связи вспомним слова великого философа Канта: есть два предрассудка — не верить ничему и верить всему. Но два таинства, два чуда признавал и он: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Социально переломный характер XX века определил и новое содержание международных отношений, их специфику и новизну, сложности и надежды. Революция в России, образование мировой системы социализма, крушение колониальной системы принципиально изменили ход мировой истории. Перемены, связанные с разломом мира на две противоположные социальные структуры, ознаменовались появлением политики альтернативы, политики мира и мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Наряду с изменениями прогрессивного, положительного характера в мире происходят и события негативного свойства. Некоторые из них носят достаточно долговременный характер, способны качественно и на многие годы вперед повлиять на международные отношения в целом или на отдельные их направления.

Прежде всего это относится к комплексу проблем войны и мира, гонки вооружений и разоружения. Перед человечеством со всей осязаемостью и остротой встала проблема выживания цивилизации. И это вовсе не риторически пугающая фраза, а вполне реальная действительность.

I

Было бы неверно объяснять отход США от политики разрядки только причинами субъективного порядка. Конечно, они сыграли свою роль. Но главные причины нового всплеска конфронтации коренятся в фактическом изменении положения США в мире в целом и в капиталистической системе в частности.

Анализ новых тенденций мирового развития позволяет сделать вывод, что существует определенная объективная основа для социально-политической тревоги, которую на протяжении

Статья основана на докладе в президиуме АН СССР, сделанном в феврале 1985 г., и на публикации в журнале «Мировая экономика и международные отношения», № 3, 1985 г.

последних 10—15 лет все острее испытывают и выражают правящие круги Вашингтона. Нервозность правящих сил, при всей демагогичности ее политико-идеологического оформления, имеет свои реальные истоки. Далеко не все проблемы, которые сегодня заботят американскую элиту, носят надуманный характер или же имитируются для поддержания «исторической бодрости». Набирающий темп реальный исторический прогресс шаг за шагом сужает маневренные возможности милитаризма.

Разумеется, далеко не все сдвиги в положении США имели равноценный, необратимый и драматический характер. Нельзя, скажем, сравнивать некоторые конъюнктурные изменения в экономических показателях США с установлением равновесия военно-стратегических сил двух систем. Хотя метод прямого диктата и утратил многие из былых возможностей, США и в 70-х и особенно в 80-х годах отнюдь не склонны отдавать без боя ни одну из своих позиций ни в отношениях с социалистическими, ни с развивающимися, ни с капиталистическими странами. Правящие круги полны рвения сохранять, где только возможно, постепенно уплывающий контроль над событиями в тех регионах, где США доселе чувствовали себя прочно.

В этом контексте Вашингтону и потребовалось предельно активизировать наступательную стратегию во всех сферах мирового развития — будь то экономика или технология, политика или идеология, вооружения или военная стратегия, моральное или психологическое давление на другие государства.

Но бесспорно и другое: США остаются сильнейшей страной современного капитализма. На основных направлениях экономического, научно-технического развития они сохраняют заметное преимущество. Продолжают использовать в своих интересах совокупную экономическую и военную мощь союзников, в частности через механизмы НАТО. Ливанская операция также проводилась под прикрытием «единства». Гренада — это интервенционистский сигнал «возрожденной мощи» США, готовности применить военную силу адресован не только социалистическим и развивающимся странам, но и американским партнерам по Североатлантическому союзу.

Торможение темпов экономического роста капитализма с начала 70-х годов, три за последние полтора десятилетия кризисных толчка существенно подрезали объективные возможности осуществления социальных программ, политики социального маневрирования. В правящей элите, и не одних только США, возобладала линия на ужесточение нажима на трудящихся. Здесь, судя по всему, лежат истоки политического «поправления», причины прихода к власти в некоторых странах деятелей весьма консервативного толка. Чего-то неожиданного в этом нет.

Но проигнорировать нынешний крен означало бы не увидеть в определенной мере нового ракурса, в котором предстает проблема войны и мира в итоге экономического и политического развития метрополии империализма в 70—80-х годах. Иными словами, в выборах 1980 и 1984 годов достаточно выпукло обозначился политический поворот со всеми образующими его факторами, который, будучи сопряженным с механизмом власти и управления, входит в плоть и кровь общего развития страны, что представляет особую опасность — и с точки зрения внутренней эволюции, и с точки зрения воздействия на внешнюю политику, на конкретные позиции США в международных делах.

Побеждающий курс достаточно заглублен в общественную почву, поэтому несет в себе повышенный заряд политической силы с возможными долгосрочными последствиями. И как следствие, милитаризм в начале 80-х годов в большей, чем когда-либо, степени стал идеологией и практикой политической стратегии. И не только военно-промышленный комплекс, военный истеблишмент являются его носителями. Милитаризмом оказались заражены клан правящих политиков, часть господствующей интеллигентской элиты, значительные слои «среднего класса».

Пожалуй, еще не было такого уровня эскалации внешнеполитического безрассудства во внешней политике, которым отмечена деятельность нынешней администрации в течение первого срока ее пребывания у власти. Она довела до состояния истерии неизменный компонент американской внешней политики, ее вектор — антисоветизм.

Господство крайне правых в США — это укрепление там базы милитаризма, качественное и количественное форсирование гонки вооружений. Это институционализация линии на конфронтацию с Советским Союзом, курс на легализацию инструментария ядерной войны, «звездных войн» как ее новой ипостаси.

Другой вопрос, в какой мере удастся осуществить эти намерения, в какой мере реалии жизни потеснят химеры и вспышки страха перед историей. Приспособление к мировому развитию — не искусственно смоделированному, а реальному — неизбежно, это исторический императив для любого общества.

II

Конец 1984 — начало 1985 года отмечены в американской политологии большим числом различных предположений на тему, каким станет второй срок президентства Рейгана и его администрации. По-видимому, в том, что касается курса республиканской администрации в отношении Советского Союза, пока нет реальных оснований полагать, что политика Белого

дома в предстоящий период будет сколько-нибудь существенно отличаться от линии предыдущего четырехлетия. Продолжается развитие стратегических концепций прямого противоборства, перевод этих концепций в мероприятия военно-политического и собственно военного характера. Не претерпела изменений ставка на экономическое истощение Советского Союза через гонку вооружений. Пока что не подвергся пересмотру ни один постулат внешнеполитической доктрины администрации. Напротив, определяющие идеи конфронтационной доктрины Рейгана нашли свое подтверждение в программе республиканской партии, принятой на съезде 1984 года, и в новых документах НАТО. Нельзя не видеть, что идея «американской сверхмощи» пользуется известной поддержкой в различных слоях американского общества. Можно говорить и об относительном укреплении в последние годы центристской тенденции в том, что касается формирования совокупной военной мощи империализма.

Существуют, конечно, и факторы иного рода, действие которых объективно направлено на известное ограничение если не милитаристских амбиций, то по крайней мере их практических возможностей. Недооценивать это было бы неправильно, как и переоценивать причины, толкающие Вашингтон к опасной черте. Более того, действие тормозящих факторов может со временем усиливаться.

Среди причин, способных оказать сдерживающее воздействие на милитаризм США, необходимо назвать прежде всего эффект «ограничителей» внутреннего, в первую очередь экономического и социально-экономического, характера: гигантский военный бюджет, сохраняемый на протяжении длительного времени, сам по себе способен породить серьезные экономические диспропорции. Последние могут быть усилены экономическим спадом, ростом инфляции, трудностью, если не невозможностью дальнейшего сокращения социальных программ, нарастанием бюджетных дефицитов и связанной с ними неуверенностью делового мира. Нужно отметить и такое явление, которое все чаще подчеркивают специалисты в самих США, как нарастающее несоответствие между масштабами затрат на создание новой военной техники и сужающимися возможностями использования военной мощи для решения политических, тем более социально-экономических проблем.

Ставка на рост вооружений, на конфронтацию не может объективно не приводить к дестабилизации военно-стратегической обстановки, что, в свою очередь, будет угрожать интересам и самим США. Ужесточение конфронтации встречает в последнее время растущую озабоченность западноевропейских союзников. И хотя Вашингтону удается пока удерживать свой подход,

непрекращающиеся дискуссии о кризисе Североатлантического союза достаточно показательны. Доказало свою силу и антивоенное движение по обе стороны Атлантики, также явно обнаруживающее тенденций к затуханию, что тревожит правящие круги Запада.

Действие как милитаристского, так и антимилитаристского комплекса факторов будет, вероятнее всего, приводить к зигзагам, тактическим маневрам и поворотам во внешней политике США. Иной вопрос, в какой степени эти зигзаги и повороты смогут воздействовать на долгосрочные цели американской внешней политики. Это будет зависеть от множества слагаемых экономического, политического, морального характера как внутри страны, так и на международной арене, от темпов роста материального и политического потенциала всех антивоенных сил.

Ход избирательной кампании 1984 года потребовал от Рейгана включения некоторых нововведений в его риторический арсенал. Не отказываясь от старых «силовых» штампов, он дозированно ввел в свой лексикон тему переговоров с Советским Союзом о ядерном оружии. В начале 1985 года по инициативе советской стороны было выработано совместное понимание предмета и целей переговоров, открывшихся 12 марта 1985 года в Женеве. Их задачей стало достижение между СССР и США взаимоприемлемых договоренностей по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений.

Правомерен вопрос: возникает ли перед нами новый Рейган, кое-что понявший, кое-чему научившийся, стремящийся вести свою страну не столь опасным путем, как это было после 1980 года? Движемся ли мы к иному периоду в развитии международных отношений — если не к новой разрядке, то по крайней мере к отходу от лобового противостояния? Или же речь идет о каких-то тактических шагах администрации США, которые, конечно, следует рассматривать позитивно, но всегда помнить об их возможной скоротечности, двойственности и двусмысленности? Видимо, любой категорический ответ на эти вопросы был бы в данное время преждевременным. Но их постановка, в свете опыта предшествующего четырехлетия, вполне правомерна и естественна.

Задумываясь над происходящим, нельзя не видеть некоторых очевидных причин эволюции вербальной позиции американской стороны.

Во-первых, «кавалерийская атака» во внешней политике не принесла ожидаемых результатов. Возникли трудности даже в отношениях с союзниками, которых напугала повышенная воинственность Вашингтона. *Во-вторых*, администрация уже разогнала маховик военных программ до такой степени, когда эти

приготовления набрали значительный момент инерции и их «проталкивание» через конгресс, а также через органы НАТО не требует такой концентрации пропагандистской мощи, какая была необходима на начальном этапе. Скорее наоборот: внешне миролюбивая риторика не будет антагонизировать потенциальную оппозицию военным планам администрации. *В-третьих*, Рейган подхватил тему мира и переговоров в самой преддверии прошедших выборов с прагматической целью заполучить и ту часть избирателей, которая, разделяя в принципе внутрисполитические воззрения рейганистов, в то же время явно испугалась внешнего курса Белого дома.

Нельзя не видеть и другого. Риторические эксперименты пока не затрагивают стратегическую линию, выработанную крайне правыми в последние годы. Правомернее предположить: при малейшей «угрозе» того, что миролюбивые высказывания главы администрации могут оказаться чем-то более существенным, значительным, нежели просто словами, сам этот факт может сработать как мощный стимул новой активизации «неоконсерваторов». Так уже бывало в прошлом, и не один раз. Политическая же конъюнктура в США пока не дает оснований предполагать ни того, что правые по собственной инициативе откажутся от избранного ими курса, ни того, что их деятельность натолкнется в ближайшем будущем на целеустремленную и эффективную оппозицию.

В послевыборной деятельности Рейгана уже обнаружилось заметное противоречие. Нагнетание обстановки предынтервенции в Никарагуа никак не сочетается со словесной кампанией в пользу мира и переговоров. Если это сознательный «баланс», некое увязывание между «примирительным» и жестким курсами, то тем самым обнажается смысл пропагандируемого миротворчества, призывов к смягчению международной напряженности. Если это неумение сдерживать себя даже в момент мирной инициативы, то становится ясным, что отнюдь не реализм продолжает управлять администрацией.

Тогда заслуживает ли внимания сегодняшняя линия Рейгана в пользу мира и переговоров? Несомненно. Нельзя упускать ни единого шанса в попытках оздоровления и нормализации международных отношений. Даже тактические шаги американской администрации, снимающие, хотя бы частично, накал истерии во внешней политике, способны помочь снижению уровня враждебности и тем самым относительному оздоровлению политического климата в мире. Кроме того, нельзя исключить возможность, что нынешняя тактика не сводится только к риторическому маневрированию, в ней может оказаться и реальная политическая основа. В этом смысле открывающиеся в Женеве советско-американские

переговоры — не только возможность оздоровить обстановку в мире, улучшить взаимоотношения СССР и США, но и серьезные испытания подлинных намерений Белого дома.

III

Вашингтон пытается возродить свое былое превосходство на стратегическом уровне. Делается упор на перенесение гонки вооружений в космос, создание новых видов обычного оружия (сравнимых по их поражающим возможностям с ядерным), совершенствование управления, разведки и связи, на первоочередное развертывание систем, обладающих способностью «первого удара».

Внутренняя логика этих действий понятна. Но все ли возможные последствия взвешиваются с должной основательностью?

Динамичность и неоднозначность современного международного развития не только постоянно ставят перед лицом новых явлений и быстрых перемен в военно-стратегической сфере, но и зачастую заставляют обдумывать заново, казалось бы, привычные представления и подходы. Оружие, в том числе и ядерное, — исторически меняющаяся величина. Исторически изменяется и воздействие того или иного типа оружия на данную эпоху, о чем писал еще Ф. Энгельс.

Мы употребляем понятие «ядерная эра», принимая значение ядерного оружия как некую константу. Оно действительно составляет важную черту эпохи. Но ведь ядерное оружие и само, и в его соотношении с оружием конвенциональным, да и конвенциональное оружие, непрерывно преобразуются. Военно-техническая революция совершает в 80-е годы еще один виток своей спирали, создавая стартовую площадку для рывка в развитии качественно нового оружия. Мрачным сигналом этих перемен служит объявленная Рейганом программа космической ПРО. В связи с этим в арсенал будущего оружия, видимо, может войти и многое другое.

Все это, по замыслам, и создает предпосылки для отхода от существующего ныне равновесия стратегических сил. В этом суть процесса, который форсированным образом подталкивается в целях осуществления военно-силового варианта в ходе противоборства двух общественных систем.

Военно-стратегическое равновесие между СССР и США в глобальном масштабе, между странами — членами Варшавского Договора и НАТО в региональном плане является, в сущности, базовым фактором современной международно-политической ситуации. Едва ли требуется доказывать, что он играет определяющую роль в таких ключевых вопросах мировой политики, как

возможность предотвращения войны, обуздания гонки вооружений, смягчения международной напряженности.

Но чисто умозрительное восприятие этой проблемы могло бы привести к недооценке весьма опасных — и политических, и военно-стратегических — аспектов процесса, который навязывается человечеству. Стоящие за нынешней администрацией США силы стараются максимально запутать вопрос, критерии оценок в подходе к нему. Они ставят под сомнение сам факт стратегического равновесия, пытаются опровергнуть его значение в современной системе отношений, размыть почву для возможных на базе такого равновесия переговоров об ограничении и сокращении вооружений.

Военно-промышленный комплекс рассчитывает добиться превосходства в первую очередь на путях качественной гонки вооружений, то есть благодаря замене существующих видов стратегического оружия новыми ракетно-ядерными средствами. В отдаленном будущем делает ставку и на принципиально новую технологию в таких сферах, как противоракетная и противолодочная оборона, средства космической войны и лучевое оружие.

Серьезная угроза дестабилизации лежит и в попытках создания системы противоракетной обороны с элементами космического базирования. Этот курс в Вашингтоне пытаются оправдать намерением отказаться от ядерного сдерживания, основанного только на угрозе применения стратегических наступательных вооружений, и дополнить его системой стратегической обороны, которая объявляется более надежным, более кредитоспособным и чуть ли не более нравственным средством предотвращения ядерной войны. Но разве не очевидно, что тем самым будет создано новое поле военного соперничества, перечеркнут Договор об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 года — один из важнейших, сдерживающих гонку вооружений.

Реализация этой «оборонительной» программы станет мощным стимулом совершенствования как действительно оборонительных, так и наступательных вооружений, породит новую категорию оружия, предназначенного специально для поражения системы ПРО противника. Гонка вооружений в этом случае окажется перенесенной в космическое пространство с совершенно непредсказуемыми последствиями для судеб всеобщего мира.

Новые американские системы оружия предназначены для синхронизированного удара по советскому комплексу командования, управления и раннего предупреждения, а также для поражения, по возможности, ядерных средств ответного удара. Предполагается измотать СССР и в затяжной ядерной войне с максимальным использованием наступательных средств, а также средств активной и пассивной обороны США и их союзников.

Такой сценарий насквозь утопичен, но он принимается как рабочий вариант приемлемой ядерной войны.

Гонку вооружений, в том числе в космосе, объясняют необходимостью обеспечить безопасность США. Но разве не ясно, что право на такую же безопасность имеет и Советский Союз. В этих условиях только одинаковая безопасность может быть достаточно устойчивой качественной характеристикой взаимоотношений между СССР и США, между двумя крупнейшими военно-политическими организациями. Независимо от того, как эти отношения будут развиваться в дальнейшем — по восходящей или по нисходящей линии, в рамках нового раунда разрядки или новой фазы обострения напряженности, на основе договоренностей о тех или иных формах ограничения военного соперничества или в условиях продолжающейся гонки вооружений, — взломать существующее примерное равенство не удастся. Но в условиях новой гонки вооружений и без того хрупкий мир будет поставлен в состоянии еще большей опасности.

Поддержание равновесия в условиях, когда на Западе форсированным темпом развертывается новый тур гонки вооружений, разумеется, требует от СССР и его союзников немалых усилий, финансовых затрат, мобилизации материальных и интеллектуальных ресурсов. Но инициаторы милитаристских приготовлений возлагают определенные надежды и на этот аспект гонки вооружений, рассчитывая, что она ляжет непосильным бременем на экономику стран социализма и тем самым вызовет дополнительные социальные трудности.

IV

Усилия Вашингтона следует рассматривать в прямой связи с количественными и качественными сдвигами в системе базирования военной мощи США за пределами их национальных границ.

Военные базы США сформировали одну из наиболее отрицательных политических и военно-стратегических черт послевоенного периода, наложили отпечаток на всю систему международных отношений. В конце 70 — начале 80-х годов возникли, на мой взгляд, качественно новые моменты в системе американского военного базирования. Число военных баз США достигло 1500 на территории 32 стран. На них постоянно находится полмиллиона американских военнослужащих. Дестабилизирующее значение баз состоит в том, что они подготовлены непосредственно к ведению войн в любой точке земного шара — в Европе, Атлантическом и Тихом океанах, в Центральной и Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Северной и Восточной Африке.

Большинство баз расположено в непосредственной близости к территории СССР. В ФРГ, например, насчитывается около 200 военных баз и мест размещения американского оружия. На Дальнем Востоке, опять-таки вблизи от советских границ, расположено 350 военных объектов. Создается инфраструктура военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, которая охватывает обширные пространства на стыке континентов Азии и Африки.

Принципиально новое явление представляет собой завершение формирования практически замкнутой цепи военного базирования (собственно военные базы, пусковые установки, силы быстрого развертывания, электронные разведывательные центры и посты, рассчитанные на решение задач «первого удара») по всему периметру советских границ — с запада на восток, с севера на юг.

Система военного базирования на земле, в океанах и в космосе, которая насильственно встраивается в систему международных отношений, деформирует последнюю, вытесняя потенциал международного сотрудничества и усиливая потенциал конфронтации и роста напряженности. Такие базы — не просто стационары вооруженных сил, помещенные вдали от собственных границ. Это действующие и в невоенной обстановке силы военного давления. В этом контексте можно себе представить, насколько изменило бы к худшему мировую политическую и военно-стратегическую ситуацию превращение околоземного пространства в сферу ракетно-ядерного базирования.

Военное присутствие США за пределами национальных границ, провозглашение новых «зон жизненно важных интересов» на деле служат разжиганию региональных конфликтов. Их число даже по сравнению с такими плодородными в этом плане годами, как 50-е и 60-е, заметно возрастает. Все чаще конфликты в одной части мира резонируют в других, иногда сцепляются и срываются, как, например, на Ближнем и Среднем Востоке, где существует целое созвездие конфликтов. Тем самым умножается, делается еще более непосредственной угроза миру не только в региональных или локальных пределах, но и на глобальном уровне.

Система международных конфликтов не может сохраняться и разрастаться, не становясь политическим и военно-стратегическим канцерогеном всей системы международных отношений. Именно поэтому на исходе XX века назрела серьезнейшая задача борьбы за пресечение конфликтов, если они возникли, а еще лучше — за их профилактику, недопущение, ограничение их развития на политических фазах.

«Психологическая война» стала в США государственным делом, приобрела характер «равноправной части» общей политики. Если проанализировать ее направленность, то расходы на пропаганду с полным основанием можно включить в военные бюджеты.

При нынешней администрации пропаганда стала особенно крикливой. Выходят десятки книг, на разные лады обсуждающих перспективы ядерной войны, ее подготовки. Они внедряют в сознание американцев страх и подозрительность, ввергают людей в интеллектуальное рабство путем навязывания им готовых штампов-ответов на любые вопросы. Некоторые идеологи и политики активно обсуждают проблему самоубийства как общечеловеческую. По этому поводу сказано немало пошлых и безответственных слов. Много пессимистических пророчеств поставляет буржуазная культура. Регулярные «кампании ненависти», пропаганда культа силы деформируют общественную структуру, духовный мир человека, его ценностные ориентации.

Основой милитаристской истерии служит миф о «советской угрозе». Об этом американские лидеры говорят без конца с надоедливой назойливостью, понимая, что если они допустят слабость в рекламе этого тезиса, то будет трудно взимать с налогоплательщиков деньги на вооружения и обеспечивать сверхприбыли для монополий.

Тезис о «советской угрозе» также из разряда политической мифологии. У него нет ни фактической, ни исторической, ни логической основы, но массивность и навязчивость, с которыми он насаждается, позволяют держать на плаву эту злую выдумку, служащую средством преступного запугивания людей.

В последние годы «психологическая война» характеризуется стремлением к более глубокому и многоплановому проникновению непосредственно в экономические и общественные структуры стран социалистического содружества с целью дестабилизации их экономического и политического положения.

Современники не могут не ощущать явной тревоги за развитие цивилизации. Но, к счастью, человечество располагает силами, способными противостоять негативным сдвигам в судьбах Земли. При всех сложностях мир не обречен на конфронтацию. Наоборот, именно конфронтация является аномалией в международных отношениях, в то время как их нормой должна стать разрядка напряженности. На смену конфронтации с закономерностью исторической тенденции, распрямляющей произвольные зигзаги, рано или поздно придет новый тур разрядки напряженности, взаимопонимания и сотрудничества.

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Встречи с историей всегда волнуют, побуждают к раздумьям. В годовщину 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне мы обращаемся к драматическим событиям в истории, к нелегкому и героическому прошлому нашей страны, чтобы воздать должное советскому народу, спасшему человечество от фашизма ценой неимоверных жертв: более 20 миллионов погибших, миллионы сирот и обездоленных, руины городов, выжженные земли. Уже одно это обязывает к великой ответственности. Уже одно это взывает к совести людей, требует бдительности в отношении тех, кто и сегодня предпочитает химеры реальностям жизни, кто безответственно играет судьбами цивилизации.

Народы разных стран должны и могут жить в мире и согласии, сколь бы ни были велики различия в их общественном укладе, в их идеалах. Именно в этом контексте столь важно вернуться к урокам Ялтинской конференции, чтобы подумать о будущем, поразмышлять о живой связи времен, проанализировать, чему учит история и от чего она предостерегает.

Память человека может быть короткой, память человечества неподвластна времени.

Как известно, Ялтинская конференция открылась 4 февраля 1945 года в Ливадии. Ее главными участниками были И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль. Их сопровождали министры иностранных дел, начальники штабов вооруженных сил трех главных держав антигитлеровской коалиции. Конференция проходила в период, когда складывалось новое соотношение сил на мировой арене. Уже тогда обретало контуры новое понимание сотрудничества и противоборства двух общественных систем.

В основе публикации лежит доклад на симпозиуме советских историков, посвященном 40-летию Крымской (Ялтинской) конференции. Ялта, 6 февраля 1985 г. Опубликовано в журнале «Вестник Академии наук СССР», № 7, 1985 г.

На протяжении всего периода между двумя мировыми войнами США и Англия активно сотрудничали с агрессивным германским империализмом во имя реализации главной цели — сокрушения социализма, сил социального прогресса и демократии. Правящие круги этих стран сознательно принимали участие в подготовке второй мировой войны, лелея надежду, что она будет повернута на Восток, а им останется лишь пожинать плоды после того, как будет разгромлена страна социализма и обескровлен их империалистический конкурент.

Но Мюнхен стал историческим позором. Война началась внутри капиталистической системы. Исторические судьбы сложились так, что США и Англия оказались в одном лагере с Советским Союзом против фашистской Германии. Необходимость, интересы собственного выживания заставили их поступиться своими классовыми интересами и заняться разрешением внутренних, межимпериалистических противоречий. Однако и в ходе войны, усматривая теперь в лице Германии первоочередного врага, духовники мюнхенского наследия путем сложного политического и военного маневрирования пытались ослабить Советский Союз руками фашизма, чтобы гарантировать себе наиболее выгодную послевоенную расстановку сил как в Европе, так и во всем мире. Очевидная и запрограммированная «неторопливость» с открытием второго фронта и перенесение основных военных действий надолго в Северную Африку, Атлантику, на Тихий океан и в другие районы мира, удаленные от главного театра военных действий, служат свидетельством действительных планов, которые вынашивали правящие круги США и Англии.

И вновь повдвела историческая слепота. Советский Союз доказал свою способность самостоятельно разгромить нацистский рейх. Отсюда и вытекает в конечном счете ответ на вопрос, что же привело лидеров США и Англии в Тегеран и Ялту, почему они так настойчиво добивались этой встречи, почему проделали длинный и небезопасный путь, чтобы сесть за стол переговоров с советским руководством и на основе согласия решать назревшие проблемы. Ответ был ясен тогда, еще яснее теперь: это решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма. Это Советские Вооруженные Силы, стремительно наступавшие к центру Европы и уже находившиеся в 60 километрах от Берлина. Это опасение западных держав, что Советский Союз один освободит оккупированную Европу. Комплекс всех этих причин позволил сделать Крымскую конференцию высшим и наиболее плодотворным этапом сотрудничества СССР, США и Англии в годы войны.

В чем же состояли главные достижения Крымской конференции? Прежде всего, три державы добились единства в отноше-

нии совместной военной стратегии на завершающем этапе войны. Удары с Востока и Запада были скоординированы. Военные штабы договорились о взаимодействии сил стратегической авиации, причем координация их действий должна была осуществляться Генеральным штабом Красной Армии совместно с главами союзных миссий в Москве.

На Ялтинской конференции был решен сложный комплекс вопросов, связанных с положением Германии после ее поражения. На основе доброй воли и совместных усилий было достигнуто взаимопонимание по всем ключевым вопросам. Конечно, свою роль сыграло то обстоятельство, что в США и Англии признавалась решающая роль СССР в разгроме германского фашизма, росло влияние демократической общественности.

Незадолго до Ялтинской конференции, 3 октября 1944 года, посол СССР в США А. А. Громыко сообщал, оценивая высказывания американских газет по поводу окончания переговоров в Думбартон-Оксе¹: «Подчеркивается, что при наличии желания к сотрудничеству не решенные сейчас вопросы могут быть успешно разрешены в последующем, путем взаимных компромиссов»². И. В. Сталин в послании Ф. Рузвельту 19 октября 1944 года писал об итогах визита в Москву Черчилля и Идена: «В беседах выяснилось, что мы без больших трудностей можем согласовать нашу политику по всем вставшим перед нами важным вопросам, а если мы и не можем еще обеспечить немедленное нужное решение той или иной задачи... то тем не менее и здесь открываются более благоприятные перспективы»³.

Особенно важно, что главы трех держав наметили в Ялте основы согласованной политики в отношении Германии, исходя из принципов ее демократизации и демилитаризации, уничтожения германского милитаризма и нацизма, создания гарантий, что Германия «никогда не будет в состоянии нарушить мир». Было единодушно принято решение подвергнуть военных преступников наказанию.

Участники Крымской конференции проявили полное согласие по вопросу о создании ООН, призванной обеспечивать международную безопасность в послевоенные годы. Эта сложная и новая проблема также решалась в духе взаимопонимания, что в конечном счете позволило договориться о созыве в Сан-Франциско

¹ Конференция в Думбартон-Оксе проходила с 21 августа по 7 октября 1944 г. С 21 августа по 28 сентября в переговорах участвовали представители СССР, США и Великобритании, с 28 сентября по 7 октября — представители США, Великобритании и Китая.

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1984. Т. 2. С. 221—222.

³ Там же. С. 241.

25 апреля 1945 года учредительной конференции Организации Объединенных Наций, имевшей столь большое будущее.

Таким образом, успешное решение важнейших проблем на Ялтинской конференции показало, что в политике и дипломатии всегда есть возможность для развития и укрепления взаимопонимания и доверия на основе близких или совпадающих интересов государств, принадлежащих к разным общественным системам.

Но Ялта показала и другое. Обе западные державы выступали там как лидеры и полномочные представители своей общественной системы. Их задача состояла не только в том, чтобы одержать победу над Германией, но и в том, чтобы остановить рост влияния социализма. Эта линия нашла особенно яркое выражение в дискуссиях по так называемому «польскому вопросу».

Речь, по существу, шла о попытках восстановить старые принципы политики «санитарного кордона» в отношении Советского Союза, вернуться к установкам на его изоляцию, противопоставление ему европейских стран и народов. Германский антикоммунистический бастион рухнул вместе с курсом на уничтожение социализма, рухнул вместе с довоенным курсом на уничтожение социализма руками Гитлера. Фюреру и его рейху оставалось жить меньше трех месяцев. Требовалась компенсация, некая исходная база англо-американского влияния в Восточной Европе. И западные державы сделали ставку на Польшу, как делали это в 20-е годы.

Но авторитет Советского Союза был слишком велик, а его аргументы достаточно весомы, чтобы в Ялте западные державы могли выйти за пределы допустимого. Они оказались вынужденными искать компромисс и здесь. В Ялте, как известно, удалось достигнуть согласия по вопросу о восточных границах Польши. В пользу Польши удалось решить территориальные вопросы на ее северных и западных границах. США и Англия выступили против советского предложения установить западную границу Польши по Одеру и Западной Нейсе, а также против предложения о составе польского правительства. Это была своего рода «закладка мин» под будущее, что впоследствии использовалось для политики реванша.

Каково же было значение Крымской конференции? Вне сомнений, она, как и Тегеранская и Потсдамская, стоит в ряду тех событий, которые так или иначе определяли политический облик мира второй половины XX века. Опыт переговоров на высшем уровне, реалистическая оценка их участниками сложившегося соотношения сил на международной арене, тщательный, основанный на взаимном уважении учет интересов сторон служат под-

тверждением того, что различие общественных систем, противоположность идеологий не являются препятствиями для конструктивного диалога в интересах мира и сотрудничества. В Крыму между СССР, с одной стороны, США и Великобританией, с другой, были за восемь дней достигнуты общие точки зрения по актуальным и сложным проблемам. Это ли не доказательство значения доброй воли и ценности реализма в политике!

Подводя итоги Ялтинской конференции, У. Черчилль 27 февраля 1945 года сказал в палате общин: «Крымская конференция свидетельствует о том, что союзники едины, как никогда, и в военных, и в политических вопросах»¹. «Я не знаю другого правительства, которое было бы столь верно своим обязательствам, даже когда это идет ему в ущерб, как Советское правительство России»², — заявил он же.

1 марта 1945 года на объединенной сессии конгресса выступил Ф. Рузвельт. Он отметил, что договоренности, достигнутые в Ялте, позволят создать стабильную структуру мира, в котором будут жить будущие поколения. Особое внимание Рузвельт обратил на то, что принятые решения положили конец «сферам интересов, балансам сил и всем прочим ухищрениям, к которым прибегали столетиями и которые всегда терпели крах»³.

Соблюдение политико-территориального статус-кво, созданного соглашениями Крымской и Берлинской (Потсдамской) конференций, в течение всего послевоенного периода является фундаментом сохранения мирного характера отношений в Европе. Оно было закреплено затем договорами между СССР и ФРГ; ПНР, ГДР, ЧССР и ФРГ, а также соглашением о Западном Берлине, заключенным между СССР, США, Великобританией и Францией.

Договоренности, достигнутые в Тегеране, Ялте и Потсдаме, открывали благоприятные возможности для развития послевоенной системы международных отношений на основе принципов мирного сосуществования.

Но хорошо известна та политическая борьба, которая была развернута на Западе сначала против возможных, а затем и заключенных договоренностей с Советским Союзом о послевоенном устройстве. Эти атаки, то возрастающая, то затухающая в зависимости от уровня конфронтации с миром социализма, продолжают и поныне. Особенно очевидно стремление к ревизии европейских границ, нацеленное на подрыв европейской и глобальной безопасности.

¹ Churchill W. S. The Second World War. L., 1954. V. 6. P. 350.

² Ibid. P. 351.

³ Documents on American Foreign Relations. Norwood (Mass.), 1947. V. 7. P. 28.

На стокгольмской Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе, начавшейся в январе 1984 года, государственный секретарь США открыто потребовал ревизии союзнических договоренностей в Ялте и Потсдаме. Он назвал источником нестабильности и напряженности разделение Европы и сослался в этой связи на «одно из ее крупных государств». Аналогичные заявления делались в США на протяжении всего 1984 года. Так, в августе государственный секретарь США провозгласил: «Мы никогда не примиримся с идеей разделенной Европы»¹. И в Бонне некоторые лидеры объявили «германский вопрос открытым», так или иначе призывают к «восстановлению рейха в границах 1937 года».

Ведется широкое наступление на структуру европейской безопасности в целом, выраженную, в частности, ялтинскими декларациями. Пытаются подменить эту структуру другой, основанной на отвергнутых самой историей «моделях» создания в центре Европы военного плацдарма против Советского Союза. Противники Ялты не могут смириться с духом взаимопонимания и сотрудничества между Востоком и Западом, который господствовал на этой конференции, остро осуждают теоретические основы такого подхода, его практику, его носителей и сторонников.

Реакционная критика обрушивается на Рузвельта, который будто бы не сумел отстаивать интересы США, и на Черчилля, якобы пошедшего на чрезмерные уступки Советскому Союзу. Кроме всего прочего, эта критическая риторика говорит о той степени политического поправения, усиления в ряде стран фронта реакции, которое произошло в капиталистическом мире в послевоенное время в ходе наступления на демократический потенциал, рожденный борьбой с фашизмом.

Историю невозможно изменить или переиграть. Из нее нельзя произвольно изымать отдельные страницы или заменять их другими. Ялтинская конференция способствовала разработке крупнейшей политической идеи нашего времени — о принципах международных отношений в современную эпоху.

Принятая в Ялте «Декларация об освобожденной Европе», а также другой итоговый документ — «Единство в организации мира, как и в ведении войны» по сути своей создавали ту новую «модель» мирных отношений, которая в наибольшей степени соответствует объективным потребностям развития современного мира. Ревизия Ялты деструктивна в самой своей основе. Альтернативы мирному сосуществованию действительно нет.

¹ Department of State Bulletin. 1984. October. P. 20.

ВАРШАВСКИЙ ДОГОВОР — МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Майский ветер сорок пятого, развеявший дым пожарищ и последних залпов войны, навсегда останется в сердце советского человека. Четыре года войны и сегодня кажутся бесконечными. Праздник Победы вместил в себя и скорбь невосполнимых утрат, и величие подвига народа и партии, героизм тех, кто сражался на фронте и за фронтом, и самоотверженность тружеников тыла, ковавших оружие и сеявших хлеб. Даже в самые страшные и критические дни войны, когда враг был у стен Москвы, Ленинграда, Сталинграда и в предгорьях Кавказа, советские люди верили в свое правое дело, в победу, делали все, чтобы она пришла как можно скорее.

Праздник Победы с особой остротой напомнил об уроках войны: о трагедии попустительства агрессору, необходимости свято заботиться об обороноспособности страны, высоком долге беречь Мир, беречь Землю, беречь Человечество.

Праздник Победы — интернациональный праздник. Против фашизма боролись все честные люди Земли. Вот почему столь кощунственными являются любые попытки обелить преступления фашистов, сеявших на земле смерть. Поклонение в Битбурге¹ нельзя расценить иначе, как продолжение политики воинствующего милитаризма, политики, ставшей постоянным негативным фактором международных отношений.

В этой ситуации еще явственнее видится та огромная роль, которую играет Варшавский Договор в защите мира. Тридцать лет назад этот Договор оформил союз, не имеющий аналогов в мировой истории по своей сущности и направленности.

Из выступления на Международной научной конференции в Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвященной 30-летию Организации Варшавского Договора, 14 мая 1985 г.

¹ Посещение Р. Рейганом кладбища, где похоронены эсэсовские офицеры.

Обращаясь к истокам боевого союза братских государств Европы, объективный наблюдатель не может не признать вынужденный характер этой меры в конкретной обстановке времени.

К моменту подписания Договора — маю 1955 года — уже шесть лет действовал Североатлантический блок. С самого начала основатели этого блока всячески подчеркивали его антисоциалистическую нацеленность. К этому времени стала реальностью «холодная война». Она была затеяна как многоплановая международная операция, имеющая целью расширить американское влияние в мире, вернуть потерянное, закрепить Западную Европу в сфере заокеанских интересов. Не скрывалась и задача застопорить экономическое развитие СССР, втянуть его в гонку вооружений и тем самым разорить его.

Стали реальностью система империалистических военных союзов, ремилитаризация ФРГ, включение ее в НАТО по Парижским соглашениям 1954 года. Не оставалось сомнений, что западные державы порвали с целями антигитлеровской коалиции, с согласованными принципами послевоенного сотрудничества.

Анализируя сегодня обстоятельства, вызвавшие необходимость создания союза социалистических государств, следует подчеркнуть несколько моментов.

Прежде всего, СССР и его союзники не выступали застрельщиками конфронтации и мер военно-политического характера, которые привели к обострению обстановки в середине 50-х годов.

Во-вторых, создание Организации Варшавского Договора явилось адекватным ответом на военные приготовления в Западной Европе. Но именно ответом и именно адекватным. Страны социализма не пошли дальше того, что было, безусловно, необходимо для обеспечения надежной безопасности.

В-третьих, государства Варшавского Договора стремились активизировать прежде всего экономические и политические аспекты взаимоотношений с западными странами, искали возможности утверждения норм мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам.

Принципиальное различие между двумя организациями проявилось уже в текстах их основополагающих документов — Варшавского Договора и Североатлантического пакта. В первой статье Варшавского Договора сформулировано четкое обязательство воздерживаться от угрозы силой и ее применения, разрешать международные споры мирными средствами, «таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный мир и безопасность». Во второй статье Договора выражена готовность

«добиваться принятия, по соглашению с другими государствами, которые пожелают сотрудничать в этом деле, эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения».

Подобных положений нет в Североатлантическом договоре. Одной из основ НАТО было и остается подхлестывание гонки вооружений, ставка на достижение традиционных целей политики традиционными военными средствами. Так было, так идет дело и сейчас. Мировому общественному мнению хорошо известно, что зачинателями производства всех новых видов оружия всегда выступали США.

В отличие от Североатлантического пакта Варшавский Договор в полном соответствии с Уставом ООН носит сугубо региональный характер. Он полностью отвечает статье 51 Устава ООН, в которой право на индивидуальную и коллективную оборону признается за государствами, ставшими объектом агрессии.

В соответствии с Договором созданы Объединенные вооруженные силы и Объединенное командование этими силами. Образованы, как известно, Комитет министров обороны стран — участниц Договора (март 1969 г.), Комитет министров иностранных дел и Объединенный секретариат (ноябрь 1976 г.). Особо важная роль принадлежит в этой структуре Политическому консультативному комитету (ПКК), в работе которого принимают участие высшие партийные и государственные руководители братских стран. На основе товарищеского обмена мнениями в этом ведущем органе дается принципиальная оценка международной обстановки, ее отдельных аспектов и тенденций, вырабатывается совместный подход к ключевым проблемам мировой политики.

Оборонительный характер Договора находит свое выражение и в том, что он является открытым для присоединения других государств, которые выразят готовность способствовать целям обеспечения мира и безопасности. Иными словами, Договор не является замкнутой группировкой, так или иначе противопоставляющей себя, свои интересы региональному или международному сообществу. Это — союз свободных народов, для которых нет высшей цели, чем защита мира от войны, от сползания в ядерную бездну.

Разительны контрасты Организации Варшавского Договора и НАТО с точки зрения их практической деятельности — и по стилю, и по содержанию. Во главе угла акции Североатлантического блока — наращивание совокупной военной мощи под американским верховенством, разработка военно-стратегических концепций агрессивного толка. Весьма показательно принятое на майской сессии совета НАТО в 1978 году решение о ежегодном,

в течение 15 лет, увеличении военных бюджетов минимум на 3 процента в реальном исчислении.

Что было сказано этим решением? Причем сказано всего через три года после подписания Заключительного акта в Хельсинки и в преддверии подписания Договора ОСВ-2? А то, что, независимо от процесса разрядки, от чего бы то ни было еще, блок НАТО намерен и впредь двигаться по пути милитаризации. И двигаться не год и не два, а полтора десятилетия кряду.

Невозможно сегодня игнорировать и назойливые рассуждения о желательности расширить сферу «географической ответственности» НАТО, то есть, по сути, превратить блок в универсальный механизм вмешательства. Суть заключена в том, что если до сих пор блок служит интересам американских правящих сил на Европейском субконтиненте, в том числе и для удержания западноевропейцев в орбите американского господства, то теперь предпринимаются попытки включить НАТО в имперскую систему США.

О потенциальной опасности подобного развития говорить не приходится. Равно как и о том, насколько все это противоречит жизненным интересам народов Западной Европы. Сегодня, как и три десятилетия назад, блок НАТО не может предложить Европе и миру ничего, кроме новых военных планов, новых витков гонки вооружений, новых видов оружия.

II

Блоковое противостояние в Европе, как и в мире в целом, было порождено «холодной войной» и стало одной из важнейших пружин гонки вооружений. Оно было навязано социалистическим странам, навязано в результате целеустремленных многолетних усилий.

Поэтому вполне естественно, что в числе первых скоординированных инициатив государств Варшавского Договора были предложения западным странам договориться о радикальном решении проблемы преодоления блокового противостояния.

Путь был избран самый простой и понятный. Социалистические страны предложили роспуск как НАТО, так и Организации Варшавского Договора, а в качестве первого шага — ликвидацию их военных организаций. Это предложение остается в силе и сегодня. Однако США видят в этом предложении угрозу своим многоплановым интересам в Европе.

Участники Варшавского Договора предложили западным державам принять совместные меры для того, чтобы противоречия не перерастали в военный конфликт. Еще на московском совещании ПКК в 1958 году они выдвинули проект пакта о нена-

падении между странами Варшавского Договора и Североатлантического союза. Но и это предложение не нашло отклика в натовских столицах. Странами НАТО были отвергнуты и такие инициативы Варшавского Договора, как предложение договориться о нерасширении существующих или об отказе от создания новых замкнутых военно-политических группировок в Европе, о взаимном сокращении военной деятельности НАТО и Организации Варшавского Договора, ограничении масштабов военных учений и распространении мер доверия на район Средиземного моря.

Не принято и предложение о заключении государствами — участниками общеевропейского совещания договора о неприменении первыми друг против друга как ядерных, так и обычных вооружений. Ясно, что такой договор укрепил бы политический и правовой фундамент соблюдения в Европе принципа неприменения силы или угрозы силой, создал бы преграду развязыванию конфликтов на Европейском континенте.

Государства Варшавского Договора предложили различные варианты освобождения Европы от ядерного оружия — как в рамках соответствующей советско-американской договоренности, так и в форме создания на континенте безъядерных зон. Внушительными инициативами стран Варшавского Договора являются предложения об освобождении Европы от химического оружия, о проведении переговоров относительно неувеличения военных расходов и последующего их сокращения.

Перечень предложений государств Варшавского Договора, отвергнутых НАТО, достаточно обширен. Сам факт политики «нет» доказывает, как минимум, три вещи.

Во-первых, в утверждении разрядки, даже в лучшем для этого процесса годы, можно было идти гораздо дальше, добиться большего.

Во-вторых, отсутствие надлежащего прогресса объясняется нежеланием НАТО всерьез и на равноправных основах договариваться с миром социализма по кардинальным вопросам международной безопасности.

В-третьих, даже те позитивные сдвиги, которых удалось достичь, настолько испугали правящие круги Запада, что они начали в спешном порядке и по всем линиям демонтировать достигнутое — и в области военной, и в сфере экономических отношений, равно как и по культурным связям, научным обменам, обязательствам по правам человека.

Хорошо известно, что идея проведения общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, общая концепция и структура, система принципов, на которых выстраивалось общеевропейское сотрудничество — все это в разные годы

предлагалось государствами Варшавского Договора. Подписание Заключительного акта явилось победой разума и политического реализма. Страны социалистического содружества были и остаются верны принципам этого документа. Подтверждение участниками общеевропейского совещания в Хельсинки незыблемости послевоенного устройства и границ в Европе, принятие других решений, направленных на укрепление безопасности и сотрудничества, служили и служат убедительным свидетельством жизненности и реальных возможностей практического осуществления принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Когда на рубеже 70-х и 80-х годов вновь возобладала нездоровая тенденция в европейской и мировой политике, страны Варшавского Договора в Политической декларации, принятой в 1983 году на пражском совещании ПКК, выступили с предложением о заключении между государствами ОВД и НАТО договора о взаимном неприменении военной силы и поддержки отношений мира. Предусматривались такие обязательства, как: не применять первыми друг против друга ни ядерных, ни обычных вооружений и, следовательно, не применять военную силу вообще; не применять силу против третьих стран; не угрожать безопасности международных морских, воздушных и космических коммуникаций, проходящих через пространства, на которые не распространяется ничья национальная юрисдикция; вести в духе доброй воли переговоры об эффективных мерах по пресечению гонки вооружений и разоружению; совместно рассмотреть практические меры по предотвращению опасности внезапного нападения.

Показательно, что в пражских инициативах были так или иначе учтены пожелания, высказанные к тому моменту западной стороной. Заключение подобного договора могло оказать огромное положительное воздействие на политический климат в мире, возобновить движение к разрядке. Руководящие круги Запада в очередной раз уклонились от обсуждения этих предложений.

Продолжается обструкция общеевропейскому процессу. Нарушением обязательств в Хельсинки явились размещение в Западной Европе новых американских ракет первого удара, принятие так называемой «доктрины Роджерса». Страны «семерки», собравшись в Бонне, открыто замахнулись на послевоенные территориальные реальности, игнорируя тем самым не только договоренности в Хельсинки, но и соглашения в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Предпринимаются новые усилия, чтобы военное противостояние приобрело новые масштабы, распространилось на новые географические и военно-технические направления, все более

подчиняло себе другие, невоенные области взаимоотношений двух систем, поддерживало перманентную напряженность, которая выступает своеобразной формой сглаживания межимпериалистических противоречий и сдерживания центробежной тенденции в мире капитализма.

III

Сегодня необходимо и важно констатировать тот факт, что традиционное мессианство американского империализма сопровождается нервозностью, что тоже таит в себе определенную опасность. Пытаясь подмять события, которые ускользают из-под контроля, США объективно препятствуют натиску времени, не хотят реалистически посмотреть на мировые процессы.

В чем конкретно проявляется милитаристская направленность современного империализма? В первую очередь в том, что фактически опрокинуты не только конструктивные достижения предшествующего десятилетия, но отвергается и сам подход, ставящий своей целью движение к меньшей, а не к большей напряженности, к сокращению, а не нагромождению оружия, к развитию, а не свертыванию равноправного сотрудничества, к расчищению завалов конфронтации.

Осуществляются массированные военные приготовления — и в Европе, и в мире, — наращиваются военные расходы, масштабы и темпы гонки вооружений, расширяется военное присутствие за пределами национальной границ США, развиваются — в сторону большей практической осуществимости — военно-политические и оперативные доктрины, перестраивается система командования вооруженными силами. Особую опасность представляют настойчивые попытки открыть новые каналы гонки вооружений, перенести эту гонку в космос.

Расширяется и внешнеэкономическая экспансия США. Во многих своих элементах она является эгоистичной, пренебрегающей интересами других стран и мирового хозяйства в целом. Высокие процентные ставки дезорганизуют международный денежный рынок и всю систему международных расчетов. Массовый приток денег в США (до 100 миллиардов в год) вызывает искусственный рост курса доллара и искусственное падение и колебание курсов других валют. Тем самым подкармливается экономика США и фактически финансируется военная программа администрации Рейгана.

Эксплуатация развивающихся стран идет через каналы предоставления банковских займов под сверхвысокий процент, что уже довело задолженность этих стран только банкам США

до 400 миллиардов долларов. Уже сейчас платежи развивающихся стран по американским банковским займам составляют примерно 40 миллиардов долларов в год. В 1984 году валовые поступления ресурсов в развивающиеся страны из внешних источников составили 85 миллиардов долларов, а их платежи в счет погашения долга — 92 миллиарда долларов. При этом каждый процентный пункт повышения процентных ставок по займам увеличивает задолженность на 2 миллиарда долларов.

Соединенные Штаты идут в авангарде применения политических ограничений в торговле. Это прежде всего практика бойкотов и санкций против социалистических стран, которая все чаще применяется и к развивающимся странам, попытки распространить на другие государства действие американских законов об экспортном контроле. Все это создает в мировой торговле обстановку неопределенности и недоверия.

Вашингтон, разумеется, видит, что земля под его фундаментом не столь твердая, как прежде. Она размывается временем. Столь наглядно выявившееся к исходу XX века уменьшение мировой роли США ощущалось от десятилетия к десятилетию. Это касалось практически всех их позиций — экономических, военно-стратегических, научно-технических, социальных, политико-идеологических, морально-этических.

США не смогли превратить проблему Север — Юг в эффективное орудие давления на развивающиеся страны. Обострение межимпериалистических противоречий понижало уровень американского контроля не только над экономикой, но и политикой, военными делами других капиталистических стран. Кроме того, оказалось, что многие государства, в том числе и союзники США, вовсе и не считают, что все международные отношения замыкаются на США, что на них возложена миссия делить мир на «добро» и «зло».

Мировое сообщество постепенно осознает, что США не всемогущи, а их претензии на исключительность — всего лишь плод мистификации. Даже близкие сподвижники США приходят к пониманию, что стратегия, основанная на так называемом «равновесии ядерного страха», вовсе не исключает момент случайности, что в свою очередь образумливает даже тех, кто предан политике напряженности.

Объективные сдвиги мирового плана оказались весьма болезненными для восприятия американской правящей элитой. Причудливым образом преломляясь в классовом сознании властвующей верхушки, особенно ее крайне правой группировки, происходящие изменения подаются в искаженной, нарочито драматизированной и тревожной форме как «закат Америки». В этом контексте предельно активизируется стратегия напряженности

во всех сферах мирового развития, в первую очередь в военно-стратегической, в надежде на то, что историю еще можно «переиграть».

Эта деструктивная линия, уповающая на силу как инструмент внешней политики, как философию международного поведения, опирается на все еще немалый экономический и военный потенциал США. Заокеанская держава остается сильнейшей страной современного капитализма, его метрополией.

Складывающаяся обстановка все резче высвечивает источник угрозы, образумливает и тех деятелей на Западе, которые предпочитают реальные факты политической мифологии. Подлейший миф о «советской военной угрозе» еще жив, но постепенно утрачивает влияние, обнажая лживость своего содержания.

Возможности ослабления напряженности остаются, и возможности реальные. Более того, эти возможности, при должном их использовании, могут многократно возрасти. Дело за политической волей, за готовностью другой стороны идти путем развития сотрудничества, а не эскалации конфронтации. Государства Варшавского Договора ясно заявляют, что не намерены разбрасываться конструктивным опытом предшествующего десятилетия, что готовы приумножить этот опыт. Такая позиция была ясно подтверждена в докладе М. С. Горбачева, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Советская держава на добрую волю всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Единственно разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космос. Договоренность на честной и равноправной основе без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия.

Таковы реальности, в которых мы живем. Грозна опасность, но велика и надежда. Политические и нравственные силы, которыми располагает сегодня человечество, сумеют воздвигнуть мощный заслон, а возможно, и непреодолимый барьер на пути маньяков ядерной гибели.

На протяжении тысячелетий человечество стремится к утверждению здравого смысла в надежде на достижение прогресса во имя будущих поколений и на эволюцию мудрости. Здравый смысл способствует зарождению надежды, и поэтому было бы ужасно утратить надежду и тем самым веру в здравый смысл человека. Убежден, что здравый смысл победит, он должен победить.

РАЗРЯДКА И АНТИРАЗРЯДКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Наш континент оказался в XX веке местом, где начались две мировые войны. Эти войны оставили страшные шрамы на судьбе человечества. Но Европа стала во второй половине 60-х годов и родиной выдающегося политического феномена, название которого — разрядка международной напряженности.

Как мы, в Советском Союзе, понимаем разрядку?

Это, прежде всего, преодоление «холодной войны», ее опасных завалов, переход к нормальным, цивилизованным отношениям между государствами, готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами, а за столом переговоров.

Это взаимное доверие и умение считаться с законными интересами друг друга. Важнейшей ее интегральной частью является плодотворное сотрудничество стран во всех сферах. С этой точки зрения разрядка — уникальный международно-политический эксперимент после 1917 года, когда впервые сложилась объективная необходимость мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

На рубеже 60-х и 70-х годов в значительной мере была подорвана концепция «холодной войны», доверие к ней упало, а сопровождавшая «холодную войну» пропаганда стала надоедать своей нетерпимостью. Но дело не только в этом. В основе нарождающейся разрядки лежал объективный факт: возникновение военно-стратегического паритета, когда США потеряли сомнительное преимущество относительной безнаказанности за первый удар в ядерной войне. Новые реальности диктовали и новую политику, новые подходы.

Политическую волю к мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству, то есть к разрядке, проявили здравомыслящие руководители тех лет в некоторых западноевропейских странах, а затем и в США.

Из выступления на 10-й конференции директоров научно-исследовательских институтов по проблемам международных отношений стран Европы, США и Канады. Вена, Май 1985 г. Перевод с английского. Публикуется на русском языке впервые.

Со структурной, сущностной точки зрения разрядка как особое состояние системы международных отношений представляет собой сложное переплетение политических, военных, экономических и психологических элементов. Она означает такой способ соединения этих начал, когда экономическое сотрудничество, составляющее материальную ткань политической и военной разрядки, получает от них и дает им позитивные импульсы для дальнейшего развития, а все эти факторы, вместе взятые, создают благоприятный психологический климат, увеличивая доверие.

Вершиной политической разрядки стало состоявшееся в 1975 году Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это было и вершиной достижений в области самой европейской безопасности, какое только знала история Европы в XX веке, богатая войнами, но весьма бедная практическими мерами по их предотвращению. Подписанный в Хельсинки Заключительный акт представляет собой своего рода кодекс разрядки.

Благотворное влияние на комплекс отношений между Востоком и Западом оказали и некоторые меры по осуществлению военной разрядки, согласованные в ходе переговоров между СССР и США в 70-х годах. Создались благоприятные условия для развития экономического сотрудничества между СССР и западными странами. Торговля СССР с Западом выросла в 70-е годы в 6,7 раза.

К сожалению, у разрядки появились мощные враги, а не только сторонники и друзья. В результате даже в лучшие времена она оказывалась нелегким делом, давала сбои. Не всегда хватало здравомыслия и терпения оценить ее без излишних восторгов и необоснованной хулы.

Разрядка напряженности — явление сложное, она не только фокус не всегда совпадающих интересов, эмоций, целей, но и предмет самых разнообразных интерпретаций. Основная претензия к разрядке на Западе сводится к довольно банальной мысли: она якобы выгодна только Советскому Союзу и опасна для США и всего Запада. В связи с этим господствовали нетерпеливость, мнительность, пристрастность.

Разрядка — процесс двусторонний, если иметь в виду две системы, и многосторонний, если говорить о всех ее участниках. Односторонне выгодной разрядка быть, конечно, не может. Это в каждом случае — соглашение, компромисс, если хотите, готовность пожертвовать частностями ради более важных взаимных выгод. Как же иначе жить в международном сообществе? В мире, где уже нет и не может быть оснований для имперских решений, патроната и диктата? Нельзя в эпоху ядерного оружия мыслить категориями доатомного века.

Есть и общие, непреходящие ценности разрядки, существующие для всех: это упрочение мира и безопасности; ослабление угрозы ядерной войны; возможности прекращения гонки вооружений; устранение или пресечение локальных конфликтов; предпосылки решения глобальных проблем; международное сотрудничество — политическое, экономическое, научно-техническое, международно-правовое, культурное.

Выигрыш всесторонен и абсолютен.

Но, разумеется, такой баланс разрядки связан со здоровыми расчетами сторон, балансом здравого смысла и доброй воли. Если бы СССР ставил разрядку 70-х годов в зависимость от международного поведения того или иного государства, то она едва ли могла стать реальным явлением. Но СССР видел разрядку в исторических измерениях. И после начала разрядки советские руководители достаточно терпеливо отнеслись к подрыву экономических отношений США — СССР из-за «поправки Джексона — Вэника», хотя она означала грубейшее вмешательство во внутренние дела СССР. Факт нератификации Вашингтоном Договора ОСВ-2, сам по себе в международной практике опасный и вероломный, не породил в Москве стремления перечеркнуть разрядку. Да и сейчас, когда над человечеством висит дамоклов меч «первого удара», «затяжной ядерной войны», «локальных вариантов войны», Советский Союз продолжает видеть в ослаблении напряженности единственно разумную альтернативу.

Что же дала разрядка?

Психологически в условиях разрядки все чувствовали себя спокойнее, постепенно улетучивались накопленные десятилетиями взаимное недоверие и страх, восстанавливалось нормальное человеческое общение. Появилась надежда идти вперед — к устранению угрозы ядерной войны, гонки вооружений, локальных конфликтов, к решению мировых проблем продовольственного, сырьевого, энергетического, экологического характера. И конечно, к международному доверию.

В 80-е годы стало особенно видно, что разрядка самым благоприятным образом повлияла на европейскую, да и мировую, политику, еще выше подняла значение Западной Европы и Европы в целом в международных отношениях.

Итак, как я уже сказал, разрядка по своей природе является конструктивным политическим феноменом. Но как же относиться к тому, чего она не смогла добиться? Думаю, это надо воспринимать без эмоциональных перекосов, невропатических реакций и, главное, без неуместного максимализма.

Бегство от разрядки, слом разрядки на советско-американском участке пришли из США. Это, бесспорно, одно из последствий своеобразной реакции крайне правых сил на поражение во

Вьетнаме, на Уотергейт, на экономический кризис 70-х годов. Антиразрядка стала направленной боеголовкой многоступенчатой социально-политической ракеты ультраконсерваторов. Получив власть, они повели дело к острой конфронтации с СССР на международной арене, полагая, что подобный курс больше подходит для США в сложившейся ситуации.

Именно на это нацелена так называемая «стратегическая оборонная инициатива», которая должна, по мнению ее создателей, до смерти измотать СССР в технологической гонке.

В конечном итоге антиразрядка стала всеохватывающей стратегией и тактикой США. Хотя того в странах Западной Европы и Японии или нет, они находятся в сфере действия этой стратегии и тактики, испытывают ее «нагрузку», подвержены ее последствиям в международных отношениях, включая возрастание угрозы ядерной войны.

Напряженное положение в военной и политической области создает неблагоприятную «окружающую среду» для экономических связей Восток — Запад. Но, несмотря на это, в 80-е годы, как, впрочем, и во все годы послевоенного периода, происходило нарастание торгового оборота СССР со всеми промышленно развитыми странами: с 31,6 миллиарда рублей в 1980 году до 40,9 миллиарда рублей в 1984 году. А ведь именно этот период некоторые западные представители характеризовали как период стагнации и даже кризиса межсистемных хозяйственных связей.

Конечно, наличие проблем, подчас весьма серьезных, никто не отрицает. Помимо общеизвестных трудностей выявилась и такая — в 80-х годах по сравнению с 70-ми снизились темпы прироста торгового оборота СССР с западными странами. Однако шел рост оборота Советского Союза со всеми промышленно развитыми капиталистическими странами, хотя и меньшими темпами, на фоне значительного абсолютного сокращения мировой торговли в 1981 и 1982 годах. Беспрецедентное в эти годы уменьшение мировых торговых связей было вызвано экономическим спадом 1980—1982 годов, отразившимся на межсистемных связях. Он сократил спрос на советскую экспортную продукцию, вызвал к жизни волну протекционизма. Преобладающая тенденция высоких процентных ставок на денежных рынках, как и согласованная, в целом направленная против СССР политика западных правительств в области предоставления государственных экспортных кредитов, создает трудности для кредитных, а тем самым для экономических отношений.

Почему же экономические связи СССР с Западом развиваются с завидной устойчивостью, несмотря на сложные международные условия, на коренные системные различия, на песхожие управленческо-организационные системы? Да потому, что развитие

хозяйственного сотрудничества Восток — Запад покоится на объективной необходимости этих связей и их взаимовыгодности.

Успешное в целом развитие экономических связей СССР с Западом несет и еще одну весьма ценную информацию политического толка: *detente is not dead, but dormant*¹. В значительной степени благодаря усилиям социалистических и нейтральных стран противникам разрядки не удалось взять верх, ибо разрядка пустила глубокие корни, особенно в Европе.

Основу ее составляют многочисленные соглашения и договоренности, прежде всего в политической и военной областях, достигнутые в 70-е годы и действующие в настоящее время, несмотря на всю сложность международной обстановки. Резервы разрядки не истощены, не подорваны ходом событий 80-х годов. В определенных формах и пределах материальные основы разрядки и психологическая атмосфера существуют и ныне.

Начало 80-х годов отмечено историческим парадоксом: разрядка соседствует, существует одновременно с острой конфронтацией, в чем-то уступая ей место, а где-то сохраняя свои позиции. Это — странный и противоречивый мир, но мы в нем живем. И надо искать выход. Нынешнее состояние дел резко сузило выбор человечества: либо разрядка и мирное сосуществование государств, либо взаимное ядерное уничтожение. *Tertium non datur*².

Всякие попытки найти «третий» путь, в частности в конфронтации и гонке вооружений, сопровождаемых милитаристской идеологией, сами по себе деструктивны, ибо конечным результатом такой линии может быть ядерная бездна.

Уже сейчас все больше людей видят, что именно конфронтация, а вовсе не разрядка — аномалия в международных отношениях. И если мы имеем какие-то претензии к разрядке, к ее невыполненным вроде бы функциям в отношении мира и безопасности народов, то выдвигать подобное к конфронтации вообще невозможно. Конфронтация бесплодна. Она имеет свою логику, и логику мрачную.

Несмотря на свою драматическую судьбу, разрядка вошла в живую ткань мировой политики. Она переживает нелегкие испытания. Так будет, видимо, и впредь, поскольку на Земле еще немало сил, заинтересованных в международной напряженности и гонке вооружений.

Удары по разрядке наносятся по всему фронту. Я уже говорил об опасности, заключающейся в планах переноса гонки вооружений в космос и ее ускорении на Земле. Тормозится обще-

¹ Разрядка не умерла, но как бы впадала в зимнюю спячку.

² Третьего не дано.

европейский процесс, ставятся под сомнение основные достижения политической разрядки — договоренности в Хельсинки, Белграде, Мадриде. Серьезные препятствия воздвигаются на путях развития межсистемных хозяйственных связей с целью их резкого сокращения. В 80-е годы американская администрация неоднократно использовала санкции, эмбарго, бойкоты, направленные против Советского Союза. Все это создает нервозность в отношениях, климат недоверия, неопределенности.

И все же наряду с ориентацией на США некоторых западно-европейских стран по вопросам экономических отношений с СССР очевидны и различия в подходах. Да и вообще, по моему убеждению, западноевропейские страны уже способны на самостоятельные решения. По совокупному ВВП, промышленному производству, объему заграничных инвестиций, доле в международном товарообороте, размерам золотовалютных запасов Западная Европа превосходит США. В этой связи многие объективные наблюдатели отмечают, что США под прикрытием борьбы против экономического сотрудничества Восток — Запад не в последнюю очередь стремятся нанести существенный хозяйственный ущерб своим западноевропейским и японским конкурентам.

Мы верим, что мощные корни разрядки с объективной закономерностью дадут не менее мощные побегы. Думается, что локомотивом разрядки снова станет Европа, где сохраняется корневая система разрядки. Именно на Европейском континенте сейчас наиболее сильна и политическая воля к разрядке, тот необходимый субъективный фактор, без которого ничего серьезного не бывает.

ОЧЕРЕДНАЯ ОСЬ — ТУПИКОВЫЙ ВАРИАНТ

Если следовать фактам, то в определении истоков угрозы, которая ныне реально и зримо создана самому бытию человеческого рода, сомнений нет. Весь опыт XX столетия показывает: действительный источник военных катастроф, которые дважды сокрушали мир, особенно в Европе,— империализм, жизнеспособность которого в значительной мере питается милитаризмом. В общественной структуре, экономических отношениях, в политике, прежде всего в его метрополии — США, ныне снова заявляют о себе наиболее воинственные тенденции.

Конечно, ситуация в мире кардинально отличается от той, что была присуща кануну первой или даже второй мировой войны. Не является простым «повторением пройденного» и политика Вашингтона. Создана беспрецедентная структура военно-политического противоборства с социалистической системой. Блок НАТО с его многочисленными ответвлениями как главная ударная сила; система военных баз, разбросанных по всему миру; всевозможные региональные объединения; различные формы военно-интеграционных принудительных соглашений — все это ориентировано на разрушение военно-стратегического равновесия, в конечном счете на обеспечение глобального социального реванша.

Вашингтон, как это было и в годы «холодной войны», стремится превратить Западную и Центральную Европу в главное поле военно-политической конфронтации. Ему отнюдь не чуждо стремление попытаться воспользоваться неудовлетворенными амбициями западногерманского капитализма для того, чтобы накрепко пристегнуть их к целям и интересам американской внешней политики.

Особую опасность представляет активизация западногерманского реваншизма. Этим болеют сейчас не только бывшие нацисты и группы землячеств, но и некоторые правящие политики.

Из статьи в журнале «США — экономика, политика, идеология». 1985. № 7.

Они объявляют «открытым германский вопрос», говорят о неприемлемости «разграничительной линии, проходящей между Востоком и Западом».

I

Неосторожность властителей США еще можно попытаться объяснить, впрочем с большой натяжкой, хотя бы тем, что эта страна на своей территории не знала опустошительных войн, не видела гор трупов, каменных скелетов городов, выжженной земли, истерзанных судеб детей. Германия все это испытала, и в полной мере. И приходится лишь поражаться близорукости тех политиков, которые вновь начинают землю этой страны порохом и столь торопливо огораживают ее частоколом ядерных ракет.

Германский империализм, как это хорошо известно из прошлого, всегда отличался агрессивностью. Глубинные его истоки связаны с запоздалым развитием капитализма в Германии, с тем фактом, что германские монополии, по образному выражению В. И. Ленина, пришли «к столу капиталистических яств, когда места были заняты»¹. Монополистический капитал посчитал состоявшийся раздел мира несправедливым и дважды силой попытался добиться нового передела мира, но оба раза потерпел поражение.

Быстро и мощно развившийся империализм США также был «обделен» колониями и развязал в 1898 году первую в истории империалистическую войну за передел мира (испано-американскую). Но в отличие от германского он имел более широкое поле для маневрирования, чувствовал себя в безопасности за двумя океанами. Кроме того, объективно сложилось так, что американский империализм сумел раньше других осуществить переход к стадии неокOLONиализма с использованием широкого инструментария эксплуатации народов прежде всего Латинской Америки.

Германия лелеяла надежды на силовой, вооруженный передел поделенного мира, и дело здесь не только в заскоружлости мышления. У нее не было под боком территории наподобие Латинской Америки. Поэтому она сделала ставку на изменение ситуации в Европе и ее колониях с помощью военной силы. Вовсе не беспочвенны, если учесть плотные и широкие связи ведущих концернов обеих стран, были надежды Вильгельма II удержать США от вступления в первую мировую войну. И действительно, они вступили в нее лишь тогда, когда на стагнирующих фронтах стала явно вырисовываться обреченность Германии. Надо было спасти

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83.

капиталистическую Германию, а заодно воспрепятствовать чрезмерному усилению соперников — Англии и Франции, что конечно же не входило в расчеты правящих кругов США. Германия оказалась поверженной, в судорогах. В то же время американцы нуждались в сильном, воинственном государстве в центре Европы, и все было сделано, чтобы возродить его.

Альянс между двумя крупнейшими цитаделями империализма стал в XX столетии важным политикообразующим фактором, с особой силой проявившим себя в периоды обострения кризиса капиталистической системы и наиболее активной мобилизации ее резервов против социального прогресса и демократии. Американско-германский альянс во многом предопределил возрождение германского милитаризма, расстановку военно-политических сил между двумя мировыми войнами. Американские монополии помогли решить проблему репараций таким образом, что немецким промышленникам была предоставлена полная свобода рук в деле возрождения германской милитаристской машины. Владелец «Чейз нэшнл бэнк» Чарлз Гейтс Дауэс, занимавший в 1925—1929 годах пост вице-президента США, возглавил международный комитет экспертов по репарационному вопросу. Под его руководством и были приняты решения, практически снимавшие ограничения на развитие военно-промышленного потенциала Германии. Одновременно «план Дауэса» закреплял зависимость немецких монополий от американских кредиторов, вел к овладению важными рычагами воздействия на германскую экономику, внедрению американского капитала в хозяйство страны. В итоге произошло укрепление связей между финансовым капиталом Германии и США, связей, которые пережили вторую мировую войну и обеспечили поддержку германских монополий со стороны США и после разгрома гитлеровского фашизма.

Огромная помощь была оказана внешней политике Германии, всецело направленной на восстановление ее экономических и политических позиций в мире и на создание предпосылок для реванша, чего бы это ни стоило немецкому народу. Решающее значение имело стремление Запада «канализировать» агрессию в восточном направлении. Едва ли можно всерьез оспаривать, что за спиной «мюнхенской политики» умиротворения Гитлера стояли и Соединенные Штаты. Долговременный просчет ведущих западных держав был тут очевиден. Последующие события привели к тому, что США оказались втянутыми во вторую мировую войну. Но уже в 1945 году, как только отгремели ее залпы, американский генерал Дж. Паттон заявил, что «нашими подлинными противниками являются не немцы, а русские»¹.

¹ Цит. по: Правда. 1985. 18 января.

Подобные заявления не были оговорками. Они отражали реальную, далеко идущую политику американской правящей элиты. США развернули широкофронтальную «холодную войну» с целью ревизии итогов «горячей» войны, приведшей к широкой демократизации во всем мире, к развалу колониальной системы. При этом было очевидным стремление сделать Западную Германию главным оплотом «холодной войны» в Европе.

Главное, что привлекало Вашингтон в Западной Германии, — это ее значительный военно-экономический потенциал, людские ресурсы, военно-стратегическое положение, а также традиционное влияние военщины в этой стране. В сентябре 1950 года правительства западных держав-победительниц приняли решение об «ограниченном и контролируемом вооружении Западной Германии» и ее участии в «объединенных вооруженных силах», то есть в системе НАТО. Началось осуществление программы ремилитаризации. В мае 1955 года ФРГ официально стала членом Североатлантического блока. Парижские соглашения были основаны на молчаливом сговоре между Вашингтоном и Бонном, по которому ФРГ получила относительную свободу действий в Европе, согласившись следовать вашингтонскому курсу.

Клубок противоречий здесь был непрост. Интересам западноевропейских стран, прежде всего Франции и Англии, едва ли соответствовало восстановление сильной в военном отношении Западной Германии, но им пришлось уступить давлению США. К тому же нашлось и оправдание — американцы заимствовали у нацистов жупел «советской угрозы», который все послевоенные годы служит прикрытием для наращивания вооружений.

Политические устремления определенных кругов Бонна, по сути дела, начали концентрироваться на требованиях восстановления границ 1937 года, и прежде всего на идее «воссоединения», под которым понималось поглощение Германской Демократической Республики. Особую опасность представляли попытки ФРГ приобщиться, опираясь на военный союз с США, к ядерному оружию. Этой цели служили планы создания многосторонних ядерных сил НАТО, которые усиленно разрабатывались в начале 60-х годов¹.

¹ Главное, как писал западногерманский журнал «Веркунде» в № 7 за 1960 год, в том, чтобы «в подходящий момент и наиболее эффективно совершить атомное нападение на противника». И это были вовсе не безобидные фантазии. Журнал создавал «ядерные ретроспективы» второй мировой войны: Ленинград, который был блокирован немцами еще в сентябре 1941 г., мог бы быть уничтожен атомными ударами в короткий срок. Ликвидация «котлов» под Киевом, Брянском и Вязьмой осенью 1941 г. с помощью атомного оружия могла бы быть осуществлена за несколько часов вместо недель. Выигрыш времени, по мнению журнала, позволил бы нацистам завершить свои операции еще до наступления осенней распутицы и начала зимы.

ФРГ совместно с США сыграла важную роль в принятии блоком НАТО в декабре 1969 года решения о снижении так называемого «ядерного порога», то есть об использовании первыми тактического ядерного оружия против стран Варшавского Договора.

Ход событий, однако, вынуждал западногерманское руководство время от времени взвешивать возможности и вносить определенные коррективы в свои планы. Соотношение сил в мире менялось, и далеко не в пользу адептов реваншизма. Процесс «мучительной переоценки ценностей», который привел к формированию правительства СДПГ — СвДП и подключению ФРГ к европейской разрядке, был не только длительным, но и болезненным, неоднозначным. Он определялся многими факторами разнопланового характера.

Положение подчиненной страны все сильнее раздражало влиятельные круги в ФРГ. Их больше не устраивал статус «пешки в чужой игре». Они претендовали на более весомое и более самостоятельное положение в европейской и мировой политике. В этом плане заключение договоров с СССР и другими социалистическими странами существенно укрепило позиции Бонна по отношению к другим западным странам, включая США.

Однако даже в условиях разрядки 70-х годов политическое и военное руководство ФРГ продолжало следовать стратегии «двух опор» (на разрядку и силу), которая нашла свое выражение в одобренной в июне 1974 года «Декларации об атлантических отношениях». В ней отмечалось, что развитие союзных вооруженных сил не может быть изменено в ходе нынешних или будущих переговоров с социалистическими странами. Опираясь на эту концепцию, правительство ФРГ всячески стремилось укрепить свое положение в НАТО в рамках американо-западногерманского альянса. Западногерманские генералы и офицеры стали значительно чаще получать важные командные должности в интегрированных (объединенных) вооруженных силах.

II

Нынешний жестко конфронтационный курс правящих кругов США, возникший под воздействием многообразных причин, важнейшая из которых — упорное нежелание примириться с новыми реальностями мирового развития, шаг за шагом подталкивает к краю пропасти. Естественно, что такой курс встречает в самой Америке сопротивление, а его проводники нуждаются в союзниках и единомышленниках дома и за рубежом. Вот почему правоэкстремистские силы США ищут более тесной смычки с консервативными военно-политическими кругами ФРГ.

Оснащенный новейшими системами оружия, бундесвер давно превратился в костяк НАТО в Европе, превосходя по численности вооруженные силы других западноевропейских государств. К началу 80-х годов на долю бундесвера в объединенных вооруженных силах НАТО в Европе приходилось свыше 25 процентов боевых самолетов, более 50 процентов всех сухопутных войск, 55 процентов артиллерийских стволов, 60 процентов средних танков¹.

Приоритет США в том, что касается финансирования военных приготовлений, неоспорим. ФРГ по объему военных расходов в НАТО на втором месте. Особенно значителен ее вклад в программу инфраструктуры НАТО. Оплачивая почти треть расходов на эти цели, она тут занимает первое место среди европейских участников блока. В 1984 году сняты последние ограничения на производство в ФРГ новейших вооружений, причем отнюдь не оборонительного назначения.

Западногерманский милитаризм опирается на мощную, не имеющую в пределах Западной Европы себе равных экономическую и технологическую базу. Валовой национальный продукт ФРГ составляет три четверти совокупного ВВП Великобритании и Франции. По промышленному производству она превосходит Великобританию и Францию, вместе взятые. Еще больше ее превосходство по валютным запасам. По конкурентоспособности ФРГ, согласно оценке «европейского форума менеджеров», находится на четвертом месте (после США, Швейцарии и Японии) в капиталистическом мире, далеко опередив Францию (19-е место) и Великобританию (14-е место)².

На западногерманской территории находится львиная доля американских вооружений и частей из состава группировки сил общего назначения (из 350 тыс. человек, размещенных в Западной Европе, в ФРГ находятся более 250 тысяч американских военнослужащих). Здесь функционирует 188 военных баз США. Эти войска и базы выполняют двойную функцию: они служат ударной силой для возможного использования против социалистических стран и в то же время средством военного контроля политической жизни.

Согласованное наступление милитаризма — как заокеанского, так и собственного — вызывает растущие контрдействия демократических и реалистических сил ФРГ. Они создают ощутимый контрбаланс милитаризму. Это делает политическую картину ФРГ весьма сложной, пестрой и противоречивой, формирует в стране потенциал антирейганизма и мирных тенденций.

¹ См.: *Мировая экономика и международные отношения*. 1985. № 1. С. 60.

² *Wirtschafts Woche*. 1985. 25. I. S. 26—32.

Расширение совместных действий США и ФРГ в рамках НАТО дополняется развитием военных и военно-политических связей на двустороннем уровне. Бундесвер в больших объемах оснащается американским вооружением, прежде всего самолетами и ракетными установками. ФРГ занимает первое место в Западной Европе по закупкам американских вооружений. Западногерманский военный персонал обучается на военных базах и полигонах США. Осуществляются совместные военно-технические исследования и работы.

В начале 80-х годов были предприняты новые шаги по расширению совместных действий США и ФРГ в военной области. В частности, в апреле 1982 года между США и ФРГ было подписано соглашение «О поддержке в случае кризисной обстановки или войны», которое возлагает на Бонн обеспечение и обслуживание американских войск в кризисной ситуации. Соглашение исходит из того, что численность американских оккупационных войск на западногерманской территории может быть «к началу или ожидаемому началу боевых действий» увеличена в течение десяти дней более чем в 2 раза и что оружие и военная техника для шести дополнительных дивизий заблаговременно завозятся на склады в ФРГ. В американо-западногерманском «Соглашении о противовоздушной обороне Центральной Европы на основах партнерства», подписанном в июле 1984 года в Вашингтоне министрами обороны двух стран, на западногерманские вооруженные силы возложена задача противовоздушного прикрытия американских военных баз в Западной Германии ракетными устройствами «Роланд» и специально закупленными для этой цели в США пусковыми установками «Пэтриот».

Военные приготовления ФРГ значительно превышают ее оборонные потребности, но они вписываются в заокеанские планы, а это означает, что Западная Германия поставлена в зависимость от американских стратегических замыслов.

Но капитализм по природе своей не знает безоблачных отношений внутри собственной системы, его постоянно раздирают противоречия. Центристские тенденции, которые сейчас доминируют в отношениях США — ФРГ на официальном, правительственном уровне, сопровождаются довольно заметными центробежными тенденциями. Неискоренимое соперничество накладывает свой отпечаток как на политические возможности ФРГ, так и на само военное сотрудничество Вашингтона и Бонна. Каждый из партнеров добивается собственных, отнюдь не всегда совпадающих целей, каждый стремится таскать каштаны из огня чужими руками. Вашингтон добивается от Бонна постоянного наращивания военных расходов (ежегодно на 3—4 процента в реальном исчислении). Американское руководство периодически

выдвигает требования об участии ФРГ в военных операциях вне зоны действий НАТО, втягивает эту страну в «кризисную стратегию» США.

Но западногерманские лидеры понимают, что подобные намерения противоречат коренным интересам ФРГ. Правительство этой страны, разумеется, не в восторге от планов превратить ее территорию в театр военных действий, в том числе ограниченных ядерных, так как понимает, что нападение США на СССР и его союзников приведет к катастрофическим последствиям для Западной Германии, начиненной американским ядерным оружием. Кроме того, в ФРГ приобретает все более ясные очертания стремление добиться большего равноправия в американско-западногерманских отношениях.

Американское руководство видит это и предпринимает шаги для закрепления ФРГ в системе атлантических связей и обязательств. Оно разными путями подогревает реваншистские настроения. В январе 1984 года на стокгольмской Конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе государственный секретарь США выступил с заявлением, в котором поставил под сомнение союзнические договоренности в Ялте и Потсдаме о послевоенном урегулировании в Европе, назвав источником нестабильности и напряженности разделение Европы и одного из ее крупных государств. Аналогичные заявления делались в США на протяжении всего 1984 года, в том числе и на самом высоком уровне.

Факты есть факты. Они говорят о том, что западногерманский реваншизм активно стимулируется американским «ревизионизмом», как это явление подчас именуется на Западе, и тесно смыкается с ним.

III

В условиях обострения противоречий связка Вашингтон — Бонн испытывает возрастающие нагрузки, грозящие деформировать ее. Но пока продолжает, как уже говорилось, доминировать заинтересованность обоих участников в сохранении и укреплении этой структуры. Для США важно удержать ФРГ в качестве главной территориальной, экономической, военной и политической базы американской гегемонии в Западной Европе. ФРГ продолжает быть заинтересованной в покровительстве, в поддержке ее собственных планов на достижение доминирующих позиций в Западной Европе, используя при этом своего рода политическую забывчивость своих европейских партнеров.

Нельзя упускать из виду, однако, что американско-западногерманские отношения развиваются в тесной взаимосвязи с обост-

рением противоречий между двумя ведущими «центрами силы» современного империализма — США и Западной Европой. Эти противоречия, которые дали основания политикам по обе стороны Атлантики высказывать озабоченность по поводу «кризиса союза», затрагивают практически все сферы взаимоотношений — экономическую, военно-политическую, собственно политическую и даже идеологическую.

Неоднозначные процессы развиваются и внутри самой Западной Европы, причем как в отдельных странах этого региона, так и вокруг интеграционных процессов. По-разному преломляясь во внутренней и внешней политике западноевропейских стран, в реакции США на новые явления и встречной реакции западноевропейцев на позицию Вашингтона, происходящие процессы способствуют дальнейшему обострению противоречий, увеличивают сложности в межсоюзнических отношениях.

Чем они характеризуются в начале 80-х годов?

Во-первых, расширением круга проблем, по которым обнаруживается расхождение интересов и нарастание противоречий, включающих принципы экономических отношений и безопасности в ядерный век.

Во-вторых, тем, что политические разногласия сопровождаются и усугубляются экономическими противоречиями, которые обостряются в периоды кризисного состояния капиталистической экономики.

В-третьих, тем, что сам процесс разработки согласованного курса по конкретным проблемам политики и его осуществление становятся для США и стран Западной Европы все более сложными и дают сбой, хотя по общим целям сохраняется согласие.

В-четвертых, тем, что политические разногласия между США и их европейскими партнерами во все большей степени распространяются на те вопросы, которые прежде казались ясными и однозначными, послужили в свое время поводом для образования НАТО: это отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами Европы.

Наконец, *в-пятых*, тем, что сказываются попытки США расширить «сферу ответственности» НАТО, распространить деятельность блока за первоначально очерченные пределы. Это также стимулирует разногласия между союзниками.

В результате Североатлантический блок стоит перед необходимостью решения сложнейших проблем, равных которым, возможно, еще не было в истории этой группировки. Преодолеть их будет, судя по всему, нелегким делом.

Одним из первых в США забил тревогу по этому поводу Генри Киссинджер. В интервью французскому журналу «Международная политика» в ноябре 1982 года, отвечая на вопрос о перс-

пективах американско-западноевропейских отношений, он сказал, что «между Европой и Соединенными Штатами существует практически полное разногласие во всех областях, идет ли речь об отношениях между Востоком и Западом, о стратегических проблемах, о международной торговле, о Ближнем Востоке или Центральной Америке»¹. Другой представитель американского «академического сообщества» — Р. Такер пишет: «Растущий темп дезинтеграции (Североатлантического союза.— А. Я.) может не произвести впечатления только на самых негибких оптимистов. Неистребимой реальностью является то, что Западная Европа и — что наиболее важно — Западная Германия столь же привержены разрядке, вызревшей с конца 60-х годов, как и Атлантическому союзу... До тех пор, пока такое положение сохранится, коррозия Атлантического союза будет продолжаться»².

О чем это свидетельствует? Бесспорно, о том, что противоречия между атлантическими союзниками становятся глубже, они расширяются и что данный факт не только осознается западными политиками и политологами, он серьезно тревожит их. Особенно отчетливо эти противоречия проявляются в сфере военно-политических отношений США с их европейскими союзниками. Американская доктрина применения ядерного оружия первыми оставляет за США право решать, когда и как ввести в действие ядерное оружие.

Подобная ситуация постепенно перестает соответствовать оценкам возможного возникновения конфликта в Европе, которых придерживаются политические руководители западноевропейских стран. Пытаясь найти выход, они пошли поначалу по пути более тесной увязки безопасности своих стран с безопасностью США. Вскоре, однако, возникли опасения, что американцы ведут дело к тому, чтобы подставить Западную Европу под ядерный удар. Такие опасения становятся главной причиной повышенной настороженности к конфронтационным тенденциям в политике США.

Эта настороженность достаточно широко распространена в западноевропейских общественных кругах. Американцы в глазах европейцев, отмечает, например, профессор Оксфордского университета М. Говард³, это уже не те люди, которые пришли в Европу, чтобы помочь справиться с послевоенной разрухой. Да и поколение выросло другое. У него и новые точки отсчета. По мнению многих западноевропейцев, американцы прибыли в Европу для ведения «своей войны», в которой европейцы не заинтересованы и от которой они страдают первыми.

¹ *Politique internationale*. Automne 1982. P. 24.

² *The Atlantic Alliance and It's Critics // Commentary*. May 1982. P. 72.

³ *Foreign Affairs*. Winter 1982/83. P. 309—322.

Понимание этой простой истины пробивает себе путь в умонастроениях не только ученых-политологов, но и представителей реалистически настроенных фракций в западноевропейских государствах. Понимание, что поворот в американской стратегии с конца 70-х годов не только связан со стремлением добиться военного превосходства над СССР, но и преследует цели восстановления монопольного положения в капиталистическом мире. В этом направлении принимаются меры, рассчитанные на подрыв конкурентоспособности западноевропейских союзников. К таким мерам относятся: навязывание огромных военных расходов; привлечение западноевропейского капитала в США высокими процентными ставками; попытки подорвать экономические связи с социалистическими странами; введение протекционистских ограничений в торговле с западноевропейскими странами и угрозы рестрикции в области научно-технического обмена.

Гонка вооружений, поглощающая в ведущих странах Западной Европы в среднем от 3 до 6 процентов ВВП и примерно треть государственного бюджета, отвлекает трудовые, интеллектуальные, капитальные, сырьевые и энергетические ресурсы на непроизводительные цели и тем самым ухудшает возможности для решения неотложных экономических и социальных проблем.

Взвинчиванием процентной ставки США наносят еще один удар по экономике Западной Европы, на сей раз путем перелива капитала. С 1979 по 1984 год, по данным Федеральной резервной системы, на счета коммерческих банков США в погоне за более высоким процентом поступило более 300 миллиардов долларов из стран Западной Европы¹. К этому следует добавить приток прямых капиталовложений на сумму более 60 миллиардов долларов², а также портфельные инвестиции, или покупка облигаций американских государственных займов. Последнее означает, что страны Западной Европы покрывают часть дефицита государственного бюджета США, связанного с огромным ростом военных расходов. Администрация Рейгана уже затратила на эти цели триллион долларов.

Подрыв конкурентоспособности Западной Европы происходит и путем нарушения ее экономических связей с СССР. Во-первых, расширяется список контролируемых КОКОМ товаров, с тем чтобы ограничить экспорт в СССР. Во-вторых, предпринимаются попытки ограничить импорт энергоресурсов из Советского Союза. В-третьих, призывают к ограничению кредитных отношений с СССР и другими социалистическими странами. В-четвертых,

¹ Подсчитано по: Federal Reserve Bulletin. 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984.

² Подсчитано по: Survey of Current Business. 1980. № 9; 1981. № 11; 1984. № 6.

США внедряют в практику «мониторинг», то есть берут под контроль сделки с СССР не только своих, но и западноевропейских фирм.

Но сторонники упрочения атлантической солидарности были неприятно поражены тем, что осложнение международной обстановки не привело, как это часто случалось прежде, к смягчению противоречий. Напротив, они обострились. Все это и многое другое заставляет США усилить внимание к западноевропейскому направлению своей политики, пытаться более эффективно использовать имеющиеся в ее распоряжении средства воздействия на своих союзников по НАТО, приблизить к себе наиболее ценных и верных из них.

Представители администрации Рейгана не упускают случая, чтобы выразить удовлетворение политическим поведением нынешних руководителей Западной Германии, подчеркнуть совпадение курсов обеих стран по важнейшим международным проблемам. Примером может служить пресс-конференция государственного секретаря США во время его официального визита в Бонн. «Я не считаю,— сказал он,— что существуют большие различия в стратегии США и ФРГ. Мы постоянно консультируемся и пытаемся координировать наши точки зрения очень тщательно. И я думаю, что в том, как ведутся эти дела, проявляется почти беспрецедентная согласованность, а в конечном счете единство взглядов по вопросу о том, что мы должны делать»¹. Дж. Шульц не преминул отметить «отличную» работу правительства ФРГ по подготовке и осуществлению дислокации на ее территории американского ядерного оружия, используя при этом ссылки даже на «народ»: «Мы восхищены тем, как немецкий народ справился с вопросом размещения»². Действия некоторых западногерманских руководителей дают основания для такого снисходительного похлопывания по плечу.

Значимость ФРГ как союзника возрастала по мере укрепления ее позиций на Европейском континенте. Если традиционная ценность Западной Германии определялась ее геостратегическими позициями, экономическим и военным потенциалом, опытом ведения операций на Востоке, то теперь наряду с перечисленными соображениями все большее значение придается ее возможностям в западноевропейском центре межимпериалистического соперничества в преддверии неизбежной перестройки отношений между ведущими «центрами силы».

Впрочем, в правящих кругах США имеют хождение различные оценки роли ФРГ в современном мире, равно как и целей

¹ Department of State Bulletin. February 1984. P. 10.

² Ibidem.

американской политики в отношении Западной Германии. Некоторые политические деятели, исходящие из того, что интересам капитализма как системы отвечает укрепление всех его звеньев и последовательное развитие отношений между ними, основанных на большей ответственности и роли новых центров, считают, что ФРГ сможет снять с Вашингтона часть финансового и политического бремени и оказать полезное для США воздействие на западноевропейский интеграционный процесс, исключить его развитие по автономному пути. Эти круги допускают возможность развития американо-западногерманских отношений в духе реального партнерства. Другие представители американских влиятельных кругов не склонны доверять ФРГ, подозревают ее в двойной игре, уклоне к нейтрализму и т. п. Они требуют постоянно контролировать политику ФРГ, понуждать ее строго следовать линии Вашингтона в НАТО. В конечном счете речь идет о намерении США превратить Западную Германию в младшего партнера нового типа, американизированного в экономическом, политическом и духовном отношении, и одновременно в опорный пункт военного контроля над Западной Европой.

В основе западной политики Бонна лежит стремление подключить союзников к реализации своей центральной политической задачи — изменить ситуацию, сложившуюся в германских делах после второй мировой войны. Широкое развитие военного сотрудничества с США и НАТО и призвано служить этой цели. Столь явная увязка собственных целей с участием в НАТО способствовала дальнейшему развитию зависимости ФРГ от США, несмотря на то что рост позиций первой в НАТО, казалось бы, должен стимулировать противоположные процессы.

Европа, ставшая в нынешнем столетии ареной двух мировых войн, наиболее кровопролитных и разрушительных, в 70-е годы оказалась и колыбелью разрядки. Сейчас, когда США и их союзники по НАТО форсируют гонку вооружений, используя для этого хорошо наезженную колею американо-западногерманского военно-политического сотрудничества, особенно необходимо помнить о том, что довелось вынести, выстрадать, пережить европейским народам в недавнем прошлом, о тех ранах, которые кровоточат и сегодня.

Советский Союз остается приверженным целям и путям общеевропейского сотрудничества, политике разрядки, делу радикального сокращения (вплоть до полной ликвидации) имеющихся вооружений — как ядерных, так и обычных. СССР рассматривает нормальные, конструктивные взаимоотношения государств континента как мощный заслон на пути к ядерной пропасти.

К КОНСТРУКТИВНОМУ РАЗВИТИЮ

Всесторонняя оценка итогов советско-американской встречи на высшем уровне дана на пресс-конференции М. С. Горбачева в Женеве.

Как известно, договоренность о встрече была достигнута еще в начале лета. Советское руководство, и это понятно, хорошо представляло реальную обстановку и не питало иллюзий относительно исхода переговоров. В это время американская администрация упорно вела курс на конфронтацию, перечеркнула достигнутые в 70-е годы договоренности, в том числе в военной области. Венцом деконструктивных действий стала так называемая «стратегическая оборонная инициатива», или, как ее окрестили, программа «звездных войн», нацеленная на прорыв Соединенных Штатов к военному и технологическому превосходству.

Мы перешагнули через это. Советский вывод был определенным: обстановка слишком опасна, чтобы пренебрегать любым, даже небольшим, шансом ее поправить. Любые подвижки к лучшему отвечали интересам дела, интересам мира.

За несколько месяцев до проведения встречи Советским Союзом были предприняты крупные шаги, рассчитанные на то, чтобы создать благоприятный климат для успеха встречи в верхах. О них вы знаете. Соединенные Штаты не откликнулись на советские инициативы. Более того, демонстративно продолжали испытания ядерных зарядов, противоспутникового оружия, всячески выражали свою непреклонность в том, что касается программы «звездных войн». Но сказанное не означает, что советские инициативы не влияли на умонастроения американских союзников, на общую политическую погоду в мире, они побуждали к размышлениям различные политические круги внутри США.

Принципиальное значение в плане подготовки к встрече имели новые моменты в советско-китайских отношениях. Активом стала интенсификация взаимосвязей с неприсоединившимися

Из выступления на совещании руководителей средств массовой информации в ЦК КПСС 6 декабря 1985 г. Публикуется впервые.

государствами. Оправдало себя оживление диалога с развитыми капиталистическими странами, прежде всего в Европе.

Понятно, что серьезное значение имели и внутренние процессы, развивающиеся в советском обществе, первые результаты осуществления курса, начатого апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Короче, в Женеву советская делегация прибыла, имея добротные позиции. Мировая общественность смогла увидеть, что Советский Союз готов договариваться, готов к разумным компромиссам на основе принципа равенства.

Понятно, что существовала определенная программа встречи, расписанная по дням и часам, сформирована повестка дня. Но, по существу, сценарий встречи претерпел серьезные изменения. Так, предварительно намечались лишь две сравнительно короткие личные беседы между М. С. Горбачевым и Р. Рейганом. Однако фактически как раз личные беседы между советским и американским руководителями стали стержнем этих двух нелегких женевских дней.

Если говорить в суммированном виде о ходе встречи, то, наверное, правильно будет сказать так: она была напряженной, но корректной. Вопросы с советской стороны ставились открыто, прямо, остро.

У встречи есть актив, и актив заметный. Прежде всего, принципиальное совместное заявление, что ядерная война не должна быть развязана. Взаимное обязательство не стремиться к достижению военного превосходства. Заявление ускорить переговоры по ядерным и космическим вооружениям. Безусловно, в актив встречи надо занести общее соглашение об обменах и контактах. Очень важно, что достигнута договоренность продолжить диалог на высшем уровне.

Вместе с тем известно: главного достигнуть не удалось, да и надежд было немного. Практически пока не дали результата попытки найти общий язык по проблемам ограничения гонки вооружений.

Но даже с учетом этого факта результаты Женевы не поддаются какому-то однозначному суждению. Речь скорее идет о сложном политическом процессе. Работа, проделанная в Женеве, создает предпосылки для перелома в развитии как советско-американских, так и международных отношений в целом.

Верно, что ни на одну единицу не стало меньше оружия, ни одна «горячая точка» не погашена, но надежд на более спокойное развитие мировой обстановки стало больше, возникли новые возможности для активного воздействия на ход международных дел. Надо учитывать и то, что американской администрации пришлось пройти очень длинный путь к столу переговоров.

МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ — СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Вторая половина столетия как бы исподволь подготовила наступление новой полосы мирового развития, характеризующейся небывалыми историческими скоростями, динамизмом общественных процессов, колоссально возросшим интеллектуальным и материальным потенциалом человечества и, как следствие всего этого, необходимостью особой ответственности людей планеты за общее будущее.

Мир становится многомернее, взаимосвязаннее, взаимозависимее, приобретает целостные черты.

На качественно другие рубежи выходит мировой социализм. Весомой реальностью — и политически, и экономически — становятся десятки освободившихся государств. Формируется новая военно-стратегическая ситуация в условиях ядерного века. Успехи науки и техники, развитие производительных сил, масштабы глобальных проблем побуждают к новому осмыслению явлений жизни. Через нагромождения воззрений, взглядов, доктрин и предрассудков доядерной эпохи и доэнтээровской ситуации пробивается новое мышление, реалистическое по содержанию и революционное по духу.

Происходят существенные сдвиги в экономике и политике капитализма. Обостряются традиционные противоречия, складываются, открываются новые их группы. Модифицируются механизмы их действия и методы разрешения конфликтов. В мировой капиталистической системе возникли новые переплетения хозяйственных и социально-политических связей глобального, регионального и межрегионального свойства. Сегодня особенно актуальны слова В. И. Ленина, что сумму всех этих изменений «во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты

Статья основана на публикациях в сборнике «Политика и экономика. Международный ежегодник 1985 г.» (М.: Политиздат, 1985) и в журнале «Коммунист». 1986. № 17.

законы этих изменений, показана в главном и основном объективная логика этих изменений и их исторического развития...»¹ Эти слова — лучшая иллюстрация воинствующего антидогматизма самой природы революционной теории, ее способности к анализу и развитию.

Общественные тенденции не проявляют себя прямолинейно и однозначно. Они разноплановы, многовариантны, переплетаются с контртенденциями, богаты ответвлениями и зигзагами, перепадами в темпах развития.

«Последние десятилетия века, — говорил на XXVII съезде партии М. С. Горбачев, — отмечены новыми вспышками *межимпериалистических противоречий*, появлением новых их форм и направлений. Этой группы противоречий капитализма не устранили ни классовая близость, ни заинтересованность в объединении сил, ни военная, экономическая или политическая интеграция, ни научно-техническая революция»².

Жизнь многими примерами подтверждает теоретическую и методологическую ценность ленинского положения о «прогрессе» противоречий капитализма. Их движение происходит одновременно и в количественном и в качественном аспектах, носит неизменно диалектический характер. Капитализму не удалось избавиться ни от одного из тех его противоречий — назовем их традиционными, — которые проанализированы еще классиками марксизма-ленинизма. Не удалось, несмотря на все перемены в уровне развития производительных сил, размах научно-технической революции, на все ухищрения и даже успешные продвижения по ряду направлений в практике государственно-монополистического регулирования.

Формы проявления таких противоречий тоже меняются, и порой весьма существенно. Интересы капитала направлены, в частности, и на то, чтобы попытаться выдать изменения в формах за изменения в сути. Но если сегодня противоречия между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнособственническим присвоением его плодов проявляются внешне во многом иначе, чем несколько десятилетий назад, то суть дела это мало меняет, хотя и влияет на конкретные социальные, политические, общественно-психологические процессы в системе капитализма.

Наряду с видоизменением некоторых традиционных для капитализма противоречий происходит и становление новых. Отметим лишь, что появление новых узлов и групп противоречий связано с процессами двоякого рода.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 192.

С одной стороны, капитализм, развиваясь, усложняясь, переходя на новые ступени своей эволюции, генерирует и более сложные противоречия, отражающие достигнутое социально-экономическое качество. Таковы, например, современные противоречия между центрами империализма и развивающимися государствами — объектами неокOLONиалистского давления.

С другой стороны, к ним близки, но от них и отличны противоречия, порождаемые политикой государственно-монополистического капитализма, попытками господствующего класса как-то снизить остроту противоречий традиционного типа. В определенной степени такие попытки приносят успех. Современный капитализм, например, научился избегать слишком уж катастрофических кризисов перепроизводства, связанных с ними острых и глубоких спадов, от которых так лихорадило капитализм «классический». Амплитуда средних кризисных колебаний ныне существенно ниже той, какая была характерна для капитализма первой трети века, капитализма кануна мирового экономического кризиса 1929—1932 годов.

Но подобные, объективно ограниченные, однако важные для капитализма результаты не приходят сами собой, не даются «бесплатно». Положительные для капитализма моменты на одних направлениях неизбежно компенсируются осложнениями на каких-то других. В частности, за ограничение амплитуды циклических колебаний пришлось платить, как сегодня совершенно очевидно, колоссальным нарастанием совокупной задолженности, обострением противоречий в валютно-финансовой сфере. Точно так же переносом противоречий на более «высокий», труднорегулируемый уровень капитализму приходится расплачиваться за социальную политику и за многое другое.

Все это подтверждает диалектичность общественного развития на всех его направлениях, прежде всего применительно к движущим силам развития — общественным противоречиям. Ничто не может быть дальше от истины, чем представления о противоречиях как о чем-то раз и навсегда данном, застывшем, неизменном. Диалектика здесь — и в крайне сложных взаимосвязях между сущностью явлений и их внешними формами. И в том, что исторически ни то, ни другое не стоит на месте. И в том, наконец, что в проявлениях своих противоречий капитализм тоже, как и во всем другом, не может не испытывать воздействия современного, глубоко изменившегося мира.

В то же время эти исторические перемены усиливают космополитизм буржуазии, подталкивают ее стремление к консолидации, сплочению сил в борьбе против социализма, антикапиталистических и других освободительных движений, побуждают к поискам более гибких, компромиссных форм улаживания своих

разногласий и конфликтов. Четче вырисовывается та объединительная тенденция, которая, как писал Ленин, «вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистского союза самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств»¹. Эта центростремительная тенденция, сильно проявляющая себя на современном витке капиталистического развития, диалектически сочетается с противостоящими ей центробежными силами.

I

В основе процессов, противопоставляющих одних империалистов другим, лежит закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, определяющий его ритм, скорость, скачкообразность, противоречивость. Фон и база неравномерности — нивелировка экономических и научно-технических потенциалов ведущих капиталистических стран, порожденная интернационализацией хозяйства и обобществлением производства. В свою очередь, эта нивелировка открывает возможности для стремительного броска одной или группы капиталистических стран, которые в ходе ускоряющейся по темпам гонки опережают конкурентов. Складывается новая расстановка сил, неизбежное следствие которой — передел сфер экономического господства и политического влияния. Способом такого передела было и остается применение силы: преимущественно военной — в недавнем прошлом; экономической и политической — что типично для противостояния современных империалистических держав и их группировок.

Не утратив своего значения, военное давление приобрело новые формы как часть общей политической стратегии, прежде всего США, которые организуют вспышки милитаристской активности и международной напряженности не только в целях борьбы против социализма, но и для подрыва экономической мощи своих партнеров, их политического значения, для подтягивания союзнической дисциплины в интересах США. «...Для понимания происходящего надо знать, — писал Ленин, — какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это — изменения «чисто» экономические или *внеэкономические* (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма»².

В результате становления социалистической системы, политической и начавшейся экономической деколонизации бывшей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 101—102.

² Там же. Т. 27. С. 373.

колониальной и зависимой периферии сжалась сфера империалистического господства. На такой суженной базе и в обстановке научно-технической революции закон неравномерности развития капитализма действует особенно остро, противоречиво и конвульсивно, создавая питательную среду для постоянных передвижек в балансе сил отдельных финансовых групп, буржуазных государств и их различных сочетаний. Кроме того, эта суженность не является однородной, однозначной. Она получает в современных условиях определенную компенсацию в развитии транснациональных корпораций, что порождает в свою очередь группу новых острых противоречий.

С 60-х годов в сфере межимпериалистических отношений начали вторгаться новые явления. Более частое, чем в других странах, чередование кризисов перепроизводства, контрастные перепады темпов экономического роста, резкое замедление динамики производительности труда причинили ощутимый ущерб экономике Соединенных Штатов, внесли заметные акценты в расстановку сил. Возникло и выдвинулось на первый план соперничество между тремя основными центрами современного империализма. Если 30 лет назад валовой внутренний продукт двенадцати стран, входящих ныне в «Общий рынок», и Японии составлял 81,7 процента американского, то теперь он достиг 136,1 процента. Западная Европа превзошла Соединенные Штаты по объему промышленного производства и превратилась в главный центр международной капиталистической торговли. За последние пять лет она вывезла в 3,7 раза больше товаров и услуг (по стоимости), чем США. Вырвавшаяся на второе место среди капиталистических государств по общеэкономической и в особенности промышленной мощи Япония со своей стороны продолжает сокращать дистанцию, отделяющую ее от США.

К середине 80-х годов экономическое противоборство трех центров империализма вступило в новую полосу. Научно-техническая революция достигла рубежа, за которым уже просматривается новый рывок вперед. Суть его — в ломке старой производственной базы, в объективной необходимости отказа от ряда исчерпавших себя производств, в ускоренном развитии новых отраслей и технологий. Такая ломка, получившая на Западе наименование реиндустриализации, неизбежно выражается в структурных кризисах производства, резком ухудшении условий воспроизводства капитала, мучительных срывах и перебоях хозяйственного механизма, массовой безработице, в частоте и напряжении экономических спазмов, в многоплановых битвах за конкурентоспособность экспортируемых товаров и услуг, схватках за первенство в перспективных, наукоемких индустриальных секторах.

Государства, захватившие первенство в производстве и сбыте той или иной «высокой технологии», приобретают не только соответствующие экономические, но также политические и военно-стратегические преимущества.

Можно сказать, что закон неравномерности экономического и политического развития особенно приметно выражается ныне именно в скачкообразности научно-технической революции, ее порывистости и прерывистости, все ускоряющемся темпе. Прогресс науки и техники, интернационализация научно-технической и экономической жизни создали принципиально новую возможность ускоренного развития одних империалистических государств за счет других, увеличили подвижность межимпериалистических противоречий, амплитуду их колебаний. В капиталистическом мире ведется необъявленная война за научно-техническое, а следовательно, и экономическое преобладание.

В новом свете предстает и соперничество трех империалистических центров-гигантов. В недавнем прошлом главным конкурентным оружием Японии служили приобретение иностранных патентов и лицензий, быстрое промышленное освоение и модификация чужих научно-технических изобретений и технологических процессов. Это позволило стране, потерявшей в войне подавляющую часть своей традиционной индустриальной базы, обходить менее мобильных конкурентов, набирать высокие темпы экономического роста и в итоге вплотную приблизиться по многим показателям к такой могущественной капиталистической державе, как Соединенные Штаты.

Ныне монополистический капитал дальневосточного «силового центра» круто изменил экономическую стратегию, сосредоточив свои усилия на наиболее перспективных магистралях «микроэлектронной революции». На этих направлениях конкурентной гонки Япония уже добилась внушительных результатов. Она превратилась в нетто-экспортера передовой технологии, обеспечила себе определенное превосходство в микроэлектронике, далеко оторвалась от США в производстве роботов, по некоторым направлениям лидирует в таких определяющих лицо будущей экономики отраслях, как новейшие электронно-вычислительные машины и интегральные схемы. Японские правящие круги явно питают амбициозные надежды на превращение страны в лидера научно-технической революции, и не без оснований.

Изменение соотношения сил в треугольнике США — Западная Европа — Япония находит рельефное выражение и в такой важной сфере их экономического соперничества, как международная миграция капитала. Первые два центра уже фактически сравнялись по абсолютным и относительным масштабам иностранных прямых инвестиций. Япония, опередив Швейцарию и догнав ФРГ,

продолжает продвигаться вперед, хотя еще серьезно (в 3—4 раза) отстает от США. Сфера заграничного инвестирования в полном смысле слова стала «улицей с двусторонним движением»: она ведет теперь не только из Соединенных Штатов, но и на их собственную территорию, где иностранный капитал все активнее конкурирует с национальным.

Впервые в истории XX века США стали к началу 80-х годов самыми крупными импортерами производительного и ссудного капиталов. Проникновение зарубежных инвесторов на американский рынок началось, конечно, не вчера. Но оно превратилось в настоящее вторжение, когда в целях борьбы с инфляцией и взвинчивания курса доллара федеральная банковская система Соединенных Штатов решилась пойти на беспрецедентное повышение процентных ставок на ссудный капитал. Ведущие английские, французские и голландские химические концерны, западногерманские и японские автомобильные и электротехнические компании, швейцарские фирмы покрыли США сеть своих производственных филиалов. Произошел двойной процесс — обескровливание экономик других капиталистических государств вследствие бегства инвестиций и перенасыщения американского производства иностранным капиталом.

В целом баланс экономических сил на перспективу складывается не в пользу сохранения прежних привилегированных позиций США. Это подтверждают прогнозы Организации экономического сотрудничества и развития, Гудзоновского института и ряда других прогностических учреждений. По их предположениям, Соединенные Штаты и в начале будущего столетия останутся главной капиталистической державой в военно-политическом плане, но перестанут быть безусловно главенствующим центром мирового капиталистического хозяйства. Считается весьма вероятным, что темпы роста экономики США останутся ниже общемировых, а их глобальные позиции будут постепенно ослабевать.

Все это подтачивает сложившуюся иерархию в системе международных отношений капиталистического мира. Ведущие западноевропейские страны и Япония добиваются большей адекватности их международно-политических позиций своей заметно возросшей хозяйственной силе, формирования новой структуры государственно-монополистического регулирования международных экономических отношений. Американское жесткое руководство становится для них все более обременительным, усиливается стремление к проведению самостоятельной экономической и внешней политики.

Сложившаяся в первые послевоенные десятилетия хозяйственная и политическая гегемония США ныне, бесспорно,

поколеблена. Экономическое, финансовое, технологическое превосходство над ближайшими конкурентами, которым США располагали вплоть до 60-х годов, подверглось серьезному испытанию. На смену моноцентризму в капиталистической экономике и политике идет полицентризм при сохранении военной гегемонии американского империализма с его глобальной системой ядерных баз и оккупационных войск. Межимпериалистические противоречия при этом не могут не обостряться, они приобретают особую напряженность и подчас совершенно новые, не встречавшиеся ранее формы.

Специфика положения заключается и в том, что дальнейшее экономическое укрепление японского и западноевропейского центров тормозится неослабевающим перманентным давлением США на входящие в эти центры страны — давлением, опирающимся на военное присутствие США и на прямую и косвенную военную зависимость этих стран от Вашингтона. Это вынуждает Западную Европу и Японию идти на компромиссы, часто в ущерб собственным интересам, и в то же время заставляет их искать пути более эффективного противостояния американскому экономическому давлению. Вашингтон усиливает и делает все более изощренным экономический и военно-политический нажим на два других империалистических центра, преследуя при этом прежде всего интересы американского государственно-монополистического капитализма.

Все говорит за то, что в борьбу рано или поздно вступят и другие силы. Образуются новые экономические и политические центры соперничества, прежде всего в Тихоокеанском бассейне и Латинской Америке. В ближайшие десятилетия может сложиться иная, чем ныне, конфигурация межимпериалистических противоречий, заявят о себе новые капиталистические «центры силы», например Канада, обладающая огромными экономическими возможностями и уже вошедшая в «семерку» сильнейших капиталистических держав. Ее правящая элита настойчиво ищет пути к укреплению контактов с ЕЭС и странами Тихоокеанского бассейна, пытается диверсифицировать свои хозяйственные и политические связи, нередко отдает предпочтение инвестициям других государств перед американскими. Нельзя отрицать возможность вступления в перспективе в эффективное мировое экономическое и политическое соперничество и других регионов и стран, скажем Австралии, которая может превратиться в начале нового века в еще один полюс экономической мощи капитализма.

Среди последствий, порождаемых действием закона неравномерности в нашу эпоху, — появление достаточно сильных молодых национальных государств — новых индустриализирующих

ся стран, представляющих собой одновременно и объект, и субъект экономической экспансии. Они, как, например, Бразилия, Аргентина, Мексика, располагают собственными монополистическими группами, способными в отдельных случаях вступать в борьбу со «старыми» промышленными империями. Эти страны тягостятся своей экономической зависимостью, стремятся вырваться из нее, добиться более равноправного и независимого положения в мировом хозяйстве. В свою очередь, основные «силовые центры» империализма ищут поддержки некоторых развивающихся стран, идут с ними на сближение, на сотрудничество, пытаются вовлечь их в свой экономический ареал. В этой связи обоснованно можно говорить о формировании новых обширных региональных экономических зон. Судя по всему, Япония усилит нажим на страны Океании и Юго-Восточной Азии, западноевропейский субконтинент активизирует экономическую деятельность в Африке, США предпримут все возможное для укрепления своей неокOLONиальной зоны в Латинской Америке.

Следует полагать, что в исторически обозримой перспективе центробежная тенденция — к росту межимпериалистических противоречий, дальнейшему расщеплению моноцентристского капиталистического мира послевоенных десятилетий — будет активнее противостоять центростремительным силам. В основе этого противоречия — стремление к новому переделу сфер экономического и политического влияния, попытки расставить все, говоря словами Ленина, «по капиталу», «по силе» в данном случае, по вызревающему новому соотношению сил.

II

Несмотря на понижение удельного веса в мировом капиталистическом хозяйстве, США все еще остаются его крупнейшей экономической силой. По объему валового внутреннего продукта в расчете на душу населения они еще совсем недавно почти в 2 раза опережали Западную Европу и Японию. Осуществляя перевод капиталистического производства, систем управления и быта на новую техническую базу, они сохраняют ведущее место и в разработке и производстве ряда видов новейшей техники и технологии, включая некоторые типы ЭВМ, персональные компьютеры, биоиндустрию и ее важнейшее направление, связанное с применением генной инженерии, что способствует поддержанию господства США на мировых рынках наукоемкой, сложной продукции, а также в научно-технических знаниях. США по-прежнему выступают как крупнейший экспортер капитала и продовольствия, как фактический военно-промышленный гегемон в системе империалистических государств.

Относительное ослабление мировых позиций американского экономического центра протекает отнюдь не быстро и не прямолинейно. Оно сопровождается поворотами, зигзагами, попятными движениями. Так, после мирового экономического кризиса 1974—1975 годов доли США в валовом продукте и промышленном производстве капиталистического мира несколько возросли, а к началу 80-х годов вернулись к уровню десятилетней давности. Аналогичные тенденции можно наблюдать и после кризиса 1980—1981 годов.

Подобные колебания и повороты вызывались рядом факторов. Прежде всего, замедлился рост производства в Японии и Западной Европе. Усилившиеся катаклизмы в западноевропейском центре, который в отличие от двух других внутренне разобщен на конкурирующие группировки и государства, застопорили процесс его консолидации, вызвали замедление темпов интеграционной активности. Оказавшись в последние годы в эпицентре циклических и структурных потрясений капиталистического мира, Соединенные Штаты сделали все возможное, чтобы поглубже втянуть в экономические неурядицы и своих партнеров. Значительный выигрыш получили США и от более позднего выхода стран Европейского экономического сообщества из фазы кризиса.

Вполне естественно, что в обстановке участвовавших мировых экономических кризисов борьба между основными центрами и государствами приобрела новые упорство и жесткость. В условиях товарного перепроизводства каждый из конкурентов стремится, по словам К. Маркса, отделаться возможно меньшими потерями, что и определяет нынешнее усиление экономического национализма.

Сильнее других возрос националистический эгоизм американского капитализма, который повел наступление на позиции даже самых приближенных из своих союзников в кредитной и валютной сферах. Валютная политика стала важнейшим компонентом глобальной стратегии США, направленной на укрепление их позиций как в системе основных центров государственно-монополистического капитализма, так и в развивающемся мире. Манипулирование процентными ставками и курсом своей валюты правящие круги США используют в качестве наиболее впечатляющего средства «демонстрации мускулов» на внешнеэкономической арене.

На протяжении последних лет и вплоть до недавнего времени США сохраняли более высокий, чем в других странах, уровень ссудного процента. В результате за последние четыре года иностранные вклады в американские банки увеличились вдвое, превысив к концу 1985 года 354 миллиарда долларов.

Фактически Соединенные Штаты, искусственно взвинтив процентные ставки и сделав доллар «сверхсильным», вынудили своих капиталистических партнеров, прежде всего западноевропейские страны, финансировать структурную перестройку американской экономики, оплачивать солидную часть военных расходов Пентагона, заделывать бреши в федеральном бюджете, торговом и платежном балансах США. Когда же начиная с 1985 года была понижена ставка ссудного процента, а курс доллара упал по отношению к другим валютам почти на одну треть, Соединенные Штаты извлекли немалую выгоду благодаря возможностям расширения экспорта и повышения конкурентоспособности своей продукции на мировых рынках, массированного валютного демпинга.

Стремясь оградить себя от финансовых неурядиц и потерь, вызываемых изменениями курса доллара, восемь государств «Общего рынка» весной 1979 года основали Европейскую валютную систему. Это была попытка, создав «зону валютной стабильности», открыть новую фазу необъявленной валютной войны против США, а заодно и против Японии. Однако попытка эта не принесла ожидавшихся результатов. Возникшую валютную группировку разъедают противоречия между образующими ее государствами. Какой-либо стабильности тоже не получилось. За семь лет функционирования системы было проведено 14 девальваций ее слабых валют и 20 ревальваций сильных. Евровалюта не стала эффективным противовесом доллару, закрепившему за собой положение главной валюты капиталистического мира. И в самом деле, в американской валюте осуществляется более половины расчетов мировой капиталистической торговли; цена на нефть, в том числе закупаемую Западной Европой и Японией, устанавливается в долларах; долларовая доля в общей сумме международных банковских кредитов достигает 80 процентов; долларовые авуары составляют примерно три четверти всех инвалютных резервов центральных банков капиталистических стран.

Наступление американского доллара и политика завышения процентных ставок самым пагубным образом сказались на экономическом положении освободившихся стран, выступающих в качестве крупнейших международных заемщиков. Их внешняя задолженность перевалила за отметку 1 триллион долларов. Манипулирование учетными ставками приводит к тому, что США ежегодно перекачивают из других стран многие десятки миллиардов долларов. Почти половину из этих сумм составляют выплаты по процентам.

Конфликтный характер развития мирового капиталистического хозяйства усиливают вспышки не только валютных войн, войн

процентных ставок и кредитов, но и войн торговых и таможенных, даже лицензий и стандартов. Широко разрекламированный принцип «либерализации» внешнеэкономической политики оказывается не более чем маскировкой механизма государственно-монополистического протекционизма в старых и особенно новых формах. Протекционистская эпидемия в последние годы распространилась на товарные потоки общей ценой в сотни миллиардов долларов. На службу протекционистским целям поставлен широкий спектр нетарифных барьеров. Особенно возросло значение так называемых добровольных, а в действительности принудительно навязываемых ограничений экспорта.

В свое время за протекционистским барьером, созданным ЕЭС, Западная Европа добилась самообеспеченности зерном и продуктами животноводства, что затормозило аграрную экспансию США. Теперь эти противоречия получают новое развитие. ЕЭС превращается в нетто-экспортера некоторых продуктов сельского хозяйства, конкурируя с Соединенными Штатами на мировом рынке. Страны «Общего рынка» и Европейской ассоциации свободной торговли завершили процесс образования обширной зоны свободной торговли промышленными изделиями. Ныне американский империализм пытается прорубить новые бреши в фортификационном сооружении, каким стала высокая таможенная стена, отгородившая западноевропейский рынок от остального мира. Торгово-экономическая борьба на мировом рынке ведется при усиливающейся опоре на мощь отечественных государственно-монополистических капитализмов.

Американский капитализм все шире и настойчивее прибегает к попыткам затруднить и замедлить развитие экономики своих соперников неэкономическими методами под предлогом политического и военно-стратегического характера. Используются наращивание бремени военных расходов, прямое манипулирование внешнеэкономическими связями партнеров якобы в целях интересов безопасности Запада и его политической солидарности перед лицом советской военной «угрозы» и «наступления» мирового коммунизма. Реализуя новые программы производства ядерного оружия и средств его доставки, создания принципиально новых видов оружия, в Вашингтоне стремятся сохранить, а по возможности и увеличить дистанцию в военно-технической области, отделяющую США от их ближайших союзников-конкурентов и гарантирующую сохранение гегемонии.

Наиболее откровенно этим целям служит провозглашенная Вашингтоном «стратегическая оборонная инициатива». Время выявляет все большее число ее граней, обнажает расчеты, связываемые с этой далеко идущей концепцией. Своим военно-экономическим острием доктрина космического первого удара направ-

лена, безусловно, против СССР. Попутно затруднить, замедлить экономическое развитие нашей страны непомерными расходами на гонку космических вооружений.

Идея, кстати, далеко не новая. Еще в 1947 году те, кто разрабатывал доктрину «сдерживания», рассуждали о том, чтобы «в гигантской мере увеличить напряжение, нагрузки, при которых должна действовать советская система», закладывая этот подход в практические директивы. Несомненно, вынужденные расходы на оборону не могли не сдерживать темпов повышения жизненного уровня народа, не сказаться на решении социальных проблем. Но эта стратегическая линия ударила и по США, она нанесла большой ущерб национальной безопасности страны, утратившей свою неуязвимость. Новизна, пожалуй, лишь в том, что прежние подходы и взгляды без особых размышлений стремятся приложить к новой сфере — космической, полагая, что здесь удастся то, что не получилось в другое время, в других вопросах, по другим направлениям. Как подчеркивается в «Руководстве по обороне на 1984—1988 годы», «надо направить военное соперничество с СССР в новые области и тем самым сделать бессмысленными все предыдущие советские расходы на оборону...».

Время, прошедшее после официального провозглашения СОИ администрацией Рейгана, обнаружило и иные аспекты программы космических вооружений. Это еще и «технологический империализм». Схема американских рассуждений незамысловата: выйти на такой уровень научно-технических разработок и технологии, который позволил бы оставить позади ближайших союзников-конкурентов.

В США, практически не скрывая этого, тоскуют по ситуации первых послевоенных лет, когда разоренные войной Западная Европа и Япония покорно ожидали американских экономических милостей и политических распоряжений. Не вызывает сомнений и другое. Если бы удалось возродить, хотя бы отчасти, положение, существовавшее накануне принятия «плана Маршалла», то американский экономический и военно-политический диктат стал бы, с учетом накопленного с тех пор опыта, куда более требовательным и жестким.

Понимают сегодня в США и другое. Япония и Западная Европа, особенно ФРГ, стали конкурентоспособными прежде всего из-за низкого уровня военных расходов в первые послевоенные десятилетия. Былого не вернешь, но американские требования об увеличении расходов на военные цели преследуют цель исправить просчет тех далеких лет и притормозить слишком быстрый рост конкурентов и их возможности на мировых рынках.

Сознают ли это в столицах капиталистических государств? В какой-то мере да — иначе реакция Запада на СОИ не была бы столь неоднозначной. С одной стороны, неамериканские военно-промышленные корпорации рассчитывают на экономические и технологические выгоды и даже на то, что сумеют обойти американцев в военно-технологической гонке хотя бы по отдельным направлениям. Особенно очевидны расчеты такого рода в ФРГ и Японии. Будущее, и только оно, покажет реальную степень их обоснованности. Но одновременно в Западной Европе и Японии не могут не видеть, не ощущать скрытых в планах СОИ многочисленных опасностей и ловушек, да и характер своего старшего партнера они знают достаточно хорошо. Но пока опасения такого рода заявляют о себе не слишком громко.

Соответственно не может быть и уверенности в том, что Соединенным Штатам не удастся обойти своих партнеров по СОИ — и технологически, и политически. О непоправимых последствиях такого поворота дел можно судить сегодня сугубо замислительно, хотя уже и сейчас является бесспорным, что СОИ замыслена как военно-техническое обеспечение интересов США на очередной спирали мирового развития и научно-технической революции.

Вашингтон, кроме того, не прекращает попыток втянуть страны НАТО в различные региональные конфликты. Взяв курс на обострение конфронтации с СССР, он стремится нанести серьезный хозяйственный ущерб странам ЕЭС и Японии.

Итак, многоцелевая стратегия американцев рассчитана на ослабление конкурентных позиций союзников на мировых рынках и вместе с тем на облегчение собственного военного бремени, которое становится непосильным и для заокеанской державы. В этой сфере противоречий развиваются многозначные процессы.

Администрация Р. Рейгана сумела добиться от западноевропейских стран и Японии введения ограничительных мер в экспорте в СССР передовой технологии, импорте ряда товаров, а также в отношении внешнеторговых кредитов. Но, с другой стороны, новой тенденцией в межимпериалистических отношениях 80-х годов становится все более осязаемое нежелание стран ЕЭС и Японии присоединяться к крупномасштабным акциям, направленным на замораживание и сокращение хозяйственного сотрудничества с социалистическими государствами.

Речь, конечно, не идет о том, что существенно ослабевают многочисленные узы, связывающие эти страны. Тем не менее и здесь растет понимание, что политика Вашингтона создает новые трудности для капиталистического мирового хозяйства — это в сфере экономики и финансов, а в военно-политической

области — опасную непредсказуемость ядерной политики. Закономерно, что в этих условиях курс США, их отдельные акции все чаще сталкиваются с раздражением, несогласием, противодействием и поиском альтернативы.

III

Центробежные силы, как свидетельствует жизнь, ослабляют, но отнюдь не ликвидируют стремление к образованию общего экономического капиталистического союза, естественного и неизбежного для защиты капитала, не знающего отечества. Этот процесс В. И. Ленин называл «основной экономической тенденцией капиталистического строя»¹.

Особенность современных форм центростремительной тенденции проявляется в том, что она разворачивается преимущественно на интеграционной базе. Военные коалиции враждовавших в прошлом мировых империй, по сути дела, оказались вытесненными глобальной тягой транснационального монополистического капитала к объединению сил на антипрогрессивной, антидемократической основе.

Мир, по существу, сталкивается с болезненно-истерической реакцией наиболее воинствующей части монополистической буржуазии на те трудности и противоречия, которые возникают для нее в ходе мирового развития. Живет ностальгия по временам, когда она могла практически безнаказанно вершить судьбами народов. В такой обстановке рождаются иллюзорные надежды на возможность поправить историю, на то, что восстановление утраченных позиций находится-де в пределах возможного и достижимого — достаточно лишь действовать более решительно, энергично, жестко, не останавливаясь перед угрозой применения силы, а главное — сообща.

И все же, несмотря на общность политико-стратегических установок, в конкретных позициях США и их союзников обнаруживаются существенные различия по многим пунктам. Западно-европейские страны НАТО и Япония в силу разных причин (недостаточность собственных природных ресурсов, большая зависимость от внешнеэкономических связей и т. д.) предпочитают ограничивать свои функции в военной области в основном региональным уровнем. Кроме того, они опасаются, что их мирохозяйственные связи могут быть нарушены или ослаблены в результате дальнейшего обострения региональных конфликтов, например на Ближнем и Среднем Востоке, или в условиях общего ухудшения международной политической ситуации.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 328, 329.

Сейчас обозначается качественно новая ситуация в политико-стратегических отношениях этих государств, в расстановке их сил. Вырисовываются две, по всей вероятности, долговременные тенденции. Проводниками одной являются наиболее воинствующие группировки американской буржуазии, примыкающие к ней аналогичные социально-экономические образования в других капиталистических и некоторых развивающихся странах. Сущность этой тенденции — ставка на силовой перелом хода истории, будь то в военных или в иных его формах.

Выражением этой тенденции в *экономической области* стало формирование и развитие в последние два-три десятилетия мощного транснационального промышленного и финансового капитала. Ядро его составляют американские монополии. Созданный ими комплекс заграничных предприятий по своей мощи вдвое-втрое превосходит экономику каждого из ведущих государств Западной Европы. Но дело не только в этом. Транснациональные корпорации, оборот которых превышает валовой национальный продукт десятков отдельно взятых капиталистических государств, превратились в активный инструмент взлома государственного суверенитета этих стран.

В военной области отражением и проявлением этой силовой тенденции стало в тот же период формирование материального потенциала и инфраструктуры того, что можно назвать «совокупной военной мощью», основанной на военно-экономической мощи его метрополии — США и все более активной роли в военных приготовлениях стран НАТО, Японии, Австралии, а также других развитых и развивающихся государств и территорий с проамериканскими режимами (Израиль, Пакистан, ЮАР, Саудовская Аравия, Южная Корея, Тайвань), чьи военные возможности существенно возросли. Наконец, в политической области отражением силовой тенденции стало стремление определенных кругов на Западе, прежде всего в США, отказаться от политики и достижений разрядки, демонтировать их, внедрить милитаризм в качестве неотъемлемой части политического мышления и политической практики.

Если до середины 70-х годов роль союзных с США стран сводилась главным образом к обеспечению наиболее благоприятных условий для использования американцами своей военной мощи и достижения своих политических целей, то сейчас политико-стратегическая картина претерпевает изменения. Рост экономических и военных возможностей союзников, постепенное усиление на этой основе их политического влияния ведут к возникновению своего рода военно-стратегических субцентров, стремящихся играть более заметную роль в обеспечении региональных интересов. Отсюда попытки создать всеобъемлющую систему военно-

политического разделения труда, подкрепленную соответствующими материальным потенциалом и практикой координации военной политики, стандартизацией вооружений, стратегических и тактических установок и даже боевых уставов армий. Излишне подчеркивать, что в формировании подобной структуры США усматривают на перспективу практически единственный, как им представляется, способ сохранения лидерства в капиталистическом мире.

Но есть и другая тенденция. В капиталистической части планеты растет понимание того, что военные решения сложнейших социально-экономических проблем современности лишь кажутся решениями. На деле они не только не являются таковыми, но способны осложнить, в ряде случаев необратимо, противоречия и беды капитализма. Национальные капиталы, разумеется, не прочь отвоевать у США те или иные позиции в ходе соперничества. В том числе и усилить военно-политическую роль своих государств, хотя бы для начала и в рамках, определяемых Вашингтоном. Нет, однако, достаточных оснований утверждать, что такое развитие будет и дальше происходить исключительно под американским контролем. История свидетельствует об ином: всякие подвижки в соотношениях материальных сил и возможностей рано или поздно приводят и к подвижкам в ролях отдельных стран на международной арене.

Действует, и все более заметно, и другой существенный фактор. Не только прогрессивные силы, но и многие буржуазные деятели, группы, движения отдают себе отчет в том, что военно-промышленный комплекс уже давно превратился в один из мощнейших стимуляторов обострения, осложнения практически всех свойственных капитализму противоречий — и внутристрановых, и интернациональных. Дело не только в том, что гонка вооружений съедает ресурсы, которые могли бы быть направлены на цели ослабления, приглушения социально-экономических противоречий. Сам милитаризм как явление имеет своим неизбежным следствием обострение конфликтов интересов, замыкает политическое мышление на силовые методы их разрешения.

Требуя постоянной и всерастущей гигантской материальной подпитки, навязывая другим, вопреки их воле и интересам, чужеродную политику, милитаризм в долговременном плане способен только разрушать — и в прямом и в переносном смысле, — но никак не создавать. В этом отношении весьма показательны, что ни один фашистский режим, основанный на милитаризме, не выдерживал испытания временем, даже если ночь деспотизма в той или иной стране оказывалась долгой. Под тяжестью созданных и многократно усиленных милитаризмом проблем рухнули фашизм испанский и португальский, греческий и аргентинский,

бразильский и филиппинский и другие. Сегодня даже на Западе мало кто сомневается, что такая же судьба ждет диктаторские режимы и в других странах. Над этим явлением, его внутренним смыслом и значением следует задуматься тем, кто раскрывает двери для милитаризма в своих странах.

Сама жизнь убеждает в том, что никакие меры по стимулированию центростремительной тенденции не способны устранить традиционные и новые формы противоречий. Попытки создания руководящего центра и координационного механизма согласования стратегии на всех направлениях не оказываются эффективными. Разъедающие и дестабилизирующие противоречия продолжают наращивать эффект центробежного характера.

Динамизм внешней политики СССР после апрельского Пленума ЦК КПСС, ее устремленность на избавление человечества от бремени бессмысленной, опасной и дорогостоящей гонки вооружений еще больше высветили, между прочим, глубину современных межимпериалистических противоречий. Эта проблема никогда не была «вещью в себе». В наше время — тем более. Их острота, формы выражения, возможности преодоления самым непосредственным образом связаны с ответами капитализма на ключевые вопросы современности — предотвращение ядерной войны, решение глобальных проблем.

Если в прошлом пик противоречий и главную форму их разрешения составляли войны, в том числе мировые, то в наше время значительного сужения ареала действия закона неравномерности экономического и политического развития капитализма положение радикально изменилось.

История нередко идет вперед через парадоксы. Один из них в том, что образование мирового социализма, процессы социального освобождения уже давно поставили милитаризм в положение, когда он не может, как прежде, заниматься в первую очередь и исключительно военным дележом добычи. Вынужденный переход империализма к мирным формам смягчения, временного преодоления собственных противоречий — одно из многочисленных последствий социальных сдвигов века, начатых в октябре 1917 года.

На очереди неизмеримо более сложная задача: избавить мир от угрозы ядерной катастрофы. Фатальной неизбежности мировой войны нет. Однако предопределенности мира тоже не существует, поскольку в распоряжении сил войны находятся огромные средства разрушения. Путь, ведущих к катастрофе, к сожалению, много. Путь к выживанию рода людского только один.

РАЗУМНЫ ПОМЫСЛЫ — ХОРОШИ ПОСТУПКИ

Между СССР и Испанией нет общих границ — ни сухопутных, ни морских. Их разделяют несколько тысяч километров, территории многих европейских стран. И тем не менее — и в этом известная загадка истории — русский и испанский народы всегда были близки друг другу — близки своим гордым характером, широтой души, открытостью и искренностью, неприятием лжи, лицемерия, вероломства. В години суровых испытаний наши народы не раз протягивали друг другу руку солидарности. Не будем гадать, в чем причины, где корни этого феномена. Наша задача — задача парламентариев, как мы ее видим, в другом — содействовать тому, чтобы это взаимное тяготение советского и испанского народов материализовать в расширении двусторонних связей, сотрудничестве на международной арене.

Советский Союз и Испания принадлежат к различным общественным системам и военно-политическим союзам. Но это, на наш взгляд, не должно служить препятствием для конструктивного диалога, взаимовыгодного сотрудничества, сотворчества в поиске путей к существенному улучшению международного климата.

В Советском Союзе набирает силу чрезвычайно важный исторический процесс. Мы называем его перестройкой, которая по своей сути является революционным преобразованием всех сторон жизни и деятельности общества. Главный замысел состоит в том, чтобы ускорить социально-экономическое развитие страны, максимально раскрыть потенциал социализма, широко демократизировать общественную жизнь через включение усилий всего народа. Мы хотим всемерно развивать демократический социализм и социалистическое народовластие.

Реализация этих целей требует мира. Предсказуемость, мирная, конструктивная направленность внешней политики особенно

Из выступления на встрече с членами президиума конгресса депутатов Испании. Мадрид. 9 марта 1987 г.

важны в нынешней взрывоопасной международной обстановке. Ясно, что мир стал слишком хрупким для войн и силовой политики. Гонка вооружений, стремление к военному превосходству не могут принести дивидендов — ни политических, ни материальных, ни тем более моральных. Надежды получить преимущества от переноса гонки вооружений в космос, от фантастических «звездных войн» не только беспочвенны, но и опасны. Поистине прав был великий Ф. Гойя — «фантазия, лишенная разума, производит чудовищ».

Сегодня над всем доминируют противоречия: между войной и миром, существованием и небытием человечества, богатством и нищетой. Нет оснований отрицать и глубокие противоречия между капитализмом и социализмом. Они были, есть и будут.

Но реальности ядерной эры неизбежно приводят к выводам, которые заставляют пересмотреть многое из того, что раньше казалось аксиомой. После Хиросимы и Нагасаки война перестала быть продолжением политики другими средствами, а род людской лишился ощущения своего бессмертия. Ядерное пламя сожжет и социалистов, и консерваторов, и праведников, и грешников. Ядерно-космическая эпоха с беспощадным драматизмом подтверждает, что единственный выход — в мирном сосуществовании, мирном соревновании социальных систем, государств, народов.

Мы, в Советском Союзе, выстрадали новое мышление. Вершиной, с которой все народы планеты смогли увидеть контуры безъядерного мира, стала советско-американская встреча в исландской столице. Рейкьявик — это «момент истины», «лакусовая бумажка», которая выявила позиции каждой из сторон. Но сегодня не хотелось бы говорить о правых и виноватых. Историческая заслуга Рейкьявика в том, что он необратимым образом изменил характер и суть дебатов о будущем мире. Впервые перед человечеством приоткрылась величайшая перспектива к безъядерному миру. Возврата к прошлому быть не может. Напротив, с рубежей Рейкьявика надо идти дальше. Необходимо учиться жить вместе на нашей многострадальной, но прекрасной Земле.

Советский Союз сделает для этого все от него зависящее. Он уже внес свой вклад — предложения о ликвидации ядерного оружия к 2000 году, создании всеобъемлющей системы международной безопасности, готов отказаться от своего статуса ядерной державы, сократить до предела разумной достаточности все вооружения.

Возможности плодотворного, взаимовыгодного сотрудничества государств, принадлежащих к различным социально-политическим системам, особенно широко и наглядно проявились в

Европе. Этот континент стал как бы полигоном разрядки. Она дала здесь хорошие всходы, вошла в сознание европейцев. Мы убеждены: исторический шанс Европы, ее будущее — в мирном сотрудничестве государств континента, в использовании, развитии и обогащении опыта разрядки. Но практический вклад в построение такого будущего должны внести все европейские страны. Ни у кого нет сегодня морального права занимать позицию стороннего наблюдателя.

Хорошим примером конструктивного взаимодействия является успешное завершение стокгольмской конференции. Мы считаем, что позитивные результаты, достигнутые в Стокгольме, необходимо развивать в Вене. Общеευропейский процесс нуждается в новом импульсе, новой динамике. Это, на наш взгляд, станет возможным, если все страны, представленные на встрече, проникнутся пониманием необходимости достижения взаимно устраивающих договоренностей по всем основным параметрам, очерченным Заключительным актом Хельсинки, — политическим, внешнеэкономическим, гуманитарным.

Известный испанский писатель Б. Грасиан писал: «Поступки — плоды помыслов. Были разумны помыслы — будут хороши поступки». Надеемся, что здравый смысл, чувство реальности возобладают, и Венская встреча, успеху которой Советский Союз намерен активно содействовать, станет добрым примером плодотворности нового мышления в делах Европы и всего мирового сообщества.

Совсем недавно в СССР и Испании торжественно отметили 10-ю годовщину установления дипломатических отношений между двумя странами. Визит нашей делегации как бы открывает второе десятилетие советско-испанского сотрудничества. СССР — за широкое взаимодействие с Испанией во всех международных делах, за их развитие в самых различных областях на благо советского и испанского народов, в интересах мира, разрядки и сотрудничества.

ГЛАВНОЕ — ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ

Путь апрельского Пленума далеко не прост. Он скорее тернист, хотя и обусловлен временем, его закономерными требованиями. Труден и тернист потому, что общество в силу причин объективного и субъективного характера накопило непомерную массу инерции, консерватизма, социальной апатии и общественного равнодушия.

Подобного рода явления — мелкобуржуазные по своему содержанию — глубоко проросли в корневую систему жизни, стимулировав нарастание политической безответственности; экономической бесхозяйственности; бюрократизма как формы, имитирующей движение жизни и маскирующей ее застой; мещанского потребительства, разъедающего, словно кислота, живой организм; разрыва слова и дела, порождающего неверие, цинизм, взаимопрощеньческую психологию.

Заражение, конечно, не абсолютное и всепоглощающее, но избавление от груза такого сознания и поведения проходит трудно и неравномерно, если говорить о тех или иных регионах или сферах деятельности.

Мы говорим сегодня: главное впереди. И это реалистическая оценка. Впереди громада дел по претворению в жизнь политической, социально-экономической и духовной платформы, выработанной XXVII съездом КПСС. Впереди — повседневная, будничная, кропотливая работа, которая потребует огромных усилий, самоотверженности, убежденности и самодисциплины, инициативы и упорства, ответственности и профессионализма.

Но столь же верно и другое. За истекшие два года все мы стали другими. Что еще вчера казалось невероятным, сегодня является нормой жизни и поведения. Решаются проблемы, которые считались несбыточными. Наш общий дом становится чище и светлее. Люди все отчетливее понимают, сколь радикальными, глубокими должны быть меры по перестройке.

Из выступления на пленуме ЦК КП Таджикистана. Душанбе. 7 апреля 1987 г.

Особое место в нашей жизни занимает январский (1987 г.) Пленум ЦК. Его решения, его атмосфера, его дух — принципиальный, бескомпромиссный — заставляют по-новому взглянуть на практическую работу. Пленумом определены пути углубления демократизации общественной жизни, являющейся ключом к успеху целостной программы качественных, революционных перемен в обществе. От того, как страна пройдет этап политических преобразований, во многом будет зависеть ход перестройки, ее качество.

Перестройка требует не только упорного труда, но и времени. Торопливость тут вредна, но и бесконечно раскачиваться — дело гиблое. Это надо всем хорошенько прочувствовать, проникнуться спасительным чувством неудовлетворенности сделанным. Принятые решения продвигаются в жизнь пока медленно, порой трансформируются на местах, в отраслях народного хозяйства таким образом, чтобы все оставалось так, как было, как легче, как привычнее. Перестройка сплошь и рядом подменяется перепиской, гудки громкие, а колеса буксуют.

Немалые усилия в экономике, социальной сфере, демократизации политической жизни очень часто разбиваются о волнорезы инерции, косности, безответственности и равнодушия. Немалое число работников действует методами, которые способны лишь консервировать застой, реанимировать умирающий механизм, вызывать законное раздражение людей. Особенно настораживают те кадры, которые на словах знают, усвоили программные установки перестройки, а на деле мало что делают, чтобы изменить методы руководства, отказаться от привычных штампов в работе, продолжают удерживать позиции застоя.

Будем смотреть правде в глаза: если допустить сейчас ослабленность, сомнения, удовлетвориться достигнутым, не прибавить в работе, это значит сорвать планы, дать шанс тем силам, которые не хотят перемен, видят в перестройке угрозу своим личным интересам, это значит затормозить великое дело революционного обновления страны.

1. В ЧЕМ ГВОЗДЬ МОМЕНТА?

Принципиальная установка, сформулированная на январском Пленуме: центр тяжести всех усилий — и партии, и народа — перенести на реализацию задуманного, на достижение конкретных, ощутимых, видных всем результатов. Это касается и экономической, и социальной, и духовной сфер. В принципиальном плане программа действий ясна. Теперь — практическая работа и еще раз работа.

Как говорил в свое время В. И. Ленин, «*полоса пропаганды декретами*» прошла. Массы поймут и оценят **лишь** деловую практическую работу, *практический успех* в хозяйственной и культурной работе»¹. Больше целеустремленности, деловой озабоченности, больше энергии, упрямства в лучшем смысле, твердости в выполнении намеченного. Не застрять на полпути, не ограничиться полумерами, не утонуть в текучке, не завязнуть в трясине незавершенных дел — вот что архиважно, причем сегодня, а не завтра. Любое дело, отложенное на завтра, лишь удвоит трудности.

Но при этом, как ни велико искушение форсировать события, решить немедленно как можно больше проблем, необходимо трезво соразмерять силы, ибо опыт учит: ничто так не дискредитирует политику, как разрыв слова и дела; ничто столь пагубно не влияет на социальное самочувствие людей, как несбывшиеся надежды.

Но ничто так не способно и подорвать перестройку, как искусственное торможение ее процессов, как медлительность и раскачка.

Порода обещалкиных и глухарей, любителей пустопорожних разговоров еще живет. Разрыв между словом и делом продолжает существовать. Провозглашены, к примеру, разнообразные меры по расширению прав предприятий, но мелочная опека, планирование не по конечным, а по промежуточным результатам продолжают продолжаться. Поставлена задача обновления, реорганизации аппарата центральных ведомств, однако дело это практически не сдвинулось с места. Много решений принято о сломе остаточного принципа выделения средств и ресурсов в социальной сфере, а он по-прежнему здравствует, да еще победно ухмыляется. Наступило время, которое обязывает партию, коммунистов-руководителей овладевать политическими методами деятельности, но до сих пор многие партийные комитеты остаются диспетчерскими пунктами, административными толкачами по хозяйственным вопросам.

В чем же дело? В общей форме пути решения проблем, кажется, ясны. Это всемерное развитие критики и самокритики, усиление гласности и контроля снизу, укрепление коллективности руководства, повышение ответственности и дисциплины, утверждение в каждой организации норм и уз партийного товарищества. Это, наконец, абсолютно неотложная и глубокая демократизация партийной и общественной жизни, создание гибкого, отзывчивого на изменения в партии и вне ее механизма, который гарантировал бы партийные организации

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 417—418.

от комплекса непогрешимости, зазнайства, от нарушений ленинских норм партийной жизни.

Почему же тогда остается разрыв между революционными замыслами и консервативными, тормозящими действиями на разных уровнях власти? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

Надежды советских людей велики. Стремление очиститься от коросты прошлого очевидно. За два года после апрельского Пленума ЦК достигнута важнейшая политическая и нравственная цель: в стране создана атмосфера, в которой жизнь общества в значительной мере определяют убежденные сторонники перестройки. Стратегическая линия на революционное оздоровление объединяет их усилия на главных направлениях этого процесса.

Но ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось, говоря словами В. И. Ленина, «...без грязной пены, — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» братья за 20 дел и ни одного не доводить до конца»¹.

Сегодня речь идет о действительно глубоком и могучем народном движении. В то же время продолжает действовать уходящий корнями в прошлое *социально-экономический механизм торможения*, сдерживания прогрессивных преобразований. Бесспорно, что тянут назад те, кто привык к старому, спокойному, а точнее — застоному образу жизни, кто приучился смотреть на государство как на богатого филантропа, который отпускает блага чуть ли не автоматически, независимо от трудового вклада. Подобного рода *иждивенческий социализм* во многом деформировал общественное развитие. Тянут назад и те, кто боится, что у них будет меньше власти и каких-то льгот, меньше прав и больше обязанностей.

Видите, как получается. Стоило впервые за долгие годы, а кое с кого, наверное, впервые в жизни потребовать ответственности за служебные и общественные действия, как у них появился озноб в это горячее время. Элементарные требования показали чуть ли не оскорбительными. Причем негативная реакция исходит не только от руководителей разных рангов, но и от той части рядовых работников, которые привыкли жить за счет «выводиловки», трудиться кое-как. А сколько у нас еще бездельников, бракоделов, нарушителей трудовой и производственной дисциплины — это тоже тормоза перестройки.

Но наиболее существенное, что больше всего тормозит дело сегодня, — боязнь некоторых руководителей демократического

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 193.

процесса в стране. Они под разными предлогами стараются не допустить людей к реальному участию в управлении производством, культурой, социальной сферой.

2. ДЕМОКРАТИЯ — МОТОР ПЕРЕСТРОЙКИ

Решение этой задачи сегодня — самая жгучая общественная потребность. Именно развитие демократии определяет в решающей степени темпы, масштабы и глубину преобразований. В развитии и утверждении демократических начал нуждается все общество, и прежде всего его политический авангард. Речь идет о том, что заложенные В. И. Лениным основы и принципы власти Советов — самой демократичной среди всех существующих общественно-политических систем — обретают сегодня свою первородную суть, решительно освобождаясь от всякого рода бюрократических наслоений и деформаций.

Подлинная демократия немыслима без развития реального народовластия, без развития настоящего контроля со стороны масс, без гласности в деятельности всего аппарата государственного и общественного управления, без постоянного критического переосмысления хода дел в обществе, без настойчивого продвижения к высшей форме дисциплины — самодисциплине, когда закон и общественная ответственность становятся привычкой, повседневной нормой поведения индивидуума.

Социалистическая демократия, если она функционирует на здоровой основе, помогает избежать ошибок, а если они допущены, то с наименьшими издержками исправлять их; до предела суживает возможности маневрирования и самой деятельности своего антипода — бюрократизма; является формой разрешения возникающих в обществе противоречий, причем цивилизованными средствами. Разумеется, она защищает себя от подрывного экстремизма внутри страны и враждебной активности из-за рубежа, оберегая тем самым интересы народа и революции.

Учиться демократии необходимо каждому. Любой руководитель обязан помнить, что административный окрик, распушенность, упоение властью, чиновничье чванство противостоят самой сути социалистического общежития. *Авторитет власти эфемерен, неустойчив, всегда нуждается в костылях искусственного принуждения. Только власть авторитета социалистична, эффективна, имеет моральное право быть требовательной.*

Советский работник должен усвоить, что все функции, которые он исполняет, делегированы ему народом и не может быть ничего такого, что бы ставило работника Советов над людьми. Своеволие и бюрократизм противопоказаны советскому образу правления. Не люди для аппарата чинуш, а советский аппарат

для людей. По самой своей демократической природе Совет — это институт, куда человек идет со всеми своими нуждами, болями, тревогами и радостями.

Партийный работник — совесть людей, и нет более страшной беды для партии, когда ее функционеры теряют эту совесть, злоупотребляют властью, морально деградируют. Нет более тяжелой боли, когда честные люди видят, как отдельные перерожденцы, упиваясь властью и насилуя народное доверие, бесстыдно топчут авторитет партии. Прощения подобным людям быть не может.

Партийный работник обязан быть в авангарде демократической перестройки еще и потому, что нет более надежного пути дальнейшего укрепления авторитета партии, чем развитие демократии, равно как и нет прочнее барьера против мелкобуржуазного перерождения, чем гласность, критика, контроль народа.

Развитие социалистического демократизма — это не только оздоровление моральной атмосферы в коллективе, очеловечивание отношений, возвышение личности, но и укрепление дисциплины, ответственности за все дела коллектива и общества.

К сожалению, за долгие годы укоренилась этакая чванливая психология: у руководителя и рядового работника разные уровни гражданских прав; действия вышестоящих нижестоящими не обсуждаются; ежели ты начальник, то, значит, во взаимоотношениях с подчиненными всегда прав и, конечно, умнее.

Заблуждение очевидное, но еще и вредное. Чуждое социализму явление. При господстве административного стиля управления сформировался и такой тип руководителя, который насаждает обстановку безропотного исполнения приказов, покорной дисциплины, игнорирования инициативы и мнения людей. Нынешний аппарат управления привык почитать себя единственным выразителем общегосударственного интереса, а любые попытки передать часть своих функций трудовым коллективам считает чуть ли не посягательством на святая святых. Ему и в голову не приходит мысль, что подобный подход к управлению экономикой и социальной сферой уже создал немало тупиковых ситуаций, нанес невосполнимый урон обществу, да и с социализмом ничего общего не имеет.

Многие обюрократившиеся «люди при должности» не хотят расстаться с привычным образом мыслей и действий, страшатся возрастающих нагрузок в связи с изменением задач и роли аппарата управления. Будучи не в состоянии овладеть реальными экономическими рычагами власти, они продолжают уповать на силу административного давления, а не разума. Бездеятельная инерционность в прошлом породила их агрессивность сегодня, ибо закостенелый консерватизм соответствует их интересам, а любое движение вперед ломает привычную жизнь. *Подобный*

казарменный взгляд на общество должен быть сломан и будет сломан.

Конечно, привыкать работать в условиях демократии — не просто. Куда проще поговорить о ней в докладах и лекциях, порассуждать за праздничным столом или использовать эту тему в выступлениях для утверждения себя в качестве широко мыслящей личности. Гораздо сложнее честно следовать требованиям демократии.

Сошлося на одно наблюдение. Несколько лет назад некоторые представители нашей художественной интеллигенции довольно настойчиво говорили о необходимости развивать демократию, гласность, критику. Но вот все это пришло, и оказалось, что многие не готовы к такому повороту дел. Когда запретные имена перестали быть запретными для критики, то для некоторых художников, писателей, актеров, композиторов она оказалась невыносимо горькой и породила паническое восприятие происходящего, а замечания по конкретному адресу воспринимаются как низвержение чуть ли не основ общества.

Не обошлось и без заметного всплеска амбиций со стороны якобы недооцененных прежде талантов, нетерпимость которых затмевает разум, а неумный гнев направлен лишь на одно: ниспровергнуть авторитеты. Этика оказывается обременительной, верх берет мещанская психология групповщины и эгоизма.

Приходится сожалеть, что за всем этим мало святой заботы о деле, видится эгоистическое лелеяние личных интересов и тщеславий, далеких от судеб науки, искусства, литературы. Не состязание самолюбий, а соревнование талантов определяет отношение деятелей науки и культуры к перестройке.

Жить и работать в условиях демократии — значит порвать с отброшенными временем стереотипами. Иначе нельзя. Вдумчивая переоценка ценностей, дискуссии, поиск — все это предполагает борьбу мнений. Надо усваивать демократический образ мысли и действий, который только и позволяет относиться к людям с иной точкой зрения как к достойным оппонентам, заинтересованным союзникам в борьбе за перестройку. Пусть тот, кто не прав, убедится, что его позиция не принята по гласным, доказательным основаниям, а не вследствие запрета.

Запрещать — значит увеличивать число верующих в запрещенное. Можно принудить к молчанию, но думать не запрещать. Молчание всегда взрывоопасно. Необходимо работать так, чтобы преимущества идеалов и принципов выявлялись самой жизнью, чтобы массы принимали их разумом и душой. Тогда и достойные нравственные принципы будут овладевать глубинами сознания на естественной основе.

Не глушить, а всемерно поощрять полемический, дискуссионный характер партийных и рабочих собраний, выступлений в печати, лекций, занятий. И тем самым включать людей в новую социальную и политическую практику, воспитывать культуру критики, культуру споров и дискуссий, которые должны быть доказательными, компетентными. И демократичными: ни у кого нет и не может быть монополии на истину. Здоровой критике противопоставлено зашумительство, она и не средство сведения счетов. Важна тут и тональность. Нам порой не хватает рассудительности, терпения, уважительности. *Быть терпимее — значит быть принципиальнее и сильнее.*

Подобные требования к критике — путь к ее расширению и углублению, повышению ее действенности и эффективности. Нужно и дальше насыщать атмосферу нашей жизни кислородом открытости и гласности.

Хотел бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Иным присуща сегодня своеобразная раздвоенность сознания. Приветствуя на словах принципиальные оценки ситуации в стране, некоторые партийные, советские, хозяйственные руководители не спешат применить эту же взыскательность к оценке собственного труда. Рассуждают примерно так.

Застой, косность, инертность — это не в нашем коллективе.

Низкие темпы, плохое качество продукции — не по нашей вине.

Новые критерии, необходимость прорыва вперед, повышения конкурентоспособности товаров — для этого нет пока условий.

Самоуправление, народовластие, реальный демократизм — люди еще не готовы взять ответственность на себя, приходится решать за них.

Коррупция, взяточничество, кумовство, протекционизм — это где-то там, далеко, а для нас нетипично.

Все мы — дети своего времени, и на всех висит груз старых привычек, сложившейся системы отношений и образования. Но это не оправдание, а жесткий призыв времени к перелому в психологии, в образе действий каждого, к отказу от невозвратно уходящего старого.

Необходимы мужество, честность, самокритичность, преодоление упрямого самолюбия, чтобы посмотреть на себя как бы в зеркало нового времени, очиститься от «ракушек» вчерашнего дня.

Худо, когда это не получается, худо вдвойне, когда не получается у людей, облеченных властью. Тут следует искать ответ, почему не иссякают упреки в том, что перестройка на местах пока идет медленно.

3. ЗА СОЦИАЛЬНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ

Подвижки в перестройке очевидны. Но остается немало острейших проблем. И опасно убеждать себя в правильности избранного курса путем подгонки действительности под желаемое или ожидаемое. Только реализм в оценках делает людей зрячими и способными идти вперед.

Еще не созданы условия, чтобы люди заинтересованно работали в полную силу. Надо стимулировать труд и платить по труду. Не изжиты представления, согласно которым социальная справедливость равнозначна уравниловке. Наоборот, социальная справедливость — это прежде всего восстановление социалистического принципа оплаты по труду, чуждого уравниловке. Человек должен без всяких ограничений получать заработанное им. Но требования незаработанного надо пресекать без колебаний.

Перемены в обществе породили огромный массив ожиданий. Люди сохраняют веру, волю, энергию, если увидят реальные результаты, особенно в удовлетворении их насущных потребностей. Нет нужды драматизировать положение, но и нынешние темпы развития социальной сферы не могут быть терпимы. Пренебрежение к соцкультбыту — просчет политический, тормоз развития. Без ежедневной, деятельной, эффективной заботы о людях, условиях их жизни ни экономику не поднять, ни духовную сферу не обновить, ни вперед не продвинуться.

Но сильная социальная политика — не только материальная база здравоохранения и образования, быта и культуры. Сильная социальная политика — это активизация трудовой деятельности человека, формирование оптимальных возможностей для развития и возвышения личности. Она направлена на всестороннюю поддержку работающих честно, инициативно, предприимчиво и одновременно на создание невыносимых условий для тех, кто работает плохо, живет на нетрудовые доходы, разлагает общественную мораль.

У политики перестройки много граней: экономическая, социальная, психологическая, нравственная, культурная. Но, пожалуй, наиболее собирательной является политическая, ибо без убеждения в необходимости курса на обновление качественных сдвигов не достичь. Готовность проявлять инициативу на деле, брать ответственность на себя, отстаивать дело перестройки и драться за него присущи лишь тому человеку, который глубоко верит в справедливость, правильность и жизненность провозглашенных идей. Отсюда и суть перестройки политической работы — укреплять в человеке гражданское достоинство, ощущение личной ответственности за общее дело, начатое в апреле 1985 года.

Необходимо переориентировать все кадры на тесное сопряжение политической работы с решением социальных дел. Новая школа, детский сад, квартира, театр или клуб — вот лучшая аттестация перестройки. Не слова и обещания, а реальные, необходимые человеку результаты. Тогда будет крепнуть и доверие к призывам и обещаниям.

Политика обновления — это правда. Без нее нет перестройки. Хватит заниматься суесловием и пустобрехством. Самая горькая правда лучше самой красивой лжи. Нужны не сказки о лучшей жизни, а мобилизация всех на борьбу за лучшую жизнь. Творить настоящее — только так и создается будущее.

Дорого приходится платить за отступления от ленинских принципов и методов строительства нового общества, за нарушения законности, искажения демократических норм жизни, за волюнтаристские ошибки, за инерцию и консерватизм в практических действиях. И здесь должен верховенствовать принцип правды.

Правда есть правда — тут ни убавить ни прибавить. Да и народ наш настолько мудр, честен и великодушен, что неправдой можно лишь оскорбить его. Цинизм, неверие и равнодушие — законнорожденные дети душеспасительной лжи. Все это надо хорошо понять. Принципы правды и доверия к разуму людей должны глубоко войти в повседневную практику работы в массах. Воспитывать добрые чувства и хороший вкус, трудолюбие и ответственность, гражданственность и порядочность, совесть и дисциплину, ненависть к насилию — вот политическая и нравственная платформа всех, кто посвятил себя делу перестройки.

Трудно переоценить роль истории, которая развивает социальную память народа, учит извлекать уроки из минувшего. Интерес к прошлому ныне велик. Сказывается и возросший духовный уровень людей, и стремление лучше понять истоки интернационального и национального самосознания.

Интерес к судьбе родной земли — прошлой и настоящей, к истории народов конечно же будет и дальше расти, что требует очень внимательного отношения ко всему, что формирует историческое сознание народа. Тут необходима вся правда о прошлом и настоящем. Но правда, а не имитация правды; не безоглядная апологетика, но и не безрассудный нигилизм. Полная правда — и в фактах, и в оценках. Прошлое может возвысить и позвать к подвигу, но прошлое, если оно подается с искаженных позиций, может и жалить, если речь идет о попытках оправдать деятелей, принесших невероятные страдания простому народу во имя тех или иных корыстных интересов.

Особый вопрос перестройки — отношение к художественной интеллигенции, ее творчеству. Общество сегодня с повышенной

чувствительностью отзывается на художественные и публицистические произведения, на идеи и нравственные оценки, заключенные в них. Но что тут продолжает мешать больше всего? Это некомпетентность в оценках, поспешность в суждениях, вкусовщина. По отношению к художественному творчеству мерка «нравится или не нравится» — обывательская мерка. Надо больше доверять художественному чутью, социальной зоркости и здравому смыслу интеллигенции. Она заслужила это огромным трудом по обогащению духовного потенциала социализма, по созданию таких ценностей искусства и литературы, которые делают честь мировой культуре.

Не надо драматизировать ситуацию, когда то или иное произведение вызывает споры. Это хорошо, если новый роман, фильм, пьеса, живописное полотно оказываются предметом дискуссий. Бесспорное и бесконфликтное искусство обречено на скорую смерть. Настоящее искусство живет вечно. Даниэль Дефо за одну из своих статей был привязан к столбу на площади и каждый проходящий мог плюнуть на него, выражая тем самым свое презрение. Книги Дефо живы, а кто без презрения вспоминает о тех «критиках» на площади? Мигель Сервантес был продан в рабство, потерял обе ноги, умер нищим. Но «Дон Кихот» живет и будет жить, а феодалы, преследовавшие его автора, забыты. Верхушка царского общества ненавидела Александра Пушкина, сидели в тюрьме Федор Достоевский и Николай Чернышевский, но мы сегодня чтим их за бесценный вклад в сокровищницу отечественной и мировой культуры. А сколько талантливых писателей, художников, композиторов преследовались в нашей стране, даже погибли! Но пришло время, и советский народ чтит их память, восхищается их произведениями, а вот презрение к преследователям талантов растет.

Эти исторические штрихи я привел лишь для того, чтобы подчеркнуть, насколько осторожно и неспешно надо относиться к оценкам научного и художественного творчества.

Речь не идет, конечно, о серости или поделках «массовой культуры». Они, разумеется, не заслуживают поддержки, ибо несут бескультурие, оскорбляют искусство. Но и здесь окриком ничего не добьешься. Только хорошая музыка, хорошая песня и добротная книга, фильм или произведение живописи могут достойно противостоять вульгарности, вытеснять ее из вкусов и пристрастий, особенно молодежи. Возмущение или простое отрицание тут не помогут.

Необходимость серьезных перемен касается и национальных отношений. Завоевания социализма здесь бесспорны, но достижения сами по себе еще не говорят о беспроблемности этой сферы жизни.

Нельзя, например, не видеть сегодня такой тенденции, как переплетение националистических взглядов с религиозными. Порой у партийных работников возникают вопросы: насколько правомерно включение религиозных организаций в сферу политики, если церковь отделена от государства, а религия является частным делом граждан?

Это сложный вопрос. Дело в том, что отделение церкви от государства не влечет за собой отделения ее от жизни, общества, от политики. Это невозможно. Ее деятельность неизбежно носит общественный характер, поскольку через общение с верующими церковь ориентирует их в жизненных, социальных реальностях. Да и для тысяч работников культа именно церковный институт является выразителем их интересов. Наконец, следует признать, что для части верующих религиозное оформление их представлений об общественном долге, справедливости пока еще служит наиболее доступным способом восприятия социальных ценностей.

Конечно, будет близорукостью не видеть активизации экстремистски настроенных групп служителей культа и верующих, их стремления возбудить религиозный фанатизм, укреплять позиции «критической дистанции» по отношению к власти.

Но взгляды человека, понимание им смысла своей деятельности определяются в конечном счете личным социальным опытом, практическим участием в общественной жизни, в решении задач социально-экономического и культурного строительства. Это в полной мере относится и к верующим. Только воспитание высокой гражданской ответственности, патриотизма, интернационализма, добросовестного отношения к труду расширяет социальный кругозор личности, обогащает ее духовный мир, создает условия перехода на позиции научного мировоззрения.

Коротко о средствах массовой информации. Что тут грех таить: длительный период они играли роль славословящих рупоров, призванных подтверждать «безошибочность» любых решений. Когда же печать, телевидение, радио активно включились в процесс переделки нашей жизни, вот тут и поднялась консервативная волна критики, которая вдруг обнаружила в средствах массовой информации источник многих «зол и несчастий».

Упреки обоснованны, когда речь идет о фактических неточностях, бездоказательных обвинениях, поверхностных суждениях. Но если вникнуть в существо дела, то истоки этих ожесточенных атак в другом. Гласность, критика для тех, кто давно от них отвык, уверовал в свою неприкасаемость, оказались очень болезненными. Послушаешь иного, получается, что если газеты перестанут писать о недостатках, то последние незамедлительно исчезнут. Десятилетиями средства массовой информации были

ласковыми и покладистыми, создавая сладкую иллюзию всеобщей благодати и сплошных успехов. А что было на самом деле? И упаси нас бог от попыток вернуться к прошлому.

Кому же все-таки свет гласности не по нутру? Бюрократу, казнокраду, бездельнику — всем тем, кто не хочет честно жить и трудиться. Впрочем, в Таджикистане еще в 1972 году издана книга «Песни страны певцов», на странице 303 которой читаем:

«Откуда ни грозила б нам опасность, ее намного уменьшает гласность». Эти слова написаны сотни лет назад.

Настораживает и другой вопрос. Если вокруг центральной прессы бушуют страсти, к ней у народа неподдельный интерес, то этого не скажешь о большинстве из восьми тысяч местных газет. В тихой заводи пребывают многие районные газеты и местное радиовещание. А ведь они — зеркало перестройки. Да и в республиканских, областных газетах, в передачах радио и телевидения пока пишут и говорят о реальностях жизни так, как будто во сне мочало жуют. Язык, уровень подачи отталкивают, а не увлекают, не зовут ни в поход, ни на подвиг, ни на труд.

И еще одно замечание. Пресса — трибуна общенародная, она призвана выражать общественное мнение, а не сугубо личные вкусы и пристрастия того или иного автора или редактора. Надо привыкать к разным точкам зрения, в том числе и к тем, которые не совпадают с мнением редактора.

4. ОТНОШЕНИЕ К ПЕРЕСТРОЙКЕ — ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ

Хорошо известно, что в различных регионах страны на разных этажах управления оказалось немало своего рода «удельных князей». И на хозяйственных постах, и в общественных организациях, да и в партийных и советских органах. Людей, привычки которых застыли на опыте 20—30-летней давности.

Ясно, что такого рода деятелям с перестройкой не по пути. Именно они используют свое служебное положение, вес и влияние, профессиональные и политические возможности, чтобы тормозить перестройку, не давая ей прорваться туда, где решается ее судьба, — к самим трудящимся, в трудовые коллективы. Именно они пытаются «дозировать» демократию на местах, сглаживать углы и те повороты, которые им не нравятся. Но тот руководитель, который попирает единые для всей партии нормы поведения, дисциплину, рано или поздно оказывается банкротом, выбрасывается самой жизнью на обочину революционной дороги.

Среди важнейших направлений деятельности в послеапрельский период — моральное оздоровление общества, очищение советского образа жизни от всего, что ему чуждо. В свое время нравственная сфера оказалась одной из самых засоренных. По некоторым позициям нравственного развития мы не только не сумели закрепить бесспорные достижения, но и попятились назад, дав волю мелкобуржуазным проявлениям. Усилилась волна потребительства, преступности, хищений, тунеядства, оказался подорванным деловой и нравственный авторитет власти. В сознании части людей произошла девальвация социалистических ценностей.

У нас, если говорить без обиняков, ослаб вкус и к теории. Некоторые товарищи самонадеянно полагают, что их жизненный и профессиональный опыт, хватка и интуиция позволят и дальше безошибочно ориентироваться в складывающихся обстоятельствах. Напомню ленинские слова о том, что новые задачи нельзя решать старыми методами, надо всегда учиться наново. Здесь нужен решительный поворот, и не школярский, а по существу.

Чем вызвано, скажем, создавшееся положение в социальной сфере? Помимо прочего, еще и сведением принципов социализма лишь к лозунгам в учебниках да докладах, к ошибочным и небезобидным представлениям, согласно которым забота о человеке — не для повседневной деятельности, а, так сказать, для «политики столиц» и пропаганды.

Чем вызвано настороженное отношение к критике, развитию народного самоуправления? Помимо прочего, еще и утопическими представлениями о социализме как бесконфликтном обществе, непониманием принципиальнейшего положения марксистской диалектики, согласно которому всякое развитие является противоречивым и представляет собой разрешение противоречий.

За все это приходится платить. Глубинную связь теоретического и практического, экономического и духовного, политического и нравственного надо сейчас осознать всем кадрам, научиться соединять принципы и видение перспективы с повседневной, будничной, черновой работой.

ПЕРЕСТРОЙКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Если, сравнивая день сегодняшний с теми не столь уж отдаленными апрельскими днями, задать вопрос: что же реально, наиболее ощутимо изменилось за это время? — я бы ответил: прежде всего мы сами. Полнее и точнее видим прошлое, оцениваем настоящее, реалистичнее — будущее. Еще учимся. Но и немало познали, поняли, прочувствовали. Стали мудрее опытом, взрослее, но и моложе чувствами и надеждами.

Многое стало необратимым, хотя и не все. Еще будут промахи, что-то будет сделано не так, кое-что придется переделывать, возможны и разочарования от неудач — жизнь есть жизнь. Но уже не отнять результаты той беспримерной работы коллективного разума и коллективной совести, которая началась два года назад.

Конечно, эта работа далеко не завершена. Более того, она еще в начальной стадии. Но движение мысли, осознание индивидуальной и общественной ответственности за происходящее не остановить.

Перестройка — не отрицание прошлого. Но отрицание того в прошлом, что не можем, не имеем права брать с собой в будущее. И не в силу каких-то субъективных предпочтений или антипатий, а потому, что те или иные завалы прошлого могут тормозить движение вперед, тащить вспять, а то и просто не пускать в завтра. Иными словами, надо *непреренно преодолеть сложившийся механизм торможения социально-экономического развития, который приобрел мощную инерционную силу, уже показавшую свою способность генерировать застой.*

Могут спросить: а не лучше ли не торопить события? Дать поработать времени — оно само разберется, расставит все по своим местам? Рассудит, кто прав, кто виноват. Нет, оставаться на позициях равнодушной созерцательности недопустимо и неразумно.

Из выступления перед идеологическим активом и творческой интеллигенцией Таджикистана. Душанбе. 8 апреля 1987 г.

Недопустимо по многим причинам. Прежде всего потому, что социализм — первое в истории общество, сознательно развивающее себя, совершенствующее свои внутренние связи и отношения. Общество располагает всеми предпосылками для плодотворной созидательной деятельности; принципиально новыми общественно-экономическими основами; научно-техническим и экономическим потенциалом; партией, обладающей всеобъемлющими стабилизирующими возможностями.

Но само по себе все это автоматически двигать страну вперед не станет. Оставить решение новых, нетрадиционных задач на усмотрение времени — не просто обречь себя на стихийность, по собственной воле отказаться от использования имеющихся возможностей, это значит рисковать вернуться к худшим временам прошлого.

Есть и другие причины, по которым уповать на суд времени неразумно, ибо такой суд фактически уже состоялся, вынес свой приговор. О многих проблемах, о которых мы говорим как о неотложных, острых, актуальных, говорилось еще 15—20 лет назад. И что же? Разрыв между словами и действиями из недоумения перерос в болезнь политического характера. Катастрофически падала ответственность, процветала парадность, критика и контроль оказались в загоне, беспринципность стала нормой поведения, а равнодушие — распространенной психологией.

Перестройка стала исторически необходимой, а значит, неизбежной. Она властно вторгается в жизнь, лишает многих покоя, будоражит мысль и общественную активность, стимулирует инициативу и предприимчивость. Нацеленная на ускорение социально-экономического развития, она ведет к новому качественному состоянию общества.

Коммунистическое учение родилось из гуманистического, нравственного неприятия общества, основанного на эксплуатации. Из отрицания морали этого общества, господствующих в нем принципов отношений между людьми. Из спасительного стремления сделать жизнь достойной человека, возвысить его самого в борьбе со всяческим угнетением и унижением.

Верно, что далеко не всегда в прошлом обеспечивалось на деле соответствие практики этим высоким идеалам. Деформации общественного развития стали главной причиной коррозии этих идеалов. Мешали ограниченные материальные возможности, внешние условия, в которых приходилось не просто жить, но защищать свое право на существование.

Сегодня обстановка принципиально другая. Человек имеет право на достойные жизненные условия, на социальную справедливость, на решающий голос в решении всех дел государства и общества не только и не столько потому, что он будет внутренне

богаче, станет лучше, дисциплинированное работать. Человек имеет право на все, что может дать ему общество на конкретной ступени развития, в силу того, что он — человек, и благо его — высшее предназначение социализма.

1. РЕТРОСПЕКТИВА: ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

О необходимости перехода к интенсивным формам хозяйствования, об ускорении научно-технического прогресса, изменении в этих целях управления народным хозяйством говорилось не раз и в прошлом. Обоснованность таких предложений никем не подвергалась сомнению. Не раз принимались правильные решения. Между тем годы шли, а положение не только не менялось, но взяли верх инерция, консерватизм, самолюбование и равнодушие, породившие застой в социально-экономической и политической жизни.

Какие же выводы, если стоять на почве трезвого анализа общественных явлений, надо отсюда сделать?

Казалось бы, первое, что лежит на поверхности, — неудовлетворительное исполнение принятых решений. И это верно, ибо многое зависит от профессионализма, компетентности, добросовестности аппарата управления. Но в основе своей дело в другом — в сложном комплексе социальных, экономических, правовых и иных условий, в обстановке всеобщего благодушия, которая противостояла любой инициативе, поиску, отталкивала малейшие попытки критически и по существу оценить те или иные явления.

Анализируя прошлое, разбираясь в причинах неудач, надо непременно вникнуть в эти условия. Как шло их формирование? В силу каких обстоятельств допущены те или иные просчеты? Почему многое было пущено на самотек? Задача сейчас — разобраться в механизме торможения общественного развития, изучить пути его образования и функционирования, сломать этот механизм и создать надежные заслоны против его возрождения. Правомерен и еще один вывод — о недостаточной обоснованности и глубине проработки многих принимавшихся в прошлом решений. Один из истоков этого — волюнтаризм на всех уровнях, способный верховодить в обстановке безгласности, антидемократизма, отсутствия контроля снизу. Но есть и другие причины, среди которых необходимо выделить и неразработанность многих теоретических проблем социализма.

Каждому ясно: с точки зрения объема и содержания накопленного опыта, его внутреннего многообразия, глубины и каче-

ства его осмысления 70 лет социалистического развития — достаточный срок. Страна стала намного сильнее — и материально, и духовно. Решены многие проблемы, доставшиеся в наследство от старого общества. Прочны и авторитетны международные позиции. Создан необходимый запас прочности, который позволяет обществу идти к новому качеству.

И было бы безнравственно толкать все это под откос. Взрослый человек, умудренный опытом, но полный еще сил и энергии, по-иному оценивает свою юность, чем в молодые годы. Не отрекается от нее, но лучше видит как удачи, так и промахи. Вот и наше повзрослевшее общество выходит на новые рубежи сознания, гражданственности, нравственности.

Страна вступила на путь социалистического строительства и шла по нему в исключительно сложных условиях. Одни трудности были объективными, другие создавались искусственно, носили субъективный характер. Но в любом случае приходилось решать труднейшие задачи текущей практики, осмысливать перспективу. Готовых чертёжей социализма не было. В этих условиях некоторые общетеоретические категории и положения марксизма-ленинизма порой механически, без учета реальных условий переносились на практику. Возникли тенденции к абсолютизации ранее найденных решений. К тому же многие положения подвергались догматической обработке, в результате чего они теряли свое действительное содержание.

Установка на быстрое стирание классовых различий вела к ликвидаторским настроениям по отношению к деревне, к подорыву экономики сельского хозяйства, раскрестьяниванию. Игнорирование ленинских идей о кооперации предопределило свертывание кооперативных хозяйств, что привело к сужению экономических возможностей социализма, выключало из общественного производства значительные трудовые ресурсы. Квалификация подсобных хозяйств как сугубо частных, определение индивидуальной трудовой деятельности как чуждой природе нового уклада вытеснили из производства немалое число людей, способных трудиться, причем в сферах, до которых у государства никогда не дойдут, да и не должны доходить, руки.

Немало бед принесли и концепции антитоварников. Это лишь кажется, что шли всего только академические споры. На самом деле пренебрежение принципами хозрасчета, прибыли, самоокупаемости, поощрение «выводиловки», раздача незаработанной зарплаты дезорганизовывали экономику, питали бесхозяйственность.

Догматический подход к централизации управления породил ведомственность, усилил влияние технократического бюрократизма, подорвал возможности инициативного ведения производства,

что приходится сегодня поправлять, причем спешно. Игнорирование хозрасчетных отношений, лишение трудовых коллективов прав распоряжаться собственными доходами вело к отчуждению трудящихся от общих интересов, от собственности, к безразличию и пассивности.

Недобрую службу сослужила и концепция «органической целостности» социализма, якобы лишенного таких качеств жизни, как противоречия, их диалектики, взаимодействия в процессе развития сложных, в том числе и противоположных, факторов, вытекающей отсюда многовариантности исторического процесса.

Вопрос тут не только и не столько в научной некорректности этого положения. Дело даже не в терминах, а в том, для чего использовалась эта концепция в реально сложившихся условиях, что освящала, независимо от воли и намерений ее сторонников. На практике она служила оправданию застоя, создавала ложное впечатление, будто все главные проблемы решены, препятствовала развитию научного поиска в области обществоведения.

Даже эти немногие примеры показывают, как складывался, обустроивался, пускал корни в нашем сознании, а через него и в практике догматизм. В общем ряду болезней, поразивших духовную сферу, научную мысль, догматизм занимает особое место. Особое и по масштабам его распространения, и по силе его мертвящего воздействия, и по степени его угрозы курсу на перестройку, ибо догматизм самой природой своей отрицает развитие.

Догматическое мышление есть неспособность или нежелание осмысливать явления объективного мира во всей их полноте и динамике, противоречивости развития. Оно представляет окружающий мир в качестве застывшего образования, а науку — как набор непогрешимых истин и положений. Для него характерны ограниченность идей, примитивность их форм, религиозное поклонение постулатам. По логике здравого смысла догматизм неумолимо должен вести к поражениям и научного плана. Но получилось, что такая позиция, напротив, обеспечивала ее носителям и престиж, и почетное общественное положение.

Ясно, что догматизм не научная теория, а жизненная позиция, диктуемая личными и групповыми интересами. Как и любое социальное явление, он опирается на соответствующую социальную базу.

Догматизм правомерно характеризовать как авторитарное мышление, возведенное в политический, нравственный и интеллектуальный принцип. Будучи производным от тоталитарной политической психологии, догматизм, в свою очередь, способствует ее сохранению и упрочению. Такая социальная функция, долгое время служившая режиму личной власти в условиях деформи-

рованного социализма, и сегодня отвечает интересам тех, кто не заинтересован в общественных преобразованиях, кого лично устраивает статус-кво, кто не хочет или не может ответить на вызовы времени, игнорируя новые явления жизни.

Идейно-теоретическое обеспечение перестройки предполагает, помимо прочего, слом догматизма — этого существенного элемента механизма торможения в сфере общественного сознания. Перестройка — акт творческого и целенаправленного созидания. Она призвана быть такой не только в области экономики, политики, общественной жизни, но и везде, где затрагивается состояние, тенденции и перспективы духовного: в культуре, образовании, общественных науках.

Смыкание объективных предпосылок перестройки и определенной мировоззренческой готовности произошло не вдруг и не само собой, хотя и с запозданием. Правильно говорить о негативных явлениях последних десятилетий, о застое. Оценки справедливы — без конструктивной критики не может быть движения вперед. Но столь же справедливо и другое. То, что наряду с процессами, получившими сейчас общественное осуждение, развивались иные, им противоположные. Шел идейный поиск, набирали масштабы обсуждения проблем экономики, управления, социальных вопросов, проблем законности. Шла напряженная работа гражданской совести, без чего был бы немислим апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, сегодняшняя нравственная встряска.

Конечно, далеко не все, что обсуждалось, представляло одинаковую ценность. Но важно то, что через поиски, дискуссии, сомнения пробивался и постепенно нарастал идейно-нравственный потенциал будущих фундаментальных изменений. В обществе росло требование покончить с пассивностью, инерцией, экономической и политической безответственностью, злоупотреблениями, с бездумным скольжением по течению.

И в этом еще одно подтверждение как объективной обусловленности перестройки, так и ее осуществимости.

2. ПЕРЕСТРОЙКА И СОЗНАНИЕ

Духовная сфера не была, разумеется, изолирована от нездоровых процессов застоя и деформаций. Наивно думать, будто основополагающий закон истории, согласно которому общественное бытие определяет общественное сознание, перестает действовать в условиях социализма. Напротив, здесь его роль и значение становятся еще существеннее.

Негативные тенденции нарастали на протяжении длительного времени, не встречая достаточно эффективного сопротивления.

Настолько длительного, что успело сложиться поколение людей, чье профессиональное и личностное становление шло под деформирующим воздействием застоя.

Достаточно широко распространенные настроения вседозволенности, циничного отношения к нравственности и закону, равнодушие далеко не изжиты. На исправление этой ситуации требуются годы, и не следует обольщаться на этот счет.

Но есть и достаточно эффективный ускоритель ориентации сознания на волну революционных перемен. Это *социалистическая демократия*. Мы говорим о ней как о выражении высшей социальной справедливости. И это так. Говорим о ней как о наиболее эффективной форме управления жизнью общества. И это верно. Говорим как о высочайшей гуманной ценности, одном из важнейших завоеваний революции. Тоже справедливо. Нельзя не согласиться и с тем, что демократия, гласность — наиболее действенное средство контроля и борьбы против любых антиобщественных проявлений. Все так.

Но демократия — это и самый надежный механизм воспитания. Активную жизненную позицию воспитывает как социальный опыт, так и доверие к человеку. Такое доверие рождает чувство ответственности, заинтересованное участие, инициативность и настойчивость в достижении поставленных целей.

Ставя вопрос о воспитательном, нравственном значении демократии, надо достаточно полно представлять себе, какое содержание вкладывается в это понятие. Демократия — не только политическая система общества, но и реальное равенство людей по отношению к средствам производства, к собственности. Демократия — это не только законы, обеспечивающие функционирование политической системы, но и активное участие трудящихся в управлении обществом.

Демократия — это борьба, состязательность, если хотите — соперничество. Надо учиться созидательным дискуссиям. Поиск того, как строить социализм эффективнее, с минимальными издержками, неотделим от столкновения мнений, оценок, интересов. В столкновении позиций, точек зрения, интересов возможные, даже неизбежные, и чьи-то потери. Но в конечном счете такая состязательность и двигает общественное развитие.

Есть категория людей, считающих каждую газетную и журнальную статью чуть ли не директивой. Столкнувшись с двумя различными точками зрения на одну и ту же проблему, такие люди начинают требовать «внесения ясности», наказания виновных за разногласия. Подобную позицию трудно охарактеризовать иначе, как воинствующую беспринципность, какими бы высокими словами и понятиями она ни прикрывалась. В самом деле, человек, по существу, добровольно отказывается от сознательного

и критического отношения к актуальным вопросам жизни, не желает выработать собственную позицию, подкрепить ее продуманными аргументами, отстоять в честном и открытом споре. Он готов принять любую директиву: сегодня — одну, завтра — другую, пусть и прямо противоположную.

С такой позицией закономерно смыкается другая крайность, когда все многообразие точек зрения начинает делиться всего на две: «моя» и «неправильная». Причем своя точка зрения навязывается всеми силами и приемами, вплоть до заведомо негодных. Подобное с демократией не имеет ничего общего.

Не вещать, а аргументированно и со знанием дела разбираться в том или ином вопросе, уметь выслушать, в том числе и другую сторону, вникнуть в доводы, найти в них рациональное зерно, одержать победу силой разума, убеждения, а не силой окрика — вот что такое демократия. Терпимость, внимание к иной точке зрения отражают и степень собственного достоинства.

Возьмем область культуры, культурной политики. Пожалуй, нигде не накопилось столько раздражающих завалов, как здесь. С канцелярской бездумностью решались вопросы, о чем можно, а о чем, дескать, нельзя говорить, писать, снимать фильмы, показывать спектакли. Ну и какой результат? На деле оказалось, что искусственные ограничения, келейная обстановка, в которой они рождались, приводили к закреплению монопольного положения отдельных лиц, группировок, жанров в ущерб другим. Искусство и культуру поражала бюрократизация, в них все заметнее развивался процесс «антиселекций», когда от творчества нередко отстранялись талантливые, творческие, беспокойные, ищущие люди.

Отнюдь не хочу сказать, что все в этой сфере было так уж уныло. Можно назвать имена художников, которые работали с огромной отдачей, пользовались народным признанием, мировой известностью.

Но развивались по нарастающей, нанося обществу заметный нравственный, идеологический ущерб, и тенденции «диктата серости». Поток бесцветных произведений заполнил литературу, кино, телевидение — самые массовые виды искусства. Никаким заслоном против западной «массовой культуры» подобный водопад примитивизма, разумеется, не был и быть не мог. Скорее он дополнял «масскультуру», ибо порождал собственную бездуховность, нравственный нигилизм.

Художественное творчество служит общественным потребностям в самопознании, эмоциональном самоосмыслении, самооценке, самосовершенствовании. Искусство пробуждает чувства сострадания, милосердия, сопереживания. Художественное

проникновение в суть повседневности и способность вырваться за ее пределы, ввести в оборот более широкие социальные, нравственные, временные критерии — вот призвание подлинного искусства и одновременно признаки его. Без такой работы — тяжелой, мучительной — не бывает и не может быть нравственного прогресса, духовного развития ни отдельного человека, ни общества в целом.

Художественное творчество — не способ обслуживания самолюбий и личных вкусов. Сейчас вышли на экраны долго лежавшие на полках фильмы. Изданы не публиковавшиеся ранее произведения. Читатели и зрители сами могут вынести суждения по тем или иным произведениям, по достоинству оценить их. Это и есть формирование активной жизненной позиции человека, построенное на безусловном доверии к его мнению, гражданскому чувству и здравому смыслу.

3. ПЕРЕСТРОЙКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Нельзя всерьез думать, что теория создается сама по себе, а жизнь идет отдельно от нее. Так, конечно, бывает, но ничего, кроме схоластического бурьяна, на этой разделенной ниве не растет. Теорию нельзя выдумать, она вырастает из опыта, его всестороннего осмысления.

Стратегия перестройки в ее теоретических основаниях опирается на восстановление в правах подлинно марксистского понимания «механизма» действия законов общественного развития. Это не безличные, помимо людей действующие тенденции. Что толку от абстрактного теоретизирования, если оно остается лишь уделом интеллектуальной игры ума. Но ползучий прагматизм ищет дорогу наугад, не обладает социальной зоркостью и способностью точно воспринимать действительность. Только органичный союз теории и практики с безотказно действующим механизмом обратных связей может порождать разумные действия общества, нацеленные на его развитие.

Например, технократизм — порождение торжествующего прагматизма, базирующегося на голом ведомственном или корпоративном интересе. Наука — самое действенное противоядие против технократического строя мысли, пустившего глубокие корни в сознании хозяйственных работников, части научно-технической интеллигенции. Время велит подвергать каждое экономическое, хозяйственное, техническое решение своего рода гуманитарной экспертизе, выявлять прежде всего его общественный смысл и человеческую направленность.

Еще и сегодня не изжит подход, берущий свое начало от вульгарного экономизма. Решение народнохозяйственных, производ-

ственно-технических задач воспринимается и истолковывается как прямое и непосредственное решение задач социальных. Система управления экономикой получила фактически приоритет над системой управления обществом.

Исторические мотивы этого известны. Очень долго главным было произвести больше стали, машин, хлеба, обеспечить оборону, просто выжить. Но времена изменились кардинально, а с ними усложнились и вопросы управления. Однако инерция сознания, инерция подходов остались. Экономика, материальная сфера в целом, разумеется, необходимая, важнейшая предпосылка решения всех социальных проблем, прогресса общества. Спору тут нет. Но все-таки предпосылка. Задача же науки, в самом общем выражении, — дать целостную концепцию, рабочие чертежи перестройки не только на каждом ее участке, но и в единстве, взаимосвязи всех сфер жизнедеятельности общества. Не словословить перестройку, а разрабатывать ее практически, на земной основе, вписывать в долговременную концепцию развития общества.

Но и этим творческое поле науки далеко не ограничивается: она призвана вносить решающий вклад в создание и укрепление *климата интеллектуального динамизма*. Наше общество думающее, размышляющее над сложнейшими проблемами развития, ведущее серьезную переоценку сложившихся планетарных структур с точки зрения их адекватности нуждам человека и человечества, преодолевающее прочные, подчас вековые завалы инерции, консерватизма, — это общество нуждается в тщательной и глубокой теоретической экспертизе всего сущего и грядущего.

Речь идет о настоятельной потребности — политической, экономической, социальной — в существенном продвижении теоретических исследований по всему спектру наук об обществе и человеке. Есть ли объективные предпосылки для этого? Безусловно. Причем предпосылки эти выходят за рамки чисто прагматического, утилитарного значения. Имеются все основания полагать, что мы находимся где-то в начале качественно нового этапа и практики, и теории социализма.

Немалое приращение марксистско-ленинской теории произошло после апреля 1985 года. Сделанное в этот период — одновременно итог и начало. Итог анализа поисков, размышлений и прорывов на решающих направлениях научного социализма — это новое видение социализма, путей и перспектив его прогресса и новый обобщенный анализ современного мира.

Одна из важнейших теоретических задач сейчас в том, чтобы без розовых очков, но и без очков, непроницаемых для света, разобратся во всех сложностях и достоинствах, недостатках и перспективах социалистического общества. Социализм как реальная

система давно развивается на собственной основе. Материальной и социальной. В области же теоретического сознания положение сложнее. Казалось бы, именно здесь собственная основа мышления должна доминировать. Но диалектика развития сознания оказалась такой, что по ряду причин отражение объективных факторов развития общества в теоретическом сознании шло не путем качественного наращивания знаний, а направлялось во многом в русло количественных сопоставлений, комментирования принятых решений, схоластических споров, далеких от жизни, как если бы такие подходы сами по себе заменяли развитие теории. Изучение действительного, живого социализма подменялось надуманными формулами и схемами.

Более того, под влиянием некритического отношения к экономическому и политическому состоянию общества, в условиях фактического отрицания противоречий, в том числе и антагонистических, как источников отрицания и развития, складывался и окостеневал целый комплекс деформирующих воздействий на движение теоретической мысли. Было предано забвению ленинское положение о том, что ценность теории — прежде всего в точном изображении «всех тех противоречий», которые имеют место в жизни. Оказались обедненными, если не выхолощенными, ленинские положения о социализме как развивающемся обществе, прогресс которого требует постоянного и точного анализа реальной жизненной практики.

Дело осложнялось и тем, что сложившиеся в специфических условиях 30-х и 40-х годов конкретные формы организации общества, экономики, их функционирования были во многом канонизированы в научном и общественном сознании. Подобного рода представления были, по сути дела, отождествлены с сущностными характеристиками социализма и в качестве неизменных внесены в теорию как непререкаемые догмы. Не получили должного развития целые обществоведческие направления, особенно актуальные в современных условиях.

Уровень требований к общественным наукам и спрос на них резко упали, они часто оказывались в положении «невостребованного письма». Общественные науки нередко были лишены необходимой информации, их рекомендации во внимание не принимались, сами они обрекались на роль толкователей, но не творцов. В результате в 80-е годы мы вступили с серьезными практическими просчетами, допущенными в годы, когда обществу, находившемуся на относительно ранней стадии своего становления, была искусственно навязана форсированная модель развития и когда догматизм оказался наиболее подходящей огосударственной формой общественного сознания в условиях авторитарного правления.

Теоретическая работа не может упускать из поля зрения и такой принципиальный момент, как неаксиоматический характер социального знания. Он диктуется несколькими обстоятельствами. В непрерывном движении, развитии находится само общество — объект и предмет социального познания. Неаксиоматический характер социального знания теснейшим образом связан и со способностью человека, классов и групп, общества в целом к накоплению обобщений и использованию опыта без каких-либо предвзятостей и предрассудков. На эту способность опирается сознательная деятельность людей, возможность их выбора. Формы организации жизнедеятельности общества должны быть соответствующими уровню его развития и сложности. Но автоматизма тут нет. Опыт говорит, что, если возникает разрыв между практикой и требованиями жизни, словом и делом, если абсолютизируются формы организации, а идеология принимает нормативный характер, если какие-то негативные явления возникают и разрастаются, они могут создавать и соответствующий опыт, в свою очередь способный деформировать общественные отношения, ту или иную их часть.

Между тем отмеченная выше абсолютизация касалась не только отдельных концепций и положений. Ее объектом стал и основной костяк социального знания. Даже простое распространение исследований на новые проблемы и направления нередко рассматривалось как «подрыв устоев», посягательство на «чистоту теории». Подобно тому как формировались анклавные, закрытые для критики, росло и число направлений, закрытых для научного исследования. Среди немалой части научных работников, особенно молодых, распространились представления, будто социализм исследовать вообще не следует.

Сегодня уже всем, кажется, ясно, что дело обстоит иначе. Если говорить кратко, то в теоретическом осмыслении на новом качественном уровне нуждаются все без исключения аспекты внутренней жизни, развития мирового социализма в целом, вся международная проблематика. Уже сам тот факт, что ведется осознанное строительство общества, ставит в новую плоскость и проблему субъективного, его роли и места в истории, в общественной практике.

Сознательное социальное творчество требует создания эффективной системы обратных связей. Пока такие связи действуют в немалой степени стихийно. Издержки при этом — и материальные, и, что важнее, человеческие, духовные — оказываются все более значительными. Необходима такая система общественного управления в самом широком смысле этого понятия, которая в полной мере учитывала бы все многообразие условий и интересов, обладала способностью своевременно выявлять неблагопри-

ятные тенденции в обществе или, наоборот, столь же своевременно улавливать передовое, растущее, перспективное.

Подобными качествами обладает прежде всего демократия. И если бы она действовала, разве стало бы возможным, например, накопление вопиющих проблем в социальной сфере. Когда, с одной стороны, в погоне за производственными показателями в жертву приносились реальные пужды и потребности людей, от чего страдало и само производство. А с другой — люди, непосредственно ответственные за экономические и политические просчеты, оказывались вне контроля, даже просто вне досягаемости для тех, чьи интересы при этом страдали самым серьезным образом.

Необходимо всестороннее изучение путей, способов и средств активного формирования потребностей различных слоев общества, нового образа жизни в целом. В этом контексте надо исследовать истоки и природу разного рода отклонений, деформаций, поражающих общественный организм и нравственность человека. Нужны надежные теоретические обоснования интересов классов, слоев, коллективов; путей укрепления социального единства общества на базе его обновления. Стоит вопрос и о том, каким должен быть социалистический механизм мотивации деятельности.

Ощущается настоятельная потребность в том, чтобы на передний план выходили, давали все большую отдачу исследования собственно социальные: социологические, социально-психологические, гуманитарные. Теоретическое сознание призвано видеть и отражать не только ход и характер общественных процессов, но и сложнейшую диалектику взаимосвязей между сознанием и практикой, закономерности развития самого сознания — и научного, и повседневного.

Важнейший вопрос — разграничение организационно-технической формы общественного процесса и его социально-экономического содержания. На этом пункте спотыкаются особенно часто. Такой, например, инструмент хозяйствования, как плановое управление обобществленным производством, превращают подчас чуть ли не в универсальный и единственный индикатор «социалистичности» общественного строя. При этом игнорируется предшествующая управлению социальная сущность экономики — то содержание, которое имеет, как подчеркивалось на XXVII съезде, народная собственность как многогранная система отношений между людьми, коллективами, отраслями, регионами страны по использованию средств и результатов производства.

Некоторые политэкономы склонны до сих пор заканчивать изучение вопроса о собственности констатацией различий между

ее государственной и кооперативно-колхозной формой, хотя как раз этим-то должно лишь открываться любое исследование. Сосредоточение всего внимания на абстрактных рассуждениях о преимуществах государственной формы собственности перед колхозно-кооперативной тормозило действительное познание механизма экономической жизни, понимание необходимости многообразия форм собственности и ее реализации. Известный тезис Ленина — кооперация есть путь к социализму — сохраняет свое значение и сегодня. Общественной науке еще предстоит до конца разобраться и в проблеме личной и групповой собственности, роли и места индивидуальной трудовой деятельности.

Жизнь требует по-новому подойти и к исследованию процессов мирового развития. Изменения в этом развитии настолько глубоки и всеобъемлющи, что требуют серьезного переосмысления, комплексной оценки всех его новых факторов и тенденций, нового взгляда на состояние мировых дел, значительного углубления его теоретического анализа. Колоссален идейно-нравственный потенциал вопросов, которые приносят с собой последние десятилетия XX века: борьба за мир и выживание, гуманизация НТР, сохранение природы, отношение к культурному наследию, освоение морского дна и космоса, изучение возможных социальных последствий этого и многое другое.

Ядром концепции современного мира являются два положения. Во-первых, человечество ныне вступило в особую, критическую полосу исторического развития, которое впервые вплотную поставило перед трагическим выбором между жизнью и самоуничтожением. Во-вторых, поиски путей выхода из этой ситуации сконцентрировали мысль на глубоком исследовании современного мира во всем его многообразии, противоречивости и в то же время определенной целостности. Неотложная потребность решить насущнейшую задачу выживания пробуждает силы самосохранения, создает у противоположных социальных систем стимулы к взаимодействию, соразмерные императивам ядерного века.

Принципиальное значение имеет новая постановка вопроса о взаимосвязи классового и общечеловеческого. Диалектико-материалистическое видение современной эпохи не приемлет как отрицания противоположности двух существующих ныне формаций, способов производства, так и игнорирования сущностного единства современного человечества, его общих интересов. Логика истории выдвинула на первый план главное противоречие общечеловеческого характера — между насильственной ядерной смертью и выживанием. Разумное разрешение этого противоречия — путь ко все большей целостности мира и человечества.

НОВОЕ КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

Перестройке приходится решать уравнения со многими неизвестными. Являясь глубинным процессом, она поднимает все пласты общественной жизни, идет вперед, но идет противоречиво и трудно. Мешает комплекс тормозящих факторов, среди которых — и недостаточная теоретическая обеспеченность начатых и предстоящих реформ.

Будучи моментом революционной истины, перестройка потребовала объективного анализа состояния дел в советском обществе, в мировом развитии, по коренным проблемам бытия человека и человечества.

В ходе революционных преобразований складывается новое видение социалистической перспективы, общее понимание целей и характера революционных перемен, их взаимосвязей с мировым развитием.

Основополагающее значение для теории и практики имеет вывод о взаимозависимости и во многом целостности мира, сложного в своем многообразии и противоречивости. Этот вывод требует принципиально новых подходов к внутренней и внешней политике. Требования, которые диктует время, определяются не только прагматическими аспектами сегодняшнего и завтрашнего положения в мире, но и теми новыми формами, которые приобретает историческое противоборство двух систем в условиях научно-технической революции, связывая воедино внутриобщественные и интернациональные противоречия социального прогресса.

Анализ диалектических связей классового и общечеловеческого показал, что в современных условиях коренные интересы классов, социальных групп, народов и стран совпадают с общечеловеческими интересами, а поэтому последние являются

В основе — доклад на заседании секции общественных наук президиума АН СССР. 17 апреля 1987 г.

главенствующими, ведущими. В этих условиях социализм способен активно приумножать гуманистические ценности цивилизации, проявлять исторические инициативы на главных направлениях общественного прогресса. Отсюда возникают масштабные вопросы сложных диалектических взаимосвязей внутреннего прогресса социализма и мирового развития в целом.

По мере роста материального и духовного потенциала социализма на передний план выходят вопросы качества развития. В этих целях настоятельно необходим поиск наиболее действенных путей и средств, чтобы в обозримой перспективе дать достойный ответ вызову времени, чтобы социалистическое общество на деле стало воплощением всего передового, гуманного, образцом социальной эффективности.

Перестройка — один из самых сложных маневров в социалистическом созидании, требующий поворота к строго научному социальному мышлению. Ускорение и обновление общественных процессов не нацелено на какое-то их подстегивание, это не искусственное предписание обществу стать динамичным. Концепция обновления и ускорения — теоретическое и практическое выражение объективных требований современного этапа развития общества, направленное на результативное обновление социализма на всех его уровнях — базиса и надстройки, социальной сферы и культуры, общественной жизни в целом, на оптимизацию взаимодействия всех сфер жизнедеятельности общественного организма. Это и есть обретение нового качества.

Обогащены представления о закономерностях развития экономики социализма, диалектике производительных сил и производственных отношений. По-новому поставлены вопросы реализации социалистической собственности, в частности развития ее кооперативных форм, активного включения в работу закона стоимости и механизмов товарно-денежных отношений, принципов ускорения научно-технического прогресса, неисчерпаемых резервов, которые заложены в человеке, если он свободен.

Нынешняя политическая и нравственная атмосфера позволяет разобраться в том, насколько глубоко осознаны роль и ответственность общественных наук в новых условиях. Следуя урокам правды, надо обо всем говорить открыто, вести дело на высшем пределе искренности, не морочить самих себя.

Ни практическую отдачу общественных наук, ни их положение в обществе, ни состояние самой науки нельзя признать удовлетворительными с точки зрения их соответствия требованиям времени. Тревожащая острота ситуации в том, что в общественных науках действует свой механизм торможения, который препятствует раскрепощению потенциальных возможностей общественного развития.

Мягко говоря, не часто наши философы, политэкономы, историки, литературоведы выступали в роли застрельщиков и защитников нового и передового. В свое время приложили руку к дискредитации кибернетики и генетики, позднее — к объявлению чуть ли не антинаучными методов математического моделирования в экономике, к осмеянию отечественной прогностики. Ретроспективно ясно: слишком много сил оказалось потрачено на то, что фактически обернулось теоретическим обеснованием самоуспокоенности, а тем самым — и застоя в социально-экономическом и политическом развитии страны. Это — «наследство», от которого надо решительно избавляться, причем основательно, для того чтобы извлечь уроки на будущее — как мировоззренческие, так и нравственные.

I

Критика обществоведения за его отдаленность, оторванность от социальной практики, за стиль и методы работы, за морально-психологический климат научной деятельности — справедливая критика. Обществоведение не просто отражало идеологию времени, но и активно формировало ее. Маскировка стагнации не нуждалась в точном знании жизни. Все, что не укладывалось в ложе догматического мышления и практики «всеобщего восхищения», считалось сомнительным и подозрительным.

Разве концепция развитого социализма не была ориентирована на неспешное, робкое, непоследовательное совершенствование по частностям, что освящало благодушие, притупляло осознание назревших кардинальных перемен?

Разве игнорирование социалистических принципов кооперации, аренды, отношение к подсобным хозяйствам и индивидуальной трудовой деятельности как к чему-то чуждому не отключили значительные потенциальные ресурсы общества?

Разве руны и саги в адрес безусловно важной, но все же только составной части принципа демократического централизма — централизованных форм управления не закрепили инициативу, самостоятельность и социалистическую предприимчивость, не расплодили ведомственность, бюрократизм, ставшие ведущими рычагами хозяйственного механизма?

Разве не обернулись экономическим тормозом концепции «антитоварников», которые походили скорее на политические обвинения? Это только считалось, что ведутся всего лишь научные споры. На самом деле пренебрежение законом стоимости властвовало и в теории, и на практике. Игнорирование хозрасчета, самокупаемости, дотационный метод в экономике оказали разлагающее влияние на народное хозяйство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разве не принесли вред уничижительные трактовки самоуправления, которые систематически запугивали «непредсказуемыми» последствиями расширения демократии?

Разве отсутствие широкой гласности, подлинного контроля снизу, снижение уровня критики и самокритики, разрыв слова и дела не способствовали нарастанию негативных явлений в обществе — социальной пассивности и коррупции, безответственности и нравственной распушенности, карьеризма и потребительства?

Нельзя успешно двигаться по дороге перестройки, не уяснив причин, по которым стали возможны эти явления.

Вступление на путь социалистического строительства проходило для нашей страны в условиях исключительных. Надо было и строить, и защищаться, и осмысливать проблемы, противоречия нового общества. Но на определенном этапе предпочтение стало отдаваться не творческому развитию теории, а схоластике, догматическому истолкованию марксизма-ленинизма. Некоторые ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, выхолащивались их теоретическая глубина и значимость. Получили распространение легковесные представления о социализме и коммунизме, надуманные пророчества, оторванные от жизни и ее реальных процессов. Например, навязывалось представление о нарастающем единообразии по мере продвижения к коммунизму, об исчезновении, отмирании многообразия. В экономике — одна только государственная собственность, одна схема управления ею. В социальной сфере — стирание всех и всяческих различий. В политической — неизменность политических структур. И так далее. Сторонникам такого подхода прогресс виделся как нарастающее упрощение, спрямление всего и вся.

Весь известный опыт свидетельствует: история никогда, ни на одном направлении не достигала прогресса через упрощение. И нет оснований считать социализм и коммунизм в этом смысле исключением. Тем не менее концепция единообразия закладывалась с завидным упорством и в практику, и в теоретические построения. Ее влияние можно обнаружить и сегодня — в подходах к решению некоторых проблем экономики, социальной сферы, культуры.

Или возьмем положение о действии общественных закономерностей. Рассматривая, например, капитализм, мы отмечаем сложность, альтернативность его внутренних процессов и механизмов. Но как только речь заходит о социализме — тут якобы действует чуть ли не полный автоматизм, не зависящий от человека. Производственные отношения сами приходят в согласие с развитием производительных сил. Саморегулируется решение социальных вопросов. Автоматически действуют механизмы

совершенствования общественного сознания, принципов социальной справедливости, национальных отношений и многое другое.

Отмеченные и иные представления совместились с такими процессами в общественной жизни, которые вели к абсолютизации имевшихся теоретических формул, отождествлению преходящих особенностей определенного исторического этапа с существенными характеристиками социализма как системы, к канонизации некоторых положений и концепций. Как следствие, появилась устойчивая тенденция облегченного отношения к роли общественной науки в процессе социалистического строительства.

Складывался порочный круг: нездоровые явления в практике порождали и нездоровые тенденции в общественном сознании, в науке. А те в свою очередь, чем дальше, тем сильнее затрудняли возврат теории и практики в русло реализма, действительной жизни с ее противоречиями.

Иными словами, постепенно утрачивалась способность к критическому самоанализу. Вместо изучения реального, живого социализма предпочтению было отдано конструированию умозрительных моделей. Теория становилась все более тавтологичной. Мы либо забегали вперед, объявляли строительство коммунизма непосредственной задачей дня. Либо, руководствуясь, в сущности, плоским эволюционизмом, абсолютизировали стабильность хозяйственных, социальных и других структур, оправдывали застойность, медлительность в процессе социалистических преобразований. Спрос на общественную науку приобретал сугубо конъюнктурный характер, отчего и наука утрачивала свою действительную функцию.

Особенно заметными стали эти тенденции в 70-е годы, когда изучение живого, развивающегося социализма стало все откровеннее подменяться надуманными формулами и схемами. Возобладало представление, что допустимы лишь частные, эволюционные поправки, и то скорее на практике, чем в теории. Но должно быть ясно, что любое омертвление революционной теории ведет к тяжким последствиям, к застою не только в теории, но и в практике.

Предстоит выйти на новый уровень трезвой оценки опыта — как просчетов, так и достижений, без каких-либо изъятий. Относиться ко всему без предвзятости, быть самокритичными, честно и откровенно осознать последствия, к которым привела приспособленческая интерпретация ряда положений революционной теории, противоречащая ее сути, мобилизоваться на смелый поиск ответов на вопросы жизни — вот что сегодня требуется от обществоведения. Это нелегкий, даже болезненный процесс, но он неизбежен.

Сегодня среди обществоведов существует, как представляется, определенная «раздвоенность сознания».

Очевидно понимание сложности, ответственности исторического момента. Ученые, быть может, как никто, ясно видят и трезво оценивают положение в экономике, в социальной и духовно-нравственной сферах. Погрешим против истины, если скажем, что нарастание негативных тенденций не вызывало тревогу у многих обществоведов или проходило мимо их внимания. Хорошо известны представители общественной науки, которые остро ставили назревшие проблемы, не считаясь с тем, что такие поступки не прибавляли здоровья и не улучшали их общественного положения.

Но все еще сильна инерция, утешительная иллюзия, согласно которой современное состояние общественных наук в принципе верно отражает нынешний этап развития социализма. Такое «зеркальное» восприятие действительности сводит на нет или, во всяком случае, сильно затрудняет признание того, что негативные явления, застой — это и следствие догматизма, оторванных от жизни концепций, мертвых схем. Вот почему столь важно преодолеть своеобразную личную отстраненность от переживаемых ныне трудностей, не поддаваться искушению самоиндугенции, понять, сколь необходимо вернуть обществоведческим исследованиям дух бесстрашного искания истины.

Творческое обществоведение — всегда открытие, а не прикрытие. Ленинизм — это классически эталонные уроки революционной диалектики. «...Необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня...»¹ Таково кредо В. И. Ленина.

Воинствующий антагонист диалектики — догматизм, этот своего рода паразитический нарост на живом теле революционной теории. Самодовольное невежество и корыстное приспособленчество — вот почва для произрастания догматизма, начетничества, схоластики.

Догматическое истолкование экономических законов и категорий, некоторых положений о социализме, социалистической демократии, социальной справедливости, темпах и перспективах развития новой ступени цивилизации образовало застойные зоны в науке об обществе. Отсюда главное требование, если угодно, заказ времени — возродить диалектический, творческий подход к пониманию целей и средств социалистических преобразований, изучать — кропотливо и вдумчиво — реальные противоречия, отбросить их вульгарно-обывательскую трактовку. Не от заранее заданных и удобно-утешительных принципов — к фактам

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.

жизни, а от реальностей бытия, от действительных жизненных процессов — к выводам, формулированию принципов и целей.

На новых реальностях жизни, на новой информационной основе вполне возможны, вполне по силам прорывы в непознанное, обогащение классического фонда, постижение новых законов общественного бытия.

Факт, но мы, признающие диалектику как всеобщую теорию развития и методологию революционных преобразований, на поверку далеко не всегда оказывали поддержку новому и в науке, и в практике. Более того, зачастую отвергали новое, если не находили ему непосредственное, буквальное подтверждение в классическом наследии, не замечая, что тем самым требуем от классиков невозможного.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин решали задачи своего времени. Они оставили нам великое наследие диалектико-материалистической методологии. Но любым наследием надо пользоваться умело, тем более таким, которое по своей природе антидогматично, требует постоянного проникновения в тайны общественного бытия. Суть в том, чтобы накопленный теоретический и методологический потенциал, само диалектическое мышление направить на выдвижение и стимулирование новых положений и подходов.

II

Отправная теоретическая задача может быть кратко сформулирована так: современный социализм должен познать в первую очередь свою реальную сущность, ибо развивался он сложно и противоречиво, получая на разных этапах часто противоречивые характеристики. Этого не получится, если и дальше будет тяготеть над обществоведением боязнь прикоснуться к проблемам, которые еще не входят составной частью в политические решения, а в отношении последних оставаться на уровне комментарства.

У Александра Яшина есть рассказ «Рычаги». Четыре коммуниста-колхозника ждут пятого, чтобы провести партсобрание. Идет непринужденный разговор: ругают порядки в колхозе, бесхозяйственность, произвол районных сельхозорганов, необоснованность спущенных сверху планов и т. д. Но вот приходит пятый — учительница, озабоченная проблемой дров для школы. «О делах потом — сейчас собрание проводить надо», — обрывают ее, и начинается казенное словоговорение: «Мы кое-что не предусмотрели и пустили на самотек»; «Надо возглавить массы, товарищи!»; «В обстановке высокого трудового подъема по всему колхозу развERTывается...»

Ситуация, достаточно характерная и для многих обществоведческих коллективов.

Социализм родился как отрицание капиталистической эксплуатации, буржуазной морали. Новое общество в силу этого представлялось как нечто романтически-идеальное, лишенное пороков и противоречий, а что касается бед и огрехов, то они сводились к пресловутым пережиткам. Если бы все было так просто! Очевидность потенциальных преимуществ социализма порождала иллюзию, что он невосприимчив к появлению негативных тенденций, к оживлению мелкобуржуазности. Объективные законы социализма мыслились часто вне контекста мирового развития. Во многом упрощенными оказались и прогнозы о развитии капиталистического строя, границах его жизнеспособности, резервах выживания.

Неизменно актуально, а в сложившейся ситуации особенно, ленинское требование целостного, комплексного подхода к анализу взаимодействия различных сторон общественной жизни. Речь идет о подходе, который учитывал бы сложную взаимосвязь производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, политики и экономики, централизма и демократии, личных и общественных интересов, идеологии и социально-материальных условий, психологических и нравственных элементов и т. д.

Необходимо идти к системному, общефилософскому осмыслению действительности во всеоружии современного знания. Сейчас особенно нужны прорывы к фундаментальным обобщениям, развитию целостного взгляда на мир в полноте его реальных противоречий и определяющих тенденций. Необходимы исследования, особенно социальные.

Социализм критерием общественного прогресса и его высшей целью ставит человека. Не некую идеализированную личность, но действительного, живого человека конкретного времени в его реальных связях с обществом, другими людьми, материальной и духовной сферами. Теоретическое сознание призвано видеть и отражать сложнейшую диалектику взаимосвязей между сознанием и практикой, закономерности развития самого сознания — и научного, и обыденного.

Крайне необходимо дальнейшее развитие в обществоведении принципа историзма. Немало просчетов можно было избежать, если бы не только на словах, но и на деле структуры нашего общества рассматривались как динамичные, развивающиеся, а не застывшие в бронзе.

Надо подчеркнуть: речь не идет об очередном конъюнктурном переписывании заново истории общества, государства, партии, экономического и социального развития. Такое уже было,

результат известен. Речь о другом: о необходимости видеть, осмысливать, анализировать пройденное во всей его полноте и диалектической противоречивости. Видеть весь комплекс причинно-следственных связей, будь то в экономике, социальной, политической, других сферах и между ними.

Перестройка ставит задачу обновления социализма в целом, качественно, а не просто совершенствования отдельных его сторон, сфер, граней. Идея нового качественного состояния социалистического общества побуждает к пониманию проблемы создания как такого диалектически противоречивого процесса деятельности людей, в котором развивается не только форма, но и сама сущность социализма. На это обращал внимание еще В. И. Ленин, когда отмечал: «...не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также»¹.

III

Перестройка такого масштаба, как ныне, неизбежно вторгается в сферу коренных вопросов политической экономии социализма, требует их рассмотрения применительно к условиям современного этапа развития общественного производства.

В любой известной нам формации, на всяком пройденном историческом этапе противоречие между производительными силами и их социальной формой — производственными отношениями движет и совершенствует общественно-трудовую деятельность людей, порождает революции, ускоряет прогресс. Однако, вместо того чтобы подвергнуть глубокому исследованию его в социалистическом обществе, стали догматически утверждать, что при социализме основное противоречие — между «зримыми ростками коммунизма» и «пережитками капитализма». К «пережиткам» относили все, что ограничивало административно-бюрократические методы руководства: колхозно-кооперативную собственность, личное приусадебное и подсобное хозяйство, индивидуальную трудовую деятельность, товарное производство и товарно-денежные отношения, рынок, прибыль, хозрасчет.

В. И. Ленин настойчиво различал формальные и реальные достижения в развитии социалистического общества. Вспомним, как он подчеркивал принципиальную разницу между формально-юридическим социалистическим обобществлением и обобществлением на деле. Продолжая эту ленинскую традицию, нам предстоит добиться реальной плановости в развитии производства, реального централизма и реального демократизма в управлении хозяйством.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

Казалось бы, можно удовлетвориться тем, что за десятилетия социалистического хозяйствования создана разветвленная система государственных планов, охватывающая все производство сверху донизу, что планомерность и демократический централизм обеспечены законами и институциональной системой.

Но есть и другие критерии оценки действительного положения дел. Реальная степень планомерности измеряется тем, насколько удается поддерживать и регулировать сбалансированность и пропорциональность развития народного хозяйства, социальной сферы, общества. Реальный централизм измеряется тем, насколько эффективно и разумно воплощаются в жизнь законы и общегосударственные замыслы. Реальный демократизм управления измеряется не просто предоставлением прав трудовым коллективам, а созданием необходимых социально-экономических и политических условий для фактического использования этих прав, для проявления инициативы в интересах общества и коллектива. Политэкономика социализма призвана дать хозяйственной практике такие научные критерии, которые позволили бы проверять достоверность перестройки, разоблачать попытки подмены реальных изменений их имитацией.

Начало формирования механизма торможения связано, по-видимому, с теми причинами, что постепенно вели (с 30-х годов) к известному смещению соотношения объективных условий и практических действий в пользу вторых. Возможно, что экстенсивный путь развития экономики был в свое время объективно обусловлен. Но сам этот путь, связанные с ним методы управления, планирования, распределения и т. д. становились объективно тормозом развития на следующей, более высокой его ступени, когда на первый план стали выходить качественные факторы, когда возникла потребность в переходе к интенсивным формам хозяйствования. Но инерция мышления и практики оказалась слишком упряма, а усилия по ее преодолению — явно недостаточными. В результате в последние десятилетия объективно складывалась система подрыва материальных основ социализма — затратность экономики. Причины ее надо искать не на поверхности, не в отдельных экономических ошибках, а в глубине общественного бытия, в генезисе застоя.

В сфере базиса такой причиной стала практически абсолютизация государственной собственности, приравнивание ее к высшей форме собственности — общенародной, что на деле обернулось приматом администрирования, расширением пространства для бюрократизма.

Бюрократизм нуждается в догматизме, и наоборот. Они могут существовать только за счет ущемления интересов общества, используя для этого принадлежность к государственному

аппарату, если он присваивает себе функции своеобразного все-силлия. Отсюда стремление «огосударствить» все и вся, связывать любые успехи, достижения с административными методами управления как «наилучшими».

Абстрактные рассуждения о преимуществах государственной формы собственности перед колхозно-кооперативной отнюдь не способствовали действительному познанию механизма экономической жизни. Догматизм, насиливая жизнь, буквально за уши тянул кооперацию в государство. Шаг за шагом укреплялся стереотип отношения к государственной собственности: наше — не мое, это — ничье. Отсюда и беды, и равнодушие, и бесхозяйственность, хотя, конечно, не только отсюда. Но именно кооперация, на наш взгляд, может сейчас взять на себя функции, которые не обязательно должно выполнять государство, и тем способствовать нормализации и эффективному функционированию социального рынка, совместно с государством укрепить рубль, оздоровить финансы.

По Марксу, изменения основ социального строя необходимы «для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда...»¹. Ленин писал, что социализм — это «строй цивилизованных кооператоров», это кооперация «поголовно всего населения». И «для этого требуется целая историческая эпоха»².

Ни одна форма не исчезает, пока не исчерпает своих возможностей. Если семейный подряд способен обеспечить двойную или тройную производительность по сравнению с другими формами организации труда, то как можно считать его исторически отжившей формой, исчерпанной в структуре социалистического производства? Если индивидуальная трудовая деятельность может принести пользу, то почему надо сооружать идеологические и практические препятствия для ее развития? Укрепление социализма на деле необходимо рассматривать как главную задачу, ей подчинять все усилия, формы организации труда и общественной жизни. Этому помогло бы и непредвзятое переосмысление существенных характеристик сложного комплекса основополагающих экономических отношений в их многообразии и динамике.

Одним из наиболее острых на нынешнем этапе перестройки является противоречие между количеством и качеством труда. Экономическая практика по-прежнему ориентируется на приоритет количества, тогда как требование времени — оптимальное сочетание и количественных и качественных показателей роста. Недооценка последних в прошлом лишь усиливает и без того

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 199.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373, 372.

высокую потребность общества в том, чтобы на нынешнем этапе развития его качественные аспекты везде и во всем пользовались приоритетным вниманием. Сущность «стратегии количества» — затратное, дефицитно-инфляционное производство. Слом затратного механизма, замена его принципиально новым, хозрасчетным механизмом, адекватным природе развивающегося социализма, — сверхзадача перестройки.

С точки зрения *философской* затратность — это субъективное торможение объективного перехода количества в качество, приоритет первого над вторым; это, если угодно, мегатоннаж догматизма, непонимание диалектической сути противоречий и их неприятие; это мышление категориями социального равнодушия.

С точки зрения *экономической* затратность — это минимальный конечный результат при максимальных промежуточных расходах, нарастающее обострение противоречий между производительными силами и производственными отношениями, анархия первых и бюрократизация вторых, консервация научно-технической отсталости, путь к застою. Диктат производителя постоянно генерирует затратность, и чем дальше, тем в более уродливой форме, он отвергает хозрасчет, порождает отношение к потребителю не как к заинтересованному партнеру, а как к надоедливому спутнику в дороге.

С точки зрения *идеологической* затратность — это постоянное стремление выдавать желаемое за действительное, помпезность, парадность, шумиха, нагнетание оваций — до грохота и принижение критики — до шепота; это тиражирование догм и торможение свежей мысли, творческих исканий. Забвение того, что при социализме экономика не может быть отделена от таких понятий, как нравственность, честность, порядочность, — и в труде, и в отчетности, и в распределении благ.

Возьмем еще одну группу глубинных противоречий — противоречий в самом труде. У К. Маркса есть такая мысль: «Общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда»¹. Труд — божество, унижение, оскорбление которого — святотатство. Жизнь наказывает за это, и наказывает жестоко.

Развивающийся социализм не устраняет деление труда на абстрактный и конкретный. Но в общественное сознание и в практику оказался внедренным постулат: дескать, отсутствие частной собственности и даже просто государственный план определяют, что всякий труд (полезный — вредный, безупречный — халтурный) является непосредственно общественным, необходимым.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 551—552.

Эта догма—объективно один из катализаторов затратности. Уравнительно оплачивается любой труд — плодятся приписки, очковтирательство, обман; стихийно и уголовно-организованно перераспределяется национальный доход; искажаются нравственность и этика труда, падает его культура. Оплата по труду деформируется, что подрывает здоровую трудовую и общественную мотивацию.

Одновременно труд оказался разделенным на производительный в материальной сфере и непроизводительный — в других. Отсюда и «остаточный» принцип вложения в социальную инфраструктуру, технократизм, недооценка человеческого фактора. Отсюда и материальная и моральная ущербность положения самого квалифицированного и необходимого в условиях НТР труда врача, учителя, инженера, ученого. Отсюда и принижение социального статуса знания, подлинного профессионализма. Нет ли и здесь причины для переосмысления некоторых понятий?

Затратный способ хозяйствования, порождающий безответственность, расшатывает и нравственное содержание труда, что не может не сказываться на отношении к нему со стороны части рабочего класса и крестьянства, интеллигенции и особенно молодежи. Мы не отработали систему воздействия ни стыдом, ни рублем. Проблема культуры и мотивации труда приобретает новое звучание, поскольку в условиях самофинансирования, самокупаемости и самоуправления с неизбежностью трансформируются критерии трудовых отношений.

Причем это важно не только для практики. Есть основания полагать, что именно здесь, на самом живом и остром стыке экономического и социального, материального и духовного, личного и общественного, на этом перекрестке животрепещущих и малоисследованных проблем можно ожидать и наиболее серьезного методологического прорыва всего нашего обществоведения в целом. Прорыва, который станет возможен, если в центр изысканий будет действительно поставлен человек в реальной системе его общественных связей и отношений.

IV

Ключевая черта апреля 1985 года — активизация всей системы политических и общественных институтов, неотложность демократизации всей общественной жизни, утверждения в образе мысли и действия демократического миропонимания и мироощущения.

Демократия — важнейший, вернее даже, единственно возможный способ реализации социализма как общественного организма. Социально-экономическую суть социализма марксизм отнюдь

не сводит просто к обобществлению средств производства. Обобщественное производство выступает подлинно социалистическим лишь тогда, когда самим трудящимся на деле принадлежит решающая роль в управлении производственными и другими общественными делами, когда сами коллективы решают насущные вопросы экономического и социального развития.

Что это значит сегодня на практике? Мы знаем по собственному опыту, что огосударствление социалистической собственности имеет эффект отчуждения человека. Однако без какого-то, пусть и существенно меньшего, чем ныне, уровня огосударствленности не обойтись. И тут демократия — мощное средство компенсации, исправления его пороков, преодоления отчуждения.

Мы движемся к неизбежности признания многообразия форм социалистической собственности и практике строгой оплаты по труду. А значит, объективно, и к определенному, контролируемому, но все же экономическому неравенству — важному двигателю хозяйственного и общественного развития. И тут демократия тоже — и средство выправления такого неравенства в решении социально значимых вопросов, и средство контроля над самим неравенством, его проявлениями. То и другое существует в нашем обществе: пора перестать обманывать себя и обманываться на этот счет, а вместо этого поставить неравенство под гласный общественный надзор и в той мере, в какой без него обойтись не получается, заставить его служить человеку и обществу, а не работать против них.

И последнее в этом нетрадиционном пока еще ряду. Социальные гарантии, политические свободы, юридические права гражданина социалистического общества, практическое их наполнение не есть нечто раз и навсегда заданное, установленное, застывшее. Они — производные от всего комплекса реальных исторических условий — объективных и субъективных. Человек представляет для социализма высшую ценность — не только в общем плане, но и предельно конкретно, индивидуально. Таков смысл современного этапа развития социалистической демократии.

Демократизация — та грань современной жизни советского общества, которая вызывает пристальное и заинтересованное внимание во всем мире. Одни приветствуют курс на гласность, открытость, самокритику и критику, видя в этом поступательное движение социализма, его более полное гуманистическое осуществление. Другие, кто хотел бы видеть социалистическую демократию по образу и подобию буржуазной, лелеют надежду на перерождение общества. Третьи рассуждают о «пагубности» самоуправления, об «опасности» демократизации вообще. Причины таких толкований понятны. Они разные — и по источ-

нику, и по степени понимания сути происходящего, и по искренности надежд, которые связывают прогрессивные силы мира с развитием социалистической общественной системы.

В ленинском политическом словаре понятия «демократия», «самоуправление», «живое творчество масс» — ключевые, особенно для суждений о социализме. Детально В. И. Ленин обосновал значение демократизма, раскрыл его сущность, определил содержание. Участие трудящихся в обсуждении законов и планов государства, выдвижение, избрание своих представителей в полномочные органы, контроль снизу за их деятельностью, гласность, критика и самокритика как методы политического руководства, ответственность и сознательная дисциплина, равенство всех граждан перед законом — вот те идеи, которые нашли отражение в установках XXVII съезда, январского (1987 г.) Пленума ЦК. Активизировать все, что служит социализму, дать возможность сполна раскрыться заключенному в нем потенциалу можно только через демократию, ее оздоровление и развитие. Невозможно победившему социализму без осуществления полностью демократии, — это наказ В. И. Ленина¹.

Перестройка по-особому поставила вопросы социалистической демократии и в связи с потребностью в новых подходах к проблеме управления. Социалистическое самоуправление означает и развитие ленинского тезиса об исторической необходимости постепенного перехода от власти для народа к власти самого народа на всех этапах политической системы социализма. Партия энергично ведет поиск в этом направлении.

Надо найти формы и стимулы реального участия людей в выработке основополагающих, а также текущих решений — в масштабах страны, общества, коллектива, как можно точнее раскрыть механизм действия демократии как способа реализации, разрешения возникающих противоречий всех уровней и характеристик. Крайне нужны теоретические разработки по всей гамме демократического развития, его воздействия на другие сферы жизни, на человека, на формирование политической культуры общества и его управленческих организаций.

Особого внимания требует достижение нового качества правовых наук. Здесь огромный блок проблем — от юридического обеспечения экономической реформы до необходимости внесения кардинальных изменений в те разделы юриспруденции, которые образуют основу экономических, политических и социальных прав, свобод советских граждан. Иными словами, теоретическая мысль обязана предложить адекватные современному этапу, диалектически развитые организационные, юридические,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.

политические методы обеспечения все более полной демократии.

Остаются весьма непростыми взаимоотношения правовой науки с текущей политической и хозяйственной практикой. Стремление тех или иных руководителей уйти от решения назревших проблем, ведомственные и местнические поползновения не содействовали заинтересованности в серьезном научном обеспечении дела. Использовались лишь те рекомендации ученых, которые могли придать квазинаучную респектабельность принимаемым решениям, пусть и неправильным, оправдать их юридически.

Пришло время понимания действительной ценности юридической формы общественных отношений, всестороннего развития и эффективного использования гуманистического, нравственного потенциала социалистического права. Без права, законности и правосудия нельзя достигнуть социального прогресса, обеспечить нормальное функционирование материального производства и институтов политической демократии, наладить эффективное управление, стимулировать развитие личности.

Но даже в вышедших совсем недавно монографиях обобщающего характера не удалось преодолеть узконормативную трактовку права, которая оттесняет на периферию его социально-ценностную ориентированность. Такие важные общественные качества права, как соответствие потребностям и интересам народа, верность принципам гуманности и справедливости, заслуживают соображениями административно-управленческой целесообразности. Как известно, юридический статус граждан, их права и свободы коренятся в совокупности общественных отношений, а право фиксирует и обеспечивает то, что сформировалось в живой жизни. Однако продолжают бытовать представления о правах граждан как благодеянии сверху, что говорит о непонимании той действительной связи, какая существует у нас между личностью, обществом, правом и государством.

Или взять такой вопрос, как социалистическая предприимчивость. Насколько право обеспечивает ее юридическую защиту? В юридических документах, инструкциях продолжает витать «презумпция виновности» в отношении хозяйственной инициативы. Закон об индивидуальной трудовой деятельности, кажется, пока единственный из действующих ныне, где во главу угла поставлен принцип: все, что не запрещено, можно. Но многие по-прежнему считают: если в законе не упомянуто, значит, запрещено.

Повернуть право в сторону здравого смысла, превратить в безусловный приоритет уважение к человеческому достоинству — это сегодня серьезнейшая задача юридической науки и практики.

Просматривается и другая, не менее перспективная — разработка потребных обществу форм организации его деятельности, своего рода социальное конструирование.

V

Конец XX века условно можно назвать периодом множества революций — социальной, научно-технической, культурной, психологической, демографической, экологической и т. д. В сочетании соревнования, противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств проявляется диалектическая сложность современного мирового развития. Этот вывод ставит перед обществоведами вопросы принципиально нового свойства.

Изменения в мировом развитии настолько существенны и всеобъемлющи, что требуют серьезного переосмысления, комплексной оценки всех его новых факторов и тенденций, значительного углубления теоретического анализа современного мира во всем его многообразии, противоречивости и целостности. Потребность решить проблемы выживания пробуждает у человечества силы самосохранения, создает у противоположных социальных систем стимулы к взаимодействию, соразмерные императивам ядерного века.

Еще недавно во многих философских и экономических исследованиях к понятию всемирно-исторического, родового бытия человечества относились как к своего рода высокой абстракции, не имеющей практического применения в нашем социально разделенном мире. Но в новых условиях, указывая на историческое противоборство двух общественно-экономических систем, нельзя не учитывать и сложнейшую диалектику их взаимодействия. Диалектико-материалистическое видение современной эпохи не приемлет как отрицания противоположности двух существующих ныне формаций, способов производства, так и игнорирования сущностного единства современного человечества, его общих интересов и ценностей.

Концепция единого, взаимозависимого мира тесно связана и с *экологической проблемой*. Думаю, мы еще не до конца осознали, что по своим глобальным последствиям продолжение нынешних подходов к природопользованию катастрофично. Развитие технической цивилизации, базирующееся на принципах безоглядного покорения природы, значительно подорвало самовосстановительный потенциал природных комплексов. Долг перед настоящим и будущим — разработать научную стратегию спасения человечества от экологической гибели, которая, если не проявить огромных усилий всего мирового сообщества, способна разра-

зяться, по некоторым прогнозам, буквально через несколько десятилетий.

Задача не сводится только к увеличению расходов на охрану окружающей среды. Необходимо совершить переход к новой ступени политической и экологической культуры. С точки зрения политической — это мир и сотрудничество между государствами на надежной международно-правовой основе. С точки зрения экономической — процесс перевода мирового хозяйства на безотходные технологии, сохранение и культивирование окружающей среды. С точки зрения социальной — усиление борьбы с давними заклятыми врагами человека — голодом, болезнями, нищетой, неграмотностью. С точки зрения философской — гармония отношения человека с природой, очищения разума и души человека от всех видов социального зла эксплуататорских обществ, защита и развитие подлинных достижений культуры, предотвращение ее деградации.

Новым словом в теории международных отношений является, по существу, постановка вопроса о *формировании системы безопасности*, в основе которой лежали бы общечеловеческие ценности, крупномасштабные инициативы, ориентированные на создание безъядерного, ненасильственного мира. Необходимо разработать развернутую систему взглядов, такую политическую философию, которая подвигла бы государства возвыситься над существующими противоречиями, когда речь идет о выживании человечества.

Формирование демилитаризованного мира требует устранения глубинных причин, истоков недоверия, напряженности и враждебности, конфронтационных подходов в международных отношениях. Важно найти общие ориентиры их развития, которые отвечали бы интересам всех государств — членов международного сообщества. Надежным устоем мира, свободного от насилия, должна стать и международная экономическая безопасность.

В новых подходах нуждается и проблема сотрудничества в *гуманитарной* области. Дыхание перестройки, демократизации в нашем социалистическом доме должно в полной мере ощущаться и вовне. Здесь для советских ученых-международников раскрываются новые возможности для теоретической разработки вопроса о нравственных и духовных факторах всеобъемлющей системы международной безопасности.

Раскрытия и наполнения материальным содержанием требует концепция *достаточности* военных потенциалов, в том числе и в условиях полной ликвидации ядерного оружия.

Иными словами, речь идет о дальнейшем обогащении марксистской мысли на качественно новом витке мирового развития, о непрерывном обновлении и совершенствовании научного

мировоззрения. Вспомним слова В. И. Ленина из «Материализма и эмпириокритицизма»: «Энгельс говорит прямо, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественноисторической области» (не говоря уже об истории человечества) «материализм неизбежно должен изменять свою форму»¹.

VI

Перестройка значительно актуализирует проблему *общественного сознания* — неисчерпаемого источника социальной энергии. Оно видится в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, на пути повышения «качества сознания», поднятия его на новый уровень научной строгости, образования и общей культуры, информированности и кругозора. Во-вторых, через превращение знаний в убеждения, а убеждений — в поступки и действия людей. Место и роль общественных наук тут особые.

Общественное хозяйство, социальная инфраструктура, социалистическая демократия, воспитательная сфера представляют собой единый узел проблем, требующих широты в их теоретической постановке, целеустремленности и компетентности в практических делах.

Крупные проблемы стоят перед философской наукой. Отрыв от действительности получил тут своеобразное методологическое, «теоретическое» обоснование. Отчетливо выразилась подобная тенденция в искаженной интерпретации и применении ленинского учения о познании истины — от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Из ленинской методологической установки практически изымалась та ее часть, которая указывала на необходимость постоянного обращения в ходе теоретического познания к реальному объекту.

Вместе с тем заметна и другая тенденция — сползание к эмпиризму, описательству. Вышло немало работ философов, да и других обществоведов, лишь сообщавших о наблюдаемых фактах, о тех или иных событиях без их теоретического осмысления, без проникновения в их социальные и иные причины, без научно обоснованных прогностических выводов.

Думаю, нас должно серьезно обеспокоить отставание науки в комплексном изучении человека. Очень важное значение приобретают проблемы, связанные с внутренним миром человека, — именно по этим вопросам идут наиболее активные дискуссии. К сожалению, вся сфера нравственно-философских проблем остается своего рода целиной: когда человек начинает задумываться над «вечными», мучительными проблемами смысла жизни,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 265.

морального выбора, этического обоснования своих поступков, то чаще всего обращается за ответом не к профессиональным философам-этикам.

Вместо того чтобы исследовать реальную структуру общества, динамику социально-классовых, внутрикласовых изменений, сложный и противоречивый процесс формирования социальной однородности советского общества, в трудах по научному коммунизму, философии и социологии ритуально скандируется лишь тезис об этой однородности. Вместо изучения сложнейшего процесса формирования, воспитания социалистической личности — схоластические рассуждения о почти идеальном советском человеке. Спрашивается, откуда же застойные явления, люди, зараженные потребительством, вещизмом, духовно опустошенные, откуда карьеризм, бюрократизм, равнодушие?

Не менее сложной продолжает оставаться ситуация и в социологии. Профессиональный уровень многих исследований еще низок, широко распространены описательность, упрощенная трактовка вопросов социального развития, общественного мнения. Сохраняется неопределенность относительно места социологии в системе общественнознания.

Уход от действительности проявляется и в изучении национальных отношений. Именно в этой сфере, как, пожалуй, ни в какой другой, накопилось много устаревших, догматических оценок, неадекватных практике.

В сущности, мало изучено реальное противоречие, состоящее в том, что по мере отмирания классовых различий, дальнейшего развития общих черт образа жизни и духовного облика людей больше дают о себе знать различия неклассового характера — профессиональные, культурно-бытовые, возрастные, национально-языковые. Все это нужно серьезно осмысливать, прогнозировать, внося коррективы в политическую деятельность, в планы социального развития.

В исторической науке немалая часть ученых специализируется в значительной мере на критике концепций буржуазных авторов, не занимаясь самостоятельным изучением источников и выработкой научных идей, критическим переосмыслением устаревших представлений. На новой основе возродилось вульгарное социологизирование. Некоторые историки под видом искоренения мелкотемья предлагают, по сути, лишь наполнять социологические схемы «исторически» оформленными фактическими иллюстрациями.

Нет благополучия и в методологическом отношении. Главным образом это проявляется в отходе ряда историков и литераторов от социальных оценок исторических событий и лиц. Стремление приукрасить действительность дореволюционной России,

прошлое других республик вольно или невольно затушевывает остроту противоречий, нарастание которых привело к трем российским революциям.

Иногда вполголоса, а то и явно звучит критика революции и Советской власти за их будто бы разрушительную политику по отношению к национальным культурам. В подтексте такого рода рассуждений содержится мысль о том, что именно социалистический подход, пролетарский интернационализм оказались на практике чуть ли не причиной «обеднения» национальных культур. Это — политические спекуляции на незнании, невежестве, а также прямой результат того, что демагогия на этот счет не получает достаточно аргументированного отпора со стороны научной критики, призванной отстаивать историческую истину.

Перед серьезными проблемами стоит историко-партийная наука. Предстоит заново подойти к освещению многих важных и сложных периодов истории партии, извлекая из каждого необходимого урока, строго придерживаясь принципа историзма, принципа правды. В специфической обстановке перестройки глубокое знание прошлого — неоценимое подспорье настоящему и будущему.

Задач много. Они огромны. Но насколько возможна серьезная перестройка обществоведения в духе времени при той организации, постановке исследовательской работы, при той нравственной атмосфере, какая существует в некоторых научных учреждениях? Это сегодня — один из острейших вопросов.

Речь идет прежде всего о развитии демократии в науке и о научной этике. Демократия в науке — целительная форма цивилизованного разрешения противоречий. Терпимость, уважение иной точки зрения вовсе не равнозначны потере своей позиции. Они зиждутся на чувстве собственного достоинства, уважении этого чувства в других, на умении разбираться и в проблемах, и в людях. А значит, на подлинной принципиальности, неотделимой от высокой нравственности.

Гласность — инструмент, которым общество контролирует положение дел во всех сферах жизни, включая науку. Если не будет изменений здесь, то коренных улучшений в содержании работы научных учреждений не произойдет. Слишком много накопилось всего, что не может не тревожить. Едва ли терпима чиновная монополия на истину, когда в работе мысли последнее слово оказывается не за истиной, а за должностью. Было бы несправедливо ставить под подозрение всех руководителей на разных уровнях научных структур. И все же прессинг должностных авторитетов распространен широко. Немало и злоупотреблений служебным положением — будь то бесосновательно навязываемое соавторство, культивирование научного приспособленчества

в среде подчиненных, круговая порука, снисходительность, не требовательность в отношении «своих» и остракизм неугодных.

Необходимо демократизировать сами формы организации науки, поднять роль ученых советов, научных конференций, дискуссий, оживить научную критику, авторитет должности подчинить авторитету мысли.

Но особое значение имеют научная этика и этика поведения. Получилось так, что наши обществоведы разделились как бы на две части. Одни работают, ставят проблемы. А другие внимательно следят, ждут, когда те, первые, ошибутся или потерпят неудачу. И тогда, дождавшись, стремятся показать, что им-то истина была ведома с самого начала.

Есть и категория людей, которые, будучи с чем-то не согласны, избегают открытых дискуссий, не отстаивают истину в научном споре. Но, убежденные лишь в собственной правоте, пишут письма в различные организации, требуя привлечь «виновных в ошибках» к ответственности, навешивая ярлыки, оскорбительные обвинения. Следует привлекать внимание общественности к такого рода людям, настойчиво внедрять в жизнь этику высокой научной и человеческой порядочности.

Наука может развиваться лишь в процессе конструктивных дискуссий, в столкновении мнений. Представляется, что не только сложившиеся формы и процедуры, но и содержание научных дискуссий нуждаются в критическом осмыслении. Нужны дискуссии, рождаемые соревнованием идей, стремлением к защите истины, нового знания, а не дискуссии, в которых истина, напротив, утончает и гибнет. Чтобы превратить научные обсуждения, дискуссии в действенное слагаемое ускорения, надо осознать: ни в постановке новых вопросов, ни в ответах ни у кого нет монополии на истину.

Полезно отрешиться и от снобистского отношения к предложениям неспециалистов. Перестройка вызвала к жизни политический поиск миллионов советских людей. Их видение проблем несет часто подлинно золотые зерна истины, свежесть и оригинальность подходов, то самообытное восприятие мира, которое всегда дарило человечеству неожиданные открытия.

Пожалуй, самой острой проблемой развития обществоведения становится его связь с жизнью. Сейчас, говоря словами Ленина, «наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...»¹. Живое дело, реальная задача — одновременно и результат, и важнейшая гарантия демократизма, гласности, здоровой атмосферы в самой науке.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 202.

ПЕРЕСТРОЙКА И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Перестройка вошла в нашу повседневность. Вошла не просто и не парадно. Она требует жить и работать с большей самоотдачей, преодолевать накопившиеся мерзости и равнодушие. Она поднимает немало трудных, неприятных, болезненных вопросов.

Например, почему на семидесятом году Советской власти снова остро поставлен вопрос о необходимости революционных преобразований в экономике, социальной сфере, политике?

Почему в обществе, стряхнувшем с себя эксплуататорское наследие царской России, обнаружилась коррозия нравственных ценностей?

Почему с новой силой встала проблема необходимости жить и работать по совести?

Вопросы непростые, тревожащие. Но если сказать кратко, то корень надо искать в том, что в непосредственных, конкретных целях, особенно в средствах их достижения, обойденным оказался сам человек, его жизнь, его радости и тревоги, надежды и разочарования, его вера и безверие — словом, все то, что выражает сущность бытия.

Апрельский Пленум ЦК 1985 года начал отсчет принципиально нового этапа развития, нацеленного на решение неотложных вопросов социального переустройства, на достижение нового качественного состояния общества. Разум и нравственность, мысль и совесть начали отвоевывать позицию за позицией, выступая рычагами революционных перемен, раскрепощения возможностей социализма через возможности человека.

Этот процесс опирается по крайней мере на три базовых элемента: на творческую инициативу и самостоятельность трудовых коллективов. На новые масштабы социалистической демократии. На научно-технический прогресс, заинтересованное и эффективное использование его результатов.

Из выступления на партактиве Калужской области. Калуга. 14 июля 1987 г.

Условие жизнеспособности общества — развитие социалистической демократии. Поскольку социализм создается для народа, то он и должен твориться народом. Наступило время по-революционному покончить с практикой, когда одни лишь властно вещали, другие смиренно внимали. При социализме не может быть терпимо состояние, когда люди отодвигаются от решения дел государства, общества, коллектива, когда сложилась целостная система отчуждения человека от власти и производства.

Жизнь напомнила остро и напористо: политические и экономические успехи исторически преходящи. Вечен человек, и непреходящи его нравственные ценности. Это едва ли не весь спектр предпосылок здорового людского общежития. Дом и семья. Родина и народ. Свобода и долг. Честность, порядочность и справедливость. Миротребие, человечность и великодушие. Мужество, верность и самопожертвование. Любовь, дружба и бескорыстие. Природа, хлеб и вода. Великая цель, великое слово и великое дело. Труд и творчество. Ум и талант. И многое другое.

Социализм по своей природной сути должен служить общечеловеческим ценностям. Он в состоянии сполна открыть простор для их истинного и полного воплощения. Поэтому в центре всей работы — именно всей и всего, а не по частям — должны стоять социально-духовные, нравственные характеристики общества и человека. Но это значит, что любое неблагополучие в общественной нравственности — тревожный, серьезный сигнал о просчетах в политике, экономике, культуре, социальной сфере.

Если человек думает одно, говорит другое, а делает третье, то успеха не обрести, распад общества неизбежен, ибо нарушается один из коренных принципов нравственности — правды, политической честности и порядочности.

Если для того чтобы хозяйничать с максимальной пользой для общества, работники вынуждены ловчить, изворачиваться, заниматься разного рода фокусами с показателями, значит, давно назрели, стучатся в дверь преобразования в экономике, ибо социалистическая экономика не может, не имеет права быть безнравственной.

Если в культуре, искусстве, науке, публицистике, педагогике, медицине годами и десятилетиями нарастает тяжелая волна ссорности, посредственности, преследований и изгнаний новаторского, талантливого, самобытного, значит, разрушаются нравственность, основы человечности.

В обществе накопилось немало трудных проблем. И существеннейшая сторона начатых после апреля преобразований с точки зрения перспективы — в восстановлении нравственности везде и во всем как непреложной практической нормы жизни. В искоренении не только отдельных проявлений и рецидивов

лицемерия, лжи, подлости и тому подобного, но и в устранении всего, что порождает и поддерживает их как явления общественной жизни.

Отсюда — высокий моральный накал критических выступлений на партийных и рабочих собраниях, на сельских сходах, в средствах массовой информации. Накал, который не для всех привычен и удобен, который, прямо скажем, пугает кое-кого своей энергией, внутренней силой. Но и дает очищение, столь необходимое сегодня.

Критические выступления должны оцениваться по одному, и только одному, критерию: соответствуют ли они фактическому положению дел. Да, партия сказала немало горького. И если сегодня эта правда нарушает привычные спокойствие и душевный комфорт, так это потому, что слишком долго мы ее держали как бы про себя, внутри. Слишком много накопилось такого, о чем нужно было говорить в полный голос еще и 10, и 20, и 50 лет назад.

Но, разумеется, атмосфера демократизма, гласности предполагает высокую ответственность личности, призывает действовать по строгим этическим нормам. И в делах, и в словах. Критика — не навешивание ярлыков, не огульные заявления и бездоказательные обвинения. Ничего общего с подобным подлинная критика, безусловно, не имеет. Но нам еще не хватает таких выступлений, которые отличала бы критическая конструктивность, созидательная озабоченность, боль сопереживания.

И дело не в том, чтобы вычислять соотношение так называемого «негатива» и так называемого «позитива». Это пустое занятие. Иной бодрый, лубочный, но лживый «позитив» хуже тяжелейшего, но честного «негатива». Опыт последних двух лет показал, что критическое переосмысление собственных действий — сверху донизу — норма демократии. Такой она и должна остаться. И пора превозмочь аллергию на критические выступления. В сущности, силы застоя и консерватизма избрали массированные атаки на средства массовой информации как форму сопротивления перестройке.

Другой вопрос — что любые выступления должны быть правдивыми, честными, заинтересованными в существе дела, предметными и доказательными, а не сводиться к тому, чтобы продемонстрировать только литературные или ораторские способности пишущего и выступающего. Боль за беду, а не радость от руин, милосердие, а не лихорадочный и суетливый поиск злых духов — именно такая психология куда больше отвечает идеалам перестройки, чем злорадство или безоглядная разрушительность. Только этическая ущербность или бескультурье движет людьми, которые стремятся всеми средствами «вырвать восторг» разру-

шительной тональностью выступления, обвинениями всех и вся на основе приверженности привычным догматам. Надо надеяться, все это пройдет, хотя процесс будет, видимо, сложным и длительным, характеризоваться перепадами.

Понимание общего состояния дел в стране достигнуто, хотя и не полное. Принципиальная политическая линия выработана. Наступила пора практических действий — каждодневных, повсеместных и настоячивых. По крайней мере на двух направлениях: создать надежные заслоны тормозящему самообольщению и приступить к конкретным преобразованиям в экономике, управлении, во всей жизни общества.

Предпосылки преобразований связаны с действием многих факторов. Прежде всего, это положение в экономике страны, социальной сфере, ход научно-технической революции, обстановка в мире. Перемены последней четверти века столь масштабны, а их проявления в разных областях столь взаимосвязаны между собой, что потребовали и непредвзятого анализа, и смелых выводов.

Обратимся в прошлое, и в не столь уж отдаленное. На определенной стадии общество, что называется, уперлось в упрямые факторы внеэкономического характера. В то, как обстоят дела в социальной сфере — продовольствие, жилье, товары народного потребления, услуги, здравоохранение, образование. В то, с каким настроением живут и трудятся люди. В то, насколько развиты или отстают смежные с экономикой сферы: социальная и материальная инфраструктуры. Эти факторы перестали быть эластичными, податливыми. Остро выявилось их противоречие технократизму, производственному уклону. Они стали как бы мстить за пренебрежение к ним.

Сфера нравственного адекватно отреагировала на экономические и политические деформации. Свой характер она показала через падение престижа честного, производительного и качественного труда, через распространение разного рода нечестности, обмана, через равнодушие и бесхозяйственность, через посрамление нравов. Жизнь напомнила напрасно подзабытую истину: всякое хозяйство ведется в конечном счете в интересах человека, его блага, а не во имя чего-то еще. И если оно начинает вращаться вокруг самого себя, мистифицировать себя и других магией цифр, чванливо игнорировать свое действительное предназначение и претендовать на особую роль, то и люди платят ему той же монетой. За обиду платят обидой, на зло редко отвечают добром. И пока будет господствовать магия цифр, царства труда не наступит.

Другой фактор, вызвавший потребность в революционной перестройке, — упущенное время. И не под влиянием каких-то

объективных или сверхъестественных обстоятельств, а по собственной вине. Многие из проблем, которые решаются сегодня, стояли и в середине 60-х годов. Некоторые — и того раньше. Но не обнаруживалось смелости, настойчивости, решительности, последовательности, а скорее — умения и желания решать их. Итог закономерен: проблемы стали еще острее и сложнее.

Само по себе существование проблем и взаимодействие противоречий — обычная, нормальная жизненная ситуация. Ненормальным было то, что на протяжении длительного времени накопление проблем опережало темпы их решения, а подчас и просто признания. Именно это и делает сейчас необходимым принять самые крутые меры, чтобы в ограниченные сроки разгрести образовавшиеся завалы, скинуть груз, что тянет вниз, заставляет расплачиваться за не сделанное вчера и позавчера.

Можно ли сегодня продолжать жить по-старому? Вообще-то говоря, можно. В чем-то даже гораздо проще, спокойнее, удобнее. Но ясно, что и цена за такое спокойствие, за бездеятельность оказывается, как это уже видно, очень высокой, неприемлемо высокой для социализма. Каждый человек может ограничить себя минимальными уровнями учебы, квалификации, культуры, вообще всего, что требует усилий, труда. Но очевидно, что и сам он при этом немного достигнет, и уважения окружающих к себе не добавит. А жизненным кредо станет для него иждивенчество и зависть к успехам других.

С обществом, если оно застывает, сложнее. И дело не только в том, что оно не построят, не произведет, не создаст то, что могло бы. Но изменится оценка и самооценка общества. Могут оказаться заблокированными на многие десятилетия возможности материального и духовного развития. Будет понапрасну растрачен бесценный потенциал — творческие, созидательные возможности человека, подорвана его вера в собственные силы и в социальную эффективность общества.

Иными словами, сегодня просто нельзя действовать, как вчера. Нравственные критерии оценок становятся другими. Прошедший скачок в общественном сознании не дает права ограничиваться полумерами, восстает против них. Это идет не от наивной веры в возможность одним махом разрешить труднейшие проблемы бытия. Чудес не бывает. Понимание непригодности полумер продиктовано опытом и уровнем сознания людей. Полумеры были. Были правильные диагнозы и решения. Но эффекта они не давали. Более того, своей недействительностью порождали настроения пассивности, самоотстранения, демобилизованности, социального равнодушия.

Хотелось бы, однако, предупредить и против опасных последствий взрыва неумеренных ожиданий. Надо настраиваться не на

штурмовщину и кампании, а на долгую, напряженную, равномерную и целеустремленную работу. Замысленное XXVII съездом КПСС — программа не одного дня и даже не одной пятилетки.

Политическое руководство партии поставило после марта 1985 года задачу преодолеть все изжившее себя, застойное, консервативное. В чем высший смысл этой задачи? Не просто в том, чтобы сейчас, сегодня заменить новым непригодное, залатать очевидные прорехи, а затем вновь впасть в дремоту. Примеры такого рода уже были. Фактически, подобная узость и утилитарность подхода оборачивалась тем, что на смену одной группе руководителей приходила другая, причем на всех уровнях. А тем временем дело, на первых порах оживляясь, затем откатывалось на прежние позиции, застой консервировался, вновь падала вера людей, шло накопление разочарования и равнодушия.

Значит, бороться надо против явления и вызывающих его причин. Сознательно, целенаправленно, с опорой на науку создавать, развивать условия, противодействующие такому повороту событий, который может принести отрицательные, если не губительные, для общества последствия. И одно из мощнейших здесь средств — саморегуляция через нравственность человека и демократизацию общества.

Мы справедливо критикуем затратный механизм в экономике. Но порой односторонне. Критикуем его ориентацию на экстенсивные формы развития, его неэффективность. Критикуем несоответствие таких его родовых показателей, как, например, «вал», сегодняшним условиям бытия и потребностям общества. Критикуем несуразные и вредные последствия такого несоответствия — дефициты одного и избыток другого, плохая сбалансированность планов и их материально-технического обеспечения, отторжение качества во имя количества.

Все это верно, но разрушительная роль затратного механизма глубже. Он порождает приписки, очковничество, показуху, коррупцию, поскольку создает достаточно широкие возможности для противоправных, аморальных действий, оставаясь в то же время глухим к стимулированию честной работы и честного поведения.

Затратный механизм аморален и потому, что не дает максимально раскрыться возможностям человека, коллектива, общества. Он, по сути, требует: делай сегодня то же, что и вчера, но больше. Тем самым отрицает качественное движение вперед, отрицает развитие. И это не предположения или догадки — именно так происходило в действительности. В конечном итоге затратный механизм равнодушен к самому источнику жизни и благосостояния — к труду человека. Отсюда, собственно, и все напасти, которые приходится испытывать перестройке.

Действие затратного механизма неразрывно с господством технократических подходов и собственно в экономике, и на стыке экономики и социальной сферы. Видимо, на каком-то этапе технократизм был объективно неизбежен — и в мире, и у нас. Но этап этот давно прошел. Более того, лучшие умы человечества, включая и многих деятелей советской науки и культуры, не раз предупреждали об опасностях технократического своеволия. К сожалению, эти предупреждения не прогремели набатом.

Речь опять-таки не только о том, что неспособность видеть дальше текущих показателей неизбежно порождает огромные экономические потери. Что погоня за грошовой экономией сегодня ведет к загрязнению воды и воздуха, всей среды обитания, к несуразной растрате ресурсов, что оборачивается неисчислимыми, многомиллиардными потерями. Что приписки и показуха разрушают мораль. Эту сторону дела общество начинает осознавать, учитывать, практика тут медленно, но меняется к лучшему.

Но как научить рабочего, колхозника, инженера бережливости, рачительному отношению к делу, если буквально на его глазах разрушаются целые регионы? Психология временщика, хозяйствования любой ценой наносит самый большой ущерб. Она несовместима с подлинным социализмом, цель и задача которого — делать еще прекраснее все то, чем мы располагаем, приумножать общественное достояние. Она, эта психология, порождается не столько изъянами отдельной личности, сколько общими условиями экономической деятельности. Но сколь бы ни были высоки темпы развития экономики, они не продвинут нас вперед, но отбросят далеко назад в общественном отношении, если будут обеспечиваться ценой и средствами, несоединимыми с нравственностью, гуманизмом.

Думается, инфляция таких понятий, как порядочность, совесть, надежность, далеко не случайность. В том хозяйственном, общественном климате, что сложился в последние десятилетия, такие качества оказались просто ненужными. Они были признаком людей неудобных, тех, кто не поступался принципами, своей честью и достоинством, кто не забывал об общественных интересах и тогда, когда такая позиция преследовалась карьеристскими приспособленцами и чиновным аппаратом.

Пора не только поддерживать — пора культивировать такие личности. Пора перестать искусственно сталкивать интересы общества и человека, представлять их как непрерывный конфликт. Необходимо учиться органично сочетать их, переводить интересы одного уровня на язык других, с ним смежных.

Нравственный долг перестройки — вернуть человеку чувство собственного достоинства. Великое это чувство, если задуматься

всерьез. Неотделимое от понятия совести. Заменяющее любую массу контролеров. Побуждающее работать не за страх, а за совесть не потому, что кто-то проверяет, что отразится на зарплате, а потому, что уважение к самому себе не дает трудиться иначе. Не сгрубить, не схамить, будь то на рабочем месте или во внеслужебное время, не потому, что кто-то накажет, а потому, что такое поведение несовместимо с уважением к себе самому. Но сумеем ли мы поднять это чувство, если сохраним безнравственную практику социально-экономической деятельности?

А возьмите социальные вопросы, суть остаточного принципа финансирования. Он означает одну простую и поистине ужасающую вещь: вопреки всем высоким и правильным словам на деле человек оставался позади всех других интересов.

Не буду продолжать перечисление — горько говорить. Все это ясно демонстрирует ограниченность, ущербность голого технократизма: «вал», тонны, кубометры есть, а морального удовлетворения и социального блага нет. От кого же это зависит, как не от нас самих?! При всех положительных сдвигах последнего времени мы не восстановим нравственное здоровье общества, не изменив в корне и решительно практическое отношение ко всей социальной сфере.

На первых позициях здесь — распределение и потребление. Предстоит преодолеть две крайности. Одна — мещанское потребительство, этакий «хватательный рефлекс», когда неважно, что хватать и какими путями, главное — побольше. Такое потребительство вытеснит в человеке все: честь, достоинство, совесть, интерес других. Сугубо потребительская психология превращает личность в питательную среду многих антиобщественных явлений — стяжательства, спекуляции, иждивенчества, коррупции, преступлений.

Непримиримая борьба тут неизбежна. Но не пропагандой аскетизма, не войной против стремления людей жить хорошо, зажиточно. Борьба с потребительством — постоянное, умное воспитание действительно разумных материальных и духовных потребностей и создание всех возможностей для удовлетворения таких потребностей.

Немало проблем, связанных с нравственной атмосферой в обществе, накопилось и в области культуры. Администрирование, засилье бюрократизма дали тут особенно иррациональные результаты. Вкусовщина, бездумное запретительство наносили по искусству удар за ударом. Немало действительно талантливых работ оказалось на полках и в ящиках, а работы серые, формальные получали тем временем высокие награды. Падали тиражи газет и журналов. Колонны телевизоров на складах отражали не только качество продукции, но и качество телепро-

грамм. Зритель не шел в театры — это покрывалось принудительным распространением билетов и дотациями. Не шел на фильмы — скрывалось махинациями с отчетностью.

В последнее время лежавшие под запретом фильмы, сценарии, книги стали достоянием общественности. Искусственный ажиотаж снят, советские люди сами могут оценить все по достоинству. Никаких неприятных последствий, которыми кое-кто запугивал, не оказалось. Напротив, стимулированы творческая мысль и ответственность.

Но беспокоит следующее. На мой взгляд, открывшиеся возможности используются пока неудовлетворительно. Как бы не пожалеть потом, что глоток свободы был растрочен на пустое, зряшное, преходящее. Борьба идей, творческих исканий подменяется порой непристойной возней, стычками самолюбий. Судя по всему, еще нет серьезного понимания, что в конечном счете об ответственности художников слова, звука и кисти будут судить по тому новому, что внесет культура в создание и постижение нравственных ценностей свободного советского общества.

Принципиальный ключ к пониманию и освоению новых подходов — как в теории, так и в практике — научное понимание противоречий при социализме. Здравый подход к противоречиям учит многому: правильности оценок, реализму, культуре мышления, демократии. Сейчас мы являемся свидетелями образовавшегося тут разрыва. С одной стороны, марксистско-ленинское учение о противоречиях мы знаем, что называется, со школьной скамьи. А с другой — в практике никак им не руководствуемся, больше того, до недавнего времени проблема противоречий рассматривалась в сугубо схоластическом плане.

Возьмем для примера ситуацию, созданную перестройкой. Многие сейчас охотно говорят о демократии, гласности, перестройке, но мало что делают для их развития. И хорошо еще, если не тормозят. Если раньше на почве разрыва слова и дела рождался цинизм, то теперь — социально-политическая мимикрия. Она где-то сродни той мелкобуржуазности, которая революционна до революции и впадает в уныние, когда революция свершается.

Подобная мимикрия, разрыв между идеологией перестройки и ее практикой — серьезный тормозящий фактор, преодоление которого требует мер и по развитию теории, и во всем, что связано с переводом теории на язык жизни, ее проверкой жизнью, избавлением от догматизма и схоластики.

Особое место на стыке культуры, науки и этики заняли сейчас сложные вопросы отношения к историческому, культурному, национальному, природному наследию. Родились эти вопросы

на давних и недавних упущениях, ошибках, на том, что действительные проблемы своевременно не решались, на том, что справедливая обеспокоенность общественности наталкивалась не на заинтересованную реакцию, а на административные обиды, уязвленное бюрократическое самолюбие, на карьеристские соображения.

Что касается практической стороны дела, то здесь, казалось бы, все ясно. Надо заниматься вопросами по существу. Не игнорировать общественное мнение, а видеть в нем энергичного и заинтересованного участника происходящих процессов.

Сложнее с содержательными моментами, такими, как воспитание историей и национальной культурой, преемственность патристических и интернационалистских традиций.

Наше государство с древнейших времен складывалось как многонациональное. Складывалось трудно, временами трагически. Многие истины и страницы прошлого оплачены весьма и весьма дорогой ценой. Тем опаснее, когда некоторые из таких истин начинают забываться или отодвигаться в сторону, а еще хуже — становятся предметом разного рода спекуляций.

Интернационализм — высочайшая нравственная ценность, фундамент гуманистической политики. Но и здесь возникло немало неоправданных и непростительных перекосов, связанных и с отношением к истории, культуре, нравственности.

Казалось бы, в отношениях между нациями и народностями нет объективных, оправданных побуждений к нездоровым чувствам, распрям, нетерпимости, к национализму и шовинизму, сионизму и антисемитизму. Вместе с тем участились проявления националистического экстремизма, которые, в сущности, тормозят перестроечные процессы. Что питает подобные «выбросы»?

С одной стороны, это просчеты в социальной, кадровой политике, особенно на местном уровне, которые не исправлялись годами. В результате даже небольшая ошибка постепенно превращалась в затяжную болезнь, порождала зоны нездоровых общественных отношений.

Другая причина — разного рода групповые устремления и амбиции, возникающие на культурной и религиозной почве. Очень уж невтерпеж некоторым раздувать существующие проблемы до масштабов крайнего национализма, а то и выдумывать вопросы, что называется, на пустом месте. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость прилагать все усилия к тому, чтобы давать «отпор *всякому* национализму, как грубому, насильственному, черносотенному, так и самому утонченному...»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 144.

Но в борьбе с крайностями особенно опасны крайности. А порой к этим крайностям намеренно подталкивают, и достаточно целеустремленно. Это надо видеть и понимать.

С нележкой руки небольшого круга лиц становится чуть ли не модным изображать дело так, что культурная политика партии — и в прошлом, и сейчас — направлена на противопоставление досоциалистической и социалистической истории, на подрыв народных традиций. Проявляется это и в некоторых псевдотеоретических изысканиях, и в подходах к делу охраны и защиты памятников прошлого, и в некоторых других вопросах.

Проблема исторической памяти требует непредвзятого отношения. Партия, Советское государство вместе с общественностью выступают последовательными поборниками сбережения подлинных исторических, культурных ценностей. Не только нынешнее поколение является владельцем и судьей исторического, культурного прошлого, как, впрочем, и настоящего. Это — принадлежность и других поколений народа — до нас и после нас. Самоуверенно полагать собственные знания исчерпывающими, а свои трактовки — единственно верными на все времена. Последнее слово, если оно вообще возможно, остается за самой историей. Вот почему надо сберечь и донести до будущего все ценное, что досталось от былого, от настоящего, и непременно — в подлинном, неискаженном виде.

К слову, весьма предвзяты утверждения, будто в дореволюционной России власти были постоянно озабочены сохранением исторических памятников. Верно, что, начиная с петровских указов, в законодательных актах находили отражение вопросы сохранения памятников истории и культуры (Строительный устав, указ синода и др.). Но до революции охрана историко-культурного наследия входила в сферу деятельности только общественных организаций.

В то время было немало случаев, когда в градостроительных целях уничтожались ценнейшие памятники архитектуры. В конце XVIII — начале XIX века в Москве был снесен знаменитый Белый город (XVI в.) Федора Коня, на месте которого построено Бульварное кольцо. На территории Кремля при строительстве дворца Тона была уничтожена церковь Иоанна Предтечи под Бором (XIII в.). Там же в начале XIX века снесены Сретенский собор, Гербовая башня, часть Потешного дворца, Троицкое подворье с церковью Богоявления и другие памятники. В XIX веке по приказу царя и синода был снесен Спасо-Преображенский Алексеевский монастырь (XVI в.), на месте которого был построен храм Христа Спасителя.

В некоторых древнерусских городах памятники древней архитектуры сильно пострадали в конце XVIII века при осущест-

влении екатерининской «регулярной» застройки. В результате массового сноса уничтожены ценнейшие памятники в Коломне, Дмитрове, Полтаве, Бронницах. В XVIII—XIX веках погибли многие памятники деревянного зодчества Севера во время замены их на каменные.

Неискаженная история все ставит на свои места. Перегибы современных ретивых администраторов, как и нередкое равнодушие к памятникам прошлого, будь то в годы 30-е или 70-е, не отменяют того бесспорного факта, что Советская власть ведет линию на сохранение, возрождение и широкое культурное использование ценностей прошлого.

В разоренной фашистским нашествием стране, в условиях бедственного материального положения народа началось и со временем с успехом завершено восстановление многих уничтоженных шедевров архитектуры и искусства в Ленинграде, Пушкине, Павловске, Новгороде, Пскове, Киеве. Возродились жемчужины древней архитектуры среднеазиатских республик, Закавказья. А чего стоит, к примеру, Матенадаран в Ереване, ставший ценнейшей коллекцией древних рукописей и старопечатных книг.

Разумеется, работы еще здесь невпроворот. Памятники истории и культуры надо восстанавливать энергично и ответственно. Но помнить, что дело это не должно иметь ничего общего с поэтизацией реакционного в истории и культуре прошлого лютого народа. Родословная социализма — в свободолюбии и прогрессе.

Стержневой элемент перестройки — демократизация. Демократия не может функционировать без здоровой моральной атмосферы в обществе, она нуждается в людях не просто образованных, политически зрелых, но и граждански ответственных. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК шла речь о том, что «порядок в доме может навести лишь человек, чувствующий себя его хозяином»¹. И здесь без демократии не сделать ни шагу. Существует, конечно, законодательный аспект. Но есть и общественная сторона вопроса. Готовы ли мы на всех уровнях выслушивать мнение друг друга, серьезно анализировать другую, отличную от собственной точку зрения, считаться с ней? Особо подчеркиваю — на всех уровнях!

Демократия — самое эффективное из всех доступных средств управления. Давайте вдуматься. Почти 300-миллионный народ. Гигантская экономика. Десятки тысяч предприятий, миллионы видов продукции, разнообразные транспортные связи. Десятки тысяч городов и сел, неохватное море конкретных потребностей

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 317.

и запросов. Можно ли все это учесть, сосчитать, согласовать из единого центра, особенно принимая во внимание, что ни один из показателей не остается неизменным? А главное, нужно ли?

Демократия — это и действенная форма мобилизации общественного мнения, контроля общественности за ходом всех дел. В обстановке подлинной и широкой гласности становятся гораздо более трудными, иногда абсолютно невозможными злоупотребления, подчинение общих интересов личным, нарушение законов. Никакая армия контролеров не заменит действенного хозяйского, заинтересованного глаза десятков миллионов советских людей. Более того, уже по опыту известно, что в обстановке безгласности и сами контролеры нередко становятся на путь серьезных нарушений.

Демократизация — не мода, не причуда и не кампания. Это — непремненное условие социалистического развития, это сама перестройка. Демократия предполагает активную жизненную позицию каждого человека. Порой приходится сталкиваться с такой точкой зрения: вот придет новый руководитель или вмешается кто-то сверху и установит демократию. Ничто не может быть дальше от истины, чем такое представление. Вмешаться, рассудить и установить должен каждый сам, своим сознательным участием, с пониманием того, что любой добрый результат дается в борьбе за него, а не как сувенир ко дню рождения.

Те, кто сегодня явно или неявно выступают против развития демократических процессов, понимают, что демократия кладет конец чьему-то произволу, чьей-то личной выгоде. Пресекая своеволие, она возвышает закон, равенство людей перед законом и друг перед другом.

Иногда говорят: не вредно было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что, когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает. Но ведь в этом и цель гласности, цель демократии: мешать жить не по морали и не по закону, вытаскивать на свет все эгоистическое, корыстное, карьеристское. Демократия основана по природе своей на интересах народа, общества. Она может и должна строиться только на принципах свободы и закона, на высокой культуре человеческих отношений.

Оценивая процессы перестройки, анализируя их, нельзя пройти мимо сигналов, когда высказывается неудовлетворение ее темпами, результатами. Об этом говорят письма в ЦК, в средства массовой информации. Настроения такие: наверху, дескать, шумят, а внизу все тихо-тихо и признаков каких-то изменений не видно. Это тревожный момент.

Почти дежурной фразой стали слова, что перестройка идет болезненно, трудно. Конечно, было бы наивно ожидать, что она пойдет легко. Но все же настало время пристальнее взглянуться и в эти трудности, и в причины торможения. Прежде всего, заявила о себе традиционная болезнь — пренебрежение вечного бюрократа к принятым решениям. Ослаб контроль за исполнением принятого, утвержденного.

Трудно, с опаской воспринимает перестройку часть аппарата — и ведомственного, и территориального. Он никак не хочет примириться с тем, что время эксплуатации общества бюрократическими структурами прошло безвозвратно. Некоторые работники рассматривают перестройку чуть ли не как путь в пропасть. Такова степень растерянности перед всем новым, непривычным, что не воспринимается ни разумом, ни сердцем.

Проверка перестройкой — острая для всех, но для партийных организаций в первую очередь. Сегодня лидирующие функции КПСС наполняются новым содержанием. Однако не автоматически, а через народизированную политику и личный пример каждого коммуниста. Надо видеть реальные процессы, которые происходят в стране, области, районе, полностью использовать идейно-нравственный потенциал партийного влияния и творчества.

Кадры, контроль, организационно-политическое обеспечение перестройки — вот слагаемые успеха. Но прежде всего демократия, в том числе и в самих партийных организациях. Можно сказать, что демократия выступает объективно как гарантия необратимости перестройки, а партия может и должна быть на всех уровнях гарантом демократического развития.

Задача теперь — наращивать масштабы перестройки. Путь один — объединять людей в общем деле, в процессе борьбы за перестройку. Не шарахаться от одной крайности к другой, не давать возможности под лозунгами перестройки сводить групповые счеты, а по сути — воспроизводить прежние, негодные отношения. Напротив, спланировать массы, создавать такие общественные условия — моральные, политические, хозяйственные, правовые, — которые вели бы к утверждению новых норм и требований при безусловном уважении положительного опыта, проявлении необходимого понимания тех, кто думает по-другому, гуманизма в строгом, требовательном смысле этого слова.

Время ожидания, ориентации на местности, прикидок позади. Отныне спрос — за практические дела. Пока трудящиеся не почувствуют на собственном опыте изменений к лучшему, не увидят взаимосвязи таких изменений с результатами своего труда, до тех пор перестройка будет оставаться лишь словесным понятием, а ее нравственный эффект, достигнутый на начальном этапе, может пойти на убыль.

Выдвинуты далеко идущие планы, разбужены огромные и лучшие надежды людей, сделаны очень серьезные заявки. Неудача тут станет не просто неудачей. Она может отбросить общество назад — в непредсказуемое. Допустить такой поворот — преступление перед человеком и историей.

Большие требования ставит жизнь перед Советами. За все, что касается повседневной жизни трудящихся, отвечают Советы. Их возможности на всех направлениях существенно возрастают. Но возможностями надо пользоваться, не оставлять их втуне. Активнее использовать тут и новые формы хозяйственной деятельности — кооперативные, индивидуальные, видеть в них большую и важную подмогу именно в решении местных проблем.

Особое внимание надо обратить на расширение «разрешающей» практики. По части запретов и ограничений у нас всегда было хорошо, все срабатывает быстро, энергично, изобретательно. А вот разрешить — с этим сложнее. Но запреты никогда и ничего не производили. Наоборот, административные ограничения, если они не диктуются действительно серьезными обстоятельствами, лишь множат условия, итог которых в конечном счете — распространение нечестности, неуважения к законам, разного рода махинаций.

Революционных преобразований в обществе не свершить без глубоких нравственных сдвигов, очищающего и требовательного духовного обновления. У нас есть все необходимые предпосылки для того, чтобы жить и работать в полном соответствии с нормами морали, а не в разладе с ними. Здесь проходят связи не только материального и духовного, но и человека с обществом. Здесь определяется отношение личности к обществу, государству, другим людям, к самому себе. Здесь — первооснова отношения к труду, поведения в семье. Здесь выход именно на те вопросы, что волнуют нас сегодня больше всего, вопросы, от которых зависит наша судьба.

ВИДЕТЬ ЖИЗНЬ ВО ВСЕХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Вопрос. Как вы оцениваете состояние политической экономики, философии, новейшей истории? И вообще состояние общественных наук в Советском Союзе за последние десятилетия?

Ответ. Любой ответ на этот очень непростой вопрос не может претендовать на исчерпывающую характеристику. Будет, пожалуй, несправедливым сказать, что наши обществоведы пребывали в летаргическом сне. Или все находились в плену догматизма.

Многие из них пытались смотреть на жизнь во всех ее проявлениях. Но, к сожалению, такие попытки были каплями в море комплиментарной и наукообразной риторики.

Если не вдаваться в узкопрофессиональные вопросы — я не политэконом и не философ, а интервью не научный симпозиум, — то можно было бы определить состояние общественных наук следующим образом: они запоздали с анализом тех очень неоднозначных процессов, которые развивались в живом социалистическом организме. Абсолютизировали некоторые положения о социализме. Некритически подходили и к тем практическим формам строительства, которые складывались на более или менее ранних ступенях развития общества. Запоздали, пожалуй, с теоретическим осознанием таких сущностных проблем, как формы собственности, противоречия при социализме, соотношение производительных сил и производственных отношений, соотношение экономического и социального, понимание новых связей личности и общества. Этот перечень можно было бы продолжить.

Вопрос. Вина ли в этом наука?

Ответ. И да и нет. Да, потому что ответственность — не служанка обстоятельств. Нередко без всяких споров и битв

Из интервью Венгерскому телевидению 24 июля 1987 г. Публикуется впервые.

сдавались позиции начетничеству, догматизму. Это вопрос нравственности, гражданственности ученого.

Но неправильно, как мне представляется, ответственность за состояние науки перекладывать только на нее. Как говорится, с хвоста хомута не наденешь. Определяющим был все же характер спроса на науку, если хотите, социальный заказ на науку. А требования эти были таковы, что не стимулировали должным образом творческую мысль.

Вопрос. Вы употребляете выражение: наука занималась в течение многих лет оправданием застоя.

Ответ. Да, в известной, или в значительной, мере это верно. Потому что волюнтаризм и самообольщение не нуждаются в научном анализе, шарахаются от него. И создают вокруг науки такую атмосферу, в которой очень легко торжествует схоластика.

Сейчас-то мы видим ошибки, просчеты, которые, накапливаясь на протяжении нескольких десятилетий, отрицательно сказывались на развитии общественных наук. Но каждое время знает свое время. Сейчас поставлена задача очень серьезного значения — преодолеть догматизм, ибо всякая канонизация положений, уже отвергнутых жизнью, ведет к окостенелости мысли, скорее к вере, чем к науке.

Надо вернуть обществоведению исследовательский характер, атмосферу развития, поскольку только развитие вечно, все остальное преходяще. Поставлена задача оздоровления нравственной обстановки в науке, чтобы не брала верх всякого рода групповщина, чтобы наука, ее направления и школы не монополизировались, избавлялись от всякого рода ярлыков, которые, как известно, правды не прибавляют и науку никуда не двигают.

Хотел бы подчеркнуть: когда говорится о неудовлетворенности нынешним состоянием науки, тем самым вовсе не отрицается все достигнутое за эти годы. Все-таки теоретическая основа перестройки возникла в нашей стране, на нашей почве. И это уже говорит о том, что подспудно шел серьезный созидательный процесс, работала мысль, формулировались выводы и предложения.

Вопрос. Весь мир отдает Советскому руководству должное за перестройку и гласность, эти слова вошли во многие языки, в том числе и в венгерский. В чем вы видите необходимость перестройки мышления в экономической науке?

Ответ. Прежде всего в том, чтобы избавиться от взгляда на науку как на нечто самодовлеющее. И начать видеть в экономической науке средство обеспечения более высоких социальных целей, средство возвышения самого человека, то есть то, чем она должна быть на самом деле. Можно, к примеру,

спорить: как должны соотноситься между собой централизация и децентрализация? Как должны сочетаться плановое начало и социалистический рынок или товарно-денежные отношения? Можно, скажем, ставить вопрос о пропорции государственной, кооперативной и индивидуальной собственности, ну и так далее.

Но сейчас вряд ли кто может дать какой-то вразумительный ответ, хотя бы приближающий к истине.

Я не хочу сказать, что такие споры не нужны. Они нужны, даже очень нужны. Но, ведя подобные споры, надо помнить и о более широких рамках, а именно: а для чего план? а для чего рынок? а для чего разные формы собственности и все остальное?

Прежде всего для того, чтобы социализм развивался динамичнее, чтобы человеку жилось лучше. Если мы поставим таким образом вопрос о целях дискуссии, о целях плана, о целях экономики, то нам яснее будут перспективы самих исследований в экономике. И приоритеты этих исследований, и задачи этих исследований, а главное — социальный смысл этих исследований.

При такой постановке вопроса только и можно решить разного рода дилеммы научного характера. Ибо ни планирование в той или иной конкретной форме, ни особенности рынка, ни прибыль, ни деньги, ни что-то еще — это не самоцель. Это лишь средства достижения цели.

Ясно и другое — ни одно из этих средств не является какой-то волшебной палочкой, которая спасет экономику, усилит движение вперед. Каждое работает на своем месте, но само по себе не решает главной проблемы — проблемы социального обеспечения человека, возвышения его нравственных начал, духовных ценностей.

Вопрос. Вы говорили о рынке. Это наводит меня на следующий вопрос. Высказывается мнение, что ленинская новая экономическая политика была прервана преждевременно, что всеобщее и очень быстрое огосударствление потребовало больших жертв и больших затрат. Как теперь смотрят на нэп, что в ней актуально, а что нет?

Ответ. Эта политика была оправдана своим временем. Ответствовала конкретным условиям того времени. За эту политику высказалась сама жизнь.

Вопрос. За нэп?

Ответ. За нэп. Вы спрашиваете, не был ли нэп преждевременно прерван? И не оказались ли жертвы слишком большими? А кто это знает? История не признает сослагательных наклонений, нельзя в истории конструировать выводы на основе «если». История есть история.

Конечно, когда мы начинали перестройку, очень не хватало исследований о нэпе, причем комплексных, которые бы включали в себя политэкономия, философия, психологию, право. Но таких работ, к сожалению, не было. Поэтому без тщательных исследований любые суждения на этот счет — не более чем гадание. Но даже когда такую работу проведут, я бы осторожно подошел к оценкам. Прошлое беззащитно, о нем можно сказать что угодно.

Поэтому исследования нужны не для того, чтобы задним числом выносить приговоры, сводить счета — политические или бухгалтерские. Надо уметь видеть в прошлом и настоящее, и будущее, и всю сложность взаимосвязей. И вот сейчас я отвечу на заключительную часть вопроса: что актуально в нэпе сегодня?

Как я уже сказал, нэп — это политика своего времени. Любая абсолютизация любой политики прошлого — это несерьезно. Но, полагаю, и по сей день актуален, я бы сказал, метод нэпа. Этот метод заключается в способности сделать кардинальный поворот в политике. Увидеть новые требования жизни, оценить их, разглядеть перспективы, отказаться от того, что вчера еще считалось безусловным. Через четыре года после революции вернуться к нэпу было очень непросто. Многие коммунисты в знак протеста даже выходили из партии.

Но политика оказалась верной, она оправдала себя, время ее оправдало, характер революционных изменений оправдал эту политику. И когда сегодня перестройку иногда сравнивают с нэпом, я думаю, это правильно именно методологически, с точки зрения подходов к решению возникающих проблем.

Но время сейчас другое, и производительные силы другие, и психология другая, внешний мир другой, возможности другие. Все другое. Поэтому и вопросы надо решать другие и по-новому. Но, повторяю, сама методология представляется весьма актуальной и эффективной.

Вопрос. С фотографий старой ленинской гвардии в течение 30—40-х годов постепенно исчезали определенные очень сильные личности, их «стирали», вычеркивали из жизни, науки, литературы. Кого из соратников Ленина, репрессированных или незаслуженно забытых, следует сейчас реабилитировать? Может быть, вы скажете, чьи так называемые уклоны в прошлом сейчас актуальны и что делает партия для восстановления полной исторической правды о XX веке?

Ответ. Партия — и я хотел бы сказать это со всей определенностью — заинтересована в том, чтобы с максимальной полнотой и серьезностью анализа, правдиво показывалась история страны, общества, самой партии.

Но в чем сложность задачи? Иногда изображают дело таким образом, что какая-то информация намеренно скрывается от специалистов и общественности. Не скажу, что так никогда не было и нет сейчас. Но если бы проблема состояла только в этом.

Вопрос. Мой вопрос относится к другому.

Ответ. Надо хорошо понимать, что живем мы в реальном и далеко не идеальном мире. В нем достаточно людей, которые предельно рады каждому факту, каждому слову, которым можно как-то дискредитировать нашу страну. На исторически слепых людей очков доброжелательности не наденешь.

Но мы сами не можем утратить способность критически осмысливать прошлое. Восстановить полную историческую правду — значит понять прожитую жизнь, разобраться во всех ее поворотах, светлых и темных сторонах, но сделать это не всегда просто и легко.

Да, были в пройденном 70-летнем пути периоды, о которых предельно горько и вспоминать и говорить. Но было и то, чем станут гордиться еще многие поколения. Были трагедии 30-х годов, но и искренний энтузиазм, оптимизм, самоотверженность тех же 30-х.

Вы спрашиваете, а кого из соратников Ленина следовало бы идейно и политически реабилитировать? Чьи так называемые уклоны и вообще идеи можно было бы подвергнуть переоценке? Ну а если спросить так: что значит идейно-политически реабилитировать? Какой смысл мы вкладываем в это?

Вопрос. В отличие от юридического...

Ответ. Что значит реабилитировать идеи, уклоны? Для нас они в общем-то прошлое, и это прошлое не переделать. Я уже говорил об этом. Прошлое есть прошлое. Говорят, например, и так: а не погрузимся ли мы снова в свое непростое, противоречивое прошлое? Ну, если хотите, не реанимируем ли мы вот те столкновения, те противоборства прошлых лет? Не дадим ли вновь разыграться эмоциям? Какое место это займет в наших сегодняшних планах? Все это в общем нормальные и правомерные вопросы.

Я за то, чтобы «населять историю» живыми людьми. Надо вспомнить забытых, оценить по достоинству подвиги и преступления, добросовестные заблуждения и злонамеренность. Но общественное, историческое познание не может и не должно превращаться в судебный процесс. Нельзя, убежден в этом, подходить к истории с заведомой заданностью, с predetermined целью кого-то оправдать, кого-то осудить, что-то переоценить.

В этом случае мы получим зеркальное отражение прежних издержек. Вначале надо разобраться в минувшем, во всех его нюансах и тонкостях, явных и скрытых закономерностях, в логике действий, но в соответствии с логикой того времени, а уж затем выносить оценочное суждение. При этом всегда помнить, что правда ходит по прямой. С правдой не разминешься. И правда суда не боится, если она — настоящая правда.

Вопрос. Правда восстанавливается сейчас в перестройке, в идеологической сфере. Довольны ли вы достижениями перестройки? И что еще, на ваш взгляд, предстоит сделать, что еще не сделано?

Ответ. Возможно, я отвечу на этот вопрос несколько неожиданно. В общем-то довольны, как бы это ни звучало, может быть, непривычно для партийного работника. Мы привыкли сегодня скорее критиковать, чем хвалить. Но, конечно, главное и самое трудное еще только предстоит сделать. Предстоит терпеливо преодолевать многие привычные стереотипы в сознании и поведении людей. Предстоит, я бы сказал, утвердить новую социалистическую этику — этику инициативы, этику активной деятельности, этику смелого вторжения в жизнь.

Но принципиальные сдвиги в этом плане могут прийти только на основе совершенствования социальных условий и политической практики. Хорошо, конечно, воспитывать людей через книги, фильмы, лекции, но ничто не может заменить социальную практику, социальные действия самого человека. Перестройка — это интенсивное развитие, но она означает и более интенсивный труд. К сожалению, у нас еще немало людей, которые довольны, может быть, и невысокой зарплатой, но той, которая выдается только за аккуратное хождение на работу. Привыкли к тому, что премии стали автоматической добавкой к зарплате, привыкли к припискам, «выводиловке». И здесь от психологической перестройки человека зависит очень многое. Пожалуй, это один из решающих факторов. При социализме все люди равны — и по своей социальной защищенности, и по праву на труд, образование, охрану здоровья, но все сверх этого должно определяться конкретным трудовым вкладом человека.

Недавно я был на одном крупном заводе и беседовал с рабочими, с руководителями. Задал вопрос: что, по их мнению, дальше самое трудное будет в перестройке, как они чувствуют те сложности, которые, видимо, грядут? И все они ответили на этот вопрос одинаково: борьба с уравниловкой, которая, как они считают, пойдет очень непросто. Это не только организационно-экономическая сторона дела, но и психологическая, связанная с долготной привычкой.

Предстоит, если говорить коротко, превратить работу по вести в норму повседневной жизни. Изжить любые формы иждивенчества, поддерживать и развивать атмосферу деловой заинтересованности каждого во всех делах коллектива и общества. Предстоит существенно повысить политическую культуру масс, привить конструктивное экономическое мышление, отработать стили и методы работы на всех уровнях в соответствии с демократическими требованиями. В общем, всего не перечислить, но мы убеждены, что эти задачи и реальны, и выполнимы.

Перестройка ведет к нравственному, морально-психологическому оздоровлению в обществе. Имею в виду не только борьбу с негативными явлениями, злоупотреблениями, преступлениями и так далее, но и укрепление естественных норм человеческого общежития. В общем-то постепенно уходит в сторону цинизм, который я бы назвал раковым заболеванием общественного сознания. Шаг за шагом утверждается трезвый образ жизни. Повышается активность, энергия, на пути пробуждения и человеческая совесть. Происходит своего рода коллективное возвращение к правде. Люди сегодня перестают мириться с тем, мимо чего еще вчера проходили. Резко расширился общественный кругозор людей. Сказано немало горького, неприятного, острокритичного. Сделаны серьезные выводы. Уменьшен, не скажу, что преодолен, особенно на местах, разрыв между словом и делом, что тоже является серьезным недомоганием общества.

Вопрос. Вызревает убежденность, что экономическая реформа не может быть успешной без соответствующих изменений в политической надстройке общества. Как вы думаете, какие изменения в системе политических институтов, политической надстройки необходимы для успеха реформы экономической?

Ответ. Если свести ответ к простой формуле, то это, прежде всего, демократизация, во-вторых, демократизация и, в-третьих, демократизация. Для того чтобы двинуть вперед экономику, углублять оздоровление общества и человека, ничего более действительного, чем демократия, нет.

Но демократия — это люди. Одни искренне хотят развития демократии, а другой — нет, ибо это не совпадает с его личными интересами. Третий — за демократию, но пока она не касается его лично. Он за демократию для себя, желает, чтобы к нему относились демократично, уважительно, а сам действовать таким же образом не хочет или не может, не привык, не знает как. Когда со стороны наблюдаешь, как люди критикуют друг друга, — нравится, но, когда тебя критикуют, реакция противоположная. Мы не привыкли по-настоящему дискутировать, причем уважительно, выслушивать точку зрения других. Вот почему

дело не только в совершенствовании политических институтов, но и в развитии самого сознания, демократического мышления.

Во многих из нас сидит этакий уродик, околоточный, бонапартик, жаждущий власти. И как только он одолевает человека, начинается или комедия, или трагедия. Облеченный властью, он начинает командовать, администрировать, парить над грешной землей. Начинает верить, что умнее других.

Необходимо привыкнуть к мысли, к пониманию того, что, кто бы ни был по должности, ты всего-навсего один из миллионов и, если оказался на том или ином высоком посту, это всего лишь доверие тебе, хотя, возможно, в какой-то степени и дань твоим способностям. Такое понимание приходит не сразу. Оно требует даже не лет, а десятилетий, соответствующих экономических и культурных условий.

Мы смотрим на демократию как на действенное средство контроля общества над всеми сторонами жизни. Это система и обратной связи, то есть средство борьбы или предотвращения негативных явлений. Это, наконец, эффективный путь воспитания человека, но воспитания жизненным опытом, политической деятельностью, социальной активностью.

Мы рассматриваем демократию как непрерывный исторический процесс, а не как одномерный акт или одномоментный феномен. Продумываем и новые подходы к избирательной системе. Дополнительно к закону о трудовых коллективах обсуждается закон о предприятии. Серьезным вопросом является и поиск законодательных мер, которые бы юридически оформляли те продвижения в демократии, которые утвердились де-факто.

Мы исходим из того, что степень и темпы развития демократии будут самым непосредственным образом влиять на степень, глубину и темпы самой перестройки. Понимаем, что без всемерного развития демократии, социалистического самоуправления какие-то серьезные подвижки в сфере экономики, активности человека, его сознания просто невозможны.

Вопрос. Заметно возросла свобода творческих организаций — писательских, других групп интеллигенции. Это видит весь мир. Мой вопрос к вам: легче или труднее сейчас осуществлять партийное руководство творческими организациями? Прибавилось ли забот? В чем они? Или, наоборот, стало легче?

Ответ. И легче, и труднее. Почему легче? В стране новый морально-политический климат и налицо духовный подъем, которым живет страна после апрельского Пленума ЦК. Легче и потому, что отбросили за ненадобностью, хотя и не совсем, груз мелочной регламентации, что отнимало и массу времени, и сил,

мешало видеть процессы в целом, правильно оценивать обстановку.

Но жизнь усложняет задачи. Не все ответы есть, и не всегда их просто найти. Поэтому труднее, ибо должны быть преодолены негативные явления прошлого, в том числе и в среде творческих работников. Ну, скажем, монопольное положение некоторых лиц, групп, организаций — вот эту самую групповщину, комплиментарность критики в одних случаях и ничем не оправданную нетерпимость к коллегам — в других. Время поставило сложные задачи и творческого плана. Причем, понятно, от искусства в силу его природы нельзя ожидать немедленных результатов, немедленного осмысления революционных изменений, быстрых художественных открытий. Все это придет позднее, через какой-то промежуток времени. Но возможна и такая ситуация, когда вновь появятся конъюнктурные поделки. Они уже появляются. Вот это беспокоит.

Вопрос. Объясните, пожалуйста, что вы под этим подразумеваете?

Ответ. Очень простую вещь. Часто бывало так: появляется какое-то новое явление, какой-то поворот в политике, экономике, культуре, международной жизни. И некоторые очень быстро приспособляются. Я говорю о художественной сфере. Появляются пьесы, фильмы, рассказы, они в общем кажутся актуальными, вроде бы откликаются на сегодняшний день. Но ведь художественное произведение не газетная статья, которая живет чаще всего один день, хотя я вовсе не хочу бросить тень на умные газетные статьи.

Так вот, хотелось бы избежать сегодня торопливости. Куда предпочтительнее серьезное осмысление жизни, показ сути времени, его драматизма, противоречий, столкновения мнений, поиск наилучших путей решения тех или иных проблем. Что же касается партийного руководства, то здесь считаем главным поддержку всего талантливому, общественно ценному — будь то в науке, культуре, искусстве, литературе, музыке, изобразительном творчестве. Это формирование новых отношений с интеллигенцией, таких, чтобы разговор с ней шел на основе равной заинтересованности, равной ответственности, равной озабоченности. Так что речь может идти не о руководстве в догматическом понимании этого явления, а о взаимопонимании, ибо «руководить» художественным творчеством просто нельзя. Это смешно.

Мы высоко ценим то, что сделано интеллигенцией в период перестройки. Она твердо встала на путь поддержки преобразований, откликнулась на новые процессы живой душой. И вносит

очень большой вклад в нравственное оздоровление общества. Устремления нашей художественной и научной интеллигенции носят активно социалистический характер.

Вопрос. Ленин говорил и недавно Михаил Горбачев повторил за границей, кажется в Румынии, что в национальной политике нужен очень большой такт и большая деликатность. В последнее время известны случаи в Казахстане, в Латвии, когда национальный вопрос проявлялся очень заостренно. Как вы считаете, что делается сейчас в Советском Союзе для улучшения национальной политики на практике?

Ответ. Верно, что национальный вопрос, как, может быть, никакой другой, требует особого такта и особой чуткости. Его надо не только понимать, но, если хотите, чувствовать — чувствовать душой, сердцем, кожей. Когда возникают трения на национальной почве, они способны нарастать как снежный ком. Независимо даже от желания и стремления того или другого человека, потому что всякое обсуждение национальной принадлежности, судьбы культуры, исторического прошлого, языка, обычаев воспринимается очень остро, я бы сказал — с повышенным вниманием и даже настороженностью.

Наша страна — уникальный союз наций. Но это вовсе не означает, что живая ткань совместной жизни, совместное строительство не рождает своих проблем. В жизни так не бывает, ибо общество — это, как известно, живой организм.

Опасность национализма в любых его формах нельзя уменьшать. В любой стране, в том числе и в нашей. Но здесь я бы подчеркнул такую сторону вопроса: вредно превращать борьбу с национализмом в какую-то кампанию, проявлять тут нетерпение, допускать преувеличения. Ну, скажем, забота о развитии национального языка, культуры, цивилизованных обычаев — это нормальное, даже обязательное дело. Ненормально другое — когда люди переводят эти проблемы на язык нетерпимости к другим нациям, какой-то неприязни, в то же время собственной нации приписывается исключительность, особость. Вот здесь и начинается национализм, этот опасный яд, унижающий и омертвляющий нацию. Сегодня мы видим эти вопросы полнее, выпуклее.

Вопрос. Вы в течение многих лет работали в области внешней политики. Поэтому, вероятно, имеете оформившуюся точку зрения о том, какой должна быть советская внешняя политика. В чем суть изменений в методах и стиле практического осуществления международной политики СССР, имея в виду идущие процессы перестройки и гласности?

Ответ. Дело не только в методах и стиле. Конечно, это очень важная сторона дела. Но главное в содержании, в принципах, в тех целях, которые ставит внешняя политика СССР.

На XXVII съезде говорилось о новой обстановке в мире, о мире взаимосвязанном, взаимозависимом. И не только из-за ядерного риска — эта угроза, конечно, остается, она самая страшная, — но суть в том, что всем надо искать пути более разумного распоряжения богатствами планеты, сохранения экологического здоровья Земли. А если говорить о культуре, то и нравственного здоровья человечества.

Сущность нового мышления — сделать внешнюю политику инициативной и соответствующей интересам, по крайней мере, большинства человечества. В этом, если говорить о стратегии, суть вопроса. Внешняя политика, базирующаяся на новых подходах, обращена ко всему миру, к его цивилизованности.

Она призывает освободиться от национального эгоизма, подняться над сиюминутными противоречиями, видеть главную задачу, стоящую перед человечеством, — его спасение, отказаться от имперских амбиций. Призывает к цивилизованному поведению на международной арене, считаться с точкой зрения оппонента, искать компромисс. Момент накопления культуры международного общения должен все больше и больше присутствовать в действиях государств, политических деятелей, партий. Что еще весьма существенно, если говорить далее о новом политическом мышлении, то это настоятельная необходимость приобщения широких масс к внешней политике. В наш век, в ядерный век нельзя оставлять международные дела только политикам, отдельным группам, правительствам, партиям. Надо, чтобы люди сами решали свою судьбу.

Вопрос. Какую оценку дали бы вы образу Советского Союза, сложившемуся за рубежом? И как, по вашему мнению, можно соотносить эту картину с реальной жизнью?

Ответ. Во-первых, спросим себя — кто создает эту картину? В результате чего и как складывается то или иное представление? Если говорить о Западе, то многие негативные стереотипы не столько сложились естественно, сколько вбиты в головы людей. Но и в этом случае я не думаю, что все слои западного общества заражены антисоветизмом. Я не согласен с теми, кто говорит о массовом помешательстве на этой почве. За 11 лет учебы и работы за океаном я убедился, что здравомыслящих людей там гораздо больше, их подавляющее большинство. Но они мало или односторонне информированы, а погоду в общественном мнении нередко делают недостаточно ответственные люди, извлекающие выгоду из бизнеса сенсаций.

Многое начинает меняться. Всякого рода лобовые клише уже не срабатывают, как бывало прежде. Запад трезвее реагирует на новые процессы в Советском Союзе, находится в раздумье, как ему дальше вести дела с СССР?

Здесь многое, конечно, зависит и от нас самих. Надо не замыкаться в себе, не становиться в ту или иную искусственную позу, не стесняться своих слабостей и недостатков. Смело выходить в мир, открыто и честно отстаивать свои взгляды и интересы, называть вещи своими именами.

Иными словами, правду и реальности надо видеть во всем объеме, в перспективе и взаимосвязях, мерить жизнь не только материальными атрибутами, а степенью ее человечности, правдивости, уровнем духовности, не вползать здесь в нервическую суетность Запада. Дело за созидательными решениями. Перспектива социализма в созидании.

Вопрос. Могут ли при однопартийной системе находить выражения внутри партии различные интересы, порожденные процессами общественного развития?

Ответ. А кто, собственно, доказал, что не могут? Не будем говорить вообще, тут возможны разные варианты. Возьмем конкретную страну с однопартийной системой — Советский Союз. И конкретную партию — КПСС. Поворот к перестройке — это разве не выход тех интересов и настроений, которые зрели в советском обществе на протяжении достаточно длительного времени? Или неудача реформы 1965 года — разве не реализация иных интересов, противоположных реформе? А возьмите соотношение в нашей практике центрального, республиканского и местного начал. Или соотношение территориальных и ведомственных интересов, интересов разных групп населения. А разве наши средства массовой информации не отражают сегодня широчайшее разнообразие взглядов?

Это наша повседневность, без которой невозможно не только продвижение вперед, но и сама жизнь. Так что могут или не могут находить выражение разные интересы при однопартийной системе, для меня лично не вопрос.

Другое дело, как это происходит. Необходимо настойчиво учиться согласованию различных интересов, существующих в обществе. Учиться управлять интересами и всем общественным развитием. Это ключевой вопрос. И далеко не только теоретический, а и сугубо практический. В этом, собственно, и заключается искусство политического руководства.

В повестку дня нашего развития поставлены вопросы демократизации, гласности, повышения социальной активности. Это и есть, по существу, каналы выражения различных интересов,

взглядов, подходов. Так что, как видите, творчество рождается не обязательно соперничеством политических групп, а степенью ответственности перед народом, конкретной ролью партии в обществе, на определенном этапе исторического развития.

Не могу не сказать еще вот о чем. Где-то существует многопартийная система, где-то — однопартийная. И та и другая имеют свои достоинства и недостатки. Но и та и другая не могут рассматриваться в отрыве от истории и опыта конкретной страны, конкретных задач, которые решает система демократии в данном государстве. Ни одна система не может быть механически перенесена или пересажена на какую-то другую почву естественным путем. Иначе — социальные издержки, конфликты.

Конечно, надо учиться у других, не считать себя совершеннее всех, если нет желания оказаться смешным или лишенным чувства юмора. Но не копируя бездумно те или иные формы, чужой опыт.

Вопрос. Что продолжает, а что отрицает политика перестройки? И в чем вы видите гарантию необратимости процессов, которые называются перестройкой?

Ответ. Перестройку нельзя объяснить случайностью или амбициями. Социализм подошел к ней на основе объективных требований развития. В Советском Союзе у нее конкретные формы и задачи. Но, как я думаю, весь социалистический мир, пусть в каждой стране по-разному, стоит перед каким-то новым этапом развития, что-то новое стучится в дверь. Начало такого этапа уже ощущается. У нас это перестройка. Конечно, отдаем себе отчет, что она не будет гладкой, не думаем, что она пойдет только по восходящей, возможно и торможение, неожиданности, повороты. Жизнь есть жизнь.

Мы в полной мере осознаем, что отказаться от перестройки — это обречь себя на кризисное развитие. Поэтому когда мы говорим о необратимости перестройки, то в это понятие включаем и целеустремленность, и напряженный труд каждого человека, то есть активное участие всего народа в революционных общественных преобразованиях. И в этом главная гарантия необратимости обновления социализма.

ПУТЬ ОКТЯБРЯ, ПУТЬ ОБНОВЛЕНИЯ

Полтора часа тому назад закончилось торжественное заседание, посвященное 70-летию Октября. Нет необходимости пересказывать доклад М. С. Горбачева. Вы его слушали. Но хотел бы привлечь внимание к некоторым ключевым положениям доклада, которые, как представляется, дают обобщенную картину исторического пути, выражают смысл происходящего.

Прежде всего, речь идет об анализе пройденного пути, исток которого стал Октябрь, его значении, возвышенности устремлений, трудностях практики.

Во-вторых, о том, какие выводы из истории мы делаем для дня сегодняшнего и завтрашнего. Выводы, призванные дать нам лучшее понимание самих себя, раскрыть новые возможности для успешного продвижения вперед.

В-третьих, о перестройке как гуманистическом видении и осуществлении социализма, в центре внимания которой находится человек, его права, его социальная защищенность, его творчество во всех сферах.

В-четвертых, о новом политическом мышлении — философии безъядерного, безопасного, ненасильственного мира, что дает надежду и возможность вступить в XXI век и выжить в нем.

И наконец, о крайне существенном теоретическом и практическом вопросе: способен ли капитализм принципиально принять происходящие в мире изменения, жить и действовать в нем на равноправной и цивилизованной основе?

Итак, об особом значении Октября. Да, мы гордимся свершенным, помним нашу историю, ее взлеты и драмы, подвиги и поражения, героизм и трагедии. Для нас это и повод поразмышлять, подумать, посоветоваться с историей, четко понять, что от нас требует сама судьба социализма, а что отвергается принципиально, и отвергается навсегда.

Из выступления на пресс-конференции, посвященной 70-летию Великого Октября, 3 ноября 1987 г.

Сегодня с особой тщательностью соизмеряем каждый свой шаг с идеалами и целями революции, находим в Октябрьских днях, в ленинском наследии и прочную духовную опору, и поучительные уроки. Отсталая страна, в которой более трех четвертей населения были неграмотными, а голод масс был пормой, стала современным государством, из нищеты и забитости вырвалась к культуре, образованию, создала равные возможности для каждого человека. Но далось все это очень трудно. Во всех отношениях трудно.

Если говорить о причинах трудностей, надо назвать по крайней мере три из них.

Прежде всего, это уровень, с которого мы начинали, во всех его измерениях. Особенно если сравнить масштабы проблем, которые предстояло решить, и те реальные ресурсы и возможности, которыми располагала страна. А это потребовало предельной консолидации физических, моральных, душевных сил.

Другая причина — в том, что после революции мы оказались «чужой птицей в стае». Каждый норовил клонуть, постараться забить до смерти. Мы помним об этом. Наша память не только продолжает пульсировать, продолжает жечь, но вновь и вновь напоминает о безмерном горе и страданиях, реках крови, материальных потерях, которые принесли вмешательства извне. Дорого все это обошлось нашему народу.

Впрочем, не беды или обиды движут нами, когда мы говорим, что ситуация осажденной крепости тормозила наше движение и материально, и духовно. Посудите сами: иностранная интервенция в гражданскую войну, война с фашизмом, «холодная война», гонка вооружений. Может, все это покажется кому-то чрезвычайно скучным, но для нас это жизнь, для нас это судьба, для нас это люди, жертвы, для нас это не только народная геронка, но и народная трагедия.

Мы просто напоминаем, что и это сумели преодолеть: верой в правоту нашего дела, трудом народа, который превозмог тяжелейшие трудности и выдержал самые сложные испытания.

Стратегический паритет, который буквально вырвали у истории, создает новые условия и тем самым новую психологию, позволяющую по-иному взглянуть на мир, отойти от политики экстренных поисков ответов на военно-технологические вызовы Запада и вступить на путь целенаправленного культивирования условий мирного международного развития, мирового прогресса.

Наступила совершенно иная эпоха, в которой движение к безъядерному, ненасильственному миру — вполне реальная альтернатива. И мы видим, что новое мышление пробивает толщу предрассудков эпохи войн и оружия.

Наконец, самое главное — новизна общественных проблем. Революции всегда вызывают небывалый подъем духа, романтику социального обновления, нравственный бунт против старого общества. Неизведанный, первопрородческий путь всегда таит в себе неожиданности, трудности и противоречия — творчество и консерватизм, ошибки и озарения, инициативы и равнодушие, самопожертвование и мелкобуржуазные выбросы, взлеты духа и человеческие трагедии — все это живая жизнь, особенно ярко и бурно проявляющая себя в эпохи крутых перемен.

Мы уверены в верности исторического выбора, знаем свои возможности, поэтому честно смотрим в лицо любой правде, любым испытаниям, знаем, что мы должны перестраивать сегодня. И то, что столь пристально вглядываемся в нашу историю, тоже правомерно. Для перестройки требуется точное знание, а не слабеющая память. Тут одинаково неприемлемы как разрушающий нигилизм, так и кичливость неведением, стремление уйти от фактов жизни. Осмысливать историю, заранее отказавшись от встречи с неудобными фактами, — значит уклоняться от научного подхода к историческому опыту, предпочесть познанию и освоению уроков былого ностальгические фантазии, запрограммировать субъективизм.

Вот почему столь весомо прозвучала историческая тема, проанализированы причины и последствия событий и действий тех или иных групп и личностей. В докладе нашли достойное отражение как те бесспорные достижения, которыми отмечен наш путь, так и явления, на которых лежит горькая печать трагичности, события, порожденные не в последнюю очередь беспринципной борьбой за власть и преступлениями на почве злоупотреблений властью.

Мы не судим прошлое: ни давнее, ни близкое. Все лучшее, что есть у нас сегодня, восходит к прошлому, к труду и героизму не одного поколения. Но и все, что необходимо изменить, перестроить, тоже идет из прошлого. И потому стремимся как можно точнее постичь историю, анализируем ее, идем вглубь понимания ее движущих сил. Делаем это не ради праздного любопытства, а ради дня сегодняшнего и завтрашнего, ради дел предстоящих. Для того, чтобы лучше представлять себе и природу проблем, с которыми сталкиваемся, и пути решения стоящих задач. Правда всегда лучше, чем ласкающие эмоции и фантазии. Очернить историю можно только ложью, правда возвышает историю. Но правда требует особо бережного отношения, она связана с судьбами людей, их жизнью и надеждами, их трудом и подвигами. Это не тема для суесловных сенсаций или нечистоплотного злораства.

Перестройка носит переходный характер. Но переходный от чего и к чему? От схем и догм, стереотипов и предрассудков к здравому смыслу, к реализму оценок и действий, к научно обоснованным решениям. Такой переход, когда весь накопленный потенциал — экономический, духовный, социальный, политический — поворачивается к человеку, создает возможность быстрее двигаться вперед, произвести самообновление.

Поворот в экономике от экстенсивного развития к интенсивному; поворот в управлении от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам хозяйствования; поворот к решительному развитию демократии, к социалистическому самоуправлению; поворот общественного сознания к повышению требовательности к себе, реалистическим оценкам действительности, всей общественной жизни.

Если выделить ключевое, что взято за ориентир в процессе перестройки,— это раскрытие гуманистического содержания социализма, максимальная реализация его возможностей. И потому правомерна постановка вопроса о социальной эффективности тех конкретных общественных форм, в которых организуется экономическая, духовная, общественно-политическая жизнь общества в каждый отдельный период своего развития.

Именно реальный гуманизм, служащий человеку и возвышающий его, и есть высшее мерило социальной эффективности общества. Гуманистическое видение социализма — это прежде всего этика активного преобразующего отношения к жизни.

Путь к освоению новых пластов социальных ресурсов человека один — демократизация. Иногда говорят, будто в ней заключено лишь утилитарное средство придания экономике необходимого динамизма. Даже если бы дело обстояло именно так, то и в этом случае нет ничего плохого. И все же это одностороннее толкование. Демократизация в социалистическом понимании — это создание безотказно действующего канала воздействия каждого человека на жизнь общества, утверждение человека как хозяина своего завода, учреждения, района, города, всей страны.

Подлинная демократия — это не тот порядок, при котором человеку кто-то и что-то дает: зарплату, социальные блага, условия труда. Подлинная демократия — это система отношений, когда человек и коллектив сами создают богатство во всех его видах — и в материальном, и в духовном, сами распоряжаются этими богатствами, сами распределяют их. Не политика, замурованная как бы в базальт. Для нас демократия — это возможность масс влиять на политику, творить ее в интересах народа, в интересах мира. Именно в этом, а не только в тех или иных внешних проявлениях заключается истинная суть реальной демократии и демократизации.

Без демократизации не может быть перестройки. Путь к этому — развитие самоуправления на всех уровнях, но прежде всего там, где решаются повседневные вопросы жизни самого человека. Культура демократии должна пронизывать все общественные отношения. Она неотделима от культуры общества в целом. Мы — за разнообразие общественного мнения, за конструктивные и свободные дискуссии и споры, за открытую постановку любых, самых сложных и противоречивых проблем общественного развития.

Неотъемлемое условие перестройки — обогащение духовной культуры. Она катализатор динамичности, фактор социальной прочности, сфера жизнеобеспечения общества. Культурная политика в условиях перестройки — не только традиционные вопросы науки, образования, искусства — это и культура гласности, это признание особой ценности интеллектуального труда, развитие гражданственности и социальной ответственности.

Крайне необходима, например, честная и открытая состязательность в любой творческой области, будь то наука или искусство. Процессы обновления нуждаются в смелых мыслях, острых гипотезах, нестандартных решениях, непривычных образах. Все это в совокупности — неоспоримые и ясные признаки открытого, свободного общества, демократического по существу, а не по игре личных или групповых интересов, отягощаемых к тому же амбициями или соображениями корысти.

Мир становится все взаимосвязанней, целостнее и теснее. Наш ответ на реалии сегодняшнего мира — новое политическое мышление. Этот вывод, вывод-призыв, адресуется не только к другим, но относится и к нам. Идея приоритета общечеловеческих интересов — не отвлеченная теория, а реальность времени. Эти интересы требуют прежде всего выживания рода людского, перехода к новой организации международной жизни, когда баланс силы, неизбежно связанный с неприемлемым риском военных столкновений, вытеснялся бы балансом интересов, построенным на разумных, рациональных началах.

Общечеловеческие интересы требуют и осознания неограниченности, конечности ресурсов планеты, идет ли речь о ее природных богатствах или же об экологическом равновесии.

Мы, конечно, не идеалисты, призывающие к какой-то утопии. Видим проблемы, видим противоречия и даже ущелья, разделяющие сегодня мир. Но не хотим ходить по кромкам ущелий, когда земля осыпается под ногами.

Понимаем, что дорога к безъядерному, пенасильственному миру не будет ни простой, ни быстрой. Сознаем и то, как еще много в современном мире иррационального, идущего от обскурантизма, невежества, которые накапливались веками.

Не случайно звучат вопросы-размышления: сможет ли мир капитала трезво воспринять новую обстановку, обуздать свою природу и перейти от военно-силовых принципов к политическим; в состоянии ли капитализм и его экономика обойтись без милитаристского наркотика; сможет ли капиталистическая система жить без неокOLONиалистской эксплуатации народов развивающихся стран. Ответить на эти вопросы с исчерпывающей определенностью сумеет только время.

Опыт истории однозначен: социальный прогресс удавался только там и тогда, где и когда думали прежде всего о человеке, а не о тех или иных, даже важных, но отдельных символах его бытия. Тем более что ничего недостижимого, нереального в предлагаемых Советским Союзом подходах нет.

Два с половиной года идет перестройка. Срок, конечно, небольшой, особенно по историческим меркам, но достаточный, чтобы выявилась жизнеспособность политики, отношение людей к ней. Новая нравственная атмосфера в стране, положительные сдвиги во всех сферах жизни, динамизм во внешней политике и, как следствие всего этого, — выросший авторитет страны — это реальные результаты.

Конечно, впереди много непростых дел, с разных направлений ощущается и сопротивление. Опыт не одной только нашей революции подтверждает: не каждому дано увидеть и оценить новые ростки жизни. Немало и тех, кто просто страшится нового, непривычного. Пугается сам, а еще больше пугает других возможными или воображаемыми издержками. Идет ли речь о новых формах внутренней общественной жизни или же о таком, пока еще непривычном явлении, как безъядерный мир.

Что же, консерватизм — тоже естественная сторона жизни. Но не он определяет судьбу будущего.

Политический, экономический, нравственный оптимизм рождается от открытого, познающего и преобразующего подхода к жизни, ее проблемам, от уверенности в своих силах и целях. Такая уверенность у нас есть.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ НА ЭТАПЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Наращивая процессы перестройки, мы говорим сегодня о многих дефицитах — нехватке мысли и энергии, интеллектуального мужества и творческих поисков, интеллигентности и товарищества.

Убежден, что именно перестройка заставила ощутить, сколь сильно не хватает нам помощи общественных наук, недостает теоретических разработок кардинальных вопросов бытия — и внутренних, и международных. Это положение детерминировано характером спроса на общественную науку, которой отводилась главным образом роль фиксатора и комментатора событий, а также теми представлениями, которые задавали тон в массовом сознании, практике и в самой науке. Ясно, что сразу такое положение не выправить.

Перестройка идет. Срок достаточен, чтобы ученые заявили о новых подходах, обобщениях, раскрепощенном видении различных проблем. Но складывается впечатление, что значительное число научных работников и организаций занято то ли оправданием, то ли удержанием прежних позиций. Общественные науки, которые, казалось бы, призваны быть на самом острие прогресса, подчас оказываются одним из форпостов консерватизма.

Сказанное — не обвинение. Я вижу в этом положении не столько влияние каких-либо субъективных интересов, сколько проблему объективного характера. Суть вопроса в том, как стимулировать максимальное саморазвитие науки, как снять или ослабить те ограничения, что мешают ей сегодня, как оживить ее внутренние движущие силы? Наверное, здесь надо идти одновременно с нескольких направлений. Как извне науки, по линии совершенствования ее взаимосвязи с жизнью, отношений с обществом, так и изнутри ее, очищая атмосферу научной работы, поднимая ее нравственные стандарты, развивая в самой науке демократию и гласность.

Выступление на коллегии Минвуза СССР 27 ноября 1987 г.

Опыт свидетельствует, что вузовская наука, стоящая у колыбели подготовки кадров, может сыграть весьма негативную социальную роль как через содержание, так и через методы преподавания и воспитания. Но она же способна выполнить и в высшей степени созидательную функцию. В условиях перестройки эта ее способность не просто чрезвычайно важна — она во многом определит будущее самой перестройки, будущее общества, равно как и перспективы развития общественных наук, развития политической культуры. Беды общественных наук — и схоластика, и догматизм, и нездоровая атмосфера, и монополизация не только направлений, но и целых дисциплин, и групповщина, и просто низкое качество исследований, и прочее — возможны только тогда, когда разорваны нити между теорией и практикой, когда жизнь и наука живут сами по себе.

Своеобразный парадокс. По меркам наиболее развитых государств мы заметно отстаем с обеспечением страны научными и практическими кадрами общественного профиля. Скажем, в США уже на протяжении почти двух десятилетий только социологов, социопсихологов выпускается в два раза больше, чем инженеров. Не уверен, что нам нужна именно такая пропорция, но что специалистов-обществоведов прикладной направленности необходимо куда больше, чем имеем и выпускаем, — по моему, этого требует уже видимый на горизонте следующий этап научно-технической революции, который во многих своих аспектах, надо полагать, еще непосредственнее выйдет на человека. Технократизм, обоснованно подвергающийся сегодня критике, — следствие еще и того, что вопросами социального свойства занимаются у нас, за неимением обществоведов, кто угодно, но только не профессионалы.

Другая сторона этого парадокса в том, что при небольшом по численности корпусе обществоведов непропорционально большая доля его усилий уходила в разного рода схоластические теоретизирования. Теоретизирование, которое в определенный период истории было порождением, побочным эффектом ухода от реальных процессов, следствием нормативного подхода к жизни и ее явлениям. Тогда неоправданно спрямлялась, укорачивалась дорога от идеалов и целей к повседневной практике. Если же возникавшие несоответствия оказывались слишком серьезными, то представления, в том числе и научные, либо подгонялись под схему «как должно быть», либо замалчивались. Конечно, это не прошло бесследно ни для содержания научной мысли, ни для форм ее существования и развития. Нам еще предстоит в полной мере осмыслить это прошлое, выработать средства преодоления его неоднозначного наследия.

Социализм — часть современного мира. С этим миром мы связаны неразрывно — идет ли речь об экономике, безопасности, культуре или науке. Связаны неоднозначно, противоречно. И эта взаимосвязь — одна из движущих сил развития. Перестройка продиктована в том числе и этой взаимосвязью, ее осознанием.

Наиболее сложная задача обществоведения — развернуть широко позитивную разработку новых проблем. Критический анализ того, что устарело и изжило себя, что было в нашем опыте неверного, ошибочного, конечно, необходимо. Но даже публицистика не может останавливаться только на упреках и обвинениях. Критика — лишь стартовая позиция для формулировки гипотез и предложений, для углубления теоретических представлений. Между тем конструктивная, основательная и комплексная разработка ключевых вопросов развития явно запаздывает, хотя на отдельных направлениях высказано немало интересных и свежих мыслей.

Сегодня особенно важно неконъюнктурно осмыслить идейное наследие Ленина, прочитать не только ретроспективно через призму полного, квалифицированного представления о нашей истории, но и через призму задач времени и перестройки, через призму необходимости углубления наших представлений о социализме. Достижение качественно нового состояния общества требует и качественного сдвига в сознании — как массовом, так и теоретическом. Причем сдвига не только по итогам нового развития, сдвига — отражения. Нужна и опережающая картина предстоящих перемен: картина-прогноз, картина-проект, картина — рабочий чертеж перестройки.

Один из уроков прошлого заключается в том, что ничто не обходится обществу так дорого, как теоретические заблуждения и просчеты. Дорого и в прямом материальном выражении, но еще больше — в человеческом, имея в виду те потери, которые неизбежны в таких случаях в сфере морали и психологии.

Гражданская и партийная ответственность обществоведов в том, чтобы своевременно выявлять противоречия между естественной ограниченностью исторического опыта и вытекающими отсюда конкретными пределами наших знаний, с одной стороны, и искушением преодолеть эти пределы обращения к иллюзиям, мифотворчеству, своего рода научному очковтирательству — с другой. Наша теоретическая мысль должна научиться ясно и твердо произносить слова: «Этого мы еще достоверно не знаем», «Этого мы пока еще не можем», «Это объективно преждевременно». *Наука, идущая от обозначенного заранее идеала к жизни, обречена на пустоту. От жизни к идеалу — единственно эффективный и достойный путь исследования.*

Перестройка требует уточнить и обогатить понимание характера общественного прогресса при социализме. Причем сделать это необходимо прежде всего в человеческом, гуманитарном измерении. Предстоит проанализировать в этой связи многообразие общественных форм социализма, разобраться в неоднолинейности, альтернативности его развития, в сочетании эволюционных и революционных форм, их диалектике.

Одно из важнейших направлений необходимого теоретического прорыва — исследование реальных интересов носителей общественных, в том числе экономических, отношений, подчеркиваю, реальных интересов таких носителей. До сих пор эти отношения рассматривались во многом абстрактно и неоправданно фетишизировались. Перестройка выдвинула на передний план — и в практике, и в теории — действительно ключевой вопрос: какие стимулы и механизмы нужны, как их создать, чтобы раскрылся самый мощный и справедливый интерес — интерес трудящихся как хозяев страны, хозяев производства. Хозяев на деле, в повседневности, в решении вопросов жизни, труда и быта, а не в пустословно-убаюкивающем плане.

Сейчас яснее, чем раньше, видим мы гуманистический смысл социализма: свободное общество, свободный человек. Если исходить из этого высшего критерия зрелости и эффективности социального строя, то мы находимся еще где-то на подступах к реализации преимуществ, заложенных в природе социализма. Очень и очень многое складывалось под влиянием жестких обстоятельств, ошибок и отклонений, порой очень крупных, а то и просто стихийно, однако очень многое из этого мы до сих пор воспринимаем как незабываемые истины.

Особенно это относится ко всему комплексу проблем демократии, социалистического самоуправления народа, общества и государства. По Марксу, например, «сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих... Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный...»¹. Нерешенных теоретических вопросов здесь масса.

Столь необходимый перестройке прорыв на фронте обществоведения поднимает значение методологии исследований. Предстоит восстановить ленинскую концепцию общественной практики как критерия качества теоретического знания, восстановить научно-критическое отношение к практике.

На словах никто и никогда от этих требований вроде бы и не отходил. Иные клялись в верности этому принципу очень истово,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26.

до транс. Но в том-то и дело, что ныне нужны не псевдотеоретические молебны. Думаю, мы рискуем не справиться с этой задачей, если не утвердим в общественной науке демократическую, состязательную атмосферу, которой были бы чужды протекционизм, безответственность, догматизм и боязливый либерализм, беспринципность за государственный счет и за счет самой науки и иные наши беды.

Демократизм, гласность, здоровый климат в науке — проблемы не только нравственные и не только сугубо прагматические. Опыт показал: искажения этих принципов, отступления от них ведут к теоретической слепоте, склерозу мысли, создают питательную среду для действия закона убывающего плодородия в науке.

Одно из наиболее важных сегодня методологических требований — обеспечение целостного развития исследований об обществе — и теоретических, и эмпирических. Это разработка сквозных понятий, категорий, концепций, которые облегчали бы, а не блокировали общение отдельных наук и их представителей. Это формирование новых научных направлений на стыке ранее родившихся.

Нужны исследования по прикладной социологии, социальной психологии и на стыке, скажем, психологии, демографии и права, экономики и психологии и т. д. Это не исчерпывающий перечень. Такие исследования нужны не просто сами по себе, по заказам практических организаций. Они еще и хлеб теории, без которого она не даст действительно ощутимых, ценных результатов.

И наконец, о перспективах преподавания. Оно не может быть успешным среди студенчества в том виде, как это все идет сейчас, если не будет развиваться приращением научного знания. Время дисциплинарного страха перед статусом общественных наук прошло. Авторитет можно вернуть только содержанием и умением. Но здесь обществоведов ждут многие неожиданности. Повторяю, только научные прорывы сформируют новое качественное состояние, новый статус общественных наук.

И в этой связи хотелось бы сказать об языке общественной науки. Всем ясно, что язык выражает и оформляет строй, характер мышления ученого. Язык — и дорога к читателю. Но мы как-то все время забываем об этом. Иногда даже создается впечатление, будто нарочно пишем так, чтобы не читали. Кому нужна книга, если она не прочитана, если она не работает, не ведет к дискуссии, не убеждает?

Последние годы, несомненно, продвинули представления о существенных характеристиках современного мира, его экономических и политикообразующих факторах, содержании и формах социального освобождения, его перспективах и конечных целях, путях достижения нового качественного состояния социалистической формации.

Современное общественное развитие требует нового осмысления, ибо человечество вступило в полосу исторически продолжительного сосуществования различных социально-экономических систем, причем в условиях борьбы за выживание цивилизации в целом. Крепнувший в силу новой обстановки фактор взаимозависимости мира настоятельно диктует подходы, которые в оптимальной мере отражают реальности живой жизни, отвечают ее базовым потребностям. Это касается всех сторон общественной жизнедеятельности — будь то соотношение классового и общечеловеческого, суть противоречий в социальных системах, характер их борьбы и взаимодействия, истоки, условия и пределы выживаемости различных социальных устройств, развитие движущих сил общественного прогресса, нарастание глобальных проблем.

Игнорирование земных, жизненных реальностей неминуемо ведет к политическим утопиям и ошибкам, к поражениям. Раболепие перед догмами превращает науку в языческое идолопоклонство. Следование им на практике оставляет позади себя болезненные иллюзии, химеры, несбывшиеся надежды, социальное равнодушие и разочарования. Только живая практика способна превозмочь болезни догматизма, равно как и болезни левого фразерства.

Реальную картину действительности способен дать лишь научный анализ, в результате чего только и можно поставить

Из выступления на Международном совещании секретарей коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологическим вопросам. Улан-Батор. 16 марта 1988 г. Публикуется впервые.

правильный социальный диагноз. А без этого не может быть и общественного оздоровления и здоровья. Переходная социальная полоса становится все более сложной, многозначной — и по характеру задач, и по характеру движущих сил, и по характеру средств достижения целей.

Нам еще предстоит углубленный анализ всех факторов и причин уникального в своем роде положения, сложившегося в 80-е годы в мире социализма. Уникальность его прежде всего в том, что при всех различиях, которые существуют между социалистическими странами, при всей специфике условий и задач в каждой из них — думаю, не ошибусь, если скажу: все мы в той или иной степени, в тех или иных формах, с разной мерой неотложности осознали — *социализм объективно вступает в процесс обновления, он императивно нуждается в нем.*

Порой говорят, что потребность в обновлении продиктована главным образом упущениями или просчетами субъективного характера. Думаю, что это одностороннее понимание. Новое осмысление эпохи продиктовано реальным общественным развитием, всем ходом жизни.

О своих ошибках, просчетах, упущениях КПСС сказала откровенно и честно. Но их констатация — не самоцель. Сегодня мы задаемся вопросами следующего уровня: какие причины вызвали эти упущения и ошибки? Что воспрепятствовало их своевременному выявлению и исправлению? А главное — что должно быть сделано, чтобы избежать губительного фарса повторения, чтобы создать такие базисные и надстроечные структуры, которые обеспечат безотказную работу демократического экономического и социального механизма, послужат надежной преградой для деформаций.

Теоретические и практические ответы на непростые вопросы нашего бытия и составляют суть процесса перестройки. Она переживает и будет переживать сложные времена. Но уже сейчас можно говорить о позитивных результатах. Экономика становится рациональнее. Политика в социально-культурной сфере издается от остаточного принципа. Но наибольший эффект перестройки мы видим в сфере идейно-нравственной. Чище стала атмосфера жизни, возросла заинтересованность и активность людей. Утверждается демократия, гласность, идет борьба с мелкобуржуазными явлениями. Возвышается человек, нарастает ощущение его свободы в свободной стране.

Революция является крайним ответом на крайние обстоятельства, реакция на ситуацию, при которой иной путь трагичнее и мучительнее. В ней причудливым образом сплетаются возвышенные надежды и устремления и бескорыстные порывы с мелкобуржуазным анархизмом, утопической уравнительностью,

корыстью. Организованное начало не всегда берет верх над страстями необузданного бунтарства. Нередко действуют и силы, для которых революция лишь средство борьбы за личную власть, для удовлетворения большого честолюбия.

Какая из революций не прошла через все это?

Что касается нашей страны, то нельзя оставить в стороне такие факторы, как былая отсталость, массивы неграмотности, полуфеодалное сознание, гражданская война, враждебное окружение, отвлечение огромных усилий и средств на защиту Отечества. Все это наложило свою печать на жизнь и психологию народа.

Социалистическое переплеталось с мелкобуржуазным, трагическое — с героическим, романтика сознательного и массового подвига — с преступным беззаконием, самые высокие порывы — с низменными страстями карьеры, крупнейшие достижения — с деформациями власти и нравственности. И все это оставляло свой след в сознании народа, в политике, в моральном климате, в методах руководства и стиле поведения, в государственном управлении.

Вот почему сегодня так важно, хотя и очень непросто, расставить все по своим местам, отделить реальное от наносного, великое от преходящего, жизненное от случайного, обоснованные надежды от демагогических химер, трезвость оценок от нигилизма, истинное творчество от схоластики, новаторство от консервативного застоя, реальные тревоги и озабоченности от мелкобуржуазной паники и хныканья по поводу и без повода.

Искусство политики требует видеть всю картину в целом, а не только ее отдельные части. Лишь такой подход дает правду жизни со всеми ее противоречиями. Мы уверены в своих силах и возможностях. Социализм в СССР доказал свою историческую жизнеспособность, а его деформации носят обратимый характер. Но они могли стать необратимыми, если бы состояние застоя продолжалось. Это относится и к процессам в материальной сфере. И к тем, что идут в общественных отношениях, в сознании общества.

Какова же суть обновления?

Это прежде всего качественно продвинутое понимание социализма во всех его аспектах. Отказ от упрощенных подходов, от схематизма и прямолинейности в пользу здравого смысла, трезвого познания действительности.

Обновление социализма — это преодоление апатии, инерции, максимальное высвобождение активности и самостоятельности людей. Дело не только и даже не столько в том, что людское равнодушие — неременное условие любых злоупотреблений и извращенного сознания. Суть проблемы в том, что

без инициативности, заинтересованности, энергии личности общество обречено на топтание, на истощение жизненных соков, на умирание. Любое общество движется человеком, а социализм — больше, чем какое-либо иное.

Обновление социализма в процессе перестройки — это, далес, слом того, что получило формулу «механизма торможения», и создание новых институций, форм, процедур, максимальное расширение потенциала нового строя, укрепление гарантий против рецидивов негодного или отжившего прошлого.

Такие гарантии — прежде всего в демократизации и гласности. Здесь сегодня — центральное направление развития социализма. Опыт 50-х и 60-х годов привел к выводу: без демократизации захлебнется любая, самая продуманная и далеко идущая экономическая реформа. Она упрется в инерцию администрирования, командования, в избыточную централизацию, в бюрократизм. Обновление социализма достижимо только в единстве, во взаимосвязи глубокой демократизации и кардинальной экономической реформы, когда одно подпитывает, поддерживает, продвигает другое.

Демократизация ставит человека перед необходимостью самостоятельного и свободного выбора. Осознанно выработанные представления человека, его убеждения, способность к их развитию на основе практического опыта и практических потребностей — вот на чем только и может стоять и крепнуть живой, развивающийся социализм.

Но демократизации нет без гласности. Гласность стала одной из движущих сил перестройки. Конечно, не обходится и без издержек — главным образом из-за недостатка политической культуры. В полемическом задоре порой случаются и перехлесты, причем с разных сторон.

Политическая, идеологическая дискуссия, развернувшаяся в обществе, помогает вывести его из состояния инертности. Средства массовой информации — основной плацдарм, на котором эта дискуссия проходит и где во многом проверяется эффективность гласности, формируются ее критерии.

Демократизация и гласность, а соответственно и рамки дискуссии ограничены лишь одним объективным пределом — интересами развития. Партийность и строгая профессиональная этика, дотошная проверка фактов, идет ли речь о сегодняшнем дне или об истории, — при соблюдении этих требований не только нет оснований опасаться негативных последствий гласности, а, наоборот, можно почувствовать ее исцеляющую роль.

Обновление социализма — это и защита перестройки, и защита самой идеи обновления. Силы консерватизма, заинтересованные в сохранении статус-кво, не выступают прямо против

перестройки. Вместо этого навязывается слепое, догматическое поклонение однажды созданным формам социализма — как если бы социализму была чужда сама идея развития, качественного перехода с низших ступеней на высшие. Или же противопоставляют развитию простое совершенствование — как будто одно противоречит другому или заменяет его.

Перестройку приходится защищать и от излишне торопливых. От современной разновидности левачества, родная сестра которого — неумение и нежелание компетентно, целеустремленно работать, добиваться практических результатов, а не внешних шумовых эффектов.

Из чего же складывается определенное своеобразие политической работы в современных условиях? Каковы ее образующие факторы? Они многообразны, но на некоторые моменты следует обратить внимание.

Во-первых, идет напряженная борьба за перестройку, за достижение нового качественного состояния общества. Это прежде всего овладение демократией, новыми подходами в хозяйственной жизни, в деятельности самой партии. Цель этой работы — гуманизация общественного сознания и общественных отношений, поворот от технократизма к человеку, как высшей цели и определяющему фактору перестройки.

Во-вторых, политическая работа длительное время строилась под влиянием того командно-административного стиля, который сложился в экономике, внутрипартийной жизни, обществе в целом. Сейчас необходимы быстрееший демонтаж подобного стиля, утверждение подлинной социалистической демократии и гласности, выработка каждым человеком собственной жизненной позиции. Все это требует глубочайшего обновления форм, методов, самой психологии политической деятельности.

В-третьих, стоит задача утвердить разумное, самокритичное, ориентированное на развитие отношение к себе и ко всем своим делам и словам. Мы только начинаем по-настоящему ощущать, как это непросто — достигнуть таких общественных условий, чтобы каждый человек стал личностью. Проще верить в авторитеты и догмы. Сегодня надо самому вырабатывать собственное мнение, брать на себя ответственность за слова и поступки, бороться за свою точку зрения.

Главное сейчас — окончательно уйти от пустословия. Иногда сам отказ от громких слов, восторженных эпитетов воспринимается чуть ли не как отказ от достижений социализма, как нарочитое стремление отыскать что-то негативное, как критиканство. На деле это не так. Сделан, пожалуй, лишь первый шаг — со страниц печати, из радио- и телепередач постепенно исчезает парадность, рапортомания, шумиха. И наоборот, больше стало

такого, что и по форме, и по содержанию может быть отнесено к материалам деловым, спокойным, вдумчивым.

Перестройка выявила и еще одну специфическую задачу в сфере политико-идеологической деятельности. Мы еще только начинаем видеть, осознавать, что наше общество достаточно зрелое, достаточно «в возрасте», достаточно внутренне сложное и противоречивое для того, чтобы уже на социалистической почве родился и свой консерватизм. Родился на базе естественного сплава конкретных различий в интересах, представлениях, культурном уровне, психологии реальных людей и групп.

По здравому размышлению, все это естественно, закономерно. Но, во-первых, такой поворот непривычен, причем особенно в идеологических его аспектах. Во-вторых, совершенно очевидно, что надо учиться жить с этим спектром интересов и взглядов, считаться с ним, не допускать шараханий в политике. И в-третьих, в области собственно идеологической надо учиться обеспечивать единство в общем и главном через многообразие в конкретном, частном. Такое многообразие — неременное условие любого развития.

Одно из решающих условий перестройки в длительной перспективе — развитие общественно-научной мысли. Она должна находиться в непрерывном движении. Социализм и косность несовместимы. Только действительно научное знание может служить делу перестройки. Вот почему столь необходим слом «механизма торможения» в науке, преодоление догматизма, монопольного положения отдельных ученых и групп в разных секторах общественных наук.

Предстоит глубоко разобраться, раскрыть и обосновать движущие силы общественного прогресса, объективную противоречивость и многообразие форм его развития, возрастание социальных интересов различных слоев и групп общества. На первый план научных исследований выдвигаются ключевые проблемы механизма обновления экономической, политической и правовой системы, активизации трудовой деятельности масс, демократизации общественной жизни.

Заметны сдвиги в организации и содержании творческой работы. А это в немалой степени — вопрос *отношений партии с интеллигенцией*. Для подлинного социализма немислима конфронтация с интеллигенцией. Люди творчества глубже и быстрее чувствуют перемены в настроениях общества, их пульсацию, дают на этой основе ценнейшую социальную информацию через художественное и научное творчество. Партия обязана слышать эти голоса. В этом и состоит понимание роли культуры в социалистических условиях.

Советская интеллигенция внесла ощутимый вклад в перестройку. В сущности, непоследовательность в проведении реформ в прошлом была связана и с тем, что фактически на расстоянии от формирования политики удерживалась граждански мыслящая часть интеллигенции. Много говорилось о научном подходе, и в то же время существовала подозрительность к новаторским идеям ученых, к социальным сигналам художников.

Перелом в отношениях с интеллигенцией связан с апрелем 1985 года. Необходимо было осознать реальное состояние общества, увидеть действительную картину жизни. В этом неоценимую помощь оказала интеллигенция с ее социальной интуицией, с традиционной для нашей культуры идеей служения народу, культом правды и справедливости.

К разработке новой политики привлекались лучшие интеллектуальные силы страны. Среди них и те, кто был «неудобен» в прошлом, кто бил тревогу по поводу застойных явлений. Это отнесится и к ученым, и к художникам. Именно руководство партии дало самый острый анализ ситуации, предложило революционную программу перемен, без колебаний опираясь на лучшие силы интеллигенции. Новые отношения с интеллигенцией, построенные на доверии, обоюдной заинтересованности и ответственности, — принципиальная линия КПСС.

Нарастающая сложность, развивающееся многообразие — характерные черты процесса обновления. В культуре это находит наиболее наглядное выражение. Неозоримо поле культурных потребностей людей. В наших условиях они счастливо дополняются национальными школами, традициями, языками. Все это отражается в разнообразии художественных индивидуальностей, что обогащает содержание социалистической культуры.

В последнее время с особой остротой встали вопросы *национальной политики, практического интернационализма в повседневной жизни*. Наши исходные позиции прочные. Прочные в том смысле, что социализм устраняет глубинные причины для неравенства, угнетения, притеснения, эксплуатации и т. п. по национальному признаку, дает принципиальную возможность решать эти проблемы на здоровой основе.

Но это далеко не вершина возможного. Преимущества социализма и в этой области тоже не приходят автоматически. В прошлом много и правильно говорилось о национальном вопросе, а на практике он превратился в область, пожалуй, наиболее закрытую для честного и делового анализа, для перемен. Что послужило тому причиной?

Первое. Очевидно, некоторые конкретные решения, принимавшиеся в первое послереволюционное время, не всегда были наилучшими, во многом диктовались спецификой общей и местной

обстановки того времени. Оговорюсь сразу: речь не идет о пересмотре, перекройке территориально-административного деления. Заняться сегодня выяснением взаимных национально-территориальных претензий значило бы опрокинуть себя в омут прошлого. И любой народ вправе был бы задать вопрос: почему отсчет здесь надо вести от XIX века, а не от XVII или XI? А может быть, начать со второго тысячелетия до нашей эры? Или с третьего? Это что-то несурзкое. Это вообще не путь для социалистической страны, где уже давно многонациональны все республики, многие города, даже села.

Второе. Конкретный анализ конкретных ситуаций, конфликтов показывает — в основе любых национальных проблем неизменно лежат какие-то недоработки, а то и просчеты. Здесь тесно переплетаются социально-экономические, культурные, идеологические и иные аспекты жизни.

Третье. Надо видеть и то, что некоторые процессы в сфере национального сознания и самосознания явно недооценивались. Один пример: выросла культура данного народа, его образованность, уровень жизни. Ясно, что люди начинают понимать и вглядываться в свою историю, язык, искусство; национальное самосознание поднимается на новый уровень. Процесс этот закономерный, естественный. Сама жизнь требует максимальной чуткости к национальным формам, языку, искусству, культуре.

Задача практической политики в национальном вопросе — избежать двух крайностей. Национального нигилизма. В современных условиях нашей страны жизнь, творчество, сотрудничество наций — могучий источник взаимного обогащения народов, одна из главных движущих сил развития.

Другая крайность — национализм, идеология национального превосходства, которая слепа и легко скатывается к расизму. Граница между национальным и националистическим пролегает именно тут. Все национальное плодотворно и уважаемо лишь до тех пор, пока законная любовь к своему народу, гордость его достижениями не перерастают в претензии на ту или иную исключительность, на превосходство по сравнению с иными народами, в презрительно-пренебрежительное отношение к иным народам, к их гордости, традициям и достижениям.

Проявления национализма, шовинизма, сионизма и антисемитизма в социалистическом обществе нетерпимы, от кого бы они ни исходили. Претензии на национальную исключительность оскорбительны для всех народов, особенно для того, от имени которого высказываются.

Долговременная задача политической работы партии — воспитание подлинно социалистической, *современной этики труда*. Умения и стремления добросовестно, качественно работать.

Воспитать такую этику можно только через социальную справедливость. Необходимо найти такое сочетание хозяйственной реформы и социальной защищенности трудящихся, которое позволило бы покончить с уравниловкой, добиться кардинального сдвига в экономике и в то же время не допустить возникновения очагов социальной напряженности. Это — новое дело, как и перестройка в целом, здесь нет готовых рецептов. *Жить по труду, ценить по труду* — нравственный принцип перестройки.

Оценивая уже сделанное за последние три года, мы порой удивляемся тому, как много вместились в это недолгое время — всего 1100 дней. Но понимаем и другое: с исторической точки зрения задачи на будущее только поставлены, только началось их осуществление. Сейчас особенно ясно видим необходимость сделанного шага, своевременность решений, принятых изначально в марте и апреле 1985 года и развитых впоследствии.

В контексте происходящих изменений нужно рассматривать, оценивать и общественную дискуссию на тему «история и перестройка». То, как живо откликаются на нее люди, свидетельствует: проблематика эта не надуманная. Показательно, что в общественном сознании перестройка однозначно и справедливо связывается с честным и полным представлением о прошлом. На базе истории и через историю можно осознать во всей полноте, от чего же мы все-таки хотим уйти и к чему прийти в процессе перестройки.

Потребность в историческом сознании продиктована и нравственными причинами. То, что советское общество ощутило эту потребность, — огромное достижение социализма, которое еще не оценено в полной мере. Оно свидетельствует о духовной силе общества. Подтверждает его жизнеспособность, веру в будущее, приверженность социалистическим идеалам.

Есть все основания говорить о том, что в советском обществе к рубежу 80-х годов оказались исчерпанными возможности экстенсивного развития не только экономики, но и тех социальных и политических структур, начало которым было положено еще около 60 лет назад. Ретроспективно понятно, что они не могли быть ничем иным, как явлением переходным, исторически проходящим. Хотя по многим — и ныне известным — причинам слишком долгое время воспринимались как неизменные и не подлежащие сомнениям формы.

Размышления и анализ показали: предреволюционный российский капитализм был мощным и развитым не столько в сравнении с капитализмом западноевропейским и североамериканским — тут он явно и сильно уступал, — сколько в сравнении с чудовищной отсталостью полуколониальных окраин царской империи. Феодальные и даже дофеодальные отношения, струк-

туры, неотделимая от них психология были лишь в самой небольшой степени затронуты, расшатаны капитализмом. А во многих частях страны еще сохранялись в неприкосновенности.

Парадокс нашего развития в том, что после отказа от нэпа, перехода к командно-административным методам практика социалистического строительства и особенно ее деформации объективно сохраняли, а в ряде случаев закрепляли и усиливали психологию, отношения, структуру межгрупповых связей, свойственные докапиталистическому обществу. В немалой степени и сам переход к командно-административным формам был, видимо, связан с общей отсталостью, невозможностью преодолеть ее в узких исторических границах.

Между тем сам этот факт не осознавался во всей его полноте и значении. Переход от капитализма к социализму виделся слишком спрямленно и упрощенно. С течением времени на поверхность общественной жизни не могли не выходить те аспекты бытия, которые одним только отказом от частной собственности, одной только политической революцией автоматически не изменяются в сторону социализма.

Вот почему мы говорим сегодня о перестройке как о революции, продолжающей дело Октября 1917 года.

Вот почему наивны или злонамеренны усилия тех, кто в углублении представлений о реальном социализме, о диалектике действительной жизни, о путях нашего развития видит покушение на социалистические идеалы.

Мы знаем, что в братских странах внимательно следят за ходом перестройки в Советском Союзе. Мы благодарны за это внимание, за искренний интерес к нашим делам, высоко ценим поддержку, признательны за высокие оценки вклада КПСС в развитие теории и практики современного социализма.

Стоит, наверное, еще раз подчеркнуть, что мы не намерены заниматься «экспортом» перестройки. Каждая страна строит свою политику в соответствии со своими условиями, собственной спецификой, решает свои конкретные задачи. Другое дело — обмен опытом, который обогащает теорию социализма, делает более совершенным инструментарий решения созидательных задач.

Жизнь требует идти от понимания реалий общественного бытия, его противоречий, коллизий и драм, интересов личности. Это верно и для практики, и для теории. Путь трудный, поисковый, но другого не дано.

СУРОВАЯ ШКОЛА В КРУТОЕ ВРЕМЯ

Чем глубже и масштабнее перемены в обществе, тем больше парадоксов и неожиданностей, столкновений интересов и мнений, отражающих противоречивость процессов и рождающих социалистический плюрализм. Старые методы руководства пришли в острое противоречие с новым характером борьбы за социалистическое обновление. Надежды конфликтуют с разочарованиями, ожидания — с реальностью. Очевидна и известная сумятица в умах.

Все это естественно и нормально. Нежными, закругленными поворотами с мягкими тормозами, благостными проповедями революционной цели не достичь.

Перестройка — крутое время. Характернейшей его чертой являются одновременно: а) осознание императива нового выбора и б) практические действия, глубоко затрагивающие все сферы общественной жизни — политику, экономику, культуру, психологию, сознание.

Наибольших результатов перестройка достигла в морально-политической сфере. Но именно здесь и бушуют наиболее сильные страсти.

Действительно, наше общество не узнать. Мы уже стали забывать то застойное болото, в котором оказались, неправду, от которой страдали, двоедушие, которое было мучительным, разрыв слова и дела, который углублял кризис сознания, деформировал человеческие отношения. Хотя общество продолжает страдать от некомпетентности, злоупотреблений, невежества, мелкобуржуазности, все же общественно-нравственный пресс действует в правильном направлении.

Возможно, иным кажется, что «хмель» свободы раскачивает общественный корабль и волна анархии сметет с палубы все, что накоплено трудом народа. Конечно, надо смотреть

Выступление перед комсомольским активом — слушателями Академии общественных наук при ЦК КПСС 29 марта 1988 г. Публикуется впервые.

за температурой общественных настроений, не допускать, чтобы эмоции возобладали над разумом. Но тут всем силам, стоящим за перестройку, надо поработать с полной нагрузкой. Причем эта работа должна быть избавлена от паники, страхов, запугиваний, предвзятой информации, продиктована здравым смыслом и подлинной заботой о деле.

Только реализм в оценках, уверенность в целях, вера в людей, твердое понимание, что главные трудности еще впереди и развертывание демократии еще только начинается, должны формировать новый тип руководителя, способного понять характер кардинальных изменений и работать, стряхнув с себя тягчайший груз прошлого во всех его формах.

Хныкать и позволять запугивать себя фантазиями — недостойное дело. Об опасности такой реакции в периоды революционных поворотов писал еще В. И. Ленин: «Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе»¹. В первооснове своей такая позиция продиктована боязнью происходящих изменений, приверженностью к старому, неверием в новое.

Хорошо известно: всяческие комплексы — будь то неполноценности, исключительности, непогрешимости, страха, подозрительности, — если их вовремя не поставит под контроль здравого сознания и воли, неизбежно выливаются в авторитарность, вседозволенность, насилие по отношению к другим, в агрессивную ностальгию по ушедшим временам.

Именно молодежи предстоит довести перестройку до конца и твердо держать паруса освобожденного труда и подлинной демократии, ибо только свободный труд и свобода человека достойны революционной борьбы.

С марта 1985 года перестройка вызревала как идея, концепция, платформа партии и одновременно, шаг за шагом, становилась реальностью, живой практикой.

В экономике хозрасчет начал раскрепощать экономическое положение, активность трудящихся. Трудовые коллективы предприятий начинают осознавать возможности, заключенные в самостоятельности. Выходит из летаргического состояния предприимчивость. Перестройка пробивает к жизни ранее третируемые формы собственности.

В социальной сфере — начинают ошутимей работать критерии очеловечивания жизни. Я бы здесь выделил не только рост ассигнований и осуждение остаточного принципа. Главное —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 228.

производство поворачивается к нуждам трудящихся, а люди перестают мириться с безобразиями в магазинах, больницах, школах. Социальная справедливость наполняется новым содержанием, освобождается от уравниловки, хотя и медленно. Человек утверждает себя решающим фактором перемен, самоцелью социализма.

В духовной — налицо прозрение и подъем общественного сознания миллионов. Исчезает комплекс маленького, безголосого человека, у людей крепнет интерес и вкус к открытому, честному обсуждению всех вопросов. Общество постепенно излечивается от цинизма и двоедушия. Начинают возрождаться основополагающие нравственные ценности жизни. Мощно, авторитетно зазвучал голос творческой интеллигенции.

В политической — утверждается уважение к правде, закону, правам человека, восстанавливается ленинская концепция демократии и самоуправления. Люди почувствовали потребность и возможность осуществления своего права на власть. Отсюда — широкая политизация массового сознания. По существу, мы подходим к новому этапу демократизации, к осознанию необходимости радикальной политической реформы, преодоления унаследованного отчуждения народа от власти.

В идеологической — взят курс на отказ от менторства, назидательности, догматизма, курс на решающую роль личного социального и политического опыта. Уходят в прошлое шумные, многоречивые искусственные кампании. Процессы, которые генерировали застой и присущие ему негативные явления, сегодня выявлены, показаны. Идет их нейтрализация, вытеснение. Идет трудно, сложно. Но еще Маркс говорил: самая неприступная крепость — человеческий череп.

Каковы же перемены в общественном сознании, которые приобретают характер необратимости?

Самое главное — убеждение в том, что перестройке альтернативы нет, что она уже благотворно сказывается на делах, что она, создав заслон застою, закладывает фундамент для ускоренного и рационального движения вперед.

Другое — понимание того, что перестройка требует не только напряженной повседневной работы, но и умения не упускать из виду ее горизонты — экономические, идейно-политические, теоретические, нравственные.

Философия перестройки выковывается жизнью, практикой, в столкновении реальных интересов, мнений и позиций. Изменения в морально-политической сфере стимулировали острые дискуссии, особый накал страстей, наиболее выпукло, зримо выявили и груз прошлого, и немалые сложности самой перестройки, и ее первопроходцев, и изощренные формы сопротивления новому,

и те направления теоретической мысли, на которых сегодня особенно необходимы прорывы.

Что тут имеет особую значимость?

Во-первых, надо четко видеть, что только глубокие, кардинальные преобразования открывают путь к новому качеству общества. Частные усовершенствования тут не помогут.

Во-вторых, уметь соотносить перестройку с достигнутыми ранее подлинными достижениями социализма. Но уважение к прошлому — это очищение от всего того, что тормозит социализм, ограничивает его движение вперед, темпы и качество этого движения. При таком подходе «плач по социализму», который слышится порой, — либо злопамеренная спекуляция, либо непонимание сути происходящего.

В-третьих, упор на характер, качество, содержание личного опыта самого человека. Бытие формирует убеждения. Значит, надо именно сюда и направить все внимание. Но направить не иждивенчески: вот, дескать, тебе, дорогой товарищ, кем-то созданное и отлаженное бытие, пользуйся им и будь добр мысли и поступай по-честному, по-коммунистически. Такой подход ничего, кроме вредных иллюзий и потребительских настроений, не породит.

Вопрос ставится иначе: социалистическое бытие, в полной мере отвечающее человеческим, гуманным критериям и идеалам, может создать только сам человек. В процессе такого созидания — и только лишь в этом процессе, но никак не помимо него — он и воспитает, укрепит, разовьет в себе все те качества, которые отличают сознание и поведение борца за новую жизнь, активного гражданина общества.

Много сегодня спорят об эффекте 30-х годов. Одни концентрируют внимание исключительно на ошибках, беззакониях, репрессиях, которые приобрели тогда огромные масштабы и действительно оказали самое отрицательное воздействие на все наше развитие. Другие, полемизируя с подобной позицией, рассуждают примерно так: поскольку именно в те годы были быстро созданы основы современной индустрии, заложен фундамент обороноспособности страны, то тем самым можно оправдать всю практику тех лет как вынужденную, продиктованную высшими интересами.

Путаница тут несусветная. Подмена причин и следствий поразительная. Конкретный человек, который самоотверженно трудился на Днепрострое и Магнитке, в Кузбассе или на Турксибе, а потом героически сражался на полях Великой Отечественной, — этот человек был воспитан на идеалах революции, на революционной практике первых послеоктябрьских лет. Потенциал веры в благородные идеалы нового общества был настолько силен,

что его не смогли уничтожить до конца грубые деформации тех лет, хотя и нанесли практике, самой идее социализма трудноправильный ущерб.

Перестройка сейчас в переходном периоде — наиболее сложном. Она принята как идея и практическая концепция. Но еще не утвердилась прочно ни в сознании, ни тем более в жизни. Ситуация бескомпромиссна: добьемся полного, неурезанного осуществления перестройки или будет навязана косметическая подкраска застоя.

Перестройка уже затронула широкий круг интересов. Затронула и в позитивном смысле, показав людям перспективу, дав им возможности для проявления инициативы, для реализации их трудового, творческого потенциала. Но затронула и в том, что уже потребовала более напряженного труда, большей добросовестности, профессионализма, ответственности. Далеко не всем это пришлось по вкусу.

Сопротивление перестройке необходимо соотносить с ее ходом: идет ли обновление вперед, или же тормозящие, консервативные тенденции где-то берут верх. В целом обновление набирает и темпы, и масштабы, и глубину, дает все более ощутимые результаты. Но есть и такие коллективы, районы, иные места, где перестройка еще практически неощутима. Успех будет определяться тем, чтобы не оставалось подобных «тихих заводов», способных стать метастазами нового застоя.

Но в этом же контексте необходимо различать, где сопротивление перестройке носит в какой-то мере объективный характер — в том смысле, что идет от невозможности сразу, в одночасье, изменить психологию, сложившееся отношение к труду, преодолеть апатию и равнодушие. А где такое сопротивление — результат осознанных, намеренных действий, продиктованных ожесточенной защитой индивидуальных или групповых интересов за счет интересов общества и в ущерб ему.

Откуда идут атаки на перестройку?

Догматическая атака — от воинствующей инерции сознания, привычек, взглядов, силы традиционных подходов. Проявляется и в науке, но и в жизни в целом, на уровне массового сознания тоже.

Мелкобуржуазная атака — левая фраза, национализм и шовинизм, «маскультура» — идет от иждивенческого, потребительского отношения к жизни, социализму. И от мелкобуржуазной ярости тогда, когда необузданный потребительский инстинкт или непомерные амбиции не могут быть немедленно и легко удовлетворены, когда надо работать созидательно.

Консервативная атака питается интересами и убеждениями тех, кто прежде всего усматривает в перестройке угрозу

собственным позициям, кому не по нутру любые перемены, кто именно поэтому видит в социалистическом обновлении разрушительное начало.

Было бы самообманом утверждать, что подобные наскоки на перестройку бесплодны, не достигают цели. Они находят отклик, и прежде всего потому, что новому политическому курсу приходится расплачиваться за старые социально-экономические грехи. Разве можно за столь короткий срок построить жильё для миллионов семей? Разве можно в одночасье изменить экономические отношения в деревне и на этой основе решить раз и навсегда продовольственную проблему? Разве можно полностью и сразу удовлетворить спрос на товары, если денежная масса значительно превышает товарную? В то же время нетерпение людей оправданно. Они устали ждать. Перестройке пришлось принять на себя удары, вызванные унаследованным и законным недовольством условиями и качеством жизни. Чужие грехи — самая тяжёлая ноша, но перестройке придется ее нести.

Кое-кто активно использует эту обстановку в спекулятивных целях. Но будет справедливым сказать и другое. Люди не хотят дальше мириться с бесхозяйственностью, безответственностью, расхлябанностью, которые продолжают тормозить перестройку. Они требуют большей последовательности и решительности в ее проведении.

Основным противником перестройки остается консерватизм, активно апеллирующий ко всему догматическому, неподвижному, что есть в обществе. Консерватизм — продукт той атмосферы политической жизни, в которой формировались наше сознание, образ мышления и поведения. Тогда и сложились определенные стереотипы представлений о социализме. Реальный опыт Советского Союза во всем ассоциировался с истинным марксизмом. Любые нешаблонные, творческие поиски обозначали ярлыком «ревизионизм», не вникая в суть вопроса. Многие привыкли жить по сигналам, которые подадут другие, скажут, что делать, что читать, какой фильм хороший, какой плохой, кто ревизионист, а кто правоверный. Деформировались понятия чести, совести, достоинства.

Перестройка взорвала эту атмосферу. Заставила задуматься и спросить самих себя: так ли мы живем, во имя чего, правильно ли действуем? Что значит поднять общество к новому качественному состоянию? Что взять с собой из настоящего? К чему должны прийти в будущем?

Вопросы эти оказываются для некоторых буквально драматическими, поскольку требуют пересмотра представлений, что исповедовались всю жизнь. Далеко не простой вопрос. Это реальности жизни, с которыми надо считаться, проявляя терпение

и такт, а не изображать из себя прокуроров или носителей конечной истины, как это порой случается. Да и безгрешны только мертвые, да младенцы.

Похоже, многие товарищи и до сих пор не отдают себе полного отчета, как непросто, нелегко будет даваться борьба с воинствующим консерватизмом. Кстати, он не прочь использовать и левацкое фразерство, вырастающее из нежелания считаться с действительностью, из стремления показать себя, щегольнуть словесной экстравагантностью. Короче — поразить формой, а не содержанием.

Да, обстановка гласности сделала возможным высказывать разные, включая самые противоречивые, точки зрения. Но она же требует высочайшей ответственности, способности оценить, для чего и как может быть использовано то или иное заявление, требование против перестройки, против демократии.

Перестройке смертельно опасны опережающие аплодисменты. Отрезвляющая критика куда полезнее, чем опьяняющее словословие. Благодушие — наркотик, приведший к застою. И полностью он еще не вымыт. Поэтому гласность, критика — не кратковременное лекарство, а стимул, поддерживающий социализм в здоровом состоянии.

Консерватизм ожесточает свои нападки на перестройку. В качестве примера приведу статью в «Советской России» за 13 марта 1988 года¹. Статья справедливо расценена общественностью как манифест антиперестроечных, консервативных сил.

Под претенциозным заголовком «Не могу поступаться принципами...» она преподносит, по существу, полное неприятие того нового, что появилось в жизни за последние три года. Значит, когда мы избавляемся от застоя, когда переходим на путь демократизации, гласности, когда берем курс на обновление общества и ради этого — на полное и честное представление о прошлом — во всех этих случаях, оказывается, поступаемся принципами.

Правомерно спросить — какими именно? Не теми ли, которые привели к произволу, преступлениям против социализма? Но с подобными «принципами» нам действительно не по пути.

Содержанием, тоном и пафосом статья ориентирована не на консолидацию и сплочение общества на платформе перестройки — само это понятие отсутствует в статье, — но на разделение, противопоставление друг другу различных его групп и слоев. В статье проявилось не только содержание антиперестройки, но и ее методология, методология всего того, что уже привело страну к застою, поставило на грань разрушительного кризиса.

¹ Подробный анализ этой статьи дан в газете «Правда» 5 апреля 1988 г. «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». — А. Я.

Жизнь может потребовать временами и размежеваний, и конфликтов. Без размежевания с самоуспокоенностью и равнодушием, апатией и цинизмом, другими хорошо известными негативными явлениями не было бы и самой перестройки. Важно видеть, по каким конкретно вопросам происходит размежевание или, наоборот, сближение людей, чтобы вернее определить и свое место, и свое призвание, и свой долг.

Всего несколько примеров.

Отношение к печати: здесь непонимание сути перестройки особенно глубоко. Одни видят в гласности угрозу собственному спокойствию, другие, более изощренные, критикуя «распустившуюся» печать, выражают тем самым собственное несогласие с политикой демократизации и гласности. Третьи панически боятся контроля, наиболее действенным оружием которого является гласность. Отсюда и все страсти вокруг печати — как если бы она создает трудности в экономике, экологии, торговле, сельском хозяйстве. Все переворачивается с ног на голову.

Нетерпимость: привычка считать только свою точку зрения правильной. Львиная доля неприятия не столько даже идей, концепций, сколько практики перестройки идет отсюда — от психологии. Принципиальность часто еще отождествляется исключительно с запретительством. Но сегодня куда больше настоящей принципиальности требуется для того, чтобы разрешить или хотя бы не запрещать. Нельзя, если не впасть в политическую истерику, выдумывать «разрушителей» социализма и видеть только в себе его единственного сторонника и защитника.

Претензии на безошибочность. Поиск предполагает право на ошибку — хотя и вместе с ответственностью за нее. В. И. Ленин одно из средств предотвращения «термидора» видел в том, чтобы «не бояться признавать своих ошибок...»¹.

Поучительство, менторский тон вместо знания, анализа фактов, поиска решений, средств, подходов.

Все это вредит делу, и чем скорее мы избавимся от подобных методов, тем лучше для перестройки, для того, чтобы наше общество еще теснее сплотилось на платформе революционного обновления.

Перестройка — политическая школа молодежи. Сейчас самое время для молодежи быстро и решительно продвинуться на передовые рубежи перестройки. В самостоятельную жизнь вступает поколение, чье сознание формировалось под определенным влиянием укоренившихся деформаций и порожденных ими цинизма и двуличия, равнодушия и коррупции. Немало юношей и девушек как бы заквашены на разрыве слова и дела. Заучивая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 423.

в школах моральный кодекс, они видели, что бал в жизни редко правят люди, отринувшие этот кодекс.

Общение с молодежью заформализовано, остро не хватает доверительного диалога. Слишком долго ее воспитание сводилось к пропаганде абстрактных лозунгов и к назидательности. Все, что не укладывалось в тексты решений, воспринималось не иначе, как посягательство на святая святых. Некоторых еще продолжают повергать в панику естественные для молодежи максимализм, не засоренное стереотипами сознание, психологическая открытость.

Но ведь именно в этих качествах как раз и нуждается перестройка. Она сама — сплошь непривычность, нестандартность, неформальность. Перестройка восстанавливает в правах честный труд и свободное творчество. Ум и талант. Порядочность и справедливость. Достоинство, мужество и верность. Дружбу и бескорыстие. Словом, весь спектр непреходящих человеческих ценностей. Эти ценности всегда были вроде бы в чести, но, так сказать, проповеднически, евангелически. А практика нередко вступала в вопиющее противоречие с ними.

Проблема проблем перестройки — преодоление отчуждения человека от собственности, от политики, от власти. Власть, которая принадлежит ему по самой сути социализма. Как же был прав Ленин, когда говорил, что невозможен победоносный социализм, не осуществивший полной демократии!

Демократия — это одновременно и предпосылка, и средство, и цель перестройки. А реальная жизнь такова, что вроде бы перестали называть демократию демагогией, по крайней мере открыто. Но и широко пользоваться ею по-настоящему еще не начали, не научились.

Конечно, никто не ждет скоропалительных изменений. Искусственное подталкивание любых процессов всегда чревато деформациями. Выработка политической культуры — процесс длительный, по природе своей всегда незавершенный, открытый в будущее.

Порой ставят вопрос: нужно ли нам больше демократии? Не занимаемся ли здесь какими-то фантазиями?

Убежден: не просто нужно — жизненно необходимо. Развития демократии требует вся сложность современного общества и хозяйства. Демократия — это единственно эффективный путь воспитания подлинного гражданина своего общества. Сознательного и нравственного, самостоятельного в суждениях и культурного в поступках, инициативного, умеющего отстаивать свои взгляды.

Демократия, по существу, не что иное, как максимально развитая система обратных связей в обществе, во всех его компонентах. Многие сегодняшние проблемы происходят как раз

от того, что мы еще не разработали, не включили механизм, способный отвечать требованиям времени,— механизм самоуправления народа.

Почему, например, стала возможна в некоторых местах групповая коррупция? Причина в конечном счете одна — в отсутствии демократического контроля со стороны народа, в административно-командной системе, в наследии и последствиях единой власти.

Духовно-психологической опорой антидемократизма, администрирования является прежде всего еще достаточно распространенное преклонение перед «беспощадным, жестким, но справедливым вождем», тоска по времени, когда был якобы порядок.

Процесс демократизации для молодежи, комсомола — серьезный социальный экзамен.

Самый чувствительный нерв общества — нравственность. К сожалению, с избытком примеров того, к каким катастрофическим последствиям приводит моральная деградация, насколько она парализует и экономику, и политику, и культуру. Моральное разложение немалой части людей — и на рядовом, и на руководящем уровнях — стало в застойные годы одновременно и выражением кризисного состояния общества, и мощным катализатором усиления антисоциалистических, разрушительных сил и процессов.

В любом обществе какая-то его часть склонна к антиобщественному поведению. Но дальше начинают действовать социальные условия, их динамика. Либо эти условия способствуют моральной изоляции потенциального преступника или просто дрянного человека. Либо, напротив, объективно создают возможности, чтобы антиобщественные задатки раскрылись, активизировались. В этом случае и происходит нарастание разрушительных тенденций.

Когда экономическую ответственность за итоги хозяйственной деятельности человека или коллектива несет государство — это аморальное положение, способствующее разрастанию негативных процессов и явлений.

Когда работники учреждений и предприятий вынуждены ловчить, сводя концы с концами, компенсируя просчеты планирования, управления, снабжения,— это тоже аморальная ситуация, беременная самыми тяжелыми нарушениями нравственности и законности.

Когда управленческие этажи и структуры не несут реальной ответственности за свои решения перед управляемыми — это тоже аморально, тоже разлагает и личность, и общество.

Примеры можно продолжить. Но мысль, кажется, ясна: надо исключить, свести до минимума объективные предпосылки

отклонений от нравственных норм. Социализм пойдет вперед тем быстрее, чем осознаннее будут решаться проблемы *нравственности* экономики, *нравственности* общественной жизни, *нравственности* всей практики. Это в наших силах.

Перестройка отрицает моральное двурушничество, возрождает нравственность во всем, не исключая политики. Не только разум, но и нравственное чувство, лежащее в основе патриотизма, личной гражданской ответственности, не позволяют жить, мыслить, действовать по меркам, критериям застоя.

Побольше товарищеского участия! Побольше учета разнообразных мнений! Будем считаться с ними всерьез. Насколько же выше — по существу и в нравственном отношении — окажутся тогда принимаемые на собраниях решения, насколько весомее, авторитетней будут восприниматься процедуры и результаты голосования! И тогда люди будут поступать осознанно, в согласии со своими убеждениями.

Нравственное воспитание молодежи неотрывно от воспитания высокой культуры: общей, политической, профессиональной, бытовой. Здоровому обществу противопоказано все то, что подавляет личность, подгоняет ее под упрощенные, примитивизированные стандарты. Все то, что превращает человека из творца, создателя, носителя знания и нравственности — в потребителя, и не более.

Вот почему для развитого эстетического вкуса неприемлема примитивная, так называемая «массовая культура» в той ее части, которая своими атрибутами, содержанием направлена на бездумное, пассивное отношение к жизни. На воспитание стадного, унифицированного, безгласного начала.

Социализм — это подлинность, настоящее в жизни, в искусстве, в быту. Прививать хороший вкус, формировать смолоду здоровые потребности, богатые эстетические запросы — все это приобретает возросшее значение в контексте перестройки. Но и здесь хватает всякого рода несуразностей, перекосов. Одни шарахаются в ханжество, лицемерное пуританство. Другие, напротив, готовы исповедовать вседозволенность.

Сейчас заявила о себе нездоровая тенденция — играть на ранее запретных и так называемых острых темах. Эротика, наркомания, проституция и тому подобное полилось на экран, на страницы прессы. Если об этих проблемах говорят серьезно, анализируют их, то разговор нужен. Неприемлемо другое: когда на подобных темах легкой ценой стремятся заработать столь же легкую славу. Занять позу чуть ли не авангарда духовной перестройки, на деле лишь дискредитируя ее, нисколько не смущаясь тем, какое разлагающее воздействие все это оказывает на нравственность молодежи, детей.

Сегодня идет много споров на тему *традиции и молодежь*. Порой хочется, и это естественное желание старших, чтобы молодежь во всем шла тем же путем, что и предыдущие поколения. Но ведь преемственность не в том, чтобы непременно петь те же песни, любить те же книги, вообще ничем не отличаться от отцов и матерей. Преемственность — не в слепом поклонении всему прошлому. И уж тем более — не в механическом переносе в другие общественные условия тех конкретных характеристик образа жизни, что рождались в иных обстоятельствах, под воздействием иных потребностей человека и общества.

Подлинная преемственность — в способности при любых изменениях в жизненных условиях находить наиболее действенные пути и формы движения вперед. Не надо путать преемственность с окостенением форм и представлений.

Знать традиции и заслуги прошлого — да! Уважать взгляды отцов и матерей — да! Но видеть продолжение традиций прежде всего в том, чтобы обогащать и приумножать наследие отцов и матерей, жизнью которых пишется история.

Перестройка утверждает подлинный патриотизм. Настоящий патриот тот, кто видит свое высшее призвание в прогрессе Отечества, кто предпринимает ради этого действенные личные усилия. Разве не патриотизм — стремиться к тому, чтобы твоя Родина шла во главе научно-технического прогресса? Чтобы она задавала тон в экономике, социальной сфере? Чтобы советские товары шли нарасхват на мировых рынках? Чтобы наша культура, образ жизни достойно представляли человечество. Патриотизм требует готовности и способности делом бороться за то, чтобы страна была на передовых рубежах экономики, науки и техники, организации общественной жизни.

Страна находится в самом начале революционных преобразований — и в практике, и в сознании. Можно слышать сегодня — исчезают идеалы, захлестывает безверие. Но разве идеалы свободы человека, возвышения его достоинства, построения высоко нравственного общества не способны вдохновлять на благородные действия и будить чистые помыслы?

Убежден, что если комсомол подчинит свою деятельность воспитанию гордой, мыслящей, умелой и желающей трудиться молодежи, он достойно исполнит свою роль.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИДЕОЛОГИИ ОБНОВЛЕНИЯ

В сущности, с политической повестки дня еще не снят вопрос: пойдет перестройка вперед, станет набирать обороты, засветится новыми идеями, закрепит себя добрыми результатами, откроет новые перспективы для развития социализма. Или же зачадит, непоправимо подрезав исторический шанс на социалистическое обновление на десятилетия вперед.

Да, перестройка принята и поддержана сегодня подавляющим большинством советских людей. Но в тысячах, десятках тысяч писем и выступлений говорится о том, что на местах движется она слабо, а кое-где и вообще незаметна.

Рычаги поворота — в руках партийных комитетов. Приняли решения — надо действовать, действовать решительно, конкретно, практически. А некоторые товарищи до сих пор вязнут в сомнениях. Хуже того, отдельные работники аппарата действуют так, как будто они, вместо работы на перестройку, тешат надежды на возврат к прошлому, приемлют лишь методы давно минувших дней.

Сомнения — дело естественное. Они — основа всякой философии. Но важен другой вопрос — какой философии? Каждому нравится музыка молодости, но, увы, ностальгические мелодии утешительны, но не всегда животворны. Только общество всегда молодо, а к человеку время беспощадно. Консерватизм как раз и рождается там, где жизненные ритмы времени вступают в конфликт с инерцией прошлого, сталкиваются с окаменевшими глыбами былых представлений.

Давайте спорить. Ни одна оригинальная идея не должна пропасть. Партия зовет коммунистов и беспартийных — берите перестройку в свои руки, делитесь сокровенными мыслями. Древние учили: говори, чтобы я мог познать себя. Говори, чтобы я мог поучиться у тебя.

Выступление перед аппаратом ЦК КПСС 21 апреля 1988 г. Публикуется впервые.

Но когда все обговорено, принято во внимание и решено — действуй. Сколько раз в прошлом благие порывы захлестывались в пустомельстве, перестраховка брала верх над здравым смыслом. Подобное не должно повториться.

В языках многих народов запечатлена древняя как мир мудрость: в гору семеро тащат, а с горы и один столкнет. Любые проявления сектантства не просто уполовинили бы наши возможности, они в состоянии поставить всю работу на холостой ход, если не толкнуть вспать.

Порой возникает ощущение, что мы продолжаем цепляться за критически-бдящую функцию и еще не нашли себя как мощная созидательная сила, действующая на гребне инициативы и по законам политического авангарда.

I

В чем сущность социалистического обновления? Какие причины его вызвали, куда и на что направлено это обновление? В каком соотношении находятся в нем прошлое и будущее, преемственность и развитие?

Порой говорят, что потребность в обновлении продиктована главным образом упущениями и просчетами прошлого, ошибками субъективного характера. Это одностороннее, а значит, и неверное утверждение. Почему неверное?

Да, упущения, просчеты, ошибки были. Но пора ставить вопрос и так: почему одни и те же упущения повторяются вновь и вновь? И упущения ли это? Или же, если мы имеем дело с эффектом повторения, дело не просто в упущениях, а в каких-то более сложных явлениях и причинах?

Да, субъективный фактор важен, кадры по-прежнему решают многое. Но почему получается так, что даже новый — честный, думающий, знающий — человек повторяет прежние ошибки? Почему десятками меняются председатели колхозов, директора совхозов и предприятий, секретари обкомов, а проблемы остаются?

Иными словами, *мы просто уперлись в необходимость увидеть, признать, понять причины глубинного порядка, лежащие в самой системе общественных отношений, которые пришли в противоречие с жизнью.*

Означает ли такое признание какое-то отрицание социализма, отход от него? Нет, конечно. Вопрос «социализм или капитализм» стоял у нас в первые послереволюционные годы, когда реставрация старого еще была возможна. Но революция (как и контрреволюция) вырастает только из объективных условий. Формации не меняются по прихоти.

Стране уже 70 лет. И мы достаточно взрослые, чтобы понимать и видеть, что и сам социализм проходит в своем развитии через ряд последовательных ступеней, фаз, этапов — дело в сути, не в терминах. Это происходит и сейчас.

Говорят, далее, что в кардинальных преобразованиях нет необходимости, достаточно совершенствовать то, что было. Нельзя противопоставлять совершенствование перестройке: нужно и то и другое. Например, сколько десятилетий занимались совершенствованием аппарата управления. А от бюрократизма так и не избавились. Сумеем поставить его под демократический контроль, побудить работать в обстановке гласности — будет и качественный эффект, что, разумеется, не отменяет задачу совершенствования, но уже применительно к новым условиям и требованиям.

Нет, не возврат к прошлому. И не одни только частичные меры. Кардинальная, революционная, сжатая во времени перестройка, которая даст глубокое обновление всего общества, — единственная возможность, открывающая ворота в будущее.

Но глубокое обновление требует особого внимания и к его методологии. И в теории, и на практике. Нам понадобилось снова вспомнить азы марксистско-ленинской методологии. Понадобилось как бы заново учиться грамотному использованию, применению теоретических знаний: очень уж сильна и въедлива оказалась привычка вертеть теорией по собственному усмотрению.

Ни о каком предмете, ни о какой истине нельзя высказаться полно, если не сформулировать о них два противоположных суждения. Так полагал человек неординарный — Гегель, которому многим обязана диалектика. Марксистская диалектика, ибо возникли еще теологическая, вульгарная и другие разновидности диалектики со своими собственными задачами и целями.

В стране идет откровенный, нелицеприятный разговор, касающийся глубинных вопросов развития. Видимо, и нам необходимо без излишней драматизации, ненужного сгущения красок порассуждать на эту тему.

«Искренность в политике, то есть в той области человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с миллионами, — отмечал В. И. Ленин, — искренность в политике есть вполне доступное проверке *соответствие между словом и делом*»¹.

Это очень верно. Это безошибочный метод для оценки всего, что было вчера. Это безотказный критерий для выверки курса в день грядущий. И не только курса, но каждого конкретного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 259.

шага, практического действия. В определенном смысле проверяются морально-политические и деловые качества каждого партийца — насколько открыто его сердце заботам и боли ближнего.

Совершать революцию в эволюции, то есть без слома общественного строя,— дело очень сложное как теоретически, так и практически. Заранее было ясно — не у всех достанет убежденности, выдержки и характера, чтобы твердо пройти дистанцию, отмеренную реальностями времени.

И впредь будут такие, кто отвернется от перестройки при столкновении его личных удобств с требованиями социальной справедливости на практике. Еще долго будет жить скверный обычай хвататься за административный рычаг, когда возникает дефицит права и аргументов, или самое затрапезное малодушие, вызывающее страх в ожидании грозы. Отсюда и проявляется стремление свести перестройку к перестановке слагаемых, к замене одних догм другими.

Нет, полуперестройка, полудемократия, полугласность не только бессмысленны, но и социально опасны. Так же, как опасны полуправда, полугуманизм, полусоциализм. Возможно, еще не всеми услышано и понято: пороки приказного метода управления не компенсировать вычислительной техникой. Этот метод должен быть отвергнут и в экономике, и в социальной сфере, и в деятельности Советов, и в культуре, и в жизни партии.

За голосами недоверия к демократии, к перестройке стоит неуважение к советскому народу, неверие в его мудрость, патриотизм и ответственность, в его здравый смысл и творческие способности, боязнь непосредственного, живого социалистического творчества народа.

Еще немало людей, кто привык рассматривать свою сферу деятельности как личную удельную вотчину, в которой он якобы вправе не считаться ни с законами, ни с нравственными нормами. Отсюда — тысячи мини-культиков собственной личности на всех уровнях — в народном хозяйстве, в общественных и государственных организациях, в партии. Как раз подобные люди и паразитируют на социализме, приводят его в соответствие с личными амбициями, устанавливают — в меру собственного понимания, а подчас и невежества — критерии социалистичности. Нельзя не видеть, не понимать всех последствий, которые имело бы сохранение такого положения — и для нашей страны, и для исторических судеб социализма.

В сущности, спасатели корабля исходят из представления, будто социализма без культа и культиков, без презумпции всеобщей виновности и неладов со здравым смыслом быть не может. Превращать деспотию командно-административного правления в

способ существования социалистического общества не годится. Это значило бы обкрадывать ленинизм, низвести его до еще одного политического театра, коими в изобилии отмечен XX век.

Командные методы не просто не дают должной отдачи. Это было бы еще, как говорится, полбеды. Хуже того — они плодят равнодушие к делу, цинизм в отношении к нашим ценностям и святыням, подрывают авторитет власти и ее органов. То есть объективно превращаются в один из наиболее сильных и опасных факторов разложения общества. Порочный круг замыкается: вседозволенность и произвол власти оборачиваются безразличием управляемых. Единственный выход — самоуправление, демократизация.

Зададим себе вопрос без обиняков: или впрямь социализм не в состоянии накормить досыта людей, обути и одеть их, построить жилье, позаботиться о здоровье и обеспечить образованием на современном уровне? Неужто стерлись в памяти первые послеоктябрьские годы, пересвернувшие Советскую Россию — и материально, и социально, и духовно?

Ресурсов в Республике Советов было всего ничего. Но ресурсы эти сплывались воедино с раскрепощенным духом и волей народа, с его интеллектом, и дело пошло. Да еще как пошло!

Сегодня у нас огромный потенциал. Если сумеем соединить духовные и материальные начала, то обретем базис, не уступающий никому и превосходящий многих. Только так надо ставить вопрос. Базис — не каталог машин, не только триллионы киловатт-часов электроэнергии, сотни миллионов тонн угля, нефти, стали. Определяющей его частью является интеллект нации, оплодотворяющий материю и ставящий ее на службу социальной цели.

Так что упор на перестройку, на обновление — не отрицание преемственности. И уже тем более не отрицание самого социализма, а его утверждение. И верность новому общественному строю не в том, чтобы держать на искусственной почке и на искусственном дыхании исторически изжившие себя его формы и методы управления.

Какова же суть обновления, если рассматривать его в идейном плане? Это прежде всего развитие, качественное обновление социализма и в теории, и на практике. Отказ от упрощенчества, схематизма и прямолинейности, от догматизма и схоластики в пользу здравого смысла, честного и полного познания действительности.

Когда-то социализм отождествлялся с наиболее очевидными, внешними или же умозрительными признаками. Сегодня мы знаем, что внешние формы бывают обманчивы, что слепая погоня за формой способна заводить в тупики.

Когда-то полагали, что стоит построить социалистическое общество, и проблемы будут решены раз и навсегда. Сегодня убедились, что ни одно из преимуществ социализма не действует автоматически, не снимает обязанности думать, работать, искать каждый раз собственные ответы на вековечные вопросы бытия.

Несложно видеть, что содержание ленинизма за последние десятилетия было заметно обеднено и даже деформировано. Например, все богатство концепции социализма было сведено к индустриализации, коллективизации и культурной революции. Выпали, скажем, такие крупные вопросы, как самоуправление, развитие реальной демократии, экономические методы строительства, гуманистическая сущность нового строя, проблемы гармонии человека и природы и многие другие. В значительной мере искажена ленинская концепция национального вопроса. Сегодня они дают о себе знать довольно остро, дорого обходятся перестройке.

Характеризуя свое мировоззрение, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что оно по своему существу «революционно и критично». Эти слова были специально выделены Лениным, который поместил: «всецело и безусловно». Эта всецелость и безусловность революционно-критического содержания ленинизма имеет особое значение.

Без революционной критики и самокритики не может быть и созидательной работы. Ошибочно противопоставлять критику созданию. У партии нет официальной оппозиции. Свообразно эту роль выполняют критика и самокритика, которые не должны позволять никому довольствоваться достигнутыми успехами, самообольщаться, зазнаваться.

У демократии много слагаемых. Одно из важнейших — дисциплина. Иногда даже противопоставляют ее демократии — дескать, либо одно, либо другое. В корне неверное противопоставление.

Дисциплина тоже бывает разная. Палочная, которой учили еще рабов и крепостных. Попытки насадить подобную дисциплину заканчивались Спартаксом, Разиным, Пугачевым, революциями. Но прогресс такая дисциплина вперед не двигала. Забитый человек — раб, а не творец.

Но есть дисциплина, которая идет от гражданского сознания, от чувства собственного достоинства. Дисциплина уважения к обществу, его законам, к другому человеку и самому себе. Именно такой дисциплины нам сегодня остро не хватает. Но воспитывается она только демократией, и никак иначе. Я бы еще сказал так: лишь единство прочной организационно демократии и демократической дисциплины ведет к свободе человека.

II

И в социалистическом обществе время от времени возникает потребность и в размежеваниях, и в конфликтах. Но такое размежевание может быть оправдано только интересами консолидации и политической стабильности. Например, всех нас задевает, волнует дискуссия на тему «современность и история». Значит, не только об истории эта дискуссия. Значит, ее проблемы живы, бередают души людей. Значит, тут нет еще полнообъемных и верных ответов, которые исчерпывали бы всю глубину вопросов на современном уровне культуры, общественного кругозора человека.

Сегодня ясно, думаю, многим: дискуссия о прошлом — это прежде всего дискуссия о будущем. Перестройка справедливо связывается с честным и полным представлением о минувшем. Подчеркиваю, именно с честным и полным, ибо только так и может поступать духовно зрелое общество.

Мифами живет слабый, легендами питается невежественный. Долгие годы мы жили в обстановке благодушия, отсутствия критики и гласности, всепрощенчества и нарастания аморализма. И сегодня с огромным трудом вылезает из зыбкого болота, в которое все это нас завело. Общество не хочет блуждать в темноте незнания, рискуя вновь наскочить на те же самые рифы, которые могут оказаться и катастрофическими.

Да, сегодня у нас еще нет исчерпывающих ответов на многие вопросы, связанные с послереволюционной историей Отечества. И не будет, если их не искать, если не знать своего прошлого в деталях. Все двери, все пути для такого поиска открыты: в науке, искусстве, публицистике. Да, порой имеют место и перекосы в трактовках прошлого, и недостойные фальсификации. Но можно понять и желание привлечь внимание нетерпеливой общественности прежде всего к некогда закрытым страницам. Иное дело — не следует впадать в скоропалительные оценки, которые ведут к очередному искажению правды.

Путь в неизведанное предполагает мужество. Много мужества — и не на одну лихую атаку или на пару пылких заклинений. Природа не каждого наградила терпением. Многие свихлись с психологией временщиков. Десятилетиями людей приучали казаться, а не быть. Сегодня надо слушать не эхо, а рождающий его звук. Во всем докапываться до сути. Никогда не терять из поля зрения человека — живого, а не усредненного, статистического.

С этим сопрягается и проблема идеала, о которой сегодня столь много суждений. Сопрягается, ибо нет идеала вне человека.

Могут ли нас удовлетворить достижения прошлых десятилетий, если признаем, что цена, которая за них заплачена, неизбежна, что она неотрывна от социализма? А именно в этом нас пытаются убедить, когда утверждают, что человеческие трагедии, кровь и Сталин — суть закономерности революции и социализма. Но достойно ли уходить от неудобных и тяжелых вопросов, прикрывая срам историческими реликвиями? Социализм — не реликвариум, и никакие высшие соображения не оправдывают преступлений. Ничто в мировоззрении социализма не предполагает вождизма, принижения роли масс, стирания индивидуальности человека, антигуманизма, беззакония. Не приняв это за политический и нравственный императив, не оградить общество от деформаций.

Советское общество совершает самую сложную из революций — революцию в сознании. Конечно, речь не идет о нахождении антитезы каждому из тезисов, которые были в ходу вчера. Требуется нечто совсем другое: перейти от знания-постулата к знанию-мышлению, от усвоения схем и стереотипов к познанию движения самой жизни. Правда революционного учения не в заученных формулах, а в постоянной и неразрывной связи с живой жизнью, в умении и желании видеть ее во всем многообразии и вечном движении, в готовности чутко откликаться на перемены, чтобы не оказываться на обочине исторического процесса.

XXVII съезд наметил подходы к мыслимым переменам и тем самым сделал главное. Он обозначил общий маршрут. Остальное надо додумывать в процессе претворения энергии замысла в энергию дела. Равным образом и XIX партконференция не изобретет философского камня, избавляющего от забот на будущее. Конференция уже выполнит свое назначение, если, опираясь на опыт перестройки, выработает основные принципы функционирования надстройки в новых условиях. Необходимо создавать механизмы саморегуляции и саморазвития социалистической демократии.

Но самые хорошие решения — ничто, если они не подкреплены умением перевести их в миллионы конкретных дел. Перестройка не пойдет вперед, если каждый из нас, сталкиваясь ежедневно с десятками самых разных вопросов, не будет или не сможет самостоятельно разобраться, что пойдет на пользу перестройке, а что во вред ей?

Об этом еще раз напомнили события вокруг статьи в «Советской России». В чем их главный политический урок? Не будем лукавить: смысл этого выступления все поняли сразу. И поняли верно: и те, кто разделяет выраженные в этой статье взгляды, и те, кто согласиться с ними не может. Более того, некоторые то-

варищи восприняли ее как «ренессанс партийности». Хорошо известно, какое радостное возбуждение охватило отдельных товарищей, которые увидели в статье программу реванша. Тревожное это явление.

Перестройка входит в решающую фазу размежевания с консерватизмом. Не на словах, которые могут толковаться по-разному, а на деле, которое не поддается переиначиванию. В моменты истины спадают маски. Каждый свидетельствует сам, за что выступает. Виднее стали те, кто очень невыразительно говорит о перестройке, но очень выразительно молчит.

Но мы должны быть реалистами. В обществе действительно есть сумятица. И с этим надо считаться. Поставим вопрос так: имеют ли право на публичное выражение взгляды, не совпадающие или противоречащие принципам перестройки? Безусловно, имеют. Гласность одна для всех, все имеют право быть выслушанными. В том числе и противники перестройки. Общество должно знать о существовании консервативных настроений, степени их распространенности, существе и аргументации.

В чем же тогда вопрос?

Сейчас вокруг перестройки — в сознании и в практике — теснейшим образом переплелись два процесса.

Один — искренняя, честная, добросовестная работа умов и сердец. Верно, что социальное прозрение дается непросто. Отойти от стереотипов, посмотреть на многое по-иному, переосмыслить и переоценить, изменить устоявшиеся привычки и взгляды очень нелегко.

Другой — столкновение вполне реальных интересов. Кто-то озабочен коллективным благом народа. Другой никак не может очиститься от эгоизма, стремится удержать личные привилегии, личную власть. Власть сама по себе не страшна, без нее не обойтись, беда приходит тогда, когда люди начинают искать во власти наслаждение, ущемляя и принижая других.

В разных сферах консервативное сопротивление выражается по-разному. Это вопрос специального анализа. В идейно-политической области оно принимает форму спекуляции на священных для нас понятиях и ценностях, игры на сумятице в умах, на трудностях, форму запугивания, морального шантажа вымышленными страхами и отклонениями.

Но как отличить искренне ищущих и даже добросовестно заблуждающихся от бессовестно спекулирующих? Думаю, по готовности к делу.

Заблуждающийся ищет, стремится узнать и осмыслить факты, дойти до сути и причин явлений. Спекулирующий на тех же фактах выстраивает сомнения, культивирует страхи, прикрывая их внешне благонамеренной риторикой.

Сторонник перестройки хочет получить ответы на свои вопросы, хочет знать, что конкретно необходимо делать. Противника подобные вопросы не интересуют.

Сторонники перестройки действуют, хотя, может быть, и не всегда удачно, ошибаются, но не жалеют ни здоровья, ни нервов. Противники бездействуют, а часто и противодействуют. Нам надо видеть, что и сейчас многих не добудишься, не растолкаешь, не сдвинешь с места. Под гром перестройки еще многие ухитряются безмятежно спать.

Убежден, сегодня главная задача партийного работника в том, чтобы облегчать участь первопроходцев перестройки. Помогать им устранять рогатки и ловушки, искусственные препоны. И бороться с противниками преобразований, предвидеть их маневры, предавать гласности их действия. Те, кто не приемлет существенные перемены, особенно любят запугивать всяческими «угрозами» для общества. Послушать некоторых, то получается, что социализм готов рухнуть в любую минуту от любого неосторожного движения.

Но вот как оценивал В. И. Ленин «блюстителей основ»: «...все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции... но практически оборота не двигать»¹.

Различие точек зрения, конкретных позиций и предложений о том, как лучше всего, эффективнее, быстрее двигать вперед социализм, не просто возможно и естественно. Это крайне необходимо, чтобы из многих вариантов выбрать действительно наилучший, оптимальный, чтобы ввести в нашу практику столь нужную здоровую конкурсную основу — в науке, проектировании, распределении заказов, в выборах. Да мало ли где! Но вот именно это многих и пугает, особенно тех, кто хотел бы соревноваться послужным формуляром, а не знаниями, компетентностью и преданностью делу.

Порой кажется, что псевдоугрозой отхода от марксизма, от социализма пытаются сознательно шантажировать. И делают это те, кто, как видно, ни разу себя не спросил, а не грозило ли отходом от социализма беззаконие, глумление над людьми, топтание на месте, а затем и регресс в экономике, коррупция, разло-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 233.

жение немалой части общества, паралич теоретической мысли и т. д.? Это грозило социализму, марксизму-ленинизму или нет? Почему же здесь так долго не видели опасности для социализма? Почему надо пугаться перестройки, направленной на оздоровление общества, и не видеть угрозы в том, что реально и повседневно, на протяжении многих лет, десятилетий разъедало нравственность, подрывало веру в гуманистические ценности, тормозило развитие общества?

Говорят — много критики, много отрицания. Да, много. Да, больно и неприятно. Но поставим вопрос так: а если бы критика звучала раньше и меры принимались? Возникла бы сейчас необходимость, потребность в таких объемах такой критики? Нет, конечно. Мы за считанные три года вынуждены проделать то, чего не сделали за 40 или даже более предшествующих лет.

Означает ли утверждение острого взгляда в прошлое — далекое и не очень далекое — какое-либо отрицание всего положительного, что было достигнуто трудом народа? Является ли восстановление исторической правды попыткой забыть героическое в пройденном? Ничего подобного! Напротив, перестройка нуждается и в нравственной силе, и в силе знания и понимания, которые идут от подлинных достижений социализма. Советские люди на протяжении нескольких поколений трудились и жили не щадя себя. И любой нравственно здоровый человек не может забывать об этом.

Речь идет о другом. О том, чтобы, досконально разобравшись во всех перипетиях прошлого, во-первых, не давать примазываться к героизму и славе народа, ко всему подлинно социалистическому тем, кто не достоин по делам своим ни этого героизма, ни этой славы, ни высокого звания коммуниста-ленинца. А во-вторых, расчистить дорогу в будущее. Взять из прошлого все его подлинные ценности, взлеты мысли и духа, все полезное для строительства, формирования нового качества жизни.

III

Действенность идеологии проверяется не одним лишь тем, насколько разработаны те или иные вопросы в теории, в документах партии. Она проверяется реальным состоянием общественного сознания, которое формируется совокупностью жизненных условий. То есть действенность идеологии в сфере сознания определяется социальной практикой.

Хочешь иметь идеологически и нравственно здоровое общество — соответственно выстраивай и практику. Это — главный урок, который необходимо извлечь из всего прошлого. Положение дел на каждом конкретном участке — это главный фактор,

формирующий общественное сознание, включая и отношение к власти, партии, общественному строю.

Только реальные перемены в жизни будут крепить авторитет перестройки. Только так, и никак иначе. Если, к примеру, сегодня ясно, что 10—12 «архангельских мужиков» способны заменить целый совхоз — то почему и кто этому мешает? Если кооператив производит продукцию лучшего качества, чем государственное предприятие, то почему же оно подвергается нравственному остракизму? Вопросы эти далеко не праздные. Они — существенные. Отслоение идеологической деятельности от реальной жизни, несовпадение громких слов с горькими делами, упование на магическую силу речей и лекций, которые, согласно мифотворческому характеру представлений иных любителей риторики, сильнее действительности, — вот все это и создавало иллюзию благополучия, вело к самообману, причем с тяжелыми последствиями, отодвигало любую инициативу в сторону.

Пустословия стало меньше, а реальная жизнь с ее материальными трудностями, бесхозяйственностью осталась. Значит, в значительной степени осталось и застойное общественное сознание, порожденное застойным общественным бытием.

Отчуждение людей от собственности и власти обесточило политическое сознание. Что касается экономического сознания, то оно лишилось чувства хозяина. Экологическое бескультурье обернулось жестоким противоречием между обществом и природой. Историческое сознание потчевалось полуправдой. Деформировались базовые понятия нравственного самосознания (честь, совесть, порядочность). Право и правосознание оказались подавленными административно-командной системой, при тысячах ведомственных инструкций процветало беззаконие.

В целом общественное сознание становилось все более расщепленным, осколочным. Оно было с двойным дном: одно — официальное, трибунное, другое — неофициальное, кулуарное, кухонное. В результате — массовый уход людей в себя, социальное одиночество, нигилизм, утрата многих ценностей и идеалов социализма, нарастание безнравственности, деградированных норм поведения: коррупция, взяточничество, пьянство, наркомания, проституция. Сознание и общественная психология находились в состоянии, которое можно охарактеризовать понятием «социальная драма». Общественные науки оказались в догматических кандалах. Постепенно нарастало отчуждение теории от практики и практики от теории.

Командно-административная система, по сути, напрочь отрицала многообразие проявления объективных законов общественного развития. Господствовал некий принцип псевдостабильности, сохраняющий существующие структуры под флагом «совер-

шенствования социализма» и мифических «успехов». На деле же было попустительское, субъективистское сползание в сторону от вектора требований этих законов, игнорирование их.

Когда говорят о предкризисном состоянии общества, то чаще всего имеют в виду экономику и социальную сферу. Но это относится и к духовному состоянию. Происходило разрушение не только нравственных идеалов, падала вера в социализм как дееспособное перспективное общество.

Сознание, как известно, не только отражает, но и творит мир. Оно создает обстоятельства и человека. Но какое сознание? Парализованные, политически омертвленные клетки деформированного сознания расщепляют и обстоятельства, и человека. Мы видим сегодня, как инерция деморализованного сознания, бездуховности тормозит процесс перестройки, сдерживает экономическую реформу и демократизацию.

С первых дней перестройки было очевидно, что она невозможна без кардинального обновления и обогащения идеологического арсенала. Были восстановлены в правах ленинские идеи самоуправления, гласность и демократизация всех сторон общественной жизни, экономические методы строительства, практика кооперации.

Уже сегодня благодаря естественному многообразию мнений и суждений людей по отношению к перестройке ясно обозначились позитивные сдвиги в общественном сознании.

Первый — это эффект гласности и правды. Он очевиден во всех сферах. Об этом говорят многочисленные письма в ЦК, в редакции газет и журналов. В этом убеждают опросы общественного мнения. Контрольная функция информации проявляет себя все заметнее, действеннее.

Второй — эффект динамичной политизации общественного сознания. Нарастает интерес к политической жизни, люди начинают воспринимать процесс обновления как непосредственно их касающийся. Для многих перестройка стала сферой проявления гражданственности.

Третий — эффект социально-психологической комфортности, выразившийся в определенной свободе выражения личного и общественного мнения, снижении уровня страха и расширении сферы раскрепощенного мышления. Люди чувствуют уютнее себя в своем обществе. Гасится отчужденность и пробуждается чувство сопричастности к происходящим событиям; с людьми, их мнением начинают считаться.

Четвертый — эффект озабоченности. Перестройка вызвала потребность разобраться глубже в происходящих переменах. Оселком и основой этого процесса являются интересы — как духовные, так и материальные. Если говорить о сфере материального

распределения, то некоторые руководители, к сожалению, еще не осознали, что самая большая беда от уравниловки — это нивелировка интересов, обезличивание их, а на этой основе ампутация творческих, активных начал в человеке.

Пятый — эффект выбора личной позиции в реализации своих интересов, то есть эффект свободы, хотя этот процесс развивается трудно.

Первые шаги и итоги перестройки обнажают и те факторы, которые продолжают тормозить оздоровительные процессы.

Немало сегодня говорят о недопустимости администрирования, а на практике сплошь и рядом к нему прибегают.

Говорят о вреде подмены хозяйственных органов, а на деле продолжают заниматься этим в прежних формах.

Толкуют о необходимости демократии и гласности, а на практике очень часто ведут целенаправленную бюрократическую атаку на критику, на самостоятельность мысли и слова.

Произносят слова о свободе творчества и тут же осаживают ее, ограничивают рамками доморощенных вкусов и интересов.

Пропагандируют самоуправление, но свирепо борются за личную власть, за сохранение авторитарных подходов.

Провозглашают развитие многообразных форм собственности, но продолжают относиться к кооперативному движению, семейному подряду, аренде как к угрозе общественному устройству.

Призывают к инициативе, но до тех лишь пор, пока она не проявилась, особенно в новых общественных формах, а не в привычных стандартах.

В общем, разрыв слова и дела, который ранее питал, продлевал застой, и сейчас продолжает подтачивать перестройку. Эта короста не перестает поражать общественный организм.

Кто сейчас на концептуальном уровне выступает против гласности? Очень немногие! Но доходит до практики — и уже голоса: слишком много гласности, слишком свободно стали писать, высказываться, распустились, одним словом.

В сущности, гласность для нашего общества — самое первое испытание, экзамен на перестройку. Без здорового общественного мнения перестройка невозможна, а роль демократической прессы здесь поистине огромна. Вот почему надо начистоту сказать об обывательском отношении некоторых руководителей — на местах и в центре — к переориентации средств массовой информации на решение задач революционного преобразования общества.

Телевидение, радио, печать играют сейчас, без преувеличения, огромную очистительную роль. Но обстановка вокруг них парадоксальная, а точнее — ненормальная. С одной стороны — взлет

интереса к ним широчайших масс, небывалый престиж живого и печатного слова, а с другой — можно услышать и громкие аплодисменты, если покритиковать, даже беспредметно, средства массовой информации. Кажется, Талейран говорил: дайте мне четверостишие любого поэта, и я подведу его под эшафот. Точно так любую статью в газете можно обклеить ярлыками — насчет этого у нас механизм отработан.

Вопрос сложный, противоречивый, ответ на него не укладывается в какую-то однозначную схему. Конечно, громы и молнии против гласного общественного контроля мечут те, кто хотел бы свести перестройку к словам, лозунгам, резолюциям, заклинаниям в поддержку преобразований, а по существу, оставить все, как было в прошлом. В этом суть противоречия.

Но обстановка требует честности. А коль так, то надо сказать, что борьба с консервативной оппозицией была бы куда эффективнее, если бы средства массовой информации меньше давали поводов для упреков и целенаправленной работы против гласности.

Во-первых, фактические ошибки. Это не только не гласность, это противоположность гласности, антигласность. Человек, нарушающий журналистскую этику, не может заниматься этим тонким и умным ремеслом. Передержки, выдумки, подтасовывание фактов оскорбляют всех — и критикуемого, и журналиста, и гласность. Такого рода действия — результат тоталитарного мышления, но ничуть не демократического.

Во-вторых, недостаток компетентности, способности к анализу. В период комплиментарной журналистики в анализе мало кто нуждался, прощалась поверхностность, примитивизм. Сейчас другое. Если ты выступаешь в роли критика и советчика, то изволь знать предмет, о котором пишешь.

Есть ли неудачи? Да! Имеются ли перехлесты? Несомненно! Есть ли случаи, когда журналисты используют прессу и в личных интересах? Безусловно!

Да, все это есть. Но пора понять: статья или передача всего лишь вторичная информация о явлении. Первичная — в самом явлении, в жизни. И чтобы не было болезненного восприятия вторичной информации, надо проникнуть в действительность, лечить болезни в жизни. Это — азы причинно-следственной связи, постулат диалектики.

Острый вопрос — отношения партии с интеллигенцией. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что нахрапистость, торопливость и размашистость органически противоположны в подходах к общественному сознанию, культуре, искусству. Надо учиться отделять эмоции от политики. Миссия социалистической культуры — в максимальном раскрытии всей глубины человека, его

творческого потенциала. И всякие запреты тут пагубны, недальновидны.

Есть ли в этой сфере издержки? Да, как и везде. Тревожит безвкусица. Привычка к ярлыкам вместо мысли, к легким решениям. Суетность междоусобиц. Эпигонство. Падкость на моду, чего не приемлет подлинное искусство.

Но подобные явления были всегда, и не они определяли подлинную ситуацию в творческой среде, векторы движения.

Закончить хотелось бы призывом к принципиальности во всех наших делах. Но принципиальности нового качества. Не принципиальности запретительства. Куда больше принципиальности требуется для того, чтобы умело разбираться в сути жизненных явлений и процессов, а не цепляться за окостеневшие их формы. Омертвляющие жизнь предрассудки убийственны в партийной работе. Нужны терпимость к другим подходам, а не претензии на начальственную истину. Умение за частным распознать общее, за общим не потерять человека.

В переводе на практическую грамоту данного этапа перестройки это значит прежде всего скрупулезно собирать, осмысливать, селективировать все новое, что заслуживает распространения, что нуждается в поддержке и внимании общественности, что требует, как всякое рождающееся, тепла, света и ухода.

Вперед, и только вперед. Этого требуют наши внутренние условия, требует мир, в котором мы живем, и еще больше — тот мир, каким он будет завтра. Мир социально-экономической, духовной, интеллектуальной конкуренции. Подобный поворот дела диктует перестройку. Он требует переориентации общества от самолюбования к реализму, здоровому социальному честолюбию, к резкому повышению общественного тонуса.

ПО ВОСХОДЯЩЕЙ — К ДЕМОКРАТИИ

Главный вопрос, который вынесен на рассмотрение конференции, — всеохватывающая демократизация всех сторон жизни, реформа с этой целью политической системы, включая организационное строение и функционирование партии. Тем самым ставится задача расширить фронт перестройки, закрепить ее ход реконструкцией надстройки и на основе этой взаимосвязи придать революционному обновлению общества необратимый характер.

Не сомневаюсь, что когда станут вглядываться в нынешнее время с высоты истории, то XIX партийная конференция будет по праву названа конференцией демократизации советского общества. Не сомневаюсь и в том, что ей суждено войти в историю партии, в историю государства как особому по значению событию наравне с VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференцией (1917 г.), с апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК, XX и XXVII съездами партии. Уверен, что так будет, ибо она открывает новый период в жизни общества, в развитии теории и практики социализма.

Впервые был поставлен вопрос о необходимом, целенаправленном, практическом создании политической системы, которая отвечала бы природе нового общества и современному этапу развития социализма и была нацелена на преодоление извечного отчуждения человека от власти.

Задача демократических преобразований — обеспечить политические предпосылки того, чтобы социалистическое общество стало устойчиво динамичным, твердо опирающимся на эффективные внутренние источники саморазвития, жадно аккумулирующим все новое и стимулирующим его, чтобы оно уверенно шло к нравственному совершенствованию личности и общества в целом.

Из выступления на пресс-конференции, посвященной открытию XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня 1988 г.

Но назначение конференции, ее решений определяется не только этим. Важен социально-исторический, духовный контекст, в котором ставится эта задача. Он определен перестройкой. За минувшие три года проделана коллективная, имеющая мало прецедентов работа ума и нравственного чувства. Работа по преобразованию политической надстройки в решающей степени опирается на теоретические, духовные результаты революционных преобразований.

Перестройка, включая и политическую систему, продиктована временем. Но ее объективная необходимость стала особенно острой и, я бы сказал, кричащей, поскольку система, которая сложилась в первые послереволюционные годы, позднее подверглась серьезным деформациям.

Сформировалась структура власти, нацеленная, во-первых, на создание, закрепление и возвеличение режима одной личности, во-вторых, на устранение любой возможности контроля за этим режимом со стороны партийной массы и законных конституционных органов, со стороны народа, в-третьих, на непомерное раздувание, узурпацию реальной власти государством в ущерб обществу, аппаратом — в ущерб выборным органам.

Существующая политическая система, будучи во многом продуктом культовой идеологии, оказалась равнодушной к происходящему, инертной ко всему новому и прогрессивному. Она бюрократилась, вела к ослаблению общественной энергии и инициативы, приучала общество к одновариантности и статичности мышления, породила упрощенный образ социалистического народовластия.

Вот почему реформа политической системы рассматривается как движение к демократии и ответственности, к особому социальному самочувствию в условиях свободного, открытого общества. Но для этого нужны не только перемены в институтах и процедурах власти. *Необходимо наращивание интеллектуального потенциала общества, возможностей его формирования и приложения к живому делу, воспитание высокой политической культуры, иначе самое большое дело может утонуть в словопрениях, утратить свой созидательный потенциал. Сегодня поступки приобретают больший вес, чем слова.*

Первые плоды преобразований вселяют уверенность в правильности взятого курса. Но перестройка на некоторых направлениях идет не столь энергично и результативно, как хотелось бы. Впрочем, желание всегда обгоняет возможности, и тем не менее нам не следует отставать от неумолимой поступи времени.

В чем причина еще очень заметной эффективности тормозящих факторов? Прежде всего в тяжести доставшегося наследия. Это касается материальной стороны, общественного сознания,

сложившихся организационных рамок, накопленной инерции консерватизма.

Но на четвертом году перестройки оправдывать все ее трудности только издержками и наследием прошлого противоречило бы и новым подходам, и ленинским традициям. Конечно, прошлое продолжает жить, вьет свои гнезда везде, где это оказывается возможным. Но пора брать ответственность и на себя. Это в партийных правилах: реально смотреть на вещи, признавать упущения, стремиться их исправить.

Иными словами, первопричины торможения еще не преодолены, еще не все механизмы обновления заработали с полной силой; перестройка коснулась в основном верхнего слоя проблем, и нужно хорошо подготовиться к встрече с глубинными слоями.

В стране таких масштабов, многообразия проблем и сложностей невозможно одним махом перестроить жизнь, привычки, психологию, образ мышления, пристрастия, многие из которых приобрели характер прочных убеждений. Вот почему революционные условия требуют энергии и разума, взвешенности каждого шага, каждого решения, внимания и милосердия с точки зрения человеческих измерений.

За последние три года у нас сказано очень много острого. Не просто того, что не говорилось раньше, но и горького, болезненного, задевающего самые глубокие чувства и убеждения людей, заставляющие их подчас переоценивать всю свою жизнь, иногда очень нелегкую. Эта новая открытость встречена не только аплодисментами. Наверное, по-человечески это нормально, естественно, понятно.

Вот почему *гласность*, как неизбежный императив нашей жизни и самой перестройки, — категория не только просветительная, но и глубоко нравственная. Отступление от гласности, нарушение демократии, социалистической законности, система и последствия культовой идеологии дорого обошлись народу, стране, партии. Они оставили тяжелые следы в духовной сфере, в сознании, психологии, сеяли апатию и безверие.

Партия сегодня еще раз с удвоенной убежденностью подтверждает: без гласности нет перестройки, без гласности нет демократии, без гласности нет социализма.

Гласность в нашем социалистическом обществе не конъюнктурный элемент политики, а неотъемлемая прерогатива народа. Мы видим в ней прежде всего признак здоровья и силы общества, условие его нормального функционирования, если хотите, показатель социальной и политической зрелости.

Партия сегодня еще раз подтвердила курс на восстановление ленинских норм ее *политики в области науки и культуры*. Кратко это можно выразить так: создание наиболее благоприятных

возможностей для прогресса человеческого духа, его творческого начала, поддержка всего многообразия в научном и художественном творчестве, развитие атмосферы здорового соревнования, исключение некомпетентного вмешательства. Нельзя принять лишь то, что направлено против человека, против нравственного здоровья общества, против достоинства личности.

Перестройка находит свое выражение и в подходах к *современному мировому развитию*. Новое политическое мышление для нас — не закрытая и законченная догма, а совокупность развивающихся воззрений. В нем изначально заложена идея универсальности, всеобщности исторической судьбы человечества, приоритета общечеловеческих ценностей. Оно открывает принципиальные возможности демократических — в интересах всех народов — решений проблем современного мира. Предлагает разумную, конструктивную основу для таких практических действий, когда все искренне стремящиеся к миру силы могут добиваться ощутимых результатов, не жертвуя своими воззрениями, специфическими ценностями и представлениями.

Перестройка поставила и в практическом и в теоретическом плане вопросы *критериев социальности*. Долгое время мы отождествляли теоретические представления о социализме с той его практикой, теми его формами, что сложились в прошлом. Перестройка ставит своей целью достижение нового качества общества.

Общества, ориентированного на человека. Общества с эффективной, динамичной экономикой, с разнообразными формами собственности, с организацией производства, разумно сочетающей роль центра и самостоятельности производителей, регионов. Общества социальной справедливости, высокой культуры и морали, полнокровной и насыщенной в материальном и духовном отношении жизни. Общества народовластия, социалистического самоуправления народа, демократизма, открытости и гласности. Общества равенства всех наций и народностей, их социального и духовного прогресса, взаимообогащения. Наконец, общества, природе и интересам которого свойственна приверженность к миру. Это и образует демократический, гуманный строй социализма.

Кто-то скажет: привычные слова, которые не раз произносились в прошлом. Согласен, но в том и специфика, и цель перестройки, чтобы сделать их практическими критериями, которыми должны проверяться дела, чтобы привычные слова стали привычными делами.

БРАТЬСЯ ЗА ДЕЛО БЕЗ ПРОМЕДЛЕНИЯ И ОСНОВАТЕЛЬНО

Общественный масштаб и политическая весомость XIX партийной конференции очевидны.

Во-первых, она расширила и углубила фронт перестройки, заложила прочную демократическую основу качественно новых общественных процессов преобразующего характера.

Общество, партия снизу доверху переживают сейчас особое, положительное потрясение, вызванное резкой переменой обстановки в стране. Подчеркну — переменой не стихийной и не отрицательной, а порожденной выбором самой партии. Переменой очень быстрой, интенсивной и глубокой. Время пошло еще быстрее — время честных поисков и искренних сомнений, время острых столкновений различных точек зрения, а подчас и ошибок.

По силе воздействия, остроты и непривычности нового переживаемый ныне период можно сравнить с выходом из подполья. Психологически здесь очень много общего. Тогда партия переходила от конспиративной, нелегальной работы к легальным ее формам. Сейчас мы вышли из подполья самообмана, из атмосферы безгласия и безмолвия к открытости и гласности.

И сегодня, как и тогда, нужно смело и кардинально менять формы, методы, стиль работы, а во многом и само ее содержание. Но главное сегодня — ни на шаг не сбавлять темпа демократизации и самой перестройки, ни на йоту не поступаться достигнутой гласностью, открытостью, проявлять выдержку и революционную решительность.

Во-вторых, конференция положила начало фундаментальной реформе политической системы, имеющей целью обеспечить в стране полноту народовластия, подвести под него новые организационные структуры. Реформирует себя и сама партия адекватно ее роли политического авангарда перестройки и общества.

Из выступления на совещании в ЦК КПСС руководителей средств массовой информации, работников науки и культуры 13 июля 1988 г. Опубликовано в «Журналисте» № 8, 1988 г.

Конференция сформулировала положение о примате закона во всех областях жизни, безусловном равенстве всех перед законом, о развитии социалистического правового государства.

Развернутую концепцию демократизации дал январский (1987 г.) Пленум ЦК. Но в дальнейшем принятые концептуальные решения как бы зависли, их осуществление остановилось на полпути, стреноженное застывшей надстройкой. Становилось все яснее, что без ее кардинального и решительного реформирования дело снова окажется в разладе со словом. Унаследованные структуры будут по-прежнему спеленывать инициативных людей, стопорить экономическую реформу, не дадут развернуться демократическим институтам.

В-третьих, важнейшим политикообразующим фактором конференции стал ее новаторский характер по глубине поставленных вопросов. По смыслу и содержанию решений. По влиянию на сознание людей, на теоретическую мысль. Наконец, по тем потенциальным возможностям, которые откроет перед страной осуществление ее программы.

Шел глубокий и откровенный разговор о судьбах страны, творческий поиск путей и методов социалистического обновления. Можно было видеть самый широкий спектр подходов, мнений, оценок и заблуждений. Перестройка получила мощное ускорение, будет разворачиваться далее в значительной мере на своей собственной социально-политической базе, хотя ее экономическая основа продолжает отставать.

В-четвертых, конференция сделала дальнейший шаг в общей интеллектуализации подходов к решению назревших проблем, ясно и категорически подчеркнула, что без коренного приращения знаний и нового понимания роли науки и культуры перестройка не принесет нужной отдачи.

Бездуховное развитие не может быть социалистическим развитием, равно как и материальное нищенство или уравнильность являются устойчивым тормозящим фактором социального и интеллектуального творчества. Социализм остро нуждается в обостренной социальной чуткости интеллигенции, ее художественных и научных прорывах, в подлинных откровениях человеческого духа. Его обновление немислимо без качественно нового уровня интеллектуального обеспечения политики.

Но, к сожалению, механизм торможения продолжает действовать и в интеллектуальной сфере. Причем в условиях, когда сняты основные искусственные препоны и преграды. Настроения антиинтеллектуализма продолжают жить. Тут много причин, и разбираться в них надо сообща. Но и сейчас ясно, что подыгрывать, а тем более возбуждать негативные настроения против представителей науки, культуры, против интеллигенции — верх

*аморальности. Некомпетентное вмешательство в науку, культуру, искусство, волюнтаризм в решениях и действиях, не востребо-
ванность научной мысли — все это еще предстоит преодолеть.*

В-пятых, конференция — это, в сущности, новый рыбок в развитии политического мышления, демократической практики, гласности. Совершать революцию — дело сложное. Заранее ясно: не у всех достанет убежденности, выдержки и характера, чтобы твердо пройти дистанцию, отмеренную реальностями времени. Еще долго будет жить скверный обычай хвататься за административный рычаг, когда возникает дефицит права и аргументов, или вернется затрапезное малодушие, вызывающее страх и одновременно ностальгию по привычкам прошлого.

Но столь же верно и другое. Происходящая революция в сознании сопровождается не только восхождением к истине, честным поиском созидательных идей, трезвыми, пусть и беспощадными, оценками ошибок и трагедий прошлого — далекого и близкого, пронизанными болью и состраданием к пережитому. Поворот сознания к демократическому мышлению и подлинным нравственным ценностям как бы высвечивает и мелкобуржуазную психологию, диктуемую индивидуализмом, эгоцентризмом и банальным эгоизмом. Когда все это носит характер индивидуального бескультурья и пренебрежения к интересам других людей — это вопрос воспитания. Но едва ли укладываются в процесс демократизации попытки поджечь эмоции, подогреть страсти, посеять национальную или социальную подозрительность и рознь, столкнуть между собой те или иные группы.

Конференция подняла планку ответственности, причем значительно, в оценке сложившегося положения, хода перестройки. В докладе и выступлениях делегатов справедливо подчеркивалось: сколь бы ни было тяжелым доставшееся наследие, пора брать ответственность на себя, анализировать, как работаем сами. Оценка первых трех лет перестройки дана на конференции очень жесткая.

Да, есть сдвиги, о них говорилось. Но в целом развитие перестройки, ее результаты не могут удовлетворить. В экономике еще доминируют затратность и механизм торможения, валовой подход и командно-бюрократические методы. Принятие Закона о госпредприятии, Закона о кооперации, переход с начала нынешнего года на новые условия хозяйствования значительной части промышленности мало что изменили по существу.

Но если работает по-старому экономика — живет по-старому и человек. Те изменения, которые наметились в социальной сфере, происходят главным образом в результате перераспределения средств в ее пользу. Качественного сдвига нет. Особенно на двух главных направлениях: в оплате за реальный труд — здесь

не преодолены тенденции уравниловки, «выводиловки», жизни не по-заработанному. И в социальной переориентации производственной сферы.

Наступает пора поступков. Сегодня они — самое главное. Не починны, не словесные призывы, пусть и архиправильные. А просто повседневная работа, приносящая видимые результаты. Иначе перестройка уткнется в миллионы раздражающих людей несделанных дел. Конференция сказала: идти вперед надо целеустремленно, без промедлений, но и без азартной спешки.

Конференция остро поставила во главу угла основной политической вопрос: отныне о перестройке будут судить по решению насущных практических задач. Это — продовольствие, жилье, товары народного потребления и услуги, наведение элементарного порядка во всех сферах, на каждом участке работы. Это правильно, ибо перемен здесь не так уж и много. Как бегали люди по замкнутому кругу за разными непужными справками, так эта волокита продолжается и сейчас. Как сталкивались с бездушным отношением в конторах к своим законным просьбам, так происходит и сегодня. Как писали и ездили в Москву с вопросами, решение которых не просто в компетенции местных органов, но зачастую не требует даже никаких средств и особых усилий, так остается и по сей день.

Перестройка — это сама жизнь, в которой нет мелких для человека дел. Можно перестроить управленческие структуры, стать еще критичнее, проводить самые свободные дискуссии, но если повседневная жизнь в селе, городе, трудовом коллективе заметно не изменится, то и реальная перестройка затормозится, заглохнет.

Задачами, которые будет решать все общество на нынешнем этапе перестройки, определяется и содержание, характер работы средств массовой информации.

Они сыграли в целом выдающуюся роль в том, чтобы покопаться с общественной спячкой, защитить интересы перестройки, развить революционно-критический подход к окружающей действительности. Утверждение гласности помогло осуществлению подлинно общественной программы морально-политического оздоровления общества.

Но сегодня надо идти дальше. Некоторых журналистов тревожит усиление критики в адрес печати, порой очень общей. Об этом идут разговоры. В чем тут дело?

Видимо, далеко не все привыкли к новой роли средств массовой информации, к такому объему и остроте критических материалов. Пресса по-настоящему зацепилась за многие проблемы, вскрыла многие гнойники. Определенная часть кадров все еще проявляет нежелание или неготовность видеть реальности как они

есть, не в силах отбросить успокоительные иллюзии и удобные стереотипы. Такие люди уподобляются властелинам в древности, которые убивали гонцов, приносивших плохие вести. Бытует и заблуждение, будто критика нечто деструктивное, хотя справедливая критика, критика по существу — это первый шаг созидания, его неперемнная и необходимая предпосылка.

Конечно, критика — горькое лекарство. Как всякое лекарство, она может вызывать и аллергию, но лечиться-то надо. Да и не критика порождает недостатки, она лишь сигнал об этих недостатках. Значит, и бороться надо с последними, уменьшая тем самым объем критики. Пытаться искать виноватых в отрыве от реальных жизненных проблем — удел ленивых, не что иное, как стремление вновь вернуться на позиции ложного спокойствия, всеобщего благополучизма и всепрощения, что принесло столько бед нашей стране.

Факторов, поясняющих обостренное восприятие критики, жесткую реакцию на нее, немало. Переходное время имеет свои гримасы, свои зеркала, высвечивает доброту и ненависть, амбиции и порядочность, слова и поступки, консерватизм и левачество, совесть и безответственность, служение долгу и служение себе. И в этом обнажении бурных страстей и противоречивых проблем средства массовой информации сыграли незаменимую роль проба самоочищения.

Но будет ошибкой не видеть и другую сторону дела. Средства массовой информации не могут быть в условиях демократизации зоной вне критики. Они, как и все общество, вышедшие из времен застоя, далеко не безгрешны. Телевидение, газеты, журналы дали, к сожалению, немало поводов для обоснованных упреков. И если кто-то сейчас критику в адрес средств массовой информации пытается изобразить непременно как удар по гласности, тот делает ошибку, лукавит или говорит неправду. Идет это от негодной претензии некоторых журналистов на роль безгрешного судьи общества. Чтобы не терять столь необходимое чувство юмора относительно невинности, достаточно взглянуть на собственные номера газет и журналов десятилетней давности. Может быть, прибавилось бы и самокритичности, и чувства покаяния.

Не в отношении к гласности дело. Поворот к гласности не только политический курс, отвечающий интересам перестройки. Это и объективный этап развития социалистического общества. Обвинять в чем-то гласность все равно что обвинять врача, поставившего точный, пусть и тяжелый, диагноз болезни. И установки партконференции в этом отношении бескомпромиссны: без гласности нет перестройки, нет демократии. Оставить мусор даже в одной из комнат нашего общего дома — значит снова замусорить весь дом.

В основе проблемы гласности лежит сохраняющееся и при социализме противоречие между интересами широкими, всеобщими, интересами целого и интересами частного, частичного, индивидуального — тех или иных групп, категорий, отдельных лиц.

С кем должна быть партия — с интересами народа или с интересами отдельных групп, личностей? Сама нелепость вопроса показывает, что в развитии гласности, демократии у нас нет и не может быть альтернативы. Эмоции здесь не критерий.

Настоятельно необходим механизм разумного, правового, динамичного согласования существующих в обществе законных интересов. Именно согласования, а не принесения одних интересов в жертву другим. Именно динамичного, которое учитывало бы постоянно меняющиеся общественные реалии, а не плодило священных коров догматизма. Гласность и есть краеугольный элемент такого механизма, важнейший принцип его построения и действия.

«Во всякой революции, — писал Энгельс, — неизбежно делается множество глупостей... и когда, наконец, люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше было бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно»¹. Думаю, в известной мере это можно отнести и к работе средств массовой информации. Сколько необоснованных претензий и мелочных амбиций, громкой фразы, лихорадочной спешки, неразборчивости.

Вместо того чтобы заняться сложными практическими проблемами, критическим анализом ошибок и их конкретных носителей, творческим поиском путей общественного оздоровления, некоторые органы массовой информации упорно уводили читателя, общественное сознание в лоно околотеллигентских пересудов, в дебри нервических поисков демонов духа и неронов действия. На поверку же оказывалось, что за всем этим часто были не принципы бытия, а личные обиды и амбиции.

Надо переходить на другую волну, на новый качественный уровень работы. Критика, по конкретная и доказательная, не унижающая, а исцеляющая. Претензии, но аргументированные. Гласность, но для всех. Самое широкое сопоставление мнений, но о реальных, а не надуманных проблемах. Отстаивание идей перестройки, но не моральное преследование инакомыслящих. Талант и компетентность, инициатива, глубина мысли и страстность слова — все должно лечь на алтарь дела.

«Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор, — писал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 516.

В. И. Ленин.— Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»¹. Этот опыт дает перестройка, этот опыт предстоит анализировать, обобщать, делать из него выводы.

В выступлениях делегатов конференции прозвучал упрек, своевременный и справедливый, за недостаточное внимание к вопросу труда, к человеку труда. Пресса должна принять его и в свой адрес. Было бы во всех отношениях полезно чаще знакомиться с неприкрашенными, откровенными мыслями рабочего, крестьянина, специалиста. Люди, пришедшие из гущи жизни, ориентируются в ней со знанием дела, деталей, а не по схемам и подсказкам.

Особо значимый вопрос — поддержка первопроходцев перестройки. В концептуальном плане это означает давать обществу верную картину происходящего, идет ли речь о крупнейших общественных процессах или же о конкретных ситуациях. Справедливо оценивать работника: заслуженно критиковать, а не действовать по примитивной элитарной схеме, согласно которой любой рядовой труженик — молодец и прогрессивен, а почти любой руководитель — мошенник и консерватор.

Стало почти уже правилом хорошего тона винить во всем министерства и ведомства, аппарат. У них и впрямь есть просчеты. Им есть за что отвечать перед обществом. Но имеется не меньше, а больше фактов, когда конкретные виновники тех или иных абсурдных решений находятся на местах, в том числе и среди тех, кто не занимается каких-то постов. Скверно спроектирован мост, с отступлениями от проекта выполнены на объекте строительномонтажные работы, выпускается продукция низкого качества, гноятся хлеб, овощи, фрукты и т. д. и т. п. Кто это сделал? Надо называть прилюдно каждого, кто несет ответственность за безответственность. У любой бесхозяйственности есть голова, руки и ноги. За злом и добром всегда стоят конкретные люди.

В условиях гласности обострилась проблема факта: что такое факт, как его добывать и, главное, как с ним обращаться. Ленин считал факты сырьем, из которого еще предстоит строить знание и понимание. А это требует работы, работы и еще раз работы.

Требовательное критическое выступление по конкретным фактам «съедает» огромный объем подготовительной работы журналиста, редакции. Но редко дает броский внешний эффект. И напротив, залихватское обобщение — это секундный росчерк пера, для которого подчас и подготовки не надо, и даже факты не обязательно проверять. Зато достигается столь сладостная

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 116.

популярность. Какое сырье, таким во многом будет и конечный продукт. Факты-полуслухи, факты-полудомыслы, факты-одиночки, их вольная интерпретация, вселенские обобщения на песке или на болоте — все это не что иное, как неуважение к общественному мнению, да, надо сказать, и к самой журналистике.

Вместо того чтобы раскрывать людям глаза на действительность, мы лишаем их зрения.

Вместо подъема уровня понимания — загоняем в тупики слухов и инстинктов.

Вместо подъема политической культуры — вызываем нетерпимость и предрассудки.

Примеров тому накопилось предостаточно.

Время зовет к смелости, создает и возможности, и стимулы для ее проявления. Но обществу, народу нужна смелость действительная, а не показная. Смелость в постановке проблем и в подходах к их решению. Смелость в отстаивании всего передового, честного, порядочного, особенно когда оно не умеет защищаться само.

На крутом повороте истории без смелости, мужества не обойтись. И следует отдать должное тем, кто ее проявляет. Но, к сожалению, смелость, в том числе и в средствах массовой информации, подчас имитируется. Очень важно различать в любом деле мужественную, осознанную смелость солдата, с открытыми глазами и ясной целью идущего в бой. И бездумную, никчемную смелость мальчишки, виснувшего на подножке вагона или перебегающего улицу под носом у машин.

С трибуны конференции прозвучало требование о необходимости тщательнейшей проверки всех фактов в публикациях, особенно в выступлениях острой критической направленности. Издержки неправды оборачиваются не только против допустившего их автора и редактора. Они оборачиваются против того доброго дела, за которое выступают журналисты, и на пользу тех, кого они критикуют. Оборачиваются они и против перестройки. Неточностям и небрежностям, фальши, унижению человеческого достоинства критикуемых надо объявить настоящую войну. А если уж ошибся, то покайся прилюдно и дай возможность незаслуженно обиженному напечатать обоснованное опровержение, не впадая в высокомерие монопольного держателя высшей истины.

Недопустимо, чтобы отдельные работники бросали тень на гласность и свободу печати.

Подчас, вместо того чтобы проникнуть в глубь, в существо жизненных коллизий, процессов, на страницах газет и журналов, в передачах доминируют эмоциональные всплески и громкие фразы. При обличении того или иного недостатка берет верх не

здравый смысл, а задиристость, которая сводит на нет самые добрые побуждения, обесценивает выступление, вызывает раздражение.

Нужна безупречная правдивость. Это и есть демократия. Если по-настоящему соблюдать высокие требования перестройки к средствам массовой информации, можно еще выше поднять гласность, остроту и действенность критики. Но требование о неразрывном единстве демократии и ответственности, о безусловной и осознанной дисциплине относится ко всем без исключения.

Да и в борьбе за действенность выступлений нет необходимого накала. Печать критикует аппарат, а он лучше от этого не работает. Печать ратует за хозрасчет, а он приживается медленно. Печать поднимает на щит «архангельских мужиков», а их по стране пока единицы. Это реалии сегодняшнего дня, за которыми стоят и объективные процессы, и конкретные живые люди, их интересы.

В процессе перестройки на места передается большой объем полномочий и функций. Делегируется не только власть, но и ответственность. Ответственность за жилье и продовольствие, законность и порядок, образование и досуг, за то, как встречаются человека в официальных учреждениях, как относятся к его законным требованиям.

Чувство ответственности и бремя власти — неразделимы. И нужно повышать спрос за умение и желание употреблять ее на благо людям. За совмещение, сочетание местных интересов с общегосударственными и с дисциплиной в целом. Уважение к власти и эффективный демократический контроль масс над ней — вот формула политической реформы. Сейчас гласность, в дополнение ко всем другим ее задачам, должна решающим образом способствовать становлению обновленной политической системы, ее включению в работу в полную силу.

Нужно с самого начала найти и взять верный тон. Советы — это орган власти, их решения — закон, который должен исполняться. Но работники Советов — люди, с которых может и должен быть спрос за конкретное дело. Уважительный, реалистичский, с учетом того, что их новые права и возможности, кадры — все это еще в процессе становления.

Средства массовой информации правильно критикуют всякого рода отступления от закона со стороны должностных лиц, официальных учреждений и организаций. Но подчас критика эта ведется таким образом, что у многих создается ложное представление: мол, главное — везде и во всем противостоять установленным требованиям, считать их во всех случаях косными, отжившими, а стоящие на страже закона органы власти, правопорядка — олицетворением подавления прав и свобод.

Отсюда — все более частые случаи вызывающих действий со стороны не только одиночек, но и целых групп людей, неповиновения закону. Причем по преимуществу при молчаливом либо гласном одобрении со стороны средств массовой информации. Если и дальше культивировать подобное, отдавать под флагом демократизации на волю стихии общественный порядок, то неминуем и результат: правовая реформа останется на бумаге, а верх возьмет беззаконие, оживится деклассированность и преступность.

Почти не слышен голос осуждения противоправных поступков и действий, если они совершаются снизу — это считается нормальным. Такая позиция развращает общественное сознание, культивирует правовой нигилизм. В том-то и состоит правовая культура общества, что закон, пока он действует, должен выполняться всеми без исключения неукоснительно — и сверху, и снизу. Иначе анархия.

Пресса, если она действительно демократическая, обязана твердо и доказательно стоять на стороне законодательства и дисциплины. Чувство ответственности здесь особенно необходимо. Перестройка не продвинется вперед, более того — захлебнется, если мы, что называется, всем миром не наведем в собственном доме надлежащий правовой порядок. Только высокая правовая культура гарантирует необратимость революционных преобразований. Перестройка борется за полную свободу советских людей, но должна быть беспощадна к тем, кто насилует ее преступлениями.

Словом, требуется своего рода общественный замер послеапрельской жизни и практики. Необходимо не просто фиксировать, а исследовать явления и в совокупности их слагаемых, и на определенном временном срезе.

Непременное требование перестройки — реализм во всем: и в большом, и в малом. Реализм в постановке задач, выдвижении конкретных требований и предложений. Он не имеет ничего общего со всепрощенчеством, с тем, чтобы давать самим себе скидки и послабления. Реализм — это умение не отрываться от земли, не замахиваться на непосильное, невыполнимое. Подходы с позиций нереалистических, максималистско-утопических требований — опаснейший вид социального иждивенчества. Азарт забегания вперед, замахивание непременно на нечто глобальное и вселенское — это то, что способствовало перегибам 20—30-х годов, возникновению культовой идеологии и практики.

Еще об одном — *о нетерпимости к иной точке зрения.* Историческое наследие в этом плане очень нелегкое. И враз всего не изживешь, задача на поколения. Нетерпимость — путь к разрушению общества. На ней ничего не построить. Созидание — это

сотрудничество, а оно требует умения слушать, обсуждать, налаживать взаимодействие. Борьба против нетерпимости в любых ее формах выдвигается как одна из важнейших предпосылок успеха политической реформы, самой перестройки, как важная функция политической работы, как борьба за достоинство человека.

Задача, от которой во многом зависит сейчас успех перестройки в целом, — не дать консерватизму «по расчету» прижиться и паразитировать на здоровых настроениях и убеждениях народа, а в чем-то и на его объективно обусловленных заблуждениях. Надо шагнуть сейчас из прошлого в новый день обогащенными знаниями, обогащенными нравственно! В процессе критического осмысления действительности мы должны не утратить, а обрести. Но для этого нужен глубокий и высоконравственный анализ и прошлого, и настоящего, а не подгонка того и другого под заранее сформулированные схемы и стереотипы. Пусть даже если такие схемы и стереотипы сегодня отличаются от тех, что были в ходу вчера и позавчера.

Перестройка нуждается в Патриотизме с большой буквы. Социалистическом патриотизме, который твердо стоит на почве знаний, реализма в оценках, на стремлений вершить благо во имя своей Родины, своего народа. Перестройка немыслима без гордости за то, что свершено народом. Критическое и самокритичное отношение к самим себе, к своим делам, умение видеть и оценивать все трезво, на основании самых строгих критериев — это уважение к народу и человеку.

Перестройка — это созидание, но отнюдь не разрушение. Нельзя жить на развалинах. Человеку свойственно строить. Перестройка — умное, интеллигентное, основанное на служении живым людям движение вперед. И в этом движении здравый смысл — опора перестройки.

ЗА РЕАЛИЗМ МЫСЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ

Кажется, только вчера вошли в наш политический лексикон слова: перестройка, обновление, демократизация, гласность. А сегодня они стали сутью жизни, кардинально и необратимо меняют нас самих, наши взгляды и представления, социальный кругозор и психологию.

XX съезд КПСС радикально изменил общество. Но благотворный оздоровительный процесс не был сопряжен тогда с развитием социалистической демократии, что и привело к откату, застою, предкризисному состоянию. Общество оказалось облученным аморальностью — в экономической, политической и духовной сферах. Антисанитария догматической интерпретации марксизма продолжала губить творческую мысль. Дьявольское копыто Люцифера беспощадно вытаптывало побеги свежих мыслей.

Таковы издержки реформизма, не оплодотворенного последовательной революционной практикой. Такова цена поражения, когда страх перед сложностью практических дел парализует мысль и сковывает созидание. Подъем на вершину всегда медленнее и тяжелее, чем скольжение вниз. Но, увы, история богата не только историческими взлетами, но и падениями в пропасть небытия.

Сегодня мы говорим, и обоснованно, о заметном повороте в общественном сознании. XXVII съезд партии, XIX Всесоюзная конференция КПСС встряхнули общественное развитие. Социализм увидел перед собой новые перспективы. Но предстоит еще серьезная борьба за то, чтобы изменения в сознании трансформировались в практические дела.

Подлинная свобода — это прежде всего ответственность перед собой и обществом. Такая свобода несовместима с анархизмом, эгоизмом, беззаконием, дурманящей властью чувств, если

Из выступления на собрании партийного, советского, идеологического актива Латвии. Рига. 10 августа 1988 г.

они берут верх над разумом. Нельзя допустить, чтобы исторические возможности революционных преобразований тормозились мертвящим бездействием, суетливым пенкоснимательством или спекулятивным мазохизмом. И то, и другое, и третье антиперестроечно, ибо подлинная перестройка — это движение к здоровому смыслу, ее политические и нравственные опоры — демократия, гласность, ответственность и разум.

Никому не дано заглянуть в таинственную, загадочную книгу судеб, но все же общественное развитие определяют в конечном счете люди и их дела, и ничто другое. Упор на практику перестройки — такова специфика момента, таково, собственно, и требование жизни, которая всегда вершится трудом.

I

На XIX партийной конференции надо было всесторонне осмыслить период после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК и XXVII съезда КПСС, определить пути развития и гарантии необратимости перестройки. Это сделано. Теперь особенно важно не проглядеть леса за деревьями. В гуще самых разных и важных повседневных дел постоянно держать в поле зрения высший смысл перестройки. Чтобы не получалось так, как бывало не раз, когда практика незаметно вступала в противоречие с намерениями, начинала отрицать их и вершить свой собственный ход.

Казалось бы, в такое ответственное время и надо включить на полную мощь все резервы перестройки. Резервы, возможности которых подтверждены многократно. Довериться людям, обратиться к их совести, самостоятельности, открыть полный простор новым формам и методам хозяйствования.

Но нет. Немало мест, где снова прибегают к давно уже доказавшим свою несостоятельность командно-нажимным методам. Действуют по старинке, как привыкли действовать на протяжении многих десятилетий. И как бы не замечают, что сегодня подобные традиционные формы не только неэффективны, но и бьют по перестройке, дискредитируют ее. Ибо получается, что на словах — новое, а в делах — далеко еще не забытое старое.

Ветхий завет прошлого живет в нас, мы еще бьем поклоны старому образу жизни. Но избавляться от него надо. И путь к такому избавлению — постоянная сверка слова и дела, принципов перестройки и собственных поступков.

Это трудно и непривычно. Преодолеваются тут не только грехи и близкого и неблизкого прошлого, но и нелегкое историческое наследие человечества, которое тоже заложено в наши социальные гены. Веками привыкал человек проявлять послушание

силе и власти, вершить молитвы и каяться, но и поступать при этом в соответствии с личной выгодой и сообразно обстоятельствам, лично его окружающим.

Наверное, в этом была своя мудрость, без которой не выжить бы человеку в обществе неравенства и неправопорядка. Но мы строим другое общество, новое общество. И построим его, если на деле поймем, что жизнь по соответствию идеала и поступка должна стать правилом, привычкой, а не уделом душевспасительных проповедей, что высшие критерии социалистического гуманизма — не абстрактные истины, а необходимые мерки конкретного действия.

Трехлетний опыт перестройки показал ее достижения и промахи, прозрения и трудности, характер и интенсивность сопротивления. Очевидным фактом является и то, что, начиная перестройку, едва ли кто представлял себе действительные масштабы накопившихся проблем, степень запущенности многих из них, невообразимую сложность предстоящего.

Это, конечно, не означает, будто партия вступила в перестройку чуть ли не вслепую. Это не так. Но начавшийся общественный разговор о наболевшем, разговор откровенный, искренний, честный, выявил и много нового. Прежде всего в представлениях о сути явлений, в понимании их взаимосвязанности и взаимообусловленности. В осознании того, что если какие-то явления генерируют, поддерживают друг друга, то и средства воздействия на них должны обладать собственной внутренней взаимосвязью.

Именно такое общественное расследование и породило идею радикальной экономической реформы. То, что виделось вначале только как отсутствие социальной ориентированности экономики. Но уже первые шаги экономических преобразований показали, что они просто захлебнутся, зачахнут, если не получат своего двигателя в политической сфере.

Какие выводы можно сделать из опыта эволюции взглядов на перестройку, ее причины и задачи?

Во-первых, то, что мы как бы заново учимся азам марксизма. Учимся на собственном социальном опыте, а не на догмах постигая его основополагающие истины, притом учимся все, на равных проходим эту уникальную школу. Учимся тем самым азам, которые знаем теоретически, а на практике миримся долгое время с их отодвинутостью под напором догм. Это хорошая, полезная школа.

Во-вторых, углубленное самоосознание — процесс подлинно всенародный и всепартийный. Это еще раз показала XIX партконференция, подготовка к ней, обсуждение ее итогов, которое продолжается в трудовых коллективах и донныне.

В-третьих, по мере проникновения в новые пласты перестройки продвигается и все большее понимание ее причин, всего того, что сделало ее необходимой. И если поначалу доминировали самые насущные и кричащие задачи в социальной, экономической сферах, моральном состоянии общества, то теперь открываются и глубинные причинные связи, причины причин. Идет процесс осознания перестройки не только как совокупности конкретных задач, но и как объективной стадии в развитии социалистического уклада жизни.

В-четвертых, такое осознание заставляет видеть не только конкретное содержание собственной деятельности, но и методологию продвижения вперед. Начатое после апреля 1985 года будет в любом случае определять нашу жизнь на десятилетия вперед. Отсюда еще большая требовательность к самим себе везде и во всем.

И пятое. Все перечисленное, во всей его совокупности, — ответ всевозможным «плакальщикам по социализму», которых сильно страшат и неординарность происходящего, и демократизация, и гласность, и требование квалифицированно работать.

Но тревожат и думы о прошлом, которое хранится в личной памяти как череда самопожертвования, героизма и побед, предмет гордости за свершенное.

Вот это личностное восприятие критики существенных сторон общественной жизни и порождает порой обиды, а порой и сопротивление общественному диагнозу авторитаризма. Диагнозу неизбежному, необходимому, особенно тогда, когда болезнь еще излечима.

Некоторые защитники прошлого не хотят признать, что тысячу лет, если брать Россию, правили люди, а не законы. Перестройка стремится упразднить старую парадигму, заменить ее новой — правовой, действительно основанной на социальном научном знании. Речь, таким образом, идет о замене тысячелетней модели государственности.

Первая успешная попытка изменить старый способ правления была предпринята в 1917 году. Но через 11 лет, в 1928 году, Сталин и его окружение навязали новые координаты, сотканые внешне из марксистской фразеологии, но на практике по сути своей имевшие самое отдаленное отношение к марксизму. Ритуал — это лишь видимость веры, полярность слов и дел — злоемкий факт. Я уж не говорю о массовых репрессиях, что вообще находится за пределами добра и зла. Умертвив принципы социалистического гуманизма катком перманентной конфронтации (Сталин даже в нищей деревне «находил» постоянно рождающихся капиталистов), режим личной власти тем самым затормозил путь в будущее.

С точки зрения философской — парадокс. С точки зрения человеческой этому названия нет: трудно синтезировать такие понятия, как социальный каннибализм, каннизм, геростратство, иудин грех в своем законченном развитии — от предательства учителя до предательства отца, что и святому писанию неведомо.

С рвением более лютым, чем святоинквизиторы, искали чертей и ведьм в каждой живой душе. Ложью отравляли общественную жизнь. Авторитарностью, как танками, давили всякое творческое шевеление. Порядочность надо было доказывать характеристиками и справками, а конформистское мышление стало олицетворением благонадежности. Социалистической мысли вернули утопичность, а вернее — мифологичность.

Наши классики надеялись, что мы будем умнее, чем они, и верили, что на основе их метода (факт выше принципа) разберемся, что к чему. Не разобрались. Запутались в диссертационных лабиринтах наукообразности, возведенных на монолитных глыбах догматизма. Вот почему столь необходимы сейчас прорывы в теории, они способны обуздать авторитарность, пренебрежение к труду, свободе и творчеству, подозрительность к информации и интеллектуализму.

Но невольно возникает вопрос, а не является ли зряшным прожитое время? Конечно нет! Любое пренебрежение к труду и героизму прошлого — предательство поколений, общественный подвиг которых невероятен. А их непоколебимая, выдержавшая небывалые испытания вера в грядущее счастье человечества заслуживает низкого поклона самой Истории. Мы были бы никуда не годными коммунистами, если бы забыли о достигнутом. Но, принимая наследие, отдавая должное труду и подвигу народа, надо смотреть вперед, поднимать социализм на новый, качественно более высокий уровень.

Необходимо, видимо, сказать и о том, что истоки сопротивления перестройке тоже видны сегодня яснее, чем даже год-два тому назад. Тогда был очевиден упор на субъективные моменты. На силу инерции в психологии, привычках, навыках, общественных настроениях. На сохраняющуюся социальную апатию. На бюрократизм как непосредственную деятельность чиновников. На узкокорыстные интересы тех, кого перестройка вынуждает добросовестнее и напряженнее трудиться. Все это верно.

Но теперь заметнее и то сопротивление, которое исходит от причин более глубинных и серьезных, от самого перестраиваемого материала: общественных отношений, экономической и социальной инфраструктуры, политической и правовой организации жизни.

Мы подходили к перестройке, отталкиваясь от анализа упущений, просчетов, ошибок прошлого. Но в ходе преобразований,

в процессе сопровождающей их общественной дискуссии правомерно поставлен и более сложный вопрос: почему одни и те же ошибки повторялись вновь и вновь?

Почему каждый год не готовы к зиме? Почему ежегодно теряем до четверти, а то и трети урожая? Почему повторяем одни и те же ошибки в экологии? Почему десятилетиями не изживается дефицит, бесхозяйственность, бюрократизм, пренебрежение повседневными нуждами человека?

Одновременно шла, все помнят об этом, ожесточенная борьба с «невыдержанными» статьями и романами, которые какой-то период спустя становились, как правило, вполне выдержанными и получали высокие премии. Борьба с фильмами, которые потом смотрели миллионы и не замечали идеологических недугов. Вылавливали и привлекали к ответственности людей, которые выражали несогласие с политикой застоя, обстановкой безвременья. А тем временем уходили от решения базовых вопросов экономики и социальной жизни, а они-то прежде всего и формируют отношение людей к социальному строю, морально-политическую атмосферу, ту или иную идеологическую ситуацию.

Если на каком-то направлении не ладится работа — возможно, виноват руководитель. Но если раз за разом меняют руководителей, назначают честных, думающих, знающих людей, а проблемы не решаются или даже обостряются, значит, нужен социальный анализ, радикальные меры общественного масштаба и значимости. Перестройка и является сейчас такой мерой — и в целом, и на важнейших ее направлениях.

Сегодня ясно обозначилось многое из того, что плохо представлялось еще несколько лет назад. Смотрите, как вытянулась за последние три года цепочка умозаключений. Многие проблемы экономики, социальной сферы сложились и обострились из-за того, что хозяйство продолжает служить господину Валу, а не реальному живому человеку.

Но переориентация экономики на человека требует глубоких перемен и в системе управления экономикой, и в основах экономической мотивации трудовых коллективов, объединений, регионов. В свою очередь, создание новой мотивации, функционирование хозяйства на новых основах требуют определенных перемен в обществе. В частности, расширения самостоятельности трудовых коллективов, а это невозможно без демократизации и права распоряжаться заработанным, но именно заработанным. То и другое, в свою очередь, вносит новые существенные элементы в сами основы политической организации жизни.

Конечно, призыв к новому — не отказ от проверенного старого. Аренда и семейный подряд, самофинансирование, развитие кооперативного движения и многое другое, что принесено

требованиями времени,— все это призвано дополнить созданное ранее, а не заменить его во что бы то ни стало. Надо изживать крепко въевшуюся привычку мерить конкретные дела их внешним выражением, будь то формы организации или же цифровые показатели.

Конкретный практический результат, видимый и понятный каждому,— вот реальное мерило того, движется перестройка или нет. Что у человека на столе и в доме, каков сам этот дом, как устроены дети, сколько приходится стоять в очередях в магазине, больнице, учреждении — вот жизненные критерии. Но, разумеется, не хлебом единым жив человек. Нас уже сегодня должно волновать, как учитывается мнение человека там, где он работает и живет, насколько он удовлетворен не просто как потребитель благ, но и как их создатель.

Надо, наконец, заплатить долги прошлого. Столь остро стоящие сегодня проблемы продовольствия, жилья, товаров, услуг — во многом результат жизни в кредит. Перестройка по-настоящему шагнет вперед, только рассчитавшись с этими долгами. Но для этого необходимы меры решительные, кардинальные, ответственные. В корне отличные от тех забюрократизированных подходов, какими мы подчас пытались решать эти проблемы в прошлом.

Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства товаров народного потребления. Решение этой проблемы может быть в известной мере только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя и научно-технического прогресса, начать, если хотите, постиндустриализацию с ее сверхкачеством продукции, информатикой, биотехнологией, с ее поистине революционным переливом труда в инфраструктуру общества, прежде всего в сферу услуг. Система приоритетов, разработанная XIX партконференцией, дает такую возможность.

Мы можем это сделать: наши экономика, культура и образование уже вышли на необходимый исходный уровень. Мы обязаны это сделать — замедление темпов, снижение качества развития произошло во многом как раз потому, что хозяйство страны не было своевременно развернуто лицом к человеку.

Медлить нельзя. Ускорение при патологических экономических пропорциях ускоряет социальную диспропорциональность. А ускорять необходимо развитие постиндустриальных производств (но не министерств) и производство товарной массы, облагораживая ее качество.

Надо возвращаться к принципу трестовой, корпоративной организации производства и управления. Будущее нашей экономики — это добровольные **паевые** объединения, отраслевые

и межотраслевые, подотчетные трудовым коллективам, а не командующие ими. Предприятия и объединения должны иметь дело только с банком: финансово-кредитная система — вершина управленческой пирамиды. А Госплан должен составлять государственные и общественные программы, конкурсно распределяя ресурсы и капитальные вложения. Это и будет настоящий централизм, а не стихийное самовластье ведомств, не отраслевое местничество с боярской системой управления. Но для того чтобы изжить административный централизм, нужно сделать реальною централизм экономического, ввести в действие эффективные экономические рычаги.

II

Перестройка выводит на передний план интерес человека труда. И это закономерно. Основной вопрос теории и практики хозяйственной деятельности сегодня — соединение интересов. Человек — биосоциальное существо интересов. Есть интерес — человек горы свернет, нет интереса — спокойно проходит мимо валяющихся в металле или бетоне своих годовых зарплат. Отчуждение человека от собственности и власти, от результатов собственного труда, от судьбы своего города, села — ген наших пороков. Преодолеть это отчуждение — императив перестройки.

Было бы неверно, да и вредно, отождествлять такой интерес только с рублем. Это — лишь часть интереса, которым живет человек. Важная, нужная, неременная — но лишь часть. Есть и другие грани интереса, внеэкономические. Уважение и самоуважение. Возможность дать полезный выход своим созидательным способностям, испытать себя в той или иной сфере. Возможность, наконец, просто жить и работать в полную меру своих физических и духовных сил, квалификации и кругозора. И по мере того как будут все полнее удовлетворяться материальные потребности человека, как будет расти уровень образованности, культуры, весь спектр внеэкономических интересов будет обретать все более принципиальное значение.

Углубление демократизации в экономической, политической и общественной жизни, полный хозрасчет, самокупаемость и самоуправление на производстве, развитие кооперативных начал, аренды, индивидуальной и трудовой деятельности — все это и нацелено на то, чтобы оживить, поднять, вывести на первый план человека и его интерес.

Но если видеть в этих начинаниях лишь средство выполнить те или иные задания плана, если низводить все многообразие человеческих интересов до рубля, боюсь, мы можем не поднять, а приглушить подлинные человеческие интересы, получить еще более извращенные проявления отчужденности.

Кооперация и аренда — двигатели перестройки. Динамика развития арендных отношений и кооперативного движения — это, в сущности, динамика экономической перестройки. В пыпешних условиях через аренду земли, основных фондов можно начать реальное обобществление, народизацию государственной собственности, разбюрокрачивание экономики.

Аренда — не только возможность больше заработать, но и самому организовать свой труд, определять его интeпсивность, конкретные формы, развивать деловитость и предпринимчивость как в процессе производства, так и на рынке товаров.

Самофинансирование и самокупаемость — не только экономические категории, но и условия развития деловой сметки, возможность самостоятельного выбора.

Демократизация — не просто выборы из нескольких кандидатур и возможность обсуждения любых вопросов, а непременное условие и стимул для проявления инициативы и творческого потенциала личности. И все это наполнено созидательным началом, стабилизирует общество, делает человека свободнее и богаче духовно.

Мы просто обязаны видеть гуманистическую сторону экономической и политической реформ, перестройки в целом. Ибо реальный гуманизм начинается не где-нибудь, а здесь. Нельзя быть хозяином страны, не будучи хозяином в труде и в повседневной жизни. И мы обязаны поставить эти первоосновы гуманизма на службу интересам общества и человека, выявлять и развивать их созидательное, творческое начало.

Созидательность идеологии социалистического хозяина и в том, что она делает осозанный и целеустремленный упор на одном из краеугольных положений марксизма, а именно: отношения собственности составляют сердцевину мировоззрения, ядро общественного сознания. Социалистическое общество не может и не должно быть свободно от отношений собственности. Исторически мы знаем, что здесь возможны две крайности. Частная собственность в ее капиталистическом, эксплуататорском варианте разрывает человека и общество, противопоставляет их друг другу. Но не менее разрушительна и ничейная собственность, только разрушительность ее приходит как бы с другой стороны.

Сочетание личных и общественных интересов не только в практике решения конкретных управленческих задач, но и через сознание людей достигается лишь тогда, когда общенародная собственность какой-то своей частью, в каких-то формах оказывается одновременно и собственностью коллективных и индивидуальных производителей. Тогда, и только тогда, может быть создано то объективное положение, при котором производитель, отстаивая свои собственные интересы, борется и за интересы

общества, порядок общества, нормы общества. За все это, а не вопреки и тем более — против.

Иными словами, созидательность идеологии социалистического хозяина в том, что она ломает догматическую установку о неизбежной и беспрекословной подчиненности интересов личности интересам государства, из чего якобы следует, будто личный интерес есть непременно корыстный интерес. Именно эта установка, преломившись через практику, и породила отчужденность индивидуального и массового сознания от всего государственного.

Наконец, эта идеология через усиление коллективистских, демократических начал поднимет в сознании и практике значение феномена «народной экономики». Пока это понятие существует у нас скорее для характеристики экономического комплекса страны в целом, а порой как пропагандистское клише. Но народная экономика действительно необходима как средство удовлетворения потребностей общества, как социально ориентированная экономика. Она действительно необходима и как фактор общественного сознания. Рачительное отношение к природе, например, возможно преимущественно в рамках такого подхода. Более четкая, более предметная, основанная уже на непосредственном опыте перестройки идеология самоуправления может в перспективе быть разработана тоже только на этой основе.

III

Перестройка — не только совокупность реформ: экономической и политической. Она — взаимодействие и взаимодополнение, диалектическое единство и целостность преобразований с выходом непременно на человека, идет ли речь о удовольствии или же о сложнейших путях формирования сознания.

На этом пути нас ждет немало нового, неизвестного. Ждет и немало блокировок в сознании, стереотипов, откровенных мифов, составляющих один из существенных элементов механизма торможения.

Перестройка требует научного задела, особенно в познании объективных закономерностей реального, живого социалистического общества — общества, которое мы только начинаем по-настоящему исследовать. Не пугаясь фактов, не прячась от них, не объявляя анафемой все то, что не укладывается в ложе личных представлений, не наклеивая ярлыки на тех, кто ошибается или скажет нечто непривычное, необходимо углубленно и взвешенно, без предвзятостей и заданных схем изучать общественные отношения социализма, истоки его достижений и причины его неудач, характер движущих сил и механизмы противодействующих.

Для углубленной разработки актуальных теоретических и практических проблем следует восстановить истинное содержание учения о научном социализме, что позволит поднять престиж знаний и науки, положить начало своеобразной эпохе возрождения духовных сил, прибавить теоретической компетентности в практике руководства на всех уровнях.

Оглядываясь на собственный опыт, опыт мирового социализма, правомерно сделать, как минимум, три вывода.

Первый. Основные магистральные тенденции исторического развития человечества предсказаны и поняты правильно, идеалы и принципы социалистического движения выбраны верно. В этом смысле социалистический выбор исторически оправдан, он соответствует интересам народа и обеспечивает социальный прогресс.

Второй. Реальные пути к намеченным целям оказались гораздо труднее, а сам практический социализм — гораздо сложнее, неоднозначнее, чем когда-то представлялось. Дистанция между желаемым и реальностью во всех отношениях протяженнее и сокращается медленно.

Третий. Построение социалистического общества идет последовательно через ряд переходов — от одного качественного состояния к другому. Сама перестройка уже является таким переходным этапом. В процессе его крайне нужны надежные прогностические ориентиры. Следует отметить, однако, что построение социализма в нашей стране сопровождалось глубокими деформациями, которые не только исказили сам строй, но и серьезно подорвали сами основы социалистической идеи. Перед теорией и практикой в связи с этим выдвигаются требования исторической значимости, особенно с точки зрения мировоззренческих обобщений, вытекающих из опыта социального прогресса.

Мы с некоторым удивлением обнаруживаем сегодня немало такого, что уже было высказано К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, что открыто всеобщему обозрению в изданных собраниях сочинений, но выпало из нашей памяти и практики или же было прочно и неузнаваемо искажено.

Возьмем *кооперацию и рынок*.

Оценивая возможности кооперации, необходимо поставить вопрос: чего мы от нее ждем? Наши непосредственные ожидания и надежды, связанные с кооперацией, определить довольно легко — они касаются прежде всего отраслей сельского хозяйства, легкой промышленности, строительства, услуг, особенно всего того, что предполагает прямые связи между производителем и потребителем и что экономисты иногда называют обслуживанием процесса потребления. Эти сферы имеют ключевое значение для народного благосостояния, и здесь, скажем прямо,

формы крупного производства, особенно на базе государственной собственности, обнаружили низкую эффективность.

Сторонники революционной концепции преобразования общества придавали огромное значение кооперации как форме обобществления производства. К. Маркс писал о «кооперативных фабриках самих рабочих», которые, по его словам, «показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства»¹. Вместе с тем марксисты отвергали социально-политическую утопию сторонников так называемого кооперативного социализма, которые полагали, что капитализм трансформируется в социализм мирным путем под воздействием роста кооперации.

Именно с позиций такой исторической реальности следует подходить к пониманию того факта, почему В. И. Ленин, остро критикуя идеи кооперативного социализма, затем, в условиях послереволюционной России, изменил свою точку зрения и назвал кооперацию столбовой дорогой к социализму.

В статье о «О кооперации» он писал: «Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа... кооперация получает у нас совершенно исключительное значение...

...Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения»². При максимальном кооперировании населения «само собой» достигается цель построения искомого социалистического общества, поскольку «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»³. И чуть дальше та же мысль повторяется снова: «Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение... ...Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»⁴. Мысль о роли и месте кооперации в социализме у В. И. Ленина — это не вырванная из контекста цитата. Нет, это четко сформулированная концепция. Ее игнорирование обернулось неисчислимыми экономическими, нравственными, идейными потерями.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 483—484.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 375.

Другой вопрос — о социалистическом рынке. За частоклолом схоластических споров забылось его главное свойство: рынок исторически формируется как объективная экономическая и социальная реальность. Это не только естественный механизм выявления существующих потребностей, но и наиболее демократический, по выражению В. И. Ленина, механизм «общественного учета», то есть признания обществом, а не чиновником цены товара, его качества и соответствия спросу.

Конечно, в условиях частнособственнической формации, общественных антагонизмов рынок неизбежно порождает и кризисы, и потрясения, и многочисленные негативные для человека труда последствия. Однако в этом повинен не рынок, а социальная направленность его использования.

Поставим вопрос по-другому: есть ли у нас другие надежные средства выявить все бесчисленные потребности, реально существующие в обществе? От самых крупных до мельчайших? В состоянии ли мы учесть их крайне подвижную динамику? И даже если каким-то образом выявим эти потребности помимо рынка, то можем ли из единого центра управлять процессами их удовлетворения? До сих пор это никому не удавалось. А самое главное, нужно ли это делать, требуют ли этих бесподобных усилий реальные интересы и нужды социализма, народа?

Ответы, на мой взгляд, очевидны: невозможно, не нужно, вредно. И дело не только в технической неисполнимости этой утопии тоталитарного бюрократизма, но и в том, что человеческие пороки приказного метода не компенсировать никакой вычислительной техникой. Такой подход должен быть отвергнут в принципе, из нравственных соображений — и в экономике, и в социальной сфере, и в культуре, и в деятельности Советов.

Но тогда остается рынок. Саморегуляция. Причем рынок — не только управленческое решение, оптимальное для широкого класса задач. Это еще и поле проявления той самой инициативы, самостоятельности, ответственности, самореализации человека и коллектива. Это и мерило общественной полезности труда, и регулятор бережливости, и стимул эффективности, и научно-технического прогресса. По существу, единственный надежный из известных на сегодня механизм антизатратности. Но все это при том непременно условии, что социалистический рынок должен иметь этические нормы и моральные принципы.

Можно ли поддерживать товарно-денежные отношения и хозрасчет и при этом отказывать в праве на существование рынку? Где же в таком случае будут материализоваться эти отношения?

Что же касается противопоставления рынка плановому началу, то свободного и нерегулируемого рынка не осталось и при

капитализме. Экономические отношения регулируются и в отдельных странах, и между ними. В деятельности крупных и крупнейших корпораций, а также государств давно уже применяются разные формы планирования. И вообще рынок цивилизуется вместе с обществом: координаты его многомерны и подвижны.

Но где в таком случае проходит граница между тем, что мы отбрасываем как безусловно капиталистическое, и тем, что все-таки берем, прямо или видоизменив, от капитализма?

Ясно, что такая граница есть, но проходит она не по орудиям и средствам жизнедеятельности общества. Социалистическим или капиталистическим рынок делает не движение товаров, капиталов и даже труда, а социальный смысл происходящих при этом процессов. Граница проходит по определению места человека в обществе — является ли он высшей целью общества или источником прибылей.

Моносоциальность и моновласть — еще не социализм. Все это было и в Древнем Египте. Нормальный, здоровый обмен трудовыми эквивалентами возможен исключительно на рынке: другого пока просто не придумали. Только благодаря рынку можно реализовать главный принцип социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Безрыночный социализм пока утопия. Чтобы оправдать себя, она отрицает наряду с рынком и сам социализм.

Вполне понятно, что перестройка будет порождать и дальше новые проблемы, требующие теоретического осмысления. Само собой разумеется, что на многие из этих проблем обществоведение может ответить только на основе анализа, глубокого осмысления реальных процессов жизни, смело сбрасывая догматические вериги с живого и постоянно развивающегося общественного организма.

Гегель, между прочим, свою спираль развития строил на евклидовых постулатах с их трехмерностью и не мог знать, что в четвертом измерении историческое время может течь и в ту и в иную сторону. Маркс и Энгельс понятия не имели, что время есть искривление пространства, а Ленин — что время есть скорость передачи информации; материя в любом виде — это оболочка информации.

И в этом нет ничего необычного. Главное в диалектике — развитие. Наука идет от факта, от реальности, а не от заранее заданного принципа, идеала.

Социалистическому обществу как воздух необходим и нормальный, интенсивный, растущий обмен информацией: научно-технической, экономической, коммерческой, социальной. Информация во всех ее формах, в том числе и в виде информационного облагораживания товаров (то, что в приближении именуется нау-

коекмкой продукцией), стала главным товаром мировой торговли, а производство средств информатики — локомотивом мировой экономики. Такой обмен возможен только и исключительно в условиях демократии и гласности. Это касается всех вопросов без исключения. Любой вид информационной автаркии, усеченность информации ведут к топтанию на месте и общества, и чело- века.

Неотрывная часть демократизации — создание системы обратных связей, своего рода вестибулярного аппарата общества. Именно здесь наше развитие понесло наибольший ущерб. Думаю, многие истоки наших тревог — в отсутствии четко работающей системы обратных связей. А это порождает незнание, ведущее к неуверенности. От неуверенности очень короткая дорога к паническим настроениям, что неизбежно ведет к ошибкам.

Жизнь стала оживать, ткаться из противоречий. Некоторые из них взрываются антагонизмами. Многое упирается в консерватизм, в некомпетентность, в субъективизм, в нетерпимость, в теоретическое верхоглядство. Но многое — и в неумение работать, в боязнь масс, нежелание слушать и достойно держать ответ. Конфронтация, даже по периферийному вопросу, не может решить ни одной проблемы. Она бесплодна. Только единство конструктивно и созидательно.

XXVII съезд партии взял курс на последовательную демократизацию советского общества. Наверное, первое и главное требование к ней — быть думающей, умной, ответственной. Налаживать в обществе процессы взаимного уважения, взаимного понимания и сотрудничества, а не сталкивать между собой людей, те или иные группы.

В последнее время на поверхность общественной жизни вышли процессы непривычные. Мы стали свидетелями и демонстраций, и митингов, и других действий, иногда принимающих намеренно шокирующие формы. Получили определенное распространение забастовки, конфликты, столкновения на национальной основе.

Конечно, там, где проявляются насилие или угроза насилием, нарушения социалистического правопорядка, закон должен со всей решительностью говорить свое слово. Но, начиная процесс демократизации, видимо, следует быть готовыми к тому, что некоторые «блины» окажутся комом, что будут на первых порах осечки, неудачи. Мы все учимся демократизму и гласности, причем вряд ли вышли пока даже из подготовительной группы. Возможно, что в ряде случаев недооценили опасность безответственности отдельных анархистствующих групп и переоценили степень созидательной боеспособности некоторых партийных и государственных организаций. Приходится учиться на ходу.

Для того чтобы демократия не стала средством удовлетворения групповых и личных амбиций, а служила конструктивным орудием общества, надо всемерно повышать уровень политической культуры. Нужны самое широкое вовлечение в демократический процесс трудящихся с их жизненным здравым смыслом; гражданская ответственность всех граждан и организаций; уважительное отношение к органам власти; твердое соблюдение социалистической законности всеми без исключения.

Говорят, демократия активизировала экстремизм, демагогию. Нет, не демократия. Это пассивность, созерцательность, политическое оцепенение взрыхлили почву для безответственности. А часто ли партийные организации по собственной инициативе шли на открытые и откровенные публичные дискуссии? Там, где это делалось, успех оказывался на стороне здравых, демократических сил.

Запретительный синдром удобен своей кажущейся простотой и привычностью. Но слишком велики его издержки, известные сегодня не только теоретически. Он создает видимость благополучия, но загоняет болезни вглубь. Он закрепляет в обществе отчуждение. Наконец, создает конфронтационные отношения там, где для этого нет объективных оснований. По существу, обрекает общество на множество раздоров, противостояний. И все это ради того, чтобы удобнее было сохранять обстановку мертвящего застоя.

IV

Последние события показали, что процесс перестройки не пойдет без включения такого мощного резерва, как объединение вокруг нее усилий всех советских наций. Но объединение на новой, перестроечной основе, в новых экономических, политических, общественных формах.

Нынешние тревоги в национальных отношениях — это зарницы прошлого. На это надо посмотреть со всей открытостью, отрешиться от благодушия по поводу того, что тут все вопросы решены.

В нашем многонациональном государстве любой вопрос, чего бы он ни касался — экономики, культуры, политики, всего остального, — неизбежно приобретает и национальное выражение. Отсюда — важнейший принципиальный вывод о том, что социально-экономические проблемы общества всего успешнее решаются через его национальные формы. Но и связанный с ним вывод о недопустимости, вредности положения, когда национальное выпячивается настолько, что за ним перестают видеть социально-экономическую сущность процессов. Говорю сейчас именно

о национальном, а не о крайних его проявлениях, мутациях, будь то национализм или шовинизм.

Проблемы советского общества мы можем решить только вместе и только на пути революционного обновления. Будет оно — улучшится и положение каждого народа. Забуксует перестройка — никто не сможет в одиночку сделать что-то путное для себя и для своего народа.

Мир идет — хотя и неровно, рывками, через противоречия — к большей целостности и взаимосвязанности. Идет, отбрасывая, устраняя препятствия: войны, недоверие, чувства национальной исключительности, территориальные споры, гонку вооружений. Понятно, я говорю о тенденциях, а не о свершившихся фактах. Но сами тенденции очевидны и едва ли обратимы.

С ними в целом корреспондируют и тенденции нашего развития. Мы преодолели вековое неравноправие народов, сняли — не до конца, как мы сейчас видим, но в немалой части — груз межнациональных обид и предрассудков. В определенной мере сложился единый народнохозяйственный комплекс, когда различные регионы и республики страны дополняют друг друга. Сам рост национального самосознания во всех без исключения районах — доказательство прогресса народов, их культур, ибо самосознание всегда и везде — продукт развития, а не упадка.

Исторический выбор в пользу перестройки сделан вместе. Идет она трудно, но революция никогда и нигде не была простым делом. Любой неверный шаг, даже субъективно представляющийся оправданным, кажущийся кому-то, может быть, смелым, — но шаг, который мешаает процессам обновления, сдерживает их, — обернется для всех общим ущербом. И наоборот, революционные преобразования принесут больше свободы, если мы пойдем дорогой разума, а не путем эмоций или химер.

Ответственная демократия — это демократия реализма. Реализма целей, замыслов, действий, реализма, возвышающего человека, одухотворяющего его, дающего ему высшую свободу выбора и самореализации, прогресса в условиях социализма.

Это и демократия единства. История человечества чересчур богата всевозможными распрями, раздорами, конфликтами и противоборствами. Были у них свои причины, социально-экономические корни. Но социализм — общество, в котором устранены формационные факторы социальных антагонизмов: классовых, межнациональных, групповых. Но и здесь нет автоматизма.

Обществу крайне необходимы сегодня максимально широкое разнообразие мнений, позиций, точек зрения. Но и способность выстраивать качественно новое единство, основанное на сознательном и добровольном сотрудничестве людей и народов,

на сочетании интересов. Прогресс и обновление общества определяются обеими этими чертами, умением слить их воедино.

Дел тут много. И в социально-экономической сфере. И в том, чтобы уточнить, выработать заново статус республик, других национальных образований, механизмы их хозяйственной самостоятельности, определить в соответствии с требованиями времени перспективы отношений Союза и республик, устранить многочисленные имеющиеся тут несуразности.

Нынешний лавинообразный обвал проблем межнациональных отношений отнюдь не означает кризиса идей, положенных в основу Союза.

Конечно, в сорок третьем году, когда Латышская гвардейская дивизия ложилась костями под Старой Руссой, вопрос представлялся более ясным. Национальный интерес был зрим и един для всех советских народов, для всего человечества. На фоне общей беды и общей угрозы уходили в тень обиды и несправедливости.

Но впоследствии в решении текущих экономических, социальных, политических вопросов, выдвигаемых жизнью, преобладали порой импровизации на основе случайных побуждений, нередко под влиянием корыстных интересов. Много было поспешности. Общая продуманная стратегия отсутствовала.

Но было и другое, о чем тоже надо сегодня говорить вслух и откровенно.

Сущностная правда об общественных деформациях сказана, твердо взят курс на устранение последствий культа личности. Но неверно представлять дело таким образом, будто все отрицательное, вредоносное шло всегда только «сверху вниз», «из центра на места». Непомерные амбиции, претензии на универсальную правоту, нетерпимость и авторитарность проявлялись и на иных уровнях, в том числе шли и снизу — из республик, краев, областей, городов. За все это приходится платить перестройке.

Важно только, как подойти к наследию прошлого. Увидим ли в нем повод для сведения счетов, для общественной конфронтации? В этом случае, можно сказать уверенно, будем обречены на повторение минувших бед. Вновь нетерпимость, новые несправедливости, новые обиды, а может быть, и нечто похуже.

Или же поступим мудро, правдиво. Извлечем уроки из прошлых ошибок и вместе, общими усилиями начнем исправлять их. Убежден: только на пути общественной консолидации, и ни на каком ином, мы можем добиться успеха. Выправить дело, двинуть вперед перестройку. Застраховать себя от повторения былых ошибок. В конечном счете укрепить общество, каждую республику через укрепление Союза народов нашей страны.

Излюбленный метод решения проблем в застойное время — спрятаться от них. Это касалось не только национальных отношений, а многих других сторон бытия.

Результатом стало накопление и обострение вопросов, распространение недоверия общественности к официальным заявлениям, примат слухов над информированностью, эмоций над рассудком, вползание социального невежества в общественное сознание, даже в официальные документы. И что особенно огорчительно, когда речь идет о национальных отношениях, — элементарное незнание их специфики, особенностей местной истории, культуры, психологии, традиций и т. д.

Глупо шарахаться от собственной истории. Она, между прочим, неопровержимо доказывает, что судьбы прибалтийских и славянских народов были едины издавна, еще в феодальные времена. Это единство сложилось под влиянием объективных причин. Существование Союза Советских Социалистических Республик позволяет каждому из народов, сохраняя и развивая свою родину, ценить и беречь общую Родину. Советский человек любой национальности везде должен чувствовать себя как дома. *Любая разделительная колея по национальному признаку была бы кладбищем надежд и могилой демократии.*

Особого внимания требует устранение общеэкономических неурядиц, характерных для разных регионов страны и приобретающих дополнительную национальную окраску в районах со смешанным национальным составом. Речь идет о различных конфликтах между интересами комплексного территориального развития и хозяйственной деятельностью центральной ведомств. Подмена общенародных интересов ведомственной эффективностью порождает негативные последствия для региональной экономики и экологии, вызывает стихийное течение демографических процессов и в итоге осложняет социальные проблемы.

Но не всякая напряженность связана с экономикой. В межнациональных отношениях особенно ценится внимание к национальным интересам и традициям, взаимное уважение, терпение и терпимость, желание и умение понять друг друга. Уважение к языку, культуре и традициям значит порой больше, чем материальные блага. И вреднее всего — неосторожность, торопливость, бестактность, попытки подстегивать события, высокомерное национальное чванство.

Духовно-правственная атмосфера перестройки, социалистического обновления может развиваться только на конструктивной основе. Доверие, а не подозрительность. Сотрудничество, а не конфронтация. Взаимное уважение, а не взаимное выискивание поводов для обид и упреков. Освобождение отношений от забюрократченности, но и от групповых амбиций, самолюбования. Сов-

местная, подчеркиваю это, совместная поддержка всего подлинно новаторского, талантливого, а не пасаждение конформизма и серости независимо от того, диктуется ли оно чиновными правами или же завистью ремесленника.

Такой подход идет не от политического идеализма или романтических заблуждений, а от твердой веры в конечное торжество совести и компетентности, пусть даже сегодня этих добрых качеств и не всегда хватает.

Такой подход — от критического осмысления пройденного пути, на котором нетерпимость, вражда, подозрительность породили экстремизм в человеческих отношениях, репрессии, трагические ошибки, мелкобуржуазность.

Такой подход — и от понимания происходящего на планете Земля. Уж коль скоро сделан верный, своевременный вывод о необходимости учиться вместе жить и сотрудничать, избавляться от конфликтов и конфронтаций, то у себя-то дома тем более обязаны обеспечить такое сотрудничество, сочетание интересов, совместимость самосознаний на всех уровнях. И в отношениях между народами, республиками, социальными группами, и в отношениях между людьми.

Растаскивать общество на национальные, социальные, духовные или какие-либо иные резервации — значит обрекать и общество, и самих себя на застой, регресс, на худшие и ничем не оправданные испытания. В конечном счете пойти не вперед, а назад, далеко назад.

Освободиться от груза прошлого — в экономике, социальной сфере, духовно-нравственной, культурной жизни — не значит переложить его на чьи-то плечи. Освободиться от него — значит взять на себя и ответственность, и нелегкий труд. В этом и состоит гражданский патриотизм сынов и дочерей своего народа, равноправных членов нашей многонациональной семьи.

Мы только начинаем полнее сознавать, нагляднее убеждаться, что есть вечные вопросы жизни, на которые обществу, как и человеку, суждено выходить вновь и вновь, хотя и по-разному на каждом очередном витке развития. Таковы мечты человека о счастливой жизни, справедливости, равенстве, высокой нравственности.

Но чудес не бывает. Только на заре цивилизации да в детстве вера в чудеса прощительна, да, видимо, и спасительна. Сегодня мы знаем, что строительство нового общества — процесс длительный, тем более не поддающийся под категорию чудесного. Никакие блага — духовные и материальные — не придут сами собой.

В ИНТЕРЕСАХ СТРАНЫ И КАЖДОГО НАРОДА

Человеку свойственна едва ли не каждодневная потребность поразмыслить, разобраться, как он жил вчера, что ожидает его сегодня и как поступить, чтобы жить лучше завтра. На общественном уровне это свойство приподнилось на десятилетия. Честное, гласное осмысление бытия во взаимосвязи времен вернулось в общественное сознание лишь с апрелем 1985 года.

На прямоту и открытость общество откликнулось заинтересованно, горячо. Уверен, что будущие историки, характеризуя нынешнее состояние общества, будут писать о необычайном динамизме и многоцветье происходящих процессов, дерзости общественной мысли и неординарности замыслов. Советский народ страхнул оцепенение, распрямился и заговорил в полный голос о тех наболевших проблемах, которые долгие годы оставались в зоне умолчания.

Мы еще только подошли к необходимым преобразованиям, только примерились к ним, только определили первые подходы. Но уже ощутили и сложность, и объем задач, и мощь накопленной инерции, и силу сопротивления консерватизма, догматизма, суетливого авангардизма. То здесь, то там стали возникать ситуации, которые кое-кого лишили духовного комфорта, вызывали беспокойство, а то и панику. В любом случае легких побед ждать не приходится.

Да, не все идет гладко. Да, перестройка порождает свою инерцию, свои антагонизмы. Противоречивость явлений — свидетельство и одновременно стимулятор жизнеспособности преобразований. Говорю об этом не ради самоутешения, а для практического уяснения реального положения дел.

Можно сказать, что перестройка стоит перед лицом испытаний на серьезность и основательность дел, их соответствие порожденным надеждам, на реальную осязаемость связанных с перестройкой реформ.

Из выступления на собрании партийного, советского и идеологического актива Литвы. Вильнюс. 12 августа 1988 г.

Последствия застойного времени еще продолжают свою разрушительную работу. Решать проблемы во сто раз труднее, чем создавать их. Возьмем жилищную. За предыдущие три пятилетки годовой ввод жилья в стране возрос всего на 7 процентов, за два первых года текущей пятилетки — на 15 процентов. Сдвиг очевидный, но именно здесь наиболее выпукло выявилась социальная слепота политики прошлого, степень ее пренебрежения к народу. Еще десятки миллионов советских людей нуждаются в жилье, хотя этот вопрос можно было решить давным-давно.

Возьмем другую — насыщение рынка потребительскими товарами. И здесь имеются сдвиги, но положение в целом не улучшилось. По данным специалистов по конъюнктуре рынка, товарно-денежное равновесие даже ухудшилось, да и покупатели это чувствуют. Дело в том, что как раз в последние три года подломились две опоры застойной экономики. Первая — это доходы от продажи водки. Вторая — импорт ширпотреба за счет продажи нефти и других природных ресурсов.

Так случилось, что как раз на застойные годы пришелся скачок цен на нефть. Страна в те годы получила дополнительно многие десятки миллиардов долларов. Но никто не скажет, что народ наш сильно разбогател от этого — фантастическая сумма ушла, как вода между пальцев, по существу, на покрытие бесхозяйственности, на поддержание негодной структуры производства. Насколько несостоятельна эта структура, проявилось особенно остро сейчас, когда мировые цены на нефть упали. Пришлось жестко экономить валюту, в том числе и на импорте ширпотреба. Вот так и вышло, что работаем несколько лучше, а на повседневной жизни это мало отражается.

Новые подходы нужны во всех сферах. Необходимо всю нашу экономику буквально просветить рентгеновскими лучами новых требований. Известны, скажем, меры по ускорению роста товаров, особенно продовольствия, и платных услуг. Но почему в борьбе за товарно-денежное равновесие надо ограничиваться одной стороной баланса? Здоровая экономика требует не только увеличивать поступление товаров на рынок, но и уменьшать давление на него необеспеченных денег. Для этого нужно поставить предел расточительству отраслевых министерств, расходующих средства на нехозрасчетной основе — средства бюджета, которые воспринимаются как ничьи.

Это особенно заметно в сфере капиталовложений. Начинаем много строек, которые не в силах довести до конца. Чтобы изжить это, надо смелее переводить капиталовложения на хозрас-

четную основу и жестче экономить средства бюджета. Кредит должен занять господствующие позиции. Поставить заслон всем видам расточительства — в интересах каждого советского человека.

А разве не можем активнее заниматься не только эффективностью производства, но и эффективностью распределения и потребления? Возьмем ту же торговлю. Ее работники почти сумели убедить, что очереди в магазинах, доводящие людей до иступления, объясняются исключительно дефицитом товаров и торговых помещений. Виноваты, дескать, промышленность, сельское хозяйство, строительство. Но люди же видят, что это неправда. Торговцы выстраивают очереди и за недефицитными товарами — или по недобросовестности, или намеренно. Охотно закрывают и наличные торговые площади — на ремонт, на учет и просто так. Не видно сдвигов в торговле и сейчас, когда она вроде бы перешла на новую систему хозяйствования. Раз покупатель изменений не видит, значит, это какая-то не та система, значит, для кого-то еще выгоднее очереди и дефициты, чем цивилизованная торговля. Значит, кто-то еще прячет старые ухватки за громкими возгласами о перестройке.

И еще один вопрос. Экономистам известно, что в текущей пятилетке условия воспроизводства сложнее, чем в предыдущей. Возможности роста занятости, расширения добычи дешевого сырья, строительство новых предприятий — все так называемые экстенсивные источники экономического развития именно с начала двенадцатой пятилетки пришли к минимальному уровню. И если бы степень эффективности общественного производства не изменилась, то не сохранились бы и те низкие темпы роста, какие были в прошлой пятилетке. Застойная экономика двигалась к тому, чтобы утратить способность не только к расширенному, но и к простому воспроизводству.

Перестройка остановила это сползание, пресекла ухудшение общей ситуации, происходившее примерно в течение пятнадцати лет. Но это еще не тот успех, какой нужен, хотя и появились обнадеживающие тенденции в развитии ряда пропорций. Замедлился рост ненужных запасов, который три пятилетки подряд омертвлял немалую часть национального дохода. Впервые сократилась общая численность занятых в материальном производстве. Больше стало работать людей в традиционно отстающих отраслях — в тех, где экономика обслуживает потребление.

Но так долго оставаться в состоянии неустойчивого равновесия, которое возникло в ходе противоборства сил обновления с силами застойной инерции, непозволительно. Нужно как можно быстрее задействовать дополнительные резервы, чтобы дать

экономике заметный импульс к ускоренному развитию. Неустойчивое равновесие тем и опасно, что оно неустойчиво. Может качнуться и назад, на некоторых участках это уже случается.

II

Что мешает нам сегодня больше, сильнее всего?

Это всепроникающий, всеприспосабливающийся бюрократизм. Привычка к жизни по инерции, к личной и общественной безответственности, безынициативности. Это порывы, остающиеся только в замыслах; решения, не выходящие за пределы бумаги; мысли, когда-то живые, но уже давно отлитые в догмы и замороженные в них. В те же завалы вплетено и универсальное «как бы чего не вышло» — формула иждивенческой мудрости.

В полной мере раскрепостить потенциальные возможности социализма, устранить все, что тормозит, сдерживает его развитие, — значит прежде всего понять, каким образом угодили мы в ловушку застоя, какие действия или бездействия затащили нас туда. Вот почему в процессе перестройки столь внимательно, придирчиво обращаемся к своему прошлому, стремимся узнать его полнее, по-настоящему разобраться в нем.

XX съезд КПСС осудил культ личности, но оставил почти нетронутым его наследие. Равно как и истоки, родившие культ, все, что его сохраняло и распространяло, что было им порождено в практике, в сознании, в душах людей. Именно потому, что культовая идеология как определенное общественное явление не была должным образом изучена, выявлена, наше общество оказалось впоследствии не подготовленным к тому, чтобы эффективно противодействовать его многообразным последствиям.

Сегодня жизнь остро поставила вопросы: как получилось, что именно передовое, честное, добросовестное в первую очередь становилось объектом репрессий? Как получилось, что нравственные ценности, рожденные революцией, были во многом утрачены, во многом девальвированы последующей практикой? В чем тут субъективная вина и ответственность, а в чем — проявления каких-то объективных процессов, далеко не полностью пока известных и понятых.

Только разобравшись во всем этом, мы выполним свой долг и перед первопроходцами социализма, его героями-труженниками и героями-защитниками, и перед потомками. Только в этом случае сможем предохранить себя от рецидивов культовой болезни. Ибо в основе командно-административной системы гнездится именно эта бацилла. Социально опасен зараженный ею человек, и чем

выше его положение в обществе, тем тяжелее могут оказаться последствия.

Какую бы сферу мы ни взяли — экономику, политическую систему, идеологию, культуру, национальные отношения, любую иную, — неминуемо наталкиваемся на завалы проблем, оставшихся от прошлого. Это наследие подобно тугому узлу, из которого торчит множество концов. Понятно, что рубить сплеча нельзя, надобно расчленивать. Только ликвидировав само основание культурных тенденций, сможем окончательно справиться с глубинными последствиями национальной драмы, которая постигла народ, революцию. Но это — гигантский труд, который потребует всей нашей воли, всех душевных и нравственных сил, колоссальной целеустремленности.

Потребность в знании и осознании всего прошлого в его взаимосвязях диктуется и нравственными причинами. Не снимая личной ответственности с каждого за его собственные слова и поступки, надо анализировать и социальные корни аморальности, безответственности, других антиобщественных тенденций. А корни эти — в историческом прошлом, в природе и устройстве старого мира, от которого ушли безвозвратно. Но и в нашем собственном прошлом тоже. Мы уже познали, что просчеты в социалистическом строительстве, извращения и отклонения, которые тут были, способны оживлять и даже развивать гены антигуманности.

Авторы некоторых статей и выступлений бьют тревогу, утверждая, что правдивая оценка прошлого разоружает молодежь, что гласность перехлестнула разумные пределы, что под ее прикрытием идет атака на принципы социализма.

Ни с практической, ни с политической, ни с моральной точек зрения нельзя оправдать попытки прятать голову в песок, уклоняться от анализа и мер, которые предохраняли бы от повторения трагедии прошлого. Если национальная драма была столь масштабной, если она затронула миллионы, длилась десятилетиями, то и последствия ее столь же масштабны, всепроникающи, продолжительны. И преодолеть их можно лишь осознанной и целеустремленной политикой.

Надо отчетливо представлять себе, что правда о прошлом — компас в будущее. Если не хватит мужества осмыслить пройденный путь, столкнемся со многими сложностями впереди. Заполнение «белых пятен» истории — тяжелая работа. Она требует чистых рук, бескомпромиссной нравственности, высокой научной объективности, она не приемлет суетливости. Историческая память многомерно сопряжена с нашими делами сегодня и надеждами на будущее.

Перестройка вернула народу политику. В. И. Ленин говорил, что политика начинается там, где действуют миллионы. Администрирование, командование оставляли миллионам лишь исполнительские функции. Перестройка аплодирует инициативе. Она признает и стимулирует множественность мнений, интересов, ищет пути и средства их оптимального выявления и учета. Все больше опирается на всколыхнувшееся общество, разбуженную совесть, инициативу и заинтересованность масс, их активную гражданскую позицию. Это и есть политический процесс.

Реконструкция политической системы советского общества, решение о чем принято XIX партконференцией, касается не только структуры органов власти, разделения функций или порядка выборов. Она означает и возрождение политического процесса в стране, без которого не заработают все эти хорошие и нужные нововведения.

Опыт трех лет убеждает неоспоримо: политическое обеспечение перестройки, новых форм и методов работы, каждого конкретного начинания и дела — необходимая, существенная, а во многих случаях и главная часть работы. Значит, надо учиться политике. Не просто демократии, культуре гласности, дискуссии, но и политике как особой сфере деятельности. Учитывать ее закономерности, ее правила и логику. Если перестройка измеряется делами, то эффективность ее политического обеспечения — реализмом оценок и зрелостью действий каждой партийной организации. Это и есть боевитость ее в современных условиях.

Демократизация, гласность, плюрализм мнений, нарождающееся многоголосие высветили и нерешенные стороны национальных отношений, которые накапливались, загонялись вглубь десятилетиями; но они же создали и необходимые условия для демократического преодоления этих недугов.

Сейчас начато всестороннее, с самым широким участием общественности осмысление всего комплекса этих проблем. Уже ясна необходимость обновить законодательство по этим вопросам, внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию СССР и конституции союзных и автономных республик. В конечном счете очевидна острая нужда в солидной правовой основе международных отношений.

Крайне вредоносной оказалась в наших условиях идея унификации всего и вся — экономики, архитектуры, форм и образа жизни и многого другого. Она сродни уравниловке, идет от того же бюрократического стремления к торжеству единообразия, униформы, одномыслия. А страна разнообразная, люди и народы в ней разные, и равенство их никак не сводимо к однообразию.

Напротив, именно унификация, делая всех внешне вроде бы равными, на деле задевает, оскорбляет всех без исключения, углубляет различия.

Человек от рождения принадлежит к определенной национальной общности. Отсюда желание переносить на национальную почву свое понимание социально-политического и культурного бытия. Это и понятно. Разъединить в человеке его социальную и национальную принадлежность невозможно, да и незачем. Кроме того, из исторической памяти нации не вычеркнешь страницы прошлых конфликтов. Перекосы и искажения социальной и национальной политики, допущенные в период культа личности, в годы застоя, накладываются на более отдаленное прошлое, способны реанимировать его.

Даже самая большая среди республик — Российская Федерация чувствует себя где-то ущемленной. Возьмите состояние социально-культурной сферы в колыбели России — Новгородской, Псковской, Владимирской, Ярославской, Калининской областях. Да и экономическое положение во многих регионах России вызывает серьезную озабоченность.

Много тут и идейно-теоретической путаницы. К примеру, бытует положение, что в нашей стране сформировалась новая историческая, социальная и интернациональная общность людей — советский народ. Уже здесь больше фразы, чем сути. Но в совокупности с тезисом о неизбежном слиянии наций это положение воспринимается как атака на национальное, попытка его нивелировки.

Говоря о слиянии наций, нередко ссылались на В. И. Ленина, хотя он писал о другом — о слиянии *интересов* наций в социалистическом обществе. Что же касается национальных и национально-государственных различий, то они, по мнению Ленина, будут держаться еще очень и очень долго. Да, пожалуй, и не следует заниматься пустым прожектерством в этом сложном и деликатном деле.

Болезненное восприятие некоторых экономических проблем тесно связано с противоречивым воздействием экономики на международные отношения. Это обстоятельство до сих пор игнорируется министерствами и ведомствами. Они порой недостаточно ответственно вторгаются в среду обитания народов, искусственно подталкивают миграционные процессы. Но можно ли считать адекватным ответом стремление к самонезависимости, к отрыву экономики той или иной республики от единого народнохозяйственного комплекса страны?

Надеюсь, не задену никого из присутствующих, если скажу: по меньшей мере странными выглядят в наше время призывы, сводящиеся, по существу, к созданию своего рода резерваций, к

изоляциизму в экономике и духовной жизни. Нереальность такой постановки — в противоречии ее всему нашему опыту, объективным тенденциям мирового развития в целом, в ее иррациональности, заведомо тупиковом варианте с точки зрения развития, прогресса, который она предлагает.

Человек формируется, вырастает, достигает высот труда и творчества не в отшельничестве, а в общении и взаимодействии с другими людьми. Так же и любой народ раскрывает свой потенциал, идет вперед лишь через сотрудничество и обмена с другими. А где созданы для этого лучшие исходные предпосылки, как не в нашем государстве — настоящей интернациональной вселенной?!

Другое дело — совершенствование такого сотрудничества, развитие его правовых основ, организационных форм. Утверждение большей самостоятельности всех его участников, взаимответственности. И конечно, равноправного, эквивалентного экономического обмена. На всех этих направлениях предстоит еще большая, напряженная работа.

В некоторых регионах особую остроту приобрела проблема национальных языков. Необходимо проявлять постоянную заботу об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни, поощрять изучение языка народа, именем которого названа республика, всеми гражданами других национальностей, постоянно проживающих в республике. Разумеется, это не должно противоречить ни демократическому принципу свободного выбора языка обучения, ни утвердившейся тенденции к развитию национально-русского двуязычия. Видимо, следует подготовить и вынести на широкое обсуждение проект союзного закона о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР.

Один из фактов нашего бытия — рост национального самосознания. Это закономерный процесс, но он никогда не идет гладко, он отражает, преломляет в себе все повороты реальной жизни. А под влиянием ее проблем и трудностей, особенно не решаемых, может принимать и болезненные формы. Именно в этих случаях и становятся возможными всплески несдерживаемых эмоций, выбросы в политику и общественную жизнь иррациональных начал.

И дело здесь не только в национальном самосознании как таковом, а в тех объективных первопричинах, что вызвали достаточно широкую и в основе своей законную неудовлетворенность людей. Это — явления разных уровней. Хотя бы потому, что национальное самосознание — лишь часть общественного сознания. И нормально эта часть развиваться может только вместе со здоровым развитием целого.

Общественное сознание сегодня отмечено критичностью подхода к действительности и собственным поступкам. Это — целевая направленность и для национального самосознания. Способность народа к самокритике есть свидетельство его духовной зрелости и свободы. Такой способности еще не хватает. Мы еще только на подступах к идеологии свободы и ее нравственно-му кодексу.

Сегодня хорошим тоном считается защита национального от внешнего воздействия. Но свидетельством национальной мудрости является защита от собственных недостатков, самоанализ и самопознание. Сводится ли национальное самосознание только к гордости принадлежностью к той или иной нации? Не встать бы нам на путь соревнования по части гордости. Не подчинить бы разум иррациональным чувствам. Думаю, ни один аспект жизни — и общественной, и индивидуальной — не может быть отдан только чувствам. Где выключен разум — там выключена ответственность.

XIX конференция КПСС с большой силой высказалась за интернациональное социалистическое братство народов. Речь, по существу, идет об интернационализме не только как политической, но и как нравственной категории, общенациональной и общечеловеческой ценности. Именно на этой высоте стоят такие человеческие проявления, как братство, доброта, открытость, порядочность, способность понять и прийти на помощь, терпимость, чувство общности судьбы, совместной ответственности за будущее.

По общечеловеческой шкале ценностей альтруизму извечно отдастся предпочтение перед эгоизмом — индивидуальным или групповым.

IV

Весь мир идет сегодня к целостности, все большей взаимозависимости. Надо ли говорить, что этот процесс мучительно сложен, драматичен, противоречив. Но тенденция именно такова. Сегодня необычайно возросло в цене мужество ответственности не только за себя, за свой народ, но за судьбу человеческого сообщества, за мир в его общности. Это поднимает значимость интернационализма, пионерами которого в XIX веке выступили именно коммунисты. Причем в период, когда капитализм забаррикадировался в национальных квартирах. Сегодня интернационализация охватила всю планету, все общественные системы, экономику, науку и экологию.

Осуществляя перестройку, невозможно не соотносить ее с процессами, происходящими в мире. И дело не только в том, что

наше внутреннее развитие непосредственно связано с положением в мире или что не устранены пока угрозы ядерной катастрофы, гонки вооружений, конфронтации.

Корень вопроса в том, что социализм родился и развивался на самом остром этапе теории и практики цивилизации в целом. Научный социализм как теория — это итог осмысления всего досоциалистического пути человечества, всего его опыта. Социализм как практика — это наука и искусство на деле учитывать новейшие тенденции в экономике, политике, науке, культуре — и у себя дома, и за рубежом.

Сейчас, когда социализм изготовился к радикальному самобновлению, когда закладываются новые основы жизни на десятилетия вперед, мы снова обращаемся к теории и практике мирового развития, теперь уже и социалистического и несоциалистического. Обращаемся для того, чтобы представить себе, каким будет этот мир в предвидимом будущем, какие задачи перед нами он поставит, возможности откроет, по каким критериям выйдет равняться в различных сферах жизни, какие угрозы может создать.

Что наиболее важно для нас в этой связи?

Прежде всего, новое осмысление высших идеалов и ценностей социализма применительно к особенностям современности. Освобождение человека труда от господства частной собственности неизбежно должно начинаться с освобождения его от всех видов эксплуатации и угнетения. Это — аксиома. Но это — лишь первый шаг к превращению цивилизации в подлинное царство людей труда. На собственном опыте мы теперь видим, понимаем, как много других шагов должно быть сделано, сколь многое предстоит осуществить, чтобы действительно прийти к обществу социальной справедливости.

Видим и то, что движение к такому идеалу не одномоментно. Представления о мировой революции как о чем-то сильно сконцентрированном во времени, равно как и аналогичные представления о легкости и автоматизме последующего движения к социализму, доказали свою утопичность, несостоятельность. Попытки спрямить исторический путь, продиктованные, возможно, и самыми лучшими намерениями, оплачены очень дорого.

Переход к социализму даже в масштабах отдельно взятой страны — это длительный исторический процесс, в котором есть свои закономерности и этапы. Тем самым ставится задача поисков оптимальных средств и форм прохождения этого процесса, наиболее адекватной политики. А ее решение требует осознания того, что не только конечная цель движения, но и средства, методы должны отвечать принципам социализма, не вступать ввольное или невольное противоречие с конечной целью.

Предотвращение ядерной угрозы, разоружение во имя мира, доверия и сотрудничества, во имя безопасности и выживания человечества — задача задач современности. Но если мыслить историческими категориями — это лишь самая первая, самая необходимая предпосылка для того, чтобы люди смогли приступить к справедливому, демократическому, рациональному решению других своих проблем. Накормить голодающих. Сохранить природу планеты. Разумно распорядиться далеко не бесконечными ресурсами Земли. Подготовить и осуществить ширококомандный хозяйственный выход человечества в Мировой океан и в космос.

Общечеловеческие интересы — не абстрактная категория, выведенная умозрительно в кабинетной отрешенности мыслителя. В наше время, когда вся планета, кажется, сжалась до небывало малой величины, когда судьба и история человечества могут быть прерваны нажатием кнопок, когда любое событие становится достоянием 5 миллиардов человек за несколько часов, — в наше время общечеловеческие интересы обрели плоть и кровь.

Это действительно интересы всего человечества. А значит, и наши тоже, ибо мы — часть человечества и один из важнейших факторов его социального прогресса. Интересы объединяющие, а значит, способные преодолеть силы разъединения, противостояния, конфронтации, войны, которые уже значительно задержали развитие цивилизации.

Тезис о приоритете общечеловеческих ценностей тем и ценен, что схватывает объективную тенденцию развития. Зовет к отказу от догматического видения мира, своей страны, каждой национальной ячейки. Он помогает реально и здраво взглянуть на идею сосуществования стран с различными политическими устройствами как на диктат истории. Нам памятен тезис Маркса, что конечные цели борьбы пролетариата совпадают с задачами развития мировой цивилизации.

Освобождение человека и человечества от всех видов эксплуатации и угнетения, борьба против ядерной угрозы, за спасение цивилизации, активное включение социализма в решение других общечеловеческих, глобальных проблем — задачи не разные и тем более не противостоящие, а дополняющие друг друга. Это лишь разные грани, разные составные части, разные аспекты одного и того же пути — свободы и прогресса народов.

Думаю, что теоретические прорывы последних лет позволят нам поднять на более высокий уровень не только наше понимание диалектики общечеловеческого и классового, но и динамики интернационального и национального.

Национализм начинается тогда, когда интересы своего народа или нации противопоставляются интересам других, когда ограничиваются или разрываются духовные связи между ними.

Национализм не только слеп, он антигуманен. Он ищет врагов, а не друзей, конфронтирует, а не объединяет, игнорирует общечеловеческие ценности.

Если говорить о нашей стране, то слишком многое связывает наши народы, их историю и современность, экономику и культуру, чтобы национальное самосознание переросло в национальный эгоизм, чтобы естественные связи перестали ощущаться людьми как ценность. Наоборот, изживание бюрократически-командного стиля руководства, невежества и равнодушия на пути обновления общества приведет к укреплению социалистического единства наций и народностей. От общих бед можно освободиться только сообща. Если поодиночке, то тупик обеспечен, неизбежен.

Истинный патриотизм деятелен и зряч. Он не приемлет националистических и шовинистических спекуляций. Осознанная любовь к своему народу несовместима с враждой и предубежденностью к другим народам и культурам, попыткам унизить их честь и достоинство. Расцвет нации предполагает творческое освоение всего лучшего, что выработано человечеством, и способность предложить другим все ценное из собственного опыта. Иначе говоря, истинный патриотизм всегда ведет к интернационализму, служению общечеловеческим интересам.

Задача состоит в том, чтобы любые объективно обусловленные движения в социалистическом обществе приобретали созидательный характер. Национальный фактор может и должен стать еще одной движущей силой перестройки. Для этого надо научиться верно оценивать национальные чувства, не оставлять рост национального самосознания на произвол судьбы, не впадать в неоправданную суетливость в оценках.

Думаю, нелишне напомнить слова замечательного поэта, классика советской литературы Эдуардаса Межелайтиса: «Изолироваться опасно и отдельному человеку, и народу. Можно еще добавить: и большому, и маленькому человеку, и большому, и маленькому народу. Всем одинаково опасно, всем угрожает духовное малокровие. Дух получает мало пищи, нечем подкреплять его, и он начинает задыхаться, как рыба под толстым слоем льда, где не хватает кислорода. Кислород, культурный кислород необходим духу».

V

Перестройка развивает социализм не с помощью административных обручей, набиваемых на бурно растущее общество, а только путем целеустремленного, взвешенного, последовательного раскрытия всех возможностей для проявления инициативы и творчества народа. Это предполагает возвращение

к лепническому идеалу социализма, к его подлинно демократическому и гуманистическому облику, очищение от всех деформаций и искажений прошлого. А также движение вперед, из XX века в XXI век, а не в фантазмагорическое прошлое. Одним словом — раскрытие истинного социализма, возвращение ему самодвижущей энергии, революционной инициативы, силы исторического примера.

Одно из важнейших направлений возрождения социалистического идеала и одновременно придания внутренней энергии застоявшемуся общественному организму — возвращение к Человеку. К Человеку «как цели, а не средству», говорил Маркс. По существу, это значит восстановить доверие к здравому смыслу человека.

Человек — общественное богатство, его опора. И когда он не реализует себя, не проявляет интереса к общественно полезной деятельности, общество обязано задаться вопросом, почему это происходит, но предъявить требования и к самому человеку.

Отсюда — потребность в решительной демократизации жизни общества; создание системы народовластия; развитие широкой гласности в деятельности управленческого механизма; воспитание политической и правовой культуры общества, уважения и терпимости к чужому мнению и иной мысли, запрет на запрещение, поощрение мысли и таланта и различных форм их состязания, сопоставления, дискуссии при одном-единственном условии — нацеленности на общее благо и на общественный прогресс.

Нужно отрешиться от мысли о безусловном примате государства над правом, от «абсолютизации» государства, которое будто бы дарует права народу. Надо изживать эту патерналистскую психологию, которая деформировала правосознание, ущемляет достоинство человека, культивирует далеко не лучшие его качества.

Полноправный народ, авторитетная власть и непреклонный закон — несущие опоры правового общества.

Правовое общество — это общество, в котором разрешено все, что не запрещено законом. Однако эта формула может безусловно работать лишь при нескольких условиях.

Во-первых, она предполагает наличие разветвленной и продуманной системы законов, адекватной требованиям общественно-го развития. Важно, чтобы процесс совершенствования законодательства в целях демократизации общества сам был демократическим и гласным.

Во-вторых, необходимо добиться, чтобы принятые законы на деле работали. Закон, который не нужен или который принят, но не проводится в жизнь, воспитывает пренебрежение к законности

и праву как таковым. Создает представление о возможности безнаказанно манипулировать ими. Законы-саботажники — первые противники законности.

Нельзя противопоставлять свободу и дисциплину, демократию и законность — дескать, либо одно, либо другое. Цивилизованное правовое общество не приемлет такого противопоставления. Нет дисциплины — не будет и свободы, свобода одного обернется ущемлением другого, разнuzданностью. Но нет свободы — не будет и осознанной дисциплины.

Надо задуматься, от чего идут попытки поставить знак равенства между свободой и вседозволенностью. Причин тут может быть немало. Вероятнее всего, истоки их — в неопытности, незнании, элементарной неинформированности. Часто ли человек, приходя в магазин, пользуясь услугами, обращаясь в суд, государственные органы, или даже на своем рабочем месте, имеет твердые представления о своих конкретных — подчеркиваю, не вообще, а именно конкретных правах и обязанностях? О том, что ему безусловно положено, что сам делать безусловно обязан, а что противозаконно?

Убежден — далеко не всегда. Именно такое незнание и оборачивается подчас вседозволенностью — как со стороны властей, так и граждан. Немало идет здесь и от определенных традиций, далеко не всегда, скажем так, благоприятствовавших утверждению норм демократизма, терпимости в общественной психологии.

Ответом здесь — только понимание, что демократия не вводится декретом. Демократизация — длительный процесс, путь, которым предстоит идти многие и многие десятилетия. И первые неудачи, трудности на нем сопоставимы с первыми шагами ребенка. Плоха та мать, которая не следит за тем, как пошло ее дитя. Но едва ли не хуже та, что, опасаясь синяков и шишек, вообще не выпускает ребенка из коляски.

VI

Революционная перестройка невозможна без всемерной активизации интеллектуального, духовного потенциала общества, без многообразия поисков и художественного постижения истины, состязательности, новаторства и преемственности, роста общей и политической культуры народа.

Перестройка началась как интеллектуальный прорыв. Он был бы невозможен без опоры на подвижническую деятельность граждански мыслящей части интеллигенции. Все те, кто вынашивал идеи перестройки в застойные годы, кто сопротивлялся стагнации, все они воспитаны революцией, социализмом, партией.

Недоверие к интеллигенции, презумпция ее виновности — это как раз то наследство, от которого мы отказываемся. Здесь можно было бы сказать о многом.

О том, что, пожалуй, с Даниила Заточника, а может быть, и раньше, книжники и грамотеи всегда тяготели к демократии, а потому и были в раздоре с антидемократическими властями. О традиционных связях интеллигенции с революционными движениями. Об особом чутье интеллигенции к новому, но и склонности фетишизировать собственные взгляды. О ее мужестве, но и способности «впадать в интеллигентское малодушие и интеллигентскую нервозность», как о том говорил русский интеллигент В. И. Ленин.

Общеизвестно, что интеллигенция — выразитель самосознания народа. Но не только выразитель, а в значительной мере архитектор этого самосознания, чистилище нации и уста нации. Но велика роль — велика и ответственность.

В страстных спорах, в создании многочисленных проектов истина порой мечется между мыслью и чувством, а реальность возможностей уходит на второй план, уступая место дерзости намерений. Обаяние атмосферы революционного обновления, темперамент волеизъявления и его новые формы порой словно бы отесняют реализм народного мышления, обесценивают природный здравый смысл. Хотя известно, что именно реализм целей и замыслов есть одна из гарантий их осуществления. Все находится в сложном переплетении.

В интеллектуальной среде есть и консервативно-охранительные настроения, есть и легковесный авангардизм. Есть и споры между ними, что естественно. Однако характер этих споров порой напоминает междоусобную борьбу, столкновение групповых интересов и личных амбиций. Непримируемость разоблачений и болезненность реакции свойственна многим действующим лицам нынешней драмы. Хотя как раз от деятелей культуры и ждут примера нравственности в спорах. Народ особенно верит тем, у кого проповеди совпадают с поступками.

Много сегодня говорится и печатается такого, что разжигает страсти, вселяет подозрительность. А читают миллионы, волея-цеволей принуждаемые стать на ту или иную сторону, разделиться и схлестнуться на ристалище чужих тщеславий.

Кому это выгодно? Перестройке? Самой интеллигенции? Гуманному облику социализма? Конечно, речь идет не о том, чтобы проявлять безразличие к позициям. Культура дискуссий вовсе не означает уклонения от анализа взглядов оппонента, однако исключает стремление унижить его, ущемить достоинство личности, превратить творческую полемику в серию судилищ.

Нельзя уходить от главного. Цель дискуссий — коллективный поиск ответов на вопросы, поставленные перестройкой, умение убедить, повести за собой. Это всегда считалось достоинством политического и интеллектуального авангарда. Но при этом не стоит забывать о святом чувстве товарищества. Вспомним В. И. Ленина. Вот его позиция: «Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласным-лящим»¹.

Сейчас, когда перестройка дала мощный выброс новых идей, надо поднять планку дискуссий на такой уровень, где энергия преодоления оказалась бы сильнее инерции разъединения. Социалистический плюрализм мнений — это уважительное сопоставление и честный спор, это борьба идей, а не шельмование людей.

Свобода интеллектуальной деятельности — завоевание перестройки. Активное вторжение интеллигенции в общественные дискуссии, в формирование социальных проектов и политических решений — истинное приобретение. Социализм не может быть неинтеллектуален, если по-другому — это не социализм. Свобода духовных исканий во имя духовного обогащения народа — вот цель, ради которой только и стоит творить.

На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК говорилось: без культуры, вне культуры социализма нет. Духовно неразбуженный человек, культурно ограниченный руководитель — слабые помощники перестройки. Технократизм в политике и экономике больно ударил не только по экологии, но и по культуре. Особенно он неприемлем сегодня, когда меняются функции партии, когда она призвана прежде всего оказывать духовное воздействие, идейное влияние, как и подобает политическому авангарду.

Героиня перестройки — гласность. Она продолжает играть роль ударной силы. Будит общественное сознание, рушит бастионы догматизма и консерватизма, теснит социальную отчужденность и апатию, делает интереснее и богаче духовную жизнь. Гласность проникла в поры хозяйственного и общественного организма, распахнула ворота в историю, стала нервом общества, трибуной широкого общественного мнения. Она дает наиболее осязаемый слепок того, что происходит в обществе.

Правофланговыми гласности являются средства массовой информации. Разумеется, не ко всем газетам, передачам, журналам это относится в равной мере. Тем не менее остается фактом, что пресса зачерпнула глубоко. Она обнажила столь острые, столь злободневные вопросы, затронула в душах людей такие струны, что все это самым непосредственным образом сказалось

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 297.

на социальном самочувствии общества. Общества, в котором бушуют страсти, идет борьба мнений, сопоставление позиций. Неудивительно, что наряду с высокой оценкой в адрес средств массовой информации звучат и резкие критические замечания.

Происходит, однако, то, без чего демократия, социалистический плюрализм мнений не могут быть полнокровными: массивному испытанию гласностью подвергаются и сами ее активные сторонники. Действительно, отдельные авторы и редакторы не сумели избежать искажения фактов, скоропалительности и неточности в оценках, ничем не оправданного посягательства на достоинство людей. Это и породило пастороженность, упреки в амбициях. Некоторые статьи и выводы, которым недостает ответственности, пугающие оценки, гипертрофированные суждения дают дополнительные поводы для критики, не согласиться с которой просто невозможно.

Но справедливо, конечно, и другое. Во многих случаях негативное отношение к средствам массовой информации отражает не столько их действительные или мнимые прегрешения, сколько неприятие критикующими самой гласности, питается еще не преодоленным консерватизмом мышления, ностальгией по уходящему. В различных слоях общества по-прежнему немало людей, кто не умеет и не хочет жить в условиях открытости, кто под видом критики ошибок журналистов пытается отвергнуть гласность, поставить вне критики себя. Семена гласности падают порой на неподготовленную почву неразвитого демократического сознания, да и просто страха.

Гласность будет тем прочнее и действеннее, чем скорее станет достоянием не только органов печати. Гласными обязаны быть все, она должна стать неотъемлемой частью жизни каждого трудового коллектива, каждой партийной организации. Если жизнь идет по законам и морали социалистического общества, то бояться гласности нет причин.

Речь идет о том, чтобы пресса стала подлинной выразительницей общественного сознания, или, как говорил К. Маркс, «откровенной исповедью народа перед самим собой», «духовным зеркалом, в котором народ видит самого себя». Это предполагает ее открытость, создание режима наибольшего благоприятствования для высказываний различных точек зрения, выявления широкого спектра настроений и проблем.

Конкретные дела определяют судьбу перестройки, а значит, и судьбу страны. Все они важны, от каждого пойдет незримый, но осязаемый след в грядущее, в то, какой станет наша жизнь, какими станем мы сами. Социализму жить и развиваться. И мы обязаны действовать как рачительные, зрелые хозяева, с думой и о завтрашнем и о послепослезавтрашнем дне.

ЧЕРЕЗ ОБНОВЛЕНИЕ — К НОВОМУ КАЧЕСТВУ

Вопрос. Как вы оцениваете результаты, достигнутые до сих пор в перестройке?

Ответ. Во-первых, есть практический опыт революционного обновления. Есть первые результаты. Есть, к сожалению, и просчеты. Какие-то шаги были сделаны не столь своевременно, как это было нужно. Сегодня говорим о перестройке как о возрождении ленинского подхода к теории и практике социализма. Верша перестройку, преодолеваем — и в умах, и в повседневных делах — последствия худшего вида ревизионизма — ревизионизма мертвящей догмы, обвенчанного с бюрократизмом, авторитарным мышлением, с различными формами обезличенного, отчуждающего принуждения.

Во-вторых, сегодня яснее понимаем, что для движения общества вперед необходимо соединение личных усилий, личной ответственности, личных качеств человека с такими общественными условиями, которые стимулируют прогресс социалистической цивилизации. В теоретическом плане мысль эта — одна из основополагающих для коммунистического учения. Однако каждому новому поколению приходится самому решать эту задачу, учитывая изменяющиеся условия, степень самопознания общества и отдельной личности.

Вопрос. Какую роль в процессе перестройки играет идеологическая работа? Каково значение познания и опыта как основы новых действий?

Ответ. Иногда утверждают, будто строительство социалистического общества сегодня уже не требует новых теоретических продвижений. Достаточно руководствоваться выводами классиков, на основе их принимать практические решения —

Из интервью венгерской газете «Непсабдашаг» 12 ноября 1988 г.

и дело пойдет почти автоматически, ибо социалистический идеал находит свое осуществление в гармонии теоретического и практического.

Но история безжалостна. Она объективно отвергает решения, основанные только на субъективных желаниях, хотя зачастую и преследующих благородные цели. Например, целый ряд разумных, весьма передовых для своего времени решений, принятых за последние 30 лет, представляют сегодня лишь архивную ценность. За это время сменили друг друга практически два поколения партийных, советских, хозяйственных руководителей, большинство которых — честные коммунисты и хорошие специалисты. А негативные тенденции в экономике, обществе продолжали накапливаться и углубляться.

Закономерен вопрос: вправе ли мы, имея такой опыт, списывать все прошлые и нынешние трудности, неудачи, проблемы и тому подобное только на субъективный фактор, на чью-то неподготовленность или злонамеренность? Или обязаны сделать вывод, что сегодняшнее положение — совокупный итог действия как субъективных моментов, так и объективных причин, в том числе и таких, какие мы в прошлом не видели, не осознавали в полной мере? Полагать, будто марксизмом-ленинизмом уже сказано последнее слово по всем вопросам и дело теперь только за практикой, значило бы превращать его в карикатуру, обречь практику, а в конечном счете и само учение на череду провалов, выхолащивать из теории и практики социализма самое главное — диалектику. Обновление социализма не в том, чтобы отбросить вообще все старое — прежние оценки, выводы, представления, формы и методы работы — и придумать нечто новое. Новое в процессе перестройки — не самоцель. Оно необходимо лишь там и в той мере, в какой этого требуют изменяющиеся внутренние и внешние условия социалистического строительства.

Только сейчас, к исходу четвертого года перестройки, когда шоры догматизма и схоластики теряют свою непроницаемость, начинаем по-настоящему видеть и осознавать, сколь глубокая ревизия самой сути ленинизма была предпринята Сталиным еще на старте 30-х годов, закреплена в его последующей практике, а потом перекинулась как пожар и на новейшее время.

Вопрос. Как можно обобщить суть упомянутой вами сталинской ревизии ленинизма?

Ответ. Обозначу лишь основные моменты этой ревизии. Они, по сути, в том, что во всех сферах жизни, на всех направлениях политики и партийной работы был взят курс на принудительные формы утверждения нового. На формы, которые

породили командно-административные методы и закрепляющие их организационные структуры.

Демократия была подменена политикой, вытекающей из концепции непрерывно обостряющейся классовой борьбы. Развитие социалистических экономических отношений, создание социалистического рынка и ассоциации свободных производителей — мерами огосударствления всего и вся, насильственной коллективизацией. Политическая работа, обращение к мыслям и чувствам людей, пробуждение и стимулирование в них самостоятельности, предприимчивости — командами, бюрократизмом, репрессиями.

Наваждение продолжалось долго — полвека. Еще и сегодня мы платим по его счетам. Во многом будем платить по ним и завтра, и послезавтра. Последствия тяжелы, они затронули глубинные основания общества.

Сегодня это наваждение постепенно проходит, устраняются его последствия, общественное сознание поворачивается к первоисточнику ленинской мысли, социалистическим ценностям, общечеловеческой нравственности и гуманизму. В этом — важнейший принцип перестройки, ее необратимый духовный результат. Одно лишь это отдает перестройке достойное место в истории борьбы человечества за прогресс, за социальное освобождение, за человеческое в человеке.

Перестройка дала советскому обществу и другое — атмосферу демократизма, гласности, свободомыслия, творчества, в которой только и можно созидать настоящее и двигаться к достойному будущему. Конечно, непросто преодолеть тяжелейший груз равнодушия, безмыслия, да и социально безнаказанной человеческой лени. То, что формировалось на протяжении поколений — а у нас есть тут и негативное историческое наследие, восходящее не только к Сталину, но и к Ивану Грозному, Чингисхану, Византийской империи, — все это не изменить за считанные годы.

Один из результатов перестройки и в то же время фактор ее развития — широкая общественная дискуссия. В центре ее — пути достижения целей перестройки, их соотношение и взаимосвязи с теми привычными методами и формами, которые переживают сейчас кризис. Эта дискуссия имеет также воспитательное, самообразовательное значение, способствует демократическому осмыслению общественного опыта.

Вопрос. Что понуждает вас к такому реалистическому методу мышления?

Ответ. Реализм предполагает, как минимум, две вещи. Это, во-первых, четкое представление о трудностях, с которыми сталкиваются преобразования. И во-вторых, наличие ясной, понятной

программы действий и на стратегическом и на тактическом уровнях.

Перестройка затрагивает неисчислимое количество интересов людей, коллективов, социальных групп, территориальных образований. Спротивление разнородное — и от инерции идущее, и от сложности в переделке привычек, психологии людей, и от многого другого. В том числе и вполне осознанное сопротивление.

Вопрос. Какова общественная база этого сопротивления? Можно было бы поставить вопрос и так: много ли андреевых в Советском Союзе?

Ответ. Я бы не переводил вопрос на уровень личностей, ибо это упрощает проблему. Было бы очень легко ее решить, если бы можно было пересчитать: один, два, три, четыре, пять. Вы, возможно, заметили, что в ответе «Правды» на статью в «Советской России» имя автора даже не упомянуто. Только потом начали все сводить к имени. А проблема значительно серьезнее.

Закономерно ли сопротивление? Я бы на это ответил так: не бывает движения без сопротивления. Потому что в каждом движении, в каждом социальном организме при переходе его к новому качеству остается масса привычек, взглядов, реальных интересов, которые отстаивают себя. Если экономические интересы отстаиваются осознанно, то психологические привычки отстаиваются не всегда осознанно и тем более не обязательно со злонамеренной мыслью.

Перестройка не должна разделять людей, когда они оказываются по разные стороны. Человеку приходится преодолевать внутренние противоречия, он еще несет прошлое, но хочет честно взглянуть и в будущее. Не считаю себя вправе кого-то в чем-то обвинять. У меня не вызывают раздражения люди, отстаивающие позиции, с которыми я не согласен, если за этим не кроется корысть. Другой разговор, когда за якобы мировоззренческой позицией кроется пошлый амбициозный интерес. Возмущает, когда человек, допустим, говорит, что идеалы рушатся, мораль размывается, а копни этого оракула поглубже — там личный интерес, амбиция обидевшегося лакея, карьериста. В общем-то вопрос этот сложный, неоднозначный. И когда кто-то пытается свести дело к именам, мне лично это говорит о нежелании познать истину.

Но из всей сложной гаммы общественных настроений, отношений, реакций в качестве наиболее серьезной помехи перестройке, нормальной общественной жизни вообще надо выделить экстремизм — неважно, левый или правый. Он опасен своей демагогичностью, амбициозностью, эгоизмом, демонстративным пренебрежением интересами общества. Экстремизм — не только

и не просто носитель анархии, презрения к праву и демократии, попрание законных прав, свобод и интересов других людей. Он во все времена объективно оказывался марионеткой, орудием в руках консерватизма и реакции.

Вопрос. До сих пор речь шла о процессах, изменениях внутри СССР. Каким видите вы их влияние на международную жизнь, и в первую очередь на мир социализма?

Ответ. Было бы неверно усматривать международное значение перестройки в каком-то призыве к другим следовать нашему опыту, перенимать рожденные перестройкой формы и методы общественного развития.

Вызывает, конечно, удовлетворение, когда братские партии разделяют наши подходы, но ставить тут точку нельзя. Мировой социализм действительно переживает период глубокого обновления, пытается преодолеть кризисные явления. И это — то общее, что, по моему убеждению, объективно присуще сейчас социализму в целом, что должно объединять социалистические страны. Общее — и в сущности этого обновления. Но немало и различий.

Вопрос. Очевидно, различное восприятие перестройки и в отдельных социалистических странах связано также и с этими отличиями. Каков ваш взгляд на это?

Ответ. Смотрю как на нормальное явление. Если уж говорим, что каждая страна имеет право на свой социальный выбор, на свое решение, то логично предположить, что возможно и разное отношение к действиям другой страны и политике другой партии. И я не вижу тут ничего ни страшного, ни особенного, ни угрожающего. Это естественно.

Сегодня мы острее и лучше понимаем проблему многообразия, осознаем его настоятельную необходимость. В этом, между прочим, состоит одно из важных международных значений перестройки. Не механический перенос форм и методов из одной страны в другую, а инициативная, самостоятельная, ответственная работа каждого — при внимании к опыту друг друга, настоящим его изучении, заинтересованном использовании в меру необходимости и здравого смысла — вот что отличает сейчас сотрудничество наших стран и партий.

Вопрос. Разрешите в этой связи задать два взаимосвязанных вопроса. Что характерно сегодня для отношений КПСС с другими братскими партиями, течениями в коммунистическом и рабочем движении? Кроме того, что означает сегодня — с учетом накопленного опыта — понятие единства?

Ответ. Что касается отношений КПСС с другими братскими партиями, то я думаю, главное здесь — это равенство. Наш взгляд на эти отношения такой: мы приветствовали бы любой поиск, который ведет к укреплению позиций прогрессивных сил в данном обществе. Причем не искусственным путем, а органичным, через анализ состояния общества, через противоречия, через состязательность программ созидательной деятельности.

Что касается второй части вопроса относительно единства мирового социализма — как и единства отдельно взятой страны, — то оно должно вырастать ныне на новой базе, формироваться на качественно более высоком уровне. Единство ценностей, идеалов, долговременных устремлений, а не частных методов, промежуточных ориентиров. Единство духовного родства, а не механического воспроизведения. Мы имеем в виду такое единство, которое не только допускает, но и предполагает, требует уважения к самостоятельности, своеобразию, суверенности, достоинству и особенностям каждого народа, каждого государства.

Именно на таких основах строятся сейчас отношения между нашими странами. В них еще сильнее должны действовать очищенные от формализма принципы полного равенства, невмешательства, ответственности каждой партии перед своим народом, взаимной товарищеской солидарности и поддержки.

Вопрос. Вы неоднократно говорили о том, что перестройка неотделима от нового политического мышления. Близок к завершению 1988 год. В чем вы видите первые действительные результаты нового политического мышления?

Ответ. 1988 год отмечен в международных делах вехами принципиального значения. И прежде всего — практическим началом процесса разоружения, который должен крепнуть, чтобы стать мощным ускорителем формирования цивилизованных отношений между государствами. Следует подчеркнуть, что новое политическое мышление является именно живым мышлением, а не рефлекторным действием на основе вековых привычек или же новейших стереотипов. Сейчас, когда первые сдвиги к лучшему в международных делах обрели осязаемость, не должно быть остановки, паузы в позитивных процессах.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПЕРЕСТРОЙКИ

Советское общество совершает самую сложную из революций — революцию в сознании. Можно встретить весь спектр отношения к перестройке — от ее горячих и нетерпеливых поклонников, от людей, видящих в ней дело жизни, до скептиков, недоброжелателей и даже противников.

О чем больше всего дискутируют сегодня в КПСС, в советском обществе? О базовых принципах социализма: социальном выборе, собственности, демократии и гласности, народовластии, о политической роли партии. О подлинном содержании этих принципов. О том, как на деле, не выдавая желаемое за действительное, не втискивая жизнь в прокрустово ложе неудовлетворенных амбиций, строить жизнь по этим принципам. Тем самым ставится проблема нравственного не только в жизни, но и в политике. Нравственное, гуманистическое это и значит сегодня социалистическое. Без учета нравственного начала не понять ни истоков, ни целей, ни хода перестройки.

Спора о том, нужен ли социализм, нет. Социалистический выбор сделан не по воле случая. Он осознан и целенаправлен. Оплачен весьма дорого. Социалистические идеалы и ценности стали нравственными устоями, они вошли в быт и психологию. И сегодняшние «перестроечные» споры идут уже о том, каким хотим мы видеть и строить дальше социалистическое общество.

Перестройка не диктуется желанием непременно блеснуть новизной, обязательно отличной от прошлого. Она пришла из жизни, из потребностей общества, из необходимости на деле преодолеть отчуждение человека от процессов производства, распределения, власти, творчества. Сломать тут искусственные препятствия, рожденные неправомерной или ошибочной практикой, разобраться в глубинном смысле явлений и соответственно строить

В основе статьи выступление в Высшей партийной школе ЦК КПЧ. Прага. 15 ноября 1988 г. Текст выступления опубликован в газете «Руде право» 16 ноября 1988 г., а также в журнале «Проблемы мира и социализма» № 2, 1989 г.

политику, стимулировать, развивать в самом человеке стремление и способности к активной, духовно насыщенной жизни — вот смысл обновления социализма.

Теоретический арсенал перестройки, образующие ее идеи вызревали в обществе долго, трудно, не одно десятилетие. Тем мощнее они входят ныне в политику, в жизнь.

1. НОВОЕ КАЧЕСТВО МЫШЛЕНИЯ

Перестройка началась с необходимости вывести страну из застоя, ускорить ее социально-экономическое развитие. Эти задачи и сейчас перед нами. Но глубокий, всесторонний анализ сформировал новое, более масштабное понимание первопричины перестройки. Приходит осознание, что по своему историческому месту и значению перестройка выходит далеко за рамки утилитарных задач. Она — начало нового, объективно обусловленного этапа в развитии социализма, введение к его новому качеству.

Опыт социалистических преобразований впервые дал возможность увидеть наиболее глубокий механизм сохранения и развития социальной жизни, отделить подлинные основания и законы социального бытия людей от мнимых. Благодаря накопленному мировым социализмом опыту стало возможным увидеть единство, диалектическую общность в том, что раньше казалось принципиально несоединимым, антагонистическим по природе.

Во-первых, уходят, и закономерно, наивно-романтические представления о способности социализма развиваться автоматически и только по восходящей, за счет лишь того, что социализм — строй формационно передовой. Ныне уже очевидно, что и в условиях социализма при определенных обстоятельствах общество может постигнуть застой и даже скольжение вспять.

Во-вторых, в современном советском обществе изжили себя использованные на более ранних этапах многие формы организации труда, быта, управления, всей жизни общества. Притом не только откровенно извращенные, но и многие нормальные. Однако нормальные и законные для промышленно отсталого, бедного, малообразованного общества. И признание этого — не сомнение по адресу социализма и его возможностей, а понимание той истины, что социализм, будучи обществом творческого саморазвития, в окаменелых формах существовать не может.

В-третьих, можно и нужно говорить о кризисе технократического, механического подхода к преобразованию общественной жизни, при котором развитие базиса превращается из средства в самоцель. При котором существует и господствует достаточно

стойкое антимарксистское убеждение, будто общественную жизнь, ее формы можно кроить по произволу и насильственными способами.

В-четвертых, выявилась противоестественность убеждения, будто прочность строящегося определяется прежде всего масштабами предварительной разрушительной работы. Социализм — это расцвет человека и цивилизации на материальных и духовных достижениях предшествующих поколений, а не создание форм жизни заново на руинах или в пустыне.

Веками наиболее выдающиеся гуманисты призывали к самосовершенствованию человека. Сегодня в рамках перестройки на сугубо практической основе возникает одновременно и цель, и вопрос: как сделать, чтобы все общественные институты — экономика, социальная сфера, наука, образование работали на самосовершенствование человека и общества. Чтобы они максимально вознаграждали за труд, поиск, талант. Чтобы отвергали цинизм, равнодушие, корыстолюбие, преступность.

Вызванный опытом и его осознанием перелом в постижении всей глубины и сложности предстоящей работы, требование делать ее по-настоящему — все это очень важно для обретения духовного здоровья, для созидания реального гуманизма. По существу, это — взросление социализма, его духовное и нравственное возмужание.

Трудно, очень трудно приходится порой от внезапно нахлынувших новых мыслей и чувств, от озарений и открытий, от неприкрашенной реальности, от жесткой требовательности жизни. Особенно остро осознается, как мало еще фактически знаешь и понимаешь, но как много накоплено лжи и страха, породивших чудовищный по своей безнравственности постулат: думать одно, говорить — другое, делать — третье.

Но вступление в жизнь состоялось. Наиболее значительным духовным завоеванием перестройки как раз и является рождающаяся в муках способность видеть себя такими, какими мы есть, видеть факты, события такими, какими они на самом деле являются, сознавать, что достойные идеалы могут стать реальностью жизни, а не беспомощными иллюзиями. Вот почему правомерно говорить о нашем времени как о периоде самопроверки, самооценки, осознания себя, своего места в жизни и своих возможностей.

2. ЕДИНЕНИЕ, НО НЕ ЕДИНООБРАЗИЕ

Главный урок правды состоял в признании того, что мы находимся в состоянии предкризиса, что невозможно дальше жить по-старому.

К такому выводу общество, партия подходили постепенно. Несмотря на то что во многих партийных документах обозначались структурные причины переживаемых страной трудностей и говорилось о несоответствии производственных отношений объективным потребностям развития производительных сил, немало людей противилось подобной оценке сложившейся ситуации, ибо такая оценка требовала революционных перемен.

У многих до сих пор сохраняется иллюзия, что все беды — только от недостатка инициативы и культуры некоторых представителей из прежнего руководства страны, от отсутствия скромности, иммунитета против пошлости и стяжательства, что стоит только партии очиститься, укрепить дисциплину, проявить больше боевитости, организованности — и обществу обеспечено быстрое движение вперед.

Эта внешне очень привлекательная, даже романтическая тенденция в критике прошлого (она апеллирует к лучшим качествам человека) тем не менее объективно мало помогает перестройке. Если все зависит только от личной морали, то ни в экономике, ни в политической системе ничего менять и не надо.

Но моральная критика в адрес эпохи застоя, увлечение различного рода перераспределительными проектами принесли тем не менее свою пользу. Они еще раз доказали внутренний консерватизм нравственного ригоризма, распределительного социализма, побудили к более углубленному анализу структурных причин переживаемых трудностей, к выявлению глубинных противоречий сложившейся экономической и политической системы. Партия проявила смелость в оценке ситуации, сложившейся в стране, в том, чтобы назвать явления своими именами: это распад социальных, экономических связей, равнодушие к труду, социальная апатия, углубляющаяся депрофессионализация, упадок народной культуры, раскрестьянивание деревни, отчуждение масс от власти, производства, собственности и политики, противостественный конфликт между властью и интеллигенцией.

Сила и глубина правды восстали против демагогии, рецидивов уравнилельного социализма, будили ум и совесть людей.

По иронии судьбы советское общество начала 80-х годов впечатляюще подтверждало верность учения Маркса о том, что производственные отношения могут стать мощным тормозом развития производительных сил. Парадоксальная новизна ситуации в том, что она оказалась возможной и в условиях социализма.

Если проанализировать несоответствия нашей жизни, то в их основе во всех случаях лежат те или иные механизмы блокировки инициативы и личной ответственности. Обратной стороной многих унаследованных экономических и социально-политических институтов, механизмов, процессов является торможение

творчества, индивидуального начала, внутреннего, свободного выбора. Вместо ожидаемого процесса постепенного поглощения государства так называемым «гражданским обществом», «ассоциацией производителей» произошло поглощение гражданского общества государством, подчинение его диктату бюрократических структур. Именно поэтому не удалось создать действенные защитные механизмы против злоупотреблений властью.

Священный для социализма принцип всеобщего равенства и социальной справедливости воплотился в жизнь преимущественно в формах уравниловки, обезличенности результатов труда. Разрыв между трудом и вознаграждением, самоотдачей и качеством жизни породил механизм сдерживания творчества, инициативы и мастерства. В угоду ленивым и пассивным нравственное осуждение частнокапиталистической предприимчивости демагогически трансформировалось в осуждение делового человека, инициативного работника.

Недооценивался не только сам факт сложности общества, многообразия неизбежных интересов, необходимость их сочетания и согласования. Еще более недопонималась их жизненная необходимость для развития, для того, чтобы общество шло вперед, преодолевая свои естественные противоречия. Ибо только такое многообразие интересов, помимо прочего, и дает возможность сформироваться, проявить себя противоречию — этому движителю общественного прогресса. Единство общества представит, таким образом, явлением, качественно отличным от какого бы то ни было механического единообразия. Более того, противоположным такому единообразию, несовместимым с ним.

Социализм — не только в глубочайших преобразованиях общественной жизни, не только в революционном обновлении ее. Социализм гуманистичен и по целям, и по характеру движения к ним. Это еще одна важная причина отрицания практики 30—40-х годов. Эта практика вела к расколу общества, ко все большему противостоянию отдельных его частей. Тогда как социализм — это согласие всех его членов в основном и главном при возможном и необходимом, живительном многоголосии во всем множестве конкретных дел и вопросов. Социализм — это консолидация общества, это умение и желание убедить несогласных, прислушаться к их оценкам, посчитаться с их законными интересами. Только тогда общество, конкретно-историческая организация его жизни будут действительно достойны человека.

Критерий для социалистического плюрализма мнений — социалистическая база. Все остальное — нормальная и естественная сфера жизненного многообразия, которое в условиях социализма может и должно стать еще богаче и разностороннее,

полнее и ярче. Столкновение мнений, эмоций, интересов здесь неизбежно.

Порой возникает вопрос: а не переживает ли социализм своего рода кризис? Думаю, правомернее говорить о кризисе развития как особой фазе в жизни общества. В том числе и при социализме. Собственно, когда мы характеризуем нынешний период как переломный, мы и говорим именно о кризисе развития.

Кризис развития возможен и вероятен тогда, когда ранее установившиеся формы общественной жизни, практики приходят в противоречие с изменившимися требованиями времени. Но само наличие таких противоречий — еще не кризис. Кризис развития наступает тогда, когда общество, человек заметно и неоправданно запаздывают либо с осознанием сложившегося положения, либо с выработкой действенных мер, либо с тем и другим. Именно такого рода процессы и развивались в нашем обществе, непосредственно предшествовали перестройке. Застой превратился в теплицу, где выращивался кризис.

И здесь — один из важнейших уроков для политики. Он в том, что нужно создавать, культивировать, совершенствовать такие общественные, политические, духовные условия в обществе, которые не давали бы процессам застаиваться, тормозили ленивых и неповоротливых, надежно нейтрализовали всевозможных корыстолюбцев, обеспечивали максимальную социальную отдачу от всего здорового, позитивного. И тем самым стимулировали общественный прогресс, притом средствами, которые усиливали бы все нравственное, гуманное, социалистическое.

3. ПЕРЕСТРОЙКА — ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

При определении нового общественного строя классики марксизма чаще всего использовали понятия «рациональность», «благополучие», «личность», «счастье». Они видели социалистичность прежде всего в освобождении общественных отношений от всего противоестественного, вредного для индивида и общества, несовместимого с нормальными человеческими представлениями о добре и зле, нравственности и справедливости.

К. Маркс обращал внимание на такие характеристики ассоциированного производства, как рациональная регуляция его обмена веществ с природой, как совершение его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных человеческой природы и адекватных ей¹.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 387.

Маркс и Энгельс были последовательными сторонниками суверенитета большинства, самоуправления трудящегося народа, убежденными, что право народа как суверена, хозяина своей судьбы священно. Маркс вслед за Ж. Ж. Руссо полагал, что народ, повиனுющийся законам, одновременно должен быть их творцом.

Социалистический идеал предусматривает органическое сочетание производственной демократии с местным (муниципальным) самоуправлением в рамках республиканского устройства. В. И. Ленин в своих планах советского строительства видел и учитывал именно эту перспективу. Для любого грамотного марксиста в начале 20-х годов было само собой разумеющимся, что политическая система, сложившаяся в условиях гражданской войны, носит переходный характер. Спор шел только о предпосылках и условиях перехода к неограниченной демократии трудящихся.

Анализируя опыт, В. И. Ленин выделял два типа причин, приведших к несостоятельности стратегии «военного коммунизма». С одной стороны, он резко критиковал себя, партию за неумелость, поспешность, максимализм, горячность, прямолинейность, за попытки сразу перейти к чистому неторговому коммунистическому обществу. Но с другой — говорил о дефиците творческого отношения к марксизму, новых и смелых решений, что, в свою очередь, усугубило ошибки и просчеты хозяйственной стратегии «военного коммунизма». В последние годы жизни он иронизировал над теми коммунистами, которые надеются найти у К. Маркса ответы на все вопросы, возникающие в ходе созидания нового общества.

В последних ленинских работах речь прежде всего шла о преодолении разрыва между классовой и общечеловеческой моралью, между интересами быстреего движения России, всего человечества к коммунизму и повседневными интересами трудящихся. Чтобы достигнуть коммунистического будущего, объяснял Ленин на X съезде РКП(б), должно быть настоящее, то есть должны быть сытые рабочие и крестьяне, которые могут и хотят работать. В последних трудах он напоминал о человеческой цене прогресса, о том, что главной ценностью является не борьба, не революция, а человеческие жизни¹.

Перемена взглядов на социализм, о которой говорилось в этих работах, состояла в более последовательном и полном воплощении гуманистической сущности марксизма в программах преобразования общества. Ленин напоминал о том, что прогресс, который не ведет к росту благосостояния трудящихся, к увеличению

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 305.

интереса к труду, к творчеству,— это, в сущности, не прогресс. В новой концепции социализма задача формирования стимулов к труду как решающему условию сохранения жизни приобретает первостепенное значение. «Привлечение к труду,— писал Ленин,— важнейшая и труднейшая проблема социализма»¹. В 1921—1922 годах он решительно выступал против революционного «разрушительства», прежнего увлечения насилием, против попытки насадить коммунистические формы жизни и труда сверху с помощью аппарата принуждения.

Философская суть просчета, заложенного в стратегии военного коммунизма, в первоначальном плане строительства социализма, объяснял В. И. Ленин, состояла в абсолютизации борьбы противоположностей. Из-за этого упускалось из виду присущее противоречию его внутреннее диалектическое единство, возвышалось насилие, прерывность отрывалась от непрерывности. И по этой же причине упускались из виду многие факторы прогресса, недооценивалась возможность сосуществования различного рода социальных качеств, их эффективного взаимодействия.

Особенность новой стратегии социалистического развития, которую разрабатывал В. И. Ленин в своих последних работах, как раз и состояла в стремлении использовать противоречивое единство нового и старого в целях развития страны. То, что принято называть нэпом, является по своей социально-философской сути учением о сознательном и созидательном соединении противоположностей. Ленин первым среди марксистов XX века увидел, что в действительности механизмы прогресса, перехода от старого общества к новому намного сложнее, чем это представлялось социалистам XIX века.

Признание того, что надо искать другие, ненасильственные, не ведущие к подрыву основ жизни, к разрушению противостоящей противоположности пути утверждения нового, вело к совершенно иной внутренней и внешней политике, к новой оценке ситуации, сложившейся в международном рабочем движении, к новым представлениям о социализме.

Во внешней сфере это проявилось в идее мирного сосуществования, мирного сожительства социализма с капитализмом. Важным элементом «внешнеполитического нэпа» была резолюция III конгресса Коминтерна в 1921 году о создании «единого фронта» рабочих двух течений — коммунистов и социал-демократов, допускавшая в принципе возможность переговоров с лидерами II Интернационала.

Во внутренней политике идея перехода от «гражданской войны» к «гражданскому миру» имела далеко идущие политические

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 285.

последствия. Она предлагала значительное расширение социальной базы новой власти, нечто вроде политики национального согласия. Ставилась задача устранения чрезвычайных, революционных законов, перехода к нормам правового государства.

В основу новой хозяйственной политики была положена идея экономического соревнования, экономического вытеснения новым, социалистическим укладом частного производства. В. И. Ленин пришел к выводу, что в ряде случаев кооперация будет преобладать в социалистическом базисе.

Картина социализма, которая выкристаллизовывается в последних работах В. И. Ленина, богата красками жизни. В ней нет даже намека на одномерность, заорганизованность, на приверженность привычным и довольно распространенным догмам.

Новая экономика мыслилась как система фундаментальных компромиссов, как практика взаимодействия, сочетания личных, групповых и общественных интересов, плана и рынка, административных и экономических методов управления производством, общественного владения с самыми различными формами группового и семейного распоряжения и пользования национализированными средствами производства, к примеру землей.

Конечно, было бы преувеличением полагать, что В. И. Ленину удалось сформулировать все принципы нового понимания социализма. Смерть оборвала работу по осмыслению первого опыта преобразования общественной жизни. Но все же с полным основанием можно сказать, что в последних работах В. И. Ленина, и особенно в тех, которые объединяются общим названием «политическое завещание», были уже намечены основные направления прорыва к современному пониманию социализма, и в этом отношении он намного опередил свое время.

Подтверждением структурной завершенности второго ленинского плана строительства являются его экономические и социальные результаты. И с точки зрения хозяйственного прогресса, и социального самоуправления, и духовного состояния общества. Невиданными в истории России темпами развивались сельское хозяйство, промышленность. Страна переживала буквально взрыв культурного, духовного творчества. Быстро восстанавливались пошатнувшиеся в годы гражданской войны бытовая мораль, традиционные институты человеческого общения.

Переход от новой экономической политики, от гибкой ленинской стратегии постепенного формирования основ новой жизни к сталинскому курсу форсированного строительства в 1929 году не был вызван каким-либо кризисом. Он никак не вытекал из сложившихся в условиях нэпа внутренних тенденций развития экономики. Тем более не был продолжением установок партии, выработанных под руководством В. И. Ленина в начале 20-х годов.

Новый курс, предложенный Сталиным на апрельском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1929 году в его речи «О правом уклоне в ВКП(б)», вел, по сути, к разрыву с ленинской стратегией строительства социализма в СССР. Менялись дух, политическая направленность, культурные установки в деятельности партии. Вместо политики укрепления трудовых начал, к чему призывал Ленин, Сталин оживлял уравнилельные настроения и в партии, и в обществе, провоцируя зависть и недоверие к хорошему работнику.

Сталин ревизовал марксистско-ленинское учение о демократии. Благодаря манипуляции с понятием «класс», сконструировав одновременно учение о «высшей» и «низшей» формах общественной собственности, он подвел базу под курс на ущемление политических прав крестьянства. В этих условиях отпала необходимость постепенного перехода к непосредственной демократии трудящихся, к самоуправлению народа, к правовому государству.

Вместо ленинской политики перехода к гражданскому миру Сталин ввергает страну, партию в хаос насилия. Он реанимирует идею Троцкого об обострении классовой борьбы по мере укрепления основ социализма, призывает, по сути, к физическому уничтожению всех остатков старых классов. Сталин отбрасывает идею координации интересов, сознательного соединения противоположностей. Момент их единства вообще исключается из учения о диалектике. Сталин трактует марксизм как учение о непримиримой борьбе классов, непримиримой противоположности их интересов¹.

Вместо ленинского плана добровольной, идущей снизу кооперации, интеграции свободного труда крестьянина с государственной социалистической промышленностью утверждалась политика «насаждения» колхозов и совхозов. Ленинская политика союза рабочего класса с широкими массами трудящегося крестьянства, и прежде всего с середняком, была трансформирована в политику ужесточения борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства против крестьянина-единоличника, включая середняков. Так, Сталин уже в 1929 году подвел основу под политику репрессий, национального истребления. Во главу угла ставились принуждение, система страха.

И наконец, в политике Коминтерна вместо ленинской идеи осторожного компромисса, наведения мостов с социал-демократией Сталин требовал «заострения борьбы против правых элементов в компартиях», призвал к «новым классовым боям», без которых «немыслима победа над социал-демократией»².

¹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 28—33.

² Там же. С. 16—17.

Фактически Сталин не только ревизовал теоретические достижения ленинизма, но и выхолостил из марксизма его гуманистическую сущность. Человеческий смысл социалистических преобразований оказался в тени средств, в тени идеи тотального обобществления, огосударствления как самоцели, в тени всевластия центра и его разветвленного аппарата.

4. СОЦИАЛИЗМ — ЭТО ПОЗНАНИЕ

Социализм начинался с великой социальной гипотезы. За этим неизбежен был период проверки гипотезы практикой. Но социализм не только практика, он еще и процесс познания, прежде всего законов собственного функционирования и развития.

Перестройка осуществляет переход от нормативного понимания социализма к функциональному, идущему от жизни, практики. Суть этого процесса, его движущие силы и последствия еще недостаточно осознаны. Отсюда, видимо, и сумятица в умах, когда цели и принципы социалистического обновления сталкиваются с прочно усвоенными теоретическими стереотипами.

Трудно дается усвоение — не в теории, а на практике — той истины, что социализм — творчество масс, дело масс, это развитие. Иного пути нет не только для того, чтобы справиться с сегодняшними задачами, но и — особенно — если хотим сделать социализм конкурентоспособным, обладающим наивысшей социальной эффективностью, мощными внутренними источниками и стимулами к саморазвитию.

Одной из характерных примет обновленного социализма является перелом в отношениях между партией и интеллигенцией. Можно сказать, что в СССР союз политического руководства с интеллектуалами был детищем апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, его первой политической победой. Этот союз во многом способствует идеологическому и нравственному обеспечению демократических преобразований.

Не было ничего случайного и неожиданного в том, что штабами пролетарских революций во всех социалистических странах руководили лучшие представители рабочего класса и национальной интеллигенции.

Когда, при каких условиях и по чьей вине разбуженное социализмом благородное стремление к свету разума переродилось в примитивное чванство, пренебрежение к таланту, неприятие незаурядной, самостоятельной личности? Необходимо найти ответы на эти непростые вопросы прежде всего для того, чтобы гарантировать себя от рецидивов антиинтеллектуализма. На нынешнем переломном этапе развития социализма, всей

человеческой цивилизации, как никогда, видна опасность, противостоит противопоставления интересов развития социализма творческим интересам интеллигенции.

Вне духовной свободы, уважения к интеллектуальному поиску невозможно сохранить прошлое, невозможна культурная, историческая память. Любая попытка ограничить свободу творчества, выражения различных мнений, интеллектуальных поисков в конечном счете сужает возможности развития, ведет к удушению инициативы, распространению апатии, равнодушия и лжи.

Задачи обновления, перестройки, демократизации выдвигают на первый план вопросы политической и общей культуры, уровня интеллигентности общества в целом. Чувство собственного достоинства, самостоятельность и ответственность в мыслях, словах и делах, гражданская активность, совесть и порядочность, терпимость и гуманизм, инициатива и творческие возможности, развитое нравственное начало — без воспитания и развития таких качеств полноценного социализма не получится. Более того, само наличие этих качеств становится одним из важнейших факторов дальнейшего развития и прогресса, а их отсутствие — фактором торможения, консерватизма.

Что сегодня и самое трудное и самое опасное на пути перестройки? Я бы особенно выделил тут два момента.

Первый — крайности. История многократно доказывала, с какой легкостью смыкаются они в сложных обстоятельствах, на переломных отрезках исторических судеб народов. Доказывала она и то, как относительно легко и просто одни крайности могут эксплуатировать другие. И если перестройка в силу сложившихся в нашем обществе условий — это прежде всего борьба с любыми проявлениями консерватизма, то не менее противопоставлены ей и неумная поспешность, забегание вперед.

Второе, что нужно выделить как опасность, поджидающую нас впереди, — это ожидание чуда, благодати. Наивную веру в то, что кто-то скажет «перестройка», хлопнет три раза в ладоши, прогонит нескольких бюрократов и ворюг — и все образуется само собой. Что придет откуда-то — сверху, из Москвы, еще откуда-то — добрый дядя, который решит все проблемы.

Дело и еще раз дело. Только оно, а не что-либо иное — мерило перестройки, мерило социализма. Мы убеждены в правоте избранного пути. Уверены в своих силах. Знаем, что идем от жизни, идем к тем идеалам и ценностям, что выработаны цивилизацией, восприняты социализмом. К идеалам свободы и благоденствия человека труда.

Сегодня наше общество и партия резко критикуют времена авторитарности и застоя. С болью осознается, сколько было упущено. Ясно, что двигаться могли скорее, жить чище и честнее, работать лучше. Мешали самонадеянность, уверенность в собственной непогрешимости. Мешали деформации, однажды допущенные, а потом нараставшие в политической и хозяйственной структуре, в психологии и привычках людей, в общественном сознании и науке.

До сих пор консервативное начало в сознании, наверное, почти каждого человека сопротивляется мысли, что советское общество оказалось на деле не столь совершенным, не столь безупречным, как это долгое время представлялось и внушалось. Ностальгия по прежнему внутреннему душевному комфорту до сих пор не дает в полной мере понять и принять цели и масштабы перестройки, ее гуманистический смысл.

В чем же дело? Что мешает, имея, казалось бы, все необходимое для высококачественной жизни, имея даже больше, чем многие другие страны, обеспечить советскому человеку достойный уровень материальных и духовных жизненных условий?

С таких вопросов начиналась перестройка. Ответы надо искать, и перестройка это подтверждает, в нас самих, в наших привычках, нашем консерватизме, разболтанности и безответственности. В том, как организуем свою жизнь, как строим отношения в обществе, как воспринимаем окружающий мир. Революционность перестройки прежде всего в том и состоит, что партия всерьез и глубоко берется за реорганизацию всех сторон общественной жизни, подчиняя эту реорганизацию ясной конечной цели: *советский человек должен работать и жить лучше.*

В основе статьи выступление перед делегатами XXII конференции Пермской областной партийной организации 16 декабря 1988 г. Опубликовано в журнале «Вопросы экономики» № 2, 1989 г.

Сегодня нередко поднимается важнейший теоретический и политический вопрос: а социалистично ли то, что рождает перестройка? Необходимо разобраться, ибо это существенно и для понимания сути развития, и для обеспечения единства в достижении целей перестройки.

Во-первых, жизнь показала, что развитие социалистического общества не является однозначным и одномерным. Оно многовариантно, допускает огромное множество конкретных поворотов, форм, деталей в рамках одной и той же формации. В прошлом эта многовариантность отвергалась, была даже наказуемой, порой с суровыми последствиями.

Между тем в развитии советского общества на рубеже 20-х и 30-х годов образовались деформации, которые и сегодня сдерживают его прогресс, сковывают мысли и действия. Огосударствление всего и вся. Чрезмерное сосредоточение власти и ресурсов в центре. Формирование командно-административной системы и стиля. На этой почве — формализация и бюрократизация всех сторон жизни, вытеснение из нее инициативы, предприимчивости. Забвение принципов народовластия, самоуправления народа. Преступные репрессии и злоупотребления властью.

Во-вторых, жизнь подтвердила и другое. Демократия, гласность, кооперация, аренда, хозрасчет, товарно-денежные отношения, социалистический рынок, самоуправление, народовластие, плюрализм мнений — все это непреодолимо вторглось в жизнь, будоражит ее, порой лишает сна и отдыха, рождает страсти, острые эмоции, но и реальные противоречия, тем самым демонстрируя свою жизнеспособность.

Началось формирование новых экономических отношений, но они пока еще захлебываются в рутинной структуре, в живучей командной системе, консерватизме. Экономическая реформа буксует, ее колеса скрипят, ситуация на рынке потребительских товаров остается тяжелой.

Подлинный бич страны — бесхозяйственность. Будь мы победнее, может быть, оказались бы организованнее. Обилие природных богатств развратило многих, порождает лень и безответственность. Вот почему и с природой должны быть рациональные, хозрасчетные отношения.

Начались политические преобразования, но как трудно еще некоторые расстанутся со старой властью, к которой привыкли. Им еще никак не удастся понять, что подлинное народовластие будет гораздо прочнее и устойчивее и, конечно, ответственнее. Кое-кого еще пугает демократия, гласность, многообразие мнений, как будто каждый всегда живет только в согласии даже с собой и всегда думает удобными штампами. Да разве может человек называться человеком, если он не имеет своего мнения,

не ощущает имманентную свободу мысли? Пугают издержки демократии, порой реальные, но разве кто-нибудь знает вечную истину?

Происходит духовное возрождение и нравственное очищение общества, но немало пока и тех, кто еще весьма подозрителен к борениям страстей, что идут в рабочем классе и крестьянстве, в среде молодежи и интеллигенции. Еще не всегда понимается, что социализм есть общество свободы творчества, это — расцвет науки и культуры, это — возвышение человека, это — лечение нравственностью и культурой.

Когда-то говорили: не надо бояться человека с ружьем. Революционная перестройка призывает: не надо бояться человека с головой и пером.

Противоречия, рожденные перестройкой, естественны, нормальны. Они неизбежны для переходного периода, который переживает страна. Да и прошлое еще тяготеет над нами, усиливая остроту противоречий.

Не только у человека, но и у общества есть свои детство, юность, свои университеты. Социализм как мировое явление еще только прощается с порой юности, только вступает в начало своей зрелости. Трудными и жестокими были наши университеты. Но сегодня партия, общество достаточно мудры, чтобы видеть неизбежные просчеты молодости, высоко оценивать ее энтузиазм, но и видеть неопытность, прямолинейность, склонность к упрощенным ответам и спрямленным представлениям.

Социализм встал на ноги, накопил внушительный исходный потенциал, продвинулся в своем развитии достаточно далеко, чтобы его производительные силы потребовали новых отношений в обществе. Осознание этого запоздало, а практика еще больше. Отсюда и торможение социально-экономического развития. *Это и есть кризис развития, принявший форму застоя.*

Социализм не сводится к голой декларации идеалов и принципов: многие из его идеалов сформулированы человечеством тысячелетия назад. Суть социализма не в красивой социальной схеме: утопий история знает великое множество. Перестройка не просто обращение к новым формулам и решениям, но обращение с вопросом: что они дадут трудящемуся человеку, народу, стране, социализму? Что будут значить не только в плане приращення сиюминутного богатства, но и сохранения природы, совершенствования общественных отношений? А следовательно, и совершенствования самого человека. Ибо странно думать, будто можно воспитать всесторонне развитую личность на фоне нелепостей хозяйственной жизни, негативных социальных явлений, разрушающейся природы.

Внешние и внутренние недоброжелатели пользуются любой возможностью, чтобы присолить наши раны, усугубить имеющиеся трудности, подорвать веру в перестройку, в правильность социалистического выбора.

Конечно, для каждого реалистически мыслящего человека ясно, что общество пока еще расплачивается за прошлое, а это оказалось тяжелейшим делом.

Ситуацию с жильем не изменить принципиально за год или два, хотя это и слабое утешение для тех, у кого нет квартиры. Утвердившиеся принципы хозяйствования на земле не решили продовольственной проблемы, тем самым изжили себя. Значит, надо менять экономические отношения в деревне, вносить принципиальные коррективы в инвестиционную политику. Будет реальный хозяин на земле — будет в достатке и хлеба, и мяса, и молока, и других продуктов питания.

Пока денежная масса будет превышать, и намного, товарную, полки магазинов будут пустые. Поэтому надо всеми силами наращивать производство товаров народного потребления и объем услуг, иначе прожорливость денежной массы будет расти и дальше, а деньги все агрессивнее гоняться за товаром, что будет усиливать непонимание и раздражение людей.

Почему же, казалось бы, сверхочевидные, диктуемые жизнью инициативы перестройки с невероятными трудностями пробивают себе дорогу? Что мешает новым правам и принципам, радикально измененным приоритетам стать конкретным делом? Все, похоже, упирается в людей или, точнее, в кадры.

Надо смотреть на жизнь открытыми глазами. Известные, многократно уже раскритикованные и осужденные деформации привели к тому, что последние полвека упорно создавалась «экономика для экономики», насилующая природу и разум, разоряющая народные богатства, но выгодная ведомствам и технократическому сословию, поскольку оправдывает само их существование.

Повышение темпов общеэкономического развития в затратных, безрыночных координатах есть, по сути, замена одного камня Сизифа на другой, более тяжелый. Совершенствование труда Сизифа не путь перестройки, а ее тупик.

Кроме всего прочего, приходится вынужденно мириться с абсурдными ситуациями. Понятно, например, что нельзя делать два дела одновременно: перестраивать экономику по-новому и выполнять пятилетний план, сверстаный по-старому. Сейчас традиционно затратный пятилетний план — лобовая броня механизма торможения. За ней и надеются отсидеться наиболее опытные противники перестройки.

Со всеми оговорками, но можно констатировать, что нельзя восстановить нормальное экономическое кровообращение, минуя социалистический рынок или в обход его. Как невозможно учесть в плане все многообразие запросов и вкусов, все тенденции научного, технического и эстетического развития, так в еще меньшей степени можно загодя рассчитать потребительский спрос или пытаться втянуть его в карточную систему распределения товаров и услуг, даже если формально карточки выступают в виде денег.

Ленинский призыв «учиться торговать» обретает, таким образом, второе дыхание. Речь идет об обучении хозяйствованию в узком и широком смысле. На социалистическом рынке множество удовлетворенных потребностей переплавится в мандат социального доверия, придаст фундаменту общества необходимую сейсмическую устойчивость.

Нынешние нелады на рынке — серьезный сигнал тревоги. Это не просто неудобство, каждодневно портящее людям настроение, а честным руководителям предприятий — здоровье. Государственная торговля в нынешнем виде представляет собой собранные в букет пороки государственно-феодалного интендантства, систему, которая функционирует по законам, ведомым только ей. Продукт превращается в товар не личным интересом труженика прилавка, а планом, который давно и прочно стал скелетом и мускулами приказной системы. План выполняется любой ценой, но прежде всего за счет потребителя, которого абсолютная монополия государства делает фактически абсолютно незащищенным. План, разверстаный до магазина, ларька, нужен, это уже очевидно, для команды. Планирование в нынешнем виде и объеме есть прямая и обратная связь затратной административно-командной системы. Действует интерес, но корыстный, оторванный от конкретного труда и его общественно полезных результатов.

После реформ Петра I, заложивших основу тотальной государственности, взять у государства для многих людей — от крепостного до губернатора — стало делом доблести. Сталин, строя не по Марксу, а по Петру нынешнюю государственность, постоянно принуждал народ ловчить. Реализация жажды на чужое становилась ремеслом и искусством. В конце застойного периода воровство сделали наукой и профессией. Появились менеджеры воровства, потрошители казны, сформировались кланы, поделившие страну на преступные сферы влияния. Возникла не только двойная экономика, но и двойная политика.

«Торговля — вот то «звено», — писал В. И. Ленин, — в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства... *«за которое надо всеми силами*

ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы *теперь* за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам *всей* цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать»¹.

Торговля в широком ее понимании — главное и на сегодня самое слабое звено нашего хозяйствования, самая трудная задача перестройки. Слабость этого звена не только в крайней запущенности материальной инфраструктуры, но и в теоретическом осознании места и роли торговли в социалистическом обществе вообще, трактовке ее содержания, понимании ее общественных функций. Здесь в полную силу продолжает действовать такой мстатаз сталинизма, как антирыночные настроения.

Какой толк от еды, если в организме неправильный обмен веществ? В политике, как и в шахматах, ходы путать нельзя. Мало только производить, надо научиться перерабатывать, сохранять, доводить без потерь до человека уже созданное. Но до сих пор хозяйственники и политики мистифицированы производством. Еще не было ни одного указа о наградах за сохранение продукции, а вот за производство — миллионы орденов. Хотя любому понятно, что урожай ценен не в поле, а на столе.

Перестройка крайне нуждается в анализе всего опыта социалистического развития, всех его страниц и сторон. И особое место в таком анализе должна, представляется, занять проблема «военного коммунизма», причем как в практических ее аспектах, так и с точки зрения теоретических положений, которыми вдохновлялось провозглашение этого курса и которые он, в свою очередь, породил. Мифы, дефицита в которых, похоже, не наблюдается, плотно клубятся и вокруг этого вопроса, одного из принципиальнейших в истории революции.

Расхожая мудрость гласит, что «военный коммунизм» явился чрезвычайным ответом на чрезвычайные обстоятельства, внешние и внутренние, в которые попали на исходе гражданской войны страна и революция. Известно и то, что политика «военного коммунизма» с самого начала замышлялась и вводилась как временная мера, которую предполагалось отменить, как только нормализуется экономическая обстановка.

Жесточайшего давления объективных условий отрицать не приходится. Но дело обстояло далеко не столь просто. В политико-теоретическом арсенале революции очень рано определились два отчетливо выраженных направления. Их было бы неверно связывать с теми или иными именами. Одни люди в своем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225.

творчестве прошли через все муки и сомнения, неизбежно сопро­вождающие созидание нового. Другие, не менее честные и иск­ренние, не менее преданные делу революции, но более прямо­линейно, одномерно мыслящие и действующие, отождествили себя с соответствующим курсом. Были, разумеется, и неизбеж­ные в любом начинании приживалы, но не они задавали поначалу тон.

Суть двух направлений теории и действия сводилась в самых общих чертах к следующему. Принадлежащие к первому направ­лению буквально воспринимали известные им положения работ К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе относящиеся к анализу будущей коммунистической организации общества (например, моделирование ими нетоварного, безрыночного способа производ­ства), пытались непосредственно приложить их к российскому обществу того времени, немедленно или в кратчайшие сроки пре­творить в жизнь.

Представители второго направления понимали, что от реалий страны, лишь недавно вступившей на путь капиталистического развития, прошедшей через озверение двух войн — мировой и гражданской, — и до осуществления идеалов коммунизма лежит огромная дистанция. Они считали, что преодолевать эту дистан­цию придется через множество переходных состояний, долго, пу­тем целеустремленной политики, нестандартных решений и на­пряженного труда. Сторонники данного направления искали не­обходимые подходы и решения, видели сложнейшую диалектику общественной жизни, социалистических преобразований. Не стоит упрекать их за то, что у революции был лишь самый ми­нимальный опыт мирного созидания, что озарения не всегда при­ходили в нужный момент, наконец, что люди эти оказывались подчас не в большинстве даже в руководстве и тем более в стране, почти 80 процентов населения которой было неграмотным.

«Военный коммунизм» вдохновлялся именно стремлением с ходу, перепрыгивая через этапы, ворваться в коммунизм. В. И. Ленин своевременно увидел и понял, что гипотеза не про­шла проверку жизнью, что «военный коммунизм» был следствием принудительной бестоварной утопии. Но те, кто позднее соору­жал, укреплял режим личной власти и его опору — командно-бю­рократическую систему, увидели в практике, теории, институтах «военного коммунизма» ростки собственной стратегии, возмож­ности обоснования своих притязаний. Таким образом, многие мифы, включая и антирыночные, внедрили в сознание поколе­ний, дошли в неприкосновенности до наших дней вопреки оче­видным, казалось бы, урокам экономики.

Не в последнюю очередь продрозверстку «отменили» тамбов­ский и кронштадтский бушты, письма крестьян, суть которых

сводилась к следующему: декларируете «по труду», а фактически — равенство в нищете. Надо было срочно переходить к гражданскому миру. Нужен был естественный путь: установление нормального рыночного обмена трудовыми эквивалентами, решительная демилитаризация жизни, радикальное смягчение режима осажденной крепости, смычка города и деревни, налаживание торговли и других форм обмена с внешним миром, учеба у капиталистов, нарабатывание культурности. Так считал В. И. Ленин. «Свобода торговли а) для развития производительных сил крестьянского хозяйства б) для развития мелкой промышленности γ) для борьбы с бюрократизмом»¹.

Эволюция взглядов В. И. Ленина после 1921 года все время двигалась к признанию того, что социализм — это общество с товарным производством, рынком, конкуренцией, валютой, демократией и т. д. В работе «О кооперации» он писал: «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии... теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью»².

Именно кооперация, если она строится на нормальной экономической основе, дает ту систему координат, где можно наиболее эффективно совмещать, гармонизировать личный интерес с коллективным, коллективный — с государственным, государственный — с общественным. И наконец, кооперация позволяет решить главное — убрать губительное уравнительство и добиться оплаты по труду. Без этого строительство социализма — утопия, без этого общество, человек, отчужденные от собственности и власти, неминуче становятся придатком государства, и не более.

Семьдесят с лишним лет социалистического строительства доказывают: преодоление социальных антагонизмов частнособственнического общества, общественная собственность на средства производства, государственное плановое распределение и распоряжение ими не приводят к ликвидации множества существующих в обществе экономических интересов. И даже не нивелируют эти интересы, не подгоняют их под какой-то единый стандарт.

Налицо диалектический процесс двуединого рода. Больше социализма, больше демократии — в этом основа здорового развития всего образа жизни нового общества. С одной стороны, интересы общества, подавляющего большинства его членов, коллективов смыкаются в основном и главном: социальном смысле, содержании социалистического строительства. С другой — это

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 386.

² Там же. Т. 45. С. 369.

единство существует не вопреки, а на базе огромного многообразия конкретных экономических, иных интересов и потребностей трудовых коллективов, территориальных и отраслевых объединений, других форм общественной организации, а также отдельных людей.

Нет ни малейших оснований полагать, будто по мере развития социализма это многообразие станет трансформироваться в единообразие. Опыт свидетельствует: подобного не происходит и происходить не может. Попытки же искусственно насадить единообразие ведут через нивелировку и уравниловку к застою. Движение вперед возможно только на базе многообразия, и никак иначе.

Как же обеспечивать удовлетворение всего множества интересов и потребностей помимо рынка? Какие компьютеры позволят своевременно и полно учесть его, сообщить производителю? Какие параметры переведут это множество потребностей в конкретные производственные задания, сделают их выгодными производителю, отразят в отраслевых, территориальных, общенациональном балансах? Какие системы безошибочно осуществят обмен и распределение в народном хозяйстве, где счет предприятиям идет на сотни тысяч, видам продукции — на миллионы, а потребителям — на сотни миллионов? Кто и как, наконец, осуществит «стыковку» этого фантастического механизма с внешними рынками, мировым хозяйством с его взлетами и падениями, его непланным началом?

Выход один: отдать решение этих сложнейших проблем механизмам общественной саморегуляции, в том числе рынку, оставляя в руках социалистического государства контроль лишь за важнейшими показателями и факторами здоровья экономического и валютно-финансового организма страны.

Зашоренность части общественного сознания в этом вопросе поразительна. Общеизвестно, вошло во все учебники политэкономии и политграмоты, что по мере продвижения к коммунизму государство должно и будет все более уступать свои функции непосредственно обществу, отмирать. И в то же время в экономике десятилетиями насаждаются прямо противоположные процессы, заводящие нас в тупик застойности, дефицитов, инфляции. Подрывается заинтересованность человека и коллективов в добросовестном и производительном труде, в активном использовании достижений науки и техники.

Рынок не изобретение капитализма и не его системообразующее качество. Он возник задолго до капитализма, во многом сделал возможным становление товарного хозяйства и самого капитализма. Рынок не что иное, как технология осуществления обмена и распределения на современном уровне развития

и организации цивилизации, общества, их производительных сил. Отличительная особенность такой технологии есть признание за основными выходящими на рынок интересами прав субъекта, то есть самостоятельности, свободы выбора, известной суверенности в своих решениях. Или, иными словами, демократизма. Демократия в надстройке и административно-командная система в базисе — несовместимые вещи, поскольку базис неизбежно потянет за собой надстройку, что и происходило в действительности после отказа от нэпа.

Конечно, рынок не панацея от всех бед и не волшебная палочка, которая избавит в дальнейшем от необходимости ежедневно заниматься экономикой, делать это квалифицированно. Рынок служит лишь одним из условий, одним из слагаемых нормально развивающейся, здоровой и прогрессирующей социалистической экономики. Он решает, не посягая на другие, свой собственный класс задач, но именно таких, для решения которых иных надежных и простых, оптимальных средств пока не создано. Ни социализмом, ни кем-либо еще.

Хорошо известно, что деятельность человека, направленная на обеспечение материальных условий своего существования, представляет триаду: производство — обмен — распределение. С функциональной точки зрения она не более чем технология «воспроизводства реальной жизни» (К. Маркс), конкретное наполнение которой, а не сама эта технология и обеспечивает социальное, классовое содержание общественных процессов. Показательна ленинская мысль: «Если бы капиталисты могли предотвращать кризисы у себя, тогда капитализм был бы вечным»¹. Не рынок, как таковой, а издержки и пороки его функционирования в условиях частнособственнической формации, социальные антагонизмы этой формации — вот что вызывало и вызывает критику и отвержение капитализма со стороны рабочего движения, социалистической мысли и этики.

Никакой рынок не может существовать без самостоятельности продавца и покупателя. Один знает свои потребности и стремится их удовлетворить, другой выходит на рынок с предложением товаров, услуг, идей. Долг и забота государства — обеспечить, чтобы рыночное взаимодействие строилось по законам и принципам социалистического общества, вело бы к его укреплению через удовлетворение законных, обоснованных интересов и справедливое вознаграждение по труду. Не менее, но и не более.

Государство рационально торговать не может уже по той причине, что оно всегда живет за счет общества. Государство

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 123.

может вместе с тем стать цивилизованным прокурором торговли, регулировщиком финансовых потоков, контролером оплаты по труду. Само же государство оплату по труду тоже вести не может, это чистой воды утопия. Такое сделать сможет только развитой социалистический рынок. Без рынка будут и впредь властвовать лимиты, дефициты, ограничения, запреты, циркуляры, на которых, собственно, и держится машина торможения, паразитирует и коррупиция.

В процессе перестройки в обществе должны стать законом три нормы: а) нормальный обмен трудовыми эквивалентами, который возможен только на рынке и который реально может ликвидировать абсурд затратности; б) нормальный обмен информацией, который возможен только в условиях демократии и гласности. Информационная автаркия, засорение и зауживание догмами информационных потоков, тоталитарная их структура расчищают дорогу к авторитарности власти; в) нормальная система обратных связей, которая приоритетом закона гасит авторитарность, поскольку обществом могут справедливо управлять только законы.

Противоречие перестройки, оставшееся ей в наследство, в том, что во многих случаях разорваны, а во многих вообще не существуют необходимые обратные связи на всех этажах и уровнях управления жизнью общества. Отсюда потребность в перестройке политических отношений. Уже не раз говорилось, что магистральное направление политической реформы состоит в демократизации, гласности, законности и ответственности. В совокупности все это и означает социалистическое самоуправление народа.

Мы стоим сейчас перед перспективой новой жизни Советов. По меньшей мере три вопроса будут иметь тут особое, ключевое значение: доверие масс; характер повседневных связей с ними; реальные возможности и практические дела Советов.

На современном этапе политической реформы необходимо видеть и такую проблему, как личное лидерство. Перестройка выдвигает новые требования к личности, качествам лидера, к процедурам его становления. Если право возглавлять людей не получено с должностью или по наследству, если это право вручено самими людьми — это и есть демократия, это и есть авторитет власти, авторитет партии. Притом авторитет заработанный. Прав тот партийный руководитель, который отыскивает таких лидеров, стремится установить с ними рабочие отношения, опираться на них, разумеется не поступаясь принципиальными моментами, но и не скатываясь на противоборство, на конфронтацию самолюбий.

Политический и нравственный критерий перестройки — ориентироваться во всем на интересы людей. Без этого не решить ни проблем продовольствия, ни жилья, ни экологии, ни многих других. Надо усиливать требовательность к тем должностным лицам, у которых расширяются зрочки, когда они читают или слушают критику, но пропадает зрение, когда надо, приходится видеть безобразия в сфере своей ответственности. Это большой вопрос перестройки. Нравственность неотделима от социальных условий и среды обитания, от повседневных нужд народа. Проблемы здесь приближаются к критической отметке.

Когда говорят о противоречиях перестройки, о нерешенных задачах, о еще не сбывшихся надеждах, то члены правящей партии обязаны спросить прежде всего с себя. И безнравственно, равно как и ошибочно политически, делать заложниками неудач кого бы то ни было — молодежь или интеллигенцию, газеты или неформалов, мировую буржуазию или политических демагогов и фазанов, тешащих свое честолюбие.

Только активность коммунистов, только движение вперед по пути перестройки, демократии, общественных преобразований, критичность и самокритичность, реализм и трезвость оценок, скромность и неприятие самообольщения, искреннее служение народу могут обеспечить авангардную роль партии. Народ судит события истиной и правдой, мерками порядочности и честности, совести, способностью жить болями, тревогами и надеждами людей. Убежден: партия выдержит исторический экзамен, который она сама себе назначила.

Перестройка международных отношений также переживает качественные перемены. Наш ответ на вызовы времени — новое политическое мышление. В чем его основные особенности?

Во-первых, необходимо обращение ко всему новому, перспективному, что отличает современный мир, определяет его неповторимость и наиболее вероятные тенденции развития. Во-вторых, новое политическое мышление во главу угла ставит идею развития в самой прямой и непосредственной форме. В-третьих, новое политическое мышление — это переосмысление традиций силовой политики, выход далеко за ее пределы. Сегодня соотношение социальных сил в масштабах всего человечества таково, что позволяет ставить как сугубо практическую задачу искоренение военных, насильственных форм из жизни стран и народов, замену их формами политического, правового разрешения противоречий и конфликтов.

Принципиально неверно было бы сводить проблему общечеловеческих интересов и ценностей только к задачам выживания. Мир должен постигнуть трудную науку плюрализма интересов

не только в отношениях между народами, но и во внутривнутриполитической жизни в силу взаимосвязанности того и другого.

Будет ли выживший безъядерный мир разделен наглухо искусственными перегородками групповых интересов, эгоизма? Или же будут найдены эффективные пути сочетания собственного «я» каждой страны и народа, их неотъемлемого права выбора с умением считаться с другими, находить общий язык? Но в таком случае это и будет реализацией общечеловеческого начала в истории.

Что значит сегодня, в сугубо конкретном смысле, понятие общечеловеческого? Оно означает не допустить ядерной войны, остановить опасную деградацию природы, накормить голодных, научить неграмотных, не допустить кризисных потрясений, от которых страдали бы миллионы простых людей. Надо обеспечить социально-экономическое развитие, прогресс науки и культуры, обмен подлинными духовными ценностями, защитить нравственную сферу от засорения и отравления.

Таково реальное содержание общечеловеческих интересов сегодня. И ни один из них не противоречит идеалам и целям социализма, интересам рабочего класса, интересам нашей страны, мирового социализма. Напротив, чем лучше, полнее, надежнее обеспечен в современном мире любой из этих общечеловеческих интересов или все они вместе, тем крепче и позиции нашей страны.

В здравом, трезвом, идущем от жизни и от запросов людей подходе к перестройке экономических, политических отношений, решению нравственных задач — ключ к тому, чтобы надежда стала былью. Процессы оздоровления сложны, могут идти неравномерно, скачками и зигзагами, но, только создав новые отношения, можно обеспечить тем самым и базу для устойчивого развития общества.

Не создадим, спасуем в ходе перестройки перед какими-то ее трудностями — и тогда разрушительные тенденции в экономической и морально-политической сфере могут обрести в чем-то неоправимые черты. Тогда может грозить не просто возврат к прежнему, к временам застойного сознания, но торжествующий свою победу, агрессивный и мстящий консерватизм. Это надо видеть. Это надо сознавать коммунистам великой партии.

ДЕРЗОСТЬ ИДЕИ И НЕОРДИНАРНОСТЬ ПРАКТИКИ

За короткий по социально-историческим меркам срок пройден неповторимый путь самопознания. Путь трудный, а во многом и болезненный. Пройден обществом, партией, каждым — без преувеличения — мыслящим человеком, ответственным членом общества. Он не завершен.

Конечно, будут продолжаться и анализ, и дискуссии, и поиски решений. Что-то придется пересматривать, корректировать уже по ходу работы. Это неизбежно. Но сегодня КПСС, советские люди располагают концепцией перестройки, социалистического обновления, разумеется открытой для дальнейшего развития.

I

Эта концепция, стратегия ее осуществления сформировались не сразу, не вдруг. Начиная перестройку, партия, ее руководство располагали уже вызревшим комплексом представлений относительно того, что именно и в силу каких причин должно быть сделано в экономике, социальной сфере, общественной жизни страны. Этот комплекс идей лег в основу программных установок апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, во многом определил подготовку XXVII съезда партии, да и всю последующую работу.

Но столь же несомненно, что по мере углубления общественного анализа всех сторон жизни советского общества, всех идущих в нем процессов дополнялась и концепция перестройки. Яснее становились масштабы и характер проблем, их взаимосвязанность, точнее, адреснее и формулировка задач, определение необходимых мер.

Из статьи, написанной для сборника: *Perestrojka Annual.L.—Sydney*, 1988. P. 33—73. Перевод с английского.

С чего начиналась концепция перестройки? Строго говоря, с осознания необходимости обновления общественного бытия.

Было бы неверно говорить, будто перестройка открыла все глубины, например, экономического состояния общества, особенно его перспектив. Но перестройка сделала бытие гласным. Не может быть скрытым от глаз, выпавшим из поля зрения то, что составляет основу повседневной жизни и человека, и общества.

К тому же диагноз проблем, с которыми вступила экономика в 80-е годы, был в известной мере очевиден давно — еще в годы 60-е. Достаточно посмотреть документы последнего перед перестройкой 20-летия, и станет видно, что об экстенсивной модели развития, неудовлетворительном положении в сельском хозяйстве, безразличии производителя к нуждам и запросам потребителя, низкой чувствительности экономики к научно-техническому прогрессу, засилье в ней бюрократических начал — обо всем этом речь шла на протяжении многих лет. Более того, принимались нередко и правильные решения.

Но положение сколько-нибудь существенно, принципиально к лучшему не менялось. Хуже того, к апрелю 1985 года, когда была сформулирована идея перестройки, было очевидным, что страна находится в состоянии длительного, крайне опасного застоя. Застоя не только в экономике, но и в социальной сфере, во всей общественной жизни. Повсеместно — от нравственного состояния общества до положения дел во многих материальных отраслях жизни и деятельности — обозначились серьезные признаки разложения, эти неизбежные спутники застоя. Положение было справедливо охарактеризовано как предкризисное.

Возникали вопросы: были ли неверны в своих исходных посылах принимавшиеся ранее решения, или же они попросту не проводились в жизнь должным образом? Или же действовали какие-то глубинные причины и тенденции, которые не учитывались этими решениями и даже, возможно, не были распознаны, поняты? Судя по всему, существовало и то, и другое, и третье.

Но сама постановка назревших проблем стала качественным сдвигом в политическом и общественном сознании, важной духовной предпосылкой перестройки. Оказалось непростым делом, и последующие события подтвердили это, пойти наперерез инерции мышления, устоявшимся шаблонам, а также и вполне реальным интересам, когда благополучие и бездеятельность прикрывалось рассуждениями о «верности принципам», о возможных угрозах судьбам социализма, если такие шаблоны и стереотипы будут подвергнуты критическому анализу. Все это нельзя не признать закономерным: только так, через противоборство нового со старым и движется жизнь.

Во-первых, потому, что было бы в высшей степени странно ожидать от кого бы то ни было внезапной, по прихоти, смены убеждений. История, если уж на то пошло, свидетельствует как раз об обратном: о том, как трудно меняются убеждения даже тогда, когда они вступают в прямое противоречие с жизнью.

Во-вторых, революция и социализм позволили вырвать многие десятки народов царской империи из забитости, угнетенности, отсталости, построить современное государство с мощной наукой, развитой культурой народов. Это результаты исторического масштаба и значения.

Но социализм — не икона и не идол, которым поклоняются в надежде на милость божества. Подлинный социализм — это свободное творчество свободного человека, он сам развивается, идет вперед, проходит через различные этапы своего качественного совершенствования, через моменты «отрицания отрицания», периоды прорыва к новым идеям и новой практике.

Первым теоретическим и практическим итогом перестройки стало осознание того, что в социально-экономическом организме общества действует мощный механизм торможения. Это понятие включает в себя многое: и признание факта существования и в социалистическом обществе собственных консервативных сил и интересов. И понимание того, что в хозяйственную, социальную сферу заложено недостаточно стимулов, которые звали бы, а если надо, то и подталкивали человека, коллектив, общество вперед. И понимание несовершенства системы экономического планирования и управления и т. д. В широком политическом смысле механизм торможения — все то, что сдерживает, мешает нормальному прогрессу экономики и общества и что нельзя устранить только посредством ликвидации некомпетентности или разгильдяйства.

Проблема в высшей степени сложная. Особенно в плане познания истоков и причин возникновения факторов торможения, их движущих сил и механизма действия, а главное — с точки зрения создания такой саморегулирующейся системы, экономических и политических мер, которые бы сломали механизм торможения и блокировали его возможный возврат.

Прежде всего надо навести элементарный порядок и дисциплину везде и во всем. Безответственность, недисциплинированность в работе и обязательствах получили в годы застоя широкое распространение. И произошло это на всех уровнях и далеко не случайно. Так было легче жить, удобнее и проще руководить. К тому же и вся сложившаяся система экономических отношений никак не карала лень, бездеятельность, недобросовестность и не вознаграждала должным образом противоположные им позитивные качества.

В итоге одно только наведение элементарного порядка может дать ощутимую практическую пользу во всех отношениях. Оно является внешним условием утверждения новой этики и психологии ведения практических дел. Но это — всего лишь предпосылка, хотя и необходимая, эффективности мер качественного характера, в совокупности составляющих радикальную экономическую реформу.

Принципиальное различие с прошлым, как относительно недавним, так и отдаленным, заключалось в установке партии на всемерное развитие социалистической демократии и гласности.

Почему одновременно эти понятия как бы разводятся использованием двух разных слов и объединяются, ибо везде и всегда соседствуют друг с другом? Не одно ли это явление, просто с акцентом на различные его стороны? И да и нет.

Что такое социалистическая демократия, в общем-то понятно. Это народовластие на всех уровнях — от трудового коллектива, производственной бригады до страны в целом. Не выборы только, хотя выборы — неотъемлемая и существенная часть демократии, но именно участие на повседневной и максимально широкой основе и через законных представителей народа. Разумеется, конкретные формы могут быть весьма разнообразными, в зависимости от того, о какой конкретной функции, сфере деятельности, цели идет речь.

Но подлинная демократия невозможна без широкой и полной информированности населения. И прежде всего по тем вопросам, что составляют основное содержание его повседневной жизни. Здесь накопилось немало проблем. Дело не только в том, что на практике существовали нормы, строго говоря, малодемократические или что фактическое исполнение этих норм отклонялось, порой существенно, от предусмотренного законом порядка.

Застойные годы потому и оказались застойными, что характеризовались причудливым и противоестественным сочетанием бездействия и безответственности одних, некомпетентности других, намеренных злоупотреблений третьих, попустительства четвертых, комфортабельного сибаритства пятых и т. д. Конечно, большинство людей оставались честными, порядочными, добросовестными тружениками — иначе просто не могла бы родиться перестройка. Но тон в общественной жизни все больше задавали не они. И поскольку такое положение длилось годами, оно стало восприниматься как своеобразная норма.

Уход от проблем, самообман и обман получили широкое распространение. Не только критика, но и обычная информация

о реальном положении дел стали восприниматься как неприемлемые, как нарушение устоявшихся правил. Возникло большое число зон вне критики, и не только в масштабах республик и отдельных областей, но и на более низких уровнях: в трудовых коллективах, учреждениях, организациях.

Гласность взламывает такое положение. Гласность не просто право говорить обо всем, говорить вслух. Ответственно, никого и ничего не боясь, не оскорбляя достоинство других, высказывать и отстаивать собственное мнение, позицию, но уважать и мнение несогласных. Гласность — это право на собственноручный анализ положения дел на всех уровнях — от предприятия до государства. Гласность — это и обязательное требование к стилю работы, прежде всего к стилю руководства.

Иногда утверждают, что перестройка затронула еще далеко не всех, что идет вперед она медленнее, чем могла. Да, социальная апатия еще не преодолена бесповоротно. Но взрыва общественного интереса, творчества невозможно отрицать. Этот процесс продолжается, идет по нарастающей, что понятно: каждый новый шаг, каждый, пусть самый частный, успех вербует новых сторонников и активных бойцов перестройки.

Да, перестройка движется вперед медленнее, чем хотелось бы. Но надо видеть и масштабы, и сложность, и беспрецедентность решаемых проблем. Излишняя торопливость здесь не менее вредна, чем медлительность. И то, что люди думают, взвешивают варианты, спорят, не только нормально и естественно. Это наилучшее выражение поддержки перестройке, к которой относятся как к реальному и большому делу, а не как к очередной кампании.

Заинтересованная, демократическая поддержка перестройки решающим образом способствовала пониманию того, что крупномасштабные перемены в экономике станут реальностью лишь в том случае, если опорутся на радикальную ее реформу. О чем конкретно идет здесь речь?

Прежде всего о разнообразии форм владения собственностью для ее экономического и иного использования. Основа общества — народная собственность, но общенародная не тождественно — «государственная», которая нередко воспринимается как пичья, открывает возможности для того, чтобы относительно узкие категории обогащались за счет этой собственности и вопреки интересам общества, притом на основе, освященной сложившимся порядком хозяйствования. А как иначе, кроме как подобным обогащением за счет общества, можно назвать запланированный выпуск никому не нужной продукции, вкладывание средств в ненужные и даже вредные проекты и многое другое, что делается на базе ведомственных интересов.

Социалистическая собственность будет действительно общенародной только тогда, когда владение ею и все экономические последствия такого владения будут целиком и полностью возложены на реальное юридическое лицо, трудовой коллектив, который и будет практически хозяином ее. Но эта функция может быть реализована только в условиях множественности и форм собственности, и форм ее реализации.

Такое осуществление прав социалистического хозяина требует его безусловной самостоятельности, реализации возможности определять самому важнейшие направления работы, ее конкретные хозяйственные параметры, выбирать поставщиков и потребителей. И самому нести материальную ответственность: финансировать свою работу, брать кредиты на обеспечение деятельности, жить по-заработанному, по средствам, распределять их между зарплатой, социальными нуждами и реконструкцией, расширением производства. Это, в свою очередь, требует реформы сложившейся в СССР системы ценообразования и освоения промышленности в целом товарно-денежных отношений, создания социалистического рынка во всей его полноте.

Но опыт первых трех лет перестройки показал: многое в новой практике реформируемой экономики упирается в изжившие себя политические институты. Не всегда новое содержание можно вложить в прежние формы, тем более что сами эти формы создавались в свое время как раз для того, чтобы максимально единообразить, унифицировать содержание, свести его к минимуму самостоятельности нижестоящих по отношению к вышестоящим.

Истоки сопротивления перестройке тоже видны сегодня яснее, чем год-два тому назад. Тогда делался упор на субъективные моменты. На силу инерции в психологии, на привычки, навыки, общественные настроения. На сохраняющуюся социальную апатию. На бюрократизм как непосредственную деятельность чиновников. На узкокорыстные интересы тех, кого перестройка выпуждает честнее жить, добросовестнее и напряженнее трудиться. Все это верно, и все это не исчезло, продолжает жить, мешает и сегодня.

Но теперь очевиднее и то сопротивление, которое исходит от причин более глубинных и серьезных, от самого перестраиваемого материала: общественных отношений, экономической и социальной инфраструктуры, политической и правовой организации жизни. И одна из особенностей решений XIX Всесоюзной партконференции, июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС — притом особенностей принципиальных, — в том и состоит, что они выводят на этот уровень понимания, на эту глубину работы, на эти критерии ответственности.

II

В чем сущность политической реформы? Прежде всего в том, чтобы открыть самые широкие возможности для демократии, социалистического самоуправления народа на всех уровнях общества и государства. В том, чтобы разграничить в обществе функции экономические, политические, идейно-воспитательные, культурные, иные; четко разделить права и обязанности, сферу ответственности за выполнение этих функций между партийными, советскими, государственными, общественными, хозяйственными органами. В том, чтобы поставить всю жизнь социалистического общества на четкую основу законности, определить новые, назревшие соотношения между правами центра и мест. В том, чтобы существенно расширить права человека, коллектива, общества в противовес гипертрофированно разросшимся правам государства, означающим всеисилие, а подчас и провозвал отдельных лиц или групп, обладающих властью.

Анализ накопленного опыта, включая и опыт перестройки, убеждает, что политическая система нуждается в серьезных изменениях. Дальнейший прогресс общества обусловлен тем, насколько будет включена в работу инициатива, заинтересованность, творческий потенциал каждого человека, трудового коллектива. Это и будет преодолением на деле отчуждения человека от власти и производства.

Дискуссии, вся практика перестройки неоспоримо свидетельствуют: глубинные причины торможения вскрыты, более или менее поняты, но еще не преодолены. И пока это так, продолжают свою разрушительную работу. Механизмы обновления задействованы еще далеко не в полную силу. Перестройка коснулась пока фактически только самого верхнего, относительно легкодоступного слоя проблем, и нужно готовиться к встрече с глубинными их слоями, приближать эту встречу.

Нелегкие испытания, которые ждут страну, надо встретить во всеоружии. Главное тут — придать уже начатому движению необратимость, под которой мыслится не неизменность новых форм, созданных и создаваемых ныне, — они меняются уже в процессе самой же перестройки, — но невозможность возврата ко всему тому, что искажало и тормозило и наше развитие, и общество, и сами идеалы социализма.

В стране наших масштабов, многообразия, сложностей невозможно быстро перестроить практически всю жизнь, которая складывалась десятилетиями. Нужна логичность, последовательность работы, тщательная подготовка всех ее шагов, этапов. Но и добрая настырность в их осуществлении, когда время пришло, условия и предпосылки созрели, необходима.

Реконструкция политической системы, перестройка самой партии поставлены в повестку дня всем ходом перестройки. Ключевое звено такой реконструкции — полновластие Советов снизу доверху, которое должно быть обеспечено через изменение характера их взаимоотношений с партийными органами, упорядочение взаимодействия законодательной и исполнительной власти, укрепление прав и компетенции Советов на своих территориях, повышение профессионализма исполнительного аппарата.

Крайне важно здесь не только расширение прав Советов по закону, передача в их ведение широкого круга вопросов жизни республики, области, города, района, но и обеспечение материальной, практической базы для всей их деятельности. Партийные органы должны будут передать, а Советы — взять на себя многие задачи, такие, например, как обеспечение нормального функционирования всего, что работает на подвластной им территории на человека. Должна быть в корне перестроена вся система взаимоотношений Советов с расположенными на их территории предприятиями и теми министерствами и ведомствами, которым подчинены эти предприятия. Из органа просящего, уговаривающего или бездействующего Совет должен стать действительно законодательным, работающим, обязывающим. Внутри самой структуры местных органов власти предстоит резко поднять роль их депутатской, избираемой части, то есть собственно Совета, и не менее существенно поднять компетентность и ответственность исполнительного аппарата.

Предстоит и широкая правовая реформа, под которой понимается не только совершенствование существующего законодательства, но и построение всего здания новой политической системы в целом. Необходимо выработать, в теории и на практике, пути и способы оптимального сочетания интересов общих и частных. В специфических условиях многонационального состава общества, федеративного государственного устройства это потребует также и определенного переосмысления прав и обязанностей в отношениях между Союзом и входящими в него республиками, а также между самими республиками.

Возрождение полновластия Советов наряду с реформой судебной системы и других правовых институтов, обеспечивающих регулирование в рамках закона взаимоотношений между государством и его гражданами, охрану политических, экономических, социальных и личных прав всех членов общества, будет означать создание полноценного социалистического правового государства, в котором высшим принципом будет безусловное равенство всех перед законом.

Для этого нужны серьезные преобразования в существующем законодательстве, в судебной и правоохранительной системе, с тем чтобы они соответствовали новому этапу развития общества. Необходим комплекс новых законов там, где их не было и нет. Должна быть сломана фактически устоявшаяся практика, когда ведомственные нормативные акты способны де-факто перечеркивать законы, становиться над ними, а то и над конституцией. Вся жизнь и функционирование общества обязаны подчиняться закону, регулироваться им. Это и будет правовым социалистическим государством.

КПСС, выдвинув программу перестройки, тем самым продемонстрировала свою авангардную роль в обществе. Она сумела вскрыть причины, деформировавшие социализм, дать безбоязненный критический анализ состояния общества и самой партии, сплотила массы вокруг идей перестройки, организовала практическое ее осуществление. Вместе с тем необходимо в полной мере возродить внутривластную демократию, особенно пострадавшую в период культа личности и в годы застоя, перейти от административно-командных методов работы к политическим, осуществить целый ряд других преобразований.

Начав перестройку, КПСС сознательно поставила себя под общественную экспертизу. Только так можно открыть шлюзы для действительно глубокого анализа накопившихся проблем, сильных и слабых сторон экономики, общества, отделить действительные успехи от мнимых, кажущихся, от упущений. Только так можно решить и задачу, важную для самой партии: поглядеть в зеркало непредвзятого общественного мнения, разобраться в процессах, что шли и идут в самой партии. Возрождение в партии атмосферы открытости, дискуссий, критики и самокритики, коллективизма и личной ответственности началось. Усиление этого процесса — одна из гарантий необратимости перестройки.

Реформа политической системы — это движение к свободе, ответственности. А такое движение — не единовременный процесс, не разовый акт. Развивается общество, меняется окружающий мир, не остаются неизменными и люди. Будет эволюционировать и система общественного социалистического самоуправления. Конечно, эта задача долговременного масштаба, одними реформациями коридоров власти ее не решить. По сути, это проблема развития всей политической культуры общества. И потому одна из целей политической реформы — интегрировать в создаваемые механизмы и структуры восприимчивость к новому.

Перестройка вызвана к жизни не только пониманием предстоящих задач, не только императивами экономики и политики, но и нравственными двигателями. Наступил момент, когда сочетание экономических неурядиц, нерешенных и нерешаемых социальных вопросов, засилья бюрократизма, распространявшихся безответственности и безнаказанности породили в здоровой части общества чувство оскорбления, досады и обиды. Оскорбления, нанесенного тем людям, которые могут и хотят трудиться добросовестно, получая должное вознаграждение за свой труд, но лишены возможности это делать. Обиды за страну, которая, располагая огромным, во многих отношениях уникальным потенциалом, начала буксовать, создала систему торможения. В конечном счете — обиды за социализм, который дался очень непросто, а теперь, похоже, сам пуждается в защите от паразитического насилия.

С самого начала все проблемы перестройки, разработки ее концепции ставились и решались не просто с прагматической точки зрения, но прежде всего с нравственного их угла, притом решались новаторски. Речь идет не о морализаторстве на пустом месте, не о направленных в воздух призывах к добродетели. Проблема нравственного должна стоять в диалектической взаимосвязи с жизнью и человеком.

Не снимая моральной, а если необходимо, то и правовой ответственности с человека за каждый его поступок, за его бездействие там, где нужна активная гражданская позиция, правомерно задать и такой вопрос: что же мешает человеку становиться лучше? Какие условия и как поощряют безнравственность, плодят ее?

Так перестройка вышла на требование экономики не только эффективной, но и нравственной. Хозяйственные успехи и достижения нужны не любой ценой. То, что дается ценой моральных издержек, насилия над нравственностью, сколь бы оно ни было значительно в материальном выражении, в конечном счете неизменно ослабляет общество, а не укрепляет его, не обогащает даже и материально. Вознаграждение по труду и за конкретный труд, конкретный результат, организация экономики, ее функционирование — все это во всех составных частях должно строиться по законам нравственности, совестливости.

Было осознано нравственное содержание таких экономических категорий, как хозрасчет, самоокупаемость, аренда, подряд, социалистический рынок и многие другие. Так, хозрасчет и рынок — не просто определенные аспекты хозяйствования, но и формы общественной оценки труда человека, коллектива, их

нужности и полезности обществу. А следовательно, и практические критерии нравственности в повседневной деятельности, ибо не может быть нравственным то, что делается только для вала.

Точно так же хозрасчет, самоокупаемость, аренда и подряд — это и условия проявления самостоятельности, инициативы, сметки и предприимчивости человека, коллектива. А следовательно, условия воспитания этих столь ценных и нужных и обществу, и самому человеку качеств. Идеология социалистического хозяина — важнейший заслон бесхозяйственности, затратности экономики и не менее существенный фактор воспитания чувства ответственности и самодисциплины.

Подчеркну здесь главное: *человек становится личностью исключительно через собственный многосторонний социальный опыт, и никак иначе*. Воспитывает в конечном счете жизнь, бытие, причем воспитывает в любом случае — осознается это человеком, правящей партией, государством, учитывается или нет. Воспитывает в здоровом направлении, если и в самой жизни верх берут созидательные процессы, но и в нездоровом, если имеющиеся в любом обществе трудности, недостатки не преодолеваются, тем более игнорируются, если слова расходятся с делами.

С этих позиций следует рассматривать и все значение процессов демократизации и гласности. Ибо и они несут нравственные, воспитательные функции огромного, неопределимого значения. Только в демократическом обществе, в обстановке гласности человек сможет получить личный опыт участия в делах общества. Только здесь он познает радость самовыражения, наслаждение деятельностью, удовлетворение от созидания. Только здесь испытывает себя в столкновении со злом и учится ценить подлинный коллективизм, добиваться его. Короче, только в свободном и демократическом обществе он получает наилучшие условия для духовного развития и для практического использования, приложения итогов этого развития.

По существу, многое негативное, что есть в обществе и в самом человеке, имеет своим истоком отчуждение. Отчуждение от результатов своего труда. Отчуждение от реальной власти. Отчуждение от других людей. Исторические корни такого отчуждения двояки. Они идут от разделения труда в современном промышленном обществе, и эту сторону социализм перестроить, изменить не может. Разделение труда останется еще надолго. Но отчуждение идет и от социальной организации общественной жизни. И вот тут социализм не только может пересмотреть доставшееся ему наследство, но и обязан это сделать.

Борьба против отчуждения во всех его формах и проявлениях и составляет нравственный стержень перестройки. Это борьба не столько «против», сколько «за». За человека активного, сознательного, гражданского в делах и поступках, справедливого и совестливого, порядочного, за человека-труженика, человека-семьянина, человека — сына своего народа, патриота своего Отечества.

Отличительная черта перестройки в том, что все ставится на твердую почву реальной жизни и реального сознания, объективных условий и субъективных качеств человека. Перестройка — не только совокупность реформ: экономической и политической. Она — взаимодействие и взаимодополнение, диалектическое единство и целостность преобразований, с выходом непременно на человека во всем, идет ли речь о продовольствии или же о сложнейших путях формирования его сознания.

В нравственных аспектах социалистического обновления — и начало, и завершение концепции перестройки. Социализм — общество гуманное, подлинно свободных и равноправных людей. И создавать его можно, лишь поверяя самыми высокими нравственными критериями каждое дело, каждый поступок, каждое начинание.

ОБНОВЛЕНИЕ — ИСТОЧНИК ЕДИНСТВА И РАЗВИТИЯ

Наши партии связывают общие убеждения и цели социального прогресса, совместной борьбы в условиях тяжелых испытаний, которые история отвела на долю коммунистов. Это дает мне право по-братски приветствовать ваш съезд от имени советских коммунистов, Центрального Комитета КПСС.

Мы живем в переломное время бурного обновления, перехода мирового сообщества к разоруженному и ненасильственному миру, если, конечно, здравый смысл возьмет верх и человечество сумеет сделать рывок к миру гармонии соперничества и сотрудничества. Путь в это будущее не обещает быть легким, но высокое благородство цели вознаграждает любые усилия.

Вне человеческой деятельности истории нет. Все в руках человека: трагедии и гениальные творения, преступления и милосердие. Уже не одно столетие преследуют человека труда голод и нищета, безработица и детская преступность, эксплуатация и духовное отчуждение, многие другие беды, рождаемые социальной несправедливостью. Но и войны, и безумные затраты ума и труда на оружие и обогащение немногих настигают человека тогда, когда он отдает свою судьбу на откуп игре обстоятельств, формируемых силами корысти — власти или наживы.

Октябрь 1917 года открыл эпоху социального освобождения, дал мощный изначальный импульс раскрепощению трудящихся, угнетенных народов, глубоким переменам в политике, экономике, просвещении, жизненном укладе. Многие лозунги рабочего движения, выдвигавшиеся в прошлом веке и даже в первой половине нынешнего столетия, реализованы или почти реализованы. И в том, что мир сегодня реально изменился, что народы обретают возможность свободного выбора, великая заслуга социализма,

Из выступления на IX съезде ГКП. Франкфурт-на-Майне. 6 января 1989 г. Опубликовано в газете «Правда» 7 января 1989 г.

всего рабочего, коммунистического, общедемократического движения, в том числе немецких коммунистов, многих их выдающихся руководителей.

Материальный базис бытия человечества изменился коренным образом. Новый этап научно-технической революции обещает последствия, пока еще скрытые от нашего познания. Радикальные перемены претерпевает социальная картина мира — мира плюралистического, многослойного, со множеством переходных форм общественного развития, с усложнившейся социальной структурой. И вместе с тем глубоко взаимозависимого, взаимосвязанного. Противоречивого в переплетении своих нелегких проблем, но и целостного в своем историческом развитии.

В сущности, сложилась и продолжает эволюционировать новая система закономерностей общественного развития. Складывается принципиально иная структура интересов и приоритетов. В жизнь властно вторглись, мощно проявили себя интересы общечеловеческого характера, требующие совместной, коллективной, интернациональной реализации.

Объективно такие интересы существовали всегда. Человечество, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, единый род. Но только в последние десятилетия, когда техническая цивилизация породила и общие проблемы, и общие угрозы, наиболее опасными из которых являются угроза ядерного взаимоистребления и экологического самоистребления,— только теперь общечеловеческие интересы начинают осознаваться, прежде всего через их трагические измерения. Они стали принципиальным фактором оценок политики государств и партий, в национальном и мировом масштабах, решающим критерием ее гуманистичности.

Конечно, это не означает, что все другие интересы внезапно исчезли или растворились, не заявляют о себе жгуче и непримиримо. Но какие коллективные и частные интересы могут быть благотворно реализованы сейчас, будучи противопоставленными воистину первичной общечеловеческой потребности в выживании?

Борьба за организацию нового, демократического, справедливого мирового порядка, который гарантировал бы выживание человечества и дальнейший его прогресс,— это подлинно революционная задача. Мир труда не сможет полностью освободить себя, не освободив человечество от угрозы самоуничтожения, его совесть не может быть спокойна, пока над миром висит смертельный ядерный меч.

Закономерно и естественно, что в современных условиях реализация классовых интересов трудящихся принимает новые черты, новые характеристики. Мы хорошо почувствовали это у себя,

в Советском Союзе. Нашим ответом на вызов времени стала перестройка.

Общественные преобразования в нашей стране — это продолжение дела, начатого Великим Октябрем, это созидание качественно нового социалистического общества на более высокой стадии его развития.

Мы гордимся тем, что социализм в нашей стране прочно встал на ноги, накопил внушительный исходный потенциал. Но пропустили момент, когда его выросшие и усложнившиеся производительные силы потребовали перемен в общественных отношениях. Мы гордимся тем, что освободили человека труда от унижительной зависимости по отношению к частному капиталу и его государству. Но не смогли предотвратить процесс отчуждения человека от собственности и власти, что приходится сейчас поправлять, и поправлять решительно.

Перестройка, начало которой положено в марте — апреле 1985 года, — подлинная революция, но революция, проходящая в темпах и по законам эволюции. Это — революция в ипостаси глубоких реформ, революционных по своему содержанию, направленных на возрождение гуманистического облика социализма, достижение его незыблемых целей во имя коренных интересов трудящихся.

Конечно, жизнь в нашей стране бурлит, рождает ошибки страстей, а порой и издержки — и в отношении прошлого, и в отношении настоящего. Но в нашей беспощадной самооценке критериями правды нет ни тени самоуничижения. Гордиться свершенным вовсе не значит закрывать глаза на возможности, которые как бы застыли на многие годы, нерешенные проблемы, на ошибки и деформации и уж тем более — на трагедии минувшего.

В немецком языке есть емкое понятие «преодоление прошлого», а по Гегелю — «отрицание отрицания». Без учета уроков прошлого, без знания правды во всех ее свершениях и трагедиях ни один народ и ни один общественный организм не будут здоровыми и тем более застрахованными от роковых рецидивов. Только те, кто изучает марксизм вне происходящих реальностей, кто не несет прямой ответственности за судьбы людей, могут, впадая в самообман, тешить себя иллюзиями, что непогрешимость догмы важнее развития, выше живой жизни.

Социалистичность того нового, что рождает перестройка, проверяется конечно же не схоластическим соответствием канонизированным схемам, а тем, что она дает человеку, трудящемуся, народу, стране, социализму, общечеловеческому прогрессу. Как сказал на XIX партконференции КПСС М. С. Горбачев, «советский народ хочет ясной перспективы. Демократии полнокровной

и безоговорочной. Законности без изъятий. Гласности во всем — в большом и малом. Братства и товарищества в отношениях. Уважения к трудолюбию и таланту, верному служению делу и общественному долгу»¹.

Мы, советские коммунисты, пойдем дальше по пути социалистической перестройки, утверждения народовластия.

КПСС верна принципу многообразия путей к социализму, многовариантности развития самого социализма, коллективности творчества на основе полной гласности, открытости, свободных дискуссий, в ходе которых только и достигаются принципиальные согласия. Серьезные, конструктивные дискуссии единомышленников — всегда очищающее обновление, важнейший источник единства и развития.

Капитализм на пороге новых глубоких перемен. В прошлом буржуазный класс трижды впадал в тяжкую социальную панику: в октябре 1917 года, в 30-е годы и в первое десятилетие после второй мировой войны. Он сумел, надо отдать должное, сделать выводы из новых условий, потрясших само его существование. Тем не менее многие старые проблемы империализма — особенно в глобальных масштабах — и сейчас не решены, к ним добавилось множество новых.

Изменения, которых не избежать, происходят под влиянием достижений научно-технической революции, роста демократических настроений, под воздействием социалистических идей и практики. Не все из опыта современного капитализма укладывается в наши прежние теоретические представления.

КПСС извлекает отсюда уроки и для себя. Мы еще раз убеждаемся в том, что реалистический, а стало быть — диалектический анализ мира, его развития должен быть непререкаемым правилом. На недавней встрече руководителей наших партий в Москве подчеркивалось, что коммунисты не могут пренебрегать осмыслением общественного развития на основе новых мировых процессов. Настоятельно ощущается потребность в незаурядных подходах, нестандартных моделях и лозунгах.

С момента своего зарождения живой водой коммунизма является борьба за свободу, за демократию. Да, демократия сегодня — лозунг, приводящий в движение весь мир, это условие его выживания и прогресса, действительный путь в будущее.

Конечно, монополии на демократию нет. Но у коммунистов своя неповторимая роль. Это — обеспечение последовательности в революционной борьбе. Это — роль политического авангарда в борьбе за расширение и упрочение демократических порядков,

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1989. Т. 6. С. 397.

которые одни только надежная база для утверждения подлинной социальной справедливости и свободы. Это — неизменная готовность соотносить слово и дело с общечеловеческими интересами, мерить их высшими критериями гуманизма, подчинять свою стратегию и тактику научному, стало быть, динамично меняющемуся видению мира и общества, а не соперничеству догм и эгоизмов.

В последние годы немало сделано для того, чтобы сообщить новое качество советско-западногерманским отношениям. Мы придаем им большое значение, хотим улучшений долговременного характера.

Коммунисты ФРГ были среди первых, кто даже в самые трудные для советско-западногерманских отношений времена неустанно боролся за создание климата доверия между нашими странами, за ту самую «новую главу», о которой сейчас говорят все серьезные политики.

Советские коммунисты высоко оценивают поддержку вашей партией судьбоносных общественных преобразований в нашей стране, столь искренне прозвучавшую на вашем съезде.

С момента рождения здесь, на немецкой земле, научного социализма коммунисты стояли у истоков великих общественных предвидений и свершений, сформировавших современный мир таким, какой он есть. Коммунисты всегда были на острие тревог, надвигавшихся бед и проблем человечества. Так есть! Так будет и впредь!

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — ЕВРОПЕЙСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ

По моему глубокому убеждению, война как политическая альтернатива ушла из Европы. Да и всюду в мире крепнут силы, которые так или иначе побуждают к вступлению в мирный период цивилизации, период свободы выбора, многовариантности общественного развития, новых международных отношений.

Но остался трудный исторический опыт. Остались внушенные когда-то страхи, подозрения давнего и недавнего прошлого. Остался и даже усилился в последние десятилетия милитаризм общего и политического мышления. Сохраняется инерция проводить границу добра и зла по границам идеологических, политических, блоковых водоразделов.

Европейский континент готовится войти в XXI век, а его сознание еще во многом продолжает споры XIX — начала XX столетия. И что самое нелепое, ведутся они во многом по логике конфронтационных стереотипов. Именно это упрямое сознание мешает по достоинству оценить характер и масштабы задач, уже переступивших порог современности и нацелившихся на будущее. Поглощенные страхами прошлого, европейцы — к которым мы без каких-либо оговорок относим и себя — рискуют просмотреть совсем другие, не надуманные, а вполне осязаемые опасности, способные затормозить позитивные процессы.

Стоит ли удивляться, что в человеческом сообществе в таком избытке предрассудки, если практически вся его история есть череда вооруженных конфликтов? Звучит почти неправдоподобно, но факт остается фактом: на войны, подготовку к ним и залечивание панесенных ран истрачено больше природных ресурсов, чем на созидание — в точном и полном смысле этого слова.

Выступление в Немецком обществе внешней политики. Бонн. 9 января 1989 г. Публикуется впервые.

Деформированное конфликтами и войнами, ненавистью, постоянным психологическим давлением недоверия и страха, такое сознание мешает сегодня ликвидировать очевидный анахронизм: горы вооружений, одно накопление которых на континенте уже представляет собой величайшую угрозу. Фанатичная вера во всемогущество и благотворность силы обращается ныне в свою противоположность, ведет от безопасности, хотя и зыбкой, все дальше в сферу непредсказуемости.

Вот почему самое необходимое сегодня — это революция в сознании, мышлении. Меняющийся во многих отношениях мир побуждает и подходить к нему по-новому, действовать не по шаблонам и привычкам, исходящим из самоуверенности силы. Противоречия, конфликты, несовпадения взглядов, взаимные симпатии и антипатии — все это будет и дальше. Но регулировать их силой становится все более бессмысленным и аморальным. Взаимосогласованное право, баланс интересов, терпимость и уважительность — словом, плюрализм и демократия, столь ценимые многими в собственных странах, должны стать нормой и в международных делах.

I

Способна ли Европа на такую революцию сознания? Революцию, которая стала бы не победой одной стороны над другой в традиционно конфронтационном смысле, но победой здравого смысла, совместной разработкой новых идей, представлений, норм.

Насколько реалистично рассчитывать, что политическое сознание континента выйдет на новое содержание, сделает возможной материализацию идеи «общеевропейского дома»?

Уже сегодня взаимопонимание между Востоком и Западом стало богаче. Признана неприемлемость ядерной войны. Есть принципиальное согласие о недопустимости применения силы в отношениях между государствами континента. Признается необходимость сотрудничества на разных направлениях — экономика, наука и техника, гуманитарные вопросы, обмены. Можно сказать, на уровне принципов достигнуто многое.

Есть и немалый практический задел, он хорошо известен. В чем же тогда проблема, откуда вопрос о возможности и способности европейской психологии повернуться к новому мышлению?

Усилия к установлению общеевропейского сотрудничества все еще во многом направлены как бы в ретроспективу, на решение споров и противоречий вчерашнего дня. И потому упираются в прошлое, в его политические и психологические нагромождения.

А на горизонте жизни уже иные проблемы, завтра они станут доминирующими. Но холодный ветер из прошлого пока еще пересиливает, к сожалению, теплое дуновение из будущего.

Три фактора, как представляется, существенны для эволюции политического сознания. Это исторический опыт европейских духовных революций. Это развитие объективных процессов и тенденций во всех сферах жизни на континенте и в мире в целом. И это готовность ведущих политических сил континента, государств и союзов государств смело обращаться к новым подходам, подвергать разумному сомнению и трезвому анализу догмы, шаблоны и политические ярлыки прошлого.

Европейская история знает не одну революцию духа, которые открывали новые горизонты развития перед народами континента. Весь путь Старого Света отмечен великими озарениями. Они расчищали выход из средневековья и религиозного фанатизма к раскрепощению разума, от иррационального к рациональному. Двигали вперед миропознание, естественную человеческую любознательность, науку и технику. Европа — колыбель многих философских и этических школ. Она — регион смелых социальных идей, крупных общественных поворотов, не раз открывавших новые страницы в истории цивилизации. Великое преобразующее движение современности — социализм сформировался на европейских реалиях и духовных опорах.

Эти исторические корни и великие традиции подводят сейчас не только к практической, но и, уверен, нравственной мысли: настал момент, когда сама природа отказала человеку в сомнительной роскоши конфликтовать, давать необузданную волю наклонностям и чувствам, эгоизму интересов, материальной корысти.

История Европы позволяет сделать некоторые заключения. Они разноплановы, но, рассмотренные вместе, могут выступать образующим фактором политики.

Во-первых, все лучшее, чем по праву гордятся ее народы — в материальной ли сфере, в духовном наследии или же в организации и формах общественных отношений, человеческого общения, — все это непременно результат труда, целеустремленности, преданности начатому делу, способности и желания довести его до результата, до полезного завершения. Войнами и конфликтами не создано в Европе ничего.

Точно так же и мир безопасный, безъядерный, более совершенный и справедливый, более демократический, чем сегодня, способный решать ненасильственными путями встающие перед ним задачи, — такой мир может быть построен и, что еще более важно, может поддерживаться только непрерывными конструктивными усилиями народов, государств и правительств.

Во-вторых, трагедии Европы так или иначе были производными не от соединения усилий и разума, не от поиска взаимопонимания, но от противопоставления одних интересов другим, от произвольного расчленения безопасности, причем не только по эгонистическим и групповым признакам. Зримо недоставало общеевропейского представления о том, куда же идет континент, как эволюционируют отношения между его народами. А главное, какую структуру отношений хотят создать, в каких практических целях и интересах.

Отдаваться целиком и полностью сиюминутным конфликтам и соперничеству, видеть в них, только в них или прежде всего в них, и причину, и смысл мировой политики — значит плыть по течению, сдать на волю стихии и случая. А стихия имеет обыкновение утверждать себя через насилие: именно оно и выступает регулятором общественных процессов там, где человеку не хватает знаний, средств, а иногда просто мужества глядеть в лицо реалиям и проблемам.

В-третьих, исторический, дипломатический опыт континента свидетельствует, что одних добрых намерений мало, сами по себе они не способны гарантировать достижение желаемого результата. Усилия и намерения должны непременно подкрепляться соответствующими социальными знаниями, смелым, непредвзятым анализом, ответственными практическими действиями.

Но именно совместными, ибо европейская история обильна и примерами того, как схемы, казалось бы во многих отношениях привлекательные, закладывались в основу политики одного союза против другого. Так было во времена Венского конгресса. Так произошло в Версале. По такой же схеме строилась Лига Наций. Так четыре десятилетия назад Объединенные Нации были обездвижены «холодной войной».

Могут возразить: для этого были свои основания. Несомненно, были — иначе история пошла бы как-то иначе. Но было и нечто другое. Далеко не второстепенную роль сыграли зауженные социальные представления, когда пределом возможного и допустимого полагались национальные и конфессиональные границы. Вспомним, давно ли темпы прогресса — экономического, научно-технического, социального — были улиточными. Особенно социального. Сдвиги, перемены накапливались десятилетиями, плохо просматривались, иногда были просто не видны в пределах жизни одного и того же поколения. Еще медленнее происходило накопление информации, ее постижение общественным сознанием давалось с превеликим трудом.

И вековая традиция жизни бок о бок с внешним противником, врагом. В борьбе с ним ничто не подпадало под запреты, рождались свои представления о мере допустимого. Возникло

«право войны», регламентировавшее, как и кого убивать, чем очередную войну завершить. Каждая очередная военная победа вызвала иллюзию, будто мир отныне может быть построен на результатах победы. У другой же стороны — стремление к реваншу, к военному пересмотру итогов поражения.

Все это неотъемлемая часть истории цивилизации. Все это мы несем в своем сознании и подсознании даже теперь, когда за каким-нибудь полвека совершились кардинальные перемены в укладе жизни. Мир, ранее напоминавший мозаичное панно, где фрагменты не обязательно сочетались между собой и могли даже быть несовместимыми, оказался накрепко взаимосвязанным. Существование всех превратилось в условие существования каждого.

Нет причин для обид и упреков, если скажу: мир начала XX века в основополагающих его чертах был продуктом преимущественно европейской политики, европейской научно-технической революции, европейской культуры. Но блеск «золотого века» зиял на безудержной экспансии, на подавлении и эксплуатации сотен миллионов неевропейцев. С тех пор многое переменялось. И надо сказать, перемены эти — в том числе революционные встряски, утрата империй — пошли Европе на пользу. Раскрылись резервы ее интеллектуального потенциала, определенной гибкости в социальных делах.

В третье тысячелетие мир вступит уже как творение всех стран, народов, материков. Так будет, потому что наш век открыл всем народам возможности для социального прогресса, развития, для того, чтобы обрести собственное неповторимое лицо, самим выбирать и строить свою судьбу, внести свой неповторимый вклад в общую судьбу Земли. Различия народов и обществ всегда были одним из факторов отторжения. Сегодня в интеллектуальных, моральных силах человека, в его практических возможностях поставить различия на службу взаимному обогащению, притяжению, пользе.

Социалистическая мысль, социалистические идеалы и ценности, социалистическая практика ныне — неотъемлемая часть европейской жизни, политики, культуры. Многообразие, столь характерное для нашего континента, проявляет себя и в плюрализме социалистических форм. Может быть, кто-то усмотрит в этом незавершенность и несовершенство теории социализма. А не угодно ли принять другую трактовку феномена — множественность выступает как весомое подтверждение жизненности исторической тенденции, воплощенной в социализме, а не «отклонение» от того, что кому-то хотелось бы выдать за «норму».

Можно бесконечно спорить, придерживаться разных взглядов на достоинства и недостатки систем, на то содержание, которое

каждое из наших обществ вкладывает в понятие социальный и национальный прогресс, в прогресс вообще. Разногласия и разночтения не иссякнут, пока в людях пульсирует жизнь, а в каждой голове живет своя мысль.

Пытаться преодолеть идеологические разногласия было бы заведомо контрпродуктивным, если бы даже оказалось возможным. Не надо, однако, по каждому поводу превращать идеологическую несовместимость в барьер согласия.

Всего один пример. Приведение в порядок экологии Европейского континента — от Атлантики до Урала — и омывающих его вод потребует сотни миллиардов рублей, фунтов, марок, франков. Чтобы наши потомки не прокляли нас за неразумие, за изведенные леса, опустошенные поля, омертвленные водоемы. За души людские, искалеченные алчностью и жадной властью, ущербной психологией разрушения. Раздобыть необходимые ресурсы можно только через урезание военных расходов, переключение средств, ныне бросаемых на ветер, в дело, полезность которого не нуждается в доказательствах. Другого источника ни у вас, ни у нас попросту нет.

Между тем миллионы тонн серы, других загрязнений пока ежегодно «мигрируют» по воздуху с Запада на Восток и частично обратно. Природе и людям не легче от того, отравляют ли их эмиссии капиталистического или социалистического происхождения. Вода в Европе давно уже общая, другой просто нет. Ученые всего мира предостерегают политиков, что часы экологической бомбы ведут свой счет. Через 10—15 лет начинать лечение, возможно, будет уже поздно.

Экология высвечивает проблему подлинного места человека в политике. Общности человеческих судеб, долговременных интересов, взаимной потребности в том, чтобы Европа вошла в XXI век здоровой и жизнеспособной. Независимо от идеологий и различий в системах.

Современная Европа — это около 55—60 процентов мирового промышленного производства, больше половины мирового экспорта, мировых научных и технических ресурсов. Огромный, во многом объективно взаимодополняющий потенциал. И столь же объективно ослабляемый неадекватностью сотрудничества потенциальным возможностями.

Было бы нереалистично полагать, будто будущее европейских отношений будет непротиворечивым и бесконфликтным. Любое развитие движется только противоречиями, а материализация противоречий в повседневной жизни — это конфликты, несовпадения интересов. Однако ничто ни в самом факте таких противоречий и конфликтов, ни в их конкретном содержании, на наш взгляд, не обрекает две части Европы на

необходимость и неизбежность конфронтации, не побуждает к доведению несогласий до крайних, неприемлемых, опасных форм борьбы.

Сравните терминологию «холодной войны» с императивами Иммануила Канта, призывавшего каждого человека действовать так, как если бы он был в ответе за судьбы всего человечества. И станет очевидно, что последствия десятилетий милитаризма и конфронтации явно не пошли на пользу интеллектуальному статусу в политике и общественной психологии.

II

Перестройка для нас, кроме всего прочего, — стимул и возможность к более полному включению во все аспекты мирового развития. В том числе и в столь необходимую революцию европейского и мирового политического сознания, мышления, действия.

Новое политическое мышление в Советском Союзе — это не свод прагматических правил и приемов, скроенных и подстегнутых под национальные интересы. Перестройка — не только совокупность экономических и политических реформ. И реформы эти, в свою очередь, не просто реакция на трудности — у кого их нет. Не только ответ на упущения, просчеты, деформации прошлого. Все это присутствует в перестройке, играет в ней существенную роль. Но перестройку не исчерпывает.

Перестройка — результат кардинальных изменений во всем духовном складе общества. Сохраняя верность идеалам и ценностям социализма, мы ценой тяжелейшего опыта поднялись на очередную ступень в постижении всей сложности общественного развития. Поднялись в условиях общества образованного, отстаивающего свое право на жизнь. Новое политическое мышление — неотъемлемая часть нашего взгляда на советское общество, социализм и мир в целом, взгляда, который вырвался из мертвящих схоластических схем.

В начальную пору размежевания со старым строем упрощенный старт был, возможно, в чем-то неизбежен, как минимум, объясним. В наших специфических условиях, однако, на него наложились деформации, вызванные сталинским ревизионизмом и командно-административной системой, пронизавшей общество. Добавлю, что стремление Запада посадить первую страну социалистической системы за «железный занавес» не противоречило образу мышления и интересам Сталина и его окружения. Духовная автаркия как нельзя лучше подходила режиму личной власти. Позже она стала комфортабельным прибежищем застоя, самолюбования и мини-культов разного покроя.

Сегодня идеалы свободы, демократии, социальной справедливости возрождаются на новой практической и интеллектуальной основе, заложенной перестройкой. Мы стремимся утвердить новый климат в отношениях между народами.

Другая отличительная черта нового политического мышления — это заключенный в нем потенциал развития. Анализ, на который опирается новое политическое мышление, вобрал в себя многое из мирового опыта последних десятилетий. Он подвел к выводу о необходимости именно совместных, коллективных действий с другими — и в сфере безопасности, и в различных формах сотрудничества. СССР предпринимает и односторонние инициативы. Но общие элементы анализа и практическое сотрудничество не могут не повлечь за собой и разработки каких-то общих идей, концепций, оценок.

Конечно, интеллектуальные достижения, выработанные совместными усилиями, не отменяют существующих различий. Но они станут отражением того общечеловеческого, что властно вошло в жизнь, заявило о себе через глобальные угрозы и проблемы. Эффективное разрешение глобальных проблем вообще вряд ли возможно без развивающейся, постоянно растущей массы таких взглядов, ценностей, концепций, которые разделялись бы во всех частях мира.

Новое политическое мышление — это философия свободного, демократического социалистического государства. Причем особенность этого мышления заключается в том, чтобы не отгораживаться от других претензиями на исключительную правоту, непогрешимость, знание всех истин. Знаем, что очень многое предстоит еще познать, открывать мыслью и опытом. Но мы уверены в своих возможностях. Видим необходимость избавляться от догм, одно из последствий которых — гипертрофированная психологическая уязвимость. Смотрим во внешний мир с интересом и ожиданием, со здоровым желанием знать о нем больше.

Со стороны Запада приходится слышать вопрос-предостережение, обращенный, очевидно, прежде всего к самим себе: дескать, перестройка, новое политическое мышление, конкретные внешнеполитические инициативы СССР — все это хорошо. Но где гарантия, что перестройка одержит успех, что подходы СССР к европейским, международным вопросам не претерпят какого-то неблагоприятного для Запада изменения?

Вообще-то аналогичный вопрос, только применительно к Западу, стоит и перед нами. Захочет ли и сможет ли он преодолеть инерцию штампов конфронтационного военно-политического мышления? Окажутся ли его новые подходы, если они заявят себя, устойчивыми и стабильными?

Вопросы в целом естественны и одинаково правомерны с обеих сторон. Размышляя над ними, гарантии следует, видимо, искать прежде всего в разумности самих гарантий. Наверное, это тема глубокого анализа специалистов. Ясно, однако, что гарантировать можно в любом случае только то, что находится под надежным контролем. Выполнение конкретных сделок и соглашений должно находиться под таким контролем. Но требовать гарантий от истории, от путей мирового развития несерьезно.

Гарантии и в естественном интересе каждого из участников взаимодействия, равно как и в общих, совместных или параллельных интересах. Жизнь требует рационального к себе подхода, тогда и жизнь отвечает рациональностью, предсказуемостью, конструктивностью.

Кризис разрядки в конце 70 — начале 80-х годов часто связывается с приходом к власти консервативных сил в ряде ведущих стран Запада. Но это не вся правда. Другая ее часть в ответе на вопрос: почему же не удалось сдержать откат событий вспять? И тут едва ли можно утверждать, что виновата только одна сторона.

Нет ничего хуже работы, брошенной на полпути. Такой оборот не только демонтирует сделанное, но и ставит под сомнение цель. Любому нормальному человеку не может быть чужд прогрессивный идеал или моральный импульс, укрепляющий веру в нечто возвышенное. Но если наступает разочарование, источник вдохновения заболачивается. Это потеря — и потеря тяжелая.

Наконец, гарантии я вижу и в той субъективной позиции, которую займет каждый из участников общеевропейского процесса. Если созрело убеждение, что общим интересам отвечает именно данная стратегия, что именно она приведет к желаемым всеми результатам, наилучшей разумной гарантией было бы действовать целеустремленно и последовательно, энергично и добросовестно в соответствующем направлении. В этом случае вероятность желаемого исхода была бы, как минимум, выше, чем если сомневаться, колебаться, выжидать и выгадывать в условиях, когда события продолжают развиваться каким-то собственным путем, по собственной инерции.

На Западе немало общественных деятелей и политиков приветствует перестройку. Хотят видеть, как они говорят, своим партнером процветающий и открытый для внешнего мира Советский Союз. Со своей стороны мы тоже предпочитаем иметь дело с партнерами, уверенными в себе, которые доверяют фактам, а не мифам. Мы приветствовали бы, если бы Запад не терял самообладания перед вызовами дня сегодняшнего и дня завтрашнего, не нервничал, более рационально реагировал на сюрпризы

мирового развития, далеко не во всем зависящие от Запада и Востока, Севера и Юга.

Позволю себе спросить: является ли перестройка уделом только Советского Союза? Или правильной предположить, что сходные по смыслу вызовы брошены странам Западной Европы, Соединенным Штатам и Канаде, Японии и многим другим? Трудно допустить, что экономическое, научно-техническое развитие, которое сделало мир конца XX века совершенно непохожим на все существовавшее в середине или в начале столетия, обошло стороной политические, философские и иные представления капиталистического общества. Хотя бы в вопросах безопасности, международного разделения труда и той же экологии.

Как случилось, что Земля превращена в склад оружия, в полигон для отработки методов самого безотказного истребления гомо сапиенс? Неужто правительства и народы не в состоянии понять или хотя бы ощутить, что сила лишь создает контрсилу, а также еще более запутанные и более коварные проблемы?

В интересах здоровья мысли отбросим шаблонные увязки причин и следствий, которые загодя держатся наготове в ожидании неудобных дискуссий. Их изобрели и отшлифовали задолго до того, как появилась на свет «красная» опасность. И не мы, коммунисты, превратили соревнование систем в конфронтацию вооружений. Это был не наш выбор. Первым актом Советской власти явился Декрет о мире и роспуск вооруженных сил, призыв к универсальному миру.

Можно сколько угодно гадать, как бы выглядела Европа, каким был бы мир в целом, возобладай после второй мировой войны в международном сообществе здравый смысл, прими опаленное огнем человечество принципы мирного сосуществования, коллективной безопасности, примат нравственных категорий. Но новые потрясения можно считать детерминированными, пока мир живет на оружии, мыслит сценариями его применения и само свое будущее теоретически обосновывает ядерным сдерживанием. Нигде в мире формула развития или безопасности за счет другого не изжила себя в такой мере, как в Европе.

III

Естественно, что, принимая общую идею или принцип, все участники их последующего воплощения в жизнь приходят с собственным видением конкретных аспектов предстоящей работы. Мы не исключение. Но считаю необходимым предварить свои соображения об «общеевропейском доме» следующим: и в теоретическом, и в практическом плане мы видим такой дом как процесс и результат коллективного сотворчества всех

его членов, где есть место для всех, где считаются с интересами всех, где мнение, достоинство, ценности каждого уважаемы и служат благу всех.

Нельзя позволить, чтобы конфронтационное мышление продолжало подминать человека, застилало бы ему горизонты, затрудняло подступы к постановке и решению новых проблем. Противоречия сами по себе не страшны, пока люди, партии и правительства, выражая свои убеждения, не сходят с демократических и правовых платформ. В свою очередь, противоречия способны двигать развитие вперед лишь до тех пор, пока спорщики допускают диалектическое взаимодействие и перекрестное опыление не только в биологии, но и в политике.

При таком, и лишь при таком, взгляде на политическую борьбу соревнование вырастает в метод созидания и сотворчества его участников. Понятно, для этого требуется высокий уровень самосознания и самоконтроля, высокая степень готовности к обновлению и компромиссам, к движению вперед, должная уверенность в себе.

Советский Союз не пропагандирует Европу как благополучный остров мира в бушующем океане страстей. Он не мыслит себе европейский регион как заповедную зону, изолированную от других стран и материков, а Западную Европу — отъединенной от США. Приписывать нам подобные намерения — либо от неведения, либо от умысла.

Если из внешней политики будут исключены военные угрозы, обычай силовой политики, искусственная идеологизация, если внешняя политика начнет ставить во главу угла политико-экономические, социальные и культурные интересы народов, если от баланса силы она перейдет к балансу интересов, от противоборства к сотрудничеству, какой же смысл — спросим себя — изолировать кого бы то ни было или изолироваться?

Но главное все же, пожалуй, в другом. Одна из профилирующих черт советского подхода — признание долговременных факторов развития, тенденций и последствий не только равноправными, но и определяющими при формировании политического курса. В этом смысле можно говорить, что наш анализ включает известную трансцендентальность, понимание ее как объективной данности, как рационального элемента рациональной политики.

Наш взгляд на отношения между странами и регионами в условиях конца XX века строится на том краеугольном принципе, что общие интересы, общие человеческие ценности и подходы к глобальным проблемам, с которыми мы сталкиваемся, выше любых эгоистических двусторонних или региональных интересов.

Так повелось, что рассчитываться за несправедливые действия приходится чаще всего не их инициаторам, а наследникам. Иногда из-за крайней сложности политических уравнений, напичканных неизвестными, порой из-за инертности и равнодушия или неинформированности. Так было. Но и тут положение меняется. Теперь никто не может сказать, что он что-то не ведал и чего-то не понял.

Политическую книгу, которая пишется в эти дни, тут же читают миллионы людей, живо интересующиеся разоружением и массой прочих дел. Современные политики, в отличие от прошлых поколений, вынуждены работать в ярком свете прожекторов общественности.

Обязательства и ответственность европейцев за судьбы мира отражены в Заключительном акте общеевропейского совещания, подписанном в 1975 году в Хельсинки. Там было условлено превратить Европу в регион равноправного сотрудничества и безопасности. Но весь вопрос в том, какого сотрудничества и какой безопасности.

Народам Европы знакома разновидность мира-перемирья с его напряженным улавливанием чужих происков и подвохов, существующих и несуществующих, с латентной или интенсивной подготовкой к потенциальному конфликту, который в самих приготовлениях обретает зримые контуры. Непредсказуемость побуждает настраиваться на ожидание наихудшего, подпитывает убеждение или опасение, что воевать придется и вопрос только — когда, с кем и как. Гонка вооружений давным-давно превращена в вариант войны. Не сейчас, и даже не после 1917 года.

Европа стоит на политической развилке исторического масштаба и значения. Объективное, продиктованное европейскими и мировыми реалиями преодоление «холодной войны» и ее ядовитого наследия можно, например, объявить чьей-то победой. И запустить новую спираль противоборства.

Но обманутое доверие — это гораздо хуже и опаснее, чем начальное недоверие.

У подобного противоборства, если бы оно взяло верх, есть и еще одна сторона — внутривосточная. Милитаризм крайне трудно уживается с демократией, чаще не уживается вообще. Так или иначе, но каждый из европейских народов знает это из собственной истории. Использование в интересах противоборства всего того, что составляет сегодня часть нормальной жизни людей, естественных международных обменов, потребует резкого усиления контроля над этой деятельностью. Тем самым укрепит антидемократические, тоталитарные силы со всеми возможными здесь последствиями. Можно ли не задумываться над таким поворотом, его вероятностью?

Объективные различия наших обществ, особенно идеологий, — не во внешних формах и даже не в структурах. Содержание этих различий — во внутреннем «я» каждого общества, отражающем его природу, пройденный им, и только им, исторический путь. Но при этом, если рационально и ответственно подходить к взаимоотношениям стран обеих частей Европы, без особого труда можно обнаружить растущее количество точек согласия.

Общеввропейский процесс постепенно выходит на рубежи, когда становится реальной задачей совместного поиска таких путей и форм общественного прогресса, которые были бы приемлемы для всех стран и народов, вели бы к укреплению здоровых, конструктивных, созидательных начал в международных отношениях всего региона. Такой поиск не исчерпывал бы всех возможных путей прогресса. Но он существенно дополнял бы актив здорового начала в мировой политике, означая на деле деидеологизацию межгосударственных отношений, их переориентацию с иррациональных споров и эмоций на практические дела, понятные народам.

Это и есть другой путь — наращивание потенциала сотрудничества, слом инфраструктуры конфронтации и строительство инфраструктуры сотрудничества. Сотрудничество не измеряется одними только объемами сделок, торговли, обменов. Не менее важно и такое его качество, как накопление политических и правовых форм регулирования сотрудничества, развитие необходимых для него механизмов и институтов, сопряжение его с национальными традициями, обычаями, законами, всем жизненным укладом. Без такого сопряжения новые тенденции в европейских отношениях не обрели бы корней.

Долг перед живущими и грядущими поколениями требует подвергнуть критическому, объективному анализу все прошлое и настоящее, чтобы совместно сделать единственно правильные выводы на будущее. Выводы, которые не должны остаться лишь достойными намерениями. Только превратившись в конкретные дела на национальном и международном уровнях, воплотившись в новую общечеловеческую мораль, в современную политическую философию, которая не противопоставляет часть целому, а в целом не растворяет национальный интерес, мы сможем вывести цивилизацию из блуждания в потемках подозрительности и самоедства.

Что ни говори, имеются все основания назвать чудом то, что за четыре десятилетия ни одно ядерное боевое устройство не сработало произвольно — из-за аварии, ложной тревоги или по злему умыслу. Но кто гарантирует, что этого не случится в любую секунду? Поэтому миф о миротворческой миссии ядерного оружия — самая опасная иллюзия современности.

СССР принял решение о сокращении в одностороннем порядке войск и вооружений, размещенных как на собственной территории, так и на территории наших союзников по Варшавскому Договору. В Советских Вооруженных Силах расформируются контингенты, равные по численности бундесверу. Их оружие уничтожается. В НАТО нашему решению кто громче, кто тише поаплодировали. Это хорошо. Но, строго говоря, делу не подмога.

Советский Союз хотел бы придать больший динамизм переговорам о качественно весомых сокращениях обычных вооруженных сил в Европе, переходу к ненаступательной обороне, к такой структуре вооруженных сил, которая сделает излишними те горы оружия, что высятся по обе стороны линии разграничения НАТО и Варшавского Договора.

Не стану подвергать сомнению важность устранения асимметрии в составе и количестве вооружений. Но мне лично не менее важным представляются асимметрии в военно-политическом мышлении. Впечатление таково — хотел бы ошибиться, — что многие деятели в НАТО, если бы это от них всецело зависело, сокращению вооружений предпочли бы «довооружение», оснащение вооруженных сил НАТО системами «думающего» оружия, которые заранее превратили бы в фикцию саму идею ненаступательной обороны.

Советско-американский договор о ликвидации РСМД засвидетельствовал, что контролируемое разоружение возможно даже в самых деликатных и трудных сферах. Заключение этого договора оздоровило в немалой степени ситуацию на континенте. Убеден, что если приложить принципы урегулирования по РСМД к другим сферам разоружения, то дело пойдет быстрее.

СССР, как и союзники по Варшавскому Договору, готов двигаться так быстро вперед, насколько этот темп будет устраивать страны НАТО. Мы готовы вместе с союзниками по Варшавскому Договору на качественную перестройку нашего союза при том понимании, что адекватная перестройка произойдет в союзе НАТО, с тем чтобы в конечном счете война стала материально невозможной, а оба военно-политических союза, если не будет желания их распустить, превратились бы в механизмы для контроля за эффективностью соблюдения принятых решений.

Что же мешает Западу переступить через силовые поверья и открыть новую главу несилевой политики в «общеевропейском доме»? Мы за такой дом, в котором каждое государство и система не испытывали бы тревоги за завтрашний день. Вот конкретный путь, который должен и может помочь тому, чтобы линия, разделившая Европу, перестала быть передним краем двух фронтов, нацелившихся друг на друга.

Но, видимо, вопрос можно и нужно ставить шире. Чем более открытым для внешнего мира будет общеевропейский процесс на каждом его направлении, тем больше надежд на то, что позитивные тенденции, утверждающиеся на нашем континенте, получают резонанс и поддержку за пределами Европы.

Через призму новых подходов к вопросам мирового развития, через концепцию «общеевропейского дома» смотрим мы и на развитие советско-западногерманских отношений. В Советском Союзе видят в них не просто двусторонние связи и не только лишь отношения между сторонами, занимающими свое место в жизни Европы.

Если «общему европейскому дому» суждено быть — а мы в это верим и будем этому всячески содействовать, — то взаимоотношения между СССР и ФРГ войдут одним из прочных блоков в его фундамент. А состояние этих отношений будет прямо, непосредственно определять прочность дома, его сейсмоустойчивость.

Дважды в этом столетии наши страны оказывались на острие самых разрушительных войн — мировых. И сегодня — такова объективная реальность — эпицентр военного противостояния приходится на те же географические районы, что и в прошлом. И ныне война может начаться для нас с немецкой земли, пусть и не по воле самих немцев.

Таковы объективные факты. Поэтому вопрос должен ставиться шире, чем переговоры и соглашения относительно численности и структуры вооруженных сил и вооружений как таковых. Это необходимо. Но опыт свидетельствует: дело пойдет успешнее, если будет введено в общие концептуальные и целевые установки.

Настало время конструировать систему безопасности в Европе. Рассматривать во взаимосвязи все ее компоненты. Ставить вопрос: какие условия — политические, военные, правовые, контрольные, иные — должны быть обеспечены, чтобы начало военного конфликта здесь стало бы невозможным, невероятным. Так, и только так, может быть обеспечено доверие, безопасность всех.

Важно, чтобы отношения между СССР и ФРГ не только не отставали от динамики мировых и общеевропейских процессов, но и стимулировали бы позитивные перемены. А наши взаимоотношения могут это делать, да и добрый опыт прошлого сотрудничества у нас тоже есть. Собственно, в таком стимулирующем эффекте и будет во многом заключаться новое качество советско-западногерманских отношений, у которых, уверен, большое будущее.

В любом случае свое дальнейшее развитие представляется только на путях усиливающихся взаимосвязей с мировым развитием. С тем, что происходит в мировой культуре, экономике, науке и технике, во всех сферах жизни. Всерьез и надолго.

ЖИТЬ ЧЕСТНО, РАБОТАТЬ ПО СОВЕСТИ

Перестройка — дерзкая революция, ибо она посягнула на, казалось бы, неприступные бастионы старых догм общественного устройства, предложила программу глубоких общественных преобразований. Партия нашла в себе мужество взять на себя ответственность за просчеты и ошибки прошлого. Общество, уставшее от войн и невзгод, своих ошибок, заблуждений и внешнего военно-политического и психологического давления, от лицемерия и нараставшей безнравственности, нашло в себе силы — политические и духовные — чтобы, вновь оседлав историю, начать гигантский социальный эксперимент, имя которому перестройка.

Необыкновенность нашего времени не только в интенсивности и качестве общественно-политической жизни, в том, что в нее полновластно ворвались демократия, гласность, совесть и достоинство, творческая активность, благотворные процессы возрождения национальной жизни. Эта необыкновенность и в сплаве времен, когда история ощущается как современность, а настоящее на наших глазах, нашими действиями творит историю.

Всего семь десятков лет живёт Россия по советскому времени. 68 лет назад социалистический строй пришел на землю Грузии. В страну с тысячелетними традициями и культурой, к народам, слова и дела которых вошли золотой строкой в общую летопись цивилизации.

Вдохновляющие события последних лет следует оценивать не по сиюминутным всплескам эмоций — положительным или отрицательным, — а по их объективному вкладу в демократическое обновление страны, по тому, насколько он укрепил и поднял плотину, предохраняющую нас от возврата в авторитарное прошлое.

Из выступления на совещании партийно-идеологического актива Грузии. Тбилиси, 27 февраля 1989 г.

Своеобразие ситуации и в том, что мы еще не в состоянии полностью и по достоинству оценить все то, что взрастила перестройка. Для полного осознания социальной эффективности и происходящих перемен надо еще глубже понять и оценить все составляющие отечественной истории, их нравственное значение, которые позволяют яснее и справедливее отличать добро от зла. Но в любом случае способность к самообновлению больше, чем что-либо иное, подтверждает силу советского строя, его потенциальные возможности, устойчивые жизнеспособные перспективы.

Советский народ избирает своих посланников на Съезд народных депутатов. На демократическую зрелость сдает экзамен все наше общество. На выборах сегодня партия отстаивает свое право на то, что она способна не только предложить платформу революционных преобразований, но и претворить их в жизнь. Выборы — это крупное политическое и социальное продвижение, долговременные последствия которого трудно даже представить. Но бесспорно, что они заметно увеличат культурный, философский и нравственный потенциал общества.

Партия выражает надежду, что трудящиеся Страны Советов скажут решительное «да» дальнейшему развороту перестройки, ее углублению. Скажут с осознанием и сложности задач, и всего узнанного, понятого за последние годы, с чувством личной ответственности за будущее, заинтересованности в делах и судьбах государства, каждой республики, каждого коллектива.

Перестройка — это политика утверждения демократического и подлинно гуманистического, нравственного общества. Курс на развитие гласности, на достижение верховенства закона, укрепление дисциплины и самодисциплины, искоренение преступности. Создание саморегулирующейся экономики, функционирующей на основе хозяйственного расчета и предприимчивости. Установление строжайших порядков в экологической защите природы и человека. Всемирное развитие культуры общества и свободы художественного творчества. Максимальное раскрепощение заинтересованности, инициативы, самостоятельности трудовых коллективов, республик, краев, областей, городов и районов, каждого человека. Подлинное самоуправление на всех уровнях, установление всеобъемлющего контроля общества над властью и повышение ответственности гражданина перед обществом.

I

Стратегический результат перестройки — новая морально-психологическая обстановка в обществе. Демократизм, гласность, критичность, требовательность, все более активная

гражданская позиция — неоспоримые признаки нового климата. Человек, переживший подобное душевное обновление, никогда не будет прежним, уже не способен быть слепым исполнителем чьих-то команд и указаний, чужой воли, если их суть противоречит собственным убеждениям. Иными словами, сегодня все мы другие — и те, кто по-революционному борется за перестройку, и те, кто еще выжидает, и те, кто переиначивает ее цели на свой лад, и те, кто откровенно не приемлет ее преобразующую сущность.

На протяжении многих десятилетий у нас не было столь глубокой партийной и общенародной инвентаризации сложившегося положения, тщательного, дотошного анализа всех сторон бытия. В каких-то частях он еще не завершен, в чем-то только начинается. Но уже сегодня проведенный перестройкой анализ благодарно вознаграждает нас.

Общество живет в историческом масштабе времени. Ни в каком ином оно существовать и не может. Осознанное строительство общества социальной справедливости неотделимо от зрелого исторического сознания и уже потому — от его собственного логического развития. Перестройка обогатила нас тут очень существенно.

Если бы речь шла только об истории, было бы легче разобратся. Но дискуссия о прошлом переросла во всенародный разговор о путях и методах общественного развития. И в этом суть. Дело сегодня не в том, чтобы «раздать всем сестрам по серьгам», а в том, чтобы научиться видеть историю в каждом прожитом дне, понять реальную диалектику живого общества. Без этого мы и впредь обречены писать правильные слова в учебниках и документах, произносить их с трибун, а на практике подчиняться давлению мифов и конъюнктуры, так называемых «объективных обстоятельств» или же мелких эгоистических интересов и амбиций.

Хорошо известно ленинское положение о том, что революцию в России легче начать, но гораздо труднее продолжить. Легче начать из-за огромной концентрации острейших проблем, из-за недовольства и разочарования, охвативших почти все слои общества самодержавной России. Труднее продолжать — из-за отсталости, недостатка культуры, малого опыта промышленного развития, навыков демократии.

Февральская революция в России произошла в условиях, когда капитализм только еще набирал силу, буржуазия власти не имела, ее демократия только нарождалась, страна оставалась крестьянской и в массе своей неграмотной. Революции социалистической пришлось решать одновременно и сложнейшие задачи буржуазно-демократической. Этот факт породил многие противоречия, лихорадящие общественные процессы и до сей поры.

Противоречия особого рода: они служили не развитию, а создавали угнетающую ситуацию, постоянно угрожая поглотить великий эксперимент, который двигался вперед революционным порывом политического авангарда масс. Устоявшиеся среди революционеров теоретические представления о принципах, путях и методах строительства новой жизни столкнулись с реальными условиями послереволюционной России, со сцеплением феодальных и раннебуржуазных структур. Как оказалось, далеко не достаточно овладеть политической властью, чтобы утвердить социализм.

Для Ленина новая экономическая политика (всерьез и надолго!) была экономическим средством установления гармоничных, справедливых отношений между крестьянином и рабочим, городом и деревней, концепцией оптимального экономического развития в конкретной обстановке длительного переходного периода формирования нового социального организма. Для Сталина нэп представлялся угрозой реставрации капитализма, а крестьянин — постоянным источником этой реставрации. Новая экономическая политика оказалась загубленной. Верх взяла концепция авторитарного руководства, выродившаяся в личное всевластие, в политику форсирования общественных процессов — экономических и социальных.

Создалась бюрократическая система особого рода, которая, взяв на себя административно-охранительные функции, постепенно толкала общество к утрате нравственных начал, активно способствовала воспроизводству нигилизма и равнодушия в психологии, поведении, представлениях о свободе и порядке, в отношении к окружающему миру, к человеку, его достоинству.

Все это, кроме прочего, привело к усилению далеко не светлых сторон в человеческих отношениях, которые реанимировали мелкобуржуазность со всеми ее мерзопакостными признаками. Все это стало жестокой платой не только за сам авторитарный режим с его кровью, враждой, массовой подозрительностью, деформированной нравственностью, но и за его неправомерно затянувшуюся агонию, ибо проник он в наши души, в наше сознание, в наше поведение, в наш образ жизни, в структуру власти и экономики.

Неразвитость и деформированность общественных отношений, их дегуманизация привели к отчуждению человека от производства и власти. Как это ни парадоксально, революция, справедливо отринув эксплуатацию человека человеком, буржуазно-помещичью власть, национализировав частную собственность, не сумела поставить заслон авторитарному перерождению власти, которая в свою очередь не смогла, а скорее, не захотела преодолеть это отчуждение.

Перестройка взорвала немало разного рода мифов. И вроде бы порой безобидных, даже благонамеренных. И просто мифов-наивностей, мифов-заблуждений, мифов-иллюзий. Да и жить с мифами нередко психологически комфортнее, чем с правдой. Но это значит жить во лжи.

Культивирование мифов было поставлено на поток, стало частью политического процесса. Это соответствовало законам функционирования, интересам и удобству командно-бюрократической системы. Показательно, что, по мере того как перестройка все глубже вскрывала истинное положение дел, разоблачала один самовосхитительный миф за другим, консервативное сопротивление все более замыкалось на призывах идти назад, к идеализируемому и романтизируемому, некритически воспринимаемому прошлому. Опровергнуть факты оно не может, дать им разумную и гуманную аргументацию не в состоянии, конструктивной альтернативой явно не обладает. В этом смысле проделанная перестройкой работа по демифологизации сознания и практики — шаг громадного принципиального значения. Реализм мировосприятия — научная, психологическая, нравственная основа демократии, успешной политики, социализма в целом.

Конечно, пришлось услышать и узнать много неприятного. Уроки правды оказались горьким лекарством. Но разве не знали мы и вкуса, и благотворности этого лекарства и тогда, когда не решались его принимать? И разве не знали, если не во всех деталях, то в основном, того, что имели мужество признать в ходе перестройки и сделать нелегкие, но верные выводы?

Одна из существенных причин пережитого застоя — ныне это уже очевидно — в том, что была, по сути, предпринята попытка остановить развитие общественной мысли. В значительной мере это удалось. Догматизм прочно угнездился во многих научных дисциплинах, прежде всего в тех, от которых прямо зависит научная обоснованность планов, политики. Бюрократическое бездушие стискивало культуру, выхолащивало содержание из средств массовой информации. Бесконечное и бездумное повторение одних и тех же формул превратилось в хождение в замкнутом пространстве.

Перестройка забила тревогу о совести, культуре и интеллектуализме, их служении обществу. И обнаружилась удивительная, но, впрочем, закономерная вещь. Новая нравственная атмосфера с особой силой высветила и своих пророков, и нищих духом — как в прошлом, так и в настоящем. Комплиментарную критику и публицистику, но и честные сигналы бедствия. Литературу лжи, но и боль деревенской прозы и гражданственность поэзии. Низкопоклонствующую перед ведомственными амбициями науку, но и бунтующие прорывные исследования. Все это разом обнажило

общественности истинные ценности, нравственные позиции всех, кто припадал к алтарю служения вечным музам и вечным истинам.

В развитии искусства всегда особенно отчетливо и громко заявляют о себе творческие прорывы. Они неминуемо что-то отрицают — и всегда общественно дерзко, по форме порой агрессивно, вызывающе. Разве было по-другому, когда возник импрессионизм? Разве не бурлила общественность, когда появился романтизм, а тем более — нигилизм, предрекая «разрушение устоев». Нечто подобное случилось и с русским авангардом, который тоже порой объявляют силой, разрушающей подлинное искусство. А возьмите сегодняшнее искусство страстного, взволнованного, бескомпромиссного социального реализма!

Новое и до сих пор нередко воспринимается с раздражением и подозрительностью, как нечто враждебное и вздорное, подрывающее порядки тех времен, когда немало представителей искусства курили фимиам умиранию, изображая его торжеством жизни.

Но, право же, не прорывы в неизведанное, не некий демонизм нового разрушают устои в обществе и культуре, а ложь, лукавство, беспринципность, невежественный догматизм порождают псевдокультуру. Искусство, как известно, синтетично, но когда оно синтезируется с административно-командной властью, то отсюда и произрастают бюрократические «псевдодостижения» в искусстве, наносящие долговременный вред подлинному творчеству. А настоящее искусство как бы устает, бежит от действительности, нарочито усложняет художественный язык, а порой дерзит и насмехается.

Социализм должен вернуть себе великую миссию свободы художественного творчества, без которого цивилизация или задыхается, или отбрасывается назад. Новые прорывы в творчестве должны стать нормой развития свободного общества и искусства, которым чужды администрирование, ограничительные рамки, мертворожденные догмы. Разумеется, речь не идет о произведениях, в которых пропагандируется насилие, порнография, ненависть. Непотребно и эпигонство. Впрочем, все это и не относится к подлинному искусству.

В контексте политической нравственности хотелось бы сказать и о смысле работы Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30—40-х и начала 50-х годов. В комиссию приходят тысячи писем. Абсолютное большинство их авторов одобряет и поддерживает восстановление доброго имени миллионов незаслуженно запятнанных, репрессированных, погибших.

Есть, правда, и такие, кто считает: все это следует забыть, оставить прошлому. Погибших не вернуть, а авторитет партии якобы страдает. Политические и нравственные, гуманистические обязательства отвергают такой подход. Что ушедших не воскресить — верно, а вот честь вернуть им обязаны. Авторитет не добывается и не сохраняется сокрытием неудобной правды. Мы должны довести эту работу до конца, чтобы очищение и покаяние было полным. Таков долг совести перед жертвами произвола, перед оклеветанными, замученными, перед их родными и близкими.

Мы обязаны извлечь и другой нравственный урок: до конца постичь, осознать, прочувствовать, какая беда потрясает общество, если люди отстраняются от решений, поддаются вакханалии искусственных восторгов, живут идеологией мифотворчества. В толпе религиозных фанатиков такое объяснимо. Но в партии, взявшей на себя ответственность за научно обоснованное созидание нового общества, за жизнь каждого советского человека, подобное непотребно.

Мы обязаны довести до конца и урок ответственности. Каждого и всех вместе. Пусть знают все, кто готов без раздумий распоряжаться судьбами, самой жизнью людей: от суда истории не уйти.

Перестройка ставит в практическую плоскость марксово определение, что социализм — это система развитых общественных и гуманных отношений. Именно развитых — и не просто общественных, но непременно гуманных по содержанию. Это очень важно для понимания происходящего.

II

На передний план в дискуссии последних месяцев выходит тема: насколько энергично, действенно, эффективно реализует перестройка свои собственные планы и намерения. Вопросы правомерны: нельзя успешно осуществлять перестройку, не определяясь ежедневно, ежечасно с тем, как она идет, что удается, а где и почему происходят пробуксовки.

Острота дискуссий на этот счет не ослабевает. Это один из убедительных показателей, что перестройка продолжает жить живой жизнью, увеличивает потенциал народного интереса и поддержки, что практическое воздействие перестройки начинает достигать рабочего места, а необратимость процесса становится все более надежным фактором преобразований.

Но правда и то, что переход на новые методы хозяйствования действительно идет трудно. Осуществление реформы бойкотируется при помощи различных уловок, сводящих добрые

намерения на нет. В результате продолжают действовать многие прежние, хотя и немного подправленные, показатели, рычаги, зависимости. Самостоятельность предприятий не обеспечена, давление министерств и ведомств продолжается. Верно, что в ряде случаев движение вперед носит неуверенный характер, тормозится неожиданностями, некомпетентностью. Все испытывают понятное и обоснованное раздражение по поводу конкретных трудностей, дефицитов, бесхозяйственности, безответственности, живучести командно-бюрократических привычек. Иными словами, застойная система продолжает цепляться за свои позиции.

Но спросим себя: а разве можно было всерьез думать, что перестройка пойдет без сучка и задоринки? Разве возможны преобразования революционных масштабов, которые не вызвали бы сопротивления, промахов и ошибок, колебаний и разочарований, находили бы единственно правильные решения всегда, везде и во всем.

Надо иметь мужество признать: нет и не может быть такого в жизни вообще, в революционных общественных преобразованиях — тем более. Если этого не понять, возникнет реальная опасность подорвать перестройку нытьем и самокопанием, утопить ее в мелких спорах и увести людей на обывательские обочины жизни. «Все прекрасно» — идеология, чуждая перестройке. Но «все не так» — позиция постоянно хныкающего мещанина, по разумению которого и собственные руки и ноги растут не так, и Земля движется не по правилам.

Просто нереально за три-четыре года разрешить проблемы, которые накапливались в обществе десятилетиями. Если бы такое было возможно, не возникло бы потребности в перестройке, в радикальных преобразованиях базиса и надстройки. Предстоит колоссальный объем работы — в интеллектуальном, организационном, политическом, нравственном плане. Очень многое придется делать впервые. Немало и таких проблем, к которым даже не прикасалась общественная мысль. Практика решает их в меру собственных интересов и по логике естественного развития.

Всем нам хочется двигаться вперед быстрее. Но обновление социализма — не разовая задача. Цель его — создать мощные опоры для саморазвития и самосовершенствования общества. Включить все стимулы и механизмы такого самодвижения. Именно их нам больше всего не хватает сегодня.

Пока перестройка — только начало преодоления кризисного состояния. Некоторые негативные процессы еще не остановлены, не повернуты вспять. Мы вправе и должны добиваться практических результатов перестройки. Но было бы непростительной ошибкой рассчитывать на легкость, простоту, немедленность кардинальных сдвигов, на чудо.

«...Безусловный лозунг наш, — требовал В. И. Ленин, — должен быть: *поменьше* «руководства», побольше практического дела, то есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад»¹.

Сейчас уже можно утверждать, что перестройка заложила основные направления развития советского общества на десятилетия вперед, настойчиво преодолевая главный источник сопротивления — ту доперестроечную и антиперестроечную инфраструктуру, которая обрела за десятилетия огромную силу инерции, породила свои собственные интересы. Партия, трудящиеся знают, какие принципиальные задачи предстоит решать на перспективу. А главное, на каких путях искать ответы, а что отвергнуть, ибо во вчерашних тупиках мудрости не наберешься.

В экономике — это проблемы самостоятельности, хозяйственной суверенности трудовых коллективов. Это создание целостной системы экономических рычагов и стимулов, общественных интересов, правовых актов и других средств воздействия, которые в совокупности воплощали бы основополагающий принцип социализма — «по труду», вознаграждали труд добросовестный, честный, качественный.

В сущности, серьезное сопротивление обнаруживается в тех группах, которые разучились трудиться, не хотят добросовестно выполнять свои прямые обязанности, привыкли получать деньги безотносительно к качеству и количеству труда. Что такие люди у нас есть, было ясно и раньше. Что их так много и они столь откровенны в своем демагогическом цинизме — стало своеобразным открытием перестройки.

Предстоит изживать, преодолевать до сих пор еще могущественные скрытые формы волюнтаризма по отношению к экономике. Такие, как оторванное от рынка ценообразование, дефекты в финансовой системе, бюджетной практике, отсутствие экономической ответственности за свои решения.

Предстоит, далее, вывести рынок из подполья и полулегальности на открытое служение обществу. Продолжающаяся дискуссия о том, нужен рынок социализму или нет, носит явно схоластический характер. Во-первых, потому, что без рынка не может функционировать любое современное промышленно, технологически и информационно развитое общество. А во-вторых, потому, что рынок фактически у нас есть. Но рынок, искалеченный экономически ненаказуемым своеволием, во многом искусственно загнанный в «черные» его формы. Рынок, извращенный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 325.

в угоду командной системе, потому что командовать можно только хозяйственником, который объективно поставлен в положение неперемennого нарушителя законов и инструкций, который уязвим со всех сторон и потому поддается манипулированию. В сущности, речь идет о том, чтобы освободить существующий социалистический рынок от бюрократическо-крепостной зависимости, дать ему полные права гражданства.

Экономика больна, потому что болен рубль. А рубль болен, потому что больна экономика. Этот замкнутый круг надо разрывать во что бы то ни стало. Наш рубль, в сущности, экономический парадокс. Он одновременно чахнет и от ресурсного ожирения, и от товарной дистрофии.

Незнание подлинного состояния наследия, полученного в 1985 году, привело к недооценке всей глубины кризисных явлений в экономике. В сущности, экономика страны долгое время, лишь ухватившись за нефтедоллары и доходы от водки, могла держаться на плаву.

Проблемы перестройки — финансы и благосостояние, научно-техническая революция и производительность труда, количество и качество товаров и услуг — уперлись в неразвитость социалистического рынка. Но без рынка не может быть правильного обмена трудовыми эквивалентами, пока мы живем по принципу оплаты по труду. Деньги, цены, налоги, акции, учетные ставки, облигации, кредит, валютный курс — это инструменты рынка. Но мы не умеем или боимся пользоваться этими инструментами, а свою боязнь, неумение, непрофессионализм прячем за пустыми разговорами о «буржуазности» рынка.

Справедливо говорят, что наиболее мощным тормозом перестройки является консерватизм во всех его обличьях, откровенный или скрытый, корыстный или психологический, да мало ли еще какой. Но ничуть не слабее тормоз старых долгов, к которым перестройка не причастна: продовольствие, жилье, товары повседневного спроса. Эта триада сильно мешает быстрее двигаться вперед, но ее острота говорит о том, что без политики перестройки эти насущные проблемы вообще приобрели бы неразрешимый характер. Расплата по счетам прошлого и создание стратегических заделов взаимосвязаны теснейшим образом, но не тождественны друг другу. Здесь не должно быть заблуждений или подмены понятий.

В том, что у нас сложилось неудовлетворительное положение с продовольствием и квартирами, товарами и услугами, сферой быта и образования, досуга и здравоохранения — во всем этом виноваты не только просчеты и недобросовестные работники. Если бы дело обстояло так, его было бы относительно легко и быстро исправить. Но мы десятилетиями переползаем из одного

дефицита в другой, а само явление, карабкаясь по лестнице времени, похоже, не только не собирается исчезать, но становится масштабнее и влиятельнее. Значит, суть проблемы — в негодных условиях и методах хозяйствования, которые, воспроизводя себя, воспроизводят и привычные пороки сложившейся практики.

Пока не разрушен диктат производителя, пока в основе его деятельности будет что угодно, но не реальные потребности человека, пока производитель всей системой отношений в обществе огражден, надежно и непроницаемо, от экономических результатов собственной деятельности — до тех пор у него нет нужды затруднять себе жизнь учетом запросов, желаний, требований людей. Это касается всей триады, да и экономики в целом.

Народное хозяйство еще не набрало необходимого ускорения, но принципы, заложенные в реформу, хозрасчет, самофинансирование, вместе с народным самоуправлением, непременно заработают. Только надо проявлять выдержку и целеустремленность, поверить как в необходимость, так и в неизбежность дальнейших перемен, не поддаваться возгласам, вроде «осади назад» или «тормози, пока не поздно».

В социальной сфере — преодолевать любое и всяческое отчуждение личности, в чем бы оно ни выражалось. Путь здесь — расширение прав личности, сферы ее практической дееспособности и ответственности перед собой, коллективом, обществом, утверждение самодисциплины. Это — постижение фактической социальной структуры нашего общества, отказ от догм, от красивых, но не подкрепляемых жизнью схем. Это — и воспитание разумных потребностей, вытеснение так называемого престижного потребления, делающего человека заложником вещей, опутывающего его сетью ненужных и вредных зависимостей.

Преодоление отчуждения не сводится только к приобщению человека к экономической, политической власти. Отчуждение — это все, что мешает человеку быть самим собой, полностью раскрыть свои задатки, возможности. На благо себе и обществу. Отчуждение в самом широком смысле слова — оторванность от других людей, загнанность в кокон вынужденных обстоятельств, дефицит или отсутствие возможностей собственного выбора. Предоставление человеку таких возможностей — в интересах общества, интересах социального прогресса.

В политике — утверждать реальное, действующее народовластие, насыщать его всем многообразием форм, процедур, процессов. Налаживать эффективную систему обратных связей на всех направлениях — по «вертикали» и «горизонтали», между экономикой и политикой, партией и обществом, обществом и государством, центром и местами, между трудовыми коллективами. И особенно — между личностью и обществом.

Народовластие станет по-настоящему созидательной, конструктивной силой только в условиях правового государства, основанного на примате закона, равенстве всех перед законом. Здесь идут добротные процессы.

Но к числу неожиданностей можно отнести то, что в отдельных случаях величайшее достижение общественной жизни — демократия с ее прекрасными принципами гласности, открытости, инициативы стала порой наполняться антидемократическим содержанием.

Мало кто, к примеру, ожидал, что гласность кое-где будет походить на потасовку. Люди вроде бы интеллигентные начнут сводить личные и групповые счеты, обмениваться ругательствами, заводить друг на друга досье. Мало кто ожидал, что найдутся люди, которые станут использовать процесс демократизации для организованного насилия, межнациональной розни, для экстремистских акций. Пожалуй, впервые многие увидели, что наряду со «второй экономикой» в некоторых слоях общества формировалась и как бы «вторая политика», музыку для которой заказывают коррумпированные силы. Перестройка помогла обществу увидеть, осознать и эту проблему, пусть и горькую.

Выявилось и другое. Демократизация общественной жизни, отказ от неоправданных запретов обнаружили, что в обществе нет действенных механизмов саморегуляции политической и общественной жизни. Выяснилось, что демократические институты не обеспечены в правовом отношении. Да и само государство не очень-то хорошо охраняется законами. При жесткости одних законов есть немало направлений, на которых государство никак не защищено юридически от тех, кто нарушает его интересы, покушается на его честь и достоинство.

Нет и не может быть идеальных законов, законов на все случаи жизни. Закон вообще — не прокрустово ложе для общества, а средство разумного, рационального регулирования в интересах всех его членов. Значит, и законодательный процесс, и процесс осуществления закона должен быть живым, гибким, способным своевременно и эффективно реагировать на перемены в объективных и субъективных условиях. На все это и нацелены реформа законодательной системы, процесс построения правового государства.

Трудности переходного периода, ломка старых, привычных методов управления выплескивают и ностальгические позывы вернуться к прошлому, к временам верховенства команды и приказа. Но есть и взгляды, настроения, когда полной свободой считается свобода оскорблять достоинство других людей, призывать к несоблюдению законов, сеять национальную рознь и прочее.

В большинстве своем здесь нет ничего святого, одни лишь амбиции, да еще неприязнь к перестройке, боязнь ее.

Многие ищут сейчас пути борьбы за углубление и расширение свободы. Но если говорить серьезно, то главный бастион этой борьбы — перестройка. За нее и надо бороться, чтобы действительно идти всем народом вперед, чтобы консолидировать, а не разобщать силы, чтобы не дать спекулировать на идее свободы, не дать украсть свободу у перестройки националистам, консерваторам, а то и просто профессиональным скандалистам. И если почему-либо свобода через перестройку и с перестройкой не осуществится, это ляжет тяжелым камнем на нашу общую совесть, на тех, кто вовремя не понял призыва и призвания перестройки, кто поддался спекулятивным эмоциям или благодушным иллюзиям.

Успех перестройки возможен только на путях политических решений, консолидации патриотического общественного согласия вокруг революционных преобразований, утверждения правовых норм жизни, которые оказались деформированными больше всего.

В государственных делах решительность конечно же необходима. Надо было, например, проявить высочайшую решительность, чтобы пойти на революцию перестройки, начать борьбу за открытое, свободное, демократическое общество, вывести войска из Афганистана, уничтожить ракеты средней и малой дальности, предложить реалистическую концепцию безъядерного, ненасильственного мира.

Это решительность созидательная. У нее крепкий союз с перестройкой. «Решительности» другого рода уже доказали свою несостоятельность. Перестройка, по существу, первый в истории нашего государства опыт крупнейших, но ненасильственных преобразований.

Движение к постоянно гармонизируемому варианту демократии складывается под воздействием многих политикообразующих факторов. Государство делится частью своей власти с человеком, коллективом, общественными организациями, что в условиях социалистического общества ведет к нарастающему, развивающемуся народовластию. Человек делится частью своей суверенности с государством, получая в обмен защиту своих прав и обеспечивая через общество те свои нужды и интересы, которые не могут быть реализованы иным путем.

Этому процессу присуще постоянное и острое противоречие: чем больше государство отнимает свобод у человека, тем авторитарнее оно становится. И тем самым подрывает, лишает себя и внутренней прочности, и внутренних источников саморазвития. Но чем больше человек отнимает у государства власти, которую

он не может разумно реализовать, тем анархичнее становится общество, тем несвободнее оказывается в нем и сам человек.

Если государство авторитарно, а личность беззащитна, то оба они остаются несвободными. Народовластие и самоуправление умножают силу и государства, и личности, делая их подлинно свободными. Только в этих условиях труд и политика приобретают творческий смысл, а в этом как раз и состоит искомая на сей революцией социалистичность.

В общественной жизни в целом — это поворот к свободному творчеству народа, к расцвету духовной жизни, обеспечению высшей социальной защищенности и справедливости, полной реализации творческих возможностей человека. Вопросов, накопленных предыдущим общественным развитием, здесь уйма. Они необыкновенно сложны, требуют постоянного внимания и огромных усилий, упорной работы и терпения. Остановлюсь лишь на трех из них.

Первое — уравниловка. Важнейший смысл преобразований состоит в том, чтобы гораздо теснее, чем когда-либо раньше, связать экономическое развитие с социальным прогрессом, направить его на вытеснение из экономики непрофессионализма, недобросовестности, разгильдяйства людей, не желающих трудиться на своем месте по-настоящему. Перестройка ведет борьбу с ленью, апатией, безынициативностью, стремлением дать поменьше, брать побольше, некомпетентностью.

Скажут: где же социальная защищенность? Во всяком случае, не в уравниловке. И не в том, чтобы те, кто хорошо работает, находились в равенстве с теми, кто живет за счет хорошо работающих, то есть практически крадет чужой труд. Таким образом поощряются антиобщественные тенденции. Некритическая жалость, всепрощенчество за народный счет, понимание социальной справедливости как потакания прихотям бездельника — все это тянет общество назад, разоряет его, обрекает на отставание, на обострение социальных проблем.

Второе — иждивенчество. Консерватизм воинствующего иждивенчества многолик — и социально, и по формам проявления. Тут и стремление пожить за счет государства, а значит, за счет других. И зависть к работнику, который, не жалея сил и времени, зарабатывает в пять-шесть раз больше соседа. И неприязнь к честному кооператору, который идет порой на риск, начиная принципиально новое дело. И непримиримые позиции специалистов среднего уровня, часть из которых в глубине души осознает свою непригодность к настоящему делу. И извечные опасения чиновника. И нежелание или неспособность работать в области теории, научного, объективного анализа различных сторон социалистической практики. И многое другое.

Наивно полагать, будто можно излечиться от иждивенчества путем увещеваний и проповедей. Административные меры могут дать лишь ограниченный и кратковременный эффект. Общественные отношения можно изменить, только воздействуя на реальность. На практике это означает, что борьба за перестройку сейчас — это прежде всего борьба за жизнеспособность, эффективность того, что принесла она в нашу жизнь. Но борьба экономическими методами, примерами социального опыта, через демократические преобразования.

Третий — национальные отношения. Всесторонний анализ этого вопроса впереди. Но общественные размышления по этому поводу идут, не могут не идти. Уход от реальных проблем и трудностей, попытки жить удобными мифами и тут создали ничем не оправданные осложнения. Политически вредным было утверждение, будто национальный вопрос можно решить раз и навсегда. Здесь нет универсальных критериев, чтобы подобное оказалось возможным.

Социализм решил национальные проблемы, унаследованные от царизма: национальное неравноправие, угнетение одних народов другими, безразличие к национальным культурам, языкам и их судьбам, вымиранию целых народов. Тут — непреходящая заслуга социализма, которую надо беречь.

Но есть и другие проблемы, возможно, более устойчивые, самовоспроизводящиеся, связанные с общением разных культур и народов на повседневной основе. Есть специфические, ведущие свое начало от того, что разные народы и культуры развиваются неодинаковыми темпами и от различных исходных уровней. Определенные сложности, противоречия могут быть связаны и с тем, что не совпадают по времени качественные ступени в развитии наций, на которые каждый народ выходит самостоятельно. Наконец, есть и проблемы, порождаемые новыми условиями бытия, всем комплексом жизни страны, мирового развития.

Упущения в национальной политике несомненны, исправлять их надо не мешкая. Справедливые упреки можно высказывать по многим адресам. Но от них толку мало. Самое важное сегодня, как представляется, это взаимосвязь перестройки и национальных отношений, развитие национального самосознания, ответственности каждого народа перед самим собой и за судьбу перестройки.

Среди обвинений, бросаемых в адрес перестройки, есть сегодня и такое, будто она привела к взрыву националистических страстей, к конфликтам. Конечно, дело обстоит иначе. В основе другое. Это нарастание коррупции, социальной несправедливости, оживление местных, иногда полуфеодалных структур.

Неразумное, а иногда и безответственное размещение производительных сил. Диктат ведомств. Экологические абсурды. Забвение здоровых традиций народов, недостаток внимания к национальной истории, языку и культуре.

Все эти и иные проблемы сформировались не вдруг, они накапливались десятилетиями, исподволь влияли на психологию, настроения, социальное самочувствие людей. Но до поры до времени находились под спудом, были придавлены нежеланием смотреть в лицо правде.

Перестройка сняла этот пресс. Не просто сняла, а потребовала нелицеприятного анализа фактов. Можно ли сказать, если оставаться на почве коммунистической идеологии, что требования о внимании к историческому наследию народов, национальным святыням, рачительном хозяйствовании, бережном отношении к природе, стремление быть хозяином в своей республике, области, округе, самим решать свои дела,— все это противостоит естественно, незаконно? Нет, конечно. Именно перестройка включила эти проблемы в свою политическую платформу. Только перестройка дает возможность справиться с ними. Убежден, и здесь мудрость народов одержит победу. В этом гарантия, что общественное не будет принесено в жертву узкогрупповому, своекорыстному, эмоциональному. Что каждый народ обретет возможность вершить свою судьбу в обновленном, демократическом, свободном обществе на основе разума и ответственности.

Только совместная работа и совместная борьба за перестройку способны выковать новые отношения дружбы, солидарности, сотрудничества между народами, подлинный интернационализм, идеология которого пронизана глубоким уважением национального и столь же глубоким отвержением националистического.

Но такие отношения нуждаются и в соответствующем оформлении, в новом взгляде на разумное, справедливое распределение прав, обязанностей, взаимной ответственности в нашем многонациональном Союзе. Сильный центр и сильные республики, развитая экономическая взаимответственность — вот горизонты, на которые предстоит выходить.

III

Если размышлять ретроспективно, нашей ведущей внешнеполитической идеей всегда был мир и активная защита от агрессии, оборона страны. Тратили на эти цели немалые средства. Советский народ поддерживал эту линию. Она основывалась не просто на вере в военную угрозу из-за рубежа.

Такая угроза действительно существовала. И если кто-то сегодня уверяет, будто ее не было, будто представление о ней не более чем игра воображения, тот или лукавит, или политически наивен. Еще и поныне, пока существует ядерное оружие, реальность угрозы преждевременно списывать со счета.

Почему же тогда Советский Союз пошел на сокращение вооруженных сил и вооружений, военных расходов, на беспрецедентные меры открытости? К убежденности идти этим путем подвел честный и открытый анализ противоречий, тенденций и факторов мирового развития. Этот анализ выявил всю бессмысленность, бесперспективность попыток обеспечить безопасность дальнейшим накоплением ядерного или еще более разрушительного оружия. Анализ выявил растущее значение общечеловеческих проблем, которые, если их игнорировать, неизбежно оборачиваются общечеловеческими угрозами. Это проблемы экологии, развития, преодоления отсталости, иные.

Конечно, до полного понимания бесперспективности воснормированной политики пока далеко. Официальное политическое мышление на Западе продолжает оперировать категориями противоборства и конфронтации. Например, разве такие явления, как КОКОМ, торговые ограничения по отношению к СССР, странам социализма, непрекращающиеся разговоры о необходимости модернизации вооружений, в том числе ядерных, призывы не торопиться с ответами на советские инициативы,— разве это все не наследие «холодной войны», не стремление не спешить ослаблять напряженность?

Необходимо видеть это, понимать, делать соответствующие политические выводы. Но не в пользу продолжения конфронтационности. Тем более что милитаристским силам становится все труднее доказывать, что мир, их собственные страны нуждаются в новых запасах вооружений, новых военных исследованиях, что мир не может уже сейчас жить и развиваться по законам и нормам общечеловеческой морали, цивилизованности, международного права.

Новое политическое мышление позволило нам выявить такие резервы, о которых несколькими годами раньше и не подозревали. Мы стали иначе видеть многие проблемы.

Взять гонку вооружений. Безопасность нашей Родины, наших друзей и союзников — важнейший приоритет внешней политики. Так было, так есть, так будет. Но где-то в прошлом, на определенном рубеже, мы втянулись в гонку вооружений на принципах арифметики, а не разумного расчета, что вряд ли диктовалось военной потребностью и политической целесообразностью. Мало того, что это легло дополнительным материальным бременем на страну. В глазах какой-то части мировой

общественности родилось представление о «двух сверхдержав», имеющих нечто общее в силовой, военно-политической сфере.

Или проблема прав человека. Она впервые была поставлена в конфронтационном плане Западом. Наша реакция была в общем-то оборонительной. Она вполне соответствовала утвердившемуся бюрократическому мышлению, не приемлющему ничего нового, необычного, стремящемуся отторгнуть это непривычное.

Но разве социализм начинался как теория и практика не с борьбы за права человека? И разве с тех пор мы отказались от этого предназначения социализма? Разве, наконец, наши позиции здесь столь уязвимы, что мы должны бежать от этой темы? Да ничего подобного. Сейчас, когда ведем активный диалог по правам человека, пошли тут на широкое взаимодействие, готовы идти гораздо дальше и призываем всех к этому, уже западная дипломатия ищет пути и способы снизить звучание правовой проблематики, ограничить ее диапазон.

Или такой вопрос, как участие в системе международных экономических отношений. Оно еще остается весьма ограниченным даже с учетом сотрудничества в СЭВ, а за его пределами — почти ничтожным. Такое положение отвечает сложившейся структуре доперестроечных ведомственных интересов, надежно охраняет покой и безмятежное существование наших хозяйственников, избавленных от прихотей конкуренции. Но отвечает ли оно интересам экономического прогресса общества? Здесь перед нами стоит большой комплекс задач, к осознанию которого только приступаем.

Наконец, отдавали ли мы себе отчет в том, какое международное воздействие оказывают застойные тенденции в экономике и общественной жизни, самодовольство и самоуспокоенность? В противниках социализма они будили агрессивность, расчеты на возможность социального реванша, стремление взять в отношениях с нами более жесткий тон. А в среде самых разных общедемократических сил и движений мира сеяли горечь.

Что же изменилось сегодня? В материальном смысле еще немного. Но в политическом, психологическом — невообразимо много. Начав перестройку, социализм показал, что обладает необходимым потенциалом жизнестойкости, обновления, развития. Что в недрах его действуют здоровые, ответственные силы, отдающие себе отчет не только в сложности задач, но и в том, как их можно и нужно решать. Это *первое*.

Второе. Социализм выдвинул программу обновления, объективно ставящую и решающую не только его собственные проблемы. Над похожими вопросами бьются, ищут ответы во всем мире. И наш опыт, наши подходы имеют общечеловеческую ценность.

Третье. Социализм предложил впечатляющую программу решения международных проблем, философию нового политического мышления, новую концепцию мировой политики и ее приоритетов.

Четвертое. Социализм начал глубокую внутреннюю реорганизацию, объективный смысл которой — подготовить себя и к перспективным требованиям собственного развития, и к тем вызовам, что диктуются характером изменяющегося мира. Это делает социализм динамичнее, сильнее, позволяет ему увереннее стоять на земле.

Пятое. Социализм с готовностью воспринимает все разумное, полезное из мирового опыта. Он призывает к сотрудничеству во имя общечеловеческих ценностей, готов искать и находить вместе ответы, подходы, концепции, правовые нормы, решения. Каждый при этом остается самим собой, но результатом будет более разумный и гуманный мир, взаимное духовное обогащение.

Шестое. Социализм снова вдохнул в мировое развитие тот свежий, нравственный заряд, которого так недоставало. Надежда родилась вновь, и на этот раз она связана с революцией перестройки.

Только политическому слепцу не дано увидеть, как преобразилась жизнь под воздействием перестройки. Нас порой пугает пена, но ее вытолкнула на поверхность чистая вода. Мы стали жить, может быть, и сложнее, но зато честнее, откровеннее, стали непримиримее ко лжи, унижениям достоинства. Перестройка пойдет тем быстрее и дальше, чем явственнее станут ее способность утверждать правду, добро, совесть, все светлое и лучшее, что присуще человеку, всем нашим народам, нашему обществу.

Перестройка — естественный ход вещей, естественное развитие человека и общества на основе гуманизма и демократии. Общественное развитие не бывает завершенным, иначе оно перестает быть развитием. Его диалектика непрерывно выдвигает новые проблемы, и разумно, в полном объеме решать их может только общество свободных людей.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Европа сегодня — это Европа «вчера» и Европа «завтра». Кто не помнит прошлое, тот не живет, а равнодушный к судьбе грядущего — детоубийца или пророк Апокалипсиса.

Только так может стоять вопрос сегодня, в век страха и надежд, когда перед человечеством возникла реальная дилемма — или тотальная смерть, или всеобщее выживание. Если же безумие возьмет верх, то, значит, природа где-то ошиблась, творя свое совершенство.

Уникальное, не имеющее себе подобных сочетание обстоятельств — природно-географических, социально-исторических, всех иных, сделало возможным становление и развитие той Европы, что мы видим сегодня. Созидали Европу разум и труд, созидали самозабвенно и талантливо, но стихия, злой рок и болезненные капризы властолюбцев беспощадно рушили творения ваятеля жизни — человека.

Кажется, грядут другие времена, идея ненасильственного мира обретает все более реалистические очертания, нравственные начала в политике очищаются от коросты лицемерия и становятся реальной силой реального действия.

В чем же заключается вызов Европе конца XX века? Суть его, по моему убеждению, в том, что наш древний и прекрасный континент исчерпал себя для войн. Исчерпал духом, сознанием и моралью. Да и опыт кровавых войн оставил тяжкий след.

Все мы как бы на горном перевале. Позади горы оружия, несущие смерть, а по ту сторону — сотрудничество и мирный праздник европейской общности. Вроде бы выбор очевиден. Но как же еще велик страх перед миром без оружия и войн, хотя и страх перед оружием достиг критического предела.

Ситуация разбухла от противоречий. Отторжение войны мирно уживается с мощным материальным потенциалом конфронта-

Выступление на встрече с представителями политических кругов и общественности Италии. Рим. 20 марта 1989 г. Публикуется впервые.

ции и военного насилия. Сохраняется блоковое противостояние. Старые интересы энергично цепляются за старые мифы. Позитивные тенденции крепнут, но все еще нуждаются в заботе и защите, в развитии.

И все же Европа начала исторический переход от военного противостояния к созданию, пусть еще робкому, инфраструктуры безопасности, стабильности и сотрудничества.

Задача эта нелегкая во всех отношениях. И практически, ибо ничего подобного раньше не делалось, да мы еще и сейчас не вполне представляем архитектуру, планировку, устройство будущего дома. И политически, ибо предстоит постоянно преодолевать инерцию устоявшихся структур, интересов, подходов. И психологически, ибо груз старого мышления, недоверия, предубеждений, психологии конфронтации еще тянет вниз, а тяжкое историческое наследие еще долго будет давить на сознание.

За два последних тысячелетия Европа воевала много, ожесточенно и кровопролитно. Воевала за религиозные догмы и передел границ, за интересы монархов и кланов, за раздел и передел чужих земель, даже лежащих по другую сторону морей и океанов. Были войны «столетние» и «тридцатилетние». А сколько было жесточайших гражданских войн. Народы Европы дорого, непомерно дорого платили за кровавые оргии завоевателей, за необузданную жадность накопительства, за низкие страсти властолюбцев, за нетерпимость к инакомыслию и чванливое высокомерие.

Иными словами, развитие Европы шло через тяжелейшие конвульсии насилия. И тем не менее, оглядываясь сейчас на все пройденное и пережитое, с удивлением обнаруживаешь, что Европе как-то удавалось все время накапливать материальный и духовный потенциал, капитал политической культуры, цивилизованности, науки и образования, гуманизма. И не только накапливать для себя, но и делиться им со всем светом.

И в нынешнем мире отнюдь не исчезло ощущение особой принадлежности к этой в общем-то небольшой части Земли, называемой Европой. Достаточно вспомнить античность или эпоху Возрождения, которые образовали истоки развития европейской культуры в самом широком смысле этого слова — и искусства, и гуманистической философии, и политических институтов, и передовой науки, техники и промышленности.

Раннее становление современной государственности. Право и идея правового государства. Формирование наций, плодотворное взаимовлияние национальных культур. Экономический рост. Промышленная цивилизация. Военное дело и оружие. Философские и этические, политико-идеологические, социально-экономические, религиозные учения и тенденции. Революции, определив-

шие облик современного мира, — от Великой французской до Великой Октябрьской. Наконец, социалистическое учение и практика. Все это рождалось и развивалось в Европе, разливалось по другим странам и континентам.

Общеввропейское историческое достояние возлагает особую ответственность за перспективы современного мира, а это властно требует политической воли, решимости, ясного понимания того, куда и почему мы движемся, что хотим обрести, вызывает к пониманию общности исторической судьбы народов континента.

I

Закономерен вопрос: почему вызов носит именно общеевропейский характер? Нельзя ли ответить на него в рамках блокового деления, идеологического и политического размежевания, когда каждая сторона в меру собственного разумения и возможностей решает свои проблемы?

Конечно, у каждого из европейских государств и народов есть специфические задачи, интересы, цели, устремления. Их не отменяют и не подменяют ни субрегиональные тенденции, ни общеевропейский процесс. Это понятно. Равно как и то, что интеграционное развитие в двух частях Европы обрело собственную устойчивость и целенаправленность, как бы обречено на развитие.

Если вновь вернуться к общему наследию, то нетрудно видеть, что Европа складывалась как нечто целостное, как система национальных государств, которые, то конфликтуя, то вступая в союзы, все более тесно взаимодействовали друг с другом. В известном смысле европейская история стала как бы моделью системы международных отношений в целом. Моделью не абсолютной и не автоматически воспроизводимой, но имеющей много общего с заботами, проблемами, путями современного мира.

При всем разнообразии национальных компонентов в ней, пожалуй, больше общего, чем различий. Ее богатства всегда были неделимы. К тому же подлинные достижения цивилизации не знают межгосударственных границ.

Или взять великие географические открытия. Понимаю, что рискую задеть известные нервные окончания, но не выветрить из памяти колониализм с его жестокостью и пренебрежением к человеческой личности. И вместе с этим отношения Европы с другими континентами складывались сложно, неоднозначно — в самые отдаленные уголки планеты протягивались нити взаимообогащающих культурных связей. Это факт, что Старый Свет породил Новый.

А какое гигантское наследие оставила миру созидательная сила великих социальных революций! Принципы и структуры политической демократии, признание самостоятельной ценности прав человека, основы гражданского общества, социалистическую мысль, идеалы и концепции, которые стали неотъемлемой частью мировой, но сначала европейской жизни, политики, культуры.

На протяжении веков Европа была де-факто центром международных отношений планеты, снабжая других, но чаще навязывая свои модели социального развития и политики. Так формировался стереотип европоцентризма. Претензии на мессианскую роль институтов и взглядов, к сожалению, тоже одна из сторон европейского духовного наследия.

Драматический XX век. Как ни парадоксально, но именно в Европе, достигшей высокого уровня цивилизованности и промышленного развития, высокой степени взаимозависимости народов и наций, зародились очаги двух мировых войн — самых кровопролитных в истории. Европа раскололась на противостоящие общественно-политические системы, которые сама же и породила. «Холодная война» — наиболее вопиющее выражение этого раскола.

В результате — и этот факт несомненен — не выиграла ни та, ни другая сторона, а проиграли обе. Огромные ресурсы поглотила гонка вооружений, бессмысленная, опасная и разорительная не только материально, но и нравственно.

И все-таки... То, что Европа более четырех десятилетий не знала войны, — великое достижение, особенно на фоне неугасающих конфликтов в других районах планеты. Европа подарила миру миротворческий процесс — хельсинкский. И она же стала площадкой для массового размещения ядерных ракет, что подвело мир к самой опасной за послевоенный период черте.

До сих пор Европа творила, разрушая, и разрушала, творя, но баланс в конечном счете оставался на стороне созидания. Ныне возможность, что и впредь будет именно так, подрублена чудовищным накоплением оружия, разрушительным насилием над природой. Выдержит ли Европа столь жестокой антропогенное давление? Об этом нельзя не думать с тревогой. Как и о том, что подобная плата за развитие не является неизбежной, что она практически и нравственно неприемлема и что на континенте достаточно знаний и средств, чтобы гармонизировать прогресс с природой.

Надежда на разум, на здравый рассудок. На культуру, терпимость, инстинкт выживания. На понимание того, что проблемы, которые казались злободневными еще вчера, отступают перед высшим интересом сохранения жизни на Земле. Ибо страх —

негодный советчик. Запугивание, взаимное или одностороннее, означает отказ в доверии и уважении, отказ в нормальных человеческих отношениях. Но жизнь нуждается в естественных нормах взаимодействия. И не только нуждается — она рождает их.

Эта надежда вновь связана с Европой. Я вовсе не грешу европоцентризмом. Не забываю, что Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности заключен с США. Но думается, что именно Европа больше всего устала от войн и гонки вооружений. Она не может больше жить в постоянном ожидании ядерного конфликта. В этом, наверное, и кроется причина того, что Европа после 1945 года избежала войн, в то время как они часто вспыхивали в разных уголках остального мира. В этом, а не в ядерном сдерживании, столь дорогом сердцу некоторых атлантических политиков.

Не слишком ли все это оптимистично звучит? Уже не раз европейцам казалось, что они погибали в *последней* войне. И все-таки, повторю, Европа отвоевалась. На континенте падает влияние крупных политических сил, нацеленных на войну. Пустило корни понимание, что любая война, даже неядерная, на столь плотно заселенном континенте и со столь хрупкой и уязвимой инфраструктурой хозяйства и общества, будет означать конец его цивилизованных форм.

И на Востоке, и на Западе Европы выросли поколения, не знающие материальных лишений и нужды крайних масштабов. Не испытавшие травм жестокой конфронтации и взаимного уничтожения и потому меньше ненавидящие, меньше боящиеся, более образованные, труднее поддающиеся манипулированию. Эти поколения воспринимают мир как непреходящую ценность. Им легче, доступнее не только понять и принять идеи и реальности взаимосвязанного и ненасильственного мира, целостного в своей противоречивости, но и сделать необходимые выводы для практики.

II

«Мудрость — дочь опыта», — говорил Леонардо да Винчи. То, что опыт европейской цивилизации имел и имеет всемирное значение, достаточно очевидно. Но его значение особенно важно сейчас, когда Европа может осуществить великий, исторического смысла эксперимент — создать систему взаимоотношений, в полной мере соответствующую и вызовам современного мира, и лучшим духовным традициям европейской цивилизации.

Сама по себе идея европейской общности не нова. Она выношена многими поколениями предшественников. Корни ее уходят в средние века, в античность. Сознание взаимозависимости,

связанности друг с другом на протяжении веков является частью европейского мироощущения.

В прошлом эту идею часто стремились использовать в своих завоевательских планах всевозможные самозванные «объединители Европы». Но были и другие побуждения. Их носители видели пути к миру, всестороннему благу, предлагали различные формы общеевропейской организации, которые, как полагали тогда, смогут гарантировать процветание народам континента.

И уже тогда объединенная Европа не представлялась без России. Культурные, политические и экономические связи России с Западом Европы восходят ко временам Киевской Руси, которая приобщилась к европейской культуре через Византию. Тысячелетие крещения Руси недавно широко отмечалось как у нас, так и за рубежами нашей страны. Временами эти связи надолго прерывались или ослаблялись: сначала в результате татаро-монгольского нашествия, а затем — стремления сменявших друг друга коалиций европейских держав отгородить Россию от Европы или превратить ее в заповедные владения очередной «великой державы» момента.

Сама многочисленность подобных попыток — при том, что им нельзя было отказать в имманентной последовательности, — подтверждает, что стремление вывести Россию за политические пределы Европы недостижимо. Россия неизменно возвращалась в лоно европейской политики, стоило лишь сделать поворот от искусственного обострения противоборства к нормальному ходу вещей.

Присущее россиянам сознание принадлежности к Европе имеет глубокие исторические, культурные и психологические корни. Нам дороги, если воспользоваться словами Достоевского, «старые камни» Европы. Так же как Европа вряд ли мыслит себя без Пушкина, Толстого, Чехова.

Можно вспоминать об удивительной переплетенности судеб России и Италии, например. В вашей стране написали многие свои лучшие произведения Гоголь, Достоевский, Горький. Творили выдающиеся русские художники. Итальянские архитекторы и мастера строили соборы Московского Кремля, закладывали ансамбли Петербурга. Огромное воздействие на европейскую культуру оказали русский авангард начала XX века и итальянский неореализм середины столетия. И дело не только в двусторонних связях. Подобный взаимообмен и взаимообогащение — одно из величайших достижений европейской цивилизации. Его надо сохранять, оберегать, развивать и дальше. Общее достояние — и общая гордость.

И еще об одном. Думаю, Европа — самое неподходящее поле для упражнений в авторитарности, для каких-то особых притя-

заний. На сцене политической, культурной, интеллектуальной жизни континента в конечном счете всегда побеждало демократическое начало, признание факта и ценности многообразия всего сущего. Тенденция к гуманизму и прогрессу всегда была связана в Европе с идеями и практикой демократии. Наверное, именно это обстоятельство и сделало Европу тем, чем она будет оставаться в мире завтрашнем и послезавтрашнем. Средоточием гуманистической мысли и практики.

Ныне, в год 200-летия Великой французской революции и в дни, когда более 100 лет назад существовала Парижская коммуна, особенно очевидным становится и тот факт, что появление в Европе социализма как социального учения, нравственной системы, политической практики не случайность и не зигзаг истории. Социализм был подготовлен всем предшествующим ходом европейского развития: и концентрацией нерешенных проблем; и прогрессом промышленности, техники, науки; и извечным для Европы вниманием к человеку, его внутреннему миру, целям его возвышения и совершенствования; и преемственностью общечеловеческих идеалов социальной справедливости, добра, гуманизма, пронизывающих всю известную нам общую историю континента.

Убежден, что можно и нужно преодолеть политические, иные последствия того разрыва, что связан с рождением в Европе новой, социалистической социальной системы. Известно, что после Октября 1917 года буржуазная Европа занервничала, впала в раздражение, жестко обошлась с нашей революцией и Советской властью. В общем понять, но не оправдать, такую реакцию можно. Труднее понять и смириться с тем, что подобные настроения не изжиты полностью и до сих пор. Особенно в условиях, когда под воздействием нового общественного строя элементы социалистичности все более заметно входят и в жизнь западной части Европы. Притом входят столь естественно, что их уже перестают считать пришедшими из другого мира.

Впрочем, поначалу и у нас были группы, которые — в контексте психологического неприятия старого, отвергнутого революцией мира — проповедовали недоброжелательство ко всей прежней культуре, были заражены пренебрежением к некоторым общечеловеческим ценностям лишь на том основании, что их разделяла и буржуазия. Группы, которые выступали за то, чтобы Россия, победившая революция взяли на себя роль «катализатора истории», своего рода мессии. Громогласность и внешняя энергия таких групп не всегда, впрочем, совпадали с их истинным весом в политической жизни. Но следует, пожалуй, добавить, что болезнь максимализма посещала не только Восток.

Разрыв между Востоком и Западом Европы постепенно преодолевается. Уходят в прошлое оба «железных занавеса» — и с той и с другой стороны. Проницаемость континента для потоков информации, деловых и человеческих контактов, торговли, многообразного сотрудничества становится все ощутимее. Уверен, недалеко то время, когда будут смеяться над всякими ограничениями, вроде КОКОМ, а ложь и насаждение неприязни станут морально неприемлемыми.

Напомню, что способность отделять при желании торговлю от политики была присуща Европе еще многие века назад. Английская Великая хартия 1215 года содержала раздел, оговаривавший, что купцам из государств, враждующих с Англией, гарантировались в этой стране неприкосновенность и свобода торговли в обмен на такие же условия для английских купцов. Умные, надо сказать, люди жили в те времена.

Нынешнее состояние мира и тенденции его развития требуют сбросить как «западные», так и «восточные» шоры, идти гораздо дальше тех доктрин и представлений, которые еще несколько лет назад казались исчерпывающими и непоколебимыми. Наследие европейской цивилизации заключается еще и в способности наряду с различиями видеть общее в исторических процессах, в путях прогресса, что соединяет их участников. В способности делать отсюда практические выводы, сохраняя при этом свою сущность, верность своим идеалам и ценностям. Именно такую систему взглядов и предлагает новое политическое мышление.

III

Мыслители прошлого предлагали разные панацеи, чтобы избавить Европу от войн. Иммануил Кант видел выход в правовом нормотворчестве. Новалис — в духовном обновлении. Иоганн Гердер — в нравственном перевоспитании. Кто возьмется утверждать, что все это не нужно и сегодня?

И тем не менее вопрос стоит гораздо шире. Организация безопасности на новых принципах. Экономические связи. Гуманитарное сотрудничество, в основе которого будут лежать не просто права человека, но понимание Человека как меры всех вещей. Лишь в таком мире, в таких условиях народы континента смогут избавиться от давящего ощущения небезопасности, получить все шансы и возможности дальнейшего прогресса.

Общий долгий и трудный опыт Европы доказал не только невозможность навязывать народам чуждую им систему или политику, но и бессмысленность стремления осчастливить кого-либо против его воли. Строить сегодня политику в Европе

на расколе — значит цепляться за прошлое. То самое прошлое, которое не раз уже ввергало континент в тяжелейшие испытания, ненужные опасности, конфликты и страдания, которых можно было бы избежать. Надо отрешиться от психологии «священных союзов» и «занавесов» разной прочности. Окончательно и навсегда.

И не только в политике, вопросах международной безопасности, но и в экономике. В последнее время, как говорится, «в конце туннеля» все же забрезжил свет. Возросла активность и усилился экономический поиск с обеих сторон. Установлены официальные отношения СЭВ — ЕС. Но это лишь первые шаги на трудном и тернистом для обеих сторон пути. Сумеет ли мы успешно пройти по нему, зависит от взаимной выдержки, настойчивости, доверия друг к другу.

Тут есть над чем задуматься и потрудиться. Особенно над тем, как уже на нынешнем этапе обеспечивать стыковку между двумя экономическими объединениями — ЕЭС и СЭВ, между входящими в них странами. Да и над тем, как в перспективе, хотя бы отдаленной, прийти к образованию более слитных экономических структур. Словом, главное сейчас — не создавать препятствий для налаживания разнообразных хозяйственных связей между европейскими государствами и их экономическими объединениями.

Если взять другую проблему — экологическую, то и здесь Европа — единое целое. Среди отрицательных особенностей наследия европейской цивилизации — ее традиционное, во многом потребительское, отношение к природе, поставившее континент на грань экологического кризиса. В Европе уважение к человеку (он венец творения) имело своей оборотной стороной утверждение о несовершенстве природы с ориентацией на ее покорение. Горьки плоды этого. Стоящий перед Европой вызов — создать новую модель развития, основанную на гармонии с природой. Природа не признает границ, раскола на различные системы, равнодушна к противоборствующим союзам.

Неразумно переоценивать уже свершившиеся перемены. Хотя вероятность вооруженного конфликта в Европе практически исключена, однако новых отношений между ее двумя основными частями еще нет. Тот общий культурный пласт, который призван быть их основой и на котором зиждется европейская цивилизация, покрыт, я бы сказал, таким слоем загустевшей крови, перемешанной с тиной предрассудков, что в нем до сих пор вязнут многие добрые начинания. Отмыть, очистить этот культурный слой — от крови, копоти и «дурного глаза» — и все увидим себя по-новому. И не надо поддаваться мертвящим страхам и подорзням.

Сегодня предельно ясно: нельзя более развиваться в замкнутых параллельных системах. И главное, нельзя долее развиваться стихийно. Идея осознанной очеловеченной упорядоченности мировых процессов также возникла в Европе. Интеграционность, идущая диалектически, через взлеты и падения, присуща всеобщей истории. Присуща она и европейским процессам.

Замысел «общевропейского дома» рожден всеми реально-стями конца XX века, сегодняшним уровнем развития человечества, качественно новым состоянием Европы. Высказываясь за это, мы тем самым высвобождаемся из рабства изживших себя стереотипов. Среди них — гераклитовский постулат, что «война — отец всего и всего царь».

Хотел бы заметить: «общевропейский дом» окажется очень скучным и непривлекательным, если его строительство будет вручено исключительно заботам политиков. Это должен быть настоящий дом, освещенный духовным светом, культурой, совместным трудом всех народов. Дом, свет в котором нельзя включать и выключать только по воле политических деятелей и военных.

IV

Что мы, собственно, предлагаем, если абстрагироваться от конкретных дипломатических инициатив, переговорных позиций? Что есть новое политическое мышление применительно к Европе в философском и психологическом его наполнении?

Я бы выделил здесь три ключевых элемента.

Во-первых, искренний, прямой, откровенный и честный диалог вместо конфронтации. Серьезный и содержательный разговор об общих проблемах, их анализ, совместные поиски согласованных путей их решения.

Во-вторых, это практические действия на базе совместно полученных итогов диалога вместо выжидания, колебаний, инерции и пассивности, чем бы они ни оправдывались.

В-третьих, формирование доверия через взаимодействие в сотрудничестве, через совместно обретаемый опыт коллективных действий вместо мазохистского самоуслаждения исторически сложившимся недоверием.

Строительство «общевропейского дома» — часть процесса становления взаимосвязанного и целостного мира. Здесь требуется выдумка и даже дерзость. В такой Европе хотелось бы видеть реализацию принципа единства в многообразии, когда определенная целостность континента диалектически сочетается с объективно сложившимися различиями между отдельными странами и регионами, со свободой выбора каждым народом путей развития и образа жизни.

Говорилось уже не раз, но хочу подчеркнуть снова: «общеевропейский дом» отнюдь не мыслится как нечто направленное против США. В историческом, культурном, религиозном отношении они составляют часть европейской цивилизации, хотя и своеобразную ее часть. В политике, безопасности, экономике они связаны с Европой, и любые попытки оторвать их могут нанести ущерб европейскому равновесию, да и балансу интересов.

Советская концепция «общеевропейского дома» подразумевает не только постепенное преодоление военно-политического раскола Европы, но и дальнейшее укрепление структуры общеевропейских организаций, связей, институтов, облегчающих и регулирующих сотрудничество и взаимодействие европейцев.

Кто знает, может быть, возникнет потребность в рамках совершенствования хельсинкских начал подумать и о «правовой Европе», где связи всех стран и деятельность каждого государства были бы подчинены нормам права, разработанным общеевропейскими институтами? Таким нормам, которые обеспечивали бы законосообразные отношения, свободное, самобытное развитие всех европейских государств и народов, полное и единообразное применение международных актов о правах и свободах человека.

Строительство такой Европы требует глубокого уважения к международному праву. Именно в таких условиях смогут развиваться в жизнь идеи демократии и свободы, которые развивали и отстаивали великие итальянцы — Джузеппе Гарибальди и Джузеппе Мадзини, Бенедетто Кроче и Антонио Грамши. Слова Кроче: «Свобода — творец истории» — звучат сегодня еще убедительнее, чем вчера!

«Общеевропейский дом» предстает как категория, утверждающая нормы международной морали и нравственности, рассматривающая в качестве критерия подлинной силы государства его миротворчество, предсказуемость политики, признание принципа верховенства общечеловеческих ценностей. Думается, тем самым европейцы продвинулись бы и по пути социального прогресса.

V

Объективно существует только одна Европа — противоречивая, но целостная и неделимая. Что надо сделать, чтобы она стала единой и в человеческом, духовном, экономическом измерениях?

Путь только — через диалог.

Диалог — это *сопоставление* взглядов в условиях взаимной терпимости, стремление понять другую сторону, взять у партнера лучшее, оставаясь на своих принципиальных позициях, подняться над групповым или национальным эгоизмом ради общих задач.

Диалог — это *сотворчество* в проведении совместной или параллельной линии в политике; дополняющее друг друга взаимодействие; поддержка акций друг друга; выведение сотрудничества на новый созидательный уровень.

Диалог — это *соразвитие*, когда все его участники черпают из него жизненные силы для продвижения вперед, внутреннего роста, укрепления своих позиций вовне. Такое соразвитие служит не только их благу, но и интересам человечества в целом.

Диалог — это *соучастие* в решении злободневных задач, стоящих перед людским сообществом, в поиске взаимоустраивающих развязок, в устранении антагонизмов, в свершении дел во имя мира и прогресса.

Диалог — это *солидарность*, единение тех, кто, опережая свой век, видит будущее, хочет его строить уже сегодня, не жалеет для этого ни сил, ни таланта.

Такой диалог становится знаменем времени.

Но мысли, идеи, рожденные диалогом, должны рождать и действие. От искренней заинтересованности и усилий всех сторон зависит, сможет ли Европа сказать свое веское слово в справедливом и демократическом решении сложных задач, вставших перед человечеством, продвинуться к грядущим временам — временам гуманизма, сотрудничества и братства.

ВРЕМЯ КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Сорок восемь лет назад, день в день, началась Великая Отечественная война. Война, которой суждено было стать едва ли не самым тяжким испытанием за всю многовековую историю нашего государства. Испытанием, тяжкое бремя которого еще долго будет преследовать и жечь наше сознание, но и двигать к размышлениям о судьбах Отечества.

Победа в жесточайшей и тяжелейшей из войн; победа над сильным, коварным и безжалостным противником; победа в схватке не на жизнь, а на смерть; победа, достигнутая вопреки многочисленным просчетам; победа, оплаченная небывало высокой человеческой ценой и на фронте, и в тылу, — победа эта не знает себе равных по силе и глубине влияния на дальнейшее развитие советского общества.

Память о великом народном подвиге — не только дань романтическому вдохновению военной юности, фронтовой спайке, но и гордость за ту высокую нравственность человеческих отношений, которые поднимали мужество, крепили честь, достоинство и совесть. Гласность, открытость в отношениях были доведены до святого предела, когда каждый становился как бы распахнутым душой и прозрачным сердцем.

Говорю это еще и потому, что одной из существеннейших задач перестройки является возрождение нравственности, этических норм, честности и порядочности, без которых любые материальные богатства делают человека всего лишь потребителем благ, а не носителем и творцом духовных начал.

Перестройка — которой мы все живем — это слом той экономической и политической структуры, что создавалась десятилетиями и отводила человеку роль строительного материала, из которого можно лепить что угодно, пренебрегая при этом его интересами и надеждами.

Из выступления на Московском автомобильном заводе им. Ленинского комсомола 22 июня 1989 г. Публикуется впервые.

Перестройка — это видение нашей жизни в реальном свете, по подлинным, а не искусственным ценностям. Когда везде и во всем, на всех уровнях белое называют белым, а черное — черным.

Наконец, перестройка — это решительный разрыв с тем сознанием, с той психологией, когда одни уповают на сидящего наверху прозорливого лидера, который все видит, понимает и решает. Сами же в ожидании такой благодати предпочитают не тревожить ни разум свой, ни душу, ни руки. А другие, на разных этапах управленческой лестницы и с разной мерой самовлюбленности и самопадежности, сами наделили себя всемогуществом, считая свое руководящее кресло неприступной крепостью, расценивая посягательство на него даже страшнее, чем посягательство на общественный строй.

Знаток Москвы и тонкий наблюдатель жизни, писатель В. Гиляровский в свое время о таком давнем противоречии российской жизни сказал: «В России — две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти».

Но положение с тех пор изменилось коренным образом. Внизу давным-давно не власть тьмы, а миллионы образованных, способных и желающих жить своим умом граждан. Зато наверху тьма власти осталась, сформировавшись в бюрократическую административно-командную систему.

Да, условия изменились, а психология, да и во многом организация общественной жизни остались прежними. Мы продолжали жить и двигаться во многом по инерции.

Вот почему необходимость глубокой политической реформы ощущалась все острее.

Здесь свое слово сказал первый Съезд народных депутатов СССР. Он стал и зримым разрывом с прежней психологией самоуничижительности. И мощным фактором необратимости преобразовательных процессов. И их ускорителем.

Съезд как бы подвел черту под истекшими годами перестройки, ознаменовав собой ее высшее политическое достижение. И тем самым вывел общество, партию, демократизацию на следующий этап укрепления жизнеспособности социализма.

Съезд выполнил свою задачу, открыл новые возможности для ускорения перестройки.

Государство — не абстракция. Общество — не пирамида, с вершины которой предопределяется все и вся. Социализм, по Ленину, создается творчеством народа и для народа, на основе социалистического самоуправления. И потому государство, общество — это конкретный коллектив и конкретный человек. Им и решать, как строить собственную жизнь, куда идти. В этом и смысл народовластия, мощный прорыв к которому совершил Съезд. В этом суть исторического момента.

Трудно ли это? Безусловно. И особенно труден сам переход от состояния исполнителя к самостоятельности, инициативе и ответственности. Возможны многочисленные вопросы-искушения, по-своему закономерные и естественные: зачем нам это надо? Что конкретно мы можем сделать или изменить?

Отвечу так. Надо. Надо затем, чтобы изменить жизнь к лучшему, и навсегда. Чтобы начать действительно жить по труду и таланту каждого. Чтобы в нашем обществе было максимально хорошо человеку честному и порядочному. И максимально неуютно бездельнику и корыстолюбцу.

Мы можем это сделать: ничего нереалистичного в этом нет, и совесть еще есть, и веры в самих себя хватит.

Ни с какого верха этих задач не решить. Мы двинемся вперед по-настоящему только в одном случае: если каждый примет на себя свою долю честных усилий, сделает свой вклад своей совестью.

Утверждая жизненную необходимость именно такого подхода, я вовсе не хочу снять ответственность ни с Политбюро, ни с правительства, ни с центральных ведомств. Но путь необузданного централизма уже испытан. Возврат к старому, о котором еще есть тоска, да и руководить и жить многие продолжают по-старому, такой возврат — новый тупик, но теперь уже с катастрофическими последствиями. Значит, только вперед, а если так, то альтернативы народовластию нет.

Сумеет ли мы использовать новые возможности, открытые Съездом, зависит только от нас. Тут уповать на некую «сильную руку», на новых рюриков или сталиных — значит совершать ошибку исторического масштаба. Только рабочие, крестьяне, интеллигенция в состоянии переломить через перестройку ход событий.

Там, где движения нет, образуется болото, которое легко засасывает, в нем легко приживаются златоусты-пустомели, оторванные от жизни притязания, прожектерство, личные и групповые амбиции. Создается почва, питательная среда и для социальных конфликтов.

Конкретное дело сегодня — это инициатива, самостоятельность, решение своих задач и ответственность за свои дела. Это и есть социалистическая демократия. Демократия труда и самодисциплины.

I

Съезда такой открытости и откровенности, такой эмоциональности и непредсказуемости, такой искренности не знает, наверное, никто из нас. Да таких съездов и не было после череды ленинских съездов Советов.

Но дело, конечно, не в этих качествах самих по себе. Впервые за многие десятилетия законодатели принародно говорили правду, искали истину. Съезд, при каких-то шероховатостях, при крайних точках зрения, убедительно подтвердил: жизнь требует перемен и противиться этому аморально. О неотложности таких перемен говорили практически все депутаты, единодушные в этом плане было полным. Курс на перестройку еще раз, и авторитетно, утвердил себя.

Сейчас, когда эмоциональный накал съездовских дней отходит постепенно в прошлое и можно спокойно анализировать итоги, по существу, становится очевидным, что требования честного взгляда, честного анализа, честной жизни одержали победу. Значит, одержала победу и демократия.

Мы в укрупненном плане увидели действительные масштабы проблем, накопленных во всех сферах жизни, последствия безответственности и безнаказанности. Ясно поняли: позволь мы и дальше крутиться механизму торможения, этому сочетанию лени, личной и групповой корысти, консерватизма, круговой поруки — страна могла бы непредсказуемо взорваться.

Те гнойники и нарывы, что проявляются сегодня вспышками национализма, насилия, воинственности преступного мира, все не следствие перестройки, как это хочется изобразить апологетам застоя. Это проявления болезни, которую долгое время загоняли вглубь. Это — подтверждение верности диагноза, сделанного в апреле 1985 года. Это — указание на сложность, долговременность, трудность лечения.

В выступлениях делегатов предстали осязаемо, зримо масштабы, трудности и противоречия перестройки. Из ярких, личностных выступлений депутатов лучше высветилось положение на местах, которое складывается в общую целостную, богатую оттенками и деталями картину положения в стране. Они особенно убеждают, что перестройка не придумана, не изобретена искусственно, это — крик жизни о помощи, ее природное требование.

Было бы наивно ожидать, что проблемы, ворвавшиеся в Кремль с заводов, полей, институтов, от людей самых разных возрастов, профессий и национальностей, — что проблемы эти будут причесаны и приглажены. И естественно, что звучали не только размышления, деловые предложения. Были и эмоциональные всплески, и раздражение, подчас и недостаточное проникновение в суть вопросов. Было и равнодушие, выжидательность, беспринципность, молчаливое несогласие с демократической атмосферой Съезда.

Кому-то нравится, а кому-то нет, но таков спектр общества сегодня, мозаика его отношений, ожиданий, жизненных установок

и позиций. В выступлениях депутатов выплеснулось накопленное, выстраданное, выношенное. Худо-бедно, но отдаем отчет в глубине проблем: в экономике, финансах, социальной сфере, оборонных проблемах. Но еще только-только подходим к анализу того, а что же происходит в наших душах, в нашем сознании.

Съезд еще раз продемонстрировал громаду неотложных, острейших и противоречивых проблем. Решать их надо, промедления и колебания тут недопустимы. Это ясно. Но все же, если бы мы ограничили диапазон размышлений и дискуссий, свою ответственность перед совестью и людьми только этими проблемами, боюсь, рисковали бы уподобиться тому работнику, который знал, что кладет кирпичи, но не ведал, что тем самым строит дом.

Тот дом, что строим мы, особый. И по самому большому счету, идущему от Октября 1917 года. И по счету перестройки, призванной взять лучшее из прошлого, отцедить накипь и обновить общественное устройство. И по более конкретному счету реформ, когда закладываются основы новой экономической и политической системы общества.

На чем создается этот дом — на живописных холмах, горных вершинах или на болотах? Сейчас доминирует критический настрой. И для этого есть основания. Остро ощущаются невзгоды материальные, духовные, нравственные. Но понимаем и чувствуем: как жили еще недавно, дальше жить нельзя. Горько переживаем запоздалое чувство нерационально растроченного времени. И понятны то недоумение, возмущение, тревога, что обуревают сегодня многих людей.

Но, наверное, в нашей жизни есть место не только для горечи и негативных эмоций. Рисовать все унылыми красками — дело едва ли конструктивное и честное. Убежден, что жизнь не является столь уже мрачной, как она порой преподносится, да и строится она самими людьми, а не умельцами с иных планет. Да, мы проходим через полосу кризисного напряжения, едва ли не тяжелейшего за всю нашу мирную историю. Но это — полоса развития, обновления, а не краха, это — огонь, по огонь не сжигающий, а очищающий общественный организм.

И потому сейчас особенно важно делать упор на мобилизацию всего позитивного — знаний, разума, совести, рассудительности, умения делать конкретное дело. Противопоставление позитивного критическому искусственно, да и деление — тоже. Назад пути нет и не может быть, и в этих условиях критика — как раз та обратная связь, без которой ржавеет любой социальный механизм.

При одном, однако, существенном понимании. Понимании необходимости ответственности. Критика должна быть исцеляющей. Нельзя по каждому поводу, а порой и по малой информации

рованности тащить все государство на стол, где делают полостные операции. Социальный мазохизм — занятие непристойное. Без патриотического чувства, без глубокой боли за беды, но и гордости за страну здоровое общество не построить.

Критику, как и любое другое здоровое общественное явление, тоже надо защищать, не давая ей перерасти в нигилизм и разочарование. А такие симптомы есть.

Их корни — в сочетании облегченных, упрощенных представлений о социализме со столь же облегченными ожиданиями и требованиями к нему. Они — в пренебрежительном отношении к опыту несоциалистической части мира, который отбрасывался как несущественный, исторически обреченный. Эти корни — в тех деформациях, что допущены в прошлом. И вот когда обнаружился самообман в отношении реальных процессов, тогда и появился искус перенести законную, обоснованную неудовлетворенность положением дел на общественную систему в целом. В этих условиях искусственное нагнетание пессимизма может служить только антиперестроечным силам.

До сих пор развитие нашего общества шло через обострение противоречий, порой вынужденно, через периодическое напряжение проблем, через кризисы разного масштаба и интенсивности. Когда ситуация обострялась до крайности, следовали попытки частных реформ. Но эти попытки и их более чем скромные результаты жили недолго, ибо из процесса осуществления исключались трудящиеся массы, человек.

В результате перестройку начали лет на двадцать позже, чем надо бы, начали тогда, когда общество было доведено до кризисного состояния.

Съезд добавил много нового и в понимание плюрализма, то есть многообразия интересов, оценок и позиций. Прошло время, когда такое многообразие считалось крамолой. Мы выстрадали осознание того, что развитие возможно только на базе многообразия. Единообразие — это в лучшем случае застой, в худшем — вырождение.

Да, многообразие и в жизни существует реально — везде и во всем — и в хорошем и в недобром тоже. Признать ли его или продолжать закрывать глаза на очевидное, со всеми уже ясными сегодня последствиями?

Нормальное общественное развитие требует того, чтобы обо всем говорить открыто, все решать прилюдно, гласно. Важно находить сферы согласия на основе знания обсуждаемого вопроса, владения необходимой информацией, на основе взаимного уважения, столкновения по позициям, а не по личностям.

Съезд показал много новых людей. Динамичных, остро мыслящих, свободных от догм и шор, стремящихся к поиску.

Мы видели таких среди депутатов всех возрастов, всех общественных положений.

Были и обескураживающие ситуации. В ходе работы фактически произошло открытое столкновение двух политических культур: культуры комбинаций, неуважения к оппоненту, амбиций — всего того, что рождено сталинщиной, административно-командной системой, и культуры демократизма, компетентности, порядочности — еще молодой культуры, но твердо становящейся на ноги.

Надо решительно вести дело к общенациональному согласию, когда принимаются судьбоносные решения, иначе нас могут ждать новые беды. Но согласие складывается из трех неизменных элементов по меньшей мере.

Из совпадения интересов — однако умения согласовывать их доставало пока не всем и не всегда.

Из здравого смысла — но он подчас пасовал перед эмоциями, амбициями, иллюзиями.

Из умения активно работать над формулировками, текстами решений. Здесь предстоит самая серьезная школа. Но пройти ее необходимо.

Но главное — побольше терпимости. Через нетерпимость мы уже проходили. Всю жизнь с кем-то боролись. Праведно и неправедно. Исторические злодеяния начинались с ослепления ненавистью. Но утверждаемое ненавистью неизменно превращалось в зло. Пора взрослеть.

Это вовсе не зов к толстовскому непротивлению злу насилем. Преступления, насилие — физическое и духовное, пьянство, безнравственность и многое другое должны упорно устраняться из нашей жизни. Но только закон может тут верховенствовать, работать безоговорочно. Мы должны добиваться того, чтобы наш корабль уверенно шел курсом обновления и прогресса, не рыскал ни вправо, ни влево, активно использовал все созидательное, что рождает жизнь.

Были на Съезде и такие выступления, в которых звучали знакомые пугающе-предостерегающие мотивы. Впрочем, они были на всех поворотных этапах развития. Но на опасениях и страхах вперед не продвнешься. Если бы партия руководствовалась ими, не было бы не только штурма Зимнего — не было бы и самой партии. Жизнь опрокидывает сомнения. От перемен не уйти, они — императив времени. И чем своевременнее они начинаются, чем смелее и последовательнее осуществляются, тем больше свободы в действиях. Промедление с переменами порождает вероятность кризисных цепных реакций в экономике, социальной сфере, общественной морали.

Съезд поднял много проблем, но и выявил несколько направлений всеобщего согласия, понимания того, что составляет сейчас важнейшие политические задачи перестройки.

Во-первых, соединить демократию с ответственностью за дела и слова, с дисциплиной и самодисциплиной.

Во-вторых, сформировать правовое государство, где закон един и равен для всех. Правовое государство и демократия образуют единое целое. Демократия без правопорядка — хаос, произвол, в которых неизбежно верх возьмет «право сильного». Но регулятор правопорядка — закон в соединении с общественным мнением. Без этого единства невозможно двигаться вперед в перестройке, да и просто жить по-человечески. А порядок надо наводить, причем всем вместе.

В-третьих, на деле обеспечить власть Советов, их заинтересованность, практическую способность решать вопросы повседневной жизни на подвластных им территориях, решать в обстановке самоуправления.

Все это базовые принципы перестройки. Только на их основе возможно улучшить жизнь, ликвидировать оскорбляющие дефициты, в достатке иметь пищу и жилье, создать процветающее демократическое государство.

Страна вступает в новую полосу исторического развития, глубину и масштабы которого осознать и прогнозировать нам пока не дано. Динамика жизни столь напряженна, что разум современника оказывается бессильным в обобщениях долговременного характера.

Но все-таки, что мы имеем и чего хотим, если вычленишь главное из сумятицы событий, мнений, прогнозов и надежд?

Имеем страну, общество, экономику, неблагополучные во многих отношениях. Инерцию застоя погасить еще не удалось, да этого и не сделать за четыре года.

Хотим иметь высокоразвитое цивилизованное общество. Правовое государство, передовую и повернутую к запросам человека экономику. Нормальную среду обитания. Свободного человека в свободном и ответственном обществе. Мир и широкое сотрудничество со всеми странами и народами.

Но без того, чтобы трудящиеся на деле стали хозяевами и правителями страны, искомого не достичь. Идеология хозяина и правителя не состоится, если не будет до конца народизирована собственность и она не станет собственностью конкретных объединений трудящихся. Через разные формы и их полное равноправие. Через аренду, акции. Через товарно-денежные отношения. Через рынок. Через инициативу и предприимчивость.

Ибо не могут быть хозяином страны человек и коллектив, которые ничем не распоряжаются.

Ибо не могут быть хозяином страны человек и коллектив, результаты труда которых перераспределяются без их ведома и согласия.

Ибо не могут быть хозяином страны человек и коллектив, живущие не своим трудом, а «выводиловкой», по сути, милостыней.

Ибо не могут быть хозяином человек и коллектив, которыми могут командовать, помыкать десятки инстанций и организаций, делая это к тому же экономически и социально безпаказанно.

Народизация власти, народизация собственности и равноправие ее форм — вот сущность экономической и политической реформ, сущность самой перестройки. Съезд это принял, поддержал, потребовал идти вперед энергичнее, последовательнее, целеустремленнее.

Главное внимание сейчас — экономике, а в ней — преодолению финансового кризиса, ликвидации дефицитов, упразднению государственного и производственного монополизма, достижению сдвигов в благосостоянии людей.

Но в рамках старых структур ни одна из этих задач не может быть выполнена. Без ясного механизма функционирования товарно-денежных отношений, механизма, который бы регулировал на основе полного хозрасчета справедливый обмен трудовыми эквивалентами, постоянно балансировал спрос и предложение и через цены подавал пульсирующие сигналы о возможных дефицитах и таким образом блокировал их, предлагал альтернативные варианты, способные регулировать распределение и вытекающие отсюда общественные — большие и малые — конфликты, не обойтись. Другого пока не придумано. Марксова бестоварная утопия и идея прямого продуктообмена не оправдали себя. Безмерная централизация управления и волюнтаризм в установлении цен — это вчерашний день. Отсюда императивное требование: суверенность самоуправляющегося коллектива, обеспечение на этой основе его социальной эффективности и ответственности.

Разумеется, государство, тем более социалистическое, не может уклониться от системы контроля и регулирования, иначе общество окажется на пути к саморазрушению — политическому, экономическому, социальному.

Государство не может уйти от регулирования отношений собственности, но в то же время должно узаконить принципы разнообразия ее форм, особенно форм реализации. В конечном счете речь идет о разумных пределах воздействия государства, но пределах, которые бы обеспечивали гармонизацию интересов равноправной триады: человек — коллектив — общество. Не говоря

уже об оптимизации отраслевых и территориальных интересов и связей.

Естественные противоречия при этом не исчезают. И здесь возникает много вопросов. Например, может ли человек обрести счастье в процессе труда? Может ли коллектив стать творческой самоуправляющейся единицей, которой бы человек доверял? Может ли общество гармонизировать, скажем, технологическое развитие и среду обитания, благосостояние и демократию, приостановить распад общества на социальные и национальные образования, предложить приемлемые для человека жизненные ориентации, преодолеть кризис этики? А в конечном счете смогут ли все участники жизнетворческого процесса — человек, коллектив, общество — обеспечить достойные материальные и духовные условия человеческого существования.

Многое упирается сейчас в проблему социалистического рынка. Зачем он нужен, чем ценен?

Рынок — экономическая «технология», функция которой — обеспечить обмен и распределение товаров и услуг в условиях, когда поставщиков — сотни тысяч, потребителей и товаров — десятки и сотни миллионов. Без развитого рынка тут не обойтись. Попытки решить проблему иначе создали нынешнюю ситуацию: оплату-«выводилку», жизнь не по труду, отрыв доходов от общественного признания труда и подрыв заинтересованности в нем, систему вымученных плановых показателей, коррупцию и теневую экономику, неудовлетворение потребностей людей, падение дисциплины и морали.

Но функции социалистического рынка не только экономические. Пусть звучит это несколько парадоксально, но *рынок и основа демократии*. Диктатура может быть и при рыночной экономике, но демократии без рынка быть не может. В основе любой демократии лежит хозяйственная самостоятельность, а она реализуется только на рынке и через его механизмы.

Демократия без жесткой, саморегулирующейся экономической основы — не более чем благое пожелание, способное растаять в любой момент. *Пока же демократизация общества, народизация власти обогнали народизацию собственности и формирование социалистического рынка, в итоге образовалось тормозящее противоречие*. Пока такое положение сохраняется, перестройка сдерживает собственные темпы развития, не в состоянии оказывать полноценное влияние на жизнь общества.

Функция рынка и управленческая. Процессам саморегуляции отдается то, что не может эффективно регулироваться из центра, да и не должно. Именно здесь лежит камень преткновения: создать рынок — значит отдать ему часть власти. Той самой, что

кормится дефицитами и паразитирует на них. Пока же перестройка системы управления, изменение функций министерств и ведомств упорно рассматриваются в отрыве от задачи создания специфических для социализма рыночных механизмов, формирования устойчивой тенденции к возрождению нормального рынка как естественного регулятора и показателя эффективности экономики.

Функция социалистического рынка и идеологическая. Человек и коллектив, выходя на рынок, реализуют свою свободу выбора. Они своевременно видят, что и где должно быть исправлено, изменено, дополнено, познают на собственном опыте достоинства и недостатки сложившейся системы экономических отношений. Сейчас же, когда удовлетворение потребностей везде и во всем зависит от вышестоящих экономических и хозяйственных инстанций, их благорасположения, не избавиться ни от круговой поруки, ни от разлагающего равнодушия, не покончить с отчуждением человека от производства.

Рынок и надежное средство против монополизма, будь то монополизм государства, ведомства или производства. Он достаточно строгий регулятор общественных отношений, разумеется в разумных пределах.

В борьбе против рынка порой выдвигается и такой аргумент — будто рынок есть анархия, которая непременно порождает массу всевозможных негативных проявлений, оперируя при этом фактами элементарных безобразий — рост цен, спекуляция, инфляция. Во-первых, подобные явления есть в любой экономике. Но у нас они как раз и порождены сложившейся безрыночной системой. И никаких перспектив избавиться от этих явлений безрыночная система не дает. А во-вторых, нигде в мире нет, да и быть не может рынка неконтролируемого, нерегулируемого, неуправляемого. Так что пора кончать судить о рынке как о базаре.

Есть ли у нас люди или группы людей, которым создание социалистического рынка невыгодно? Да, есть. Это те, кто не привык, не хочет, а возможно, и не может рассчитывать на самого себя, кормить себя своим трудом. Кто уравниловку считает выражением справедливости, кто поражен иждивенчеством.

Надо выбирать — либо одно, либо другое. Сочетать не удастся, уже не удастся. Выберем экономику, работающую на человека, — это путь перестройки, но и путь напряженной работы. Выберем жизнь и работу вразвалочку — это путь застоя и кризиса, деградации и общества, и человека.

Но если выбираем перестройку, способную разрешать мучающие нас проблемы, то надо сказать со всей определенностью:

предстоит колоссальное испытание. Не только на преодоление инерции и консерватизма, но на перестройку самих себя. На то, чтобы располитизировать экономику и, наоборот, экономизировать политику, сделать ее умеющей считать, учитывать последствия, особенно долговременные, и отвечать за них. На то, чтобы сделать приоритетной идеологию хозяина, вернуть советскому человеку статус гражданина, великое чувство личного достоинства.

Активно обсуждают сегодня проблемы цен и ценообразования. Но когда говорят о реформе цен и реформе ценообразования, то говорят не об одном и том же, как может показаться, а о вещах далеко не совпадающих. Реформа цен — это значит изменить масштабы, соотношения цен между собой так, чтобы ликвидировать наиболее вопиющие несообразности. А по сути — прикрыть плоды бесхозяйственности, оставив практически почти без изменений порядок образования цен. Через какое-то время это вернуло бы нас к нынешнему состоянию с ценами, но уже на новом витке, еще более нетерпимом.

Реформа ценообразования — это изменение самого порядка формирования цен. Но она имела бы оздоравливающий эффект только параллельно с введением социалистического рынка, ибо здоровое ценообразование, без искусственных флюсов, возможно только на рынке. Реформистом должен быть закон стоимости, а не ведомства.

Народизация собственности началась. Появились первые арендаторы — и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Но что и как сдается в аренду? Списанная земля. Списанное оборудование и техника. Зброшенные и разрушенные жилые, производственные, технические, складские помещения. Арендаторы нередко начинают работу как на необитаемом острове. При этом их еще третируют, устраивают им марафоны по бюрократическим кабинетам. А иногда и поджигают фермы, ломают технику. Все это идет не только от чьих-то шкурных интересов. Но и от зависти, от привычки к уравниловке, иждивенчеству, от извращенных представлений о социализме.

Так что же такое в этом случае социализм?

Молочные реки или все-таки реальное общество, в котором невозможно жить лучше, чем заработано всеми вместе и каждым в отдельности?

Всеобщая уравниловка или достойное вознаграждение инициативы, сметки, производительного и нужного людям труда?

Общество черной зависти, стремления не столько самому заработать честно, сколько не дать соседу жить лучше себя, или все же общество, где оплата по результатам труда, а не по иным признакам?

Общество максимального стимулирования и раскрепощения возможностей человека или их ограничения, заталкивания в ложе мертвящих догм и инструкций?

«Крик земли русской» — так назвали свое письмо Съезду 417 депутатов-аграрников. Конечно, присутствует в нем и эмоциональная перегрузка. Это и хорошо. Мы устали от безликих, округлых, стерильных документов. Но письмо разумное, тревожное. Народизацию собственности надо начинать с земли. Начинать безотлагательно, продолжать безостановочно. Аренда и полный хозрасчет — основы последующего сдвига в экономике.

Всего больнее сказывается на перестройке нерешенность кричащих проблем — продовольствие, жилье, товары. Оперативные, безотлагательные меры тут необходимы. Но положение в этих делах изменится коренным образом только тогда, когда на здоровой основе заработает вся экономика.

В сущности, далеко не случаен факт, что именно в «социальной триаде» положение сложилось наиболее критическое. Исходная причина очевидна: система хозяйствования не была ориентирована на человека, не была подчинена ему. У нее — свои цели, свои интересы, свои ориентиры. И потому в отношениях непосредственно с человеком — а это через жилье, продовольствие, товары — у нее и возникли самые серьезные противоречия. Не изменив эту систему, невозможно кардинально изменить к лучшему и сложившееся положение. Более того, уверен, что застойная система хозяйствования равнодушна и к самим ведомствам. Их интересы ей столь же безразличны, как и интересы отдельного человека. Доперестроечная хозяйственная система столь же бесчувственна как к потребителям, так и к производителям.

Нельзя, однако, старые формы хозяйствования ликвидировать насильственно, резать по живому. Надо сконцентрировать усилия на введении новых жизнеспособных форм. А старые либо отомрут, либо сумеют приспособиться, найти в себе резервы выживания. И тогда все будет в выигрыше. Главное — не препятствовать естественному ходу процессов, честно анализировать их противоречия.

Такого рода проблемы вплотную встают уже сейчас, когда начал постоянно функционировать Верховный Совет СССР, его органы. Многие решения в области экономики, принятые за первые годы перестройки, подлежат скрупулезнейшему анализу: оправдали ли они ожидания, какой эффект принесли, с какими проблемами столкнулось их осуществление, какие уроки позволяют они извлечь. Возможно, потребуются пересмотр этих решений, с тем чтобы перестройка приобрела еще большую последовательность, чтобы кардинальная экономическая реформа оправдывала

свое название — была бы и кардинальной, и реформой, и экономической, а не административной.

Съезд выявил и повышенный уровень требований к партии, ее активу и аппарату. Вроде бы парадокс: никогда еще в составе Съезда, Верховного Совета не было так много коммунистов. Но никогда еще с трибуны Дворца съездов не звучала столь острая критика по адресу партии, многих ее ответственных работников, выборных лиц. В чем же тут дело?

Трудящиеся поддерживают курс партии на перестройку. Но вместе с тем предъявляют и повышенный спрос к ней как политическому авангарду общества, и прежде всего ее ведущим представителям, руководителям всех уровней. И это вполне естественно. Принадлежность к КПСС перестала быть забралом. Наоборот, эта принадлежность стала сигналом особо пристального общественного внимания, особенно жестких требований к коммунисту, его словам, делам, поступкам.

Что и говорить, конечно, это болезненно и непривычно. Критикуют и тех, кто начал перестройку. И не всеми критика воспринимается с пониманием. Но надо избавляться от ее болезненного восприятия. Всем без исключения предстоит работать по-новому. Обижаться тут не на кого, хныкать — тем более, да и недостойно. Гораздо честнее признать, что многие партийные организации отстают от жизни, а некоторые растерялись, ступив перед непривычностью проблем и событий, никак не могут смириться с тем, что время искусственного политического комфорта прошло. Сейчас важно, чтобы партийные организации, коммунисты не опустили руки, возглавили процессы дальнейшей демократизации, сумели извлечь уроки из ошибок и промахов.

Партия может гордиться, что пошла на такой мужественный шаг, как перестройка. А то, что переходный период преподнес немало сюрпризов, то и здесь ничего неожиданного нет. На поверхность жизни вышло все — и доброе, как перестройка, и злое, как антиперестройка. Да и житейской суетности добавилось.

Ветер времени гонит и живые и сухие листья. Весеннего потока без пены не бывает, но в конце концов вода становится чище. Пропасть, как известно, можно преодолеть только одним прыжком: зависнуть в воздухе — значит упасть в пропасть. Пора кончать скользить на брустверах окопов. Партия сама выбрала самую трудную дорогу. По ней она пойдет и дальше!

II

Есть некоторое внешнее противоречие, если сравнивать между собой два направления политики партии и государства: внутреннее и международное. На одном — концентрация

острых проблем, внимание и напряженные ожидания общественности, накал дискуссий и споров. На другом — череда успехов и вроде бы даже «самособойность» их достижения.

Все это в действительности далеко не так. Внутри страны перестройка дала немалые результаты, хотя наше внимание отвлечено от них остротой сохраняющихся проблем, и во внешней политике успехи действительно немалые на всех важнейших ее направлениях, но дались они очень и очень нелегко.

В активе перестройки — обновленные отношения с нашими друзьями. Особенно много значит в этом плане нормализация отношений с великим китайским соседом. Дорого обошлась 30-летняя враждебность — и нам самим, и китайскому народу. Нельзя идти по пути обновления с таким грузом за плечами. Не случайно, видимо, это почувствовали одновременно и в Москве, и в Пекине, притом в тот самый период, когда преобразования в обеих странах, не повторяя друг друга, вступили тем не менее в решающую стадию.

Принципиальный актив перестройки — вывод войск из Афганистана. Конечно, военная вовлеченность в Афганистане — страница скорее трагическая. Но чтобы сделать точные оценки, чтобы извлечь надлежащие уроки, надо отойти во времени и эмоционально чуть дальше от этой еще полыхающей и кровоточащей войны. И безнравственно бросать тень на людей, честно выполнявших свой воинский долг.

В активе перестройки — значительно улучшенные отношения с Западом, принципиальные прорывы в отношениях с США, ФРГ, Францией, Италией, другими странами Западной Европы. Отодвинута угроза войны, практически сошла почти на нет война «холодная», начался процесс реального разоружения, сокращения вооруженных сил и вооружений. Посерьезнели перспективы политического урегулирования региональных конфликтов.

В практическом плане все это — производное от нового политического мышления. Концепция, которая восстанавливает диалектическое единство социализма и процессов мирового развития, выводит нас из ошибочной самоизоляции, освобождает от догматов и заблуждений, от духовной автаркии.

Но сама эта концепция тоже результат перестройки, преобразований, обогащенного опытом взгляда на социализм и его развитие. В итоге мы живем в большей безопасности, чем раньше, не имеем на своих границах соседей, с которыми сохранялась бы опасность серьезных ссор, стали интеллектуально богаче.

Кроме всего прочего, смогли мобилизовать дополнительные резервы на нужды собственного развития. Речь идет не только о материальных, хотя это очень важно для нас сегодня. Скажем,

разве переход только к политическим средствам решения тех или иных вопросов имеет лишь международное значение? Нет, он стал принципом и в делах внутренних. С другой стороны, вопрос социальной, экологической сферы обитания человека вышел за национальные границы, стал глобальным. Или примат права — разве не очевиден он и в делах внутренних, и в международных как императив времени? Взаимосвязанный мир, общечеловеческие ценности не отвлеченные понятия. Это реалии повседневной жизни, без обращения к которым не может быть ныне ответственной политики.

Перестройка доказала — миру и нам самим, — что безопасность может быть обеспечена политическими методами. Съезд народных депутатов потребовал, и справедливо, органичного включения нашей экономики в мировое хозяйство. А это потянет — и уже тянет — за собой отказ от многих внутривнутриполитических штампов и привычек, внедренных не только в административные правила, но и в общественное сознание.

Принципиальное значение для эффективных связей имеет постепенное разрушение «образа врага» с обеих сторон. С врагом, как известно, не торгуют, не делятся научными и техническими достижениями, вообще не поддерживают нормальных отношений. Враг и партнер — понятия взаимоисключающие. Поэтому даже чисто психологическое изменение представлений об отношениях Восток — Запад имеет самые непосредственные последствия и для нас самих, и для внешнего мира.

Необходимо затронуть и еще один вопрос, касающийся взаимосвязи гласности с международной деятельностью. Известно, что неоправданная эмоциональность, торопливость в оценках оборачиваются во вред делу. В делах международных ущерб от таких всплесков может оказаться куда более масштабным и непредсказуемым. Внешняя политика не может быть и не будет зоной вне критики, но безусловно должна быть зоной особо высокой гражданской ответственности. Думаю, что такое понимание постепенно придет.

III

Несколько слов о работе Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Мне поручено возглавлять ее работу.

Недавно комиссия подвела первые итоги проведенной работы. Всесторонне изучены материалы целого ряда судебных процессов и внесудебных органов, и прежде всего по так называемым делам «антисоветского правотроцкистского блока»,

«ленинградского дела», «антисоветской троцкистской военной организации», «параллельного антисоветского троцкистского центра», «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «московского центра», «союза марксистов-ленинцев». На последних трех заседаниях Комиссия рассмотрела вопросы, касающиеся судебной и партийной реабилитации лиц, проходивших по процессам «московской контрреволюционной организации» — группы «рабочей оппозиции» и «еврейского антифашистского комитета».

На основании установленных фактов комиссия пришла к выводу, что все эти дела формировались с грубейшими нарушениями социалистической законности, с попранием элементарных норм партийной и общественной жизни. Лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности по надуманным, сфальсифицированным обвинениям в антигосударственной и антипартийной деятельности, полностью реабилитированы в судебном порядке. Многие из них восстановлены в партии.

Отменены все внесудебные решения, вынесенные действовавшими в тот период «тройками» НКВД — УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД — МГБ — МВД СССР, не отмененные к началу этого года. Все граждане, которые были репрессированы таким путем, считаются реабилитированными, за исключением, естественно, изменников Родины, карателей, нацистских преступников, участников националистических бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления. В отношении этих категорий лиц действует установленный законом порядок обжалования и повторного рассмотрения вынесенных приговоров и иных решений.

Комиссия располагает всеми материалами и документами партийных и государственных архивов. К сожалению, немалая часть таких документов не сохранилась или была уничтожена раньше.

Сейчас к рассмотрению в комиссии подготовлены материалы, связанные с процессами по так называемым делам «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», «ленинградского центра», «всесоюзного троцкистского центра», «бухаринской школы» и «рыковской школы». Впереди рассмотрение других дел. Изучается вопрос о практике выселений крестьян в годы коллективизации.

До сих пор спрашивают, а надо ли ворошить тему репрессий, заниматься реабилитацией людей, жизнь которых все равно не вернешь? Убежден — надо. И не столько во имя прошлого — хотя вина перед миллионами пострадавших безмерна,

ее ничем не искупить, — сколько во имя будущего. Без памяти о прошлом не может быть ни настоящего, ни будущего. Ложь сладка, но плоды ее горькие.

Прагматические подходы к принципу правды не могут не претить. Выходит, что, если сегодня правда нужна, полезна, выгодна, значит, давай правду. А завтра выгодно будет обмануть, предать, пойти против совести и чести, значит, можно будет обойтись и без нее. Уверен, это недостойно великого народа, партии. Это несовместимо с верой людей в справедливость и гуманизм. На такой морали, если бы она восторжествовала, не построить здорового общества. И не надо говорить, будто полная правда о прошлом бросает тень на миллионы тех, кто честно трудился, выполнял свой долг. Эти люди ни в чем не виноваты. Не они организовывали репрессии, заседали в «двойках» и «тройках».

Да, сила их надежд, глубина их веры в новый строй, его справедливость мешали прежде всего им же самим своевременно и верно разобраться в происходившем. Но и только. Они были обмануты и добросовестно обманывались. Их труд, героизм и самоотдача, их вклад в историю, в сегодняшний день страны, искренность их убеждений бесчестно ставить под сомнение.

Работа по реабилитации еще и еще раз свидетельствует, насколько необходимы нам демократические институты и процедуры. Насколько актуальны задачи защиты демократии и демократического воспитания масс. Полоса репрессий — урок во всех отношениях жесточайший. Такой, который учит всех нас ответственности, милосердию и порядочности. Не может не учить.

КУРСОМ ПЕРЕСТРОЙКИ И ОБНОВЛЕНИЯ

Главная политическая школа сегодня — сама наша жизнь. Жизнь непростая, бурная, противоречивая, в которой и нам самим подчас нелегко разобраться. Но жизнь интересная, поучительная, творчески насыщенная.

Мы знаем, что наше общество еще во многих отношениях несовершенно. Что в процессе его строительства допущено немало ошибок и отклонений.

Но знаем и то, что многого достигли. Что вовремя спохватились, нашли в себе силы взглянуть — пусть и с опозданием — правде в глаза, провести честный анализ сложного положения, его причин и следствий, наметить верный политический курс — курс перестройки и обновления.

Сегодня откровенно говорится о кризисном состоянии, которое переживает советское общество. Но мы убеждены в том, что это кризис развития. Он мог бы стать иным, угрожающим, если бы и дальше продолжали жить в атмосфере комфортабельного самомнения и бюрократических иллюзий.

Каковы причины нынешнего кризисного состояния в самом общем плане? А главное, каковы направления и пути выхода из него? Оценивая серьезность переживаемого момента, не должны ли мы спросить себя — туда ли мы шли? И как намерены двигаться впредь? Иными словами, верны ли изначальные идеалы и ценности социализма, его социально-исторические цели?

Убежден: да, верны. Ибо это цели, идеалы общечеловеческие. Социализм — не только общественная собственность и ликвидация эксплуатации человека человеком. Социализм — это создание таких — общественных, материальных, нравственных — условий, которые ведут к непрерывному возвышению человека. А через этот процесс обеспечивают и социальный прогресс общества. Общества демократического и гуманного.

Выступление перед выпускниками Института общественных наук при ЦК КПСС 27 июня 1989 г. Публикуется впервые.

В разных формах эти идеалы — гуманизма, свободы, социальной справедливости, равенства и братства — использовались всеми цивилизациями. Именно эта их необыкновенная устойчивость на протяжении веков убедительнее всего доказывает их верность и самоценность для человечества.

В создании этих идеалов нет заслуги социализма. Тут он наследует ценности извечные. Предназначение социализма в том, чтобы обеспечить их осуществление в жизни, создав для этого свою общественную организацию, то есть социалистическое общество.

Нет оснований сомневаться в верности социальных ориентиров и целей, в правильности социалистического выбора. Но естественно, что по мере реального продвижения вперед наши представления о новом общественном строе, понимание критериев социалистичности становятся сложнее, глубже, чем они были, скажем, 70, 50 и даже 10 лет назад. И это закономерно.

Туда ли шли? Вопрос этот необходим, ибо и нам самим, и всему миру в последнее время настойчиво навязывается мысль: социализм терпит крах, у него нет будущего. Ответ на этот вопрос нужен в первую очередь нам самим.

Коммунистическая программа — служить народу. И если бы изначальные ориентиры оказались неверными, то все прошлое можно еще объяснить историческим неведением в сочетании со страстным желанием социальной справедливости и достойной жизни. Но экстраполировать ошибочный курс в будущее, если бы жизнь поставила такой диагноз, противоречило бы интересам народа, которому служит партия.

Поддержка революционных преобразований советским народом, демократической общественностью мира укрепляет в убеждении: мы на правильном пути. Все мировое развитие XX века подтверждает верность основных прогнозов и оценок, данных в свое время мировым коммунистическим движением. Оно подтверждает и то, что социалистическая альтернатива по своей природе несет избавление от многих острейших проблем, хотя и не обещает беспроблемной жизни, жизни, в которой все решается автоматически, делается раз и навсегда, как это казалось десятилетия назад первым строителям социализма.

Оглядываясь сейчас назад, нельзя не признать, что многие изначальные представления о социализме оказались чрезмерно упрощенными, спрямленными, а то и просто неверными. Учение научного социализма еще только формировалось. Его претворение в жизнь делало самые первые шаги. Опыт был минимальным, а во многих вопросах вообще отсутствовал. Материальные и политические условия, внутренние и внешние, — тяжелейшие.

Культура и образование масс находились на достаточно низком уровне.

В ошибках самих по себе нет ничего трагичного. Трагично другое — то, что на протяжении десятилетий в угоду сначала режиму личной власти, а потом показному благополучию те или иные установки, которые еще предстояло проверять жизнью, выдавались за бесспорные истины, ошибки — за мудрость.

Теперь, когда все это осознано, возникает и другой вопрос: являлось ли кризисное состояние неизбежным? Ответ на него тоже предельно важен. Если неизбежным, то незачем принародно бить себя кулаками в грудь и каяться. Иное дело, если его можно было избежать, а мы не сумели этого сделать. Тут необходимы и покаяние, и выводы для теории и практики.

На долю нашей Коммунистической партии выпало первой практически строить социализм, а значит, на собственном опыте познать трудности, ошибки, пройти через испытания новопроходчества, корректировать политику жизнью. Такое столкновение социалистической идеи, а во многом еще гипотезы, с практикой, с реалиями страны, где свершилась первая в мире пролетарская революция, было объективно неизбежно.

Но обязательно ли, непременно ли через кризисные ситуации? Нет, никакой жесткой, однозначной запрограммированности тут нет. Но произошло так, что созданная в рамках режима личной власти административно-командная система не только объективно препятствовала своевременному выявлению новых проблем, меняющихся требований жизни. Она, обслуживая интересы режима, всячески обрывала, рубила, перекрывала те связи человека с властью и политикой, практики с теорией, что были заложены Октябрем, В. И. Лениным.

Призывали к критике, но ее рамки строго ограничивались. Называли власть Советской, но Советы были лишены всякой реальной власти. Говорили о хозрасчете, экономической ответственности, но фактически изгоняли из жизни и то и другое, потворствуя удобным ведомственным интересам и технократизму, своего рода производственному самодеству. И практика эта продолжалась десятилетиями, более полувека.

Общество не конструируется искусственно, умозрительно. Но и без идеалов, тесно слитых с интересами человека, жизнь теряет свой разумный характер. Человек всегда стремился к счастью, то есть к оптимальной реализации самого себя, жил надеждами на лучшее будущее. Ради этого страдал и боролся, совершал революции. Поэтому на вопрос, какому строю быть, можно, не рискуя ошибиться, ответить: тому, который лучше всего служит человеку.

Социализм — это общество подлинного народовластия, самоуправления, суверенности человека. Общество гласности, в котором массы все знают и обо всем судят сознательно. Но путь к нему тернист. Еще много на нем завалов авторитарности, культовой идеологии, элитарных настроений, бюрократического чванства и высокомерия.

Социализм — творчество масс, творчество свободного народа. Но должны быть созданы, надежно защищены и гарантированы социальные, правовые условия и для такой свободы, и для такого творчества.

Социализм — это свобода духовного творчества, самовыражения и возвышения человека. Но такая свобода возможна только при условии уважения к интеллектуальному труду, творческому началу. Она возможна при условии освобождения интеллектуального процесса от бюрократической опеки, от разного рода изгородей и блокировок.

Социализм — это утверждение идеологии хозяина своей судьбы, своей страны в каждом человеке. Но нельзя быть хозяином, реально ничем не владея и ничем не распоряжаясь в полной мере. Нельзя ни быть, ни чувствовать себя хозяином, если на протяжении всей жизни человек везде и во всем выступает как сторона просящая, а не творящая жизнь.

Социализм — это безусловное обеспечение социальной справедливости. Но командно-административная система не создает ее, а постоянно подрывает. Социальная справедливость не будет полноценной, если не достигается самим человеком как результат его собственных усилий, а является всякий раз следствием благорасположения ведомства или должностного лица.

Социализм — это равенство, братство, дружба народов. Но сегодня мы особенно остро чувствуем и понимаем, что каждое следующее поколение решает их как бы заново, в соответствии с меняющимися историческими условиями. Видим и понимаем то, что при серьезных деформациях в экономике, социальной сфере неизбежно страдают и межнациональные отношения.

Социализм — это гуманизм в его новом, высшем проявлении. Да, но опять-таки не только и не столько в намерениях выраженный. Гуманистичным должно быть само содержание реальных повседневных общественных отношений, взаимодействия человека с обществом везде и во всем. И прежде всего на деле, а потом уже — на словах.

Все эти социальные ориентиры в совокупности требуют, и требуют настоятельно, создания, наладки разветвленной и эффективно действующей системы обратных связей. Без них, то есть без способности адекватно реагировать на изменения внутренних и внешних условий, любой общественный организм мертвеет.

Если обратные связи выхолащиваются, игнорируются, их пытаются подчинить чьему-то спокойствию, тогда они заявляют о себе стихийно, неожиданно, жестко. Заявляют по-разному, но непременно через негативные явления и процессы в обществе, экономике, культуре, морали, политике, демографии.

Так, собственно, и произошло. Так рождались «теневая экономика» и «теневая полигика». Так накапливался тяжелый груз нерешенных проблем, дающих о себе знать очагами трудностей и конфликтов, социальной напряженностью, концентрацией острых вопросов.

Выход на решение этой задачи был начат 30 лет назад, когда XX съезд партии предпринял первую попытку анализа сталинизма, его социальных корней и облика. Но очень робко и непоследовательно это делалось. Сказав «а», не сказали «б», не рискнули пойти дальше, а потом и вовсе попятиться назад. Не хватило ни нравственных сил, ни политической решимости, ни теоретического сознания. А в общем-то не хватило настоящей партийности и принципиальности. Результаты этого ныне хорошо известны, в их последствиях вынуждена разбираться перестройка. Кто же выиграл от этого? Только не страна, только не социализм, только не партия.

Наше общество только сейчас приступило к выполнению важнейшей для его будущего задачи — к созданию, отлаживанию эффективной системы обратных связей. В этом суть демократии, суть народовластия. Именно здесь — магистральное направление, центральный стержень, суть и смысл перестройки. И в целом, и применительно ко всем ее сферам — экономике, политике, культуре, социальной жизни, морали. Отладив систему обратных связей, мы сделаем социалистический организм более гибким, чувствительным к человеку, гуманным, настроенным на саморегуляцию и саморазвитие, защищенным от авторитарных рецидивов.

Чему учат в этом плане четыре года перестройки? Проведен беспрецедентный по глубине, открытости и откровенности, по болезненности и мужеству анализ состояния общества.

В этом анализе доминировала критика, и это понятно. Ес концентрация — а она была настолько сильна, что напугала коекого у нас в стране, да и некоторых друзей за рубежом, — была своего рода компенсацией за долгие десятилетия молчания и восхитительского уклона. Критика стала одновременно и благом, и спасением, и расплатой.

Но с учетом накопленного социального опыта, всех последствий очистительной волны правомерен вопрос: а не произошло ли задержки на этом этапе? Не возникла ли новая инерция: подвергать сомнению все и вся, нагнетать — вольно или

невольно — социальный пессимизм, выгодный только антиперестроечным силам?

Не произошло ли непреднамеренного крена к наименьшему сопротивлению, когда из всего арсенала перестройки — демократии, инициативы, ответственности, самостоятельности, открытости — взяло верх одно направление — отрицание? К тому же сегодня уже не требующее гражданского мужества. Сегодня нужно куда больше смелости, чтобы сказать доброе слово.

Тут большой вопрос, сложный и неоднозначный, трудный для выбора, трудный для политики.

Искусственно сдерживать критический настрой, сдерживать гласность, острые и свободные дискуссии было бы не только бессмысленно и вредно, но и противоречило бы духу перестройки, демократическому обновлению общества.

Общество, партия дорого, очень дорого заплатили за десятилетия безгласия и немоты общественной мысли. Заплатили падением нравственности, авторитетом власти, хозяйственными просчетами и потерями, экологическими бедствиями. Критика пришла с перестройкой, стала нормой жизни и останется ею и впредь. Принципиальная позиция КПСС на этот счет изложена ясно, твердо, определено.

Но нельзя не видеть и опасности социального мазохизма, которому в конечном счете безразлично, на чем спекулировать: на славословии или ниспровергательстве. Этому всеядному социальному явлению должен быть поставлен своеобразный нравственный заслон. Но, конечно, не административный. Им может и должно стать улучшение социальной обстановки; демократия, которая одна только и может регулировать меру добра и зла; воспитание рациональности и патриотической боли за ошибки и промахи; утверждение привычки не к словам, а к делу, к созданию. Таким заслоном призвана стать и консолидация сил общества не на руинах, а на твердой почве непреходящего, подлинного и свершенного. На основе неизбежности идущих перемен, верности ценностям, рождаемым перестройкой.

Искусственное нагнетание нигилизма предполагает тупиковое развитие, суживает духовные и практические горизонты человека. Напротив, верный признак критики творческой, созидательной, заинтересованной в деле, а не в позерстве, — это ее способность раскрывать новые перспективы, делать доступными неведомые или не востребованные ранее резервы и возможности. Ее качество — служить той самой обратной связью, что дает жизнеспособность и энергию общественному организму, а не лишает его нравственных и жизненных сил.

Естественное производное такой, творщей, критики — патриотизм. Требовательная критичность и патриотизм — две стороны

одного и того же чувства гражданской ответственности. В наше время не может быть настоящим патриотом своей страны тот, кто не стремится сделать ее максимально передовой, а значит, процветающей, конкурентоспособной в мире, максимально эффективной экономически и социально. Кто не добивается рациональной организации хозяйства, всей жизни, не радеет о том, что мы передадим детям своим: какую природу, какую страну, какую нравственность.

Процессы перестройки идут не гладко. И не столь быстро, как того хотелось бы. С чем это связано?

Безусловно, с масштабами накопленных проблем. С объективной невозможностью справиться с ними одними только волевыми решениями — иначе это давно было бы сделано. Но не только с этим.

Одну группу объективных сложностей составляет само определение того, каким должно быть обновленное советское общество. Какими конкретно, а не в общих чертах, не теоретически только должны быть наша политическая система и экономика, степень власти и влияния центра и самостоятельности республик, как конкретно делить функции между партией и Советами, предприятиями и министерствами и т. д. Здесь нужны настойчивые и творческие поиски.

Вторую, особую группу объективных сложностей перестройки образует сам человек, его внутренний мир. Сегодня часто приходится слышать: «Не хватает политической культуры», «Мешает сила привычек», «Трудно отделяться от рутины». Это и есть та инерция психологии, мышления, отношений в обществе и к обществу, навыков работы, изменить которые очень и очень непросто. Об этом в свое время предупреждал еще Ленин, подчеркивавший, что свергнуть царизм куда проще, чем изменить привычки миллионов.

Здесь в принципе есть два основных направления движения. Одно можно было бы обозначить так: если объективные условия вынудят как-то действовать, то деваться человеку будет некуда. А кто не сумеет приспособиться — сам виноват. Так фактически действует капитализм, ставя человека перед жесткими социально-экономическими реалиями.

Конечно, социализм не должен допускать той степени социальной застрахованности человека, за которой фактически начинает поощряться, стимулироваться его социальная безответственность. Тут у нас произошел перекося с уравниловкой, которая рождает и плодит иждивенчество, которое еще долго будет тормозить нормальное экономическое и социальное развитие. Но и капиталистические формы социального нажима для нас неприемлемы.

Иной путь — убедить людей и нравственно, и экономически. Всем партийным авторитетом и влиянием добиться того, чтобы человек не дождался, пока требования самой жизни заставят его переменить свои привычки, а действовал так, как подсказывают ему совесть и здравый смысл. Человек не может, не должен жить лучше, чем работает.

Преуспели ли мы в этом? И да и нет.

Да — потому что народ поддержал перестройку. Политический климат, нравственная атмосфера в стране совершенно иные. Это огромный сдвиг, масштабы которого показала работа первого Съезда народных депутатов СССР.

Нет — потому что еще немало выжидающих, еще только отлаживаются механизмы политической и правовой защищенности инициативы, самостоятельности, прав и свобод личности, еще не всегда осознание целебности перестройки трансформируется в практические действия. Думаю, с развитием механизмов экономической и политической демократии такое положение станет меняться.

Наконец, третья группа объективных сложностей перестройки — противодействующие ей интересы. Розовый, беспроблемный взгляд на социалистическое общество привел к тому, что оказалась утраченной способность и желание видеть реальные противоречия и конфликты интересов в социалистическом обществе. А они есть, будут и впредь. Более того, поскольку любое развитие возможно только через противоречия, то такие сшибки интересов играют в известном смысле конструктивную роль.

Таков вкратце социальный срез перестройки сегодня. Причины, вызвавшие ее, достаточно сложны и серьезны. И сам ход перестройки пока тоже непросто складывается. В то же время ничего непреодолимого, неразрешимого, недоступного в имеющихся и возникающих проблемах нет.

Перестройка выдвинула концепцию нового политического мышления, но и сама в свою очередь во многом питается и движется этой концепцией. Ее было бы неверно воспринимать только как внешнеполитическую доктрину. Философский, нравственный, равно как и политический, смысл нового политического мышления — в возрождении самых тесных связей социализма с мировым развитием. Связей, искусственно нарушенных в прошлом, а во многом и разорванных. Верно, что первоначально, особенно когда наша страна была еще единственным социалистическим государством в мире, да и позднее, Запад приложил немало усилий к тому, чтобы изолировать нас на мировой арене. Политически, экономически, психологически.

Но верно и то, что и мы неплохо содействовали ему в этом. Вначале тенденция к экономической автаркии, духовной само-

изоляции была продиктована интересами сталинизма, который мог существовать и оправдывать свое существование только при изоляции народа от внешнего мира, в обстановке, когда все лежащее за пределами национальных границ можно было избирать как враждебное окружение.

Позднее самоизоляция оказалась очень удобной для административно-командной системы и застойных настроений. Она позволяла избегать неприятных вопросов. Поддерживала иллюзию всегдашней правильности. Избавляла министерства и ведомства от экономической конкуренции на рынках, обрекая промышленность на растущее отставание. Самоизоляция сделала возможной и такую внутреннюю атмосферу, при которой Соединенным Штатам и НАТО удалось навязать нам гонку вооружений, не только во многом бессмысленную и изматывающую материально, но и тормозящую внутреннее развитие через атмосферу «осажденной крепости». И позволившую изображать социализм, Советскую страну в качестве «врага» и «угрозы».

Но эти времена проходят. Конечно, внешняя угроза СССР, социализму сохраняется. Об этом говорит хотя бы Брюссельское заявление стран НАТО. Но ясно и другое: социализм может ускорить свое развитие на базе осмысления всего доступного мирового опыта. Да и рожден он из размышлений над судьбами не только одной страны, а всего человечества, двигался вперед не влюбленностью в сверхъестественную правоту, а острым ощущением социальных бед и тревог рода людского.

Новое политическое мышление открывает нас всему миру и мир — нам. Оно позволяет работать над тем, чтобы сломать под корень образ СССР как «врага». Чтобы сделать и внешний мир готовым к серьезному сотрудничеству по любым вопросам — военным, экономическим, гуманитарным, экологическим, всем иным. Серьезному и честному, на основе справедливого баланса интересов.

Этот подход искренен. Нам нечего бояться, нечего терять от развития всесторонних отношений со всеми народами. Выигрыш бесценен. Ибо выигрыш здесь — это возможность защитить планету от ядерного и экологического безумия. Возможность резко уменьшить военную угрозу. А следовательно, бросить больше сил и ресурсов на нужды развития и социального прогресса, создать для этого максимально благоприятные политические и нравственные условия.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глубинный смысл судьбоносного для человечества события, каким, несомненно, является Великая французская революция, в том, что она утвердила в политике и общественном сознании великие принципы свободомыслия, которые вошли в плоть и кровь мировой культуры.

Революция 1789 года — бессмертное творение французского народа. Но это событие, которое грянуло в Европе монархов как гром среди, казалось бы, ясного неба, выразило потребности не только своей страны. Нет — всей Европы, а вместе с ней и всего цивилизованного мира.

I

Французская революция заняла свое место в истории не просто как победивший переворот — таких было немало. И даже не только как драматический прорыв в новое общество — в некоторых странах такой прорыв произошел раньше, хотя и не носил столь раскаленных форм.

Суть отличия в том, что она сумела сконцентрировать в своем духовном арсенале, в своей практике, так или иначе преломить в себе важнейшие достижения европейского социального опыта, науки и общественного сознания. Она интегрировала в себе плоды Реформации и Просвещения, которые подготовили глубокие интеллектуальные и нравственные повороты в истории.

Это был век Вольтера с его отвержением деспотизма, едкой иронией над клерикальными предрассудками, его гимном деятельной, борющейся личности.

Век Руссо, который острее, чем кто бы то ни было из его современников, возвысил идею равенства.

Доклад на торжественном собрании представителей советской общест-
венности, посвященном 200-летию Великой французской революции. 11 июля
1989 г.

Век Монтескье, защищавшего демократические принципы разделения законодательной, исполнительной и судебной властей.

Век экономистов-физиократов Кенэ и Тюрго, возвестивших принцип, за которым стояла идея свободы инициативы, невмешательства государства в экономическую жизнь. Жаль только, что они пренебрегли в своих идеях великими заветами предшественников — Аристотеля, Сократа, Платона, Фомы Аквинского, Адама Смита и многих других, не мысливших экономику вне морали.

Век Гельвеция, считавшего «пользу» критерием новой этики и основанием всех законодательств.

Блестящая плеяда выдающихся мыслителей вынесла существующему строю нравственный приговор. И хотя они во многом расходились, объективно делали одно общее дело — вспахивали и засеивали интеллектуальное поле для революции, размывали веру в традиционные авторитеты, традиционную нравственность, традиционные политические ценности.

С присущим им блеском и остроумием они показывали, что старый порядок, пронизанный аморализмом и лицемерием, вырождением правящих элит, мертвящим догматизмом и схоластикой, противоречит разуму, находится в конфликте с самой природой человека, его стремлением к гармоничному обществу, свободному от сословного неравенства и монархического произвола, обществу, в котором частный интерес каждого совпадал бы с общечеловеческими интересами.

Наступят грозные годы конца века — и мы услышим их идеи в пламенных речах трибунов Учредительного собрания и Конвента, найдем их мысли в текстах революционных деклараций и конституций. «Исполинская метла французской революции XVIII века, — отмечал К. Маркс, — смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства»¹.

Верно, что по своим результатам французская революция была буржуазной. Но это лишь часть правды. Революция с самого начала была народной не только по своим устремлениям, но и вследствие активного участия в ней широких масс. Ее своеобразная диалектика заключалась в том, что она развивалась во главе с буржуазией, но и в противоборстве с нею.

Вторжение народа — взрывное и созидательное — в политическую практику наполняло материальным содержанием просветительские идеи Просвещения, формулировало различные варианты

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 339

первоначальных конструкций нового общественного и политического строя.

Народные массы стремились не только к политическому равенству, но и равенству социальному. Тогда, в тех условиях, порыв к социальной справедливости не мог увенчаться успехом. Но он стал мощной пружиной революционного процесса, а в дальнейшем стимулировал развитие социализма как социального учения и практики.

Время выявило неспособность буржуазного общества в полной мере осуществить исторические задачи свободы, равенства и братства. Неспособность, обусловленную «встроенными» в ткань этого общества ограничителями, определившими дегуманизацию общественных отношений, что нашло свое отражение в войнах, колониализме, падении этики и нравственности вследствие всемогущества психологии прибыли, обогащения и конкуренции. Гуманизация общества и личности не может считаться свершившейся, пока большинство человечества живет в условиях и на уровне, унижающих их достоинство.

Великие революции — это сплав объективных реальностей и сознательного творчества. Массы создают новую общественную реальность и в ходе этого обретают чувство хозяина своей судьбы. Это — великое чувство, и во многом оно не обманывает. Но знает и пределы, ибо революции происходят в условиях, унаследованных от прошлого, и на основе тернистого опыта, добываемого через победы и поражения, откровения духа и трагедии.

Революция — особое состояние общества, особое бремя страстей. Извлечение уроков из прошлого нередко догматизируется: история из учителя становится служанкой политики. Но живая, нефальсифицированная история учит многому, дает богатую пищу для ума, помогает понять не только прошлое, но и настоящее, да и заглянуть в будущее.

Обновленное, освобождающееся от догм сознание времени перестройки, как, пожалуй, никогда, настроено на новое прочтение многих исторических явлений и событий. История встает не как омертвевшее прошлое, не как лубочная иллюстрация верности некой общей схеме, а как мысли и сомнения, успехи и просчеты, взлеты и падения живших до нас поколений. Уроки истории извлекаются сегодня не для обновления прежней системы догматов, а для решительного отказа от них.

И штурм Бастилии 14 июля 1789 года, и штурм Зимнего дворца 25 октября (7 ноября) 1917 года — это символы многотрудных и противоречивых процессов, имя которым революция, контрреволюция, эволюция. В своей конкретике они неповторимы. Но эти процессы, их борьба и взаимное переплетение по-своему решали

извечные проблемы человека как общественного существа: соотношение целей и средств, принуждения и убеждения, разрушения и созидания, идеалов и действительности, сравнительной «цены» революции и эволюции, взаимоотношений народа и власти, иерархии классово-общественной и общечеловеческой мотивации.

Естественным следствием нравственного переворота и демократического обогащения жизни стало социальное и интеллектуальное раскрепощение разума. Рядовой гражданин, совсем еще недавно экономически задавленный и политически третируемый, не только почувствовал себя полноправным членом общества, но и ощутил свою ответственность за судьбу этого общества. И гибли теперь многие не с заученным возгласом «Да здравствует король!», а с осозанным «Да здравствует нация!».

II

Объединив идеи гуманизма и справедливости с принципами демократии и народного суверенитета, революция создала фундамент современного правосознания, политической культуры, служащих объединяющим началом цивилизованного мира при сохранении его национального, социального и культурного многообразия.

Французская революция поставила перед человечеством вопросы, многие из которых, по-видимому, принадлежат к числу вечных. Таким предстает вопрос о правах человека или о том, что есть человек в обществе себе подобных. Уничтожив сословные привилегии и перегородки, революция провозгласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». В этом — основа Декларации прав человека и гражданина. Ее авторы, испытав на себе гнет вознесенного над человеком феодального государства, решительно перевернули систему ценностей, установив, что «цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека».

Декларация прав человека и гражданина провозглашала принцип разделения властей, ответственность и подотчетность должностных лиц. Она фиксировала гарантии прав личности и принципы законности, включая презумпцию невиновности. Она утверждала: «Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может высказываться, писать и печатать свободно, под угрозой ответственности лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом».

Молодой буржуазный класс произвел на свет документ такой силы и такого содержания, который далеко выходил за пределы

интересов одного класса, воплощал общечеловеческие нравственные и правовые императивы. И через это свое содержание входил в соприкосновение с интересами прогрессивных социальных сил грядущих эпох.

Спросим себя: что из этих положений неприменимо, непримлемо в условиях социалистического общества? Что из них противопоставлено социализму? И вправе ли мы полагать, будто в конце XX века эти принципы и общечеловеческие нормы торжествуют?

Как показала двухвековая история, эти постулаты универсальны и неподвластны времени. Но даже такие основополагающие принципы, если они затрагивают — а они затрагивают — интересы различных групп, слоев, классов, не легко и не просто воплощаются в реальную жизнь. Не избежали этой участи и идеалы революции французского народа.

Прошло много десятилетий, прежде чем исчезло, да и то не полностью и не везде, неравноправие женщины перед законом. В течение по крайней мере века неимущие вели борьбу за то, чтобы обладание правами и свободами не зависело от имущественного ценза. Пролегла длинная и не прямая дорога от сословных и имущественных привилегий к общенародному равенству. Да и сегодня во всех странах, в том числе и у нас, в той или иной форме существует проблема расхождений между юридически провозглашенными правами и свободами и реальными возможностями человека.

Французская революция вплотную подошла к идее защиты государством не только политических прав, но и экономических интересов масс. Эта идея не могла быть реализована в то время, но стала как бы завещанием революции. В якобинских декларациях прав человека и гражданина и конституции 1793 года, так и не введенных в действие, всем гражданам обещалось равенство, свобода вероисповеданий, всеобщее обучение, свобода создания народных ассоциаций, предоставление права на труд неимущим гражданам и средств к существованию тем, кто не в состоянии трудиться. Этот перечень кажется прямым прообразом международных хартий, гарантирующих права человека, которые в наши дни получили одобрение всего мирового сообщества.

Прогрессирующая социализация общественной жизни придает концепции прав человека все более гуманный характер. Теперь это не только правовые гарантии борьбы за социальные интересы человека. Сами эти интересы стали признаваться естественными и неотъемлемыми и должны быть гарантированы, говоря словами декларации, «каждым государственным союзом». Именно к этому обязывают Пакты о правах человека в статьях

о праве на труд на справедливых условиях, социальное обеспечение, охрану и помощь семье, прожиточный минимум, охрану здоровья, образование и т. д.

Нетрудно увидеть, что современная концепция прав человека, основы которой заложены французской революцией, несет на себе отчетливый отпечаток идей другой великой революции — Октябрьской. Прежде всего имеется в виду принцип реального обеспечения прав и свобод. И решительное отвержение каких бы то ни было колониальных исключений из принципа всеобщности прав человека. И борьба за уважение прав народов как предпосылка свободы личности. И придание социальным и экономическим интересам человека характера неотъемлемых прав.

Октябрь раздвинул гуманистические горизонты французской революции, но, конечно, не поставил им предела. Думаю, что никогда не наступит такое время, когда можно будет сказать, что права и свободы личности достигли совершенства, дальнейшего их движение и развитие остановилось. В этом смысле проблема прав человека вечна, как вечен вопрос о пределах прогресса человечества.

III

Величие революций определяется прежде всего теми уроками, которые они преподают человечеству. Другое дело, если потомки порой оказываются слишком близорукими, самонадеянными или духовно эгоцентричными, чтобы усвоить их, скорректировать собственную социальную практику.

Один из главных уроков можно назвать диалектикой деклараций и поступков, намерений и действительности.

Ни одна из революций, которые предшествовали французской, не поднялась до таких нравственных высот. Ни одна из них не провозгласила столь возвышенные демократические идеалы. Но, может быть, и никакая другая не обнаружила столь очевидного разрыва между пробужденными ожиданиями и реальностями жизни, ее практикой.

Свобода оказалась ограниченной, царство разума — идеализированным, ожидания — обманутыми, возвышенность справедливости и равенства — низведенной до параграфов законоположений, благородство нравственности и совесть — зараженными лицемерием, святая вера в идеалы — фарисейством.

Трагедия революционеров XVIII века в том, что они искренне хотели добиться торжества общечеловеческих идеалов, создать царство всеобщей добродетели, но логика надежд пришла в жестокое столкновение с логикой жизни.

Разве после упразднения в феврале 1791 года цехов, этого института средневековья, не был вскоре принят закон, запрещающий проведение стачек и создание рабочих организаций? Разве из стен Учредительного собрания не вышел в октябре 1789 года закон о применении военной силы для подавления народных выступлений? Разве цензовое избирательное право, установленное конституцией 1791 года, не находилось в противоречии с Декларацией прав человека и гражданина, провозглашенной двумя годами ранее? И разве крупная буржуазия не воспользовалась термидорианским переворотом для того, чтобы ликвидировать демократические институты народного суверенитета?

Эгоизм взял верх, существенно потеснил идеалы. Конечно, было бы наивным ожидать, что буржуазная революция XVIII века могла быть иной. Но проблема выбора между интересами многих и интересами общества в целом не раз обнаруживала свою актуальность и после французской революции.

Вожди французской революции — по крайней мере многие из них — были глубоко убеждены, что ведут борьбу за освобождение всего человечества, за вселенское торжество свободы и справедливости. «Погибни свобода Франции,— восклицал Робеспьер,— и природа покроется погребальным покрывалом, а человеческий разум отойдет назад ко времени невежества и варварства. Деспотизм, подобно безбрежному морю, зальет земной шар». Дух мессианства обнаруживается едва ли не во всех великих революциях, когда восходящий класс претендует быть освободителем человечества, но в действительности освобождает лишь самого себя.

На практике французская революция не привела, да и не могла привести, не только к освобождению человечества, но и трудящихся классов самой Франции. Феодално-сословные перегородки были разрушены. Но на их месте выросли новые — быть может, не такие грубые, но не менее ощутимые. Достижения социального прогресса оказались узурпированными меньшинством.

С этим связан, пожалуй, еще один урок французской революции — революции, как бы заблудившейся в многомерном мире, сделавшей шаг за шагом, свои международные отношения практическим отрицанием тех принципов, которые были начертаны на ее знаменах, и потому объективно как бы пожирающей самое себя.

В самом деле, разве итальянский поход Бонапарта 1796—1797 годов, еще не лишенный прогрессивных черт, не был вместе с тем и тревожным симптомом перерастания освободительных войн в войны захватнические? Войны, которые повел Наполеон в начале XIX века, дают однозначно утвердительный ответ на этот вопрос. Революционная борьба с феодализмом оборачивается

покорением других народов. Страна, провозгласившая лозунги свободы, равенства и братства, становится колониальной державой. Мессианство освобождения вырождается в имперский бонапартизм.

Такой исход событий вряд ли резонно рассматривать только в категориях «предательства» буржуазией дела революции и ее «измены» народу. Конечно, было и предательство — вспомнить хотя бы Оноре Мирабо, этого велеречивого обличителя абсолютизма, ставшего тайным агентом королевского двора. Были и непоследовательность, и малодушие, и эгоизм, и трусость буржуазии, которая, как едко заметил Энгельс, не является героическим классом¹.

Но за всеми слабостями и пороками проступала логика революционного процесса, разводящая по разные стороны субъект социальных преобразований и субъект реальной власти, тех, кто разрушает старый порядок, и тех, кто реально обретает власть.

IV

Выход на новый виток цивилизации не проходит безболезненно. Острые драмы порождаются и инерцией уходящих общественных структур, и неприятием нового, и революционным нетерпением.

Понять диалектику действия и противодействия далеко не всегда просто, вокруг этого идут споры и поныне. Но в любом случае плохо та общественная наука, которая не чувствует проблем, а ее носители не признают своего незнания и невежества. Сократ считал это свойством резонерствующих глупцов.

Потребность в радикальном обновлении вырастает из своего времени, но вместе с тем всегда обгоняет его. Свободные духом люди, творящие дело революции, в своем порыве нередко ставят сверхзадачи, многим из которых не суждено быть решенными в бурлящем котле событий. Революция лишь выводит общество на новое плато развития, а не создает законченный идеал.

Одним из уроков, которые дает нам история революций, является и тот, что попытки радикальной и быстрой смены старого строя неизбежно сопряжены с опасностью невольной подмены цели средствами. Нетерпение рискует смениться нетерпимостью, а классовая борьба — перерасти в ненависть, которая, как известно, не терпит доводов рассудка. Подчинение догме, умозрительной схеме неизбежно порождает в обществе множество «несвобод», отодвигает на второй план не только революционный идеал, но и самих творцов революции — простых людей.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 288.

Возвышающие порывы к свободе вырождаются в горячечные приступы насилия, что в конечном счете и гасит огонь революции.

Французская революция рельефнее других продемонстрировала логику самоотрицания, связанную с тем, что Энгельс называл «избытком революционной активности»¹. Она ярко высветила проблему, с которой пришлось столкнуться едва ли не всем последующим революциям и которая остается, по-видимому, актуальной и в наши дни. Я говорю о проблеме границы революционных действий — той магической черте, за которой стремление к разумной, нравственной организации жизни начинает фактически отрицаться безнравственными способами достижения целей.

Французская революция убедительно показала, сколь значительна в процессе общественных преобразований роль вождей, трибунов — таких, как Марат, Мирабо, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, и многих других, «делавших» историю.

Но проявилось и иное: когда борьба групп, партий, классов перерастает в борьбу вождей, когда происходит чрезмерная концентрация событий вокруг личного фактора, тогда направление борьбы меняется столь причудливым и неожиданным образом, что вчерашние соратники, единомышленники предстают друг перед другом разъяренными противниками, обезумевшими от фанатизма, презревшими терпимость и милосердие. Сегодня летят головы левых якобинцев Эбера и Шометта, завтра — «снисходительного» Дантона, послезавтра — самого Робеспьера.

Трагическую опасность для революции представляет и концентрация страха или мести вчерашнему противнику, продолжающему существовать физически, но уже обессиленному, повергнутому, обещеченному, обреченному политически и социально.

Следует заметить — и французская революция дает для этого немало оснований (как, впрочем, и другие), — что вопрос о врагах революции, как и вопрос о составе ее движущих сил и союзников, оказывается одним из самых сложных.

Праведные цели недостижимы неправедными средствами. Но так думали не все. Марат апеллировал к «топору народной расправы», который должен был без суда отрубить головы сотням тысяч «злодеев». «Террор, — по Робеспьеру, — есть не что иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость; тем самым он является проявлением добродетели».

Террор становился повседневностью, карал не только врагов революции, но и равнодушных. Освобожденный от рамок

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 309.

законности, меч насилия произвольно использовался теми, кто находился у власти. Гильотина срубала головы двум гениальнейшим французам — химику Лавуазье и поэту Шенье. Побеждала злая воля властолюбцев. Революция пожирала своих детей.

Террор с неизбежностью выносил наверх людей, лишенных политических и нравственных принципов. Он повернул против республики множество ее прежних сторонников, ослабил притягательную силу революции. Так революция, давшая соблазнить и увлечь себя насилем, диктатом, тормозила саму себя, закладывая предпосылки реставрации узурпаторской власти.

В результате режим якобинцев оказался в социальном вакууме, что и предопределило его падение. Осмысливая почти через столетие перипетии революции, Энгельс в письме Марксу 4 сентября 1870 года писал: «...мы понимаем под последним (террором.— Авт.) господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот,— это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»¹. «*Весь французский терроризм, по словам Маркса, был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством*»².

Сто лет назад, отмечая вековой юбилей французской революции, Г. В. Плеханов высказал предположение, что грядущие пролетарские революции будут сопровождаться ослаблением террора. «Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия наверное не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь самой историей, что ему не будет надобности в терроре»³.

Но революционная история пошла, как теперь знаем, иным путем. Ошибка русского марксиста поучительна — поучительна вдвойне. Она говорит о том, во-первых, что «сама история» хотя и создает предпосылки для победы определенных социальных сил, отнюдь не гарантирует реальный успех. Вообще история всегда была и теперь остается весьма капризной и своенравной по характеру. А во-вторых, ошибка Плеханова говорит об опасности идеализации тех или иных революционных сил и революций, уровня общественного сознания. Говорит о том, что проблема диалектики целей и средств и связанная с ними опасность термидора актуальны отнюдь не только для буржуазного общества.

¹ Маркс К, Энгельс Ф Соч. Т. 33. С. 45.

² Там же. Т. 6. С. 114.

³ Плеханов Г. В. Соч. М., 1923 Т. IV С. 64.

Ф. Энгельс считал predetermined революционные потрясения в России. Как и то, что они будут бурными, во многом повторяют опыт французской революции. В 1878 году в письме Беккеру он отмечал: «...безуспешная война или новые неудачи безусловно вызовут революцию в Петербурге. Она начнется с двора и с конституции, но это будет 1789 год, за которым последует 1793 год. Пусть только в Петербурге соберется национальное собрание — и лицо всей Европы изменится»¹.

И еще через семь лет в письме В. Засулич: «То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить... Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать...

По-моему, самое важное — чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась... В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год»².

Видели эту опасность большевики?

Историю, конечно, не переделаешь. Но нельзя не сказать, что и Октябрьская революция не обошлась без идеализации террора. Фактически верно, что он был навязан. Но и в среде революционеров, в том числе и в партии большевиков, немало было тех, кто самозабвенно верил в насилие — в его очищающую силу, кто прямо обращался к опыту якобинцев, усматривал в повторении 1793 года благо, спасение для страны и народа. Средствами террора пытались не только пресечь контрреволюционные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 246.

² Там же. Т. 36. С. 260, 263.

действия, но и стимулировать процессы созидания нового общества. Жестоко пришлось расплачиваться за эти заблуждения, за аморализм псевдореволюционности.

Февраль 1917 года не успел решить задачи создания демократических структур. А многие из них даже не были поставлены. Создание технологии демократического общества досталось, таким образом, Октябрю. Многие, однако, мешало ее осуществлению: сама обстановка гражданской войны с ее неизбежным одичанием, усталостью страны от невзгод первой мировой войны, да и предшествовавших не таких уж социально мирных лет.

Но было и другое, о чем сегодня надо говорить ради того, чтобы учитывать и горький опыт. Многие чистые люди, наделенные обостренной нравственной позицией,— эти люди видели в первую очередь острую необходимость слома старого строя, практическую неизбежность и моральную оправданность грядущей революции. Верили в ее созидательное начало, в перспективы, в скорое построение общества социальной справедливости, разума и благополучия всех. И потому искренне романтизировали происходящее.

Нельзя ставить эти чувства и надежды в укор тем, кто их разделял, да и оплачены они были очень дорогой ценой — царскими застенками, нечеловеческими лишениями, а позднее — сталинским произволом. Но революционный романтизм мешал реалистически видеть антигуманные стороны некоторых событий. Было недооценено то, что любая социальная буря обладает активной способностью не только поднять здоровые силы общества, но и активизировать социальное дно, наиболее опасное именно в периоды исторических перемен и потрясений, когда ослаблены прежние общественные связи и не созданы или слабы еще новые, когда не действует с необходимой эффективностью система закона и правозащиты.

Сколько революций в мире страдало от того, что мерзость призраивалась к благородству, невежество и цинизм брали на вооружение лозунги сил обновления, прикрывали этими лозунгами деяния, ничего общего не имеющие с идеалами, целями, средствами революции! Сколько революций переродилось, не оставив после себя ничего, кроме безверия, нетерпимости и отброшенного назад общественного развития! Эта глава в истории революций еще по-настоящему не исследована и не написана.

Народы не могут и не должны больше расплачиваться кровью и страданиями за недостаток социального знания, тем более за чей бы то ни было групповой эгоизм или пороки индивидуума. Осознание этого морального императива — одно из условий социально-исторического освобождения.

И когда мы сегодня мучительно недоумеваем, как получилось, что страна, партия ленинцев смирились со сталинщиной, реками безвинной крови, нельзя не видеть, что среди причин, удобивших почву деспотии, оказалась и болезненная вера в возможность форсировать социально-историческое развитие, идеализация революционного насилия, восходящая к самим истокам европейской революционной традиции.

Признавать сегодня эту доказанную временем истину, эту правду о самих себе и пройденном пути вовсе не значит как бы то ни было принижать величие целей, героизм народа, самоотверженность миллионов. Правда, сказанная о себе,— удел мужественного и сильного. Победить можно только с правдой и правдой. Партия, которая исповедует легенды, живет тщеславными иллюзиями,— такая партия обречена. Революция — это высший порыв народа к истине, к реалиям подлинной жизни, на которых только и может основываться любая справедливость. Настоящая любовь к Родине, искренняя верность своим убеждениям требуют сегодня — как требовали и всегда — действительного знания прошлого и настоящего, честного взгляда на жизнь.

Упрекать прошлое можно, но бессмысленно. Особенно за то, что творцы его не знали и не могли знать, не поняли и не могли понять, не открыли и не могли открыть те истины, к постижению которых мы продираемся еще и сегодня через темный лес предрассудков, через недостаток опыта и его неоднозначность, через диалектику процесса социального познания, столь мучительного и долгого.

История не может быть иной, но мы иными быть обязаны. Обязаны заново переосмыслить допустимость и пределы насилия в истории. Не в прошлой его части, но сегодня и в будущем, где насилию не должно быть места. Идея о насиллии в качестве повивальной бабки истории исчерпала себя, равно как и идея власти диктатуры, непосредственно опирающейся на насилие.

За тысячи лет цивилизации никто, нигде и никогда не смог построить достойное человека общество через насилие, которое рождало только насилие. Человека нравственного, свободного, творческого не создать плетью или палкой, казематом или страхом.

Далеко не случайным видится сегодня и тот факт, когда на каждом рубеже развития цивилизация неизменно выходила на идею ненасильственности. От библейского «не убий!» до безъядерного, ненасильственного мира. Их объединяет общечеловеческое начало, на котором только и может строиться достойная и духовно насыщенная жизнь всех людей.

Понятно нетерпение, которым окрашивается стремление к прогрессу. Понятно желание безоглядно перепрыгнуть через опостылевшие завалы времени. Но освободительный опыт учит абсолютной необходимости взвешивать прежде всего потенциальную цену прогресса. И не только в историческом масштабе времени, но и применительно к реальным, живым, жаждущим счастья людям.

Там, где эта заповедь нарушалась, становилось возможным самое чудовищное: преступление сегодня — во имя лучшего будущего. Безнравственность — во имя нравственности грядущего. Самодержавие мировоззрения и страшные заблуждения — во имя вечных истин. Жестокая несправедливость — во имя призрачного счастья. Путь крови, усыпанный розами трагических иллюзий.

Нынешний мир небывало целостен, взаимозависим и в противоречиях, и в самом выживании. Ибо наша жизнь, наш прогресс — часть единого общечеловеческого прогресса, в котором мы начинаем постигать нелегкую истину, что любые революции должны быть гуманными, бережливыми к человеку, его жизни, его ценностям, к духовному и нравственному богатству общества.

V

Означает ли сказанное, что время революций ушло в прошлое?

Для марксистов революционные события в истории всегда виделись как «перерывы постепенности», своего рода «моменты истины». Это не случайные водовороты в плавном течении и не «злые козни» одержимых заговорщиков. В их основе всегда лежат глубинные, тектонические общественные процессы, остро осознанное неравенство в положении социальных групп — это извечное и каждый раз по-своему ищущее своего разрешения социальное противоречие.

Революционное сверхожидание первой половины XX века сменилось гораздо более трезвым взглядом марксистов на перспективу радикальных общественных трансформаций в современном мире. Спрямоленный, упрощенный подход уступает место представлениям, в которых революция и эволюция не противопоставляются друг другу, а переплетаются. Исторический опыт последних десятилетий раздвинул горизонты, изменил систему координат, в которой оценивается развитие современной цивилизации.

Незадолго перед смертью В. И. Ленин заметил: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может

быть, даже единственной опасностью,— является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибли (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае,— но погибли наверняка в том случае,— если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹.

В сущности, конечная цель классовой борьбы — в мире и гармонии. Без этой цели борьба бессмысленна и губельна. Суть противоречия есть разрешение его. Без этого противоречие есть бессмыслица, пребывание вещи, человека и общества в непрерывном, бесконечном противоборстве. Борьба существует ради гармонии, а не ради борьбы. Всякая вещь, всякое существо, всякое общество, любая система, вплоть до Вселенной — это прежде всего система гармонически связанных противоположностей. На этом диалектическом принципе покоится и этика человечности.

Перед социальными переменами современности стоят более сложные задачи, чем перед революциями прошлого. Назрела глубочайшая реконструкция человеческой цивилизации на справедливых и гуманистических началах, провозглашенных великими революционерами-демократами прошлого и воплощенных в общечеловеческих идеалах и ценностях.

Ясно, что для измерения этих процессов нужны иные мерки, чем те, которыми оцениваются французская буржуазная и даже Октябрьская социалистическая революция. Кооперация всех сил человечества на решении глобальных проблем, происходящая на ее основе перегруппировка социально-политических сил не могут быть сравнимы с тем, что происходило во Франции конца XVIII века или в России первой половины XX.

Известно положение К. Маркса о том, что «когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

перестанут быть *политическими революциями*¹. Так ли это? Социалистическое общество, равно как и будущее коммунистическое, не выпадает из сферы действия общих законов диалектики. И здесь развитие идет через противоречия, восходит к высшему качеству через отрицание качества прежнего, «старого».

Социализм — динамичное общество. В нем под влиянием внутренних процессов, а также взаимодействия с внешней средой постоянно накапливаются элементы нового содержания. А потому неизбежны этапы глубокой качественной перестройки сложившихся общественных структур. По глубине и масштабности они, вероятно, не будут уступать социальным революциям прошлого. Во всяком случае, перестройка советского общества ставит своей целью глубочайшие радикальные изменения во всех сферах общественной жизни. Для нас актуальна истина, сформулированная еще Сен-Жюстом: кто совершает революцию наполовину, тот роет себе могилу. По своей природе революция не может остановиться, не решив свои задачи. Она либо идет вперед, либо терпит поражение.

Революция — средство. Она требует максимума знаний, внимания, пронизательности, ответственности во всех действиях. Особого мужества и особой квалификации революционного хирурга, который еще до того, как станет к операционному столу, обязан представлять себе в деталях ход операции и последующего лечения, предвидеть возможные осложнения, трудности, неожиданности, учитывать вероятность неверного диагноза. Это в полной мере относится и к нашим революционным преобразованиям.

Ни для кого не секрет, что у какой-то части общественного мнения образуется разочарование в социализме. Тут много причин, анализ которых еще впереди. Но в любом случае принцип самооценки является определяющим. Как верно и то, что мы сами премного усердствовали, чтобы деформировать облик и ценности социализма.

Во-первых, заменой научного социализма догматизмом и схоластикой, которые разрушают научное знание. На этой основе были сформированы завышенные общественные ожидания к государству, облегченные представления о сроках достижения социалистических целей. Более того, оказался предельно обедненным круг потенциальных источников удовлетворения этих требований. Таким источником стало восприниматься только государство, с его моновластью и монособственностью. В результате образовалась огромная дыра для вторжения искаженных обратных связей, основанных на произволе и насилии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 185.

Во-вторых, готовностью к самообману в отношении капитализма. Но он обнаружил еще далеко не исчерпанные возможности, смог самокритично взглянуть на себя, многое перестроить в организации общественной жизни. Само его развитие в наше время идет порой в формах, казалось бы, начисто отрицающих капитализм классического типа. При этом нельзя сказать, что нами поняты механизмы, которые обеспечили эту жизнестойкость. Между прочим, В. И. Ленин не раз предупреждал о необходимости непредвзятого изучения окружающего мира, но догматическая ослепленность и здесь сыграла свою деструктивную роль.

В-третьих, трагическим равнодушием к процессу распада общественной жизни. И дело не только в том, что были допущены репрессии, разрушение крестьянства, преследования интеллигенции, коррупция, мафиозные связи. Гибельная нравственная опухоль разрослась до крайних пределов. Плодились цинизм, двойная мораль, безверие. На определенном этапе произошел перелом еще хрупкой социалистичности, судьбы Родины.

Кардинально изменить это положение можно только одним — революцией в бытии и сознании. Жизненно необходимо отбросить высохшие мумии догм, мифы и схоластические схемы. Идти вперед, быть конкурентоспособными в экономике и торговле, по образу жизни и культуре, науке и поведению человека. На все это и нацелена перестройка, хотя должно быть ясно: задачи эти исторических масштабов, враз на их решение не выйти.

Потребность в радикальном образе перестроечных действий тем более остра, что общество опасно запоздало с давно назревшими переменами. Общественный прогресс не просто развивался недостаточными темпами — он тормозился в угоду вполне определенным интересам. Система торможения не только сохранялась по инерции, но и совершенствовалась намеренно, тем самым усиливался ее разлагающий эффект.

Но встает вопрос: сколь велика может быть цена перемен? Неизбежны ли в наших условиях издержки, свойственные всем революциям?

В какой-то мере да. Но издержки прозябания во много раз опаснее. В сущности, перестройка до сих пор расплачивается именно за застой. За остроту накопленных социально-экономических проблем, за разбалансированность экономики, товарно-денежного обращения. За низкую культуру — от быта до политики. За растущее отставание по важнейшим параметрам от мировых уровней развития. Все это не перестройкой заложено. Она лишь раскрыла глаза на эти явления, их подлинные причины и масштабы.

Почти 130 лет разделяют две великие революции нового времени — французскую и российскую. Импульс первой, ее воздействие на исторический процесс в немалой степени предопределили облик и содержание второй. Разумеется, штурм Зимнего не был — и не мог быть — прямым продолжением штурма Бастилии. Более того, во многом, причем существенно, Октябрь стал одновременно и отрицанием, и обогащением французской революции. Но тем не менее бесспорно, что оба эти события укладываются в одно русло: демократизация общественной жизни, ее строительство на началах справедливости и равенства, на признании того, что только самодеятельность масс способна успешно осуществить такое строительство.

Нас, советских людей, потомков тех, кто в 1917 году совершил великую революцию, сближает с ее предшественницей — французской тот революционный поворот, который происходит сегодня в нашей стране. Ибо, когда мы называем перестройку революцией, мы ничуть не грешим против истины.

Речь идет о качественном преобразовании общественных отношений, о решении поставленных Октябрем задач, которые по разным причинам или не были решены, или попросту не решались, — это преодоление отчуждения человека от власти, от собственности, от окружающего мира.

По своей природе перестройка обращается и к историческому самодвижению социализма, и к сегодняшним реальностям, из соединения того и другого выводит императивность и смысл обновления. Она видит возможные альтернативы — разрушительные альтернативы и стремится предотвратить их движением вперед. Мобилизует духовные возможности социалистического общества, но и опирается на достижения мировой мысли и практики. Руководствуется общечеловеческими интересами, но и вполне земными заботами конкретных людей.

Первый Съезд народных депутатов может и должен стать, без сомнения, переломным этапом в истории этой нашей революции. У нее возникло немало трудностей. В первую очередь они связаны, пожалуй, даже не столько с экономикой или трагическим наследием прошлых десятилетий, а с необходимостью резкой ломки стереотипов, порожденных в общественном сознании и поведении этим наследием.

И французская, и российская революции — каждая, повторим, по-своему — оказали глубокое влияние на современное понимание прогресса. Это огромный исторический капитал. Но время неумолимо, мир меняется на наших глазах. Человечество

почти незаметно для себя перешагнуло границу одной эпохи и вступило в другую, качественно иную. Законы, по которым этот мир развивается, вызовы, которые он бросает всему человечеству, совсем не те, что отличали период французской и даже Октябрьской революций. Стало быть, при решении нынешних проблем, в поисках путей и критериев прогресса нельзя полагаться только на опыт и уроки этих революций.

Новый мир требует новой философии. Опыт революций, опыт XX века доказывают высшую верность мысли: отрицание не есть уничтожение. Отрицание есть такая интеграция в новое, при котором явление, продолжая существовать, работает уже на новые, прогрессивные, передовые общественные связи и тенденции. Как и природа, общество требует к себе бережного, внимательного отношения, большой мудрости и осмотрительности в осуществлении глубоких преобразований. Жизнь жестоко мстит тем, кто бездумно и безоглядно ломает все, что стоит у них на пути.

Чем выше развитие человеческого сообщества, чем сложнее его структуры, тем опаснее для него — и материально, но особенно духовно — необузданная стихия разрушения. И в то же время тем важнее инструментарий, позволяющий направлять процесс революционных преобразований. Более того, при современном переплетении общественных структур игнорирование этого обстоятельства превращает самых нетерпеливых и радикальных сторонников революции, помимо их воли, в объективных противников ее целей и задач.

Цивилизация создавалась накоплением материального и духовного богатства, его новой общественной организацией. А не тем, что человечество периодически возвращалось в пустыню и начинало все заново. Подобные безнравственные представления свойственны как раз тем, кто готов превратить революционный порыв масс, их стремление к более достойной жизни в разгул низменных страстей и разрушительства.

Иными словами, в современном мире путь к прогрессу, а значит, к свободе, равенству, братству у человечества лишь один: сотрудничество, соразвитие, сотворчество всех народов и государств, составляющих мировое сообщество. Именно такой представляется сегодня дорога к созданию подлинно демократического, человеческого бытия.

По мере накопления исторического опыта наше понимание событий прошлого приобретает все большую глубину и стереоскопичность. Обращаясь к грандиозной исторической драме, имя которой — Великая французская революция, мы видим истоки многих достижений, проблем и коллизий современной цивилизации.

Известно, что духовные ее предтечи — великие мыслители Просвещения наделили Разум ролью верховного судьи, призванного разрешать споры, порожденные социальными противоречиями, национальной враждой, нетерпимостью, суевериями и невежеством. В наши дни эта мечта способна обрести реальные очертания. Именно Разум зовет к спасению цивилизации через признание приоритета общечеловеческих ценностей и интересов, через утверждение цивилизованных международных отношений, через решение глобальных проблем, от которых зависит судьба людей на Земле.

Но как же будут выглядеть контуры эпохи, в которую мир вступает сегодня? Не грядут ли иные времена и нам суждено открыть тот — мы верим, неизбежный — период истории, когда стихии и насилие уступят место разуму, осознанной и высокоморальной воле, гуманизму и ответственности? Как должны мы сегодня видеть общественный прогресс и пути к нему?

Вопросы эти в высшей степени сложные, но наступила пора отвечать на них, ибо речь идет о судьбе цивилизации.

Интересные даты отмечаем мы в последние годы: 1000-летие крещения Руси, 200-летие Великой французской революции, 100-летие Социалистического интернационала. При всех различиях они связаны друг с другом поиском нравственных, социальных, политических оснований человеческого бытия.

И признание значимости этих и других вех мировой культуры — конкретное, предметное выражение того, что и в нашей революции наступило время нового озарения. Нам дорого и понятно многообразное единство человеческой культуры, истории, а значит, и необходимость единения всех, кто разделяет идеалы и цели гуманизма.

Нам жить в этом мире, множить его богатство. И в какой бы точке истории мы ни находились, нам близки и дороги усилия тех, чьим гением и мужеством продвигалась и продвигается цивилизация.

СОБЫТИЯ 1939 ГОДА — ВЗГЛЯД С ПОЛУВЕКОВОЙ ДИСТАНЦИИ

— *Как далеко продвинулась комиссия в выполнении возложенного на нее Съездом поручения?*

— В настоящее время члены комиссии заняты формулированием документа, который должен быть представлен второму Съезду народных депутатов СССР. Как мне представляется, в ходе подчас острых дискуссий нам удалось, обращаясь к твердо установленным фактам и подлинным документам, прийти к общему мнению по главным, принципиальным оценкам событий той чрезвычайно противоречивой поры.

Хочу оговориться, что комиссия не ставит перед собой задачи переписать историю. Ее цель — понять истоки событий, их логику или нелогичность, правомерность или неправомерность решений, их неоднозначные последствия. Это необходимо, если оставаться на почве непредвзятого историзма.

Комиссией движет стремление восстановить истину без прикрас и пробелов, избежать конъюнктурных оценок, выявить пружины совершившихся в 1939 году процессов. Иначе прошлое еще надолго останется балластом, мешающим усилиям по преобразованию всех сторон жизни советского общества. Желание вникнуть в суть, а не заменить одну полуправду другой в немалой степени способствовало взаимопониманию по многим важным вопросам, если учесть, насколько сложным является сам предмет исследования.

— *В последнее время получило хождение несколько версий о выводах, к которым, как указывается, уже пришла комиссия. На чем основываются такие сообщения?*

— Мотивы, видимо, разные, что тем не менее не меняет положения — работа по политическому и правовому исследованию обстоятельств заключения договора 23 августа и содержания

самих договоренностей не завершена. Комиссия еще не подводила итогов. Все высказывания о ее выводах есть личные мнения, кто бы с ними не выступал. И не уверен, приносит ли такая топливость пользу делу.

— *Как известно, заключение с Германией договора о ненападении застало советскую и зарубежную общественность врасплох. До этого СССР выступал самым непримиримым и последовательным противником фашизма. И вдруг в одночасье нацистская Германия превратилась чуть ли не в партнера. Что же обусловило такой разворот событий?*

— Верно, и теперь это яснее, чем раньше, что партия и народ не были подготовлены к такой крутой смене вех. В течение шести с лишним лет Советский Союз не только разоблачал фашизм, отождествляя его с агрессией и войной. Он был единственной великой державой, которая вступила в вооруженную схватку с ним на стороне республиканской Испании, противодействовала аннексии Австрии и расчленению Чехословакии.

Ситуация была такой, что сполохи второй мировой войны вспыхивали то тут, то там, международная обстановка активно и быстро заряжалась на всеобщий конфликт. Пожар близился. И в 1939 году, когда угроза большой войны в Европе буквально стучалась в дверь, советское руководство в очередной раз пыталось создать антифашистский фронт в составе прежде всего СССР, Англии и Франции. В тех условиях это могло быть единственной силой, способной спасти мир. Но тщетно.

Да и что можно сделать, если другая сторона вступает в переговоры не конкретных договоренностей ради, а для политических интриг за ваш же счет? Чего можно было достичь, когда британские и французские лидеры, как об этом свидетельствуют документы, решали задачу, как бы отвести от себя угрозу германской агрессии и разрядить энергию нацизма в экспансии на Восток? Как можно было помочь той же Польше отвести нависшую над нею опасность порабощения, если ее руководители не хотели и слышать ни о каком прямом или косвенном сотрудничестве с Советским Союзом и его вооруженными силами?

Серьезные исследователи — советские, польские, британские, западногерманские и другие — признают, что 19—20 августа 1939 года, в момент согласия Сталина на приезд в Москву Риббентропа для окончательного прояснения намерений Германии, Советскому Союзу не было оставлено выбора. В одиночку СССР предотвратить войну не мог. Союзников в лице Англии и Франции ему обрести не удалось. Оставалось думать о том, как не попасть в водоворот войны, к которой в 1939 году СССР был готов еще меньше, чем в 1941 году.

Правда, есть и другая точка зрения на этот счет. Некоторые историки говорят, что Германия тоже не была готова в 1939 году к нападению на СССР. Возможно, оно и так. Вместе с тем нельзя было не считаться с весьма очевидной вероятностью сделок нацистского Берлина с другими западными державами и против Советского Союза.

Примем во внимание в качестве исторического факта: оперативный план «Вайс», утвержденный Гитлером 11 апреля 1939 года, предусматривал, что вслед за нанесением военного поражения Польше Германия захватит Литву и Латвию. Следовательно, война против Советского Союза началась бы — тогда же или чуть позже — с еще более предпочтительных для агрессора рубежей, чем два года спустя.

И это не все. В августе 1939 года Красная Армия уже вела тяжелые бои на Халхин-Голе с японскими милитаристами. Последние, терпя крупную неудачу, настаивали перед Берлином на выполнении им своих союзнических обязательств по «антикоминтерновскому пакту».

— *Вы даете понять, что выбор Сталина в пользу договора о ненападении с Германией был вынужденным?*

— Нет, я излагаю факты и стараюсь их понять во взаимосвязи, подойти к ним с разных сторон, избежать давления современных политических настроений. А факты, по крайней мере те, которые известны, говорят, что к 20 августа военные переговоры между СССР, Англией и Францией зашли в тупик и фактически провалились. По просьбе англичан и французов в переговорах был объявлен перерыв на неопределенный срок, хотя в Лондоне так же хорошо, как и в Москве, знали, что германская агрессия против Польши назначена на период с 25 по 28 августа и в любом случае не позднее 1 сентября.

Замечу, что у немцев был запасной вариант действий на случай, если советское руководство откажется принять Риббентропа (кстати, первые просьбы о его приеме были отклонены). На тайных переговорах в середине августа Лондон и Берлин сговорились о поездке 23 августа второго по рангу деятеля третьего рейха — Геринга на Британские острова на негласную встречу с Чемберленом. Судя по документам, две империи собирались выработать «исторический компромисс» глобального масштаба, игнорируя интересы не только СССР, Польши и ряда других восточноевропейских стран, но даже Франции.

В чем состоял смысл, как мне представляется, двойной игры Гитлера: продолжать тайные контакты с британским руководством на предмет соглашения «а-ля Мюнхен», давая на англичан перспективой заключения договора о ненападении с Советским

Союзом. Гитлера устраивали в то время оба варианта — и принятие в Москве предложения по договору, и отклонение его. Последнее позволило бы Гитлеру заявить в нужный момент своим подданным: я протянул России руку дружбы, большевистский режим не принял ее, он доказал, что является врагом германского рейха, а с врагом надлежит говорить языком силы. Видимо, примерно по такой схеме развернулись бы события. Причем явно к удовлетворению Лондона и Парижа, заранее предвкусивших, что Германия и СССР обескровят друг друга, а западные демократии затем продикут им свои условия мира.

Понятно, я анализирую документы, логику предшествовавших конкретных событий, в которых СССР оставляли на обочине, а его интересы превращали в разменную монету.

Другой разговор, что сама по себе договоренность с фашистской Германией оставляет неприятный осадок нравственного свойства, идеологического порядка. Трудно отделаться от желания задать себе вопрос: а не имелось ли других возможностей, все ли было сделано для того, чтобы, с одной стороны, оттянуть войну, а с другой — уклониться от объятий с нацистским режимом? История, однако, есть история, она сослагательных наклонений не признает. Кроме того, вряд ли оправданно брать лишь нравственный масштаб за мерило случившегося (прилагая его исключительно к СССР). Нельзя из анализа вычеркнуть определяющий факт — не Советский Союз напал на Германию, а Германия — на Советский Союз.

— Из ваших слов можно заключить, что инициатива заключения договора о ненападении исходила от Германии. Правильно ли это?

— Да, действительно так. По указанию Гитлера внешнеполитическое ведомство Германии стало готовить почву для этого осенью 1938 года, сразу после Мюнхена. Нацистскими предводителями именовался сей маневр «инсценировкой нового Рапалло» в советско-германских отношениях. Но, как отмечал в своем дневнике статс-секретарь МИД Германии Э. фон Вайцеккер, зондажи немцев, их «ухаживание» за Москвой долго оставались без ответа. Даже когда в конце июля — начале августа 1939 года немецкая сторона впервые ясным текстом выдвинула идею реанимации договора 1926 года о нейтралитете или заключения договора о ненападении, а также размежевания советско-германских интересов «от Балтийского до Черного моря», СССР не спешил с ответом.

Видимо, Сталин хотел сначала прояснить, какие результаты можно получить от англо-франко-советских переговоров, которые вот-вот должны были начаться в Москве. Хотя, по инфор-

мации, стекавшейся к нему, особых оснований для оптимизма не имелось, он решил убедиться на деле, каковы шансы. Приоритет отдавался этим переговорам.

Судя по документам, Сталин не верил никому, но все же красил Лондон и Париж чуть менее черной краской, чем Берлин. Вот дневниковая запись Г. М. Димитрова о разговоре со Сталиным 7 сентября. «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократ. странами и поэтому вели переговоры,— воспроизводит Г. М. Димитров слова Сталина,— но Англия и Франция хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить!»

Уместно будет подчеркнуть следующее. В это время Англия и Франция уже оформили свои договоренности о ненападении с Германией и, таким образом, объективно находились в преимущественном положении перед нами. Следует упомянуть и о том, что не на западе, а на востоке были сосредоточены главные ударные силы немцев, что после аншлюса Австрии и захвата Чехословакии именно на восточном направлении виделись наиболее благоприятные возможности для осуществления широко объявленных планов рейха.

При самом критическом взгляде на внутреннюю и внешнюю политику Сталина того периода, чего она вполне заслуживает, все равно надо констатировать, если не впадать в предвзятость и не грешить против фактов: национальные интересы Советского Союза требовали активных действий. Коль скоро не удалось коллективно обуздать агрессора, то следовало позаботиться о том, как упредить, чтобы «польский поход» не стал прелюдией к захвату Прибалтики и реализации гитлеровских планов обеспечения «жизненного пространства», захвата Украины в качестве «сырьевой и продовольственной базы» для рейха, как сдерживать движение на восток.

— *Договоры о ненападении широко практиковались в довоенный период. Стало быть, само по себе подписание такого договора между Германией и Советским Союзом, казалось, не должно было бы вызывать негативной реакции в мире. Но Запад, как мы помним, воспринял договор от 23 августа 1939 года в штыки. Чем это объяснить?*

— Частично я, наверное, ответил на ваш вопрос. Зная, что война начинается не позже 1 сентября, британское правительство предписало своему шеф-делегату на московских военных переговорах адмиралу Драксу уходить от сколько-нибудь обязывающих Лондон договоренностей, «толочь воду в ступе» до октября. На что делался расчет? Сам факт тройственных переговоров должен был вызывать эффект непредсказуемости

и мешать, как прикидывали в британской столице, «сближению между Берлином и Москвой». С заключением советско-германского договора «игры» надо было заканчивать. Английское и французское правительства хорошо знали, что время мира в Европе истекает, а с ним кончается «политика умиротворения» агрессоров. Пробил час, когда все расставлялось по своим местам.

Лондон и Париж полностью утратили интерес к Советскому Союзу. Чемберлен и его министры принялись лихорадочно искать способы, как, не теряя лица, ублажить в последний момент Гитлера и вместе с тем добиться от Германии обязательств на будущее, более прочных, чем те, которые она давала и тут же нарушала перед Мюнхеном, во время Мюнхена и после Мюнхена. Чемберлен и его друзья очень надеялись, что поляки им подыграют, как некогда подыграл Бенеш в Чехословакии. Однако жизнь распорядилась иначе.

Документы свидетельствуют о том, что 23—24 августа, на другой день после подписания договора о ненападении с Германией, Сталин пребывал в крайней неуверенности: а вдруг Гитлеру удастся использовать договор как дубинку для выколачивания из Англии и Франции нужных ему уступок, а «новое Рапалло» он пушит под откос?

Используя разные каналы, Сталин пытался склонить Париж и Лондон к продолжению московских военных переговоров и даже обозначил примерную дату их возобновления — 30 августа. Никакого отклика на эти предложения не последовало.

— *С некоторого времени стало известно, что к договору о ненападении был приложен секретный дополнительный протокол. Что вы можете сказать по этому поводу?*

— Вопрос о секретном протоколе куда более сложный для оценок, чем сам договор. Но сначала надо отметить следующее.

Во-первых, секретные соглашения или приложения к договорам заключались в предвоенный период сплошь и рядом. Много раз объектом таких тайных сделок, совершавшихся между немцами, англичанами, французами и поляками, становился сам Советский Союз.

Во-вторых, хотя подлинник секретного протокола не обнаружен, наличие его в свете выявленных, в том числе в самые последние месяцы, документов сомнений не вызывает. Да и войска — германские и советские — в последующих действиях ориентировались на линию разграничения, установленную этим протоколом и протоколом от 28 сентября того же года.

1 сентября Германия напала на Польшу. 17 сентября части Красной Армии вступили на территорию Западной Украины

и Западной Белоруссии. Определенно имелся предел, дальше которого немцы не шли на восток, а советские войска не продвигались на запад. Случайно такое не бывает. И это больше, чем любая бумага, подтверждает, что размежевание интересов состоялось и было так или иначе зафиксировано.

Это фактическая сторона дела. Но остается вопрос о политической и юридической оценке этих протоколов. С точки зрения политической, и об этом надо прямо сказать, здесь налицо отступление прежде всего от ленинских норм советской внешней политики, от ленинского разрыва с тайной дипломатией, ревизия стратегического курса на коллективную безопасность.

Как я уже говорил, оригиналов секретного протокола не обнаружено ни в нашем, ни в зарубежных архивах. О тексте договоренности мы судим сейчас по фотопленке, на которую, согласно официальной западногерманской версии, в конце войны были засняты некоторые документы, хранившиеся в бюро Риббентропа. Для меня лично дело десятое, насколько текст копии достоверен или нет. Существеннее то, как свершался сговор. А это был, несомненно, сговор.

О контактах с Берлином, которые с 15 августа переросли в переговоры, до приезда в Москву Риббентропа знали только Сталин и Молотов. О секретном протоколе, кроме них, из руководителей партии и государства не знал никто. Протокол не обсуждался ни в Политбюро, ни в Верховном Совете, ни в правительстве. Он был изъят из процедур ратификации. Строго говоря, речь шла о фиксировании намерений сторон, ибо юридически, в силу указанных особенностей его составления, протокол не может квалифицироваться как правовой акт, то есть как акт, имевший правовые последствия.

Повторю, идея размежевания интересов двух держав принадлежала немцам. Уцепившись за нее, Сталин и Молотов настаивали на том, чтобы декларативные обещания Берлина уважать советские интересы обрели письменный вид. Удовлетворяться неформализованными обещаниями Сталин остерегался. И все же у него не было никакой нужды принимать буквально текст протокола, если, конечно, копия верна в редакции, изготовленной в МИД Германии и привезенной в Москву в портфеле Риббентропа. Великодержавная заявка на «территориально-политическое переустройство» в регионе, как ни толкуй, находилась с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью целого ряда стран. Она не соответствовала духу и букве договоров, которые СССР раньше заключил с этими странами, с нашими обязательствами при всех обстоятельствах уважать их суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность.

По моему мнению, Сталин шел на неоправданный риск, освящая подписью Молотова в преддверии надвигавшейся войны «территориально-политическое переустройство» Польши. Эта затея могла кончиться втягиванием СССР в войну, вместо того чтобы дать нам передышку. Не говорю уже о том, что подобный образ действий тогдашних советских руководителей никак не отражал воли советского народа и не был созвучен его настроениям.

Полагаю, мы поступим ответственно и политически принципиально, недвусмысленно осудив отход предвоенного советского руководства от ленинских принципов внешней политики, чем бы такой отход ни объяснялся.

— *Правильно ли утверждение, что в контексте договора о ненападении от 23 августа 1939 года Сталин и Гитлер согласовали все свои дальнейшие акции на 1939—1941 годы?*

— Во-первых, между руководителями СССР и Германии ни в день заключения договора, ни до, ни после этого не было и тени доверия, необходимого для того, чтобы вести откровенный разговор на перспективу.

Во-вторых, ни Сталин, ни Гитлер не были ясновидцами. Они не могли угадать, как будут складываться события. Насколько боеспособной окажется польская армия? Одно дело штабные прикидки, другое — реальность. Неясно было, выступят ли Англия и Франция на стороне Польши, и если да, то как станут действовать. Ограничатся «мнимой войной», о которой британский посол Гендерсон договаривался с Гитлером как возможным вариантом, или воспользуются оголенностью западных границ Германии и огромным перевесом, имевшимся тут у французов. Много было неизвестного.

В-третьих, забегая по времени вперед, замечу, что в Берлине рассматривали события 1940 года в Прибалтике как нарушение договоренностей от 23 августа, как отход Москвы от своих «категорических заверений».

Несколько примеров. Где-то с весны 1939 года спецслужбы Германии занялись подготовкой «народных восстаний» в Галиции и некоторых других украинских районах, находившихся под контролем Польши. Имелось в виду заложить базу «западноукраинской государственности» с прицелом на последующий аншлюс Советской Украины. Уже после нападения на Польшу абвер получил приказ устроить под видом «восстания» в украинских и белорусских районах массовую резню среди проживавших там поляков и евреев, а затем приступить к формированию «независимого» украинского образования.

Параллельно готовилось включение Литвы в состав рейха посредством заключения с ней «договора о защите». Но, похоже, вскоре Гитлер счел, что может обойтись без промежуточных ступеней, и подписал 25 сентября 1939 года директиву № 4, в которой приказал сосредоточить в Восточной Пруссии силы, достаточные для быстрой оккупации Литвы даже в случае военного сопротивления с ее стороны.

Так оно наверняка и случилось бы, не будь заключен 28 сентября 1939 года между Германией и СССР договор о «дружбе и границе», скорректировавший сферы интересов. Демаркационная линия в Польше теперь соответствовала «линии Керзона», которая по Версальскому договору устанавливалась в качестве восточной польской границы, а западная граница Литвы обозначалась как предел германских интересов. Между прочим, на основании договоренности от 23 августа к Литве вернулись Вильнюс и прилегающие районы, захваченные буржуазной Польшей в 1920 году.

В целом случилось то, против чего предостерегали Чемберлена его же военные эксперты и ряд коллег по партии, — если Англия сорвет заключение англо-франко-советского военного союза, то у СССР не будет альтернативы, кроме как договариваться с Германией. По свежим следам событий в сентябре 1939 года У. Черчилль выражал понимание того, что СССР должен был создавать «фронт» против германской экспансии, думать о том, чтобы сопредельные прибалтийские страны не очутились под контролем враждебных ему государств.

— *В бурных дебатах, происходящих сегодня, особенно в Прибалтике, можно услышать мнение, что договор о ненападении и секретный протокол к нему являются чуть ли не правовой основой всех последующих перемен в Европе. И стало быть, восстановление довоенной картины требует объявления недействительным этого договора с самого начала. Как бы вы сформулировали свою точку зрения?*

— Если встать на предлагаемую позицию, пришлось бы объявлять недействительной, несостоявшейся войну. Не знаю только, куда зачислить миллионы унесенных ею жизней.

Попытки вывести территориальные и иные европейские реальности, как они сложились в результате войны и послевоенного развития, из любых договоров с Германией игнорируют факты или заведомо превратно их истолковывают. Часть из них я упомянул. Споры в принципе излишни после того, как договор о ненападении и другие договоренности с Германией потеряли всякую юридическую силу 22 июня 1941 года. Специальное подтверждение этого состояния, как, например, в соглашении между

правительствами СССР и Польши 30 июля 1941 года, имело больше символический характер, понятный и оправданный в тех конкретных условиях.

Можно совершенно по-разному смотреть на договор от 23 августа, но и в этом случае следует признать, что ни договор, ни протокол к нему не определяли юридический и политический статус Литвы, Латвии и Эстонии. Изменение их статуса произошло в силу других обстоятельств. Еще более надуманно искать какие-то взаимосвязи между нынешним положением трех республик и договором о ненападении.

В ходе войны и после нее сложилась новая база мирового и европейского устройства. Возникли новые принципы взаимоотношений между государствами, зафиксированные в Уставе ООН, в целой системе мирных договоров, в таких прежде неведомых решениях, как хельсинкский Заключительный акт.

В чем может быть смысл подтверждения факта аннулирования договоров 1939 года войной и осуждения секретных протоколов к ним? Кроме названных принципиальных соображений есть еще одно немаловажное обстоятельство. Моральное. Ведь дают себя знать все прежние обиды, несправедливости, деформации, в высшей степени чувствительные, когда задеваются национальное достоинство и интересы. И здесь предстоит еще немало сделать, в том числе в советском доме. Путь к новому качеству жизни в нашей многонациональной федерации пролегает через народо-властие, равенство всех наций и всех граждан, где бы они ни жили, уважение их достоинства, всегда и во всем. Национализм в любой форме — смертельный яд каждого общества, здравый смысл и зрелая культура — его целительные лекарства. Не разобщение, а сплочение сил во имя высокой цели — в этом мне видится ответ на вызовы времени.

— Если подводить баланс случившемуся 50 лет назад, то какими сейчас видятся плюсы и минусы принятых в 1939 году решений?

— Все тогдашние соглашения и сговоры потеряли смысл и силу в час нападения Германии на Советский Союз. Такова международная практика, и это естественное состояние. То, что происходило потом, определялось другими факторами. Поэтому оценка последствий заключения договора от 23 августа 1939 года будет верной, когда она вписывается в конкретные исторические рамки.

Прежде всего, СССР выиграл время для подготовки к отражению германской агрессии, которую сам же Сталин считал неизбежной, хотя этот выигрыш был использован далеко не лучшим способом. Трудно возразить против данной констатации.

Но к договору от 23 августа, как таковому, это прямого отношения не имеет.

Рубеж, с которого Советский Союз мог обороняться, был отодвинут на несколько сот километров от Ленинграда, Минска и других национальных центров. Небезынтересно, что ряд видных германских военных расценили такое изменение стратегической ситуации как «предательство» Гитлером интересов рейха, во многом обесценившим плоды «польской кампании».

Заключение советско-германского договора о ненападении потрясло отношения между Берлином и Токио. Анτικοинтерновская конструкция оказалась деформированной. Япония потеряла доверие к своему союзнику, что не было преодолено в полной мере до конца войны. Токио был вынужден пересмотреть свою военную доктрину, а планы агрессивных действий против СССР отодвинуть на неопределенное время.

Наконец, если брать плюсы, западные державы начали наконец считаться с Советским Союзом как с военным и политическим фактором. СССР имел не меньше, чем другие державы, право обозначить передний край своих жизненных интересов в условиях, когда молнии войны уже сверкали над головой. Хорошо ли, худо ли, но договор и приложенный к нему протокол, пусть на время, расстроили систему канализации гитлеровской экспансии в сторону Советского Союза. Германия была вынуждена умерить свои претензии доминировать во всем Балтийском бассейне, пользоваться свободой рук во всей Восточной и Юго-Восточной Европе, которые наперебой спешили удовлетворять с 1933 года ближние и дальние «умиротворители». Мы перестали быть объектом чужой политики, доказали, что способны проводить в мировых делах собственный курс.

Вместе с тем внезапный для широких кругов поворот СССР от непримиримой борьбы к сотрудничеству с нацистской Германией в немалой степени дезориентировал демократические, миролюбивые силы. В исключительно сложное положение попали многие компартии, которым решением Коминтерна предписывалось оправдывать то, что еще вчера решительно осуждалось.

Далее. В правящих кругах Англии, Франции, США окрепли противники любого сотрудничества с СССР. Они охотно переносили на других свои грехи и искали на стороне отмщения за собственные просчеты. В 1939—1941 годах не однажды предпринимались попытки свернуть вооруженный конфликт между западными державами, с тем чтобы утолить свои аппетиты в объединенном походе против Советского Союза.

Следует признать, что договор от 23 августа 1939 года и особенно утвердившаяся с конца сентября тяга Сталина

к параллельным действиям с Германией расширили свободу маневра для нацистского руководства, в том числе при осуществлении ряда военных операций.

— *Вы два раза упомянули договор от 28 сентября. Как вы соотносите договор о ненападении и договор о «дружбе и границе»?*

— На мой взгляд, это качественно различные договоры. Первый — договор мирного времени, второй — договор, заключенный со страной, совершившей неприкрытый акт агрессии. Первый в основном соответствовал тогдашней международной практике, второй — фактически ставил под сомнение, если не подрывал, статус СССР как нейтрала и толкал нашу страну на беспринципное сотрудничество с нацистской Германией.

В договоре от 28 сентября прямой необходимости вообще не было. Изменение демаркационной линии можно было оформить совсем другим образом. По оппортунистическим мотивам, однако, Сталин пошел в конце сентября на крупные политические и нравственные издержки, дабы закрепить, как он полагал, Гитлера на позиции взаимопонимания, но не с СССР, а с самим собой.

— *И наконец, Александр Николаевич, заключительный вопрос: будет ли опубликован секретный протокол к договору от 23 августа и, возможно, другие малоизвестные документы?*

— Многие документы того времени, насколько мне известно, намерен опубликовать МИД СССР.

Убежден, что правда — даже самая трудная — лучший путь для устранения старых недоразумений и предотвращения новых. Еще и еще раз взвешенность в суждениях, ответственность в поступках, честность перед самим собой. Историю не переделаешь. Она давно себя написала. Нам остается читать летопись былого. Вдумчиво и без перекосов, чтобы не повторять пережитых испытаний. Тем более, когда речь идет об опыте, оплаченном народами Советского Союза неизмеримо дорогой ценой.

ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ ОТ 1939 ГОДА

Товарищи депутаты! Начну с исторической справки. 23 августа 1939 года был подписан, а 31 августа ратифицирован Верховным Советом СССР советско-германский договор о ненападении. 24 августа он был опубликован. 24 сентября состоялся обмен ратификационными грамотами.

В 1946 году на Нюрнбергском процессе впервые упоминается факт существования секретного протокола. 23 мая 1946 года протокол публикуется в газете «Сан-Луи пост диспетч», а в 1948 году появляется в изданной в США книге «Национал-социалистская партия Германии и Советский Союз. 1939—1941 годы». До этого о содержании протокола не знала не только общественность, но и Верховный Совет СССР, не знало об этом и Политбюро ЦК партии.

С 1939 года никакой информации по этому поводу у нас не публиковалось. Причины умалчивания понятны: суть секретного протокола сводилась к тому, что Сталин и Гитлер поделили «сферы интересов», куда вошли соседние суверенные государства.

Все это обошлось нам дорого — и политически, и морально. До сих пор строятся всевозможные гипотезы относительно того, как пошло бы развитие событий в Европе без договора и протокола; в частности, началась бы в этом случае война 1 сентября 1939 года или нет. Общественное мнение и сегодня подпитывается идеями, будто определенные аспекты современного положения в Европе, притом касающиеся не только Советского Союза, выглядят так, как если бы они складывались на базе или под влиянием договора от 23 августа 1939 года и секретных протоколов августа — сентября.

Все это побудило первый Съезд народных депутатов образовывать 2 июня 1989 года комиссию в составе 26 народных депутатов. Мы касались только 1939 года, но не последующих лет.

Доклад на втором Съезде народных депутатов СССР. 23 декабря 1989 г.

Подчеркиваю это потому, что в комиссию поступило очень много разного рода заявлений и записок, касающихся 1940 года и последующих лет. Так вот, хотел бы повторить еще раз, что компетенция комиссии ограничена 1939 годом и отвечать на другие вопросы и выносить суждения о событиях других лет она неправомочна.

Такова предыстория.

Комиссия пришла к соглашению по выводам. Сразу скажу: консенсус дался нелегко. Споров и столкновений мнений было немало, но они не подрывали общей конструктивной атмосферы обсуждений.

При всем многообразии подходов, точек зрения, эмоциональных оттенков превалировало стремление раскрыть не разрозненные эпизоды прошлого, но осмыслить предвоенную действительность комплексно, в ее реальных взаимосвязях и взаимообусловленностях.

Дело не упрощалось и тем, что наша официальная историография долго уклонялась от прояснения многих страниц внешней политики СССР всего послеоктябрьского периода. Конечно, здесь есть свои условности и ограничители, связанные с интересами третьих стран. Но немало и такого, что лежит под спудом в силу инерции и сложившихся стереотипов. В любом случае некоторые ключевые документы из советских архивов, относящиеся к обсуждаемой теме, стали доступными лишь в самое последнее время.

Попутно замечу, что бытующее мнение, будто Англия и США без остатка раскрыли свои документальные досье, не более чем легенда. Лондон, например, установил, что значительная по объему и крайне важная для постижения былого часть правительственных архивов останется засекреченной до 2017 года, а Вашингтон по ряду документов вообще не назвал каких-либо временных ограничителей.

Тем не менее уже накопленный запас достоверных данных позволяет воспроизвести картину вползания человечества и отдельных государств во вторую мировую войну и сделать на основе анализа совокупности фактов адекватные выводы.

И еще несколько замечаний предварительного характера.

Во-первых, приступая к анализу и оценкам прошлого, мы, понятно, не в состоянии даже на мгновение вырвать из наших сердец события, следовавшие за 1939 годом. Наше сознание и поныне мучает скорбь по миллионам и миллионам погибших рабочих и крестьян, ученых и поэтов, которых нет с нами сегодня. Не утихает и гнев к фашизму, и презрение к тем, кто продемонстрировал свою неспособность обуздать убийц. Тут нелегко удержаться строго в фарватере фактов, не поддаться натиску естественных чувств.

Но отвергнуть, осудить что-либо слишком просто. Надо еще понять. Понять, как рождались соглашения, сделки, сговоры, что двигало их вдохновителями и создателями. Понять, чтобы оградить себя от повторения уже пройденного.

Применительно к прошлому время остановилось. Постигание любого события — независимо от эмоционального шлейфа, который оно тянет за собой, — возможно при условии, если его анализ проводится в конкретном контексте исторического развития. Мы же часто оказываемся во власти априорных мнений, но не фактов; в плену угодных нам схем; пасуем перед искусом обелять свое и чернить чужое или — что не лучше — идеологизировать историю до степени, когда она теряет свое действительное содержание. И лишь трезвый, честный анализ, лишенный ослепляющих эмоций и унижающих достоинство предвзятостей, способен утихомирить взбаламученное море страстей.

Борение за истину и есть двигатель истории. Историческая совесть призвана сберечь прогресс от лукавства, от дьявольского соблазна сыграть с прошлым в прятки. Мы совершили бы двойную ошибку, попытавшись вывести за скобки «неудобные» темы. Оправдывать собственные падения грехами других — путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятству.

Во-вторых, в процессе работы комиссии мы еще раз убедились в том, как далеко ушел мир за последние полвека. Как сильно разнятся политические, правовые и моральные нормы мира современного и того, в котором жила Европа пять десятков лет назад. Все это приходилось учитывать, погружаясь в прошлое, но в надежде вернуться в политическое сегодня. Главное было — не перепутать внешнее с сущим.

Настоящее сообщение, естественно, не претендует на полноту освещения предвоенного периода. Его логика и содержание максимально завязаны на события 1939 года. Хотя для каждого непредвзятого человека очевидно, что тогда гром грянул вовсе не с ясного неба.

Поэтому, не сделав экскурса в прошлое, трудно объективно оценить последующее. Все, о чем я буду говорить дальше, исходит из документов. Сама проблема, ее многочисленные нюансы вынуждают к подробному, иногда к детальному разбору обстоятельств. Да и Съезд, несомненно, ожидает от комиссии аргументированных соображений.

Итак, в какой международной обстановке родился советско-германский договор о ненападении, что непосредственно предшествовало его заключению, какие цели по замыслу его создателей и инициаторов преследовал договор?

Одномерных ответов здесь найти невозможно. При оценке соглашения мы не можем уйти по крайней мере от трех обстоятельств:

— внезапность поворота в отношениях с фашистским режимом;

— секретные договоренности с ним, затронувшие интересы третьих стран;

— сокрытие подлинного содержания и смысла соглашений от советских людей, от партии, от конституционных органов власти.

Как и почему все это стало возможным?

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 года было началом трагедии. Но и финалом политики по отношению к германскому империализму. Курса, проводившегося, как правило, без Советского Союза и зачастую против его интересов¹.

Но тут и коренилось историческое коварство.

Британский премьер-министр Болдуин заявлял в 1936 году: «Нам всем известно желание Германии... двинуться на Восток... Если бы он (то есть Гитлер.— А. Я.) двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Лондону позднее вторил и Париж.

Эта позиция соединила в общую цепь политику «умиротворения» агрессоров, потворство нацизму в его планах о «жизненном пространстве». Она привела к аншлюсу Австрии и предательству Чехословакии в Мюнхене в 1938 году.

Жертвуя Чехословакией, в Лондоне тогда считали, что купили обещание Берлина «никогда больше не воевать» с Британией и устранять «возможные источники разногласий» методом консультаций. Аналогичную договоренность с рейхом оформила и Франция — другая участница мюнхенской трагедии. Советско-французский договор о взаимопомощи практически для Парижа существовать перестал.

Мюнхенское соглашение коренным образом изменило обстановку в Европе, значительно укрепило позиции Германии, сломало зачатки системы коллективной безопасности, открыло путь агрессии в общеевропейском масштабе. Сговор в Мюнхене

¹ Кстати, лично я не нахожу исторически правильным датировать начало второй мировой войны 1 сентября 1939 г. Очаги ее запылали значительно раньше. Захват японскими войсками Маньчжурии — 1931 г., агрессия Италии против Эфиопии — 1935 г., вооруженное нападение Японии на Центральный Китай — 1937 г., германо-итальянская интервенция в Испании — 1936—1939 гг.

Советский Союз и США были втянуты во вторую мировую войну позднее.— *Прим. авт.*

не был поспешной импровизацией. Он продолжил политическую линию, обозначенную Локарнскими договорами (1925 г.) и «Пактом четырех» (1933 г.). Малые и средние страны Европы поняли, что демократии предали их, и в страхе начали склоняться в сторону Германии.

СССР оказался в международной изоляции. Учитывая поддержку Мюнхена со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и одобрение соглашения Японией, советское руководство не могло не думать об угрозе создания единой антисоветской коалиции.

Скороспелые решения, мистифицирующая иррациональность восприятия действительности были распространенной болезнью в ту пору. То, что Лондон и Париж мнили «венцом умиротворения» Германии, гарантирующего демократиям уют и покой на годы и десятилетия, Гитлер воспринял как откровенный сигнал к силовой борьбе за гегемонию в Европе. Практически после Мюнхена не стояло вопроса, будет или не будет война, речь шла совсем о другом — кто станет очередной жертвой и когда.

Может быть, самое поразительное, поныне сбывающееся многих с толку, состоит в том, что западные державы знали в подробностях о приготовлении Германии к вооруженной схватке. Знали, но рассчитывали, что нацисты не покусятся на интересы западных демократий, пока не разделяются с Советским Союзом. От наваждения не избавились и весной 1939 года, когда гитлеровцы оккупировали остатки Чехословакии, захватили Клайпеду, а Италия напала на Албанию.

Что означали с точки зрения советских интересов аншлюс Австрии, переход Чехословакии под контроль Германии, нацистское проникновение в Венгрию, Румынию, Болгарию, активизация военных спецслужб рейха в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, если брать их не разрозненно, а в совокупности?

Перед советской внешней политикой вырисовывались следующие основные возможности:

а) добиваться заключения союза СССР, Англии, Франции, который мог бы стать преградой агрессору;

б) наладить взаимопонимание с соседними государствами, которые также оказывались под угрозой;

в) в случае невозможности уклониться от войны с Германией попытаться избежать войны на два фронта — на Западе и на Дальнем Востоке.

Первая возможность стала официально прорабатываться с марта — апреля 1939 года, когда СССР пытался привлечь западные державы к сотрудничеству в деле предотвращения агрессии.

Вторая — в ходе визитов В. П. Потемкина, бывшего тогда заместителем наркома иностранных дел, в Турцию и Польшу (апрель — май 1939 г.) и дипломатических акций (март 1939 г.), направленных на то, чтобы показать правительствам Латвии и Эстонии заинтересованность СССР в предотвращении агрессии в Прибалтике.

Оставался открытым вопрос о нормализации отношений с Германией. В дипломатической документации СССР за 1937—1938 годы не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином. Со стороны Германии с конца 1938 — начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР. «Инсценировкой нового рапальского этапа» назвал его Гитлер.

Судя по документальным данным, советское руководство располагало надежными сведениями о военных приготовлениях нацистского режима, а также о линии поведения западных держав. Так, информация о содержании разговора Гитлера с Чемберленом 15 сентября 1938 года поступила к Сталину на второй день.

Имевшиеся материалы давали основание считать, что, если агрессия Германии против СССР станет неотвратимой, она будет осуществляться либо в союзе с Польшей, либо с лояльным рейху польским тылом, либо при подчинении Польши. При любом варианте — с использованием территории Литвы, Латвии и Эстонии.

Операция «Вайс» — план нападения на Польшу, утвержденный 11 апреля 1939 года, предполагал захват Литвы, неприкосновенности которой Англия и Франция никак не гарантировали. Литвой, однако, аппетиты рейха не утолялись. Еще 16 марта 1939 года посланнику Латвии в Берлине было заявлено, что его страна должна следовать за Германией и тогда «немцы, — цитирую, — не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера». Выступая перед генералитетом в мае 1939 года, Гитлер дал установку решить и «прибалтийскую проблему».

Как и в других сходных случаях, у Берлина имелись программа-минимум и программа-максимум. Если бы Запад сдал ему Польшу без боя, как до того Чехословакию, Гитлер мог растянуть во времени осуществление плана «Вайс» (имеются и такие данные). Руководство рейха, однако, понимало, что полоса легких побед заканчивается. Особенно когда Польша, ассистировавшая при аншлюсе Австрии и захвате Чехословакии, заартачилась. Действительно, пока объектом торга являлись чужие территории, министр иностранных дел Польши Бек и его единомышленники не чурались диалога с Берлином. Но когда им было предложено сдать Германии Данциг и вычленив из польских земель транспортный коридор в Восточную Пруссию,

те стремления делить Советскую Украину поубавилось. Перестало прельщать и обещание нацистов зарезервировать за Польшей выход к Черному морю с Одессой в придачу.

Британские военные доказывали Чемберлену, что угроза нацистской агрессии не миф, что самый целесообразный способ противодействия ей — военное сотрудничество с Советским Союзом. На это есть соответствующие документы. Чемберлен заявлял в ответ, что скорее уйдет в отставку, чем вступит в альянс с СССР. Характеризуя эту позицию своего правительства, работник МИД Англии Кольер писал: Лондон не желает связывать себя с Советским Союзом, а «хочет дать возможность Германии развивать агрессию на восток за счет России»...

В некоторых современных публикациях, особенно самых последних месяцев, встречается немало сетований на негибкость советской дипломатии, упущенные альтернативы и тому подобное. Возможно, такое и было. Видимо, даже скорее всего было. Но из документов следует и другое. Всякий раз, когда СССР шел навстречу западным державам, британским и французским делегатам давались указания не фиксировать сближение позиций, а наращивать требования, обострять несбалансированность условий и таким образом блокировать договоренность. Наконец 11 июля Англия решила отклонить предложения Советского правительства об одновременном подписании политического и военного соглашений.

На заседаниях кабинета Чемберлена, где в июле 1939 года вырабатывалась позиция британской делегации на военных переговорах в Москве, было определено, что главное — тянуть время. «Само соглашение, — цитирую министра иностранных дел Галифакса, — не является столь важным, как представлялось с первого взгляда...»

Обширная британская и французская документация за май — август 1939 года показывает, что кабинет Чемберлена находил партнерство с СССР нежелательным, а военное сотрудничество — невозможным. Хотя от шефа нацистской военной разведки Канариса британские руководители точно знали — нападение на Польшу назначено на последнюю неделю августа, английской делегации на московских военных переговорах было предписано заниматься словопрениями «по возможности» до октября.

Англо-французские взгляды поддерживались американскими представителями в Европе. Посол США в Лондоне Дж. Кеннеди был убежден, что поляков следует бросить на произвол судьбы и дать нацистам возможность осуществить свои цели на востоке: конфликт между СССР и Германией, по его словам, принесет большую выгоду всему западному миру. Посол США в Берлине Х. Вильсон также считал наилучшим вариантом нападение

Германии на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения».

Советский Союз сейчас упрекают, что он не сумел склонить правительство Польши к сотрудничеству, переуступив эту часть работы Лондону и Парижу. Однако даже в обстановке, когда до нападения Германии оставались считанные дни, Польша и слышать не хотела ни о каком сотрудничестве с СССР. 20 августа 1939 года Бек заявлял: «У нас нет военного соглашения с СССР. Нам не нужно такого соглашения».

В канун 50-летия нападения Германии на Польшу столкнулось немало гипотез о том, как сложились бы события, если бы Советский Союз принял тактику англичан и французов, рассчитанную на создание видимости активности трех держав по части согласования (хотя такого и не было) ответных действий в случае агрессии Германии. На сей счет высказываются полярные суждения. Одно из них гласит: войны не было бы вообще. Другие полагают, что в этом случае СССР уже в 1939 году мог бы попасть в водоворот войны, в которой Англия и Франция при самом оптимистическом раскладе лишь значились бы нашими союзниками.

Теперь, конечно, гадать трудно. История не признает сослагательных наклонений. История уже состоялась. Даже предположения и те неподсудны нормальной логике, поскольку поведение всех субъектов политики было непредсказуемым. Нельзя отделаться от впечатления, что на сцене истории лицедействовали игроки, а не политики. Одно ясно: ответственности, не говоря уже о мудрости, недоставало всем, за что человечество жестоко поплатилось.

В этом же контексте можно рассматривать и такой вопрос: была ли реальной угрозой нападения фашистской Германии на нашу страну в 1939 году. Естественно, ответ на него выходит за рамки возможностей и целей нашей комиссии. Дать его призвана наука. Настоящий анализ этой проблемы не был дан ни тогда, ни позднее. И все же документы говорят, что советская политика строилась тогда чаще на оперативных сообщениях, нежели на глубоких стратегических выкладках.

Вопрос о готовности Гитлера к агрессии против СССР еще в 1939 году имеет, как минимум, три аспекта. Была ли Германия объективно готова к войне? Считала ли свою военную машину готовой? И воспринималась ли угроза вторжения советским руководством как вероятная?

С уверенностью можно ответить только на последнее: безусловно, да. Можно предположить, что такое восприятие корректировалось в психологии Сталина надеждой, что Гитлер может увязнуть на европейском театре боевых действий, что, вероятно,

влияло на способность видеть и объективно оценивать возможные альтернативы.

Трудно, конечно, говорить об этих факторах сколько-нибудь категорически. Но допустить, что они имели место, мы вправе.

Не являются доказательными утверждения, будто в отсутствие договора о ненападении с СССР рейх не начал бы «польский поход». В их опровержение можно было бы привести не одно заявление самого Гитлера. Кроме того, Германия зашла в подготовку войны, особенно к середине августа, слишком далеко, чтобы «фюрер» без серьезного политического риска для себя трубил отбой.

Довод приверженцев точки зрения, что Сталин преувеличивал опасность войны, сводится к тому, что в немецком генштабе в августе 1939 года не было готового плана боевых действий против нашей страны.

Но, во-первых, это вскрылось только после 1945 года.

Во-вторых, тогда не существовало и планов операций против Англии и Франции. Задание готовить такие планы штабы получили 10 октября 1939 года, после отклонения западными державами предложения Гитлера о замирении.

В-третьих, пауза с подготовкой к боевым действиям на Западном фронте не лишена своеобразного подтекста. В опьянении быстрой победой над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежеепеченный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну?

В-четвертых, на перевод концептуальных разработок в оперативные директивы для генштабистов рейха порой требовались лишь недели.

При анализе альтернатив 1939 года нельзя упускать из виду, что советское руководство владело информацией о содержании директив, определявших линию поведения английской и французской делегаций на военных переговорах с нами. Не был сверхтайной и факт закулисных контактов, которые поддерживались между Лондоном и Берлином¹.

¹ Параллельно с визитом Риббентропа в Москву готовился полет Геринга в Англию. Причем если для обеспечения приема имперского министра в Москве пришлось прибегнуть к рискованному обращению Гитлера к Сталину, то английскую сторону уговаривать не было нужды. В Берлин для доставки Геринга даже был выслан самолет британских спецслужб.

В этих условиях правомерно предположить, что если бы по тем или иным мотивам нацистские предложения о сбалансировании интересов Германии и СССР были советской стороной отклонены в последний момент, то Геринг 22—23 августа встретился бы с Чемберленом и Галифаксом в Чекерсе для заключения «сделки века» — размена готовности британской стороны дать «добро» на германскую экспансию на Востоке в ответ на «гарантии» уважать целостность Британской империи. — *Прим. авт.*

Тщательное прочтение документов обнаруживает довольно простую игру. Берлин «обхаживал» нас или, наоборот, отзывал свои авансы в точном соответствии с каждым поворотом англо-франко-советских переговоров.

Так, после первых прощупываний советских намерений и сдержанной реакции Молотова на немецкие обращения (20 мая) Риббентроп дал команду затаиться. Но стоило на тройственных переговорах в Москве обнаружить разногласия в части гарантий прибалтийским государствам, как немцы пришли в движение. Достаточно было назначить переговоры об англо-франко-советской военной конвенции, чтобы Берлин без промедления (26 июля) подбросил идею «освежения» договора о нейтралитете 1926 года, заявил о готовности уважать неприкосновенность прибалтийских государств и договориться о сбалансировании «взаимных интересов». Когда же определилась дата открытия военных переговоров в Москве, Риббентроп не мешкая пригласил к себе временного поверенного в делах СССР в Берлине Астахова и прямо высказался за размежевание советско-германских интересов «от Балтийского до Черного моря». Эти соображения были повторены на следующий день, 3 августа, послом Шуленбургом в беседе в Москве.

Принципиально важный рубеж — в период с 26 июля по 3 августа 1939 года. Именно в это время происходит активизация контактов на всех направлениях — и по объему, и по содержанию. Именно в это время нарастает давление предварительных позиций и реальных обстоятельств, подводившее к необходимости конечного выбора: быть договоренности или не быть?

Если быть, то с кем? С западными демократиями или с фашистской Германией?

Именно в это время в политическую игру вводятся те ее «азартные» элементы, что соответствовали психологии главных действующих лиц и в итоге предопределили появление и суть секретного протокола.

Как разворачивались события на этом рубеже и вплоть до открытия советско-германских переговоров?

Первый ход делает германская сторона. Берлин впервые легализует идею договорного урегулирования межгосударственных отношений с СССР и отказа от третирования наших национальных интересов. Напомню, что после прихода нацистов к власти Германия домогалась остракизма «Советов» там, где только могла. Стало быть, до начала августа 1939 года реальной альтернативы сотрудничеству с Англией и Францией Советский Союз не имел и ничего противопоставить этому сотрудничеству не мог.

Показательно, что даже после откровений Риббентропа советская сторона не сменила тактики — еще целую неделю она ограничивалась выслушиванием немецких предложений, а Шуленбург неизменно телеграфировал в Берлин о глубоком недоверии Советского правительства к Германии и его, цитирую, «решимости договориться с Англией и Францией».

Теперь нам известно, что Сталин подозревал всех и вся. Его недоверие к Гитлеру было не меньшим, чем недоверие к Чемберлену и Даладье. И не только в силу личной мнительности. Его концепция империалистической войны концентрировалась на отсутствии различий между двумя группами, противоборствующими на мировой арене, видя у каждой из них прежде всего стремление к переделу мира и к уничтожению Советского Союза. В роковые дни августа эта концепция сыграла немалую роль.

Сталин вряд ли обманывался насчет действительных намерений Лондона и Парижа, но, похоже, опасался упустить возможный шанс договориться. По свидетельству Димитрова, 7 сентября 1939 года, то есть через семь дней после начала войны, Сталин, упомянув о переговорах с западными державами, заметил: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но Англия и Франция хотели нас иметь в батраках и при этом ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше — ничего не получая».

Сотрудник МИД Германии Шнурре 26 июля 1939 года заявил Астахову: «Пусть в Москве подумают, что может предложить ей Англия. В лучшем случае участие в европейской войне и вражду с Германией, что едва ли является для России желанной целью. А что можем предложить мы? Нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте и, ежели Москва того пожелает, германо-советское соглашение о взаимных интересах».

Что конкретно имелось в виду? Берлин отвечал — отказ Германии от притязаний на Украину, от претензий на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-Восточной Европы, где имеются заметные интересы СССР.

О том, что нападение Германии на Польшу может произойти в конце августа — начале сентября, советская разведка доложила руководству еще в первых числах июля 1939 года. Из непосредственного окружения Риббентропа была получена информация, что, по мнению Гитлера, польский вопрос должен быть обязательно решен. Гитлер сказал, цитирую: «...то, что произойдет в случае войны с Польшей, превзойдет и затмит гуннов. Эта безудержность в германских военных действиях необходима, чтобы продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока на примере уничтожения Польши, что означает в условиях

сегодняшнего дня противоречить желанию немцев и провоцировать Германию на введение военных сил».

7 августа 1939 года Сталину было доложено, что Германия будет в состоянии начать вооруженные действия в любой день после 25 августа. 11 августа 1939 года положение рассматривалось в Политбюро ЦК ВКП(б). Не без учета сведений о попытках Гитлера восстановить непосредственную связь с Чемберленом и пессимистических предсказаний касательно московских военных переговоров было признано целесообразным вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин.

В результате 15 августа 1939 года в Москве встречей между Молотовым и Шуленбургом начались советско-германские переговоры.

Немцы предложили — либо подтверждение договора о нейтралитете, либо заключение договора о ненападении. Сталин остановился на последнем варианте.

Финальная стадия советско-германских переговоров с трудом поддается реконструкции. Стенограмм не велось. Все предварительные проекты, привезенные Риббентропом в Москву, были уничтожены по его распоряжению. Известно, что Риббентроп отправился на встречу 23 августа полный сомнений в исходе своей миссии, хотя имел от Гитлера полномочия удовлетворять любые мыслимые требования Москвы.

Подготовительных советских материалов к переговорам, если они и существовали, в архивах не найдено. Известно только, что поначалу не предполагалось делать секретным документ о намерениях. Видимо, в этом и не было нужды, ибо Молотов говорил о довольно известных вещах: о совместных гарантиях независимости прибалтийских государств, посредничестве немцев с целью прекращения японских военных акций против СССР, развитии германо-советских экономических отношений. Каких-либо территориальных претензий, касавшихся Польши или кого бы то ни было, и тем более вопросов о судьбе той или иной конкретной страны на этом этапе не поднималось.

Но Гитлер предложил больше, чем Сталин ожидал. Есть ли этому объяснение? Возможно, какой-то свет проливает директива Исполкома Коминтерна от 22 августа 1939 года, содержание которой стало известно Берлину. В ней отмечалось, что СССР вступает в переговоры с Германией на предмет заключения договора о ненападении, имея в виду побудить Англию и Францию заняться делом на переговорах о военном союзе с нашей страной.

Судя по всему, Гитлер решил разом обесценить любые британские и французские маневры, стремясь побудить Сталина сжечь запасные мосты. Сцена благоприятствовала разыгрывав-

шемуся нацистами спектаклю. 19—20 августа 1939 года Сталин получил документальные подтверждения, что Англия, Франция и Польша не собираются менять свои позиции. Видимо, Сталин надеялся договором о ненападении повлечь на Англию и Францию, но просчитался. После подписания договора западные державы потеряли к нам всякий конструктивный интерес.

Была ли возможность свести переговоры с Берлином только к заключению договора о ненападении? Анализ свидетельствует — безусловно. И в том виде, в каком договор был подписан 23 августа 1939 года, он пополнил бы обширный каталог урегулированных, известных мировой политике. Аналогичными взаимными обязательствами, по-разному оформленными, Германия к тому времени обменялась, в частности, с Польшей — 1934 год, с Англией и Францией — 1938 год, Литвой, Латвией, Эстонией — 1939 год.

Заключение данного договора, понятно, меняло конфигурацию сил, позволяло Берлину закрыть одно из неизвестных в сложном политическом уравнении. Это так. Но было бы несправедливо тут обрывать мысль.

Сталин, при всех его имперских замашках, не мог не понимать аморальности и взрывоопасности секретной сделки с Гитлером. Даже после войны Сталин и Молотов заматали следы существования секретного протокола — оригинал протокола в наших архивах так и не обнаружен.

По свидетельству Хрущева, Сталин рассуждал так: «Здесь ведется игра — игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет». И добавил: «Я их обманул». Сталина, по всей видимости, не смущала цена, которую он заплатил, предав высокие нравственные принципы внешней политики, заложенные Лениным. Вместе с немецкой редакцией протокола он принял такие постулаты, как «сфера интересов», «территориально-политическое переустройство» и прочее, что до тех пор было детищем политики империалистических разделов и переделов мира.

«Второму Рапалло» Гитлер предназначал сугубо утилитарную роль — выключить СССР как потенциального противника Германии на срок до двух лет. Неясно, почему Сталин не придал значения информации, поступавшей по разным каналам, что максимум через 24 месяца нацисты растопчут свои обязательства и нападут на Советский Союз.

Еще в июле 1939 года советская разведка предупреждала, что инсценировка добрососедства в отношении СССР и, в частности, уважения его интересов в Прибалтике рассчитана всего на двухлетний срок. На это же время немцами заключались с нами все экономические соглашения. Сталин не захотел вникнуть в эти факты.

Давая свою редакцию протоколу, Гитлер готовил почву для того, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией. До этого, слава богу, не дошло, хотя порой наша страна была на волосок от подобного разворота событий, особенно после вступления частей Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. И всякое могло стрястись, не останись советские части на «линии Керзона», которая по Версальскому договору определялась как восточная граница Польши.

Вернемся, однако, к теме 23 августа. Гитлера не воодушевила схема протокола, изложенная Молотовым, поскольку оставалось неясным, как прореагирует советская сторона, если вместо Польши на западной границе СССР будет Германия. Неопределенность советской позиции, судя по разведматериалам, побудила Гитлера не перенапрягать «нейтралитет» СССР развертыванием украинской проблемы. Больше того, в августе нацисты дали понять, что сочувствуют желанию украинцев и белорусов жить в воссоединенных семьях. То, что восстановление справедливости по отношению к Украине и Белоруссии соседствовало с «территориально-политическим переустройством» в других землях, не смутило Сталина.

Суммирую сказанное. В отличие от оценки секретных протоколов, по которой в комиссии было полное единство, относительно самого договора высказывались разные мнения.

Первое — что в конкретных условиях того времени договор был правомерен политически. Политика Германии и Японии, позиция западных демократий не оставляла Советскому Союзу иного выхода. Руководство СССР обязано было принять меры для обеспечения безопасности страны, хотя бы оттянуть начало войны и использовать выигранное время для укрепления экономики и обороны.

И другое — что Сталин пошел на заключение договора о ненападении по иным причинам. Главным его мотивом было не само соглашение, а именно то, что стало предметом секретных протоколов: то есть возможность ввода войск в прибалтийские республики, в Польшу и Бессарабию, даже в перспективе в Финляндию. То есть центральным мотивом договора были имперские амбиции.

Взвешивая слагаемые прошлого, выделяя уроки на будущее, Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года пришла к следующим выводам.

Сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств

СССР. Юридически он утратил силу 22 июня 1941 года. Все советско-германские соглашения, какие существовали на тот момент, были полностью зачеркнуты с первым залпом орудий на рассвете 22 июня 1941 года. Это не только наша позиция. Это признанная норма международного права. Что касается послевоенной Европы, то строилась она на международно-правовых нормах, имеющих иные истоки, что отражено прежде всего в Уставе ООН и Заключительном акте общеевропейского совещания 1975 года.

Другой вопрос, что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские замыслы, чуждые принципам социализма. Но это выходит за рамки самого договора как международно-правового документа.

Точно так же к этой оценке не имеют отношения иллюзии, которым, судя по всему, предался Сталин после заключения соглашений 1939 года. Иллюзии, не позволившие должным образом использовать полученную мирную передышку, в значительной мере демобилизовавшие и дезориентировавшие антифашистские силы, что не могло не нанести ущерба последующей борьбе против гитлеризма и его союзников.

Вместе с тем ясно, что с заключением договора оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом. Ни коммунисты, ни подавляющее большинство других левых сил и движений предвоенного времени, даже не зная и не подозревая о существовании секретных протоколов, не были готовы к тому, чтобы допустить саму возможность договоренности с Гитлером о чем бы то ни было. Не считаться с умонастроениями, этическими убеждениями общественности — значит становиться на позиции, которые рано или поздно оборачиваются нравственными и идейно-социальными потерями, что и произошло в действительности.

Политическая и правовая оценка советско-германского договора о ненападении дана в заключении комиссии и в проекте постановления, предложенных вниманию Съезда. Это, как полагают члены комиссии, итог анализа фактов и синтеза мнений, адекватно передающий особенности крайне противоречивой ситуации того времени и нашего отношения к ней с позиций нового политического мышления.

Комиссия сформулировала оценки и в отношении протокола. Они таковы.

Первое. Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. Имеющиеся в распоряжении правительств СССР и ФРГ копии могут быть на уровне современных знаний признаны достоверными.

Да и сами последующие события развивались точно «по протоколу».

Второе. Исходный протокол был составлен в МИД Германии и принят Сталиным и Молотовым с небольшими поправками. Советские участники переговоров, не к их чести, забыли свои изначальные пожелания о двойных гарантиях независимости прибалтийских стран. Они не настаивали на отражении в протоколе готовности Германии образумить Японию, удовлетворившись устными обещаниями Риббентропа на сей счет.

Третье. О факте подготовки протокола не ставились в известность политические и государственные инстанции Советского Союза. Молотов не имел должным образом оформленных полномочий на его подписание. Протокол был изъят из процедуры ратификации и не утверждался законодательными или исполнительными органами страны.

Четвертое. Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами, протокол в юридическом смысле являлся изначально противоправным документом, представлял собой сговор, выражавший намерения подписавших его физических лиц.

Наконец, пятое. Метод выработки протокола и примененные в нем категории и понятия («территориально-политическое переустройство» и прочие) были явным отходом от ленинских принципов советской внешней политики.

Верно, что народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность. Но разве по тем же общечеловеческим меркам нельзя понять и чувства тех, кто оказался бессильной игрушкой более сильных, кто через призму содеянных Сталиным несправедливостей стал оценивать всю свою последующую историю?

Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми, странами. Не счел зазорным прибегнуть к силе оружия — так произошло в споре с Финляндией. В великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль.

Наверное, впервые о событиях трудного предвоенного времени говорится в столь жестких и безоговорочных формулировках. Но когда-то должна была быть сказана вся правда, даже самая горькая.

Секретный протокол от 23 августа 1939 года точно отразил внутреннюю суть сталинизма. Это не единственная, но одна из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося

нам в наследство минного поля, которое мы сейчас с таким трудом и сложностями хотим очистить. Делать это надо. Общественные мины коррозии не знают. Мы не можем не сделать этого во имя перестройки, ради утверждения нового политического мышления, для восстановления чести социализма, погранной сталинизмом.

Комиссия считает, что в результате проделанной работы вносятся определенность в ряд вопросов, занимающих умы людей, сформулирован верный в правовом и нравственном смысле вердикт прежде всего секретному протоколу. Члены комиссии выразили эти свои выводы, взвешивая каждое слово и сверяя их со своими убеждениями.

Если Съезд сочтет возможным согласиться с предложениями комиссии, это дополнительно послужит очищению атмосферы от реликтов прошлого, несовместимых с социализмом и справедливостью.

Товарищи депутаты! В заключение хочу сказать следующее. История сама себе прокурор и судья. Но, погружаясь в нее, мы не можем абстрагироваться от того, что предвоенные события развивались в другой системе координат. Тогда страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс; уделом народов многие хотели навсегда сделать обслуживание этих групп, да еще участие во взаимном истреблении.

Понадобилось ввергнуть мир в пучину безумия, прежде чем идея взаимосвязанности и судеб, и коллективных действий во имя избавления Земли от тирании и возрождения мира начала утверждаться как объективная истина.

Рано или поздно правда выходит на свет божий, фальшь отмечается. Без такого нравственного очищения немислимо развитие цивилизации. Сегодня признать это важнее, чем когда-либо прежде. Народы могут спокойно жить и быть уверенными в будущем только все вместе и никак не друг против друга.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авангардизм, «русский авангард», авангардисты** — 28, 33—37, 362—363, 433, 452
- Австралия** — 63, 172, 180
- Австрия** — 510, 521, 522, 523
- Автократия, авторитаризм** — 9, 13, 17, 210, 331—332, 345, 365, 383, 393, 428, 431, 440—441, 480—481, 498, 501
- Административно-командная система** — 7, 9, 17, 20, 191, 224, 229, 243, 250, 258, 267, 278—279, 294, 300—301, 308, 329, 351, 353, 359, 367, 384, 392, 419, 431—433, 437—438, 442, 460, 465, 471, 479—480, 485
- Азия** — 72, 85, 91, 127
- Аляска** — 71, 84
- Албания** — 522
- Англия** — см. Великобритания
- Антисемитизм, сионизм** — 13, 245, 282
- Антисоветизм, антикоммунизм** — 74, 76—77, 83—84, 89, 94, 98—99, 120, 128, 143, 153, 167, 261, 422, 485
- Аргентина** — 173
- Аренда** — см. Подряд коллективный, семейный, арендный
- Атлантический океан** — 126, 130
- Афганистан** — 81—82, 440, 473
- Африка** — 61, 72, 85, 126—127, 130, 173
- Базы военные** — 72, 82, 84, 92—93, 126—127, 140, 150, 155—156, 161, 450
- Безопасность международная** — 92, 95—96, 111, 126, 131—134, 139, 159, 184, 231, 357, 420, 422, 454—455, 474
- европейская, идея «общеевропейского дома» — 93—95, 100, 111, 133—134, 139—140, 159, 185, 414, 422—427, 444, 448, 451, 454—458
- Бесхозяйственность** — 15—16, 18—20, 186, 239, 290, 323, 384, 406, 470
- Ближний Восток** — 72, 126—127, 179
- Болгария** — 522
- Бюрократизм, бюрократия** — 9, 15, 17, 186, 190—191, 203, 207, 216, 223, 243, 249, 278, 299, 320, 332, 334, 340, 351, 353, 365, 367, 375, 384, 401, 405, 431, 433, 445, 460, 480
- Бразилия** — 173
- Варшавский Договор** — 82, 124, 135—143, 154, 426
- Великая Октябрьская социалистическая революция** — 8, 22, 62, 86, 99, 109, 118, 144, 182, 254, 264—269, 284, 288, 331, 398, 408, 410, 430—431, 448—449, 453, 463, 465, 479, 488, 491, 496—497, 500, 503—504
- Великая Отечественная война советского народа** — 98—99, 108, 129—130, 135, 153, 247, 265, 288, 345, 459, 507—509, 514—517
- Великая французская революция** — 448—449, 453, 486—505
- Великобритания** — 61, 82, 130, 133, 155, 454, 507, 510—511, 513—514, 516, 519—530
- Венгрия** — 522
- Верховный Совет СССР** — 6, 471—472, 512
- Внешняя политика КПСС и Советского государства** — 113—117, 133, 145—148, 162—164, 182—185, 261, 370, 378, 394, 412, 420—421, 426—427, 440, 443—444, 472, 474
- борьба за мир, за предотвращение войны — 95—96, 117, 122, 136—140, 146, 162—163, 182—185, 420, 426, 440, 444, 473
- развитие отношений с капиталистическими государствами — 146—148, 183—185, 412, 427, 473
- советско-американские отношения — 77, 113, 115—116, 122—124, 126, 133, 145—146, 163, 184, 426, 451, 473
- советско-германские отношения, 1939 г. — 506—534
- См. также Международные отношения
- Военно-политические блоки империалистических государств** — 91—92, 119, 136, 138, 161—162, 448
- Военно-политические доктрины** — 78—79, 82—84, 93, 98, 104, 121, 122, 137, 140—142, 146, 154, 159, 176—177
- Военно-стратегический паритет** — см. Паритет военно-стратегический
- Война** — 13, 27, 71—72, 76, 78—79, 82—84, 98—99, 105, 126, 144, 151—152, 182, 408, 413, 414, 424, 426—427, 447—448, 451, 454, 456, 492, 507—508
- первая мировая — 60—61, 144, 152, 389, 427, 450
- вторая мировая — 71, 98—99, 107—108, 130, 150, 152—153, 161—162, 184, 389, 411, 422, 427, 450—451, 507—508, 510—534
- См. также Великая Отечественная война советского народа

- гражданская война в России — 265, 277, 377, 379, 388—389, 497
- угроза ракетно-ядерной войны — 27, 71—72, 76, 78—79, 82, 84, 93, 96, 98—99, 104—105, 107—109, 120, 125—126, 163—164, 182, 184, 358, 409, 414, 425, 447, 451
- Волюнтаризм** — 195, 202, 252, 319, 436, 467
- Вооружение, гонка вооружений** — 14, 72, 75—76, 81—82, 84, 89—90, 95, 108, 124—126, 138, 141, 143, 147, 155, 160, 162, 165, 181, 184, 265, 424, 444, 450, 485
- Вьетнам** — 78—79, 109, 147
- Гваделупа** — 82
- Гегемонизм** — 70—71, 87—88
- Германия** (до 1949 г.) — 61, 130—132, 151—152, 506—517, 518—533
- Германская Демократическая Республика** (ГДР) — 133, 153
- Гласность** — 5, 10, 14—15, 17—19, 188, 190, 192—193, 197—198, 217, 227, 232, 234—235, 238, 248, 254—255, 262, 268, 274, 276, 278—279, 291—292, 299, 303, 305, 309—311, 315—317, 320—325, 328, 342, 348, 353, 360, 363—364, 367, 371, 384, 393, 397, 399—400, 416, 428—429, 439, 459, 464, 474, 480—482
- Глобальные проблемы XX века** — 22—28, 97—98, 109, 146, 165, 182, 213—214, 230, 358, 409, 411, 420, 423, 447, 450—451, 474, 500, 504
- Гренада** — 83—84, 119
- Групповщина, групповой эгоизм** — 10, 16, 37—38, 192, 207, 245, 252, 259, 271, 280, 289, 356, 362, 439, 497
- Гуманизм, гуманизация общества** — 5, 14, 99, 206, 227, 242, 249, 267, 273, 288, 302, 316, 336, 367, 373, 409, 412, 429, 434, 446, 453, 458, 477—478, 480—481, 489, 491, 499—500, 505
- Дальний Восток** — 127
- Демагогия** — 16, 31, 343, 375, 436
- Демократический централизм** — 188—189, 216, 223
- Демократия, демократизация советского общества** — 4—6, 10, 12, 14—19, 188, 190—193, 206, 211—212, 226—229, 231, 236—238, 241, 247—249, 257—258, 262, 267—268, 273—274, 276, 278—280, 286—287, 293—294, 302, 304, 309, 313—318, 321, 325, 328, 335—336, 342—344, 353, 360—361, 364, 367, 381—382, 384, 390, 393, 399—400, 406, 411, 414, 420, 424, 428—430, 439—440, 442—443, 446, 453, 460—462, 466, 468, 472, 481—482, 489, 503—504
- Деформации социализма** — 7—11, 15, 189, 191—192, 199, 201, 203—206, 211—212, 239, 243, 277, 284, 290, 292, 298—299, 302, 308—309, 314, 345, 352, 360, 374—375, 383—384, 386, 393, 406, 410, 419, 431, 464, 479—481, 501—502
- Диалектика, диалектическое развитие** — 17, 21—22, 28—30, 31—32, 39, 167—168, 210, 214—215, 219—222, 225, 230, 284, 299, 337—338, 341, 358, 366, 372, 380, 389—390, 405, 407, 446, 491, 495, 498, 500
- Динамизм общественного развития** — 7, 10, 21—39, 165, 209, 221, 269, 322, 336, 358, 412, 466
- Дисциплина** — см. Ответственность и дисциплина
- Доверие международное** — 93—96, 103—104, 132, 139, 144—145, 358, 412, 427, 456
- Догмы, догматизм** — 7, 11, 15, 21—22, 24—28—29, 32, 35, 39, 98, 191—192, 203—205, 210, 217, 219, 222—226, 233, 244, 252, 271, 275, 279—280, 289—290, 308, 322, 328, 332, 348, 365—366, 410, 428, 432—433, 471, 488, 493, 501—502
- Договоры и соглашения международные** — 82, 125, 133, 138, 140, 146, 156, 426, 451, 518—534
- Духоборы, духоборческое движение** — 40—69
- Духовная сфера советского общества, ее перестройка** — 5, 7—8, 17, 20, 32, 195, 204—205, 233, 287, 315—316, 346—347, 361, 363, 376, 379, 395, 419, 433, 441, 480, 482, 503
- Европа** — 72, 74—75, 80, 82, 85, 87, 90—91, 95, 100, 102, 104—106, 111—112, 116, 126, 149—150, 158—160, 169, 172, 176, 185, 413—427, 447—458, 473, 516, 520, 521
- Европейское экономическое сообщество** (ЕЭС), «Общий рынок» — 169, 172, 175—176, 178, 455
- Законодательство, законность, правопорядок в СССР** — 10, 16, 228—229, 258, 317—318, 325—326, 342—343, 353, 355, 360—361, 393, 402—404, 411, 429, 439, 465—466, 476
- нарушение социалистической законности — 254—256, 288, 308, 315, 325, 351, 367, 379—380, 433—434, 474—476, 502
- Западный Берлин** — 76, 133
- Застойные явления в развитии советского общества** — 7—11, 14—15, 19—20, 198, 201—205, 216—217, 223—225, 237—241, 277, 283, 285, 287, 294, 303, 308, 328, 346, 349—350, 366, 372—374, 376, 385, 387, 391, 397, 399—400, 432, 435, 437—438, 445, 459—460, 462, 464, 466, 471, 479, 481, 502
- «Звездные войны»** — см. Стратегическая оборонная инициатива (СОИ)
- Идеология социалистическая** — 11, 256, 276, 280, 287, 307—309, 336—337, 352, 365—366, 406, 466, 469, 480
- См. также Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) — массово-политическая и идеологическая деятельность
- Иждивенчество** — 8—10, 15, 189, 257, 288—289, 326, 351, 441—442, 469—470, 483
- Израиль** — 180
- Империализм** — 71, 86—92, 121, 130, 141—142, 150—152, 156—162, 165—182, 411
- Индивидуальная трудовая деятельность в СССР** — 216, 224—225, 229, 250, 335
- Индийский океан** — 82

- Индия** — 61
- Индокитай** — 77
- Интеллигенция советская** — 15, 195, 258—259, 280—281, 287, 311, 318, 361—363, 381—382, 385, 394, 461
- Интернационализм пролетарский, социалистический** — 197, 234, 245, 281, 355—356, 359, 443
- Искусство** — 32—37, 72, 192, 196, 207—208, 237, 243—244, 247, 259, 268, 281—282, 295, 311, 319, 323, 429, 433, 452
- Испания** — 102, 183—185, 521
- История всемирная** — 13—14, 70, 98—100, 102, 107, 150, 408, 415—416, 448—450, 452, 454, 457, 486—488, 490, 492—493, 500, 504—505
- История СССР** — 7—8, 27, 195, 233—234, 245—247, 255, 266, 277, 283—284, 288—289, 303, 346, 367, 389—390, 430, 452, 463, 496, 500
- Италия** — 102, 473, 521
- Кадры, кадровая политика** — 190—191, 195, 245, 249, 271, 298, 386, 464—465
- Канада** — 41—42, 56—57, 59—64, 71, 172—173, 422
- Капитализм** — 86—87, 119, 150—152, 156, 166—168, 181, 217, 221, 264, 269, 306, 341, 391—392, 422, 483, 502
См. также Империализм
- Китай** — 76, 81, 109, 473, 521
- Коллективы трудовые** — 198, 236, 258, 286, 333, 401—402, 405—406, 429, 460, 467, 469
- Колониализм** — 99, 118, 151, 168—169, 449, 488, 491
См. также Неоколониализм
- Коминтерн** — 378, 380, 516
- Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС)** — 14, 188, 191, 228, 238, 241, 246, 254—255, 262, 276, 280—281, 284, 297, 300, 308, 311, 313—322, 330, 366, 369—371, 373—374, 381, 383, 385, 396, 404, 406, 411, 428—429, 433—434, 436, 472—473, 479, 482—483, 496, 512
- политический авангард советского народа — 14, 228, 249, 279, 298, 308, 317—319, 363, 383, 393, 394, 404, 411—412, 428—429, 431, 434, 465, 472, 484
- перестройка партии в современных условиях — 14, 188—189, 249, 279, 297, 300, 314—318, 330, 363—364, 393—394, 396, 403—404
- массово-политическая и идеологическая деятельность — 280—283, 297—298, 306—308, 343, 363, 365—367, 381—383, 481
- съезды, конференции КПСС — 7, 166, 186, 212, 228, 241, 261, 304, 313—314, 317—320, 322—324, 356—357, 363, 377, 396, 401, 410, 481
- Центральный Комитет, пленумы ЦК — 165, 182, 186—187, 189, 205, 228, 235, 247, 258, 304, 307—309, 313, 318, 363, 380—381, 396, 408, 410, 433, 461, 512
- Консерватизм** — 7, 10—11, 15, 21—39, 186, 191—192, 197, 202, 238, 270, 278—280, 289—291, 297, 305, 311, 321, 326, 342, 348, 364, 374, 382—384, 433, 437, 440—441, 462, 470
- Контроль** — 19, 188, 190, 212, 228, 248—249, 258, 292, 294, 299, 311, 325, 429, 467
- Конференции, совещания, переговоры международные** — 77, 94—95, 102, 105, 111—112, 123—124, 129—134, 139—140, 145, 148—149, 157, 163—164, 184—185, 485
- Конфронтация международная, антигрядка** — 31, 74, 77—81, 89, 95, 100—101, 104, 107—108, 110—111, 114, 117—118, 120—121, 127—128, 133, 136, 141, 144—150, 154, 159, 163, 347, 413, 419—423, 425, 444—445, 447—448, 451
- Кооперация** — 203, 213, 215—216, 224, 250, 309, 333—336, 338—339, 379, 384, 390
- Корея** — 76, 81, 109
- Коррупция, протекционизм** — 9, 12, 20, 193, 217, 294, 393, 439, 442, 468
- Космос, исследование и использование** — 95—96, 143, 148, 184, 358
- Критика и самокритика** — 188, 192—193, 197, 199, 205, 217, 227, 238, 257—258, 279, 291, 302—303, 307, 320—321, 323—325, 327, 356, 364, 374, 399, 429, 432, 463—464, 472, 481—482
- Культ личности Сталина** — 8, 26, 31—32, 64—65, 254—255, 288, 294, 300—301, 303, 314—315, 326, 331—332, 345, 351—352, 366—367, 379—381, 387—389, 404, 410, 419, 431—434, 461, 465, 479—481, 484—485, 498, 502, 531
- Культура и народное образование в СССР** — 28, 32, 35—39, 72, 195—197, 207—208, 232, 237, 243—247, 258—260, 268, 280—282, 285, 295—296, 300, 302—303, 311, 315—316, 318—319, 333—334, 346, 352, 354, 357—359, 361—363, 373, 382, 385, 398, 429, 432—433, 437, 442, 452—453, 502, 505
- Латинская Америка** — 63, 71—72, 83, 126, 151, 172—173
- Ленин В. И., ленинизм** — 8, 13, 32, 91, 151, 165, 168, 179, 188—189, 195, 199, 203, 210, 213, 220—222, 224, 228, 232, 235, 245, 253—255, 265, 272—273, 286—287, 292, 301—302, 306—307, 311, 315, 338—341, 353—354, 359—360, 362, 367, 376—381, 387—390, 392, 431, 436—437, 460, 479, 483—484, 499—500, 502—503
- Литература** — 37—39, 192, 196, 207, 220, 244, 333, 359, 432—433, 452
- Маркс К.** — 21, 32, 89, 174, 224—225, 273—274, 287, 302, 338—339, 341, 358, 360, 374, 377, 389, 392, 409, 467, 487, 495, 500—501
- Марксизм-ленинизм, творческое развитие марксистско-ленинской теории** — 199, 201, 203, 209—210, 217, 219—221, 231—232, 241, 298, 304, 307, 365—366, 374, 376—380, 389, 392, 410—411, 417, 420, 434, 449—450, 453, 461, 467, 478, 499—501
- «Массовая культура»** — 196, 207, 289, 295, 433
- Международное антивоенное движение, борьба за мир** — 122, 409
- Международное коммунистическое и рабочее движение** — 369—370, 378, 408—409, 411—412

- Международное сотрудничество** — 86—87, 96, 99—101, 105, 109, 111, 114, 117—118, 122, 124, 127, 133—134, 136, 142, 144, 146—148, 157—158, 161, 164, 171, 214, 231—232, 261, 268, 408, 413—414, 424, 454, 456—457, 474
- Международные экономические отношения** — 87—91, 102, 116, 139, 141, 147—149, 157—158, 160—161, 169—176, 178—180, 445, 455, 474
- Межнациональные отношения, их гармонизация** — 12, 14, 245, 342—347, 353—356, 359, 403, 442, 480
- Мексика** — 71, 173
- Местничество и ведомственность** — 19, 229, 432
- Механизм торможения развития социального общества** — 9, 15—16, 189, 194, 200, 202, 205, 216, 223—225, 241—242, 278, 280, 319—320, 337, 375, 385—386, 393, 398, 402, 406, 462, 468, 502
- См. также Деформации социализма; Застойные явления в развитии советского общества**
- Милитаризм** — 72—73, 81, 83, 85, 94, 120, 131, 141, 148, 150, 152, 155, 181—182, 269, 419, 424, 444
- Мирное сосуществование государств с различным социальным строем** — 79, 94, 102, 106, 111, 114—118, 129, 132—134, 140—141, 144—145, 167—168, 184—185, 230—231, 275, 347, 378, 394—395, 414, 423—424, 454, 457—458, 466, 504
- Мировая капиталистическая система** — 86—87, 118, 134, 156, 162, 165—167, 173, 180—182, 230
- Мировая система социализма** — 86, 118, 126, 128, 133, 136, 140, 165, 168—169, 182, 230, 276, 369—370, 473
- Мировое капиталистическое хозяйство, мировая экономика** — 80, 88—91, 141, 155, 165, 168—170, 172—176, 188—180, 231, 456
- Молодежь советская** — 276, 292—293, 295—296, 385, 394
- Мораль и нравственность социалистические** — 3—5, 12, 16—17, 198—199, 206, 212, 236—250, 257, 274, 276, 283, 285, 287, 293—295, 300—301, 308—309, 316, 319, 352, 356, 367, 371, 377, 382, 385, 394—395, 405—407, 428—429, 432—433, 465, 482, 487, 502
- НАТО** — 78, 81—82, 90, 92, 103, 119, 121—124, 136—140, 150, 153—158, 161—162, 178—180, 426, 485
- Наука советская** — 192, 208, 234—235, 237, 251—252, 268, 281, 315—316, 318—319, 334, 356—357, 373, 391, 398, 432, 502
- Научно-технический прогресс, научно-техническая революция** — 22—23, 25—26, 85, 166, 169, 170, 178, 202, 213—215, 226, 239, 271, 334, 340, 397, 409, 411, 417, 437
- Национализм, национальный экстремизм** — 3, 10, 12—15, 197, 245—246, 260, 282, 289, 342, 344—345, 347, 358—359, 439—440, 442, 515
- Национальная политика КПСС** — 13, 196—197, 260—261, 281—282, 343—347, 353—356, 359, 403, 428, 442—443, 462, 480—481, 515
- Неоколониализм** — 86, 151, 167, 269
- Никарагуа** — 123
- Новое политическое мышление** — 20, 165, 184, 214, 261—262, 264—265, 268, 316, 370, 394, 413—427, 444—446, 454, 456—458, 473—474, 484—485
- Нэп (новая экономическая политика)** — 253—254, 284, 339, 378—379, 392, 431
- Общеввропейское Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки** — 77, 95, 138—140, 145, 185, 424, 450, 515, 532
- Общественное сознание, общественное мнение** — 6—7, 10, 18, 198, 232—233, 240, 245, 248, 257, 261, 268, 272, 279, 283, 287, 307—308, 310—312, 334, 336—337, 355—356, 364, 367, 376, 391, 397, 404, 416, 432, 466, 474, 501, 503
- См. также Мораль и нравственность социалистические**
- Общественные науки, обществоведение в условиях перестройки** — 29—30, 32, 204—205, 208—235, 252—253, 266, 270—274, 338, 341, 348, 352, 381, 391, 432, 488, 493, 504—506
- Общественные отношения при социализме** — 6, 229, 273, 277, 279, 298, 332, 337, 376, 385, 480, 503
- Общечеловеческие ценности и интересы** — 116, 213—215, 231, 237, 268, 316, 356—359, 394—395, 409, 411, 423, 446, 453, 457, 477, 489—490, 500, 503, 505
- Океания** — 72, 173
- Организация Объединенных Наций (ООН), Генеральная Ассамблея ООН** — 81, 131—132, 416, 515
- Ответственность и дисциплина** — 3, 9—10, 14, 16, 18—20, 186, 188, 190—191, 228, 268, 292, 294, 302, 319, 325—326, 328—329, 351, 361, 383, 393, 398—399, 405—406, 429, 466, 468
- Очаги войны и напряженности** — 108—109, 116, 119, 123, 127, 146, 178—179, 473, 521
- Пакистан** — 180
- Паритет военно-стратегический** — 79, 109, 116, 119, 124—126, 144, 150, 265
- Патриотизм социалистический** — 197, 245, 295—296, 327, 347, 359, 407, 440, 464, 482—483
- Перестройка в СССР** — 3—20, 75, 164, 183, 186—199, 200—250, 252—254, 256—264, 266—407, 410—446, 459—474, 477—485, 488, 501—502
- цели и задачи, революционный характер перестройки — 4—7, 16—17, 186—199, 204—205, 216, 239—243, 248, 256—257, 276, 279, 284, 289—290, 293, 299—301, 309—310, 312, 314—315, 319, 326—327, 331—332, 344, 365, 368, 371, 374, 381, 383, 391, 395—396, 410, 414, 428, 430, 435, 440—441, 445—446, 459—460, 466, 469, 483—484, 501—503

- трудности перестройки — 5—6, 10—20, 187—188, 198—199, 238, 244, 249—250, 256—257, 278—279, 289—292, 300, 304—306, 310, 314—315, 318—319, 329—333, 364, 368—369, 383, 385, 401—402, 410, 432, 434—437, 439, 441, 461, 470, 483—484, 503
- международное значение — 228, 260—262, 284, 356—357, 369—370, 422, 445—446, 478, 484
- Персидский залив** — 82
- Плюрализм социалистический** — 206—207, 235, 262, 268, 291, 305—306, 326, 344, 353, 362—363, 367, 375—376, 384, 411, 414, 417—418, 434, 464, 482
- Подряд коллективный, семейный, арендный** — 216, 224, 333—336, 384, 405—406, 466, 470—471
- Политика** — 7, 98, 103, 105—106, 115, 127—128, 130—134, 140, 153—154, 156, 167—168, 171—172, 179—181, 184, 268, 267, 269, 277, 279, 295, 299—300, 353, 357, 376, 389, 416—417, 421, 423—426, 440, 441, 446, 454—455, 457—458, 484, 507—508, 516—534
- Политическая культура масс** — 228, 257, 278, 293, 314, 324, 342—343, 360—361, 382, 404, 465, 489
- Политическая система советского общества, ее реформа** — 5, 15, 280, 287, 313—314, 317, 325, 330, 336, 352—353, 376, 384, 393, 395, 401—404, 438, 440, 443, 460, 463, 466—467, 481, 483—484
- Политология** — 78, 94, 100, 120, 159—160
- Польша** — 132—133, 507—508, 511, 513—515, 521—531
- Право, правовое государство, правосознание** — 16, 19, 78, 228—229, 280, 308, 318, 322, 326, 332, 353, 355, 360—361, 379, 402—404, 439—441, 445, 474, 480, 489—491
- Прогресс общественный** — 9, 11, 22, 24, 26, 143, 214—215, 221, 229, 269, 273, 280, 302, 316, 338, 358, 376—378, 382, 402, 408, 410, 416—417, 425, 438, 441, 445, 450, 453—454, 477, 485, 492, 503—504
- Производительные силы и производственные отношения в СССР** — 9, 18, 217—218, 222, 225, 251, 374, 385, 410
- Развивающиеся страны** — 82, 142, 165, 167, 180
- Разоружение** — 93, 111, 116, 125, 136—137, 139, 146, 184, 358, 370, 415, 424, 426, 440, 444, 451, 473
- Разрядка международной напряженности** — 77, 79—81, 95—96, 99—104, 106—118, 128, 139, 144—149, 154, 162, 421
- Расизм** — см. Шовинизм
- Революции, революционный процесс** — 11, 31, 70—71, 230, 233—234, 266, 269, 276—277, 357, 415, 448—450, 479, 487—489, 491, 493—501, 504
См. также Великая Октябрьская социалистическая революция; Великая французская революция
- Региональные конфликты** — см. Очаги войны и напряженности
- Религия и церковь** — 40—41, 197, 406, 452, 498, 505
См. также Духоборы, духоборческое движение
- Румыния (СРР)** — 260, 522
- Рынок капиталистический** — 22, 89, 141, 147, 169, 176, 178, 340—341, 391—392
- Рынок социалистический** — 15—16, 222, 224, 340—341, 349, 384, 387—388, 390, 393, 401, 405—406, 436—437, 466, 468—470
- Самоокупаемость и самофинансирование** — 203, 216, 226, 333, 335—336, 405—406, 438
- Саудовская Аравия** — 180
- Собственность при социализме, формы собственности** — 8—9, 15, 19, 212—213, 215, 223—224, 227, 251, 253, 316, 336—337, 339, 371, 400—401, 466—471
- Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ)** — 445, 455
- Советы народных депутатов** — 6, 190—191, 250, 300, 325, 340, 393, 403, 466, 479, 483
— первый Съезд народных депутатов СССР — 6, 429, 460—467, 472, 474, 484, 503, 506
- Соединенные Штаты Америки (США)** — 78—85, 87—93, 103—106, 108—112, 115, 108—128, 130—134, 138, 141—163, 168—181, 422—423, 451, 484—485, 516
— внутренняя политика — 72—73, 77, 80—81, 119—123, 128, 141, 145, 170—172
— внешняя политика — 70—79, 89—91, 119—123, 126—127, 133, 138, 141—143, 147, 149—150, 152, 156—162, 170—174, 176—178
— отношения с СССР — 76—77, 80—83, 93, 108, 110—111, 115—116, 120, 122—124, 145—146, 149, 160—161, 163—164, 184, 426, 451, 473, 519, 521
— курс на милитаризацию, гонку вооружений, достижение военного превосходства — 70—85, 88—89, 120—123, 157, 163, 180—181, 484
- Социализм** — 8, 10, 14, 16, 183, 196, 199, 201—203, 209—210, 215—218, 220—222, 224, 237, 244, 251, 253, 256, 263, 272—273, 275—284, 288, 295, 297—298, 300—302, 306—307, 313, 315—316, 318, 328, 338, 351—352, 357, 359, 364, 371, 373, 375—379, 381—382, 385, 390, 395, 398, 406—408, 410—411, 415, 432—436, 442, 445—446, 453, 460, 477—480, 483, 488, 501, 503
— ленинская концепция социализма и опыт социалистического строительства — 190, 202—203, 217, 227, 272—274, 286—287, 302, 309, 339—340, 359—360, 365, 377—380, 384, 387—392, 430—431, 460, 477—479
См. также Деформации социализма; Застойные явления в развитии советского общества; Перестройка в СССР
- Социалистическое самоуправление народа, народовластие** — 190, 193, 199, 211, 217, 226—228, 258, 268, 273, 293—294, 302, 309, 316, 335, 337, 371, 379, 384, 393, 399, 402, 404, 429, 438—439, 441, 466—467, 480—481
- Социальная политика КПСС** — 194—198, 227, 276, 290, 332, 349, 386, 438, 442, 467, 471
- Социальная справедливость** — 194, 283, 287, 316, 420, 430, 441, 478, 480, 488, 497, 503
- Социальная сфера** — 14, 194, 199, 212, 239, 243, 286—287, 300, 319—320, 333, 373, 397, 437—438, 463, 482

- Союз Советских Социалистических Республик (СССР)** — 66, 73—84, 95, 97—98, 106, 108—116, 120—122, 124—127, 130—134, 145—149, 157—158, 160, 162—163, 178, 182—185, 251, 259—263, 269, 277, 284, 345, 353, 381, 409, 419—423, 425—428, 443—444, 483, 507—534
- Средний Восток** — 179
- Средства массовой информации в СССР** — 197—198, 207, 238, 248, 278—280, 305, 309—311, 320—322, 324—325, 363—364, 393—394, 432
- Стратегическая оборонная инициатива (СОИ)** — 113, 116, 120, 124, 147, 163, 176—178, 184
- Схоластика** — 29, 31, 210, 217, 244, 252, 271, 301, 366, 419
- Тайвань** — 180
- Технократизм, прагматизм** — 18, 22, 26, 31, 203—204, 208, 214, 226, 239, 242—243, 271, 274, 279, 363, 372—373, 405, 476, 479
- Тихий океан** — 84, 91, 108, 126, 130, 172
- Товарно-денежные отношения** — 9, 215, 222, 253—254, 340, 349, 384, 401, 466—407
- Торговля** — 15, 350, 387—388, 502
- Транснациональные корпорации (ТНК)** — 90, 169, 180
- Труд, отношение к труду** — 8, 10, 19, 194, 197, 224—227, 243, 250, 256, 263, 280, 282—283, 289, 293, 335—336, 340, 378, 391, 405—406, 415, 431, 436, 441, 467—468, 470
- Турция** — 523
- Управление народным хозяйством, его коренная перестройка** — 19, 188, 190—191, 202—203, 216, 223, 227, 249, 267, 299, 333—334, 468—469
См. также Социалистическое самоуправление народа
- Уравниловка** — 194, 226, 256, 283, 309—310, 318—320, 375, 380, 390—391, 441, 468—470, 483
См. также Иждивенчество
- Фашизм** — 129—131, 134—135, 152, 181—182, 507, 509
- Федеративная Республика Германия (ФРГ)** — 81—82, 102, 127, 133, 153—158, 161—162, 177—178, 412, 427, 473, 532
- Филиппины** — 84
- Финансово-кредитная система в СССР** — 9, 14, 224, 335, 319, 386, 391, 401, 436—437, 463, 467, 470
- Финляндия** — 522, 533
- Франция** — 82, 102, 133, 155, 473, 500, 507, 510—511, 513, 516, 521—530
- Хозяйственный расчет** — 203—204, 216—217, 222, 225, 286, 335, 405—406, 429, 438, 467, 471, 479
См. также Самокупаемость и самофинансирование
- «Холодная война»** — 76, 81, 97, 99—100, 107—108, 136, 138, 144, 150, 153, 265, 413, 416, 419, 424, 450, 473
- Церковь** — см. Религия и церковь
- Цивилизация** — 4, 39, 86, 102, 118, 128, 215, 261, 275, 357—358, 365, 373, 381—382, 391—392, 409, 413, 417, 425, 433, 447—458, 478, 493, 498—500, 504—505
- Человек, личность в социалистическом обществе** — 5, 8—9, 194, 201—202, 233, 238, 240, 242—243, 248, 250—251, 267, 273, 277—278, 287—289, 292, 295, 308, 310—311, 313, 316, 335—337, 341, 354—355, 357, 360—361, 372—373, 377, 385, 390, 393—394, 398, 402, 405—407, 410, 430—431, 438, 440—441, 446, 454, 460, 466—467, 469—470, 477, 479—480, 483, 499
- Чехословакия** — 133, 510, 521—523
- Швейцария** — 155
- Шовинизм** — 12—13, 73—74, 83, 245, 282, 289, 344, 359
- Экологическая проблема** — 22—23, 230—231, 242, 261, 268, 356, 409, 418, 422, 429, 443, 455, 474
- Экономика. Экономическая реформа** — 5, 9—10, 15—16, 18, 216—217, 223, 239, 241, 247—248, 257, 267, 280, 283, 285—286, 300, 316, 330, 333—337, 349—351, 354, 357, 373, 384, 386, 392, 395, 397, 399—400, 405, 429, 434—438, 441, 463, 466—471, 474, 482—483, 502
- Экономические методы хозяйствования** — 191, 267, 302, 309, 333—334, 387, 434, 442
- Экстремизм** — 10, 12, 26, 343, 368—369
- Энгельс Ф.** — 124, 231, 302, 338, 341, 377—378, 389, 409, 493, 496
- Этика** — 234—235, 244—245, 256, 278, 282—283, 500
- Юго-Восточная Азия** — 91, 173
- Южная Корея** — 84, 180
- Южно-Африканская Республика (ЮАР)** — 180
- Ядерное оружие** — 71—72, 76, 78—79, 82, 84, 93, 95, 104, 107—108, 124—125, 127, 139, 153—154, 157, 159—160, 163, 176, 231, 425—426, 444, 450
- Язык** — 260, 274, 282, 346, 355—356, 433, 442
- Япония** — 72, 74—75, 80, 84, 87—88, 91, 107—108, 112, 116, 155, 169—170, 172—173, 177—180, 422, 508, 516, 521, 522, 531, 533

ОТ АВТОРА (<i>предваряющие заметки</i>)	3
ДИНАМИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ — ИХ АДЕПТЫ <i>1981—1983 годы</i>	21
ДУХОБОРЫ — ПЛАКУН-ТРАВА, ПЛЫВУЩАЯ НАПРОТИВ ВОДЫ <i>1980—1984 годы</i>	40
ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТИ ЭПОХИ <i>Январь 1984 года</i>	70
ИМПЕРИАЛИЗМ: СОПЕРНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ <i>Статья в газете «Правда» от 23 марта 1984 года</i>	86
СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОВЕРИЯ <i>Из выступления на сессии Международного комитета за безопасность и сотрудничество в Европе. Брюссель. 13 апреля 1984 года</i>	93
ЕВРОПА: РАЗРЯДКА И КОНФРОНТАЦИЯ <i>Из выступления в Королевском институте международных отношений. Брюссель 17 апреля 1984 года</i>	97
ОТ КОНФРОНТАЦИИ К РАЗРЯДКЕ — МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ <i>Из выступления на Международном симпозиуме «Так ли невозможно новая разрядка в условиях конфронтации между Востоком и Западом?». Осака. 16 октября 1984 года</i>	107
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ <i>Февраль 1985 года</i>	118
ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>6 февраля 1985 года</i>	129

ВАРШАВСКИЙ ДОГОВОР — МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	
<i>Из выступления на Международной научной конференции в Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвященной 30-летию Организации Варшавского Договора. 14 мая 1985 года</i>	135
РАЗРЯДКА И АНТИРАЗРЯДКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ	
<i>Из выступления на 10-й конференции директоров научно-исследовательских институтов по проблемам международных отношений стран Европы, США и Канады. Вена. Май 1985 года</i>	144
ОЧЕРЕДНАЯ ОСЬ — ТУПИКОВЫЙ ВАРИАНТ	
<i>Из статьи в журнале «США — экономика, политика, идеология». № 7, 1985 год</i>	150
К КОНСТРУКТИВНОМУ РАЗВИТИЮ	
<i>Из выступления на совещании руководителей средств массовой информации в ЦК КПСС. 6 декабря 1985 года</i>	163
МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ — СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ	
<i>1985 — 1986 годы</i>	165
РАЗУМНЫ ПОМЫСЛЫ — ХОРОШИ ПОСТУПКИ	
<i>Из выступления на встрече с членами президиума конгресса депутатов Испании. Мадрид. 9 марта 1987 года</i>	183
ГЛАВНОЕ — ПРАКТИЧЕСКИЕ ДЕЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ	
<i>Из выступления на пленуме ЦК КП Таджикистана. Душанбе. 7 апреля 1987 года</i>	186
ПЕРЕСТРОЙКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ	
<i>Из выступления перед идеологическим активом и творческой интеллигенцией Таджикистана. Душанбе. 8 апреля 1987 года</i>	200
НОВОЕ КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ	
<i>17 апреля 1987 года</i>	214
ПЕРЕСТРОЙКА И НРАВСТВЕННОСТЬ	
<i>Из выступления на партактиве Калужской области. Калуга. 14 июля 1987 года</i>	236
ВИДЕТЬ ЖИЗНЬ ВО ВСЕХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ	
<i>Из интервью Венгерскому телевидению. 24 июля 1987 года</i>	251
ПУТЬ ОКТЯБРЯ, ПУТЬ ОБНОВЛЕНИЯ	
<i>Из выступления на пресс-конференции, посвященной 70-летию Великого Октября. 3 ноября 1987 года</i>	264

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ НА ЭТАПЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	
<i>Выступление на коллегии Минвуза СССР. 27 ноября 1987 года</i>	270
НА РУБЕЖАХ ОБНОВЛЕНИЯ	
<i>Из выступления на Международном совещании секретарей коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологическим вопросам. Улан-Батор. 16 марта 1988 года</i>	275
СУРОВАЯ ШКОЛА В КРУТОЕ ВРЕМЯ	
<i>Выступление перед комсомольским активом — слушателями Академии общественных наук при ЦК КПСС. 29 марта 1988 года</i>	285
ЕЩЕ РАЗ ОБ ИДЕОЛОГИИ ОБНОВЛЕНИЯ	
<i>Выступление перед аппаратом ЦК КПСС. 21 апреля 1988 года</i>	297
ПО ВОСХОДЯЩЕЙ — К ДЕМОКРАТИИ	
<i>Из выступления на пресс-конференции, посвященной открытию XIX Всесоюзной конференции КПСС. 28 июня 1988 года</i>	313
БРАТЬСЯ ЗА ДЕЛО БЕЗ ПРОМЕДЛЕНИЯ И ОСНОВАТЕЛЬНО	
<i>Из выступления на совещании в ЦК КПСС руководителей средств массовой информации, работников науки и культуры. 13 июля 1988 года</i>	317
ЗА РЕАЛИЗМ МЫСЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ	
<i>Из выступления на собрании партийного, советского, идеологического актива Латвии Рига. 10 августа 1988 года</i>	328
В ИНТЕРЕСАХ СТРАНЫ И КАЖДОГО НАРОДА	
<i>Из выступления на собрании партийного, советского и идеологического актива Литвы. Вильнюс. 12 августа 1988 года</i>	348
ЧЕРЕЗ ОБНОВЛЕНИЕ — К НОВОМУ КАЧЕСТВУ	
<i>Из интервью венгерской газете «Непсабадашг». 12 ноября 1988 года</i>	365
ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ПЕРЕСТРОЙКИ	
<i>15 ноября 1988 года</i>	371
ОТВЕТ — В НАС САМИХ	
<i>16 декабря 1988 года</i>	383
ДЕРЗОСТЬ ИДЕИ И НЕОРДИНАРНОСТЬ ПРАКТИКИ	
<i>1988 год</i>	396
ОБНОВЛЕНИЕ — ИСТОЧНИК ЕДИНСТВА И РАЗВИТИЯ	
<i>Из выступления на IX съезде ГКП. Франкфурт-на-Майне. 6 января 1989 года</i>	408

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — ЕВРОПЕЙСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ	
<i>Выступление в Немецком обществе внешней политики. Бонн. 9 января 1989 года</i>	413
ЖИТЬ ЧЕСТНО, РАБОТАТЬ ПО СОВЕСТИ	
<i>Из выступления на совещании партийно-идеологического актива Грузии. Тбилиси. 27 февраля 1989 года</i>	428
ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Выступление на встрече с представителями политических кругов и общественности Италии. Рим. 20 марта 1989 года</i>	447
ВРЕМЯ КОНКРЕТНЫХ ДЕЛ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ	
<i>Из выступления на Московском автомобильном заводе им. Ленинского комсомола. 22 июня 1989 года</i>	459
КУРСОМ ПЕРЕСТРОЙКИ И ОБНОВЛЕНИЯ	
<i>Выступление перед выпускниками Института общественных наук при ЦК КПСС. 27 июня 1989 года</i>	477
ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Доклад на торжественном собрании представителей советской общественности, посвященном 200-летию Великой французской революции. 11 июля 1989 года</i>	486
СОБЫТИЯ 1939 ГОДА — ВЗГЛЯД С ПОЛУВЕКОВОЙ ДИСТАНЦИИ	
<i>Беседа с корреспондентом газеты «Правда». 18 августа 1989 года</i>	506
ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ ОТ 1939 ГОДА	
<i>Доклад на втором Съезде народных депутатов СССР. 23 декабря 1989 года</i>	518
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	535

Александр Николаевич Яковлев РЕАЛИЗМ — ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Избранные выступления и статьи

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*
 Редактор *Т. Г. Климова*
 Младший редактор *Т. И. Шагова*
 Художник *А. В. Акимов*
 Художественный редактор *В. И. Шедько*
 Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 8794 24 98. v

Сдано в набор 13.10.89. Подписано в печать 25.12.89. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 31,74. Усл. кр.-ог. 31,85. Уч.-изд. л. 34,58. Тираж 100 000 (1—50 000) экз. Заказ № 282. Цена 1 р. 20 к. Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

